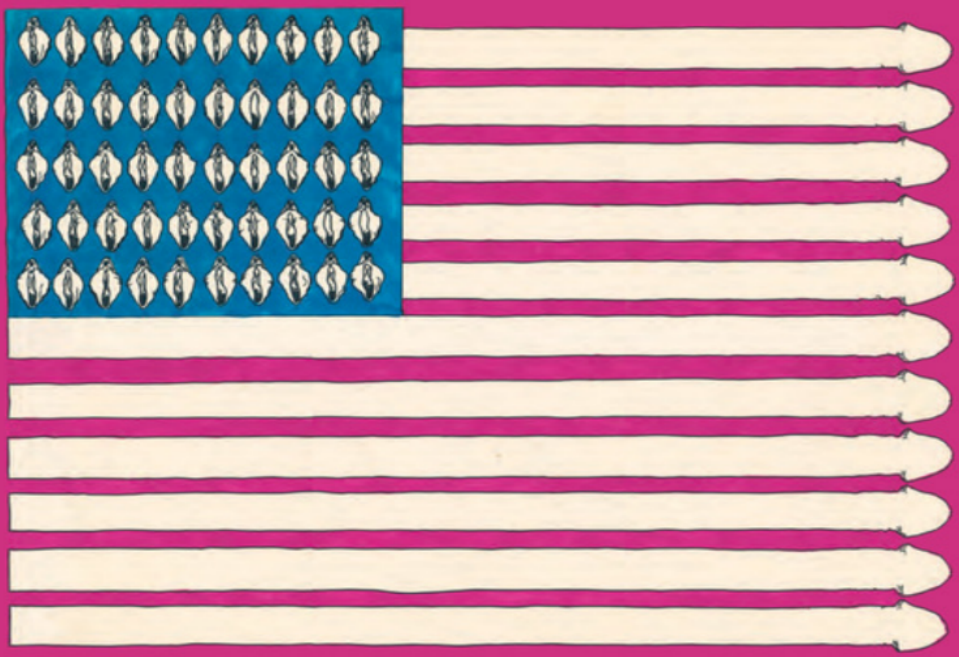

МИХАИЛ АРМАЛИНСКИЙ

МАКСИМАЛИЗМЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это третий авторский том Михаила Армалинского. Первый – «Что может быть лучше?» – вышел в 2012 году, и второй – «Аромат грязного белья» – в 2013-м. В третий том включены краткие по форме и глубокие по содержанию размышления автора о чертах характера людей и человеческого общества, суть которых хорошо описывается его максимализмом: «Я говорю о том, о чём не говорят». В книгу также включены непривычные воспоминания о жизни в СССР и в США под названием «Жизнь № 1 и Жизнь № 2».

Как и в предыдущих томах, все тексты этого тома были впервые опубликованы в интернетовском литературном журнальце Михаила Армалинского «General Erotic».

Основная тема в творчестве Армалинского – всестороннее художественное изучение сексуальных отношений людей. Неустанно, в течение почти полувека, вне литературных школ, не будучи ничьим последователем и не породив учеников, продвигает он в сознание читателей свою тему, свои взгляды, свои убеждения, имеющие для него силу заповедей.

- Михаил Армалинский
  - ○
  - ○ Максимализмы
  - ○ Характеры
    - ■ «Виноват»
    - ■ Из истории отношений
    - ■ Вариант верности
    - ■ Голубой подарок
    - ■ Разговор с женщиной
    - ■ Принципиальная женщина
    - ■ Женщина берет хуй в свои руки
    - ■ Хвост колечком
    - ■ Бульварные фантазии
    - ■ Игры кошачьих
    - ■ Пирровы победы в России и в США
    - ■ Женщина в огне
    - ■ Полюбовная разлука
    - ■ О пользе позиции «на четвереньках»
    - ■ Настоящая проститутка
    - ■ Спортивный сюжет
    - ■ Борьба с лентяем
    - ■ За двумя зайчихами – одной картиной

- Кругосветные женщины
- Торговец пиццей съел кукиш
- Гибельная жадность
- Любовь народов
- Сам сон и Далила
- Ненаписанный сценарий для Голливуда
- О женском сопротивлении
- Орнитология
- Истинная любовь
- Тигр-губошлёп
- По-древнеримскому
- Со слов насильника

○ Характеристики
- Книга разговорчивой американки
- Глупый пи́нгвин…
- Кино про литературу
- Боб Гуччионе – в гроб заключённый
- One Flew Over the Cuckoo's Nest – В жёлтом Большом доме
- Тухлый американец
- Пахучий метод соблазненья
- Теофизика
- Военный секс
- Единица наслаждения и разумный гедонизм
- Голое тщеславие
- Прерванный плач по Саше Грей
- Личный пример Голливуду
- Продолжение наслаждения
- Путешествие по кладбищам секса
- Бродский – Зонтаг
- Опознание «русского духа»
- Американская загадка
- Невыполненное обещание Майка Тайсона
- Наркотики, государство и Amy Winehouse
- «I Heard Love is Blind» Amy Winehouse
- Музыкальное и женское Live Perfomance
- Go to Strangers[75]
- Amy Jade Winehouse
- Будем любить, будем
- Тело и душа
- Моя благодарность Советской власти
- Про бога
- Божественные бездны наслаждения
- Почему я ненавижу христианство

- Жизнь № 1 и Жизнь № 2
  - Моя голубая кровь
  - Неопровержимое доказательство
  - Первомай пятидесятых
  - Идеальная смазка
  - Дача как школа половой жизни
  - Знание будущего
  - Рабство слов
  - 1962
  - Моя первая порнография
  - Фамильное
  - Первые женщины – первые учительницы
  - Вторая домработница
  - Попугайничанье
  - Неживая природа
  - Ускользнувшее богатство
  - Рассасывание
  - Велосипиздёж
  - О смехе над собой и над другими
  - БЮМС ТБ трль-та-та
  - «Шипр»
  - Любимая сцена сов. кино
  - Мои дяди
  - Эффективность супротив разнообразия
  - Суть поэзии
  - Промка
  - «Дом на набережной» Карповки
  - Ещё один дом
  - Дом сожалений
  - Мой дом – дом, который построил Левинсон
  - Не доставшаяся мне красавица
  - Коктейли и жизнь
  - Что было – не прошло!
  - С Ровесником на Серой Лошади
  - Исчезнувший роман
  - Дачные приключения
  - Идеализм слуха
  - Серенада Солнечной Долины
  - Былой начальник
  - Мои пьянства
  - Кусочек славы
  - Венерические иллюзии
  - Моё поднятие целины
  - Спасительная болезнь

        - Антисоветская «Спидола»
        - Мой Солженицын
        - Толкование визы
        - Конфуз переходного процесса
        - Воспоминания клиента
        - Костюмные приключения
        - Приближается
        - Тридцать один год второй жизни
        - Мой день
        - Первые dates
        - Книженство
        - Нескончаемая любовь к «Маку»
        - Арбузная мечта
        - Эфрософская «Женитьба» и моя ебля
        - Вторая женщина
        - N-я женщина
        - Малиновое пресыщение
        - Про успех
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

Михаил Армалинский Максимализмы. Характеры и характеристики. Жизнь № 1 и Жизнь № 2

© Михаил Армалинский. 2013.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Максимализмы

* * *

Я говорю о том, о чём не говорят.

* * *

Любовью называют всевозможные результаты функционирования половых органов.

Приятные следствия склероза

Зашёл я намедни в Макинтошный магазин – те, кто в нём бывал, в каких бы то ни было городах или странах знает, что это, по-российской терминологии – «Дворец науки» и «Дворец культуры» одновременно, не в пример магазинам, где продаётся хлам PC, представляющим из себя складские помещения hi-tech. Так вот, хожу я среди iMac-ов, восхищяюсь. Подошёл к 24-дюймовому, взялся за мышку и стал с ней играться, наблюдая за чудесным плоским экраном, в коем и спрятан весь компьютер без всяких там писийных гробов-towers, о которые разбиваешь либо колени, либо лоб. Любуюсь я творящимся на экране и думаю: «До чего же замечательная машина, до чего же волшебная! Мне бы такую!» И вдруг радостно вспоминаю: «Да у меня же такой iMac дома есть!»

Так, помню, вывел я как-то одну свою любовницу в люди. Стоит она на сцене, красивая, очаровательная – все её глазами ебут, аплодируют. И я тоже втянулся в общественную реакцию, загорелся, аплодирую и думаю: «Хорошо бы такую поиметь.»

И тут же победно вспомнил: «Да ведь она – моя любовница!»

Посмертная слава лучше прижизненной?

Фантаст Уэллс по-джентльменски распорядился публиковать его мемуары только после смерти всех его зазноб, шашни с которыми он там описывает. Таким образом, Уэллс жестоко лишил этих бабёнок всемирной славы при жизни, чем они могли бы насладиться в дополнение к его сомнительным

любовническим умениям. Хоть погордились бы вместе со своими рогатыми мужьями – вот ведь как, знаменитый писатель ёб. Тут бы и к ним издатели побежали, чтобы сами бабы свои воспоминания о ебле с Уэллсом написали, так что и доход бы им был впридачу. Внимание народное грянуло бы, подбегали бы на улицах автограф просить да юбку задрать…

И всего этого Уэллс своих любовниц лишил. Джентльмен хуев – человек-невидимка.

Одно утешение, что потомки его любовниц теперь павлинами ходят. Но сами безутешные любовницы небось из-под земли проклятиями осыпают фантаста. Вот уж действительно – война миров.

Лингвистическое исследование

Принимая во внимание российскую одержимость языковым заимствованием, я пришёл к выводу, что слово «дылда» заимствовано от dildo[1]. Кто за? – Поднимите ноги.

God's Shit

То, в какой словесной или эмоциональной форме женщина восхищается оргазмом, определяет её характер и природу. Что можно сказать о женщине, которая в момент наивысшего наслаждения, восклицает «Shit!»[2]?

Многие женщины восклицают: Oh God![3] – и с этим всё понятно. Не знаю, что там творится в душе у первой, но она навела меня на мысль, что ей оргазм представляется как Gods Shit! Вполне онтологическая гипотеза для верующей в то, что секс – это грех.

Почтительное преувеличение

Знак уважения – обращение «на Вы», то есть во множественном числе, когда одного человека почитают равным многим. Почтительное преувеличение.

В чёрном рэпе женщину часто называют holes (дырками), то есть женщину кличут множественным числом. И правильно, так как в одной женщине содержится целых три женщины: по числу заполняемых отверстий. Однако отношение к женщине, проявляющееся в обращении к ней во множественном числе, в

данном случае не является преувеличением. И именно поэтому перестаёт быть почтительным. Ведь почтение, напомним, зиждется на преувеличении. Если это так, то можно сделать шаг назад и заявить, что, называя женщину holes, рэппер вовсе не имеет в виду цифру три – множественное число вполне может означать любое число, большее двух. Ведь когда обращаются «на Вы», то не известно, сколько «вас» подразумевается.

В таком случае обращение к женщине «holes» может звучать как множественная поэтическая метафора. И слушатель рэпа может ритмично фантазировать о пяти, шести и более отверстиях или даже не обременять свой ум определённой цифрой, а рассматривать женщину романтическим дырчатым существом.

Следовательно, holes всё-таки может звучать весьма почтительно по отношению к женщине.

Убийственное открытие

Самое убийственное открытие для быдла – это обнаружить, что «грязный развратник» является не опустившимся подонком, а писателем, да ещё «с мыслями». Другими словами, оказывается, что он – чистый развратник.

Такого противоречия ни один добропорядочный ум вынести не может и самоуничтожается в ярости.

Мысля, заслуживающая вынимания

Продолжая свою (общую) идею божественности оргазма и половых органов как божьего лика, я давно набрёл на мысль, что наступят времена, когда совокупление будет освобождено от стыда и греховности и станет манифестацией богопочитания.

А теперь забавляюсь частностями: так, прямым следствием ебле-бого-почитания станет замена благодарности «Thank you!» на «Fuck you!» Ибо, наконец, будет осознано, что нет лучшей благодарности, чем предоставление оргазма.

В русском варианте «Спасибо!» заменится на «Сосибо!», что звучит ещё более святотатственно – пожелание, чтобы тебе бог отсосал. Но так и должно быть: самое святотатственное теперь – станет самым святым в грядущем.

Научное наблюдение, навеянное Ростроповичем

Конечно, царствие ему, конечно, небесное. В связи с его музинструментом подумалось, что виолончелистки – это единственные женщины в вечерних платьях и вообще не в брюках, которым позволяется моралью сидеть на сцене с широко раздвинутыми ногами и производить руками не слишком пристойные движения. Пузатозадастая виолончель является смягчающим обстоятельством, так как не позволяет зрителям увидеть, что же у виолончелистки между ног. Никто не подозревает, что с обратной стороны виолончели встроена микрокамера, которая транслирует по интернету всё ею увиденное и виолончелисткам платят не столько за исполнение на сцене, сколько за использование их прелестей на платных порно сайтах. (По секретному музыкально-исполнительскому канону виолончелистки не имеют права надевать трусики под платье.)

В далёком доинтернетном прошлом трансляция междуножья осуществлялась с помощью сложной системы зеркал, посылающих отражение за кулисы, где по специальным дорогим пропускам позволялось повзирать эксклюзивной элите. Такая вот вечная музыка.

А чего ждать-то?

Я решил не дожидаться смерти и вывесил на стене своего дома мраморную мемориальную доску с надписью:

В этом доме живёт и работает великий порнограф Михаил Армалинский.

Стоимость мрамора оплатили почитатели и почитательницы. Теперь ищу экскурсовода, который бы отваживал туристов, хлынувших в моём направлении, мешая жить и работать.

Абсолютная красота как абсолютная власть

У Линор (http://snorapp.livejournal.com) недавно появилась многозначительная зарисовка:

Женщина лежит, раздвинув ноги, в кабинете гинеколога, а тот делает какой-то тест, глядя в монитор…

…гинеколог внезапно перестал смотреть в монитор

и стал смотреть на Агату.

– Доктор, – строго сказала Агата, – смотрите же в монитор.

– Зачем мне монитор? – сказал доктор. – У меня тут девушка красивая.

Повисла пауза.

– Доктор, – мягко сказала Агата, – в этой позе все девушки красивые.

Вот он фольклор, подтверждающий абслютную красоту пизды, которая в то же время является эталоном красоты. Более того, непривлекательность лица или/и тела перестаёт иметь всякое значение – такова сила этой красоты – то, о чём я тереотизировал во всевозможных писаниях и практиковал в моём Храме Гениталий[4], который давно уже на замке.

Интересно и то, что женщина прекрасно осознаёт, что у неё аксиоматично красиво, а значит она обретает власть, которой непрестанно пользуется, а точнее – злоупотребляет. Ибо абсолютная красота – это абсолютная власть, а как мы знаем, абсолютная власть развращает тоже абсолютно. Быть может, потому мужчины и стараются ограничить свою зависимость от пизды, вводя всевозможные законы о приличиях, суть которых – не позволить женщинам свободно распоряжаться своей абсолютной властью – казать пизду. Но женщины ныне делают всё возможное, чтобы под предлогом моды показать максимально возможное обнажение околопиздных участков кожи. Абсолютность пиздяной власти, слава Богу, прерывается (хоть и не надолго) мужским оргазмом, сразу после которого безразличие лишает пизду всякой власти. Так что женское кокетство, недоступность и прочая тягомотина есть женское продление своей власти, игра кошки с мышкой, а точнее – издевательство над мужчиной, хотя имеются женщины, которые это не осознают. Но скорее всего, прикидываются.

Интересно и то, что стоит мужику нарядиться в белый халат, как женщина, недоступная и скромная, сразу раздвигает перед ним ноги – медицина, бля. В связи с этим есть гениальная идея – являться на первое свидание в белом халате. Так становятся «Ебийцами в белых халатах».

Танцы как имитация ебли

То, что танцы являются общественно приемлемым изображением ебли, известно давно. Это даже высказано

проницательным народом в поговорке:

Танцы – это ебля стоя, а ебля – это танцы лёжа.

В танцах можно легко усмотреть все виды совокуплений и мечтаний о них. Народные танцы в основном групповые с бесстыдным наблюдением друг за другом, но нередко – разделяющиеся на пары, часто с лёгкой сменой партнёров. Причём есть и гомосексуальные танцы – чисто мужские или только женские. Или гетеросексуальные, изображающие борьбу за самку, а у самок – выпендривание перед самцами. Парные танцы – самые что ни на есть соития, и за один вечер можно потанцевать с разными партнёрами. Примечательно, что приглашая женщину на танец, спрашивают разрешения у мужчины, с которым она пришла. Это прообраз свинговых вечеринок. Женщина, как правило, соглашается на танец, если её спутник не возражает.

Есть парные танцы с удобным условием общедоступности: если кто-то подойдёт и похлопает по плечу партнёра, то он должен уступить ему партнёршу. Не в этом ли светится мечта мужчин о замене драки за пизду её миролюбивой делёжкой? Мечта женщин – открыто выбирать ёбаря самой осуществляется в так называемом «дамском танце», когда мужчин приглашают женщины. Почему-то этот танец за вечер объявлялся один-два раза, что свидетельствует о подавлении сексуальных желаний женщин, которым справедливо было бы предоставить выбор в половине танцев.

Сколько существует танцев (см. голливудские музыкальные фильмы прошлого века), когда одна красавица вытанцовывает с дюжиной мужчин, которые передают её из рук в руки. Женщина явно парит в облаках от счастья, заполучив столько хуёв одновременно. Есть и танцы (см. балет), где один мужчина окружён кучей «лебедей» – это вариант гаремно мыслящего балетмейстера.

И по сути – танец – это единственно дозволенные прикосновения на виду общества даже для совершенно незнакомых людей (мужчина подошёл к чужой женщине и обнял её, а она – его), то есть воплощатся мечта ебли с первого взляда.

Как любовь для общества является натужным оправданием для быстрого сближения, так музыка является оправданием для объятий и прикосновений незнакомцев, ибо случись они без музыки, такое посчиталось бы оскорблением общественных нравов.

Общество теряет терпение к танцам, когда они начинают уж слишком близко напоминать еблю. В своё время вальс считался

непристоем, и почти каждый последующий танец встречался в штыки. Современные танцы отображают большую свободу сексуальных общений, где пара не сцеплена, а свободно распадается, смена партнёров не регламентирована и движения не оставляют никаких сомнений, что они должны изображать. Хочется верить, что в будущем музыка будет не только предлогом для совершений имитационных телодвижений, а станет сигналом к началу истинной ебли не на танцплощадках, а на ёбплощадях.

Олимпийские фигли-мигли

Поначалу я думал, что российский жеребячий восторг по поводу заполучения Олимпийских игр в Сочи связан с желанием восстановить былые древнегреческие традиции, когда участники первых Олимпийских игр выступали голыми. Проституция во время Олимпийских игр всячески поощрялась – считалось, что во время игр все выпустят пары и в остальное время года будет легче быть верным своим супругам. Замужние женщины на олимпийские игры не допускались. Итого получается, что мужики приходили смотреть на голых соревнующихся, возбуждались и обращались к повсеместным проституткам. Таким образом, все эти голые соревнования были лишь предлогом для того, чтобы вдоволь поблядовать. Когда после перерыва в несколько сот лет христиане решили поподражать играм язычников, делать они это стали на свой кастратский лад, напялив шмотки на спортсменов и заменив проституток жёнами и прочей добропорядочностью.

Думаю, в Сочи по проституткам догонят Древнюю Грецию периода Олимпийских игр. С обнажённостью же духа явно не хватит. Так что российская радость от добычи Олимпийских игр не столько сексуальная, сколько мафиозная.

Моё очередное открытие

Наконец, мне удалось сделать открытие и в физике, а точнее – дать научное определение известному феномену в динамике: развратно-пиздорвательное движение.

Пошёл браться за открытия в других науках…

Мнимое изобилие

В советские времена Западное изобилие называли «мнимым».

Подразумевалось, что изобилие-то есть, но оно недоступно большинству, которое составляют нищие, безработные и негры. Теперь-то мы знаем, что это ложь. Однако существует реальное мнимое изобилие, о котором в обществе не любят говорить. Это – мнимое изобилие доступных женщин. Они ходят вокруг, кажут свои тела, но для подавляющего большинства мужчин из этого изобилия удаётся вырвать лишь несколько, а то и вовсе одну, да ещё на всю жизнь. Подобное, разумеется, справедливо и в отношении женщин, которым обилие мужчин нужно ещё больше, чем мужчинам – обилие женщин. Ситуация с сексом подобна той, что была в СССР с промышленными и сельскохозяйственными успехами – о них кричали все газеты и телевидение, а в действительности всё медленно летело в пропасть. Так и сейчас все журналы и телевидение, интернет заполнены полуголыми и голыми телами обоих полов, а в действительности большинство надрывается изо всех сил, чтобы заполучить лишнюю пизду или хуй. Выход на истинное, а не мнимое изобилие в сексе – это та же свобода предпринимательства и свобода информации, то есть в терминах секса – повсеместная открытая проституция и уничтожение сексуального стыда.

Кусок этимологии

В шестидесятые было популярно слово «баруха», которое означало «блядь». Древнееврейское «Барух», с которого начинается обращение к богу, означает, «благословенный». Если это совпадение, то весьма значительное и абсолютно верное: женщина, легко дающая – поистине благословенное существо, приближающееся к богине (Венере, то бишь). Можно предположить и обратное: Барух – это мужская форма от барухи, и таким образом, к богу обращаются как к великому ёбарю. И действительно – столько насоздать…

Вычленение темы

В музыкальном произведении сначала проигрывается тема, а потом начинаются её вариации. В любовной «музыке» обществом устраивается обратное направление – человеку проигрывают множество сложнейших вариаций (мифов, предрассудков, лжи). Из них творческая натура вычленяет тему и играет её на разных музыкальных инструментах (музыкально стонущих женщинах), чтобы тема не надоедала.

Общественная благосклонность к убийству

Общество, подавляя людские инстинкты и пытаясь всячески дрессировать их, вместе с тем проявляет к ним удивительную снисходительность при вынесении наказания за убийство: если убийство непреднамеренное, а совершено в состоянии аффекта (муж застал жену с любовником и убил обоих), то наказание за него значительно мягче, чем когда оно совершается преднамеренно, хладнокровно продуманно, то есть с атрибутами, присущими разумному поведению (убил жену, чтобы получить страховку). «Неразумные» инстинкты, таким образом, поощряются и общество заявляет человеку: если в тебе заговорил инстинкт, мы тебя пожалеем, а если в тебе заговорил разум, то мы тебя безжалостно накажем. Однако такая снисходительность возможна только по отношению к убийству. А вот если мужчина изнасилует женщину, поддавшись внезапной похоти (любви), или долго и тщательно подготавливает своё деяние, то в обоих случаях наказание будет одинаково суровым. Более того, неспособность сдержать похоть считается более предосудительной, чем неспособность сдержать «праведный» гнев. Еще одно свидетельство того, что общество предпочитает смерть людей их сексуальному удовлетворению.

Художественная нагота

Фотограф Спенсер Туник[5] убеждён, что он освобождает людей от внутреннего напряга, снимая толпы голых людей. Вот намедни он собрал и заснял кучу голых (в основном женщин) на улицах Амстердама. Бабы разделись, сфотографировались, оделись и безнаказанно смылись. Они любят обнажаться, зная, что общество защищает их провокационное поведение, держа мужчин за прирученных кастратов, коими те и являются, позволяя женской наготе торчать перед их носами (хуями) и быть не использованной по назначению.

Всё это для меня уподобляется огромному количеству вкусной еды, разложенной на длинных столах по всей улице. Еду эту демонстрируют праздношатающимся, дают толпе насмотреться на различные дымящиеся и пахучие блюда, но не подпускают к ним, а потом всю эту еду быстро собирают и увозят. А мужской народ, сглотнув слюну, даже не попытавшись протянуть руку за вкусными кусочками (во какие цивилизованные!), попёрся восвояси.

Ну, хорошо, разделись, а коль разделись, так устраивайте на

улицах массовую еблю в якобы сексуально свободном Амстердаме!

Но куда им, смельчашкам и передовичкам! Вот до каких омерзительных форм доходит нынешнее сексуальное фарисейство!

А фотограф небось называет это искусством. Искусством наябывать.

Не родись красивой, а родись…

Мне встречалось немало красивых женщин, которые сомневаются в своей красоте и, более того, себя красивыми не считают. Вследствие такого заблуждения они испытывают всевозможные страдания, мучаются неуверенностью в себе, короче, ведут излишне тревожную, а часто и просто несчастную жизнь.

Мне также встречалось достаточно большое количество заведомо непривлекательных женщин, которые глубоко и непоколебимо убеждены в своей красоте и сексуальной неотразимости. Они не замечают изобилия фактов, подтверждающих их отчётливую непривлекательность и интерпретируют знаки безразличия к ним как «знаки внимания».

Происходит это потому, что на любой товар находится покупатель и на этих самоуверенных дурнушек какие-то мужчины тоже клюют, а это ещё больше убеждает таких женщин в их неотразимости. Мужчин, которые не обращают на них внимание, они считают дураками и их не достойными. Но где-то в глубине души они что-то подозревают и потому особо не ломаются, когда видят (или чуют) направленный на них хуй. «Хорошую эрекцию пропускать нельзя», как любила выражаться моя знакомая, которая была красива и в этом нисколько и никогда не сомневалась. Но это уже другая Вселенная.

Таким образом, если красавиц хотят все мужчины, то дурнушек – некоторые. А так как этих некоторых из мужской толпы высеиваются десятки, то их вполне этим женщинам хватает. И что толку от того, что красавицу все мужики хотят – она всё равно отдастся в среднем тому же количеству мужчин, что и дурнушка, а часто и ещё меньшему, ибо опять-таки не уверена в себе и если увидит тот же направленный на неё хуй, то будет ещё и сомневаться, на неё ли он направлен и только ли ебли от неё хотят и т. д. и т. п.

Итак, некоторое уточнение к знаменитой поговорке:

Не родись красивой, а родись ебливой.

Оголение грудей

Сегодня в одной из TV-программ специалистка по моде и этикету инструктировала о мере дозволительности декольте, а точнее, открывания грудей, которое ныне исключительно модно. Пытались установить, не впадая в миллиметры, до какой степени прилично открывать грудь и где. Вместо замеров показывали фотографии женщин разного возраста с разной степенью открытости и тыкали пальцем: это хорошо, а это плохо. Безвкусно и вкусно. Уместно и неуместно. Предполагалось, что мнение специалистки – абсолютное и ему надо следовать с закрытыми глазами. Вернее, с широко открытыми на то, что она дозволила.

По сути дела, речь шла о том, до каких пор/мер женщине можно говорить: «Давай ебаться!» – и чтобы это продолжало восприниматься как шутка (флирт), а не серьёзным предложением совокупления. Многое, конечно, зависит от мужчин – насколько хорошо они понимают «шутки». А так как в каждой шутке есть доля правды (которой в данном случае женщины очень дорожат), то эта доля может вырасти (вместе с декольте) в такую большую, что шутка превратится в правду (признать которую женщины во всеуслышание ни в коем случае не хотят, разве что если они занимаются своим делом профессионально).

В этой игре («Еби меня! нет, не ты, не ты, а – ты, но не сейчас».) постоянно меняются правила с помощью нравов и моды. В один из периодов древнеримской истории законы вывешивались в таких плоходоступных местах, что ознакомиться с ними для граждан было трудно, а потому это давало возможность государству штрафовать многочисленных граждан, нарушивших закон, о котором они не знали.

С сексуальными играми происходит подобное – их правила невозможно сформулировать точно, ибо задача женщин – этими правилами распоряжаться единолично, и они их постоянно меняют с помощью моды и поведения, представая всё более доступными, а когда их берут за зад, из-за неведения новой моды (это ведь, мол, только мода, а вовсе не призыв к ебле, – невинно полагает самка), то такого невежду прихватывает закон за сексуальные домогательства и пр. В итоге, бедный мужской разум постоянно находится в недоумении – что (в данном случае) значит почти голая грудь? Гамлетовское «Ебать или не ебать?» становится перманентной трагедией мужского американского

существования.

Женская любимая очередь – в туалет

То, что женщины смиряются с постоянными и нескончаемыми очередями в женские туалеты, по-видимому, не случайно, потому что добиться увеличения площади женских туалетов при постройке общественных зданий женщины могли бы значительно легче, чем права на голосование, наказаний мужчин за сексуальные домогательства и пр.

Нет, стоя в очереди в туалет, женщины демонстрируют мужчинам свои физиологические нужды, что запрещено моралью делать публично, а здесь – радостное исключение. Женщины радостно срывают с себя романтический ореол, мешающий многим мужчинам брать их за вымя. Таким образом, стояние в очереди в женский туалет уподобляется ношению глубокого декольте, миниюбок или просто задиранию юбок – ещё один способ привлечения к себе сексуального внимания мужчин.

Книжная верность

Я обратил внимание, что сексуальные нравы человека, с точки зрения верности одному партнёру или предпочтения параллельного разнообразия партнёров, отражаются на том, любит ли человек читать одну книгу с начала до конца, ни в коем случае не отвлекаясь на другую пока её не закончит, или человек любит читать несколько книг одновременно, не заботясь о прочтении каждой до конца. Причём наблюдение это справедливо как для мужчин, так и для женщин.

Аналогию можно продолжить: люди, которые любят перечитывать книги, склонны возвращаться к партнёру, с которым расстались.

Внимательная и раздумчивая манера прочтения книги говорит о человеке, который и в сексе будет не спеша обстоятельно заниматься наслаждением. Ну и так далее.

Однако, в этой книжной аналогии надо вовремя остановиться, ибо не следует заключать, что многие представители молодёжи, которые вообще книг не читают, мол, лишены всякой половой жизни. Здесь может быть всё наоборот – им не до книг, ибо сплошная ебля.

Истинный Лермонтов

У Лермонтова имеется недурной стих, который в то же время является милым непристоем. Однако народ настолько затюкали высокоморальной интерпретацией этих строк, что люди ослепли и не видят очевидного. Напомню:

Есть речи – значенье
темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слёзы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рождённое слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу.
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Вот что пишут профессиональные мудозвоны:

> речь… связана с романтическим мироощущением, в котором важное место занимало внимание к звукам природы, поиски скрытого за внешним проявлением подлинного смысла звуков речи…

Все затормаживаются на первой строфе и от резкой остановки ошарашенно недоумевают: «Что бы эти речи значили?» Придётся разжевать и в рот положить. (Кто сказал: «В рот!»? – Прошу не выражаться при непорочных![6])

Поясняю не построчно (слишком жирно будет), а построфно.

Итак – Лермонтов пишет о бабе, которая изволит кокетничать, а потому её речи либо темны (темнит: даст – не

даст), либо ничтожны (потому что дура, ибо кокетничает). Но поскольку эта баба смазливая и вроде всё-таки собирается дать, то даже этой её чепухе внимать без волненья невозможно. А теперь, прозревая, читайте:

Есть речи – значенье
темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Ну как? Дошло? Пойдём дальше.

Что бы эта баба ни говорила, каждое её слово (звук) заставляет думать Михаила Юрьевича о ебле (в литературном изложении – о «безумстве желанья»), а также о неизбежном разбегании в стороны, когда уже уёбся («слёзы разлуки») и о новом сбегании для того же дела («трепет свиданья»).

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слёзы разлуки,
В них трепет свиданья.

Следующая безграмотная строфа сетует о том, что вездесущее слово о ебле, которое «из пламя и света» (а надо бы «из пламени и света», на что Лермонтову и без меня указывали), так вот это светлопламенное слово народ воспринять не может. Что да, то да – еби втихаря, а то народу завидно станет.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рождённое слово;

Народ-то не воспринимает, а вот Лермонтов это слово, как призыв к ебле, мгновенно услышит, где бы он ни находился – в церкви или в бою.

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

А в последней строфе Лермонтов выступает как богоотступник и дезертир, который ради ебли наплюёт на богослужение и убежит с фронта в тыл, под юбку.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу.
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Следует признать, что это – действительно духовное стихотворение, но не с христианской точки зрения, а с точки зрения генитализма[7].

«Опиат» оргазма

Тот факт, что опиаты вызывают в мозгу выделение тех же химических веществ (эндорфинов что ли?), но в больших количествах, что и при оргазме, делает разительной аналогию привыкания к наслаждению от наркотика и от оргазма.

Наша жажда сексуальных наслаждений имеет те же черты, что и жажда героина: стремление ко всё большему изощрению в сексе уподобляется желанию всё большей дозы наркотика. Лишение наркотика вызывает ломку, жуткие страдания, подобно тому, как лишение половой жизни (любви) вызывает «любовные страдания», лишает людей разума, делая из них кликуш и религиозных фанатиков. Ради добычи наркотика оргазма люди идут на преступления.

Существенная разница между опиатом и оргазмом устанавливается естественным путём, а именно, уготовленная доза химических веществ, выделяющихся при оргазме настолько мала и безопасна, что их можно добывать с помощью мастурбации и таким образом справляться с зависимостью – человек создан самодостаточным.

Наслаждение же от опиатов связано с выделением такой высокой дозы эндорфинов, что никакого оргазма не окажется достаточным и потому самодостаточность человека уничтожается наркотиком – человек попадает в зависимость от субстанции, находящейся вне его.

Зная о самодостаточности человека, религия и нравственность пытаются отнять её у верующих, объявляя мастурбацию грехом, патологией, болезнью. То есть стремясь полностью лишить человека сексуального наслаждения (ебля вне брака тоже запрещена), тоталитарная теократия овладевает

юными неженатыми мужчинами, которые находятся в состоянии перманентной сексуальной «ломки» и ради оргазма согласны на преступление и даже на самоубийство (если на том свете им по-мусульмански наобещены неограниченные оргазмы). И всё это называется красивым словом «вера». А вся-то вера – это послушное ожидание обещанного наслаждения в награду за предписанное поведение – наслаждения, которое именуют ещё одним красивым словом «любовь».

Самодостаточность человека заключается и в том, что он самозащищён – он не может умереть от передозировки оргазмов – организм с помощью усталости будет успешно сопротивляться чрезмерности. С наркотиками же передозировка повсеместна – организм не в состоянии сопротивляться внетелесному шприцу.

А это значит, что сексуальное наслаждение безопасно для жизни, ибо оно находится под естественным контролем, и бороться с ним – это значит бороться с жизнью. Сексуальное наслаждение – это натуральный «опиат», зависимость от которого необходима для того, чтобы у человека оставался интерес к жизни.

Церковный гомосексуализм

В связи с развивающейся терпимостью разного рода церквей к гомосексуализму, попня предписала для гомосеков единственную допустимую (извиняющую) сексуальную позицию – миссионерскую.

Попнёй я называю всевозможную церковно-храмовую шушеру. Попса – в миру, попня – устроившиеся у Христа за пазухой.

«Попня» – мой термин, защищённый копирайтом (copyright), trade mark-ом и прочими патентными орудиями, так что при использовании – ссылайтесь на меня!

Относительность аксиом

С детства все запреты мне казались не вполне серьёзными. Я чувствовал, что каждый запрет ущербен, ибо имеет ограниченное действие. Так, когда мой папа обнаружил, что я лет с 12-ти вовсю дрочу, он решил со мной поговорить о вредности этого дела. Папа мне поведал ходкую тогда аксиому, что, мол, каждому мужчине отведено определённое количество раз (подразумевалось, оргазмов), и если ты используешь большое

количество на онанизм, то на женщин ничего не останется. Я поразился абсурдности этой угрозы, ни на мгновенье в неё не поверил и продолжал тренировать свой хуй, что оказалось только на пользу, когда начали подворачиваться пизды.

В каком-то там классе нам рассказали про аксиому, что через две точки можно провести только одну прямую. Мне и это показалось абсурдным: я нарисовал на доске две жирные точки и напроводил через них кучу прямых линий. Я не знал тогда, что Лобачевский сделал это более убедительно. Но дело в принципе.

Так и со скоростью света, объявленной Эйнштейном как предел, через который перешагнуть нельзя. Меня это тоже рассмешило, ибо любой запрет действует только в пределах какой-либо теории, которая описывает лишь ничтожную часть вселенной, а вселенная полна всем – чего только ни придумаешь. На то она и бесконечна.

Посему, когда я прочёл, что два немецких учёных перескочили через этот запрет, то сразу торжество подтверждённой правоты охватило меня. Ведь это открытие указывает путь к обратному течению времени, что тоже категорически запрещает логика и мораль вместе со здравым смыслом. Так что и восстание из мёртвых, и управление будущим из прошлого – всё это когда-то будет возможно.

Любая аксиома для одних – это приказ, который надо выполнять, а для других она – приглашение к доказательству её ограниченности.

Так и моральная аксиома «Не убий!» быстренько отметается в случае самообороны.

Что же тогда говорить о такой моральной аксиоме как «Не прелюбодействуй»?

Любая аксиома мне омерзительна и вызывает желание доказать, что она всего лишь убогая теоремка, действующая на крохотном временном пространстве.

Неизвестный вариант «Пиковой дамы»

Знаете ли вы, что существовал вариант «Пиковой дамы», где Герман за карточный секрет переспал со старухой-графиней? Название этого варианта «На графских развалинах».

Медлительность сбывания надежд…

По старой привычке в заглавие устраивается поэтическая

строка.

Но дело не в этом. А в том, что мечты сбываются не только замедленно, но и таким формальным способом, что сбывание часто оборачивается боком. Не тем боком.

Это лишь доказывает, что богу присуще чувство юмора, который я считаю основополагающим в конструкции нашей вселенной.

Лет двадцать назад, до всякого интернета я занимался массовой почтовой рассылкой рекламных материалов об издаваемых мною книгах.

В ответ я получал письма, количество которых, по сравнению с моими рассылками было ничтожным, как тому и следует быть при почтовой рекламе.

Открывая почтовый ящик, я мечтал о дне, когда он будет забит письмами.

И вот через несколько лет мечта свершилась, и этот день наступил – мой ящик электронной почты ломится от спама.

Стратегия и тактика половой морали

Современная любовь к тощим женщинам является отражением антисексуальных тенденций в обществе, так как обильные груди и бёдра есть воплощение сексуальности, которую мораль нацелена подавлять.

Ущемление плоти происходит с помощью установления новой эстетики, моды. Так, в эпоху Ренессанса, когда отношение к ебле было наиболее свободным и естественным, сисястые и задастые женщины считались красивыми.

Во времена притеснений секса груди и бёдра женщины лишь принимались как неизбежная часть женской фигуры и всячески драпировались, скрывались и запрещались к показу. Например – в период китайской культурной революции, когда женщины одевались в те же хламиды, что и мужчины. Или – мусульманские балахоны для женщин.

Однако для Америки сокрытие женского тела одеждой стало невозможным, ибо мораль уже не в состоянии удержать женщин от самооголения. А поэтому она зашла с тыла и нанесла удар по самому понятию красоты женского тела, утвердив, что женской красотой является не женская мякоть, а женские кости. Таким же способом мораль настояла на обезображивании пизды с помощью её бритья. Так как удержать женщин от раздвигания ног для фото-видео становится невозможным, мораль опять-таки исхитрилась и сделала самое привлекательное и женственное –

лобковые волосы – символом уродства, а заодно и запах пизды и менструальную кровь: женщины бросились выскабливать пизды, забивать аромат пизды цветочной вонью и никогда не казать окрававленную пизду – всё, чтобы не оскорбить чувствительную эстетику нынешних мужчин и тем обезобразить или унизить себя, – что является главным орудием морали для подавления секса – подавление женской сексуальности.

Следующим шагом морали будет сделать пиздяные соки возбуждения символом уродства, чтобы мужчины считали красивой только сухую пизду и засовывали хуи силой, наждачно. Женщинам будет неприятно, больно, а значит – мораль снова победит, ещё одим способом ограничив сексуальную жизнь.

Женский дом

Всякий раз, когда я гуляю вокруг «придворного» роскошного озера, я любуюсь домами и особняками, которые выстроены вдоль его берега. Из всего их обилия я выбрал один: трёхэтажный с красной черепичной крышей. Оштукатуренные стены выкрашены белым с жёлтым, в стиле питерского Захарова. Окна прямоугольные, чередующиеся с полукруглыми наверху. Маленький балкончик. Колоннадный вход.

Причём я не задумываюсь о том, что внутри этого дома: сколько комнат и каких, что за планировка или убранство. Такой дом я бы взял, не глядя. Не глядя внутрь.

Однако, заживя в таком доме, ты начинаешь видеть преимущественно его нутро, а не ту чарующую внешность, из-за которой ты его купил. Думал, что сможешь всё внутри перестроить по твоему вкусу, но не всё оказалось возможным – старый подгнивший фундамент, слабые балки, огромная стоимость переделок и т. д.

Конечно, подъезжая к дому, ты по-прежнему любуешься им и думаешь – неужели этот роскошный особняк – мой? Но входишь в дом, а там свет потух, или ещё чего из наводнения.

Не подобное ли происходит и с женщиной, тем более, что дом – это известный психоаналитический образ женщины-пизды.

Есть тип женской красоты, который влечёт особенно сильно. Если такая женщина тебе отдаётся, то ты берёшь её, не глядя. А ещё, чего доброго, женишься без внутреннего осмотра. Вот и начинаешь жить в женщине, и чего только в её нутре ни обнаруживаешь – тут и внешность её замечать перестаёшь, ибо изнутри она не видна. Но как на выход куда с ней собираешься, она как намажется-накрасится, как вскочит на высокие каблуки,

как вильнёт задом, так смотришь ты на неё со стороны и думаешь: такая баба – и моя. Потом с бала приезжаешь, входишь в неё, а в ней свет потух или ещё чего из наводнения…

Разгадка жизни

У Пастернака есть всеми перепеваемые строчки:

> И прелести твоей секрет
> разгадке жизни равносилен.

Правильнее было бы сказать иначе:

> **И прелестей твоих секрет…**

Если используешь множественное число: «женские прелести», то сразу уходишь от подло-романтической неопределённости женской прелести прямо в яркую зримость пизды, зада, грудей.

Что же о «разгадке жизни», то это, при условии множественного числа, совершенно верно. Ведь подумать только о волшебном феномене: женщина разводит ноги, и мужчина (имеется в виду не гомосексуалист) повергается в смерч, водоворот, пожар чувств. Что же это за вид, который становится притягательным, как «чёрная дыра»? Изучению этого феномена, наука должна посвятить все свои ресурсы, ибо в нём действительно кроется буквальная разгадка жизни…

Не либо – либо, а и то, и то

Один почитаемый мною поэт (я о его первой американской книге стихов ещё в Довлатовском *Новом Американце* восторженную рецензию писал) выдал такую расхожую чушь:

> Есть любители Достоевского, есть любители Толстого, и вместе им не сойтись. Уж больно разные писатели.

Причём себя к этим любителям причисляет. Это всё равно, что сказать: «Люблю джаз и ненавижу pop-music», – или ещё лучше: «Обожаю тонкофигурных женщин и ненавижу полных». Истинный ценитель как музыки, так и женщин, и уж конечно – литературы, любит все их проявления, быть может, чуть

предпочитая в одно время один вид, а в другое время – другой, но лишь для разнообразия, а не из-за отвержения одного в пользу другого.

Помню, в одном из интервью спросили Ray Charles, который работал во множестве жанров от jazz до country, – какой музыкальный жанр ему более по нраву, на что он ответил:

> Я не разделяю музыку по жанрам: есть только хорошая музыка и плохая.

А когда речь идёт о двух гениях – Толстом и Достоевском, – то выбирать из них одного за счёт другого напоминает проблему убогой верности: надо, мол, выбрать одну женщину из двух красавиц, раздвинувших для тебя ноги, и быть ей верным. Так рассуждает не мужчина, а муж. А мужчина ебёт обеих.

Ещё одно определение любви

Любовь – это когда кажется, что только эта дорога ведёт в Рим.

Невежество в графическом дизайне

В американском графическом дизайне буква А часто изображается без горизонтальной палочки. Графикам и их боссам, не знакомым со славянскими шрифтами и уж подавно – с греческим, невдомёк, что они занимаются не стилизацией буквы А, а просто заменяют одну букву на другую – славянскую Л. Так, название автомобиля AURA пишется на её корпусе как ЛURЛ, и потому для славяно-греческого населения Америки это написание смотрится дико.

А как бы было американцам полезно знать русский алфавит! Произойди такое – я бы давно стал миллионером на такой вот рекламе:

Ь + VIAGRA = **Ъ**,

причём вместо виагры можно вставлять любое подобное лекарство или средство.

Это мой копирайт, предупреждаю – украдут в России, напущу адвокатов и уж тогда точно миллионером заделаюсь на почве графического дизайна.

В полной темноте

Не то в Нью-Йорке, не то в Чикаго имеется ресторан, где жрут и нажираются в полной темноте. Ресторан этот чрезвычайно популярен, и чтобы там потрапезничать, жаждущие заглатывать вслепую ждут месяцами.

Можно оправдать голодных оригиналов тем, что, лишившись зрения, они в большей степени используют своё обоняние и осязание и тем самым получают усиленное наслаждение через иные органы чувств. Но это оправдание не годится, так как чтобы обоняние и осязание обострились, требуется не разовое посещение такого ресторана, а долгое проживание в темноте. Скорее всего, это самодурство можно объяснить иным: в еде самое главное – вкус, а не то, как она выглядит. Бывает, приходишь в ресторан, и приносят тебе разнаряженное блюдо, а как станешь есть – преснятина безо всякого вкуса. К тому же поварам в «слепом» ресторане не требуется тратить время на украшательство еды – навалил кучку чего-то – и хорошо, главное, чтоб вкусно было и мясом пахло.

Разумеется, у меня сразу возникла идея организовать оргию в полной темноте, да чтобы там было не две-три пары, а сотня, чтобы даже на ощупь было бы тяжко различить, кто и что. Предположим, ухватился за бабу с прекрасной на ощупь грудью, а тебе на хуй уже другая села и ты не знаешь, какова она, но приятно. Вот ты и сжимаешь прекрасные груди и фантазируешь, что тебя ебёт красавица. То же самое и с женщиной, которой вдруг кто-то стал лизать клитор, и она не знает, мужчина это или женщина, не говоря уже о том, как это лижущее выглядят, так как руки у неё заняты большим хуем, что делает для неё второстепенным тело, к которому это хуй приделан. Вот участники и ебут свои умозрительные мечты, будучи ебомы бог весть кем. Женщины на такую оргию приходят без косметики и с облегчением перестают думать и заботиться о своей внешности. Мужчины, одержимые женской красотой лица, освобождаются от своей мании и становятся истинными джентльменами, то есть ведут себя одинаково приветливо как с красавицей, так и с уродкой, ибо не видят, кто где.

Если в полной темноте единственным критерием качества еды становится её вкус, то на оргии в полной темноте единственным критерием качества партнёров становится наслаждение, которое они тебе приносят.

А какая ещё экономия электроэнергии получается!

Женщины в витринах

В Амстердаме я ещё не был, но мечтаю с детства. Именно тогда я посмотрел по телевизору пьесу, юмор которой состоял в том, что женского парикмахера по фамилии Амстердамский всё время по ошибке называли «мастер дамский». С тех пор Амстердам стал у меня ассоциироваться с дамами и неким мастерством. Как я понял позже – женским мастерством. Я узнал о легальной проституции в этом святом городе, а также о методе «подачи» женщин – они стоят голенькие на витринах, а ты выбираешь и покупаешь. Рынок рабынь, но на кратковременное рабство. Ну, прямо – рай (только бы ещё бесплатно…)

Но сейчас оказалось, что в целях «борьбы с преступностью» (а надо бы ещё для пущей душераздирательности добавить – с целью «защиты детей») треть домов с витринами продали какой-то строительной компании, которая там создаст приличные магазины и прочие благонравные общественные заведения.

Объяснение таково – слишком много сутенёров, наркоделов и жуликов тусуется вокруг этих витрин и заведует их наполнением. Уж казалось бы, Нидерланды – это не продажная Россия и не выхолощенная Америка, а всё туда же: если на сахар садятся мухи, давайте уничтожать сахар.

А ведь проблема мух так просто решается – платить проституткам деньги за каждого убитого ею сутенёра. Ну чем не жизнь: клиента поебла – деньги отвалил, сутенёра застрелила – государство награждает. И проституток сразу бы зауважали и почитать их стали бы, как они того давно заслуживают.

Беспамятство

Я знаю людей, которые прекрасно помнят свою жизнь в деталях, чуть ли не день за днём. Но большинство людей, как я: если попытаюсь вспомить, что происходило со мной в такой-то день в таком-то году – я ничего не вспомню. Я даже не смогу вспомнить, что вообще происходило в таком-то году. Помню лишь отдельные события, которые почему-то запечатлились, какие-то отрывки, вспышки из собственной жизни. Получается странное состояние – будто и не жил непрервыно, а дискретно, скачками, причём огромными: от одного редкого воспоминания, до другого, отстоящего далеко-далеко.

Прошлая жизнь представлялась бы сплошной и осмысленной, если бы я вёл ежедневный (или хотя бы еженедельный) дневник, где бы подробно отмечал события и чувства. Перечитывая его, я

вызволял бы из памяти описанное. Но, увы, не вёл я дневников.

Если не бросать за собой камешки, то не выйти из леса беспамятства.

Особенно это наглядно проявляется на женщинах, о которых начисто забыл. Их как будто и не было. Но благодаря своим писаниям, многое из этой области запечатлилось, пусть в изменённом, но всё же узнаваемом виде. Творчество, какое бы они ни было – это дневник.

Можно считать, что я писал про еблю только для того, чтобы с помощью писательства не забыть хотя бы собственную половую жизнь – самую главную жизнь.

Когда-то я спросил своего друга, который всегда имел умеренный интерес к женщинам, пытался ли он подсчитать, сколько женщин у него было. Он ответил положительно и спросил, пытался ли я, на что я тоже сположительничал: когда-то я затеял списочек и пополнял его время от времени. Но когда мы сравнили итоговые цифры, его цифра оказалась значительно больше моей.

– Не может такого быть! – воскликнул он.

– Не может такого быть! – подумал я.

В панике я напряг свою память и вызволил из неё ещё дюжину. Но это не изменило сути – моя жизнь, как я её помню, оказывается много скучнее, чем была на самом деле.

А в глубокой старости, когда всё забуду, мне вообще покажется, что я – девственник.

Чувственные губы

Когда мне было лет 12, я, читая какой-то роман, наткнулся на фразу «чувственные губы». Я искренне не понял, что это значит, и обратился к родителям за разъяснением. Ответ был вроде того, что надо мне ещё подрасти, чтобы понять смысл этой фразы.

Но я настаивал, спрашивая, что же эти губы чувствуют, коли их так называют. Те ли это губы, которыми проверяют, горячо ли молоко? Но ведь тогда любые губы можно назвать чувственными.

Как и предсказали родители, лет через десять я стал догадываться, какие губы являются чувственными.

Можно ли назвать тонкие губы чувственными? Смотрятся ли они таковыми, не говоря уже о «чувствуются»? Нет, чувственные губы обязательно должны быть полными и большими. Но почему? А потому, что коль губы – это эрогенная зона, то чем больше поверхность губ, тем больше там помещается нервных окончаний, и при поцелуе или иных прикосновениях возбуждение возникает

значительно сильнее.

В таком случае разросшиеся малые половые губы тоже подпадают под определение чувственных.

Женщина разводит ноги, а ты ей комплимент:

– Какие у вас чувственные губы.

Польщённая женщина раздвигает ноги ещё шире.

Но ведь та же логика применима и к грудям, и ко всем эрогенным зонам (которыми является вся поверхность тела). Значит ли это, что полная женщина имеет больше нервных окончаний, и если их стимулировать одновременно, то и больше возбуждения будет поступать в мозг, и таким образом полные женщины должны быть более чувственны, чем тощие. Так что видишь толстушку и говоришь:

– Какая вы чувственная женщина.

И польщённая толстушка раздвигает ноги. А там, глядь – тоненькие половые губки.

Что тогда делать?

Сон, зловещий или добровещий?

Приснилось, что я в огромной кровати с Шэрон Стоун. Она лежит, свернувшись калачиком спиной ко мне, вдалеке ещё какие-то люди. Я изучаю поры её кожи на спине, переходящей в ягодицы, и медленно так подвожу по простыне руку поближе к ней. В этот момент она резко поворачивает ко мне голову с гневным взглядом, мол – и ты туда же.

Я, несколько смущённый, начинаю оправдываться:

– Я ещё не дотрагивался. Но, конечно, не утверждаю, что не дотронулся бы.

Но тут меня взорвало, что я должен оправдываться в таком неизбежно естественном, и страстным голосом восклицаю:

– А что можно ожидать, если рядом со мной лежит кусок пламени! Как можно быть такой недопустимо красивой! Патологически красивой!

И тут Sharon Stone улыбнулась как бы с пониманием, прощая мои поползновения, и я чувствую, что она может мне дать, если я её сейчас прихвачу.

И в этот момент я просыпаюсь.

Ну как вам это нравится? – даже во сне её не выебать.

Методы управления временем жизни

Общеизвестно, что в наслаждении время движется быстро, а в страдании время замедляется. Так что наслаждение и страдание можно рассматривать как орудия управления скоростью движения времени. Если хочешь ощущать, что живёшь очень долго – страдай, мучайся, переживай. А когда покажется, что жизнь слишком тянется – можно и с собой покончить.

Или другой вариант: не задумывайся о длительности жизни, наслаждайся, будь весел, оптимистичен, и жизнь понесётся так быстро, что и не заметишь, как умрёшь.

Эротическо-венерическое

На одной из телепередач велась речь об опасностях секса. В студии, раскрыв рты, сидели молодые девушки и внимали врачу-венерологу.

Самый главный вывод, к которому пришли девушки и чему больше всего обрадовалась телеведущая, был высказан наиболее впечатлительной участницей:

> – Я узнала о стольких венерических заболеваниях, что вообще больше сексом заниматься не буду.

Вот он, желаемый обществом результат «сексуального образования».

А ведь это всё равно что, узнав о миллионах болезней, грозящих человеку, испугаться жизни и решить покончить с собой.

Другой вариант – заточить себя в монастырь моногамии. Либо намертво приклеивать презерватив.

В связи с этим можно пройтись по теме и так: если раньше наградой за воздержание до свадьбы была ебля, то теперь обет верности награждает не еблей (она и до свадьбы скрипела кроватью), а еблей без презерватива.

Гомосексуализм и физика микрочастиц

Основываясь на взаимосвязанности всех явлений, можно использовать феномен гомосексуализма для отыскания направления исследований в физике, а именно: следует искать ситуации, в которых однополярные частицы не отталкиваются, а притягиваются.

Бисексуальность, в свою очередь, указывает на ситуации, когда отрицательно заряженная частица может при одних

условиях притягиваться к частице, заряженной отрицательно, а при других условиях притягиваться к частице, заряженной положительно.

Физики, беритесь за дело, и чтоб Нобелевкой со мной поделиться!

Пушкин – провидец

В *Царе Никите и сорока дочерях* рассказывается, как достают сорок пизд для царских дочерей, которые умудрились родиться без оных. Но уже в недалёком будущем научатся выращивать человеческие органы (уже и сейчас кое-что выращивают), и женские бёдра будут делаться в любом количестве и любого сорта. Если сейчас ебут резиновые пизды у резиновых баб, а женщины пользуются резиновыми хуями, то вскоре пушкинская сказка станет былью, и настоящие человечьи половые органы можно будет покупать, как домашних животных, а бродячих брать бесплатно.

По улицам будут бегать беспризорные пизды и хуи, тереться о ноги прохожих и проситься взять их домой. Разумеется, сразу возникнет «Общество защиты бесхозных гениталий». Они, за неимением хозяев, будут сами с собой совокупляться на улицах, а градоначальство начнёт насылать по улицам поливальные машины, чтобы обливать совокупляющиеся хуепизды, заставляя их расцепиться и бежать в стороны. Дети будут останавливаться, брать их на руки, как котят и щенков, и гладить по шёрстке. Родители же станут кричать детям: «Брось эту грязь – бог знает, с кем они бегали!»

Дети будут нехотя слушаться и уходить, оглядываясь на пизды и хуи, бегущие по улице вприпрыжку.

Бедные женщины

Последнее время в силу определённых обстоятельств я сталкиваюсь с большим количеством молодых и привлекательных женщин, которые работают на двух, трёх, а иногда на четырёх мелочных работах, стараясь свести концы с концами. Эти самочки почти не спят и носятся, как угорелые, из конца в конец города, чтобы успеть на очередную смену очередного рабства.

Им, без сомнения, приходило в голову, что, принимая двух-трёх клиентов в день, они бы не только стали много свободней (полностью свободным, как мы знаем, быть в жизни не удаётся),

но и зарабатывали бы много больше, чем на своей «шахтёрской» работе. Но как к этому подступиться? Образ уличной проститутки, притесняемой и унижаемой, разом отбивает эти помыслы у большинства женщин.

Однако у меня нет никаких сомнений, что подавляющее большинство этих самочек, пусть после некоторой борьбы с так называемыми нравственными убеждениями (а часто – безо всякой борьбы), согласились бы на проституцию, но только такую, которая была бы подана им в удобной и привлекательной «упаковке», а именно – чтобы это занятие было прежде всего безопасно и надёжно, другими словами, чтобы им не приходилось искать клиентов, а чтобы им их находили, чтобы женщин отвозили по адресу и привозили обратно, чтобы клиент оказался приятным и с обговоренной суммой денег.

Для того, чтобы практически любая женщина ухватилась за зарабатывание денег проституцией, это занятие должно быть доступным, эффективно организованным и не только безопасным, но и почётным. Общество же, неспособное уничтожить проституцию, которая является основой половых отношений (см. моё эссе *Спасительница*[8]), делает всё возможное и невозможное, чтобы преградить к ней путь, прекрасно понимая, что не будь надолбов и мин, женщины бросились бы на этот, пусть не единственный, но главный путь к обеспеченной жизни.

Прежде всего, общество именует это благородное занятие по предоставлению наслаждений самым позорным и делает его опасным. А все орудия для эффективного ведения бизнеса (реклама, найм, распределение, доставка и т. д.) общество делает противозаконными и жестоко наказуемыми. По сути дела, общество, прекрасно понимая, что любая женщина предпочтёт комфортабельную и хорошо оплачиваемую работу по продаже наслаждений, лишает женщину этого выбора и заставляет её идти по пути тяжёлого изматывающего труда. Цели у общества чисто экономические, но достигаются они моральными и юридическими средствами.

А то представьте себе – кто же станет работать уборщицами, официантками и заниматься прочей несчётной обслугой, если проституция освободит этих женщин от цепей тяжёлого и низкооплачиваемого труда?

Про русалок

Русалка является фольклорным воплощением женского кокетства: женщина соблазняет лицом и грудью, но когда

доходит до ебли, подставляет вместо горячей пизды холодный рыбий хвост, то есть – абсолютно не даёт. Но и такое экстремальное кокетство можно обойти: русалок ловят и с ходу ебут в рот.

Соблазнение как изнасилование

Изнасилование отсутствует только в том случае, когда женщина предлагает себя сама (проституция или похоть). Однако любое соблазнение является формой изнасилования. Соблазнение – это приставание к женщине, которая не хочет. Ты демонстрируешь ей свою силу, власть, славу, деньги, ум, и тогда она уступает силе, власти, славе, деньгам, уму. А так как «знание – сила», то соблазнение с использованием знания женской психологии есть тоже изнасилование. Особенно наглядно это происходит с неопытной девственницей, которая уступает часто не своему желанию, а психологическому давлению мужчины. Таким образом, первый мужчина, как правило, всегда насильник. Да хотя бы потому, что девственная плева рвётся приложением силы. После потери девственности уровень сопротивления девушки значительно снижается, а общество не хочет поднимать вопрос об изнасиловании, коль грубая физическая сила не применялась: девушка добровольно подчинилась.

В связи с этим возникает вопрос, как оценить такую ситуацию? При групповом изнасиловании женщина сопротивляется только первому хую, потом она, как правило, перестаёт сопротивляться. Вот входит мужчина в комнату, а там трое мужиков голых и один из них бабу ебёт, а два остальных отработавших наблюдают. Третий кончает, и вошедший пристраивается на его место. Он и понятия не имел, что женщину первый взял силой – он видел, что ни третьему, ни ему женщина не сопротивлялась. Можно ли считать четвёртого, вошедшего в комнату и поимевшего уже не сопротивляющуюся женщину, насильником?

Ислам – это рай для уродин

Поглядел на современные арабские порнофотографии – в основном женщины с зашторенными лицами, в крайнем случае видны лишь глаза, но зато ниже талии – голые. Согласно моему определению абсолютной красоты, коей является ни что иное как гениталии, мусульмане поступают чрезвычайно мудро, закрывая

женщине лицо, ибо оно перестаёт отвлекать своей красотой или своим уродством от главного, то есть лицо вообще и буквально исключается из рассмотрения. При скрытом лице единолично властвует пизда, и все женщины становятся абсолютно красивы. Таким образом мусульмане поистине воплотили в жизнь мои строчки:

Женщины все на одно лицо
только разные на пизду.

В мусульманской подаче секса задействована поговорка «любовь слепа…», ибо если ты находишься в полной темноте, то от зрения тебе проку никакого и ты себя ведёшь, как слепой. Так, одержимый похотью (любовью), ты становишься слеп на женские лица, которые скрыты тряпками (темнотой), и лишь следуешь влечению к абсолютной красоте.

Женщины, годные лишь для ебли
(на остальное – глаза ослепли)…

В мусульманском сексе всякая дурнушка становится красавицей. Представляю себе мусульманский бордель – лежат на персидских коврах бабы с раздвинутыми ногами, но с закрытыми лицами – вот и выбирай, которая покрасивше. Ислам – это рай для уродин. Ну а для красавиц – везде рай.

О полезности научных телепередач

Так вот – смотрел я телепередачу о новостях генетики. Оказывается, помимо генома существует некая «первая производная» генов (забыл называние), цель которой – реагировать на всевозможные сильные жизненные впечатления индивидуума, например, голод, нервные потрясения и пр. Поскольку сам геном – структура крепкая и вызвать мутацию генов не так-то легко – нужно нечто мощное, вроде сильной радиации, – то учёные недоумевали, как происходит, что из близнецов с одинаковыми генами один заболевает, скажем, психическим заболеванием, тогда как другой здоровёхонек. Получается, что индивидуальный опыт человека влияет на эти «первые производные» генов, а они в свою очередь работают как выключатели и отключают тот или иной ген – и поехало: болезнь за болезнью.

Вот я и подумал, что повальные заболевания женщин раком

груди, начавшиеся в двадцатом веке и продолжающиеся по сей день, могут являться результатом женского личного опыта, который единообразно потрясает женщин и тем самым способствует отключению гена, ответственного за регулировку нормального роста ткани.

Что же это за общий подобный опыт появился у женщин? – Это их формальная экономическая и сексуальная либерализация, которая происходит на фоне резкого возрастания самоуничтожительной неуверенности в себе, и она выражается наиболее ярко в борьбе со своими вторичными женскими половыми признаками, а именно – с весом плоти. Ненависть к своей плоти, желание выглядеть тоненькой щепочкой совместно с ненавистью к своим волосам, запаху, стало ещё более отчаянной попыткой привлечь внимание мужчин, попирая свою якобы от мужчин независимость. Грудь является самым наглядным воплощением женственности, и именно она наиболее чувствительно реагирует на ненависть к ней со стороны её обладательницы – грудь начинает уничтожать себя и саму ненавистницу.

Про честность в чувствах

В первые минуты знакомства с женщиной заговаривать о сексе не рекомендуется, то есть нельзя начинать с того, для чего всё и делается. Женщина от прямого подхода оскорбится. Таким образом, с самого первого контакта надо начинать во лжи. Какая замечательная основа для будущих отношений!

Однажды я решил сделать эксперимент с честностью чувств. Я заявился в бар, славный своим обилием женщин, желающих познакомиться. Там я подходил к одной за другой и спрашивал разрешения шепнуть ей на ушко нечто очень важное. Заинтригованная самка не возражала, и я выдавал стандартную фразу: «I want to lick your clit till you come» (Я хочу полизать твой клитор, пока ты не кончишь). Так я обошёл штук пятнадцать. Большинство возмущённо или деланно брезгливо отстранялось, и я молча переходил к следующей. Меньшинство улыбалось, вступали в разговор, но уходить со мной для дела не смели. Парочка дала-таки телефон для будущего. Но нашлась одна, которая попросила меня описать подробно, как я буду лизать. И когда я перечислил все детали (а как известно, искусство – в деталях), она соскочила с высокого стула и повела меня к себе домой. Когда я выполнил обещанное и она не осталась в долгу, девушка эта в завязавшемся разговоре заметила, что она так со

мной себя повела лишь потому, что у нас нет будущего. Она была абсолютно права, ибо под будущим она понимала замужество. С мужчиной, которого она рассматривала бы как потенциального мужа, она бы никогда не стала ебаться с первого взгляда. То есть муж предназначается не для секса. Вернее, для секса в последнюю очередь.

Получается, что только с теми, кто, по женской оценке, не годится в мужья, женщина может себя чувствовать сексуально свободной, следовать своим желаниям, то есть быть честной. А всякие «серьёзные» отношения обречены на ложь. Серьёзность – она всегда лжива, ибо искренность основана на легкомысленности и на смехе.

Высшая математика общественной жизни

После Второй мировой войны советские победители среди всевозможных трофеев привезли жёнам немецкие женские комбинации, которые на Руси до тех пор не водились. Так жёны военноначальников напяливали их вместо платьев и являлись в театры и прочие общественные заведения. Только через некоторое время, когда разобрали, что к чему, стали над этим явлением прихихикивать. А вот теперь появились фасоны платьев, что в точности напоминают прежние комбинации, и девицы их носят по улицам, не зная, что такое «комбинация». Подобное произошло и с лифчиком, который стали носить поверх платья или блузочки или явно демонстрировать из-под раскрытой кофточки – есть и такая мода.

На моих глазах произошло знаменательное событие: нижнее бельё стало верхней одеждой. Низ стал верхом. Низкое – возвышенным. Движение обнадёживающее, но оно развивается в пределах одежды и никак не может избавиться от одежды до конца.

Европейские модели ходят по помосту с открытой грудью, одной, реже – с обеими. Это подобно определению предела, к которому можно приближаться исключительно близко, но всё же никогда не достигая его. Так и в обществе приближение к наготе будет происходить, но никогда не достигать полной, ногоразведённой наготы. Для достижения её требуется скачок из общественной жизни в частную (личную). В личной жизни достигается любой предел без всяких бесконечно долгих приближений: обнажённая пизда, в которой движется хуй.

Скачок из бесконечных величин к конечным можно считать спецификой частной жизни, в отличие от общественной. Частная

жизнь конкретна и однозначна наготой, еблей, тогда как общественная жизнь занимается демпфированием, замутнением, внесением неопределённости. Общественная жизнь – это иной вид исчисления человеческих эмоций, который благодаря своей «неопределённости» позволяет людям выйти на иной уровень взаимоотношений, обеспечивая так называемый «общественный прогресс».

Вот почему меня раздражает любая мода, любая одежда – всё что мне хочется с ней делать, это не любоваться ею, а срывать с тел.

Люблю простые и целые числа.

Цвета мечты

Как небо – голубая мечта лётчика, так пизда – розовая мечта ёбаря.

У того и у другого мечта вполне достижима, но кратковременно: лётчику приходится в конце концов приземлиться, а ёбарю – отстраниться. Но это является основанием для возрождения цветастых мечтаний. В пределе лётчик может преодолеть притяжение Земли, а ёбарь – притяжение жизни.

Оговорка-подсказка

Однажды мне потребовалось уточнить смысл английского текста, и я подошёл к сослуживице с просьбой о помощи и намерением сказать: «Give me a hand», – что означает «Помоги». Однако у меня получилось: «Give me a head», – что означает просьбу отсосать.

Женщина покраснела и вопросительно уставилась на меня. Тогда до меня дошло, я извинился и исправился. Ей полегчало, или наоборот – но разговор продолжался как ни в чём не бывало. Потом я сообразил, что я невзначай сочинил весьма значительный каламбур:

Give me a hand – give me a head.
Помоги мне – отсоси!

Для точности передачи влияния моего англоязычного сочинительства следует отметить, что через пару месяцев она мне-таки помогла. До чего только язык ни доведёт.

В итоге я пришёл к выводу, что коль цель оправдывает

средства, то чем проще эти средства, тем более они оправданы. А цель, о которой идёт здесь речь, склонна оправдывать всякие средства, лишь бы они её достигали.

Двухстороннее движение времени

Я мчусь по хайвею. Слева за бетонной разделяющей перегородкой, на полосе встречного движения застряла машина и за нею образовался затор. Я еду вдоль этого затора и вижу машины, подъезжающие к его началу. Вижу водителей, недоумевающих, что же там впереди? почему затор? Им не видно застрявшей вдали машины и пока они медленно подъедут к ней и будут объезжать её, пока наконец увидят причину затора, пройдёт много времени. А я, продвигаясь в противоположном направлении, уже знал причину затора. Я представил себя двигающимся из будущего в прошлое – я уже знал, что их ждёт впереди.

Так жизнь напомнила мне дорогу с двухсторонним движением, где время с одной стороны движется от прошлого к будущему, а с другой стороны – от будущего к прошлому. И на противоположной стороне едут «водители», которые видели моё будущее, а я видел их будущее. Теперь остаётся найти способ, как обменяться с ними знаниями, и каждый сможет корректировать своё будущее.

Более того, в такой картине будущее и прошлое становятся обратимы, ибо всегда можно развернуться и поехать в другую сторону. Но сделать это надо по каким-то правилам, так как бетонная перегородка предохраняет от прямого перескакивания на обратное направление, ибо вне правил разворота поджидает авария, а быть может и катастрофа.

Львиная доля

Фраза «львиная доля» общепринято воспринимется в смысле «большая часть» чего-то. Однако в этой фразе скрыт и второй смысл, который почему-то не замечают: толковать слово «доля» можно не как «часть», а как «судьба». Тогда фраза «львиная доля» будет обозначать также и «судьбу льва» – судьбу царя зверей.

Поэтому фраза: «Ему досталась “львиная доля”», означает не только количественное, но и качественное везенье.

Законность запрета

Суть любого закона – это запрет. Любой запрет – искусственен в том смысле, что человек вздумал самовольно противоречить природе, прикрываясь якобы волей бога. Природе эти ограничения чужды. Другими словами, ограничения, вводимые человеком – абсурдны. В то же время абсурд является признаком, знаком веры, которая, в свою очередь, имеет ореол святости. Получается, что всякий запрет – свят. И на человеческие законы начинают молиться, как на бога. То есть запрет и впрямь становится божествен благодаря своей абсурдности.

Критерий гуманного общества

Даже не вообразить эти миллиарды людей, занимающихся мастурбацией!

Какие океаны спермы выливается напрасно, в то время, когда неисчисляемые миллионы женщин (и мужчин) мечтают, чтобы она попала в них.

Сколько женщин натирают мозоли на клиторе и долбают себя резиновыми хуями, тогда как рядом бродят толпы мужчин (и женщин), которые были бы счастливы их вылизать и выебать.

Причём мастурбанты – это вовсе не уродцы или калеки, которым не добыть пизды или хуя, а нормальные и даже весьма привлекательные и даже красивые люди – все люди.

Да взять хотя бы бесчисленные своры подростков, дрочащих по нескольку раз в день, и девушек, мечтающих о вечной верности рыцарю на белом коне под очередной пальцевый оргазм.

Главный критерий гуманности общества – это исчезновение нужды в мастурбации, а наличие всегда рядом жадных живых отверстий, в которые будет изливаться сперма, и также жаждущих стоячих хуёв, наполняющих голодные засасывающие дыры, и языков, зализывающих торчащие клиторы и хуи.

А до тех пор общество издевательски торжествует над личностью, принуждая её к одиночеству, транжиря мужское семя и женские соки.

Условие письма

Я только тогда пинту, когда я счастлив. Тогда, глубинно осознавая это, я привередничаю и пишу о том, что я несчастлив. Когда же я действительно несчастлив, тогда мне не до писания.

Подарки

На день рождения дарят подарки, часто сюрпризом.
На день смерти тебе тоже подарят – сюрприз инобытия.

Женщина и автомобиль

Давно уже сравнивают мужское увлечение автомобилями с мужским увлечением женщинами. Более того, уподобляют саму автомашину женщине: мужчина, мол, её любит, холит, ухаживает и ездит на ней. Многим мужчинам, мол, машина важнее женщины, а часто и заменяет её. Вот я и подумал, что же так привлекательно в автомобиле для мужчины? Тут можно говорить об эстетике линий, о мягких сидениях, о запахе новой машины и пр. Но мне кажется, самое главное то, что для мужчины машина представляется как образ идеальной женщины – это возможность в любой момент остановить двигатель, повернув и вытащив ключ. С женщиной ничего не останавливается – повернул и вытащил хуй, а она продолжает на тебя притязать или требовать внимания, или ещё чего – и её мотор никогда не останавливается, даже во время сна. Автомобиль же используешь сколько хочешь, ездишь с любой скоростью, он тебе беспрекословно подчиняется, а потом ты загоняешь машину в гараж, и она к тебе не пристаёт, а молча и неподвижно ждёт, когда ты её захочешь снова. Вот она мечта, недостижимая в женщине, но воплощённая в машине!

Расшифоровка

В День Валентина она, как и в прошлом году, прислала открытку. Внизу была подпись: *Love, X.* Но слово Love было написано с таким нежеланием: *L* почти прописное, *v* и *e* слились, а *o* сплюснуто почти до 1. Я вытащил прошлогоднюю открытку, где она чёткими большими буквами написала *LOVE* – и тут я понял, что она разлюбила меня.

«Давно пора», – подумал я, никогда не посылавший ей открыток.

Деликатес

Когда я узнал, что она забеременела и притом двойней, я вытащил две оплодотворённые яйцеклетки и сделал яичницу-глазунью. Женщина – кура, человек – птица.

Моё украшение русского фольклора

Я довёл до совершенства старую русскую пословицу:

Не руби сук, на котором сидишь,
а еби сук, на которых лежишь.

Чем не шедевр?

Причина нетерпимости к гомосексуализму

Отношение общества к индивидуумам прекрасно описывается указанием Юлия Цезаря: разделяй и властвуй. Самое фундаментальное разделение между людьми – это разделение по признаку пола. Чем тоталитарнее общество, тем более нетерпимо оно к попыткам перехода этой границы между полами. Ибо если эту границу перейти, то общество потеряет один из основных рычагов власти – власти над удовлетворением сексуальной потребности людей. Вот почему гомосексуалисты, гермафродиты, трансвестисты, бисексуалы являются объектами наибольшей нетерпимости.

Уж какие только стены ни возведены между мужчинами и женщинами: и раздельные туалеты и раздельные спальни, и общежития, и места в молельных домах, и монастыри – везде насаждается рознь между мужчинами и женщинами, чтобы предотвратить или усложнить сексуальные контакты между ними.

А тут ко гневу общества являются гомосексуалисты, как мужчины, так и женщины, которые всегда могут быть незаметно и легально вместе, и благодаря своей однополости легко обходить все надолбы, которые стоят на пути совокупления разнополых людей. Все общественные препоны сметаются одним движением к однополым гениталиям и начинается удовлетворение похоти, следить за которым обществу практически невозможно. Но допускать лёгкое сексуальное удовлетворение – самоубийственно для общества. Сексуально удовлетворённые люди не могут быть хорошими бойцами, а значит они всегда проиграют варварам из тоталитарного общества.

Так что вся «моральность» борьбы с гомосексуализмом состоит в поддержании нерушимых границ между полами, что обеспечивает высокий уровень неудовлетворённости (читай, боеспособности) населения.

А потому стремление ко всеобщей демократии на Земле, борьба с тоталитаризмом есть ни что иное, как стремление к

уничтожению внешних врагов, чтобы все страны на Земле были дружественны друг к другу. При таких условиях необходимость в боеспособности будет минимальной, а значит и сексуальные ограничения повсюду станут всё меньше и меньше, и, следовательно, граница между мужчинами и женщинами не будет так отчаянно охраняться. Другими словами, стремление к демократическим свободам, терпимости есть стремление к упрощению добычи сексуальных наслаждений. Однако эта утопическая идея не перестаёт успешно атаковаться тут и там возникающими диктаторскими режимами. И если когда-то в России говорилось «у нас секса нет», то теперь иранский главный мудозвон провозгласил: «у нас гомосексуализма нет».

Настоящие рождественские подарки

Рождество – самое время подарков. Дают бедным, полубедным, родственникам, чужим и общественным организациям. Мои три любимые проститутки тоже делают рождественские подарки – отдаются бесплатно регулярным клиентам. Им даже пришлось стоять ко мне в очереди, чтобы вручить (впиздить) свой подарок. Вот он настоящий дух Рождества!

Собачье достоинство

Чувство достоинства собаки состоит в том, чтобы, гуляя с хозяином, бежать на туго натянутом поводке. У маленьких собак это особенно заметно, так как они бегут под углом в 45 или около того градусов.

Когда мужчина идёт под ручку с привычной женщиной, то его глаза косят на проходящих красоток тоже по 45 градусов или около того.

Практическая романтика

Ясный летний день. Я лежу с женщиной на траве, и мы смотрим в седьмые небеса.

– Какой красивый голубой цвет у неба, – восхищается она и добавляет, – вот мне бы платье такого цвета.

С этого момента и для меня романтика становится практической, ибо я получил задание подарить ей такое платье.

Самоуспокоение у меня тоже приобретает практический характер, и я думаю: «Хорошо, что она не восхитилась блеском солнца и не захотела бриллиант, который бы сверкал с такой же силой».

Однако, чистая романтика вскоре снова возвращается, когда женщина по собственной инициативе стягивает с себя трусики. Мы опять-таки романтически, с французскими поцелуями на губах, смыкаемся в одно трепетное существо, но тут практичность снова накладывает отпечаток на мои романтические телодвижения – я вспоминаю, что у женщины сегодня опасный день.

Догадка о бессмертии

Мы счастливы, когда живём правильно. В частности, мы счастливы, когда не думаем о смерти и живём так, будто мы живём вечно.

Не является ли это счастье главным доказательством предстоящего бессмертия?

Не награждает ли нас бог счастьем за правильность догадки?

Наслаждение и боль

Если боль – это угроза смерти, то наслаждение как противоположность боли – это обещание вечной жизни.

Жёсткие волосы

Мой дедушка (Яков Михайлович Прутковский) любил давать мне, маленькому, потрогать свои волосы на голове – они были мягкие, как лён. Считалось, что у добрых людей мягкие волосы. Дедушка любил, чтобы его считали добрым. И он действительно был добрым.

Теперь я думаю, если мягкость волос является показателем доброты, то раз у всех людей на лобке волосы жёсткие, значит ли это, что все гениталии – злые? Быть может, женщины для того и бреют волосы на лобке, чтобы скрыть злоумышленность пизды.

Бесплатная насущность

Продавцы порнографии пребывают в перманентном ужасе, потому что интернет всё больше и больше заполняется бесплатной порнографией и существенно лишает порнобизнес доходов.

Подобный ужас (и ненависть) охватывает сутенёра, когда он узнаёт, что его женщина даёт кому-то бесплатно, по любви. Он избивает её и требует, чтобы она с каждого брала деньги.

Задача деловых людей – делать деньги и прежде всего – на ебле.

Для жизни человеку нужны воздух, вода, тепло, еда и ебля. Как пелось «The Best Things in Life Are Free[9]». Если жить на юге, то действительно, первые четыре необходимые вещи можно добыть бесплатно. Но с еблей даже юг не поможет – тут всегда запросят деньги, либо прямо, либо – какой антоним? – криво.

Даже за изображения ебли, то есть порнографию, производную от ебли, так даже за неё берут деньги. Это уже подлятина в квадрате. Так что интернет наводит порнографическую справедливость, тесня эксплуататорский бизнес. Эксплуататорский потому, что он берёт деньги за жизненно необходимое, за то, что должно быть бесплатным.

Другое дело брать деньги за драгоценности, особняки, яхты и прочие прибамбасы жизни. Хочешь выпендриваться – плати.

А то бизнесмены и за воздух сподобятся деньги брать (помните – *Продавец воздуха* у Беляева[10]?). За простую же воду уже и теперь берут – чистой водой в бутылочках спекулируют. Тут интернет пока ничего сделать не может. Но зато может предоставить не только бесплатную порнографию, но и бесплатные сайты знакомств, чтобы своднические фирмы тоже руки не грели на ебле, а люди могли бесплатно снюхиваться кто с кем хочет.

Суть развития науки и в том числе интернета – это сделать так, чтобы снова все насущные вещи для жизни стали бы в изобилии и бесплатны, то есть уничтожить стяжательство, паразитирующее на жизненных потребностях.

Изобилие красивых женских ебальных тел, которое будет выведено генетикой, покончит и с проституцией, лишив женщин монополии на пизду и деланья на ней денег. Пизда – вещь насущная, а следовательно, должна быть бесплатной. Как и порнография.

* * *

Никогда не поздно: если поздно для жизни, то не поздно для

смерти.

* * *

Обнаружено неизвестное произведение Чехова о сексуальных извращениях: «Анус на шее».

Издать что ли?

Народно-государственные праздники

В Штатах натужно празднуют день любовников – Валентинов день. В России придумали День Зачатия, чтобы повернуть вспять русло рек спермы. В Китае скоро установят обязательный праздник для беременных женщин – День Аборта.

* * *

Упорядочение продажи порнографии имеет целью представить непорядочное порядочным.

Одежда для лица

Косметика уподобляется виду одежды, но для лица. Большинству женщин стыдно появляться на людях без этой одежды, «с голым» лицом. Они чувствуют себя непривлекательными, некрасивыми. (Женщине стыдно предстать сексуально непривлекательной, что идёт вразрез с самим понятием стыда.)

Однако, общество не запрещает «обнажение» лица, как оно запрещает обнажение тела. Более того, общество даже выступает против излишней «одежды» на лице – чрезмерной косметики, чем пользуются некоторые проститутки, потому что косметика делает их сексуально зазывающими, указывает на их доступность. А потому общество карает женщину эстетически, именуя обильную косметику вульгарной.

«Обнажённое» лицо (лицо без косметики) антисексуально в отличие от обнажённого тела. Косметика смазывается (снимается) при совокуплении, когда женщина осмеливается показать своё истинное лицо, зная, что её голое тело уже переняло на себя всю ответственность за сексуальное

привлечение мужчины.

Ирод – основоположник христианства

Ирод, охотясь за младенцем Иисусом, поубивал всех мальчиков. Да и вообще Ирод кучу мужиков поубивал. Таким образом, Христос рос и жил в поколении, где его окружали в основном девочки и женщины. Можно предположить, что его проповеди возымели успех именно потому, что его аудитория состояла в основном из женщин, причём экзальтированных из-за недоёба, (мужики-то перебиты Иродом). Вот эти женщины и уверовали в Христа, идеи которого апеллировали к их мазохистской настроенности, к их голоду и похоти, которую женщины неизбежно испытывали к Иисусу. Именно из-за недостатка мужчин женщинам так понравилась идея непорочного зачатия – мол, и без мужиков зачать можно, да ещё ТАКОГО родить. Именно женщины разнесли идеи христианства, а апостолы и прочие мужики только фиксировали произошедшее.

Короче, Ирод своей жестокостью подготовил почву для успешного распространения христианства.

Плата за стоянку

За стоянку автомобилей надо платить. Объясняется это тем, что машина создана для езды, а не для стоянки. Вот почему, когда машину используют не по назначению, то за это накладывается штраф.

Так и человек, ведущий малоподвижный образ жизни, наказывается болезнями за неиспользование мышц, сделанных для движения. А теперь, разумеется, каждый сможет перенести эту идею на неиспользование гениталий. Плата за их неиспользование, пожалуй, самая большая.

О компромиссе

Компромисс – это вмешательство материального мира в конфликт идей. Посему истинные идеалисты разрешают этот конфликт только с помощью смерти, своей или чужой. Тем-то и опасны идеалисты, ибо они – ангелы смерти.

Неологизм

Самонадеянное отношение мужчин к женщинам я определяю как палкозакидательство.

Эволюция отношений

Женщина соглашается ебаться, чтобы выйти замуж.
Мужчина соглашается жениться, чтобы ебаться.

Через некоторое время женщина додумывается, что она может оставаться замужем, не ебясь, а мужчина обнаруживает, что он женат и не ебётся.

Абсурдность этой ситуации иногда снимается взращиванием детей и нагрянувшей старостью.

Но, обыкновенно, жена берёт любовника, чтобы получить наслаждение. А муж уже давно имеет любовницу и уверен, что даёт наслаждение ей. Любовница же готова имитировать наслаждение, чтобы дожать мужчину до развода и выйти за него замуж.

Одевание женщины

У женщины прихватило спину – больно нагнуться. Просит ей помочь натянуть колготки. Я встал на колени, вожусь и оправдываюсь:

– Снять их я одним движением могу, а натягиванием никогда не занимался.

Она снисходительно говорит:

– Ломать – не строить.

«Откуда ружьишко?» – «Со сцены, вестимо»

Восхищаются чеховской метафорой о стреляющем на сцене ружье. (В моей давней пьесе «Диалоги» на сцене тоже висело ружьё, не имевшее никакого отношения к действу. В конце пьесы герой, уходящий со сцены, спохватывается, возвращается, снимает ружьё, выстреливает, вешает обратно и только тогда уже уходит насовсем).

А ведь эта метафора говорит вовсе не о законе театрального искусства или искусства вообще. Она лишь отражает всеобщий мировой закон, согласно которому всё друг с другом взаимосвязано и не может существовать без какой-то, в конечном

итоге всегда значительной, причинно-следственной или иной феерии.

И потому, когда в театре этим законом пренебрегают, то пьеса обречена на провал, поскольку против законов природы не попрёшь. Человека пронимает красивость образа с ружьём, а то, что вся жизнь пропитана смыслом этого образа, остаётся для большинства незамеченным.

Ничто существующее не висит во времени просто так, а когда-то выстреливает. Но нам не дано знать, как это ружьё выстрелит: прямым попаданием, вхолостую или мимо.

И размышление над этим уже оставило далеко позади доказательство бытия божия, которое вышло на следующий уровень – превратилось в попытку разгадки его намерений и целей.

Омерзительное американское выражение

Одно из самых омерзительных для меня выражений в Америке это: «We decided to start a family» (Мы решили образовать семью). Подразумевается – завести ребёнка, и об этом, как правило, гордо и торжественно оповещает женщина.

По-русски это означает: я стала ебаться, не предохраняясь, чтобы забеременеть.

С одной стороны, эта фраза «start a family» звучит совершенно абстрактно, без всякого намёка на способ, каким «начинается семья». Можно подумать, что пара решила взять приёмного ребёнка.

С другой стороны, эта фраза подразумевает следующее: раньше мы еблись просто для удовольствия, а вот теперь мы ебёмся для того, чтобы зачать.

Если же американке не удаётся зачать, то процесс starting family она в открытую обсуждает со всех сторон. Женщина рассказывает, как они с мужем «стараются». Стыда как не бывало, и она оповещает всех, что она ебётся как можно чаще, что она пытается установить время овуляции и в особенности в это время она требует от мужа, чтобы он её ёб раз за разом. А после каждого раза она стоит на голове по полчаса, чтобы ни один сперматозоид не посмел увильнуть от предназначенной ему судьбы, а именно: добиться расположения созревшей яйцеклетки, чтобы она его впустила себя оплодотворить.

Starting family также означает, что хана анальному и оральному сексу, что теперь запрещено разбазаривать по прямой кишке и пищеводу сперматозоиды, каждый из которых стал на вес

золота. Особенно сейчас, когда цена на золото взметнулась, как хуй взмётывается на зад или на рот. Ну и конечно – на пизду.

Американцы преисполнены чрезмерного уважения к женщине, боятся заводить с незнакомкой сексуальные разговоры, ибо их прихватят за сексуальное домогательство, но в случае женского признания о starting a family они мгновенно раскрепощаются и позволяют себе подробно говорить о ебле с точки зрения эффективности зачатия.

Более того, молчаливо и справедливо полагается, что в «зачаточной» ебле для наслаждения просто не остаётся места. Для женщины уж точно – она озабочена не оргазмом и даже не мелким удовольствием, а только зачатием.

Но противозачаточные американки забывают, что лучше всего беременеется от похоти. Более того, многие женщины легко беременеют от насильника, но не могут от собственного мужа. Чем больше похоти, тем, при всех равных условиях, больше вероятность у женщины забеременеть.

То, что женский оргазм способствует зачатию, известно давно, но это американки не желают знать. Вернее, откуда взяться оргазму от опостылевшего мужчины, с которым она жила десять лет до замужества и за которого наконец решила выйти замуж, так как они приняли обдуманное решение «to start a family»?

Если устраивать зачатие без похоти, то тогда лучше и надёжнее всего осуществлять его в пробирке, как это уже навострились делать.

Итого: выражение «starting a family» омерзительно для меня потому, что в нём наслаждением ебли полностью пренебрегается. А раз о наслаждении не упоминается, то тогда общество позволяет говорить о ебле сколько угодно, ибо она становится лишь механической процедурой для оплодотворения яйцеклетки.

Козырёк на должном месте

Когда согласно моде стали носить бейсбольные кепки, разворачивая козырьком назад, меня раздражала алогичность, бессмысленность этой моды: ведь козырёк сделан для того, чтобы защищать от солнца, и если он тебе не нужен, то носи тюбетейку, тюрбан, папаху, – зачем пренебрегать пользой козырька и во имя моды ослеплять глаза ярким светом.

Мода ведь всегда практична: задача женской моды – разнообразно открывать тело, а мужская мода показывает либо классическое наличие денег и власти (смокинги и фраки) либо творческую направленность (разнообразный покрой одежды и её

цвета), которая намекает на мужское сексуальное творчество, то есть на способность мужчины изощрённо удовлетворить женщину. Однако ношение бейсбольной кепки козырьком назад никак не укладывалось для меня в эти цели.

Однажды я гулял с девушкой в парке и завёл её в маленькую чащу. Девушка встала на колени и ублажила меня своим восхитительным ртом и влажным шёлком языка. Совершенно естественно, что я устремился отдать мой прекрасный долг. Девушка легла на траву и широко развела ноги, я склонился к ней и, забыв, что на мне бейсбольная кепка, ткнулся козырьком ей в живот. И тут я автоматически сделал модный жест – перевернул козырёк назад и принялся за великое дело, в величии которого меня постоянно убеждает звучная радость, что охватывает женщину в процессе его завершения.

Поднимаясь с травы, я забыл о том, что и как у меня на голове. Но моя спутница заметила и рассмеялась образовавшейся модности моего вида.

И тогда меня осенила истинная цель этой моды, до которой я сам только что дошёл.

Так что неудивительно, что девушки с вожделением смотрят на повёрнутые назад козырьки у парней, инстинктивно надеясь, что следующим шагом будет ощущение языка на клиторе.

Однако суть любой моды самоубийственна: она сидит у людей в подсознании, в засаде, и поджидает уместное время и своевременность места, когда парочка избавится от одежды и в наслаждении забудет о всякой моде.

Настоящая цена

Вся Америка стоит на ушах, узнав, что Нью-Йоркский губернатор Eliot Spitzer, который в своё время боролся с проституцией, сам брал проституток и платил аж 5000 долларов в час. Нашли даже одну из этих баб, 22-летнюю умеренно красивую девицу, строящую из себя певицу. Но стоит ли она и любые женщины огромных денег? Вообще-то говоря, если платят, то, значит, стоит – рынок определяет цены. Но это лишь доказывает ещё и ещё раз, насколько много богатых и умных мужчин, которые превращаются в последних дураков, как только дело доходит до баб. Ведь тот же товар, и даже много лучше, можно купить за значительно меньшие деньги. Платя такие огромные деньги (которые для Спитцера, выходца из богатой семьи, могли представляться копейками) он ещё и считался тяжёлым клиентом, так как осмеливался требовать ебли без

гандона. Это же надо, какой нахал, – деньги платит и ещё требует…

А сколько есть красивых баб, которые отдались бы за мелочь и были бы счастливы зад лизать губернатору в качестве бонуса. Вызволить *таких* из *их* нор – задача информационного хайтека.

Разумеется, что существуют дорогие вещи, высокая цена которых оправдана трудом, вложенным в них. Так, например, дорогие машины – в процессе езды ты пользуешься всей этой роскошью, которой нет в других машинах: особо мощный двигатель и внутренние прибамбасы делают твою езду приятной, удобной, изощрённой – ты сидишь и щупаешь мягчайшую кожу сидений, ты вкушаешь звуки супер-дупер-стереоустановки да и мало ли чего ещё.

А с женщиной, за которую платишь бешеные деньги, происходит прямо противоположное – именно когда ты её используешь, она ничем не отличается от женщины, за которую платишь значительно меньше.

Чем дорогая проститутка отличается от той, что значительно дешевле? Дорогими шмотками, дорогой косметикой, дорогой машиной, на которой она приезжает к клиенту. Но ведь для того, чтобы использовать эту бабу, всё это дорогое не нужно: шмотки снимаются, косметика смазывается, а машина, на которой она приехала, и на хуй не нужна. То есть ебя её, ты ебёшь обыкновенную более или менее красивую бабу. За что же эти сверхприбыли? – За жульничество и обман. За сутенёров и за подлость морали.

Думаете, эта тысячная баба более умелая в сексе, чем сотенная? – Хуй! Уверен, что и в жопу ебать не даст, а если и даст, то будет вымогать дополнительные тыщи, а если без гандона, то вообще жениться на ней потребует. Думаете, эта куртизанка-партизанка сосала и сглатывала Спитцеру? Вряд ли. Она же проститутка, учёная.

Надо было Спитцеру взять красотку из свежих эмигранточек всего лишь за шмотки из дешёвого магазина или школьницу-старшеклассницу за iPod, тогда бы и волки были сыты и овцы – нецелки.

И вообще, коль на то пошло – каждой бабе, требующей за еблю больше сотни долларов, нужно впаивать срок за жадность и стяжательство.

Когда происходит стихийное бедствие и некоторые магазины начинают задирать цены на свои товары только потому, что люди оказались в безвыходном положении и вынуждены платить что угодно, чтобы не умереть с голоду и иметь крышу над головой, то такие торговцы подвергаются уголовному преследованию за

эксплуатацию человеческого несчастья.

А разве это не стихийное бедствие, когда общество оставляет мужчину без женской красоты, разве это не человеческое несчастье, когда пизду делают недостижимой?

Игра слов

К эмоциям, передаваемым поэтически, относиться всерьёз не приходится. Поэт рифмует, аллитерирует, создаёт ритмические ходы – а это значит, что он ИГРАЕТ в слова. Вот он пишет о горе, а горе не может быть словесным, от горя – орут, рыдают, звереют. А раз сел писать, да ещё стихи, значит стал отшучиваться от горя, отстранился от него – значит, выживаешь в словесной игре.

Так и любовь: она бессловесна, в ней стоны да урчание. А чуть за стихи взялся – это и не любовь вовсе, значит забрана она у тебя, значит словами её заменить пытаешься.

Многажды в одну реку

Я писал:

> И дважды я не мог войти
> ни в ту же реку, ни в объятья.

А вот в объятия клонированных женщин можно войти именно многократно. Нечто, считавшееся непреложной истиной, то, на чём строились философии и прочие заблуждения, теперь радостно попирается наукой.

Учёные оговариваются, что идентичные клонированные люди, хотя и неотличимы внешне и генетически, будут иметь разные духовные миры. Но кто интересуется духовным миром женщины, когда вводит ей член в выбранное отверстие? Интересует одно – тебя вбирает в себя точно такая же красавица, которая вчера была недостижимой! А теперь они, одинаковые, сотнями ходят, предлагая себя не только бесплатно, но и беспоследственно.

Так что в одну и в ту же красавицу (в одних и тех же красавиц) можно будет входить многократно, в отличие от реки.

Наука расправляется с сексуальной моралью виртуозно и бесповоротно. Вот почему вокруг науки скучковалось столько моралистов, которые каждый её шаг вынюхивают на опасность бесконтрольной ебли, поднимают шум и не позволяют науке нестись полным ходом.

Самое ужасное, если эти сексуальные моралисты тоже начнут себя клонировать. В них многократно пулями входить, так и пуль не напасёшься. Впрочем, пули уже давно научились клонировать.

Убийственные размышления

Если верить в бессмертие души, то убийство значительно теряет в своей ужасности – ведь убийца не лишает человека жизни, а просто переводит её на другой уровень, причём, как утверждают религии, в лучший мир, который может оказаться ни чем иным, как самим раем.

Потому логично ожидать, что в идеалистическом (религиозном) обществе наказание за убийство должно быть не столь жестоким, как в материалистическом, в котором смерть означает полное исчезновение, абсолютную потерю жизни. То

есть для материалиста жизнь – это единственный шанс сотворить для человечества нечто полезное или как-то самовыразиться, и убийца лишает свою жертву этого единственного шанса. Потому-то либералы, которые в значительной степени материалисты, так высоко ставят человеческую жизнь и, в частности, поэтому борятся за отмену смертной казни.

Истинными гумманистами могут быть только материалисты-атеисты.

С другой стороны, в религиозных обществах убийства всячески процветают: от приношения жертв до убийств во имя охраны божественных повелений. Человеческая жизнь там ни во что не ставится, если появляется возможность услужить богу или идее.

Если плоть грешна, то умерщление её, а ещё лучше – уничтожение (убийство и самоубийство) должны только приветствоваться теми, кто верит в бессмертие души. Более того, для них убийство лишь освобождает бессмертную душу от уз тленного тела. Итого: истинный христианин должен приветствовать убийство как борьбу с греховной плотью.

Таким образом, уверование в бога увеличивает для человека возможность дать себе оправдание для убийства. Тем более, когда религия ещё позволяет замаливать грехи, каяться и покупать индульгенции.

Если человек убивает во имя идеи или защищаясь, его считают героем. Если человек после «безыдейного» убийства не изничтожает себя угрызениями совести, а живёт как ни в чём не бывало, то его считают зверем. Если же человек уничтожает себя душевными страданиями, то его считают человечным.

Смерть же, даже естественная, это всё равно есть казнь, ибо она насильственно лишает жизни, насильственно, так как наступает, попирая жажду жизни. Даже самоубийца должен преодолеть в себе желание жить, прежде чем довести дело до конца, до своего конца.

И тем не менее некоторые якобы испытывают восторг от приближения смерти. Врут, наверное.

Таким образом, долголетняя жизнь, если государство заботится о продлении жизни каждого гражданина, может иметь место лишь в стране, где прежде всего государство и религия разделены и когда у власти стоят интеллектуальные материалисты.

Религиозные идеалисты во главе государства насаждают лишь скорую смерть для большинства граждан.

Есть ли у меня исторические тому доказательства? – Нет, конечно, – ведь речь идёт об идее, а в идейном мышлении факты

ценятся мало, ими пренебрегают, а иногда их даже пытаются уничтожить.

Идеальное тело

Как было бы славно, если бы души умирали, а тело было бы бессмертно в своей молодости, и оно наполнялось бы разными душами – так можно было бы жить разными жизнями, имея одно идеальное тело.

В защиту бога

Так и хочется крикнуть молящимся: Оставьте бога в покое!

* * *

Люди наиболее счастливы в периоды своих заблуждений. Вот почему люди так хотят обманываться. И поэтому их так легко обмануть.

Зависть

Зависть – это форма безответной любви. Ты завидуешь деньгам, которые имеет некто, а это значит, что деньги не любят тебя в ответ. Во всяком случае в той мере, в какой они любят того, кому ты завидуешь.

То же и с любовью – зависть к тому, кого любит та, которая не любит тебя.

Недаром в английском языке jealousy обозначает как зависть, так и ревность.

Следовательно, зависть – это также и несчастная любовь, ибо безответная.

Вот ещё одно доказательство, что любовь (равно как и её недостаток) правит миром.

Ошейник в зубах

Не раз я видел собаку, бегущую рядом с хозяином и держащую свой ошейник в зубах. Когда хозяин скомандует, собака остановится и даст хозяину одеть на неё ошейник.

Так и верующий со святой книгой в руках смотрит снизу вверх на священнослужителя, чтобы тот растолковал ему порабощающий смысл писания.

Птичий аборт

Забирать яйца из-под кур и прочих птиц – это всё равно, что делать птицам аборт.

Противники абортов и защитники прав животных должны объединиться в борьбе за охрану птичих яиц от человеческой безнравственности.

Многозначительное соседство

В аптеке снадобья для понижения веса разложены рядом с противозачаточными средствами. В обоих случаях идёт борьба с излишним количеством плоти.

Капуста

Почему деньги называют «капустой»? Ответ отыскивается в эвфемизме: «родился в капусте». Происходит объединение денег и пизды в образе капусты, что отражает архиобъективную реальность – за деньги мужчина получает пизду, а женщина за пизду получает деньги. И вот, оказывается, этот древний закон изображается капустой в мудром фольклоре.

Знайте теперь, что вы держите в руках, когда покупаете в магазине кочан капусты. Жаль только, что в самой капусте не отыскать ни пизды, ни денег. Удручающая пустота символов.

Два чувства

Подавая нищему, человек может испытывать одно из двух чувств: либо тщеславное самодовольство от свершения доброго дела, либо презрение к собственной слабости, которая вынудила его испытать жалость и «помочь».

По-видимому, одно из этих чувств охватывает женщину, уступившую попрошайке-мужчине, но не получившую от этого наслаждения.

Чисто русский обычай

В романсе *Скатерть белая* (Музыка Ф. Германа, обработка С. Гердаля / Автор слов неизвестен) есть такое откровение:

По обычаю петербургскому,
По обычаю чисто русскому
Мы не можем жить без шампанского
И без пения без цыганского.

Вот тебе и чисто русский обычай: французское вино и цыгане-инородцы. Другими словами, чисто русский обычай – это полная зависимость от нерусского. Получается, что вся русская самобытность (исчерпывающаяся «неисчерпаемыми» нефтью и газом) и поныне состоит в этой зависимости, причём теперь ещё пошибче, чем прежде.

Музыка этого «чисто русского» романса, между прочим, тоже написана и обработана не то немцами, не то евреями.

Шажок между любовью и ненавистью

She: – Say, you love me.
He: – I hate you.
She: —Well, close enough.

Условный перевод:
Она: – Скажи, что ты меня любишь.
Он: – Я тебя ненавижу.
Она: – Что ж, это почти одно и то же.

Запретить яблоки!

Если Ева соблазнила Адама яблоком и с этого началась вся человеческая хуйня, то почему правоверные до сих пор не запретили потребление, выращивание яблок и даже упоминание о них? Расправились же евреи со свининой и прочими вкусными продуктами, а мусульмане ещё и с вином.

А без яблок бог бы ещё сильнее полюбил, причём всех разом: евреев, христиан и мусульман.

И только бы буддисты и прочие язычники обжирались бы яблоками, а их за это пробирал бы понос.

А то никаких полезных выводов из священного писания не делается.

Охота и рыболовство

Я не рыболов, а если охочусь, то только на баб.

Гуляя вокруг озёр, я часто наблюдаю рыболовов, которые торчат часами у воды или в воде, закидывают, забрасывают и, наконец, вытаскивают рыбу на крючке. Радостно взяв трепещущую рыбу в руки, они любовно её оглядывают, потом аккуратно вытаскивают крючок и бросают рыбу обратно в воду. И так раз за разом, рыба за рыбой.

Я немедленно провёл аналогию: уговариваешь бабу, соблазняешь, наконец разложил её на кровати, она ноги развела и в этот момент ты «с уважением» протягиваешь ей только что стянутые с неё трусики – одевайся, я своего добился, ты согласилась, можешь плыть дальше, а я пойду другую пособлазняю.

Объяснение в том и другом случае может быть одно: зажрался мужик.

Рыба-то, небось, счастлива – жизнь спасена, а баба мужику за такое «спасение» ногой по яйцам въедет.

Вот в чём состоит отличие гуманной охоты от гуманного рыболовства: гуманная охота значительно опасней.

Продолжая охоту и рыболовство

Продолжая тему об охоте и рыболовстве, поведаю, что сегодня я наблюдал ловлю рыб двумя рыболовами. Рыба клевала хорошо – каждые полминуты они вытаскивали по трепещущему, сверкающему существу. Один рыболов, улыбаясь, снимал добычу с крючка и полнил ею ведро, в котором плескался целый косяк. Второй рыболов, хмурясь, вёл себя, с моей точки зрения, весьма странно. На моих глазах он словил штук десять, но все кроме одной, он побросал обратно в воду. Когда очередной раз он снял одну с крючка и бросил обратно в воду, я спросил его: почему. Слишком маленькая, – ответил он.

Когда он словил заведомо большую, но и эту бросил обратно, я снова поинтересовался, почему? На этот раз от ответил более неопределённо: Мне не нравится, как она выглядит.

Ещё раз осознав, что эстетические предпочтения не подчиняются логике, я покинул место рыбной ловли и углубился

в привычные размышления, используя аналогию – с чем бы вы думали? – Правильно! – С еблей.

Аналогия возникала весьма фантастическая. (Или такая уж фантастическая?)

Представьте, если бы мужчинам для того, чтобы сексуально заинтересоваться женщиной требовались не только её внешняя привлекательность и согласие развести ноги, а ещё и предпочтительный облик пизды.

Вот мужик приударяет за женщиной, та чуть ломается (или не чуть, а слишком), но так или иначе он её уламывает. Женщина ожидающе раздвигает ноги, а эстет смотрит и говорит: «слишком маленькая» (несовершеннолетняя значит), – или: «не нравится мне форма твоих малых губ и размер больших, да и преддверие влагалища недостаточно гостеприимно, а клитор так вообще от горшка два вершка. Одевайся, я тебя домой отвезу».

Нет, мне больше по нраву рыболов, который всех выловленных рыбок с улыбкой в ведро бросал, чтоб потом зажарить. А для женщин – и подавно. Они ведь любят быть выловленными и отжаренными.

Порнография как положительный герой

Положительного героя в кино или в литературе никогда не удаётся создать убедительно. Добро, к которому стремятся, тем не менее быстро утомляет своей высокой концентрацией и потому не может стать искусством, построенном на контрастах.

Вот и порнография не может стать искусством, так как она изображает то же рафинированное добро – наслаждение. Прекрасное, но нереальное в своей абсолютности.

Свадьбы былые и нынешние

Раньше свадьба была великим праздником (я рассматриваю только случаи взаимного влечения между невестой и женихом) первой ебли для невесты и новой, а часто тоже первой пизды для жениха, и свадьба узаконивала неограниченную еблю для обоих с момента наречения их мужем и женой. Таким образом, свадьба являлась грандиозным событием, праздником легализированной похоти. Поэтому торжество, радость и восторг вокруг свадьбы являлись вполне естественными.

Теперь же, когда ещё не женатые самец и самка спят друг с другом долгие месяцы или годы и уже успели сексуально

поостыть и пообезразличеть друг к другу, но вдруг решают пожениться, то теперь свадьба является лишь формальной церемонией добровольного порабощения законами, скотским подчинением хлысту попа-пастыря, сдачей мёртвой хватке общественных привычек. Нередко свадьба становится продуманным логическим шагом, чтобы завести детей, которые должны быть законными. Часто свадьба основывается на корыстном желании девицы побыть хотя бы один день «царицей бала», поскольку это её единственная такая возможность в жизни. Есть различные причины удобства, ради которых пара решает жениться. Но в любом случае в нынешней свадьбе не осталось ничего от сексуальной радости, от похоти, от предвкушения ебли, которые стали пройденным этапом, а свадьба теперь – это безумная трата денег с расчётом их окупить подарками гостей да ещё оказаться в плюсе. Бизнес, то бишь.

Раньше общество давало сильнейшую приманку ебли для того, чтобы так или иначе поработить своих членов, но лет сто назад общество заметило, что человек настолько раб по своей натуре, что ему даже и приманка не нужна, чтобы его затянуть в рабство: ему нужна лишь выработанная столетиями привычка радости порабощения. Общество решило: пожалуйста, ебись до женитьбы, всё равно ты попадёшь в тот же капкан. Венец природы, человек ведёт себя, как низшее животное, которому в награду за свершение какого-то трюка поначалу дают жратву. А потом, когда дрессировка заканчивается, животное выполняет этот трюк уже без всякой жратвы, реагируя только на команду хозяина.

Причём человек настолько выдрессирован, что женится второй, третий и прочие разы.

Однако можно посмотреть на свадьбу и с другой стороны: свободная ебля до брака и женитьба несмотря на доступность женщины, быть может, доказывает не столько рабство человека, сколько его прозорливость, его открытое осознание того, что институт брака имеет лишь косвенное отношение к ебле, а его задача – производство и воспитание детей, взаимоподдержка супругов, удобство совместного проживания. То есть человек в конце концов раскусил, что его всё время обманывали обещанием обильной ебли в браке, ибо она всегда оставалась за пределами брака: либо до него, либо вне его.

И нынешняя свадьба – это празднование торжества дружбы над похотью.

При ближайшем рассмотрении

При ближайшем рассмотрении, при увеличении масштаба любая истина теряет свою убедительность. Например, аксиома, что через две точки можно провести только одну прямую, идет насмарку, когда при приближении к точкам увеличивается их масштаб и они превращаются в чёрные окружности, так что через них можно провести множество прямых. То есть при увеличении масштаба и при ближайшем рассмотрении эвклидова геометрия рушится.

Такой же эффект происходит и при ближайшем рассмотрении моральных истин – они становятся абсурдны и неубедительны. Поэтому законы морали должны быть удалены от пристального взгляда, чтобы к ним не пропадало почтение.

Реставрация клятв

Я клятвы дал, но дал их выше сил.

(Е. Баратынский)

В Америке есть немало омерзительных сексуальных традиций, истинный смысл которых в полной их антисексуальности. Я имею в виду ставшую популярной традицию renewing vows (обновления клятв).

Интересно, что иногда это мероприятие устраивают по казалось бы убедительной причине: мол, когда женились были бедные, просто расписались без свадьбы, а теперь разбогатели и хотим запустить богатую свадьбу. Но почему тогда такое название «об обновлении клятв» – разве клятвы нуждаются в свадьбе? Сказали бы: хотим устроить свадьбу.

Но в большинстве случаев церемонию обновления клятв устраивают по другим причинам. Вот одна из них: супруги осточертели друг другу, решили разводиться, пошли к американскому попу, а тот застращал их грехом и уговорил, ради детей, ради общества, ради бога не расходиться, а попробовать ещё раз, а для этого устроить обновление клятв (прежние-то сгнили). Но зато этот американский поп за проведение церемонии приличную сумму в карман себе положит и покорных прихожан сохранит.

А супруги, нарушившие одну клятву, уверены, что со второй они уж точно справятся. Однако, по сути-то это процедура – позорная, ибо смысл её в самопризнании, что клятва твоя ничего не значила и доверять тебе нельзя. Если один раз нарушил клятву, то и во второй раз нарушишь (подобно клятвам во вторых, третьих и т. д. браках.)

Другой вариант – устраивание второй свадьбы для развлечения, от желания хоть как-то разнообразить свою сексуально тусклую жизнь. Ведь истинное разнообразие – любовники и любовницы, – уже не под силу или не по разуму, так супруги воображают обрести новизну и свежесть чувств в повторении клятв, которые они соблюдали по лени, по трусости и со страху перед собственными желаниями.

Обновление клятвы столь же издевательски бессмысленно, как обновление девственности. И коль физиологическая девственность восстанавливается хирургически, то психологическую девственность восстановить невозможно, а именно это фальшиво изображает процедура обновления клятв.

С одной стороны и с другой стороны

С одной стороны, если ты не изменяешься вместе с жизнью, то она покидает тебя, то есть ты умираешь.

С другой стороны, чем больше всё изменяется, тем больше остаётся таким, как прежде. А значит, ты изменяешься, чтобы остаться таким, как прежде. То есть с помощью изменений (включая и старение) ты остаёшься прежним – молодым.

Кем быть?

Циником ныне называют того, кто видит на каждой женщине ценник и не принимает всерьёз женские приёмы отстранения и надуманной недоступности.

Романтиком называют того, кто занимается онанизмом, но боится приблизиться к желанной женщине.

Ёбарь – это тот, кому завидуют как циники, так и романтики.

(Из моей будущей книги для юношей «Кем быть?»)

Держание за руку

Пока её ебли другие, она держалась за руку своего любовника, чтобы сжать её во время очередного оргазма. Так роженица держится за руку своего мужа, чтобы сжать её во время очередной схватки. Женщинам всегда нужна поддержка любимого мужчины.

Они, невинные

Половые органы могут могут быть как символом хорошего, так и символом плохого:

охуенно – хуёво;
опиздивающе – распиздяйство.

С одной стороны, это говорит о могуществе половых органов, что позволяет с их помощью описывать сильные эмоции.

С другой стороны, это говорит о средоточии добра и зла в этих же органах.

Чего только в них ни запихивают, чего только на них ни навешивают. А они, невинные, хотят лишь одного – наслаждения.

Из наблюдений за человеком и дерьмом

Если маленькому дерьму дать маленькую власть, то оно становится больши́м дерьмом.

Если большому дерьму дать большу́ю власть, то оно становится больши́м человеком.

* * *

Высшая мера наказания – испытывать боль при оргазме.

Неправильный совет

Поговорка

> Если тебя насилуют, то расслабься и постарайся получить удовольствие

явно придумана мужчинами, ибо женщина сказала бы:

> Если тебя насилуют, то напрягись и постарайся получить удовольствие.

* * *

Съедобная память – это еда, приготовленная тебе любимой

женщиной перед перед тем, как она от тебя уйдёт.

Уклоны клонирования

По сути, любое копирование – это попытка клонирования. Всё началось с изображений – с попытки воспроизвести внешность человека. Задача у клонирования и копирования одна и та же – продление жизни. Сначала на плоскости – портреты. Затем в трёхмерном пространстве – скульптуры. С ростом технологии, улучшением материалов точность копирования возрастала: фотография, видео, голография… Но всё это было клонирование лишь внешнего вида. Клонирование облика существа, а не жизни существа. Только недавно генетика подобралась к основам клонирования жизни. Следующий шаг – клонировать не только тело, но и душу в нём пребывающую.

Интересно, что попы всегда противостояли любому клонированию, видно чувствовали, что оно разоблачает их отсебятинскую «религию» и выводит человека напрямую к богу без их надуманного и навязанного посредничества. В течение веков существовали различные запреты на изображения. Наиболее известный – средневековый запрет на изображения бытовых сцен, а позволялись лишь изображения библейских персонажей и событий. Запрет на изображения бога и даже написания его имени существует и по сей день в иудаизме, да и ислам тоже полон запретов на изображения.

Сюда же вписываются и запреты на порнографию: изображение обнажённых и совокупляющихся людей есть запрет на клонирование, воспроизведение самой сути жизни.

Теперь те же попы и им подобные тщатся запретить само клонирование людей, что является совершенным копированием – пространственным и живым изображением, внешне неотличимым от оригинала.

А как было бы интересно клонировать бога! И таким образом вернуться к политеизму. И вообще – каждому по личному богу!

Монополия монотеизма

Переход от политеизма к монотеизму является обыкновенной консолидацией религиозных коммерческих структур с целью повышения эффективности управления верующими, и евреи первыми провернули эту сделку.

По сути монотеизм – это монополия.

Однако, оказалось невозможным восторжествовать лишь одной, и три сильнейших монополии (иудаизм, христианство и ислам) разделили сферы влияния словно три мафиозные семейства. Разумеется, что самое молодое и горячее мусульманское семейство помышляет о прибирании к рукам всего религиозного бизнеса.

Религиозные мыслята

Увиделась универсальная схема происхождения религий.

1. Обозрев народ, хитрый и крепкий мужик узрел в нём стадо. И решил он им повелевать: стричь, ебать, резать, вести, куда его глаза глядят.

2. Мужик с собутыльниками напридумывал законы и они разбавили их забавными историями. Смысл придумки – обещание народу счастья при условии подчинения ограничениям на секс и на право собственности. Это для того, чтобы секс и собственность для мужика и собутыльников были безграничными.

Литературный талант в деле придумок необходим, тогда как честность – главное препятствие. Записывать законы нельзя, чтобы не оставлять улик самоделки.

3. Мужик объявляет, что эти законы нашептал или наорал ему бог. Таким образом, его болтовня сразу обретает статус вещания, а сам мужик становится пророком или даже родственничком бога.

4. Мужик-пророк так или иначе умирает, но смерть его не признают, ждут его возвращения, а для того, чтобы его, устного, не забыли, ближайшие собутыльники или отстоящие в будущем махинаторы решают нанести что запомнилось, а попутно придумалось – на бумагу. Эту бумагу с записями объявляют волшебной, святой, неприкосновенной, неприкасаемой, нетленной и прочей хуйнёй.

5. Начинается интенсивный marketing and distribution[11] текста как слова божия. Для этого организуется фирма под названием «Церковь». Церковь взымает дань, организует «чудеса», разрабатывает церемониалы, манипулирует поведением своих членов и насаждает текст как источник окончательной истины, а также устанавливает систему наград за следование учению и наказаний за отклонение от него. Духовная жизнь состоит из остервенелого толкования «священного» писания. Из этих толкований и рождается самое страшное зло.

Тот факт, что эта схема универсальна для всех религий говорит не иначе как и впрямь о божественности её

происхождения.

Взятки богу

Жертвоприношение или пожертвование в храм – это дача взятки богу из расчёта, что он создан по образу и подобию продажного человека. Кем же надо быть, чтобы надеяться, что богу, сотворившему вселенную, требуется лишний баран или сотня у.е.?

Однако жрецы и попы, прикарманивающие жертвуемое добро, умудрились убедить овец в необходимости и этой стрижки.

Основы этимологии

Сучки на полированном дереве напоминают пизды. Получается, что сучкй напоминают сучек.

Критерий старости

Старость наступает, когда новизна начинает не влечь и волновать, а раздражать и пугать.

В таком случае у меня есть шанс умереть молодым.

Внехрамовая поэзия

Всякий раз, когда я ходил на службу в синагогу или попадал на службу в церковь, меня одолевала такая тоска от этих иудео-христианских попов, которые тщились быть моими «учителями», что я брал программку службы и писал на ней стихи. Так у меня написалось немало.

Я давно не хожу в синагогу и тем более – в церковь. Я давно перестал писать стихи.

Быть может, это бог нисходил на меня в храмах и поэтому я там хватался за бумагу?

Теперь я хватаюсь только за пизду.

И бог по-прежнему нисходит. Причём с ещё более поэтическим результатом.

Бредятина

Станция метро «Тайные записки Пушкина».

Из неё вылезает пионер-шпион, которого как пионеры, так и шпионы называют между собой «шпионер» Это был человек, который сумлевается. К нему подошли с паролем: Витя, ты Боря? Он ответил мудро: «Посеешь Витю, пожнёшь Борю». Подошедший сбежал.

«С первым ампера!» – рассмеялся человек и пошёл сжигать литературные мостки. Было завтра. Будильник работал, как часы.

Единство с насекомыми

Насекомые с доисторических времён очаровывались видом, запахом и ощущением цветов, влечение к которым оправдывалось для них нектаром, что они из цветов отсасывали.

Человек тоже испокон веков очарован цветами, ибо они являются для человека воплощением красоты: зрительной, обонятельной, тактильной. То есть эстетические критерии красоты усвоены человеком ещё от насекомых и являются идентичными. Но в отличие от насекомых, у которых эстетика основана на связи со жратвой, у человека эстетика основана на сексе, ибо цветок, являющийся половым органом растений, ассоциируется у человека (чаще всего подсознательно) с женскими половыми органами.

То, что удовлетворяет самое сильное желание – голод (пищевой и половой) – становится воплощением красоты.

Так что не зря насекомые и человек без ума от цветов – их эстетика едина, а значит человек и насекомые – братья навек.

Не до небес

Гулял с женщиной вокруг озера. Гуси, потягиваясь, делали «ласточку», ворковали голубками и гадили как свиньи. Так что я всё смотрел под ноги, чтобы не наступить.

А женщина тем временем призывает:

– Посмотри на небо, какие красивые облака.

– Не могу, – отвечаю я, – вляпаюсь в дерьмо, – а сам дивлюсь: как она умудряется не вступать и небом любоваться? Непостижимо. Одно объяснение – женщина.

Потом меня осенило. Я остановился, посмотрел на облака, восхитился и пошёл дальше, уставясь в землю. Вот уже где действительно – либо земля, либо небо.

Следствия долгожительства

Молодёжь и люди средних лет не любят думать и размышлять о болезнях, старости и потому особенно в России да и в других странах инвалидов и стариков убирали в маловидные места, старались от них побыстрей избавиться, желали им скорейшей смерти и всячески этому способствовали.

В Америке и других человеколюбивых странах продолжительность жизни резко возросла (России это пока «не грозит»). Количество стариков с каждым годом растёт.

В связи с этим приходится усомниться в мудрости, якобы присущей старости. Убеждённость в мудрости стариков существует с давних времён, когда продолжительность жизни была мала, и 60 лет считались глубокой старостью, а это возраст, когда ум ещё прекрасно работает, и, оснащённый жизненным опытом, человек часто представляется мудрым по сравнению с двадцатилетним.

Теперь же люди живут с лёгкостью до 80–90 и более лет. В эти, последние годы ум заметно тускнеет и старик лишается не только мудрости, но тщетно цепляется за обыкновенный разум. Так что миф о мудрости стариков при нынешнем их долголетии приходится похерить.

В то же время резкое возрастание количества стариков предоставило молодёжи возможность дольше и внимательней следить за влиянием старости на их родителей, дедушек и бабушек и окружающих их людей и благодаря этому наблюдать за влиянием старости на жизнь и не отворачиваться, а видеть в этом своё неизбежное будущее, а значит быть более осмотрительными в юношеской оценке старости.

Другими словами, из-за увеличения количества стариков становится мудрее молодёжь.

Настоящий бардак!

Всё то, что запрещено – преподносится обществом как отвратительное и устрашающее, тогда как на самом деле многое весьма наоборот.

Например, в недавние времена в СССР слово «спекулянт» являлось оскорблением, поскольку спекуляция – это основа свободного рынка (купил дёшево, продал дорого).

Так и бардаки, которые запрещены, до сих пор ассоциируются с негативным. Это настоящий бардак! – восклицают в России, подразумевая высшую форму беспорядка и беспредела, тогда как

в обществе с разрешённой и лелеемой проституцией бардак – это образец порядка и организованности.

Не зря же существует мечтательная поговорка-переделка:

Будет и на нашей улице публичный дом.

Поэзия опасна для жизни

У А. Кушнера в книжке *Письмо*, которая была издана в 1974 году, было напечатано стихотворение, ставшее одним из самых его известных: «Пойдём же вдоль Мойки, вдоль Мойки». Стих этот является путеводителем по памятным местам Петербурга и по интимным местам плохо прожёванных чувств.

Но самые важные для бытия строчки, насколько мне известно, остались не замеченными литературной критикой. Вот они:

…Глотая туманный и стойкий
бензинный угар на ходу.

Этот угар проявлял свою туммaность и стойкость ещё в те годы. Теперь же, как мне рассказывают питерцы, гульба по указанному Кушнером маршруту может стать смертельным предприятием, если не надеть противогаз.

Так что поэзия не только устаревает, но и становится опасной для жизни, если следовать её романтическим предписаниям.

Без русского на чужбине

Мать разговаривает с сыном, забывающим русский.

– Ты хоть понимаешь, что я тебе говорю?

– Yep.

– А ты можешь ответить мне по-русски?

– Nope[12].

Отец-литературовед вытаскивает пистолет и застреливает сына, жену и под конец – себя.

Занавес.

Великое открытие для скудоумных

Намедни учёный, известно из чего печёный, громогласно обнаружил, что Кафка любил порнографию.

Из этого само собой разумеющегося факта печёный и прочие недопечённые пытаются сделать великое литературное открытие.

С таким же успехом можно было бы сделать эксгумацию трупа Кафки и открыть, что у него был хуй.

Я думаю, поистине великим (и невозможным) открытием было бы найти человека, который порнографию не любит. А тех, что лгут, будто она им противна, заставить заявить это под присягой, а потом принудить их смотреть всевозможную порнографию в течение четверти часа, производя замеры неизбежного притока крови к их половым органам. Документально и научно зарегистрировав эрекцию или лубрикацию, использовать это как доказательство лжи под присягой и бросать этих фальшивок за клятвопреступление в тюрьмы, где всем заключённым разрешалось бы использовать их во все дырки в качестве воспитательного мероприятия. В конце срока эти клятвопреступники и впрямь бы перевоспитывались (что для других преступлений происходит весьма редко) и по выходе из тюрьмы, освобождённые от стыда, они вели бы половую и порнографическую жизнь без былых моральных закидонов. (Мой вариант рассказа Кафки «В исправительной колонии».)

Возвращаясь к «великому открытию» сексуальности у знаменитых людей, факту, к которому принято относиться высокомерно и с пренебрежением, моралисты прибегают к стандартной формуле: мол, «для лакеев не существует великих людей – ведь они пьют, едят, испражняются и спят, как и все прочие смертные». То есть человека, увидевшего сексуальные отправления знаменитости пытаются унизить словом «лакей». А почему бы вместо лакея не вспомнить о враче, который не только видит все физиологические отправления своих великих пациентов, но и изучает их для усиления эффекта от медицинской мощи.

Моралисты хотят создать впечатление, что разговор о физиологических отправлениях знаменитого человека – это попытка унизить его, сравнять его с простыми смертными. Величие человека, по убеждению таких людей (а их – большинство), состоит в отсутствии у великого сексульных желаний и действий, за исключением ебли во браке для продолжения рода. А раз Кафка женат не был, то любая его сексуальная потуга становится в головах у таких недоумков для него унизительной, грязной, постыдной, а посему упоминать о его сексуальности – это пытаться унизить Кафку.

В действительности же сексуальность знаменитых людей

раскрывает их истинную суть, которую моралисты пытаются скрыть, подменяя её так называемой духовной жизнью. А суть эта заключается в том, что без половой жизни, какой бы она ни была, – духовной жизни существовать не может. Ибо духовная жизнь – это всего лишь реакция на то или иное ограничение жизни половой.

Так что кафкианская любовь к порнографии и есть одно из проявлений его духовной жизни. А посему (как уже я восклицал не раз): да здравствует порнография!

Мой план

Назло истории русской литературы прожить счастливую и долгую жизнь.

Не почивай!

Фразу «почивать на лаврах» произносят с осуждением. Либо ещё рано почивать, а ты уже принялся, либо, если даже и самое время – то всё равно: не почивай на лаврах!

Спрашивается, а вообще-то почивать можно? То есть отдыхать? Вроде бы мораль разрешает, но лишь после рабочего дня. Почивать-то почивай, но только не на лаврах.

Почивать на лаврах – это значит быть рантье, это значит, стричь купоны, это значит пожинать плоды трудов. В указании «не почивать на лаврах» полностью пренебрегают словом «лавры» – ведь лавры – это не матрац облёванный, на котором алкаш дрыхнет, а это драгоценные лавры, которыми человека заслуженно увенчали, то есть лавры – заработанные и быть может даже выстраданные. Другими словами лавры – это некий нажитый капитал.

Так вот оказывается, что пользоваться своим капиталом – безнравственно и плохо.

Интересно, кто же так считает, те, что сами в лаврах? Или те, что о них мечтают?

У меня лавров не много, хилая кучка, но от этого почивать на них не менее приятно. Хотя и жестковато. Но я люблю спать на жёстком. Особенно когда с бабой.

Я думаю, что для большинства знаменитых писателей (которые в лаврах, как в грязи) лучше всего как раз на лаврах почивать, а то продолжают писать по инерции до глубокой старости, а это всё равно что почивать на лаврах и на них же

испражняться – так ни лавров не останется, ни отдыха не получится.

Самое лучшее – это именно почивать на лаврах, потому что такое почивание в том числе подразумевает почивать на бабах. Но тут сразу вылезает смысл запретного указания: на бабах ПОЧИВАТЬ-то не следует, а то они из-под тебя быстро выскользнут, на них надо целенаправленно и длительно СУЕТИТЬСЯ. Так бы и говорили: не почивать на бабах!

Подобные волнения

Многие знаменитые актёры рассказывают, что всякий раз, когда они выходят на сцену, они волнуются, будто это их первый раз. И никакой опыт не может это волнение унять. Но чуть они начинают играть свою роль, как волнение исчезает.

То же самое происходит у меня с каждой новой женщиной. Волнение охватывает при подступе к ней, будто это моя первая женщина, но как только она разводит ноги, всякое волнение исчезает и начинается уверенное первое действие из минимум трёх с краткими антрактами.

Садо-мазохизм моды

Следование моде – это исконно мазохистское поведение, поскольку человек, покупающий модную одежду (то есть подчиняющийся указу модельеров) надеется получить сексуальное наслаждение (посредством сексуальной привлекательности, которую ему/ей якобы придаст модная одежда).

Модельеры же, провозглашающие указы моды, испытывают наслаждение от массового подчинения их указам. Наслаждение это опосредовано через деньги, которые модельеры получают от покупающих их одежду. А с помощью денег модельер удовлетворяет любые свои сексуальные желания.

Таким образом, модельеры легко вписываются в определение садистов: они получают сексуальное наслаждение от подчинения несметных партнёров их приказам.

В этих отношениях, разумеется, присутствует боль, ибо модельеры заставляют толпы тратить бешеные деньги на покупку модной одежды, что приносит модникам и модницам боль от бреши, образующейся в их бюджете.

С другой стороны, существуют законодатели мод – свободные

люди, попирающие структуру садист – мазохист. Они делают с одеждой то, что они сами считают интересным и привлекательным, даже не задумываясь о моде, но часто их свободный жест подхватывается модельерами и раскручивается в народе.

Разительный свежий пример законодательницы мод Amy Winehouse[13], которая стала выступать да и появляться на людях в таких своеобразных одёжках и причёске, что её выверты подхватили модельеры и стали делать из них моду.

А народ тут как тут – подчинённо копировать.

Преувеличенная любовь

Я пришёл к выводу, что моя любовь к женщинам фальшива и изрядно преувеличена. И вот почему. В старости ебать красивую молодуху можно будет только за деньги. А раз так, то, казалось бы, при сильной любви к женщинам вся моя нынешняя деятельность должна была бы заключаться в отчаянном делании денег, да в таких количествах, которых хватило бы для регулярной покупки блядей в будущем (да и в настоящем).

А я вместо этого гуляю, бездельничаю, проедаю хилые накопления и радуюсь каждому являющемуся дню. Ведь ради любви подвиги совершают, горы сдвигают, через пропасти мосты перебрасывают.

А я лишь блаженно улыбаюсь и это означает на деле, что не люблю я женщин, а люблю всё остальное.

Щека ягодицы

По-английски слово cheek переводится не только как щека, но и как ягодица.

А потому, когда в Евангелии призывается подставлять вторую щёку после того как ударили по первой, то имеется в виду обыкновенная флагеляция, и этот «афоризм» должен звучать так: если тебя ударили по одной ягодице, то подставь другую.

Оказывается, Христос явно занимался флагелляцией со своими апостолами и всячески её пропогандировал.

Так что всё это христианство – сплошное садомазо. Плюс блядство.

Один из видов верности

Этот мужчина сохранял верность любимой жене тем, что всех своих множественных любовниц он ёб с презервативами. Он ненавидел резинки, они лишали его значительной части наслаждения, но он надевал их для того, чтобы ненароком не заразить жену. Жертва великим наслаждением во имя жены – это ли не лучшее доказательство любви и очевидная демонстрация верности?

С женой же он, разумеется, презервативом не пользовался и получал с ней особое наслаждение от неопосредованного контакта хуя и пизды, наслаждение, которое он не получал с другими женщинами и тем услащал свою пресную привычку к жениной пизде. Таким образом, как он считал, укреплялась его любовь к жене и сохранялась ей верность.

Жена, разумеется, и понятия не имела о жертвах мужа, и потому не могла по достоинству оценить его любовь и верность.

Но муж был скромен, он был счастлив тем, что имел, и не ждал благодарностей.

Разный голод

Советуют не ходить в продуктовый магазин на голодный желудок, иначе накупишь жратвы гораздо больше и разнообразней, чем если бы покупал сытым. Это не только может оказаться не по карману, но и поведёт тебя по пути обжорства.

Нечто подобное происходит и на брачном рынке. Супруга нельзя выбирать в похоти. Вот женщины и занимаются мастурбацией не только для очевидного удовольствия, но и чтобы охотиться на мужчин с холодным рассудком, не замутнённым похотью. Чтобы можно было устроить жизнь с выгодным мужчиной, а не с тем, кого хочешь. Часто мастурбация заменяется или дополняется любовником, которого женщина держит для ебли, и в то же время платонически встречается с потенциальным женихом.

Мужчин же, менее разборчивых по натуре, мастурбация может удержать от изнасилования, но не от женитьбы.

Впрочем, аналогия с гастрономом никуда не годится, ибо пищевая сытость может длиться часами, а половая вообще не длится. Особенно у женщин. Да и у мужчин тоже. Так что если соприкоснуться с сексуально привлекательным партнёром (партнёршей), то недавней сытости как не бывало, и мгновенно воспрявшая похоть толкнёт тебя на любую глупость, вплоть до брака.

Орлы и люди

Познал из научно-популярной передачи, что если у лысого орла (Bald Eagle) выпадает одно перо из крыла, то вскоре из другого крыла выпадет такое же перо. Для идеального баланса в полёте.

В таком случае легко поверить, что и волос человеческий не упадёт с головы без воли господа во имя симметрии или во имя неведомой цели.

Богом каждый шаг выверен, – это не людской вариант, когда правая рука не ведает, что творит левая. Так, сосёшь одну грудь, а вторая мучается от одиночества. Потому-то во имя симметрии и баланса второй мужчина приземляется орлом на другую грудь.

Ответ Пола Ньюмана

Когда уже, увы, покойного Пола Ньюмана[14] интервьюировал *Playboy*, ему задали вопрос вроде того: «А вы чего красивых и разных, лежащих перед вами с разведёнными ногами, баб не ебёте?»

Если вопрос я запомнил приблизительно и пересказал собственными словами, то ответ великого красавца-актёра я запомнил дословно:

> – А зачем мне гоняться за гамбургером, когда у меня дома стейк есть.

Прочтя этот ответ, я задумался – просто ли хитёр Пол Ньюман или полный болван по бабам. Болван вовсе не потому, что он их с мясом (даже рубленым) сравнивает – это основания для феминистской злобы: им подавай только вегетарианские образы женщин. Сравнил-то он правильно – они мяса разного бывают.

Но что поразительно, так это то, что он действительно жрал с утра до вечера один и тот же стейк, который зачерствел, а потом и заплесневел. Если оставаться в пределах его мясной метафоры, то Пол Ньюман добровольно сидел на своём стейке-пайке, когда существует филе миньон, а также дичь, кура, мясо рыб да и, конечно, человечина.

Да ему было виднее – царство ему телесное!

Sara Palin как пизда

Впервые в новейшей истории, американской уж точно, у власти может оказаться такая красивая женщина как Sara Palin[15]. Президент Пакистана на встрече с ней обрызгал телекамеру, вовремя отвернув в сторону хуй, чтобы не попасть на саму потенциальную вице-президентшу.

«А Вы в жизни ещё красивее, теперь понятно, почему вся Америка сходит от Вас с ума», – промямлил пакистанский дон Жуан, запихивая хуй себе в жопу, чтобы не мешался при дипломатических переговорах. А когда для фотографии попросили их ещё раз пожать руки, так президент не удержался, и полез обнимать Сару, но она успела увернуться.

Дело ясное – Америка теперь может всех победить и поиметь с помощью Сары. Её функция как вице-президентши должна быть исключительно сексуальной. Она садится за стол переговоров и превращает его в кровать переговоров. Увидя её, пожилые правители подпишут любой договор, любое соглашение, если она многообещающе разведёт ноги и даст понять, что даст, коль получит нужную подпись. Политика и дипломатия сведутся, наконец, к патриотической проституции, которой они и являются, но которая никогда не была так наглядна.

Мужики всегда готовы отдать всё за красивую бабу. Так что теперь будут отдавать не всё, а лишь интересы родины. А Сара пообещает, что злоупотреблять подарком Америка не будет. И действительно, не будет, а будет только демократию распространять как сладкую заразу.

А зарубежные правители, приехав домой, станут хвастать перед народом, что они выебли Сару и наебали Америку.

Точно так же Сара будет расправляться и с внутренней американской оппозицией. Вот грядёт её словесный поединок с Байденом. Чего ей с ним спорить? – разведёт ноги, и вся его болтливость сразу исчезнет в её пизде. Демократы забудут, что к чему, толкаясь в очереди на личную встречу с вице-пр.

Только один демократ гомосек Barney Frank будет продолжать кричать «против», да и то до поры до времени – пока Сара не попросит своего красавца-мужа угомонить Barney или сама, потеряв терпение, не выйдет навстречу крикуну с огромным dildo в руке.

Кровосмесительные укоризны

Если пожилой мужик ебёт молодуху, то общество в лице имбецилов укоряет счастливца: «Да она тебе в дочери годится!».

Что же так возмущает общество? Уж не то ли, что из-за

большой разницы в возрасте ебущихся тотчас возникает ассоциация с кровосмесительной связью отца с дочерью? То есть мужик может представлять, что ебёт дочку, а молодуха фантазировать, что её ебёт отец. Да и все вокруг, видя милующихся, будут думать, что это отец дочку прихватывает. Какой ужас!

Однако когда ебутся однолетки, то общество и его глашатаи-имбецилы помалкивают. Почему? Ведь надо бы возмущённо воскликнуть: «Да она тебе в сёстры годится!»

Здоровое отношение к сексу

Так вот. Здоровое отношение к сексу в стране можно считать поимевшим место, когда порнография, демонстрируемая по главным телевизионным каналам (не говоря уже о неглавных), будет прерываться рекламой автомобилей, еды, мебели и прочих «приличных» товаров, ориентированной на среднего обывателя.

Геройская любовь к женскому молоку

Мужчины боятся женского молока больше, чем дерьма. Большинство из них обосрётся, если они нажмут на грудь, лаская и ебя, и из неё прыснет молоко. Ну а в рот взять женское молоко будет под силу лишь редкому герою (я – один из них), да ещё с удовольствием проглотить по младенческой памяти.

И вот в швейцарском ресторане осмелились ввести женское молоко в меню, то есть без сосания груди (увы), а так: будут капать сцеженное в жаркое для улучшения вкуса.

Прежде всего схватились за голову законодатели – нет такого закона про женское молоко для ресторанов. Как тогда запретить? Ну и разумеется, мужики сразу впали в перманентную рвоту и обсирание.

А я ведь об этом целый рассказ написал под названием «Млечный путь женщин»[16].

Читайте и становитесь героями!

Одержимость идеей

То, до чего уже додумался, представляется мне тривиальным, а потому неинтересным для того, чтобы на этом задерживаться, рассказывая другим, даже если для других – это откровение.

А о вещах, ещё неосознанных, говорить рано и самонадеянно.

В итоге получается, что, о чём бы я ни говорил, я испытываю неудовлетворенность. Либо от своей банальности, либо от своей некомпетентности.

И только одержимость идеей спасает от всякой неудовлетворённости, поскольку идеальное стирает все точки отсчёта.

Приливы и отлив крови

В организме любая деятельность решается универсально просто: приливом крови к нужному месту. Если ты напрягаешь мышцы руки, то к ним приливает кровь. Если ты призадумался над чем-то, кровь сразу бросается в мозг. Захотелось совокупиться – кровь тут как тут: в половых органах скапливается.

Но только у женщин кровь работает самозабвенно-самоубийственно, вынося во время менструации скисшую от одиночества яйцеклетку. Это единственный здоровый способ, которым кровь выходит за пределы тела. Она используется как носитель отхода: тело расходует такую сложную жидкость, показывая, насколько важно начать всё сначала и не грустить по потерянному.

Кровь – это живая и мёртвая вода: приливы жизни и отлив смерти с попранием её новым приливом.

Так что понятно, почему вампиры зациклились на крови, а люди – на вампирах.

Непопулярный тезис

Если исходить из популярного тезиса, что зрение является главным источником для сексуального возбуждения мужчины, а слух, запах и осязание – главными ощущениями для сексуального возбуждения женщины, то получается следующее. Чуть стоит мужчине приступить к использованию этих женских чувств с незнакомкой, а именно: приблизиться к ней вплотную, чтобы она почувствовала его чарующий запах, завести с ней речь на сексуальные темы или приняться за прикосновения к ней, то это сразу посчитается сексуальным домогательством или даже сексуальным преступлением.

В то же время женщины сплошь и рядом появляются почти или вообще оголёнными перед незнакомыми мужчинами, эксплуатируя их ахиллесову пяту зрения. И это почему-то не

считается ни сексуальным домогательством, ни тем более сексуальным преступлением. Как это понимать? Где тут вожделенное равенство сексуального возбуждения?

Нет, лучше всего не исходить из популярных тезисов. Вот непопулярный.

Порнография давно доказала, что зрение у женщины связано с её пиздой так же крепко, как и у мужчины – с хуем. Так что если женщины ходят в декольте с вываливающимися наружу грудями, с чуть прикрытыми сосками, то мужчинам следует рассматривать ширинку как декольте и ходить с вытащенным хуем, лишь надевая маленькую шапочку на головку в целях целомудрия. Так что если появится рядом баба, то они её шапочками закидают в качестве foreplay[17]. И это будет красноречивое, обонятельное и тактильное действие одновременно.

Власть обретаемая и данная

Значительную часть своей жизни мужчина тратит на добывание власти. Делает он это с помощью укрепления мышц, чтобы завладеть ею силой или с помощью интеллекта, чтобы обхитрить других политически (стать руководителем любого масштаба), экономически (набрать побольше денег), художественно (написать книги, картины, чтобы завладеть умами и сердцами), научно (чтобы повлиять на мир добром или злом) и пр.

Если мужчина тратит свою жизнь на обретение власти (причём для большинства малоуспешно), то каждой женщине власть дана от рождения в виде пизды. Женщина, разведя ноги и раскрыв пизду, мгновенно овладевает вниманием, а значит волей любого мужчины, вызывая у него желание приобщиться к ней. Разумеется, эта власть пизды не всегда находится на одинаково высоком уровне, поскольку, пресыщенный пиздами мужчина реагирует на новую пизду не так сильно, как мужчина голодный.

Достижение пресыщенности пиздами есть одна из характеристик властных мужчин, поскольку власть чаще всего используется для получения пиздяного изобилия. Но с другой стороны, чем более властен мужчина, тем более сильны у него желания и тем быстрее они возрождаются, а возрождённое желание заставляет его опять подпасть под пусть кратковременную, но власть пизды.

Умная женщина быстро осознаёт свою власть над мужчинами и, как говорила мне одна, – «переламывает через колено любого мужика пополам». Главное – не давать ему кончить. Так что

быстрое семяизвержение можно рассматривать как самозащиту мужчины от власти пизды.

Власть хуя над женщиной значительно меньше, ибо для мужчины пизда и оргазм синонимы, а для женщины хуй и оргазм – две ненадёжно связанные вещи.

Мужская власть стремится женскую власть перебороть. Самое сильное оружие против неё – это иметь обилие доступных пизд, тогда всякая новая на фоне сытости ошарашивать не будет. А доступность пизд достигается либо деньгами, либо силой.

Женщина же стремится поработить мужчину с помощью утверждения в обществе законов (руками тех же мужчин), которые бы охраняли её пизду от мужского своеволия и, таким образом, держали бы мужчин в голодном или полуголодном состоянии с тем, чтобы мужская реакция на раскрытую пизду была бы всегда рабской.

В итоге, мужчинам за власть приходится биться всю жизнь, чтобы добыть её, а женщинам власть дана от рождения, и они бьются всю жизнь, чтобы её удержать.

А победителей – судят.

Прерывание графомании

Есть глубокий смысл в том, что поэты, как правило, умирают рано. Таким способом бог предохраняет жизнь общества от особо утомительной графомании – поэтической, поскольку поэты совершенно не умеют вовремя остановиться сами. Приходится богу прикладывать свою тяжёлую руку.

Фиговые листья

В детстве я писал про фиговый лист:

> А лист и вправду был фиговый —
> ему ли было спрятать мир.

Стоит Ева у фигового дерева, отрывает то один лист, то другой, примеряет на лобок – какой покрасивше. В лужу смотрится. Прицепила один, самый маленький, но волосики всё-таки укрывший.

Видит Ева, Адам по тропинке идёт. Легла она на тропинку, согнула ноги в коленях, развела широко, а листок фиговый сбоку припёка торчит, но зато на стыдливость указывает, хотя и в

плоскости совершенно иной.

Тут Адам глядь, что за чудо перед ним предстало! – у него хуй к небесам взмыл и сорвал с волос его личный фиговый листок.

Ебётся Ева и думает: хорошо, что бог не заставил фиговый лист во влагалище запихивать.

Ебётся Адам и думает: хорошо, что бог не заставил хуй оборачивать фиговыми листьями, да ещё в несколько слоёв.

А дьявол сидит на дереве, наблюдает за ебущимися Адамом и Евой, дрочит обеими руками и размышляет: надо Бога надоумить ещё и на жопу им фиговый листок пришпандоривать.

Естественная парфюмерия

Парфюмерная индустрия исчисляется миллиардами долларов. Женщины покупают себе и мужчины – женщинам, – раскрасивые флакончики духов, которые стоят бешеных денег, особенно если на бутылочке напечатано золотом имя знаменитого жулика-модельера. Общепринятое мнение, что если от женщины разит или веет дорогими духами, то мужчины к этим женщинам сразу тянутся, влюбляются и отвердевают хуем.

Одно время в СССР были особо популярны духи, имитирующие запахи различных цветов: ландышей, сирени, розы. А что мне от того, что баба сиренью пахнет, что – ей руки обламывать и в вазу ставить?

Теперь в основном запахи синтетические, напоминающие хуй знает что.

И вот каждая баба, собирающаяся на свидание, мажет или брызгает за ушами да на груди из заветного флакончика.

Но ведь если мужик нормальный (как я), то вся эта искусственная вонь идущая от бабы, для него омерзительна и тошнотворна. Ведь у каждой женщины есть собственный «флакончик» драгоценных и уникальных духов, которые ни одна другая не имеет. И находится этот «флакончик» у неё между ног. Нормальная баба (которая идёт на свидание со мной), прихорашиваясь перед зеркалом, засовывает пальчик себе во влагалище поглубже и потом им за ушками помажет, да ещё на груди. Такие духи с мужчиной чудеса сделают, а мужики на улице будут оборачиваться не только смотреть на фигуру, но и чтобы уловить её дух.

А сколько денежной экономии – об этом и говорить не приходится.

Однако цель парфюмерной индустрии точно совпадает с

целью морали – забить пиздяной запах цветочным или каким-либо элитно-хайтековым.

А женщинам – один хуй: лишь бы мужики приставали. Ненормальные, не как я.

Boz Scaggs и мой чёрный пиар

Побывал я в джаз-клубе на концерте Boz Scaggs. Выложил $70 за билет. Небольшой джаз-клуб в сочетании с хорошим рестораном. Ел вкуснейший гамбургер из бизона.

В 1976-м вышел шедевр Boz Scagg – пластинка *Silk Degrees*. Когда я явился в Америку в начале 1977, Boz занимал значительную долю репертуара всех радиостанций. Я бредил его музыкой. Даже написал рассказ «Мечта матросика»[18], где все дела происходят на фоне его песен.

Вот я и решил подарить ему копию этого рассказа. Я перевёл на английский название книги и рассказа, подчеркнул маркером имя Boz, многократно повторяемое в рассказе и сноску с называнием его *Silk Degrees*.

Без этой маркетинговой идеи – кто знает, как наши словечки отзовутся – никогда бы не пошёл слушать постаревшего певца. Это всё равно, что идти на встречу с любовницей, которую не видел тридцать лет, с надеждой, что она осталась красивой, как прежде.

Я слышал новые вещи Boz Scaggs, и они не шли ни в какое сравнение с его молодыми песнями. Единственный раз, когда я совершенно не почувствовал гнусного влияния возраста – это на одном из последних концертов Эллы Фитцжеральд, на который мне посчастливилось попасть. Она держалась и была по-прежнему царицей и пела сказочно несмотря на печать близкой смерти на её лице и фигуре. Не всем, далеко не всем, удаётся в старости оставаться молодым.

Boz Scaggs выглядел прилично и держался с достоинством, впрочем он и в молодости не выпендривался. А то грустно смотреть на нынешнего Мика Джагера, который всё прыгает под мальчика и всё «никак не может удовлетвориться».

Возу Сгагзу подпевала полногрудая юная мулатка с зычным голосом и с густыми волосами на голове, которые начинались чуть ли не с бровей, оставляя лишь узкую полоску лба, разделяющую одни волосы от других. Он давал ей попеть и за это небось ёб в дороге.

Свои старые песни, которые ничуть не постарели, он исполнял на новый, старческий лад, вяло и скучно. В этом

помогали ему музыканты, тоже хорошие и тоже старые. Только ударник с птичьим лицом выкомаривался по-молодому, ибо и впрямь был молод.

Менять исполнение прежних успешных песен, как это любят делать потускневшие звёзды, это всё равно как старый поэт начинает править свои юношеские стихи и этим обеспечивает им лишь одно – кастрацию. Уж коль хочешь в старости продолжать петь, так пой новые песни, но не порти старых.

Тем не менее, даже испорченные старые песни вызывали ностальгические эмоции у всех вокруг и у меня. Я, умиротворённый выпитым мартини, хлопал в ладоши памяти своей юности.

В одной его новой скучноватой песне мне понравилась строчка, в которой обыгрывается поговорка:

> It is too good to be true.
> (Это слишком хорошо, чтобы оказалось правдой.)

В строчке было заменено лишь одно слово:

> She is too good to be true, – но смысл резко

менялся и получалось:

> Она слишком хороша, чтобы быть верной.

Несмотря на попытку охранника не допустить меня до Воза после концерта, я всё-таки вошёл в его комнатку, где сидела певичка с MacBook на полных коленях. Boz только что туда вошёл, и я наскоро представился, рассказал, что он через меня обессмертчен в русской литературе и дал ему копию вещих слов, среди которых светилось его имя, подчёркнутое красным цветом. Boz Scaggs с вежливой усталой полуулыбкой взял мои бумажки и сказал «thank you». Я попрощался и ушёл. Через полчаса ему предстояло дать следующий концерт.

Я знал, что Boz может сразу выбросить бумажки в мусорное ведро, но я верил в человеческое тщеславие как в одну из добродетелей. Моя ставка была на то, что он сохранит эти бумажки как свидетельство своего влияния на русскую культуру. А там, кому попадут они в руки и на глаза – это уже в руках бога. Я своё дело сделал: надеюсь на бога, но сам не оплошал.

Так осуществляется мой непрестанный маркетинг – через любовь и посредством любви (и денег). Одна моя добрая знакомая принялась называть меня «гением чёрного пиара». Я предложил ей не усложнять и звать меня короче – просто гением.

Не зовёт. Предпочитает усложнять.

Бесконечный сеанс

Дело было в середине семидесятых в Америке.

Новоиспечённый эмигрант ошалел от доступности порнокинотеатров, которые тогда кишели на каждом углу. Решился он, наконец, пойти посмотреть порнофильм. Первый раз в жизни. Набрал в карман требуемые доллары. Звонит он из дому в приглянувшееся кинопрокатное заведение и спрашивает, какие у них вечерние сеансы.

В трубке замялись в недоумении и пояснили, что сеансов не имеется, и что он может придти в любое время и смотреть сколько хочет.

Тут эмигрант почувствовал в полной мере, что он эмигрировал в настоящий рай.

А когда, возбуждённый после фильма, он попытался взять на улице проститутку, а она оказалась провокаторшей-полицейской и его посадили в тюрьму, эмигрант понял, что он эмигрировал в настоящий ад.

Борьба с одиночеством

Страдания от одиночества – это переживания по поводу невозможности жить в одиночестве, это сожаления о необходимости других. Как правило, оргазм сменяет страдания от одиночества на желание одиночества.

Умники скажут, что не надолго. – А что надолго? С чувствами никогда не может быть борьбы насмерть. Все они возрождаются из пепла, из дерьма изо всего…

Как я писал:

> Победа длится только миг.
> Но всё же длится.

Правильные дела

Мишель Обама рассказала, как она провела своё первое свидание с Бараком.

Они пошли с утра в Чикагский музей искусства, потом ланчевали, слушая джаз, потом гуляли, затем смотрели фильм *Do*

The Right Thing[19], который тогда только что вышел на экраны, и заканчивает Мишель тем, что к концу свидания она решила спутаться с Бараком, чего не хотела делать раньше.

Из всего этого меня полоснуло молнией название фильма, который они вместе смотрели. Именно этот фильм я смотрел на своём первом свидании с 26-летней свежевозделанной любовницей, которая ярко длилась в моей жизни около четырёх лет. Это была та же суббота в июле 1989 года.

Однако мои мероприятия на первом свидании были в иной последовательности, чем у Барака и Мишель. Сначала мы пошли гулять на старое кладбище, утыканное огромными памятниками и склепами, потом мы устремились в квартиру к уже распахнувшейся красавице, и только сполна утолив сексуальный голод, мы пошли в ресторан утолять животный. И лишь в самом конце свидания пошли смотреть фильм *Do The Right Thing*.

Итак, я с Бараком были в один и тот же день на первом свидании, которое оказалось для каждого из нас фундаментальным, и смотрели один и тот же фильм (мощный, кстати).

В результате этого свидания у Барака и Мишель образовалась семья и две дочери, а у меня и моей возлюбленной – два аборта и семья рассказов.

Но самое важное, что мы оба did the right thing[20].

Разношёрстные мифы

Мужчины создали о женщинах два основных мифа. И оба они отражают две стороны мужской сути (а вовсе не женской). Первый миф – это трепотня о женской чистоте, духовности и чуждости секса. Известно, что этот миф состряпали мужчины, которые боятся пизды, и, прячась за этот миф, они оправдывают свою трусость и бессилие перед женщинами.

Второй миф – это о женщине вечно похотливой, ненасытной, всегда готовой на измену. Этот миф – отражение мужских несвершённых мечтаний об обильных и доступных женщинах.

Женщины не отстают от мужчин и соорудили о них свои собственные мифы. Мужчина, согласно первому мифу – это похотливое животное, у которого на уме только ебля, и от женщины ему нужно лишь её тело, отверстия в котором он жаждет заполнить своим ужасным огромным хуем.

Отвращение женщин к этому образу мужчины на самом деле показное и является её заветной мечтой, идеалом мужчины, который её будет удовлетворять раз за разом, а не кончать через

десять секунд и по-интеллигентски или по-хамски покидать её, налитую кровью желания.

Есть у женщин и второй миф о мужчине – заботливом, всё понимающем, богатом, щедром, умном, красивом, молодом. И опять-таки с большим хуем.

Этот миф, разумеется, тоже описывает не столько мужчин, сколько женскую природу, состоящую в том, чтобы подороже продать своё тело. И этот второй миф описывает самую дорогую желанную сделку.

Так что, как и следовало ожидать, мифы отражают не ленинскую объективную реальность, а фрейдистскую и прочую ебальную суть авторов мифов.

Хороший миф я придумал?

Голубизна

Двойственная голубизна неба: летом она означает тепло, а зимой – холод. Подобно голубизне мечты обнажённого женского тела: до оргазма и сразу после него.

Живой конец

Живой рассказ, как и всякое живое существо, состоит из начала, сердцевины и конца. Если делать рассказ невнятным, без конца, то тем самым ты вовсе не даруешь ему бессмертие, а лишь делаешь его мёртворождённым.

Воспитание как проверка на прочность

Воспитание детей в строгости и следовании моральным нормам является проверкой детей на прочность. Большинство детей примут норму и закон и будут им подчиняться в последующей жизни. Но некоторые не сломаются и будут преступать нормы и законы. Таким образом отбираются творческие люди. Разумеется творческая натура одних будет ломать законы (искусства, науки), другие будут проламывать головы (но оправдывая это великими целями).

Если же детей не воспитывать в строгости и в законе, то тогда прекращается отсев, и свободу получает всякий: безыдейный бездельник, бездумный хулиган, жадный бандит. Свобода не добытая сопротивлением воспитанию, а подаренная для всех есть

свобода разрушительная для общества.

А вот сексуальная свобода должна быть дана всем, поскольку она компенсирует притеснения всех иных свобод личности. Моральные нормы честности, обязательности, доброты по отношению к другим, радости чужому успеху, а не зависти, почитания старших и пр. – всё это будет формировать сексуальную свободу и воплощаться в наслаждении, лишённом стыда и вины.

Так, воспитанная честность будет превращаться в честность изъявления своих желаний и следование им. Ведь честность заключается не в том, что даёшь одному, а хочешь многих. Честность заключается в том, что даёшь всем, кого хочешь.

Обретённая обязательность отразится в выполнении обещаний, которые даёт твоё тело – девушки будут ответственны за желания, которые они возбуждают и потому всякое кокетство будет означать неминуемое совокупление, а мужская похоть будет ответственна за доведение партнёрши до оргазмов.

Радость чужому успеху и отсутствие зависти, будучи перенесёнными в секс, аннулируют ревность и вызовут желание делиться любовницей или любовником.

А почитание старших выразится в благодарственных совокуплениях молодёжи со стариками и старухами.

Что же до личностей, неподдающихся воспитанию, то их творческие способности сделают сексуальную жизнь весьма необычной – они будут предельно ревнивы, обременены идеями вредности секса и станут пытаться его ограничивать со всех сторон.

Тридцать два

Сегодня 22 февраля 2009 – 32 года как я приземлился в Нью-Йорке на рейсе из Рима, куда я попал через Вену из Ленинграда. Как много произошло. И как мало. Какими счастливыми были эти годы. В основном и как правило. Советская жизнь тоже была счастливой, но прежде всего потому, что она закончилась отъездом.

Мне говорят, уговаривают, приехать обратно, посмотреть на «совершенно новую страну». Мол, за 32 года я её не узнаю. Именно поэтому мне ехать и не интересно. Если бы приехать в прошлое, которое не изменилось – вот это бы было действительно интересно. А если ехать в новую страну, то я лучше поеду в Испанию, в которой ещё не был или во Францию, в которой уже был, но которая всегда нова для меня.

Россия для меня может представлять интерес только женщинами. Но платить подлому правительству деньги за визу, туда, где я родился, да ещё упрашивать их, да отмечаться в милиции, и это не говоря о прочих и бесчисленных «свинцовых мерзостях русской жизни» – тут надо иметь тщеславие значительно побольше, чем даже моё.

Если уж ехать, то на Украину – красавицы-украинки будут наперебой разводить ноги, чтобы туда вложить хуедоллары. Но зато въезжать туда можно без всякой визы – там американцев встречают с распростёртыми объятиями (ног). Так мне во всяком случае рассказывали те, кто на Украине побывали.

Киев я люблю – там и мой папа родился, там у меня весёлые приключения были.

А Россия, Иран и Северная Корея скорее сольются в мощном экстазе прежде, чем у меня на родину встанет.

Луковица, буратинная

Когда я, мальчиком, читал *Золотой ключик, или приключения Буратино,* больше всего меня поразил не Карабас-Барабас со своим животом и Мальвиной, над которой он вершил жестокости, явно сексуального порядка. Не Кот Базилио и Лиса Алиса, которые явно еблись, нарушая законы межвидового размножения. Не мазохист Пьеро. Не сам Буратино с деревянным хуем. Меня больше всего тогда поразил завтрак, который выложил для Буратино бедный папа Карло – луковицу. Моё знакомство с луком ассоциировалось с невыносимой горечью и слезами.

Кто его раздевает, тот слёзы проливает.

(А другая загадка такая:

Кто её раздевает, тот семя проливает.

Слабо отгадать?)

Я узнал, как сводит скулы от луковой горечи, когда откусил луковицу впервые, не зная, что это такое. Однажды, взявшись помогать бабушке готовить обед, я стал нарезать луковицу и к своему удивленью заплакал горючими слезами. Поэтому мне было так жалко Буратино, которого подвергали буквальной пытке: удовлетворять свой голод он должен был тем, что ужасно горько и заставляет плакать.

С тех пор моё отношение к репчатому луку не менялось, пока я не оказался в Америке перед тарелкой салата, где белели

большие ломти свежего репчатого лука. Глядя, как мои соседи бесстрашно, без гримас и без текущих слёз поедают этот лук, я осторожно решил последовать их примеру и поразился сладости этого американского лука. Так Америка ещё раз поразила меня своим умением горькое превращать в сладкое. А точнее было бы сказать, что это Россия ещё раз поразила меня своей способностью сладкое обращать в горькое. Как бы там ни было, я понял, что Буратино жалеть мне не следует, так как он ел лук не русский, а итальянский.

Да и чего жалеть Буратино, если у него хуй деревянный был. Недаром же за ним Мальвина бегала.

Сексуальная польза в «чистом искусстве»

Если существует «чистое искусство», то возникает возможность говорить и об искусстве «грязном». Так как грязь в обществе всегда ассоциируется с телесными выделениями и особенно с выделениями при сексуальном возбуждении, то легко было бы заключить, что «грязное» искусство – это прежде всего порнография. Однако это не так. Под «грязным» искусством в противоположность «чистому», следует понимать «полезное» искусство, проповедующее ложь, лицемерие и бесполый романтизм, то есть именно то, что свойственно морали, идеологии и политике.

«Чистое» же искусство, якобы чуждое пользе, в итоге так или иначе сводится к сексу, ибо оно вещает о женской и прочей красоте, а красота исходит из половых органов и наслаждений, которые они доставляют. Таким образом, и выделения при сексуальном возбуждении становятся предметом «чистого искусства», которое асоциально, ибо истинно асоциальным является только секс. Как я писал, порнография – это квинтэссенция «чистого искусства».

Следовательно и разумеется, что «грязное» (идеологическое) искусство, прежде всего, антисексуально.

Однако пренебрежение пользой, чем «чистое искусство» характеризуется, тем не менее оказывается исключительно полезным в сексе, ибо учит красоте и тем самым стимулирует секс. Стимуляция же секса есть самая конкретная и концентрированная полезность, которая становится сутью чистого искусства.

Так что полезности в искусстве не избежать, просто первые проповедники «чистого искусства» стыдливо или невежественно не замечали его сексуальную пользу.

Но жажды бывают разных сортов,
и водой не зальёшь огонь их.
И только срывая губы со ртов,
можно их довести до агоний.[21]

Голод, как и жажду, нельзя утолить воспоминаниями о своих пиршествах в прошлом.

Сексуальный голод подобен гастрономическому: он лишь усиливается от воспоминаний. Сколько бы женщин у тебя ни было в прошлом, как бы ты ни пировал за столами, ломящимися от яств, твой нынешний голод жаждет сиюминутного утоления.

Однако имеется существенное отличие сексуального голода от гастрономического: сексуальный голод можно удовлетворить «собственноручно». И если с сексуальным голодом ты можешь справиться самостоятельно, то при гастрономическом голоде скормить себя себе же самому не удастся. Это различие между сексуальным и гастрономическим голодом можно объяснить так: важнее выжить в настоящем, чем размножаться в будущее. А ещё проще – если ты удовлетворишь свой гастрономический голод, то сексуальный ты уж всяко удовлетворишь.

Меня в данном случае особенно интересует феномен беспамятства голода. Никакой прежний опыт наслаждения едой или еблей не в состоянии хоть как-то оказаться полезным голодному человеку. Другими словами, если жизненный опыт является весьма полезным в прочих жизненных ситуациях, то опыт сытости оказывается только вредным в состоянии голода.

Более того, голод воспитывает в тебе ненависть к прошлой сытости, воспоминания о которой делают твою голодную жизнь лишь тяжелей. Голод заставляет тебя упереться в настоящее и забыть даже о будущем. Ибо о будущем вспоминаешь, лишь насытив голод, и, напуганный недавним голодом, стараешься избежать его впредь, подготавливая впрок запасы еды-ебли. Таким способом голод в прошлом наполняет содержанием настоящее и будущее.

Голод – это сосредоточенность внимания и дум на каждом последовательном мгновении. Голод лишает нас прошлого и будущего. Чем острее голод, тем более для голодающего время сужается в точку сиюсекундности, хотя сам голод может быть весьма протяжённым во времени.

Удовлетворение же голода распахивает горизонт времени и позволяет взглянуть сытому не только в настоящее, но и в

прошлое и будущее.

Голод – неблагодарное состояние существа. Сытость не замечаешь, а о голоде не можешь забыть. Как бы ты ни был сыт до него, он бесцеремонно отбрасывает прекрасное прошлое и становится повелителем твоего ненасытного настоящего.

Голод может длиться долго, тогда как удовлетворение его свершается быстро. К голоду нельзя привыкнуть как привыкают к сытости.

Борьба с голодом – это Сизифов труд, однако весьма приятный, когда разнообразная еда и женщины всегда под рукой и доступны.

Голод позволяет достичь такой высокой степени активности в каждое данное мгновение, что ему приписывают причину возникновения творчества, а именно творчество является методом опосредованного изничтожения голода.

Если к сильному голоду привыкнуть невозможно, то умеренный кратковременный голод можно даже полюбить, стоит лишь осознать, что благодаря ему удовлетворение желания становится острее. Именно такой голод позволяет сохраняться перспективе времени в сознании: прошлое не исчезает а учит, и будущее не страшит, а влечёт. Умеренный голод с гарантией скорого удовлетворения – вот близкий родственник счастью. Такой голод называют также предвкушением.

Поговорка мужская и женская

Если приглянуться к известной поговорке

Лучше сорок раз по разу, чем один раз сорок раз,

то сразу раскрывается её сексуальный смысл. Прежде всего, эта поговорка построена на основе мужских желаний: мужчина предпочитает кончить по разу с сорока разными женщинами, чем сорок раз обрабатывать одну и ту же.

Женская способность к череде оргазмов взывает к череде мужчин, которые смогут обеспечить ей долгую и разнообразную стимуляцию в течение одного протяжённого совокупления. Поэтому женщина сформулировала бы эту поговорку иначе: лучше сорок раз зараз, чем по разу сорок.

Нетерпимость к сюжету

У меня имеется задел идей, которые можно бы развить в

рассказы, повести, романы. Но одна только мысль, что надо будет строить сюжет, описывать героев и их жизнь, делать ситуации психологически оправданными и физически возможными, вести действие к какому-то логическому или алогичному концу – всё это вызывает во мне омерзение.

Даже когда я берусь читать беллетристику, пусть даже умнейшего Philip Roth, где всё хитро и слажено, глубоко и значительно – это для меня стало нетерпимо протяжённо.

Я прочитываю несколько страниц любой книги, сразу становится ясно, какой величины писатель, а также мой он или не мой, но читать дальше и тем более до конца мне уже не интересно. Словесное движение слишком медленно для меня, как разговор с женщиной, который хочется поскорей заменить еблей.

Это ещё одна манифестация состояния, в котором меня интересует не продвижение к цели, а сама цель, как бы ни говорили, что движение к цели важнее, приятнее, увлекательнее, чем достигнутая цель. Я теперь ощущаю это утверждение как ложь, умышленно уводящую от цели. Нас водят за нос, нас толкают по проторённым обществом дорожкам с помощью кнута и пряника. Нас ограничивают в достижении цели, подменяя цель долгим движением к ней. Мораль заинтересована в таком подходе, чтобы заставить людей работать. Она твердит, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Но это девиз трудяг, которым дано порочное бесконечное движение к цели вместо мгновенно достигнутой, а потому чистой, незалежалой цели. Ведь существуют озёра, заселённые рыбой в таком количестве, что ты можешь ловить их, не прилагая никакого труда. Меня всегда злило долгое ожидание рыбака, чтобы рыба наконец клюнула. Мой дедушка говорил: «На одном конце червяк, а на другом – дурак». Дурак, потому что он ждёт, потому что он бесконечно терпелив. Я обожаю рыбу как пищу, но ненавижу ловлю рыбы. Я обожаю женщин как плоть, но ненавижу процесс их соблазнения.

Но однажды меня уговорили на рыболовство на озере, пообещав не сидение с удочкой, а истинную мгновенную ловлю. И действительно, мы отплыли на лодке чуток от берега, я насадил червяка на крючок, забросил удочку и тотчас на неё попалась рыба sunfish, плоская, блестящая, небольшая, но чрезвычайно вкусная, как вскоре оказалось после её жарки. Я забросил удочку второй раз и как только крючок с выразительной запятой червяка погружался в воду, сразу же его заглотила следующая рыбка. Моя рыбная ловля заключалась в непрестанном вытаскивании одной рыбки за другой. Вот это была рыбная ловля! Без всякого труда: мне не пришлось мастерить удочку, мне её дали, купленную, мне не пришлось копать червей,

они продавались в банках, и мне их подали, мне не пришлось плыть в поисках места, где хорошо клюёт – всё было под рукой и мгновенно. Рыбу мне почистили и приготовили. Я лишь пожирал её, с хрустящей корочкой на нежнейшем мясе. Торжествовал, что «без труда» – и рыбку из пруда.

Если учёный наслаждается своим продвижением к открытию, то для меня как потребителя само открытие важнее, чем путь учёного по направлению к нему. И чем скорее открытие произойдёт, тем лучше. Мне наплевать на работы учёных по достижению бессмертия – мне нужно само бессмертие. А то, что учёный якобы наслаждается процессом продвижения к цели – то пусть он вкушает эти наслаждения не за мой счёт.

Но в науке медлительность в достижении цели обусловлена не желанием учёного медлить с открытием, а самой природой вещей. Нынешней природой вещей, ибо в будущем можно будет скакать во времени от открытия к открытию.

В литературе же медлительность умышленная, искусственно созданная писателями, решающими писать длинные произведения. Оптимально квинтэссенция познания, эврики происходит на кратчайшем пространстве афоризма или пословицы – одной ёмкой фразы, в которую умещается суть большого литературного произведения. Недаром Островский использовал для названий своих пьес пословицы, которые потом разворачивал в длинные повествования. Цель писателя – высказать свои чувства и мысли. И для меня целесообразней сводить роман (жизненный) к афоризму, чем растягивать афоризм (любовный) в роман.

Всеобъемлющей и наглядной метафорой любой цели является совокупление. Путь к этой цели перекрыт множеством преград, надолбов, рвов и минных полей и преодолеваются все эти напасти посредством переговоров с обладательницей отверстий, углубление в одно из которых и является восторгом достижения цели. Однако получив доступ к одному отверстию, нередко нужно возобновлять переговоры для получения доступа к каждому из оставшихся двух. Нередко и то, что получив доступ к одному отверстию, автоматически получаешь доступ ко всем трём. Но в любом случае, едина цель или трояка, существует необходимый период переговоров, как бы краток он ни был в случае острой женской похоти или откровенной продажности.

Этот сюжет переговоров оскорбляет меня своей навязчивостью и раздражает своей повторяемостью, и потому я стремлюсь не к роману (любовному), а к афоризму (совокуплению) – к одной ёмкой фразе, в которую умещается суть всего романа. Пришла в голову идея (как в хуй – желание), – и ты

сразу берёшь приглянувшееся тело и заполняешь прельстившее тебя отверстие (извергаешь афоризм).

Необходимость переговоров для женщины объясняется моральной необходимостью установления ею цены за ногоразвод. Это вовсе не связано с физиологическими свойствами женщины, суть которых – их анатомическая доступность. Физиологическая искусственность необходимости переговоров разоблачается мастурбацией: ведь решив испытать оргазм, женщина не начинает сама себя соблазнять, кокетничать перед зеркалом и ломаться, увидев собственный палец. Она не требует к себе уважения от своей руки и не возмущается, что её пальцы обращаются с ней как с сексуальным объектом. Нет, её рука прямой наводкой, не делая крюков, устремляется к пизде и начинает там шуровать, не испрашивая никаких разрешений, а точно зная, что любое прикосновение в этой области доставит наслаждение.

Однако для того, чтобы чужой руке забраться туда же (не говоря уже о хуе), для этого потребуются основательные переговоры, приценивание и торговля.

Необходимость же переговоров для мужчин за женский ногораздвиг объясняется мужской слабостью, как впрочем, необходимость любых переговоров и компромиссов. Доминирующая сила не идёт на компромисс, а просто берёт. И только приблизительное равенство сил вынуждает на компромиссы. Так как мужчины связаны по рукам и ногам законами, моралью, неуверенностью в собственных силах и боязнью пизды, то поэтому они и вынуждены идти на переговоры с женщиной и соглашаться на компромисс оплаты в той или иной форме.

Есть немало мужчин и женщин, которые утверждают, что процесс соблазнения (сюжет) им более интересен, чем само совокупление (цель). Что ж, для женщины, не получающей наслаждения или не достигающей оргазма при совокуплении, эта позиция вполне обоснована – уж пусть её щедро обхаживают со всех сторон как можно дольше и больше, раз хуй в пизде мало что для неё значит.

Для мужчины же, боящегося пизды или не знающего, что с ней делать, кроме как заполнить спермой, предпочтение долгого и изощрённого соблазнения доставляет больше наслаждения как подтверждение его власти над женщиной (воспользоваться которой он либо не сможет из-за страха, либо сможет, но слишком скоропостижно). Другими словами, только у людей, боящихся неминуемой цели, продвижение к ней становится самоценным. Оно даже может использоваться как оттяжка, как уклонение от цели под предлогом тщательного или

увлекательного процесса её достижения.

Людей, предпочитающих процесс достижения цели самой цели, принято называть романтиками. Романтичность состоит в неосознанности цели ухаживания и потому ухаживание видится как самоцель, и когда цель и впрямь становится на расстоянии протянутой руки или вытянувшегося хуя, тогда этот романтизм ошарашивается скоропостижностью исчезновения желания.

Методом изъятия сюжета и сведения его к афоризму в любви является изнасилование. Впрочем, процесс насилия: срывания одежды, фиксации рук и ног, – тоже можно считать ненавистным сюжетом, но, во всяком случае, такой сюжет значительно короче и эффективнее переговоров и торговли, да ещё не вынуждает на компромиссы. Существуют и другие методы срезания сюжетных углов, а именно фармацевтические и неврологические, вызывающие в женщине похоть такой силы, которая заставляет её забыть о торговле и выборе. Однако, в любом случае женщина заслуживает собственного наслаждения, ибо только пребывая в нём она способна дать максимум наслаждения партнёру. А посему электрический импульс в точку женского мозга, вызывающую оргазм, является достойной платой за наслаждение, которое предоставляет её тело. Причём импульс этот должен быть такой силы, чтобы в женщине возникла зависимость к электрическому оргазму (как ныне многие впали в зависимость от сверхчеловечной механики вибратора), ради повторения которого она прекратит всякую будущую торговлю и станет перманентным «афоризмом». А ты, ебя её в очередной раз, время от времени нажимаешь на кнопочку и очередной импульс устремляется в оргазменную точку мозга женщины, и она получает свою щедрую дозу рая.

Отношение к женщине как к трёхдырочной горячей плоти, которая должна беспрекословно, тотчас и в то же время страстно подчиняться твоему желанию, а ты за такое подчинение обеспечиваешь женщине особо сильное наслаждение – есть главная форма ненависти и нетерпимости к сюжету. Однако если целью является совокупление, то при ближайшем рассмотрении эта цель тоже «сюжетна», ибо сама ебля может быть долгой и разнообразной. Но «сюжет цели» и «сюжет продвижения к цели» – это принципиально разные литературно-эротические явления. Таким образом, можно сказать, что я принимаю сюжет лишь в самом совокуплении. Сюжет наслаждения, а не сюжет продвижения к нему – вот какой сюжет мне мил.

Другими словами, меня интересует теорема, а не её доказательство, ибо доказательство, то или иное, всегда найдётся. Меня влечёт феномен аксиомы. То есть теоремы, не

требующей доказательств, или цели, не требующей её достижения.

Моя же цель – это иметь множество мгновенно и легко достижимых целей, а не плестись к одной, не биться с препятствиями на пути, а перескакивать с цели на цель, полностью минуя процессы их достижения. Я не хочу бальзаковского рабства многотомных романов, а лишь один томик остроумных афоризмов. Можно быть Толстым и Достоевским, а можно Ларошфуко и Шамфором. В последнем случае есть существенное преимущество: для ебли останется огромное время, не похищенное разработкой и написанием сюжетов. А литературная и сексуальная цели будут достигаться кратчайшими путями.

Идеальная любовная ситуация

Идеальная любовная ситуация – это не просто иметь гарем, а такой, который состоит из женщин, что сами себя содержат. Но самое главное – они должны содержать ещё и меня.

Магия цифр

Только в позиции 69 оказываешься поистине лицом к лицу.

Биография – это автобиография

Один читатель, пробежав глазами мою вещицу о Хефнере и *Плейбое*[22], удивился тому, что я взялся писать о человеке, о котором написан целый лес всевозможной бумаги, не говоря уже об электронных вселенных.

Я ему ответил, что каждый писатель создаёт свою особую биографию, ибо в каждой биографии отражается личность писателя и прежде всего в выборе того, чью жизнь он взялся описать, не говоря уже о стиле, проставленных акцентах, личных комментариях и интерпретациях фактов.

Вот я и придумал афоризм: биография – это автобиография.

С другой стороны, человек, пишущий автобиографию, как бы он ни был искренен или скрытен, никогда не может до конца избавиться от мысли о том, как другие взглянут на его автобиографию, как они будут реагировать на его откровения, постыдные дела, тайные фантазии или прилизанные проблемы.

Именно возможная будущая реакция общества заставляет пишущего автобиографию либо скрывать что-то, либо приукрашивать, либо, наоборот, быть слишком откровенным в желании, часто неосознанном, вызвать резкую реакцию общества на его повествование. Поэтому при написании автобиографии в авторе всегда присутствует некая сторонняя личность, которая наблюдает за его исповедью и реагирует на неё от имени общества. Общества, которое всегда является редактором любой автобиографии и стремится написать свою собственную биографию этого автобиографа.

Так что у меня родился второй афоризм: автобиография – это биография.

Перчатка

Иду-гуляю по дорожке. Вдруг вижу: передо мной лежит мужская перчатка, кем-то утерянная. Я перешагнул через неё и пошёл дальше.

А будь это XIX век, я решил бы, что кто-то бросил мне перчатку. Пришлось бы её поднять и нестись-разыскивать секунданта.

Масштаб сала

В моей советской юности, которая была пронизана поиском импортных товаров, витал идеологический укор стилягам, произнесённый словами Сергея Михалкова:

А сало русское едят!

Можно было подумать, что прилавки гастрономов завалены американским, немецким, французским и прочим салом, а сбоку припёка скромно, но с достоинством лежит ошмёток русского сала, и, чтобы купить именно его, выстраиваются длинные очереди. А импортное сало приходится выбрасывать на помойку, ибо всё население, включая стиляг, как только дело доходит до сала, то покупает обязательно русское.

Подобный укор с салом можно было бы легко распространить на русские автомобили, русские холодильники, русские телевизоры и на само русское гражданство. Но тогда абсурдность такого патриотического аргумента становилась слишком очевидна, и советская власть решила держаться в правдоподобных масштабах сала.

Остальные дни

Я никогда не шучу 1-го апреля, ибо все остальные шутят. Это всё равно, что участвовать во всеобщей демонстрации. А групповые мероприятия, за исключением группового секса, я ненавижу. Я шучу во все остальные дни года, когда люди занимаются умными и серьёзными делами. Поэтому первого апреля я стараюсь быть умным и серьёзным, чтобы понять, как живут другие люди все другие дни года. Прямо скажу – плохо у меня получается.

Так что первое апреля – действительно дурацкий день.

* * *

– Кто больше всех заинтересован в изобретении вечного двигателя?

– Женщины.

Железная логика и женская плоть

Раз ебля – это любовь, а любовь спасёт мир, то всякое сопротивление ебле, которое оказывают женщины, является ничем иным как сопротивлением спасению мира.

Яблофобия

Жена Билла Гейтса дала интервью, где сообщила, что в их доме (особняках) запрещены iPod и iPhone. Что их дети не могут пользоваться «яблочными» чудесами, и что она сама завидует своим подругам, у которых iPhone. Богач с обликом черепахи, который умудрился набросить удавку своей тупорылой системы на весь компьютерный мир, полностью расписался в своём бессилии. Теперь стало окончательно ясно для всех, какая мелкая душонка у этого Голиафа, которому Давид по имени *Apple* даёт то поджопник, то по яйцам.

То, что творит семейный деспот Билл (дебил) является продолжением его беспомощной конкуренции с *Apple* и вымещением злобы от постоянных поражений на членах своей семьи. Выпуская одно дерьмо за другим (Vista-дриста, Zune-в жопе зуд) этот Microжопт уже в течение многих лет пытается скопировать достижения *Apple*, подло выдавая то немногое, что

кое-как удалось, за свои собственные изобретения. И вот мы узнали теперь об удавке, затянутой на его детях и жене.

Как ведёт себя благородный, честный человек? – Признаёт свои ошибки, недостатки и обращает неудовлетворённость от своих ущербностей не на других, а на себя, используя всю силу неудовлетворённости для того, чтобы совершенствовать себя, а не ломать других. Этот же, земноводный, окажись он владельцем фармацевтической компании, пичкал бы своих больных детей и жену бесполезными таблетками собственного производства, запрещая им принимать исцеляющее лекарство, изготавливаемое конкурентной фармацевтической компанией. Конечно же, в данном случае не идёт речь о жизни о и смерти. Но идёт речь о технической, эстетической и прочей цензуре, которая смерти подобна.

Известно, что правда глаза колет, и Гейтс боится за свои блеклые зенки. Следующим шагом в его борьбе с *Apple* будет запрет детям и жене выходить за пределы его поместья, чтобы, не дай бог, они не увидели повсюду людей, пользующихся iPhone, iPod, iMac, iBook и прочими Ай-ай-ай.

А то, что на всех телевизорах и компьютерах у Гейтса в доме стоят фильтры на рекламы и упоминания *Apple* – в этом я не сомневаюсь. На такое технического ума у *Microsoft* должно хватить.

Изгнание дьявола из рая

(Вариации на тему статьи: «Sex party swingers in mini riot over clothed guest at nudist colony»[23])

Мизансцена

Тропический курорт свингеров-нудистов. (Разумеется, не в Америке, где готовы сажать по обвинениям в изготовлении и распространении детской порнографии самих детей-подростков за то, что они себя голыми на мобильники снимают и фотками этими обмениваются. Нет, всё происходит в Австралии, где люди нормальные, ибо там проституция разрешена, а это является основным критерием человечности той или иной страны.) Огромный бассейн рядом с океаном, бар с возбуждающими напитками, столы со стимулирующими закусками. Вокруг все ебутся. По меньшей мере – занимаются оральными ласками. Либо лапаются.

Действующие лица и гениталии:

Две голые красотки. Они лежат у бассейна с раздвинутыми ногами, отдыхая от свежеиспытанных оргазмов, потягивая коктейли и потягиваясь.

Мужик подозрительного и нахального вида, ибо одет в длинные трусы и рубашку с дешёвыми запонками.

Охранники курорта (разнополые).

Полицейские (однополые).

Действие первое и последнее

Одетый Мужик подходит к голым бабам с раздвинутыми ногами и смотрит им в пизды.

Бабы замечают его и ещё шире раздвигают ноги, предвкушая свежий хуй.

Мужик по-прежнему неподвижно пялится в пизды.

Первая баба второй: Странный тип, хуй прячет, а не вытаскивает.

Вторая баба одетому мужику: Покажите нам свой хуй, не волнуйтесь, если он не стоит, я пососу его и он встанет.

Первая баба: А если не встанет, то мы всё равно твоё семя высосем и (обращаясь с улыбкой ко второй бабе) поделимся.

Мужик по-прежнему неподвижно и молча пялится в пизды.

Первая баба Мужику: Да сними ты свои штаны, хуй моржовый. Ты смущаешь нас, одетый.

Вторая баба тянется к Мужику и пытается стянуть с него трусы, тот отталкивает её руки, пялясь на пизду первой.

Вторая баба Мужику: Да, что с тобой? Снимай штаны – как тебе не стыдно быть одетым? Ты оскорбляешь нас своим извращением!

Вокруг начинает скопляться голый народ, отвлечённый от ебли не желающим раздеваться мужиком. Появляются два охранника: обнажённый юноша атлетического сложения со стоящим хуем и молодая женщина с высокой грудью, но до которой дотянется любой, и широкими бёдрами, но через которые она легко может бросить любого.

Они подходят к одетому Мужику.

Охранники курорта: Одетыми здесь быть запрещено.

Одетый Мужик не реагирует, и когда его пытаются вывести, сопротивляется. Его выталкивают к безлюдному выходу и, так как он продолжает сопротивляться, вызывают полицию.

Приезжает два полицейских, надевают на Мужика наручники, заталкивают одетого в полицейскую машину, запирают её и

возвращаются к поджидающим их охраннику и охраннице. Они устраивают в прихожей курорта скороспелую любовь вчетвером. Удовлетворившись и удовлетворив, полицейские увозят одетого Мужика и бросают в камеру, где с него срывают одежду и ебут священники, давшие обет безбрачия. Они блюли его до тех пор, пока не сломались и не превратились в сериальных гомосексуалистов-насильников. За что и сели.

Одетый Мужик сразу уверовал и похерил своё дьявольство.

Занавес.

Комментарий режиссёра

Это вовсе не дьявол, а сам бог – всегда голый, волосатый и с рожками (ибо все бабы – его жёны, но они ебут смертных мужчин, наставляя богу рожки. Однако бога это только возбуждает). Это не дьявол, а бог – с вечной эрекцией, всех соблазняющий и ебущий, то есть всемогущий. Это бог пахнет спермой и пиздяными соками.

А кто истинный дьявол, так это Мужик в униформе попа, политика, активиста. Дьявол – это Мужик, который обуян стыдом, а потому всегда одетый, ибо страшится своей бессильной наготы. Дьявол – это мужик, страшащийся пизд (именно пиздами, а не крестом можно заставить его сгинуть).

Теперь ясно, где располагается нынешний рай – не между Тигром и Евфратом, адом арабского терроризма, а на земле кенгуру и утконосов, среди которых цветут пышным цветом беспрепятственные оргии. А сутано-рясистых дьяволов посылают на хуй, коли они не хотят в пизду.

Финансово-сексуальные аналогии

Индустрия кредитных карточек основана на необязательности, непунктуальности, безответственности и жадности людей. Она существует благодаря тому, что люди безоглядно влезают в долг, не выплачивают его полностью по ежемесячному счёту, а выплачивают понемножку и под огромный процент, либо вовсе забывают выплачивать или просто не могут платить в срок, и за это их обкладывают дополнительными штрафами. На этих процентах и штрафах жирует индустрия кредитных карточек.

А вот на мне, всегда выплачивающем свой ежемесячный долг сполна, кредитные карточки денег не делают, да ещё я пользуюсь

только теми карточками, которые платят мне обратно проценты от сумм покупок. Такие кредитные карточки (первой появилась *Discovery* а потом все – туда же) завлекают людей возвратным процентом, но у тех, кто не выплачивает полностью ежемесячный долг, этот возвратный процент с лихвой «съедается» налагаемыми процентами на долг и жестокими штрафами. Мне же, ненавидящему долги, этот возвратный процент даёт дополнительные карманные деньги. Будь большинство людей как я, система кредитных карточек разорилась бы.

Подобно финансовой, сексуальная индустрия строится на женщинах, существах, как правило, необязательных, непунктуальных, безответственных и жадных при отдаче своего долга мужчинам. Долг этот – половой, физиологический, основанный на наличии у женщин всегда готовых, горячих и влажных отверстий, куда со всех сторон мужчины стремятся излить своё семя, но которые женщины стараются повыгодней продать и таким образом лишь кое-как, еле-еле могут расплачиваться со своим природным долгом.

Мужчины предоставляют женщинам кредит в виде ухаживаний, подарков, услуг и просто внимания в надежде на женскую добровольную оплату долга допуском к их отверстиям. Однако, как правило, предоставленный мужчинами кредит остаётся женщиной неоплаченным или недоплаченным.

Чем красивее женщина, тем больше её долг перед жаждущими её мужчинами, потому что количество мужчин, желающих красавиц, громадно. Уклонение от уплаты долга называется кокетством или «женской добродетелью».

Женщина, как правило, берёт в долг значительно больше, чем она в состоянии выплатить. Другими словами, она стремится привлечь значительно больше мужчин, чем она хочет или может удовлетворить. Жадность в этом деле у женщин не имеет границ. Женщины множат свой долг, оголяясь в общественных местах, в интернете и печатных изданиях, они делают операции по увеличению груди, губ и другие пластические операции – и всё это с единственной целью: чтобы их возжелало как можно больше мужчин. Таким образом, женщины стремятся увеличить свой долг, а не увеличить скорость его погашения.

Однако для женщины платить в срок и сполна означает отдаваться всякому, кто её захочет.

С другой стороны, когда женщину не видят другие мужчины (как это устроено в исламе) и она решает отдать долг сполна одному мужчине, то он не в состоянии его принять, уж слишком она щедра со своими тремя отверстиями для способностей одного хуя. А потому эффективная отдача долга может быть

организована лишь с чередой мужчин, поскольку женщина рождена для безоглядной расплаты и только «финансовые правила» отдачи долга, установленные моралью, принуждают женщину, даже желающую расплатиться с долгом сполна, вести себя необязательно и прижимисто.

Проценты и штрафы, которые на женщину накладываются, прежде всего выражаются в её собственной неудовлетворённости. Женщины пытаются откупиться деторождением, но это – лишь оттягивание оплаты долга или перекладывание долга на следующие поколения.

Полная ежемесячная отдача долга женщиной состоит также в её открытости для всех кредиторов во время менструаций – деньги не пахнут, и мужчины-кредиторы будут отсеиваться по степени их похоти в получении женского долга. Те кто будет брезговать, продемонстрируют несостоятельность своих претензий. Остальные же будут выбирать отверстие по вкусу и взымать долг.

Так как женщины избегают регулярной платы сполна, то никакого возвратного процента они не получают. А те редкие женщины, что умудряются расплачиваться вовремя и сполна, получают его в виде дополнительной радости, которая охватывает всякого от свободы следования своим желаниям.

Большинство же отделывается минимальной оплатой, и потому у каждой с годами набирается долг, который осознаётся к старости, и постаревшие бросаются в попытки выплатить его (активизируют еблю, похеря разборчивость), но этот долг к старости с них почти списали (валюта их тела значительно девальвировалась) и долг переписали на молодых. (Исследования установили, что самые сильные сожаления женщин в старости – о своих неиспользованных сексуальных возможностях.)

Но, как при полной регулярной оплате долга рухнула бы вся индустрия кредитных карточек, так полная отдача долга женщинами уничтожила бы всю сексуальную индустрию, и поэтому имеются лишь редкие единичные женщины, которые расплачиваются сполна и ведут радостную и честную жизнь. Подобно мне, сполна и регулярно отдающему финансовые и прочие долги.

Что важнее?

Вопрос мужчинам на засыпку:

Кого ты предпочтёшь ебать: красавицу с широкой

вялой пиздой или дурнушку с узкой, умеющую играть приздяными мышцами?

Хитрожопый ответ – «красавицу с пиздой дурнушки» – не принимается.

Один из ответов:

Для ебальных невежд зримая красота партнёрши чрезвычайно важна, тогда как для изощрённого и опытного ёбаря «красота» осязания преобладает по важности над зримой красотой.

Женщины демонстрируют такое понимание сплошь и рядом, предпочитая для ебли невзрачных мужчин с большим и выносливым хуем скорокончающему мелкочленистому красавцу, но мужчинам требуется больше времени и ума, чтобы дорасти до способности пренебрегать зримой красотой во имя утончённых тактильных ощущений.

Так женская практичность ещё раз попирает мужской романтизм.

Алкоголь – покоритель женщин

Пьяная женщина – это доступная женщина. Вот почему в США закон запрещает совершеннолетним пить до 21 года. То есть на тот период, когда девицы наиболее беззаботно принимают на себя и в себя, закон старается законопатить их отверстия. Именно из-за алкогольной доступности женщин мораль изо всех сил охраняет их от горячительных напитков, напирая на то, что пьяная женщина якобы становится вульгарной, некрасивой, безнравственной и что это ей якобы вредно для здоровья.

Самое важное в алкоголе то, что он, а не законы, поистине уравнивает женщину с мужчиной в сексуальном поведении, то есть женщина, опьянев, перестаёт продавать себя, а подобно мужчине, предаётся похоти, причём малоразборчивой или вообще неразборчивой. Цена пьяной женщины резко падает и оказывается равной лишь цене выпивки, которую необходимо ей купить, чтобы она опьянела. Если же женщина напивается из своей бутылки, то она достаётся тебе вообще бесплатно, что для общества – самый большой убыток, ибо суть общества – сделать женщину платной, да ещё взвинтить за неё цену как можно выше.

Бог наделил женщину замечательным свойством: она пьянеет значительно быстрее и основательнее мужчины, так что сделать её доступной чрезвычайно легко или купить её доступность

можно вообще за ничтожную сумму. Лёгкость опьянения женщин демонстрирует её физиологическую предназначенность для такого обходного пути морали. Многие женщины, предчувствуя или уже зная эту свою слабину, отказываются от выпивки вообще или ограничивают себя небольшими порциями вина, избегая крепких напитков. Другие женщины, наоборот, зная о своей доступности, возникающей от потребления алкоголя, но не смеющие бездумно отдаваться на трезвую голову, хватаются за алкоголь как за средство, освобождающее их от оков морали, чтобы по пьяни предаться свободной похоти.

Таким образом, с помощью алкоголя весь процесс так называемого соблазнения (торговли) аннулируется, к чему всегда и стремится мужская часть человечества, мечтая одним движением сорвать с женщины вместе с одеждой все социальные наслоения, чтобы осталась лишь её голая похотливая плоть. Но срывать социальные наслоения одновременно с одеждой является изнасилованием, а потому сначала срывается социальная одежда с помощью алкоголя, а оставшиеся одёжки скидываются сами собой.

Итак, всё сводится к тому, как побыстрее напоить ломающуюся или сопротивляющуюся. К сожалению, и это (во всяком случае в США) тоже называется изнасилованием. То есть, если женщина, резко захмелев (даже без помощи мужчины, а напившись сама), жарко возжелает сделать близсидящего мужчину близлежащим, то это её желание считается недействительным, ибо, с точки зрения общества, женщина всегда должна иметь причину для ногоразвода, которая является просчитанной ценой (установления отношений, в конечном итоге ведущих к женитьбе и деторождению). А мужчина, воспользовавшийся пьяным желанием женщины, считается преступником, изнасиловавшим невменяемую, тогда как именно пьяная женщина внимает своим желаниям, а не холодной расчётливости.

Таким образом общество требует, чтобы женщина принимала решение о ногоразводе только в трезвом состоянии, когда общество может оказывать на неё максимальное давление с помощью моральных и нравственных запретов.

Общество, как сутенёр, не позволяет своей женщине отдаваться бесплатно, женщина всегда должна взымать с мужчины плату либо в виде замужества, либо, по меньшей мере, в виде надежды на замужество. Либо за деньги, часто замаскированные под услуги или дары всякого рода.

Так, благодаря алкогольной специфике можно, насладившись, незаметно вылезти из трёх ям, которые вырыты в

женщине для залавливания в них удлинённых объектов. Пьяная женщина может ебаться, как зверь, а утром проснуться и ничего не помнить – называется это затмением памяти, характерным для пьющих (blackout). Главное, не оставаться у женщины ночевать и не оставлять её ночевать у себя, а вовремя выскользнуть или избавиться от неё, чтобы женщина, проснувшись протрезвевшей, не нашла бы мужчину, дрыхнущего рядом в постели, и, раскаявшись в своей свободе, не сообщила бы в полицию, что её ебли, когда она отключилась. А так, проснувшись утром в постели одна и почувствовав, что ее отверстия внятно напоминают о себе растянутостью, женщина станет недоумевать, что же с ней произошло, но уговорит себя, что ничего, и будет продолжать жить высокоморальной жизнью до следующей пьянки. Таким образом, общество само упадёт в яму пизды, которую оно для нас, мужчин, вырыло.

Итак, все учебники, пособия и инструкции о том, как соблазнить женщину должны быть сведены в один, универсальный – как споить женщину.

А женщина-алкоголичка – это полный идеал доступной женщины.

Нимфетки в клетке

Я с величайшим трепетом прослушал лекцию очаровательной биологини Bonnie Bassler о недавнем открытии системы связи между клетками бактерий. Она со страстью, которая заставляет представлять её в ебле, рассказала о том, что клетки переговариваются и различают своих и чужих, а также принимают совместные решения и действия. То есть степень сложности на клеточном уровне так высока, что делает смешным объяснение её с помощью эволюции.

Прослушав эту лекцию, я от избытка чувств пошёл в туалет, по пути взяв с полки первую попавшуюся книжку, чтобы не сидеть на унитазе бестолку. Этой книжкой оказался сборник стихов А. Кушнера *Голос*, изданный в 1978 году. Я открыл его наугад и оказался на странице 43 лицом к лицу с его прекрасным стихотворением, которое начинается так:

Придёшь домой, шурша плащом,
Стирая дождь со щёк:
Таинственна ли жизнь ещё?
Таинственна ещё.

А далее имеется такая строфа:

Биолог скажет, винт кружа,
Что взгляда не отвесть.
– Не знаю, есть ли в нас душа,
Но в клетке, – скажет, – есть.

Это по поводу случайности и её наполненности значимостью. Один мой приятель, тоже взращённый в СССР, сейчас, в зрелых годах, увлёкся поиском ответа на вопрос о происхождении жизни. В результате чтения многих книг и прочего потребления информации он пришел к материалистическому выводу, столь милому некогда советской некогда власти: что всё произошло благодаря эволюции, а самая первая клетка, из которой «процесс пошёл», была занесена каким-то метеоритом. Как эта клетка попала на метеорит и как она образовалась, разумеется, в рассмотрение не принимается.

Если жизнь вознамерились объяснять какой-либо одной всеобъемлющей теорией, то одно это уже указывает, что теория сия – ложная в своих притязаниях на универсальность. Ибо жизнь – это то, что «переплёвывает» любую теорию, как бы велика её мания величия ни была. И когда люди используют понятие Бога, или Провидения, или Intelligent Design[24], то это использование, конечно же, не даёт ответов, а лишь провозглашает принципиальную ограниченность всех теорий.

То, что людям представляется в жизни тупиковым, ненужным, глупым, говорит лишь о сегодняшнем ограниченном понимании людей. То, что когда-то казалось ненужным, потом оказывалось чрезвычайно необходимым; то, что представлялось тупиком – открывалось необозримым горизонтом.

Привлекать же гипотезу о внеземном происхождении жизни – это лишь отмахиваться от сути вопроса: ведь привнесённая жизнь тоже как-то образовалась и развивалась, и её происхождение ведь тоже надо как-то объяснить.

Так что теперь легче уверовать в бога, не читая о чудесах в Торе, Новом завете и Коране, а глядя в микроскоп. Или в телескоп.

Как я писал детстве:

Хорошо, что сделаны телескопы для близоруких
и микроскопы – для дальнозорких.

Выставка женских цветов

Намедни я побывал на роскошной выставке цветов. Они были сгруппированы по странам – здесь испанская клумба, тут французская – а вона тама русская, бля, элитная клумба с берёзкой, на хуй.

Я ходил, восхищался чудесными формами цветов, склонялся к лепесткам, чтобы понюхать разнообразные ароматы, дивился некогда дефицитным орхидеям, которых теперь как грязи, а также – проходящими мимо цветов прохиндеями всех пород и народов. И дума явилась мне совместно с мечтой о богатых спонсорах и толковых раскрутчиках, которые смогли бы из думы сделать великую быль. А дума моя была такая.

Все мы знаем, что цветы – это половые органы растений, потому-то они так красивы и так пахнут. И по этой же причине они вызывают столько восхищения у людей и особенно – у женщин, которые вынуждены прятать свои собственные половые органы между плотно сжатых ног, так что вся забитая любовь к ним обращается на цветы. Так вот, подумал я, почему бы не организовать выставку пизд и хуёв вместо выставки тычинок и пестиков, лепестков и ботанических влагалищ? Причём организовать такую выставку следует в ещё более роскошных залах, и тоже сгруппировать пизды по странам, чтобы могла торжествовать не только сексуальная гордость, но и национальная, особенно российская, бля, на хуй. Женщины лежали бы на постаментах, с закрытыми лицами, чтобы лица, коль невзрачные, не входили в противоречие с абсолютной красотой пизды. А вот ноги не будут прикрыты вовсе и широко разведены. С каждой стороны от пизды стояло бы по обнажёному мужчине. Они бы демонстрировали свои хуи и в то же время охраняли пизды от посетителей, которые могут захотеть сорвать цветочек, или по крайней мере – лизнуть. Посетителям разрешалось бы только смотреть и нюхать, но на расстоянии, не доступном для высунутого языка. Нюхать можно было бы лишь с руками, заложенными за спину, да в намордник, чтобы чего доброго лапать не стали или языком выстреливать. При каждой пизде будет воткнута дощечка с надписью её имени (на латыни) и страны происхождения (на русском).

Желающих посетить такую выставку будет несоизмеримо больше, чем цветочную. Стояла бы круглосуточная очередь подлиннее, чем в мавзолей в советские времена. Причём у одного входа – очередь зрителей, а у другого – очередь женщин, желающих выставляться.

Женщины бы, конечно менялись каждый час, чтобы передохнуть, пописать да перекусить. А народ бы валил и валил на красоту дивиться и чудом восхититься.

Однако потом нужно будет сделать следующее: слегка переоборудовать помещение и из просто выставки сделать выставку-продажу. Тогда всякий посетитель мог бы купить приглянувшийся занюханный цветок и посадить у себя в саду (то есть буквально: посадить себе, бля, на хуй).

Траты

Писатель получил гонорар и купил жене бриллианты, а себе – проституток. А на остаток денег купил особняк. Там жила жена, хранились бриллианты и прятались проститутки.

Неизменное

Когда мне подступало 25 лет, цифра эта казалась мне огромной. По этому поводу я недоумённо писал:

> Я знаю, я отрок ещё,
> а мне уж почти четверть века.

Надеюсь дожить до 75 и строчки к этому дню уже готовы.

> Я знаю, я отрок ещё,
> а мне уж три четверти века.

Главное, чтобы первая строчка оставалась неизменной, а там можно и до целого века жить.

Применять с осторожностью

На одном из сайтов я прочёл перечень кудрявых фраз, с которыми советуют обращаться к чужой женщине с целью познакомиться. Среди фраз была такая:

> Давайте поспорим с Вами на сто долларов, что я Вас сейчас приглашу переночевать, а Вы откажетесь?

Однако, если незнакомкой окажется проститутка, то это пари ты сразу проиграешь и придётся раскошеливаться.

Если незнакомкой окажется бедная девушка, то пари ты

можешь проиграть после её минутного размышления.

А если добавить к цифре ещё один-два нуля, то ты любой заведомо это пари проиграешь.

А потому надо уменьшить сумму до одного доллара и тогда выигрыш тебе обеспечен, и вполне возможно, что с пощёчиной. За оскорбительно низкую цену.

Узнавание

С помощью писательского таланта удаётся рассказать людям о том, что в глубине души (то есть, в бессознательном) они уже знали, но не смели или не умели это выразить сами. Ничего такого, что люди уже бы не знали, сказать невозможно, иначе они не поняли бы речь писателя и не происходило бы узнавания, которое является сутью восхищения. То есть всё, что делает писатель – это переводит нечто у читателя из бессознательного в сознательное. Если этого не происходит, что читателю книга не представляется интересной.

Естественное освобождение от сожалений

Убив ненавистного врага, можно жалеть только об одном, что его нельзя убить ещё и ещё раз.

Выебав желанную бабу, можно жалеть только об одном, что её нельзя ебать ещё и ещё без всякого перерыва.

Но вскоре появляется новый враг и новая баба – свежесть цели возобновляется и сожаления исчезают.

Пни и корни

Пень – это надгробный памятник умершему дереву. Надгробный камень – это пень, а мертвец под ним – это корни. Кладбище напоминает срубленный лес. Но уж слишком пни каменно-величественные.

Бродил недавно ходячим деревом по старому и красивому кладбищу. Выбирал, где пустить корни.

Навязанная жажда

В СССР я занимался сначала вольной борьбой, а потом самбо.

На тренировках пить не разрешалось, не говоря уже перед схватками на соревнованиях. Считалось, что если попьёшь воды, то все силы у тебя уйдут вместе с жаждой. Как же я был удивлён, начав в Штатах заниматься дзюдо, что умеренное питьё во время тренировки не только разрешается, но настоятельно рекомендуется, чтобы не обезвоживался организм. Я с опаской стал попивать и сразу почувствовал, насколько это правильно. Сил только прибавлялось. Потом я поразился, как сразу после взвешивания перед соревнованием несколько борцов побежали нажраться, чтобы весить больше во время схватки. Я думал, что они во время схватки всё выблюют. Но оказалось, что победили.

Я вспомнил об этом, когда пару дней назад смотрел по российскому телевидению старую запись юбилея Андрея Вознесенского. Ему тогда стукнуло не больше 35–40. Он со сцены читал стихи в зал, переполненный восторженными лицами, в основном женскими. На голове его была причёска с подобием пробора далеко сбоку и с тщательно зачёсанными слева направо волосами, что типично для мужчин, тщетно старающихся скрыть лысину. На шее у Вознесенского был повязан извечный платок. Я никогда не видел его без нашейного платка. То ли у него на шее постоянно возобновляемый засос от почитательниц, смертельно влюблённых в его стихи, то ли незаживающая язва от зычного чтения, то ли это ничтожная попытка создать оригинальный поэтический имидж, по эффективности равный его попытке скрыть лысину.

Декламировал Вознесенский, долго, с выражением, голосом громким и гнусным. «Монолог того», «Монолог сего», «Треугольная Хрюша». Передышку ему давало только очередное поздравление от какой-нибудь шишки, свалившейся с ёлки советского искусства, и цветы, которые с утомительной периодичностью вкладывали ему в руки присеменившие к сцене девушки. Поэт сгибался в пояснице по направлению к подошедшей, принимал букет и с плохо скрываемым раздражением складывал его в охапку, растущую на красном рояле.

С каждым прочитанным стихотворением становилось всё более очевидно, как у Вознесенского пересохло во рту. Микрофон транслировал в зал не только его поэтические заходы и политические ходы, но и щёлканье сухого языка о наждачное нёбо и чмоки засохших губ. Но нигде не торчало ни графина с водой, ни водопроводного крана. Вознесенский еле шамкал своим большим ртом с отвисшей нижней губой, открывавшей нижний ряд вроде бы ровных, но противной формы зубов, а верхняя губа надёжно скрывала верхние зубы, так что казалось, что их вообще

не было.

Сначала Вознесенский пытался облизывать сухим языком сухие губы, но, видно, вскоре осознал бесполезность этого занятия и уже просто издавал своими засохшими частями речи звуки, какие издают несмазанные механизмы.

Советская этика позволяла графин с водой только для партийных собраний, предоставляя эту привилегию политическому докладчику. А для поэтических чтений вода почиталась просто кощунственной, ибо поэт в глазах народа должен вкушать лишь влагу из источника вдохновения.

В Штатах же меня всегда радует вездесущность всяческих напитков для докладчиков любого ранжира. Некоторые на сцене вообще пьют больше, чем докладывают. А я однажды вышел на трибуну, попил кока-колы и ушёл, так и слова не сказав. Но зато выдул полную банку. И – ничего.

Хорошо всё-таки жить в Америке – как пить дать!

Трусливый уход

При всей своей грубости слово «трахнуть» является лишь эвфемизмом, трусливым уходом от единосмысленного слова «выебать».

Первоначальный смысл слова «трахнуть» – это «ударить», и к нему всегда можно прибегнуть, идя на попятный в интерпретации смысла этого слова. В эвфемизмах подобного рода выявляется стремление подменить наслаждение жестокостью или неразличимо перемешать их. То есть и здесь общество накладывает свою лапу, поскольку его задача – дискредитировать наслаждение, выдавая его за опасное действие, прежде всего связанное с болью или иными ужасающими последствиями.

Моё величие моего замысла

Известно, что Бродский говорил:

> Главное – это величие замысла.

Хорошо, а чем не велик мой замысел – сделать непристойное романтическим, постыдное – почётным, грязное – чистым.

Из претензий к мироустройству

Один из приёмов, используемых самкой для отстранения голодного на её мясо самца, это произнесение фразы: You don't know me (Ты же обо мне ничего не знаешь). А мне и не надо о тебе ничего знать, кроме того, что я уже знаю наверняка: у тебя есть пизда и зад, у тебя есть рот и груди. И этого знания о тебе мне вполне достаточно. Более того, я ничего дополнительного знать о тебе не хочу. Разве что – есть ли у тебя венерическое заболевание.

Сами женщины это прекрасно понимают и принимают, обнажаясь на пляже и в общественных местах до крайних пределов, установленных законами и даже преступая их. Они не демонстрируют всем свои душевные качества – нет, но они выпячивают перед всеми свои груди, оголяют руки, чтобы все видели их подмышки, напоминающие промежность, носят еле прикрывающие дырки трусики, принимают позы и делают жесты, намекающие на их готовность и желание к совокуплению. Женщины прекрасно знают, что ничего другого, кроме их тела, не требуется, чтобы привлечь внимание мужчин.

Но чуть стоит мужчине потянуться за женским мясом, без предварительных реверансов и церемоний, как его начинают обвинять в мужском шовинизме и неуважении к женщине.

А уважать женщину можно только за одно – если она не ломается, а сразу даёт.

Животные – снайперы

Самое восхитительное для меня в животном мире – это как самцы, не глядя, без рук, одним движением попадают в пизду самки. А часто самки ещё сопротивляются и задом виляют. Но даже самцы-девственники и те справляются – уж действительно, Бог ведёт.

А вот мужчина, когда пристраивается к женщине сзади, то и ягодицы ей руками разведёт, и хуй рукой направит, отверстие рассмотрев, а в темноте – пальцами его нащупает. Часто и женщина поможет – сама наведёт на цель. Вслепую да без рук, да без женской помощи, мужчина будет тыкаться мимо, пока наружу не кончит или пока хуй не упадёт, потерянный.

Тоже мне, человек – пиздец природы.

Замужество – это страховка

Раньше замужество для женщины было необходимо, чтобы

общество её не отвергло за внебрачные половые связи, чтобы её дети были законными, чтобы кто-то мог прокормить её и детей.

Теперь женщина может сожительствовать с мужчиной, и никто не скажет ей ни слова. Она может родить детей вне брака, и они никак не будут притесняться. Она будет уважаемым членом общества, оставаясь бездетной и ебясь с кем попало. Она может без труда содержать себя финансово.

Спрашивается, зачем женщине замужество в нынешнее время, предоставляющее ей полную свободу половых и прочих действий?

А затем, что замужество нужно женщине для развода. Ведь оформление брака не усиливает (а чаще всего уменьшает) приятные чувства или ощущения в уже существовавших отношениях, брак просто-напросто является денежной страховкой на случай разрыва отношений. По условиям этой страховки, то есть по существующим законам, в случае развода женщина получает вознаграждение, равное половине (в Калифорнии) состояния мужа.

Таким образом, свадьба – это не празднование страсти, любви, привязанности, которые существовали и до женитьбы, а празднование получения страхового полиса.

* * *

Правда – это дурной редактор для беллетристики.

* * *

Искренняя любительница мужчин – это женщина с высокой разрешающей способностью.

Тогда как её пизда – это орган с высокой пропускной способностью. Репутация её всегда подмочена, ибо она определяется пиздой, которая всегда мокра.

Расшифровка поэзии

У Бенедиктова:

> Искра неба в женском теле —
> Я узнал тебя, узнал,
> Дивный блеск твой разгадал:
> Ты – душа моей Адели.

Искра в теле? – Действительно, пизда искрит.
Блеск? – И впрямь, от её влажности.
Дивность? – Ещё бы, от её зрелища диву дашься.

Так что на шифровальной машине романтической поэзии «пизда» заменяется на «душу». А человека, разгадавшего шифр, обвиняют в шпионаже в пользу наслаждения. И дают ему срок морали.

Однобуквенный размах

Всего лишь одна буква очерчивает вселенную любви, располагая её между двумя фразами: «free love» и «fee love»[25].

Оранжевое время

Если я оказываюсь в ювелирном магазине, я сразу устремляюсь к прилавку с часами – именно часы влекут меня с особой силой. То ли своей причастностью ко Времени, то ли своим неморгающим гипнотизирующим оком, то ли наручником, охватывающим запястье. С юных лет часы завораживали меня. В 15 лет я писал:

Дай досмотреть жизни сон, будильник.

А позже было такое (см. *General Erotic*, 2008. № 166):

…Руки скручены
наместником времени на Земле —
часами-наручниками.

Ощущение, которое охватывает меня, когда я смотрю на сверкающие ряды часов – будто я сижу у океана времени и предо мной колышется необъятный всепоглощающий простор. Огромные волны бросаются на невысокую скалу, с которой я любуюсь океаном, и я знаю, что погода ухудшается, усиливается ветер, растут волны и одна из них когда-то сорвет меня с камня, на котором я сижу, и я окажусь в пасти океана с горько-солёной слюной. Плаваю я плохо и выплыть на скалистый берег вряд ли удастся. Поэтому я перевожу глаза с одних часов на другие, как бы пересаживаясь с одного камня на другой и стараясь обмануть хищные волны.

Я люблю часы со стрелками, причём с большой секундной стрелкой – с ними движение времени ощущается острее, чем глядя на смену абстрактных цифр, которые могут обозначать что угодно помимо времени. Кроме того, в цифровых часах ты лишён возможности любоваться совокуплением стрелок и разбеганием их, пресытившихся, в разные стороны. Когда же ещё есть большая секундная стрелка, она покрывает то минутную, то часовую, а когда минутная и часовая ежечасно находятся в минутном совокуплении, то к ним на мгновенье присоединяется секундная стрелка и происходит любовь втроём. Сказывают, есть часы и с большим количеством стрелок – что ж, чем больше участников в оргии времени, тем веселее.

Часы влекут меня с тех пор, когда я мальчиком лет пяти стал регулярно просматривать журнал *Крокодил*, на который подписались мои родители. Там из номера в номер публиковались карикатуры на американских капиталистов. Стереотип был выработан жёсткий: толстый лысый с сигарой во рту сидит на кресле, положив ноги на журнальный столик, а на волосатой руке у него не одни наручные часы, а сразу трое. В представлении советского человека это было символом безудержной роскоши. Трое наручных часов поражали меня больше всего, когда на руках родителей, бабушки и дедушки я видел только по одному циферблату. И мне хотелось иметь часы, а тут у одного толстого – целых три штуки! Для меня это было тоже чрезвычайным явлением.

Если смотреть на прилавок часов знаменитых и дорогих фирм, то пейзаж весьма единообразен: это платина, золото, серебро, нержавеющая сталь и бриллианты. Если часы с ремешками, то это высокого качества кожа чёрного, коричневого, иногда синего цвета.

Но тут моим взором овладели часы ярко-оранжевого цвета.

Вернее, сами часы созданы из обыкновенной стали, но на чёрном циферблате ободок, часовые метки и секундная стрелка – оранжевые и ремешок тоже сияет тем же чудесным цветом. Формы строгие, но цвет – восторженно-непристойный. И вытворил такое не кто-нибудь, а сам Армани.

Я редко влюбляюсь в вещи. Да и в людей тоже. Единственная моя многолетняя любовь, не теряющая страсти – это компьютер *Макинтош* (потому-то я регулярно покупаю его новые модели).

В наручные, стенные да и в башенные часы я точно никогда не влюблялся – а тут я почувствовал это подвластное, беззащитное состояние любви. Неведомая красота пленила меня. Я не мог оторвать от неё глаз и сердца. Это была красота времени, которая сначала убьёт, а потом возродит уже для

бессмертия.

Два дня я мучился этой любовью, которая, к счастью, была продажной. Оставалось выторговать её подешевле. Все магазины, как сговорившись, продавали мои волшебные часики за одну и ту же цену. Но есть огромнейший бордель *eBay*, где любую любовь можно купить втридёшево. Вот я и нашёл сутенёра в Гонконге, который продал мне девственного Армани ровно в два раза дешевле, чем в Америке.

Так что радость от обладания оранжевым временем у меня ещё сильнее. Буду от счастья носить его на руках. Пока меня не занесёт, а время – не понесёт.

Аборт как самозащита

Аборт – это самозащита женщины от вторжения в её жизнь существа, которое кардинально изменило бы её существование, да так, как она того не желает. Это подобно самозащите от вторжения в дом грабителя. Женщина может его убить, и закон посчитает её правой. Тело женщины – это её дом, и пока американский закон позволяет убить зародыша безнаказанно.

Люди всё никак не могут признать, что убийство живых существ – это нормальная и необходимая часть их жизни. Чтобы избежать слова «убийство», лицемеры-мудозвоны затеяли философско-политические споры о том, когда начинается жизнь. Решили общим голосованием, что жизнь начинается при оплодотворении клетки. А жизнь сперматозоида и жизнь яйцеклетки с великим удобством за таковую сговорились не считать. И с облегчением вздохнули, и бросились защищать зародышей, не обращая внимания на мрущих детей.

Убивать на войне и в результате судебного приговора – всё-таки согласились в виде возжеланного исключения. Убивать для самозащиты тоже можно. А другие убийства позволены только политической мафии.

Для того, чтобы со спокойной совестью убивать животных тоже решили, что животные – это бездушные существа, не то что люди, и потому их для еды убивать можно, но только гуманно (на специальных заводах). И это за убийство не считается.

А ведь чтобы прекратить бесконечную болтологию надо лишь согласиться, что убийство в человеческой жизни неизбежно, и более того, что убийство – это весьма эффективный способ борьбы за выживание.

Каждая тварь…

Какой-то античный неумелый мужик, придумал поговорку:

> Каждая тварь грустна после соития,
> а другие подобные мужики разнесли её по свету.

В действительности, поговорка должна звучать так:

> **Каждая тварь грустна после соития, если не кончила.**

Дух и буква

У закона есть дух и буква. Дух у него от бога, а буква от человека. Слово – это единственное пока средство для описания духа. Но средство это настолько несовершенное, что дух, им описываемый, становится неузнаваемым. Ситуация изменится только тогда, когда законы будут устанавливаться напрямую, телепатично, телекинезно или хуй (наука) знает как, но, главное – минуя посредника-букву.

Именно на этом несоответствии и зиждется вся юриспруденция: судьи, адвокаты, то есть толкователи законов – это спекулянты на неточности смысла, который тщетно пытаются изложить буквами. А так как спекуляция происходит тоже посредством букв (слов), то несоответствие увеличивается в огромной степени, и в результате дух и буква закона перестают быть не только едиными, но и полностью противоречат друг другу.

Примером являются законы о сексе несовершеннолетних. Дух закона – оградить отроков и отроковиц от жестокости и боли. А буквой закона становится ограждение их от наслаждения.

* * *

Христианский аскетизм – это одна из форм антисемитизма, выражающегося в отстранении от похоти, воплощением которой всегда считались евреи. Таким образом, христианин, ненавидя грех похоти, находит возвышенные причины для ненависти и земной объект для её приложения.

Преступления против женщин

Недавно произошло ещё одно подтверждение того, что

преступления против женщин происходят не из-за развратности преступника, а из-за его вынужденной сексуальной невинности. Убито и ранено несколько женщин в спортклубе. Убийца – мужик, который, по его собственному признанию, не мог раздобыть себе пизды в течение 19 лет. Ему 48 лет (было – он себя кокнул под конец), весьма внешне представительный и далеко не бедный.

В своём блоге он восхищался молодыми красотками в спортклубе, пизды которых ему были недоступны. Не говоря уже об остальных дырках.

В сексуально нормальной стране его бы давно и не раз утешили умелые и сердечные проститутки. А в США его без суда и следствия запрели в одиночной камере сексуального голода. Причём, как убийца был убеждён – заперли пожизненно. Вот он и решил наказать женщин за их ему недоступность.

Предположим, у него не было женщин, потому что он был излишне стеснителен и не осмеливался подойти ни к одной – но ведь именно для таких (вернее, для таких тоже) и существуют проститутки, которых в Америке травят с остервенением, как тараканов.

Вывод из этого преступления, как и изо всех подобных, Америка сделать не хочет или не может, а он давным-давно известен: чем больше доступной ебли в обществе, тем меньше в нём преступлений.

Следовательно, надо, чтобы повсюду строились не церкви, а публичные дома. А то в Америке шагу не ступить, чтобы в какой-нибудь храм не вляпаться, а продажных женщин днём с огнём и ночью без огня не сыскать. Полиция нравов – (согласно писанному мною в детстве) «как ЧК – начеку».

Рента или покупка. Розы или шипы

Я читал о весьма богатом и знаменитом мужчине, который не покупал особняки, машины, яхты и прочее, а брал их в краткосрочную или если уж очень понравилось, то в долгосрочную ренту. Причиной такого поведения было то, что он не хотел взваливать на себя обузу ответственности за владение частной собственностью. Уход за нею, налоги, возня всякая. И чем её больше, тем настойчивей будут посягновения на неё.

Известно, что Набоков, разбогатев, не накупил домов, а беззаботно жил в *Montreux Palace Hotel* в Швейцарии. Рентуя, живёшь на готовеньком и в любой момент можешь послать всё на хуй и переехать в другое место. Таким образом, в случае ренты деньги становятся не средством для приобретения забот, а

средством полного от них избавления.

Подобное происходит у богатого мужчины и при общении с женщинами. Можно купить особняк-жену и взвалить на себя кучу забот по уходу за ней, за её родственниками и народившимися детьми. А можно жить в роскошных номерах содержанок и переезжать из одной в другую.

Потому и существует образ розы с шипами: красоты, за владение которой приходится укалываться о шипы. Но оказывается, есть возможность шипы срезать и хватать в кулак стебель розы без опасности уколоться.

Смысл богатства как средства обретения свободы выхолащивается при приобретении собственности, которая порабощает тебя. Длительное владение порочно, ибо превращается в собаку на сене. Ты перестаёшь ценить то, что долгое время находится рядом, оно перестаёт вызывать в тебе эмоции, как вызывало в момент приобретения, а потому долгосрочное или пожизненное владение – порочно. Попробовал – передай другому.

Деньги дают свободу только тогда, когда они держат чувства в заострённом состоянии, а это происходит при разнообразной ренте, а не при однообразном владении.

Читая это, всем следует иметь в виду, что у меня никогда не было больших денег, и все мои рассуждения являются сугубо теоретическими. Дело остаётся за малым – разбогатеть и проверить всё на практике. О результатах доложу из собственного особняка.

Ходы

Мужчина стремится женщину взять, когда он хочет.

Женщина стремится продаться мужчине, даже когда она не хочет.

Мужчина сдерживает своё желание, опасаясь кары закона.

Женщина сдерживает своё желание, когда цена ей представляется низкой.

Мужчина и женщина перестают сдерживатся, когда похоть обесценивает цену и карнает кару.

У мужа и жены закон соблюдён, цена определена и потому супруги в кровать ложатся, тогда как любовники – бросаются.

Звук и слух

Самое большое, что меня дивит – это обилие музыкальных талантов, которые рождаются каждый день и заявляют о себе, по меньшей мере, одной песней, но которая сбивает с ног и уносит ввысь. Сколько радости приносит мне эта неисчерпаемость талантов – ещё одно неопровержимое свидетельство божьей щедрости. Причём ни один музыкальный талант не исчезает из памяти человечества, а сохраняется, и у всякого таланта есть своя колышущаяся в экстазе аудитория.

Подобное обилие талантов существует и в литературе, но ощутить его гораздо сложнее: песню послушаешь за три минуты – и новая вселенная открылась, а чтобы одного писателя открыть надо его роман читать часами. Слишком уж это медлительно.

При обращении к поэзии, где прочтение стихотворения по времени приблизительно равно прослушиванию песни, скорость и эффективность познания талантов растёт. Поэзия по концентрированности вызванных эмоций близка к музыке – недаром они были первыми. Подобие по времени познания поэзии и музыки очевидно проявляет себя в объединении музыки и слов в песне. Слова кладутся на музыку, музыка пишется на стихотворение.

При нынешнем ускорении познания продолжительная проза должна всё более напоминать по судьбе печатную машинку, на которой ещё стучат любители, но которой никто всерьёз пользоваться не будет. Таким образом, всё вернётся к поэзии и музыке, как создателям наиболее острых и скоро достижимых ощущений, а художественная проза отомрёт на бегу времени как изживший себя громоздкий придаток.

Поэзия и музыка находятся на разных полюсах по языковой доступности: музыка не знает границ, ибо не зависит от языка, а поэзия существует только на языке, на котором она писалась, и принципиально непереводима. Тем знаменательней, что эти противоположности по зависимости от языка объединяются в своей эмоциональной интенсивности.

Прекрасная песня – это пойманные два зайца: музыкальный и языковой, что особо потрясает слушателя. Проза воспринимается зрительно, а поэзия и музыка – слухово и в песне слух побеждает зрение, через которое, как известно, мы получаем подавляющее большинство информации.

Есть реальное понятие «слепой музыкант», но не «слепой писатель». Гомер – это ещё один греческий миф.

Щедрость божия проявила себя двояко: не только в звуке, но и в слухе, способном им восхититься.

Ни дня без…

Оказывается, если регулярно не повторяешь определённые действия, то мозговые клетки, ответственные за это действие – отмирают. Вот почему музыканты музицируют каждый день, вот почему спортсмены ежедневно спортсменствуют. Навыки сохраняются и совершенствуются лишь при условии их постоянного повторения.

Потому-то фраза

Ни дня без строчки —

приобретает чисто физиологическое значение, говорящее писателю о необходимости регулярной тренировки.

Разумеется, всё это можно распространить в область, которая описывается фразой «Ни дня без дрочки». А точнее – ни дня без оргазма, о чём уже стали возвещать некоторые сексологи. Речь, наконец, пошла не о морали, а о неизбежной физиологии. Так что чем меньше морали, тем счастливее человек. Ведь перевёртыш морали лет сто назад показывал оргазму фигу, допуская его лишь при размножении, а теперь мораль разводит ноги для насильника – напористой науки.

О женской сексопатологии

В советской библии секса имени Свядоща под названием *Женская сексопатология*[26] описывался сексопатологический случай. Женщина не могла испытать оргазм с мужем и посему к мужу питала безразличие. Между тем она воспылала любовью к своему сослуживцу, с которым якобы ещё не успела переспать. И вот в одну прекрасную ночь, когда её ёб муж, она представила вместо него своего сослуживца и сразу кончила. Описание заканчивалось краткой фразой, свидетельствующей о полном избавлении женщины от сексапатологии. Заключительный диагноз женщине гласил: «Мужа полюбила».

Меня тогда эта фраза потрясла, ибо открылась суть любви, которая есть наслаждение. Значит, думал я, если я довожу женщину до оргазма, то она меня полюбит. А если ты не позаботишься о её наслаждении, то и любить тебя она не будет.

Важность для женщины оргазма с мужчиной оказывалась несоразмерно больше, чем для мужчины с женщиной, поскольку мужчина при совокуплении, как правило, без труда его достигает, и достижение им оргазма вовсе не являлся гарантией любви к

той, кто позволяет его в себе испытать. А вот женщина представала совершенно иным существом, настолько рабски зависимым от оргазма с мужчиной, что достижение его становилось эквивалентом любви.

Постепенно практика опровергла эту аксиому и сделала из неё лишь частный случай, справедливый для неопытных девушек и женщин, для которых оргазм с мужчиной являлся большим событием. Тогда как множество женщин, кончающих легко и обильно, относились к мужчинам подобно тому, как мужчины – к женщинам, только ещё покруче, ибо женщина может пропускать через себя такое количество хуёв, каковое для мужчин категорически абсолютно непосильно в пиздяном исчислении.

Вот почему нынешние сексологи учат девочек заниматься мастурбацией, не для того, чтобы просто получать наслаждение – нет, у них есть социальная задача: чтобы свои первые оргазмы с мужчиной не принять за любовь к нему, а уже чётко представлять, что оргазм – отдельно, а любовь – отдельно.

Однако Свядощ остановился на полпути. Он не выяснил, требовалось ли его пациетке постоянно прибегать к этой фантазии, чтобы кончать с мужем? Или после того как прорвало первый раз, всё пошло-поехало на автомате без фантазий? Возникло и много других вопросов, на которые я уже находил собственные ответы. Так что в итоге я стал сведущим не меньше Свядоща, и женская сексопатология при моём приближении тушевалась и пропадала.

Развивая Сенеку

Сенека говорил, что бедный не тот, у кого мало, а тот, кто хочет больше. Продолжая эту мысль, можно заключить, что богатый не тот, у кого много, а тот, кто хочет меньше.

Только теперь становится не только понятным, а также теоретически обоснованным, почему богатым стать трудно, а бедным – легко.

Конец началу жизни

Люди уговорились назвать оплодотворение началом жизни человека и считать преступлением всякое посягательство на яйцеклетку, протараненную сперматозоидами. Борцы за права животных переняли эти критерии и борются за жизнь млекопитающих.

С птицами – сложнее, у них оплодотворение вызывает рождение яйца. Что с ним делать? Считать яйцо живым? И в целях сохранения жизни не позволять уничтожать яйца? Прощай яишница!

Пока ещё не добрались до мира растений, который не менее одушевлён, чем человек и животные, но что не умеют признать, вследствие человеческого самолюбования в образе венца-царя природы.

В растительном мире оплодотворение осуществляется опылением, и семена, которые надо вылёживать (в земле) – являются прообразом зародышей, которые надо вынашивать, и яиц, которые надо высиживать.

Считать ли каждое зёрнышко неприкосновенной жизнью? То есть отказаться ли от муки, хлеба и пр. под предлогом: не хлебом единым.

Так человеческая попытка сохранять жизнь сводится к тривиальному самоубийству с помощью умаривания себя голодом.

Но человеческая глупость, по счастью, не имеет границ, и потому человек не озабочен логическим, последовательным поведением, а только эмоционально выбирает критерии возникновения жизни, которые лишь связаны с его сексуальными закидонами. Что ему семена и птичьи яйца, когда у него есть свои.

Бесконечность и безначальность

Мужчина, пришедший на вечеринку или на приём в сопровождении своей красивой любовницы или жены, гордится и торжествует, когда видит, что другие мужчины с вожделением смотрят или посматривают на неё. Красотка тоже наслаждается сдерживаемой похотью мужчин и радостно переспала бы с некоторыми из них (а то и со всеми), если бы не ревнивый партнёр, если бы не клятва верности, если бы не приличия и прочая хуйня.

Однако, радуясь тому, что мужчины ебут его женщину глазами, обладатель красавицы грозно и тщательно охраняет её от всяких тактильных посягновений.

А вот на вечеринке свингеров мужчина, заметив похотливый взгляд на свою партнёршу, радостно предоставит её глядящему мужчине и с наслаждением будет наблюдать как её ебут и какое наслаждение она получает. А часто и присоединится к ебущему его женщину, чтобы она получила двойную (тройную, *n*-ую) дозу

удовольствия и спермы.

Между первым и вторым примером нет противоречия, они – звенья одной, но разорванной цепи. Разве что первое звено – это звено ревности и страха перед своими желаниями, стыдом, неосознанностью сути своих порывов, тогда как последнее звено является свободой от эгоизма и общественных запретов. А свобода – это осознанная бесконечность наслаждений.

Между этими крайними звеньями висят промежуточные звенья, их соединяющие. Они-то и представляют из себя эволюцию, где выживает сильнейшее наслаждение.

В счастливой жизни первое звено соединено с последним, так что начало и конец цепи неразличимы. Мораль же разорвала цепь и воздвигла пропасть между плавно переходящими одно в другое.

А ведь цепь эта – золотая, и висит она на шее гермафродита Провидения.

Причём цепь эта – большая и тяжёлая. Bling-Bling[27]

Плод – сладок

Выражение

Запретный плод сладок

интерпретируют так: стоит лишь что-то запретить, как человек этого захочет и если бы это не было запрещено, то он бы этого не хотел или перестал бы хотеть, или хотел бы значительно меньше. То есть факт запретности как таковой приравнивают к факту желанности.

Однако такая интерпретация ставит всё с ног на голову. Общество, построенное на ограничении и подавлении наслаждения, сделало всё сексуальное ограниченным или вовсе запретным. То есть всё сладкое запретили. Причём, чем слаще, тем строже запрет. Поэтому правильно рассматривать запрет лишь как знак, указывающий, уведомляющий, что всё, что находится «под ним», под запретом – сладко. Таким образом, люди интуитивно и социально чувствуют смысл запрета и, видя запрет, пусть даже ещё никогда не вкусив плода, уже уверены, что он будет сладок, и влекутся к запретному по образовавшемуся условному рефлексу.

Другими словами, запрет не столько предостерегает и запрещает, сколько направляет и указывает, как бы говоря: где я – там сладко. За всяким запретом стало подразумеваться наслаждение, и тогда запрет сам по себе становится приманкой и символом наслаждения.

Например, мужчин влечёт в женщине вовсе не её одежда (представляющая из себя запрет на наготу), а её тело. Однако многие наивные и ограниченные самцы реагируют на одежду даже сильнее, чем на само женское тело. В этом проявляется побочный эффект оскопляющего запрета.

Если снять запрет, то вкус недавно запрещённого от этого не изменится – он останется таким же сладким. Ведь мы стремимся вовсе не к запретному, а к сладкому. Запрет – это патологическое следствие, гнусно вторичное, паническое спохватываение от уже случившегося.

А потому, не запретный плод сладок, а плод – сладок.

Страх красоты

Многие мужчины робеют перед женской красотой, они боятся подойти к женщине, красивой лицом и телом.

Не то же ли самое с красотой пизды? Люди не осмеливаются говорить о ней, но многословно говорят о менее красивых женских органах (глазах, волосах, руках).

Радуга и прочие чудеса

В давние времена люди смотрели на радугу и считали её чудом. Потом были открыты законы физики, её объяснившие, и радугу чудом считать перестали. Но ведь она всё равно продолжает быть чудом, ибо существование самого закона физики, который её описывает, и есть чудо. Просто научное объяснение обеспечивает спокойное сосуществование с чудом без опаски, что оно выкинет что-либо опасное для жизни.

Однако спокойствие это безосновательное, так как чудеса – хищники. Они пожирают нас живьём. А мы к ним трепетно стремимся.

* * *

В перерывах между совокуплениями любовники развлекаются, отдыхают, а супруги – работают.

Естественные сочетания

В моде считается, что зелёное и голубое не сочетаются друг с другом. Такие цвета вместе именуются безвкусицей. А ведь это сочетание листьев и небес – одно из самых естественных сочетаний цветов в природе. Вот она, человеческая эстетика, отвергающая естественное и считающая также антиэстетичным естественные «сочетания» половых органов.

Парна́я сперма, стальные мышцы матки и свиньи

Исследования (конечно же, научные) показали, что живчики в сперме, которая плескалась в мошонке много дней, а то и недель, весьма хило двигаются и потому слабо оплодотворяют. А если ты кончил вчера, то сегодняшняя свежеиспечённая сперма доставит куда нужно такие сперматозоиды, которые любые преграды сметут, перекусят горла и откусят хвосты всем конкурентам. Следовательно, для того, чтобы быть хорошим самцом-производителем, надо часто обновлять сперму, избавляясь от старой. Так что онанизм обретает ещё одну пользу. Другой более приятный вариант, это обновлять сперму, ебясь каждый день да ещё с новой самкой. Тут тогда такие сперматозоиды попрут, что яйцеклетку хором оплодотворят, а если яйцеклетка бракованная, то они заберутся в засаду поджидать созревание следующей яйцеклетки и набросятся на неё, как только она величественно выплывет из фаллопиевой трубы. Для женщины же регулярные оргазмы – это тренировка брюшных и маточных мышц. Чтобы матка не зажирела, она должна тренироваться засасывать сперму и выдавливать отжившую яйцеклетку, выкидывать выкидыш, а также выталкивать в свет созревшего ребёнка. А для таких физических рекордов требуется ежедневная тренировка. Поскольку роды длятся не минуту, а часами и состоят из большого числа сокращений, то хорошо подготовиться к ним можно лишь многократными оргазмами. Вот почему женщины так полюбили вибраторы. Это подобно тому, как спортсмены тренируются на специально изобретённых снарядах, а не бегают мелкими кругами по полю или поднимают в руках булыжники – для этого сделаны эффективные спортивные приспособления, дающие мышцам вымеренную и нужную нагрузку. Так и вибратор даёт женщинам долгую сильную и многократную нагрузку на брюшные и маточные мышцы, попутно доставляя огромное наслаждение. Так что такая физическая тренировка для женщин – сплошное удовольствие. Вот почему женская мастурбация так же важна, как и мужская. Мужчины тоже помогают женщине, когда знают своё дело или когда работают командой над одной

«спортсменкой». Но это нетипичный случай. В основном женщины занимаются самообслуживанием, когда дело доходит до регулярных и многократных оргазмов.

У свиньи клитор находится во влагалище, что гарантирует ей наслаждение от любого совокупления. Почему, почему же это идеальное расположение клитора не перекинулось на человеческих самок? Это ещё одно доказательство, что люди, к сожалению, произошли не от свиней. А то бы при такой физиологической гарантии наслаждения при любом совокуплении женщины еблись бы не переставая на каждом углу и таким образом у мужчин исчезла бы нужда в онанизме. Что же до женщин, то им всё равно было бы не обойтись без мастурбации, ибо нет такого количества мужчин, которое бы удовлетворило всех женщин.

А у свиней нужно людям заимствовать не только печень да сердечный клапан для пересадки, и гнать из них инсулин, а ещё и клиторы пересаживать женщинам не только во влагалище, но и по всему телу. Тогда к бабам, как к свиноматкам поросята, будут притуляться мужчины и женщины, сося да теребя растущие по всему телу клитора. Вот тогда-то женщина и достигнет полной эмансипации. Так что иудаизм с исламом только от зависти на свиней бочки катят. Ведь свинья – самое полезное и вкусное человекообразное животное. После женщины.

Юморной наркотик

Необходимость для человека испытывать наслаждение (получать регулярную дозу эндорфинов) демонстрируется и тем, что чувствительные места, прикосновения к которым заставляют мозг выделять endorphins, могут возникнуть и вне половых органов. Были проведены исследования с людьми, парализованными ниже пояса, у которых половые органы бесчувственны. Эти люди каким-то образом вырабатывали суперчувствительность какой-либо части тела выше пояса, прикосновения к которой вызывали сексуальное наслаждение.

Вследствие того, что человеку не хватает ебли из-за моральных и юридических ограничений, он начал изыскивать искусственные вещества, которые вызывают то же ощущение – опиаты. Моя гипотеза состоит в том, что наркотики начинают употреблять те, кто хочет компенсировать недополученные в ебле endorphins. Если подросткам дать свободное и неограниченное сексуальное общение, то они бы не тянулись к наркотикам. Но общество предпочитает наркоманов ёбарям.

Доказали и то, что при смехе тоже выделяются endorphins. Вот почему женщины среди важных качеств мужчин называют чувство юмора, умение мужчин рассмешить женщину. Происходит это из-за того, что женщины чувствуют или знают, что им не удастся регулярно добираться до оргазма, совокупляясь с мужчиной, и потому хотят дополучить от него свою дозу endorphins хотя бы от смеха. Недаром смеховые конвульсии так напоминают оргазменные. Мужчина же в женщине ценит только один юмор: широко раскрытый в приглашающем смехе рот пизды.

Целевое соблазнение

Если под страхом смерти (чтобы действовало) запретить женщинам использовать всякую косметику и украшения, то понятие «женская красота» в нынешнем понимании исчезнет. Лица женщин, за редчайшим исключением, перестанут привлекать мужчин. Женщинам срочно придётся прибегать к естественной форме соблазнения: раздвигать ноги для всякого понравившегося прохожего и соблазнять красотой, которая не требует ни косметики, ни украшений.

Троянский презерватив

Большинство презервативов в США производится фирмой *Trojan* – Троянский. Оказывается, название взято по фамилии основателя компании Alfred Trojan.

Фамилия, конечно, хорошая, но называть ею презервативы – невежественно. Такое название подходит только для бракованных презервативов, которые разрываются после того, как женщина впустила хуй в трояне к себе в пизду. Фирма же заверяет, что ихние презервативы никогда не рвутся.

Странный троянский конь получается – попал в Трою, а воины, сидящие внутри, вылезти из коня не смогли и задохнулись. С таким конём Троя осталась бы невзятой, и мир пошёл бы вразнос.

Так что Троянским конём надо называть не презерватив, а сам хуй – женщина соблазнилась даром наслаждения, а из него выскочили белые воины и ворвались в её маточную крепость да поимели все яцйеклетки.

Всё позволено

Мнимая мудрость фразы: если бога нет, то всё позволено.

Бог есть, и им позволено всё! Но ты сам решай, что из всего позволенного ты хочешь и можешь делать, а что – не можешь. Твоё решение и окажется божьим решением.

Изнасилование как самооборона, или цензура мечтаний

Самыми популярными компьютерными играми являются игры, имитирующие убийства. Убийства происходят с помощью рукопашной борьбы, с помощью холодного оружия, с помощью пушек и лазеров, пуль и взрывов. Цель игры – убить побольше и побыстрее.

Чтобы оправдать такую всенародную кровожадность, в играх придумывается благородная цель, оправдывающая массовые убийства, а именно: ты убиваешь врагов, то есть ты убиваешь не просто так, а в качестве самообороны. А раз самооборона, то любое убийство не только простительно, но и похвально.

Убийство в видеоиграх привлекательно и увлекательно потому, что в реальной жизни за него сажают, а часто и убивают. Да и решиться на убийство для многих нелегко даже в случае самообороны. А в игре все запреты сняты, и ты можешь проливать кровь и лишать жизни совершенно безнаказанно и с огромным удовольствием. Мечта сбывается.

Казалось бы, удовлетворение сексуальных желаний, которыми полнятся люди, должно бы тоже поощряться в мире видеоигр. Однако и в играх свирепствует та же мораль, что в жизни: убивай сколько хочешь, но секс изволь держать при себе (то есть мастурбируй и будь доволен, либо еби свою жену и будь недоволен).

В Японии недавно была сделана игра *RapeLay*, которая вызвала всеамериканский и частично европейский протест, потому что в ней показано идеальное изнасилование. Эту игру отказались продавать amazon.com и ebay.com, и я нигде не смог её найти на Google Shopping.

На сайте изготовителя *Illusion* сообщается, что иностранцам игра не продаётся. Японцы вынуждены даже теперь изолироваться от остального мира, как в давние времена, чтобы не позволить христианской морали оккупировать себя и чтобы сохранить свою свободу мышления и действий.

Судя по описанному содержанию, игра возмутила мериканцев и прочих недоёбов особенно тем, что изнасилование в игре показано идеальным, то есть женщина начинает с испуга и ужаса, а заканчивает возникшей похотью и оргазмом. А ведь только

таким изнасилование и должно быть: сломить не только физическое (мускульное) сопротивление женщины, но и физиологическое (нежелание, чтобы ебля привела её к оргазму). [28]

Идеальное убийство (справедливое и безнаказанное) в играх приветствуется и рекламируется, а идеальное изнасилование – запрещается и порицается. Другими словами, людям запрещают сексуальные мечты даже в виртуальной жизни.

Если наслаждение женщины не является для общества оправданием изнасилования, а, наоборот, возмущает его более всего, и если самооборона оправдывает кровавые убийства, то тогда надо представить изнасилование как самооборону мужчин от недоступности повсеместно провоцирующих нагих женских тел.

Уж не знаю, достаточно ли будет этого, чтобы оправдать мужские видеомечты в глазах иудео-христианской морали, но для мусульманской морали этого должно оказаться вполне достаточно. Недаром же недавно прибывшие в Норвегию мусульмане насиловали полуголых самочек, гуляющих ночами по улицам, приняв их за предлагающих себя женщин.

Так с помощью идеи самообороны мужчинам удастся безнаказанно убить цензуру их сексуальных мечтаний.

Основное различие между мужчиной и женщиной

Для мужчины после оргазма всё кончается.
Для женщины после оргазма всё только начинается.

Божественная история

Чем древнее история, тем более она условна, ибо построена на субъективных свидетельствах, воспоминаниях и мало объективных обломках и развалинах. История обречена на судьбу домысла до тех пор, пока не станет возможным запечатлевать абсолютно все факты бытия.

Представим, что на всех людей навешены микровидеокамеры, которые с самого рождения ведут запись без перерывов до самой смерти. Также повсюду в пространстве развешены камеры, которые записывают всё, что происходит в домах и снаружи. Тогда можно будет с достоверностью сказать, что история жизни каждого человека и его взаимодействий с другими людьми, известна полностью. Это, конечно, не включает в себя историю его мышления, но на определённом этапе это неважно и по его

поступкам можно сделать весьма обоснованный вывод о его мыслях.

Можно себе представить безо всяких усилий, что технология вскоре позволит вести такие записи всех людей обо всех людях, и тогда история человечества избавится от лакун и домыслов.

Таким образом, достоверная история является делом чистой технологии.

Далее, можно легко представить, что бог обладает подобной «технологией», причём не только для перемещения тел, но и для движения мыслей.

На этом и зиждется его вездесущность.

Скоропостижное рождение

Поистине осознанное материнство и отцовство имело бы место лишь в том случае, если бы ребёнок рождался сразу после совокупления. Не успел излиться, а младенец уже выталкивает головкой твою головку.

Тогда бы люди твёрдо знали о неминуемом и быстром последствии наслаждения: отступлений нет и не существует поблажек в виде аборта, выкидыша или обычной девятимесячной отсрочки. Тогда бы наслаждение связывалось с рождением не умозрительно, а тотчас бы налагало ответственность за ребёнка.

Предохранение в большинстве случаев стало бы насущнее наслаждения.

К тому же женщины рожали бы больше, избавившись от тягот вынашивания плода, а мужчины, укоряемые мгновенностью последствий, стали бы остерегаться нежелательного рабства, устрашились бы пизды ещё больше и не вылезали бы из анального и орального секса.

Пизда стала бы символом не столько наслаждения, сколько мгновенного возмездия для легкомысленных любовников – а ведь их большинство.

Со скоростью смены перчаток

Когда мне было лет 13, я услышал как актёр Жаров, играя в кино дореволюционного буржуя, пел:

– Менял я женщин, трам-тирьярум, как перчатки.

Если про смену женщин я кое-как догадался, то смена перчаток повергла меня в тягостное недоумение. По советским

традициям, в семьях бедных служащих одежда обновлялась крайне редко. А уж перчатки служили по десять лет и более. Потому я пытался вычислить, как часто этот буржуй менял женщин. Получалось – одну женщину в десять лет. Хвастаться было нечем, а тем более распевать по этому поводу.

Чтобы ситуация была понятна советскому человеку, Жарову нужно было петь хотя бы так: Менял я женщин, трам-тирьярум, как бутылки.

Но самое важное, я всё-таки тогда уловил: женщин нужно менять часто. И безо всяких перчаток.

Интеллектуальная жизть

Для огромного числа людей спортивное боление и слежение за знаменитостями являются формой интеллектуальной жизни. Эта интеллектуальная жизнь не менее богата сильными эмоциями, чем чтение умных книг или даже сочинение собственных.

Вот почему я купил новый телевизор.

Перевод чувств на речь

Речь и письмо – это ни что иное как перевод чувств на язык слов. Однако любой перевод, и прежде всего этот, обречён на неточность. А значит всякие слова, придуманные, чтобы обозначать чувства, объекты, события – заведомо неточны. Тютчев и прочие здесь давно отметились.

Тем не менее некоторые слова представляются нам предельно точными. Особенно заострёнными в своей точности представляются матерные слова, которые взялись переводить самые сильные чувства. Многим кажется, что не может быть точнее слова «пизда» – у всякого возникает её чувственный образ в зависимости от опыта общения с нею. Для человека неопытного слово «пизда» является предельно точным, ибо описывает неделимую тайну, но для опытного человека этот термин весьма условен и сразу вызывает необходимость уточнений: какая? у кого? а главное – где дают? В ответах на эти вопросы вскрывается бесконечная неопределенность «пизды».

Потому-то определяя «точными» словами исконно неточные объекты, вынуждаешь слово превращаться в неточное. А став неточным, это слово тогда более точно определяет извечно многообразный и меняющийся «неточный» объект. Именно

благодаря неточности слов нам даётся возможность описать «неточный» меняющийся мир.

Посему, лишь осознав неточность матерных выражений, становится понятным, почему они так точно отражают эту вечно меняющуюся вселенную половой жизни.

Трагедийный оптимизм

В фильме *Оптимистическая трагедия* покойный Тихонов, играя матросню, смотрит на красивую комиссаршу и задаёт себе вслух риторический вопрос-утверждение:

– Такая баба – и не моя.

Эта фраза пронзила меня, как эврика: ведь она применима к любой женщине! – мне было тогда лет 14, и я был девственник.

Фраза эта, как потом оказалось, преследует любого мужчину в течение всей его жизни, ибо «такие бабы» встречаются если не на каждом шагу, то на каждой странице журнала или сайта.

Мужчины отличаются друг от друга по реакции на увиденное: одни возмущаются несправедливостью положения вещей и бросаются брать этих баб, а другие соглашаются с таким положением вещей и относятся к этой фразе, как к приговору, окончательному и не подлежащему обжалованию.

Третьи – убивают этих женщин, чтобы они никому не принадлежали.

Но грянет клонирование и всякий мужчина сможет радостно воскликнуть:

– Такие бабы – и все мои!

Однако тут вспоминается фраза Сиплого, другого персонажа из *Оптимистической трагедии*:

– По три раза сифилисом болели.

Зловредность сексуальной морали

Мораль – это установление дистанционной обратной связи для регулирования поведением человека. Дистанционной, потому что каждый «моральный» человек сам регулирует своё поведение, даже будучи наедине с собой, то есть общество продолжает навязывать моральное поведение даже тогда, когда оно на расстоянии от уединившегося индивидуума.

В человека на генетическом уровне введены отрицательная

обратная связь (плохо) и положительная (хорошо). Ортодоксальные религии создают мораль, наполняя содержанием эти связи, задействовав сексуальное наслаждение как «плохо» и сексуальное воздержание как «хорошо».

Если у животного такая обратная связь основывается на «больно» или «опасно» (плохо) и на «приятно» (хорошо), то у человека эти «плохо» и «хорошо» мораль насильно поменяла местами. Человек получает противоречивые сигналы: природа говорит, что наслаждение – это хорошо (положительная обратная связь), а мораль – что плохо (отрицательная). Из-за противоречивости этих сигналов (которую Фрейд назвал амбивалентностью чувств) возникают психосоматические заболевания.

Патологическая, предельная форма ограничения – это запрет. Физиология (по поручению Природы) накладывает естественные ограничения на желания, индивидуальные для каждого человека – так, мужчина после оргазма нуждается в отдыхе для того, чтобы добраться до следующего оргазма. Для одного мужчины отдых составляет одну минуту, а для другого – один день. Однако человеческая мораль стремится ввести жёсткие ограничения. Или вовсе перепрыгивая через ограничения, мораль сразу устанавливает запрет – например, на половую жизнь католического священника. Именно поэтому католические священники, которые поистине соблюдают этот запрет, должны быть самыми больными. И этим психически больным даётся право пастыря, пастуха, лидера. Потому-то эти больные ведут за собой стадо в пропасть вины, самоуничижения, греха и прочих смертоносных чувств.

Католические священники – это крайний пример жизни с полным запретом сексуального наслаждения, а те, что проповедуют не полный запрет, а жёсткие ограничения – тоже хороши.

Таким образом, сексуальная мораль есть ни что иное, как реестр сексуальных ограничений и запретов, вызывающих большие или меньшие болезненные явления у повинующихся им людей. А у тех, кто им не повинуется, эти болезненные явления усугубляются дистанционным подавляющим действием морали – то есть чувством вины.

Жить счастливо можно только вне сексуальной морали.

От 12 часов до 12 мужчин

Бьёт дюжина часов, и с последним ударом красавица Золушка

в роскошном платье превращается в замарашку, одетую в рваньё.

Потрясает спазма, последняя из полдюжины – и прекрасная влекущая пизда превращается для тебя в безразличную плоть.

Можно ли это называть иначе, чем злым волшебством?

Но ведь тело и душа Золушки остаются неизменными до и после двенадцатого удара, она лишь начинает стыдиться возникшей неприглядности своего вида.

Но ведь и пизда никак не изменилась после окончательной мужской спазмы. Она лишь спряталась между сжатых ног, застыдясь исчезновения своей привлекательности для принца.

Но принц разыскал Золушку по её маленькой ступне, и Золушка снова оказалась в роскошных одеждах и стала вдобавок принцессой.

Так и пизду снова разыскало между ног всемогущее желание и выставило её на обозрение всему королевству. И если для одного мужчины с последней его спазмой принцесса превращалась в Золушку, то для остальных, ещё не доживших до своей полуночи, она по-прежнему виделась и влекла как прекрасная принцесса.

Если пизда доступна многим, то она всегда кому-то желанна, и её привлекательность не прерывается.

Можно ли назвать пизду иначе, чем доброй волшебницей?

Фотосезоны

Чёрно-белые фотографии можно назвать зимними.

Цветные фотографии – летними.

А порнографические – на все времена.

* * *

Смысл кокетства состоит в том, что женщина жаждет принадлежать многим, тем самым гарантируя и ощущая свою непрерывающуюся, постоянную привлекательность, которая не может длиться непрерывно и долго для одного мужчины.

О бабах снежных

В Америке – snowman, в России – снежная баба. Почему у американцев не snow woman? Почему у россиян не «снежный мужик»?

Округлость трёх снежных шаров, из которых делают снежную бабу, напоминает женские округлости, и потому русский ход мышления естественен. У американцев включилось джентельменство, квакерство, викторианство и прочая мудня – как это женщину выставлять на мороз, это мужчина должен принять на себя тяготы холода и бороться с природой, да и вообще женские округлости неприличны.

А потому не важно, что тело на женское похоже – это должен быть пусть женоподобный, но man.

Русская же баба – это вам не американка – она и то, и другое: и коня на скаку остановит, и на конский сядет. Ей мороз и хуй не страшны.

Другой вариант объяснения – неприязнь к женщине, которая не является символом сексуальной привлекательности – мол, разве можно изображать женщину с морковкой или палкой вместо носа и с невзрачными точками-угольками-пуговицами глаз. Нет, думают американцы, таким уродцем может быть только мужчина, а женщина всегда должна быть с косметически идеальными чертами лица. А мужчина – ковбой, он может прожить с любой внешностью. Но женщина должна быть только красавицей. Причём обязательно недоступной.

Русская же толстая снежная баба с морковкой вместо носа вполне приемлема и как женщина-хозяйка, и как женщина-пизда.

Была бы дыра да пар валил.

А зимой он всегда валит.

Научные исследования показали… фигу

Научные исследования показали, что если у человека имеется какая-то сумма денег и он истратит их на кого-то другого, то это доставит гораздо больше удовольствия, чем если бы он истратил их на себя.

Тут мне пришла в голову идея, как объединить эти два удовольствия и тем усилить их, чтобы, тратя деньги на другого человека, в то же время тратить их и на себя. Этого легко достичь, потратив деньги на проститутку.

Вот ещё одно подтверждение того, что проституция – это самая гуманная профессия, лишь после которой следует врачевание.

SOS – save our souls

SOS (спасите наши души) – подлый эвфемизм. Души – бессмертны, и потому спасать их не требуется (в крайнем случае, души спасают от греха, а не от смерти, но когда кричат SOS, уже не до греха). SOS в действительности означает: спасите наши тела. Но тело, согласно христианству, является вместилищем греха и нужно заниматься умерщвлением плоти, а не её спасением. Но так как жить всё-таки хочется, то переходят на возвышенную ложь и кричат о спасении души, тогда как в такой момент на душу наплевать и гибнущие жаждут лишь спасения своего тела.

Ожидание настоящего прогресса

Я с детства ходил в туалет с книгой, не желая попусту тратить время. И теперь продолжаю экономить время, но, следуя технологическому прогрессу, я хожу в туалет с iPod Touch – смотрю, слушаю, проверяю почту и прочее. Даже музыкальные сцены из любимой *Серенады Солнечной Долины*[29] имею всегда перед глазами и ушами – так что мои советские мечты сбылись в сказочно увеличенной мере.

Разумеется, порнографические клипы тоже тут как тут (вернее, там как тут). Но этого прогресса мне маловато, и эти мои мечты, даже советские, ещё далеко не сбылись. И *Аватар* в этом не поможет, ибо трёхмерные изображения – это лишь утроенный обман.

Нет, в туалет надо ходить с генератором живой человечьей плоти.

И не только в туалет. И не ходить, а укладывать и ставить. Чтобы действительно залез I под, и можно было б не только Touch, но и iSmell, iLick и iFuck[30].

Два типа разочарования

Бог послал два типа разочарований: разочарование возможностью исполнения мечты и разочарование в самой мечте после её достижения.

Бог также послал единственный способ избежания разочарований – это плодить мечты.

* * *

Справедливости можно добиться только для себя. Каждая попытка добиться справедливости для всех оборачивается несправедливостью.

* * *

Вся жизнь состоит из потуг либо остановить мгновенье, либо подогнать его. Так проявляется наше недовольство мгновением: оно для нас либо слишком мало, либо слишком велико. А караван мгновений идёт…

* * *

Все правоверные индусы смотрятся, будто они с простреленным лбом.

* * *

Цинизм – это знание, приобретённое не через опыт, а понаслышке. Посему цинизм – это, как правило, явление юности. А в старости он называется мудростью.

Психофизиология инфляции

Инфляция – явление не столько экономическое, сколько психофизиологическое. С одной стороны, инфляция вызывается желанием заполучить больше денег, то есть жадностью. А с другой стороны, инфляция – это старение денег, проявляющееся в ослаблении их покупательной способности.

Цепная реакция жадности, которая вызывает инфляцию, начинается так. Кто-то повышает цены на свой товар, чтобы получить больший доход. Те, кто покупают этот товар, теперь должны потратить больше денег на его покупку и для этого тоже повышают цену на свой товар или требуют увеличения зарплаты у работодателя. Теперь работодатель, чтобы быть в состоянии платить более высокую зарплату, вынужден увеличить цену на свои услуги.

В этой гонке выигрывает тот, кто успевает одним из первых поднять цену до того, как цепная реакция поднятия цен не обрушится на него бумерангом.

Деньги, как и всякий объект живой и неживой природы, стареют. Их сила слабеет, и покупателю приходится добавлять всё больше и больше денежных единиц для приобретения того же изделия. Так наркоману приходится всё время повышать дозу наркотика, чтобы достигать прежнего эффекта.

Деньги обретают новую силу после войн и прочих катаклизмов, в течение которых жадность отступает на второй план, уступая первенство желанию выжить.

По весне, раздеваясь

Самое сильное ощущение весны в детстве, когда тебе, наконец, позволяют родители в первый раз выйти гулять во двор без пальто. Чудное ощущение новизны мира из-за свежести ветерка, приблизившегося к телу. Всё это смешивалось с непонятным ощущением свободы, как будто сброшенное пальто было веригами.

Самое сильное ощущение юности, когда девушка разрешает тебе и себе избавиться от одежды. То же чудесное ощущение весны. Причём, в любое время года. И с каждой новой девушкой.

Самое сильное ощущение зрелости – когда сорвал с себя стыд, как рваную и грязную одежду, и поэтому все времена года становятся весной.

Женственность наслаждения

Наслаждение женственно, ибо глубоко проникает в мужчину, овладевает им, лишает его сознания и воли. Вот почему «настоящие» мужчины скрывают своё наслаждение за жестокостью, грубостью, изображая наслаждение как «траханье» – удар, избиение, пронзание оружием, а также видимым равнодушием во время оргазма, не позволяя себе стонать или как-либо выказывать наслаждение, которое они испытывают. Единственное, что выдаёт мужское наслаждение – это семяизвержение. Но эту улику он старается скрыть как можно глубже.

Настоящий мужчина терпит боль молча, а испытывает наслаждение – беззвучно.

Приносить партнёрше наслаждение иначе, чем всовывать хуй в её отверстия – унижает мужчину. Для властителя является позорным лизать клитор женщине или, не дай бог, её зад. Любое поглощение для мужчины унизительно, ибо поглощать его

должна женщина всеми своими отверстиями. Мужчина, пьющий её мочу или поедающий её дерьмо, сразу лишается всех атрибутов власти.

Давать наслаждение – не мужественно, мужественно наслаждение брать. Для властителя подразумевается, что любое его движение автоматически даёт наивысшее наслаждение женщине, а потому никакой заботы о наслаждении партнёрши у него быть не может, ибо это подвергает сомнению его власть, в том числе власть над наслаждением.

А потому всякий мужчина, заботящийся о наслаждении ебомой им женщины, становится женоподобным, ибо, согласно стереотипу сознания мужчины, это женщина должна заботится о его наслаждении.

Таким образом, при обоюдной заботе любовников о наслаждении друг для друга различие между полами размывается.

Запретики

«Он мне в отцы годится!» – восклицает девушка с ужасом от мгновенной ассоциации ебли с ненавистным отцом или со сладким ужасом от ассоциации ебли с любимым отцом.

«Он мне в сыновья годится!» – эта мысль не устрашает женщин, поскольку к этому возрасту она уже научилась понимать, что наслаждение лишает дееспособности всякий сексуальный запрет.

«Она мне в матери годится!» – вдохновляется отрок.

«Она мне в дочки годится!» – вдохновляется мужчина.

Следовательно – превращайте грозные запреты в слабосильные запретики!

Светлое будущее изнасилования и проституции

Успокоение сопротивляющейся женщине: «Ты мне не нужна – мне нужен твой клон». Вскоре такая фраза будет звучать как самая страшная угроза для женщины. Изнасилование в золотые века клонирования будет состоять не во введении хуя в отверстие сопротивляющейся женщины, а в похищении её клеток для

клонирования без женского разрешения и согласия. Женщина будет сопротивляться клонированию себя, так как её клон явится для неё смертельной конкуренткой в соблазнении мужчин. И чем красивее женщина, тем отчаянее она будет сопротивляться появлению таких же, как она, красавиц.

Отличие женщин-проституток от их клонов будет состоять прежде всего в том, что женщины продают себя, изображая желание, тогда как их клоны будут стоять на улицах, полные истинного желания, бесплатно и радостно отдаваться каждому, кто их пожелает. Всегда похотливый и всегда обращённый всей своей похотью к тебе, оказавшемуся рядом, каждый женский клон будет вести себя с тобой так, будто ты – её лучший и долгожданный любовник. Всё то, что в женщине надо вызывать, то, чего нужно у неё добиваться или покупать, в клонах женщин будет всегда в наличии, в обилии и бесплатно.

Вот почему всякая женщина станет исключительно ревнива к своим клонам и будет ненавидеть их. Так что изнасилование в золотые века клонирования будет состоять в том, что у женщины без её ведома или согласия украдут волосок или кусочек кожи или каплю крови для того, чтобы расплодить её клонов.

Проституция же в золотые века клонов будет представлять из себя вовсе не покупку согласия женщины предоставить свои дырки для заполнения хуем за деньги, а в том, что женщина, преодолевая свою ненависть к клонам, будет продавать свои клетки для клонирования себе подобных.

Скорей бы!

Он грёб наслажденье лопатой…

Фольклор полнится анекдотами о неподвижно лежащей женщине, которую ебут двое или более. Ебущему хочется, чтобы она поддавала, но поскольку женщина лежит, как бревно, ей под зад подкладывают совковую лопату и тот, кто на очереди или уже отстрелялся, нажимает на лопату в такт движениям ебущего, имитируя тем самым женскую страсть.

Как правило, речь в этих историях не идёт об изнасиловании, а просто о пьяной бляди, которая даёт всем, либо о бляди, которая даёт всем на трезвую голову.

Как бы там ни было, но ебущим хочется страстного отклика, который выражается в движении женщиной бёдрами, дающем дополнительное наслаждение мужчине.

Неподвижность женских бёдер при ебле может быть обусловлена двумя причинами: либо совокупление не вызывает в

ней наслаждения, либо в силу специфики её метода получения наслаждения и достижения оргазма. (Некоторые женщины производят минимальные движения бёдрами и полностью полагаются на движения мужчины, лишь подставляя наиболее чувствительное место под движущийся хуй или в неподвижности напрягая мышцы таза, что им необходимо для достижения оргазма.)

Как бы там ни было, но мужчине правомерно хочется взаимной подвижности. И тут вступает в действие особая мужская солидарность и взаимопомощь. Один мужчина начинает дрочить другого, с помощью дистанционного управления и с использованием специальной насадки, именуемой пиздой. То есть мужчина стремится доставить удовольствие мужчине, а не женщине, которую они ебут (они, по-видимому, полагают, что та автоматически наслаждается от хуя в её пизде). Более того, наслаждение, которое испытывает мужчина от искусственных движений женских бёдер, возбуждает самого «человека с лопатой». Он также возбуждается и женщиной, видя её движения, которые он сам создаёт, но движения женских бёдер сами по себе становятся возбуждающими вне зависимости от того, что приводит их в движение – похоть или подложенная под них лопата.

Таким образом, «лопатчик» приносит наслаждение другому мужчине и себе, а женщина оказывается лишь посредницей между двумя мужчинами. Иными словами, кусок женской плоти оказывается единственной хлипкой преградой для гомосексуального контакта между мужчинами, стремящимися лично усилить наслаждение друг другу.

Поумнел я

В юности у меня были высочайшие требования к внешности девушки. Нос у неё должен быть именно таким, а глаза именно эдакими. Поскольку удовлетворить моим требованиям было нелегко, я позволял себе пропускать мимо девушек и женщин, которые якобы были недостаточно красивы, и тем я оправдывал свою периодическую пассивность.

Теперь же я редко вижу женщин, которые оставляли бы меня равнодушным. Я вижу любую как обладательницу пизды, зада и рта и этого мне вполне достаточно. Тем более, когда находишься в любимой мною 69, то красота лица и тела становится невидимы, но у любой женщины пизда и зад красивы.

Во всяком случае, при первом совокуплении и до оргазма.

Душевное

Родство душ часто превращается в уродство душ, потому что близость душ воспринимается как их равенство, а равенство душ есть равнодушие.

Счастливое извращение

Старики тянутся к молодым пиздам. Да и не только старики. Все тянутся.

Но есть исключение: оно называется геронтофилия. Выработка в себе этой сексуальной ориентации становится в старости панацеей от бесплодных мечтаний о молодой пизде – старику станет наплевать на молодиц, а вся похоть устремится на обильных и доступных старушек.

Остаётся самая малость – выработать в себе эту предрасположенность. Воспитать в себе не только общепринятое уважение к старости, но и любовь. И я бы сказал – похоть.

Поэтому воспитывать геронтофилию следует с юных лет, спаривая девиц со старичками, которые не впали в геронтофилию и по-прежнему тянутся к молодым пиздам.

Но при систематическом воспитании геронтофилии молодёжь будет стремиться ебаться только со стариками, а старики будут стремиться только к старушкам, пренебрегая юными девушками, так что вся молодёжь перестанет ебаться (друг с другом – тошно, а старики их не хотят), а будет мечтать поскорее состариться и уж тогда броситься в объятия друг друга.

Так!

То, что становится общепринятым, перестаёт быть истиной.

Что в имени..?

Представьте себе женское освободительное движение под лозунгом: «Люби свой рот!»

«А за что его любить?» – мелькнул бы у всех первый вопрос. И первым же ответом приходил бы в голову ответ неприличный. Однако, вслух давались бы ответы: люблю за то что им можно есть, говорить, целовать, а также блевать. Кроме того рот бывает красивым.

– А какими именами вы называете свой рот? – спросили женщин.

– Рот и называю ртом, – ответили бы они. – Ну, иногда – хлеборезкой.

Но тут женщины развернули знамя освободительного движения под лозунгом: «Люби своё влагалище!» (http://www.loveyourvagina.com). Задача славная – заставить сделать женщин один пресловутый шаг: от ненависти до любви. Чтоб они ответили на любовь своего влагалища взаимностью. А любовь, как говорят, освобождает.

Правда, сайт этот не столько о любви, сколько о корысти, ибо компания, что подрядилась на лозунг, продаёт накопители менструальной крови, а заодно решила поднабрать у женщин словечек, имён и терминов, которыми они зовут и кличат свои пизды, то есть компания поняла, что свой рынок кровяных накопителей надо знать по именам.

Слов этих, именующих пизду, оказалось мульон. На сайте предоставлена возможность и своих добавить. А что толку?

Лучше бы самих пизд было мульон каждому на выбор, бесплатно и сразу. Но компания эта до изготовления пизд ещё не доросла. Что же до имени для них, так одного вполне хватило бы: «пизда» – ибо нет точнее и лучше.

Слышите, как пиздяные рты раскрыты в голоде и кричат прямо в глаза: «Что в имени тебе моём?»

Глубокий вздох

Верный брак нейтрализует пару недавно бывших опасными членов общества. Их сексуальная энергия искусственно, с помощью законов и нравов локализируется друг в друге и не распространяется хаотически на других, что вносило бы беспорядок и безучётность в организованную обществом половую жизнь.

Когда заключается брак, общество облегчённо вздыхает.

Новобрачные учащённо дышат первые несколько месяцев, а потом им начинает не хватать воздуха. Но удавка уже накинута и свободного дыхания не предвидится. Разве что всплывать на поверхность, делать глубокий вдох адюльтера и снова погружаться в глубины брака.

Английские стихи Бродского

Несколько англоязычных поэтов говорили мне, да и читать мне приходилось, что стихи Бродского, которые он писал на английском – плохие. Я не читал ничего у Бродского на русском, чтобы применить такой эпитет – всё в той или иной мере вызывает во мне восторг.

Когда я читаю стихи Бродского на английском, мне всё понятно, и я их ощущаю почти как его русские стихи. И эта понятность вдруг вызвала во мне подозрение. Ведь все стихи великих англоязычных поэтов мне мало понятны или не понятны вообще, то есть я не могу прочувствовать поэзию на чужом языке. А вот англоязычную поэзию Бродского я чувствую прекрасно. Не является ли это доказательством того, что его стихи на английском действительно слабы? Иначе я бы их так же не понимал и не чувствовал, как стихи великих англичан и американцев.

Якобы золотое правило взаимоотношений

Весь мир, по меньшей мере христианский, умиляется моральному кредо: относись к другим так, как ты хочешь, чтобы другие относились к тебе.

Однако стоит применить это кредо к женщинам, как весь мир, и в особенности христианский, встаёт на дыбы.

Я смотрю на бабу и желаю её выебать. Я отношусь к ней именно так, потому что хочу от неё точно такого же отношения к себе. Я обнимаю незнакомку и целую в губы, потому что хочу, чтобы она обняла меня и поцеловала в губы. Я сдираю с неё шмотки, потому что хочу, чтобы она содрала шмотки с меня. И фак далее и тому бесподобное… Но баба вырывается и вопит, что её насилуют. Не желает она следовать этому золотому правилу, и в этом её истинная безнравственность и аморальность.

Тут у шестерёнок человеческого общества выбиваются зубы, и общественный механизм начинает пробуксовывать, похерив продвижение к духовному прогрессу.

Так проверяется суть сексуальной морали. А суть-то её – благонамеренная ложь. И это уже касается не только христианских, но и прочих ортодоксальных придумок, цель которых выдрессировать дикого человека в домашнее животное. И на нём ездить.

Из жизни гномов

Одна женщина выдрессировала гнома, чтобы использовать его как противозачаточно-возбуждающее средство. Она засовывала его в пизду перед приходом любовника. Гном усаживался на шейку матки и массировал её ручками на радость женщине. А когда во влагалище врывался хуй и грозил размазать гнома по стенкам, тот забирался в дальний уголок и следил, когда появится первая капля жидкости и тотчас присасывался ртом к отверстию в головке. Так он поглощал всё до последней капли и спасал матку от нашествия сперматозоидов. А потом он вылезал наружу и женщина в благодарность позволяла ему кончить ей в рот еле ощутимой для неё каплей. Гномик же в очередную ответную благодарность жил в её штанах и лизал клитор по команде хозяйки. Такой вот установился симбиоз.

Подтверждение единства

У духа и у хуя – единые болезни: падучая. В состоянии здоровья они тоже едины: сильны и высоки.

Вот и получается, что хуй – это воплощение духа.

* * *

Праздничный салют – это ярчайшая иллюстрация пускания денег на ветер.

Согласно американским антисексуальным законам

Раз цветы – это половые органы растений, то фотографии цветов – это порнография. Тогда фотографии бутонов цветов – это детская порнография.

* * *

Моё слово – это всего лишь капля в море. Но и эта капля может стать последней, переполнившей чашу литературного терпения.

Пора в путь

Он присел перед дорогой. Потом встал, вышел за порог,

сказал: «Ну, с богом!» – и выстрелил себе в рот.

Вариация на религиозную тему

Ислам – самая честная религия, ибо рассматривает женщину как абсолютный сексуальный объект, то есть любая часть женщины всегда и мгновенно является для мужчины соблазном, и никакие её душевные, интеллектуальные или иные качества даже не принимаются в рассмотрение. Женщина – («от гребёнок до ног») лишь приспособление для ебли. Именно поэтому вся женщина, а не лишь её лицо или бёдра, должна быть скрыта от мужского взгляда в общественном месте.

Все, кроме ислама, бросились в другую сторону – женщина никогда не должна рассматриваться как сексуальный объект, даже во время ебли (еби, но в то же время уважай и веди интеллектуальный разговор). Женщине позволяют всё больше оголяться в общественных местах, но требуют, чтобы мужчины не обращали внимания на её раздвинутые ноги, распирающие маечку груди и вылезающие из под шорт ягодицы.

То есть ислам прямо смотрит в глаза мужской похоти и направляет её в русло многоженства, а все остальные религии озабочены только тем, как мужчину выдрессировать в собаку, которая, голодная, будет сидеть у куска мяса, но не трогать его, пока государство и законы не скомандуют, что можно, командой: «Брак!»

Но мужчина – не собака. А волк. Его как ни корми, он всё в пизду смотрит. В роскошное мясо пизды.

Слух побивает зрение

Птицы-самцы поют серенады самке, а самка по музыкальным гармониям оценивает эстетическую, этическую и физическую приемлемость каждого самца как возможного отца её будущих птенцов. Причём она не видит самца, а только слышит его песню. Каковы её музыкальные критерии, как она по музыкальным способностям определяет прочие? Получается, что музыкальная гармония определяет все остальные гармонии.

Так и людское музыкальное искусство основано на желании понравиться самке даже с помощью военных маршей. Песня – это мужское резюме, выкладываемое самке, чтобы она приняла данного певца на работу по наслаждению и, возможно, – размножению. Эта работа начинается с праздника ебли, а потом

на певца взваливается будний труд по воспитанию наплодившегося.

У птиц цикл зачатия – воспитания – прощания длится один год и потом повторяется заново, а у человека этот цикл, начавшись, не прекращается и длится всю жизнь. И тут мужская песня оборачивается воплями, которые зовутся песней без слов.

В отличие от птичьего общества, человечьи самки поют не хуже самцов, а часто и лучше. Самка начинает петь тогда, когда самцу петь надоело, а самке всё ещё хочется. Иногда бывают дуэты самки и самца, однако это только видимость единства, ибо каждый поёт о своём. О своём желании.

Но главное из всего этого пения то, что человеческие самки, подобно птицам, влюбляются в певца-мужчину, лишь заслыша его песни и часто не видя его. А если и видят, то прощают ему его внешнюю непривлекательность из-за его таланта. Или, иначе – его непривлекательная внешность затмевается его красивой песней и начинает представляться женщине привлекательной.

Таким образом, слуховая красота музыки нейтрализует зрительную непривлекательность.

Но чаще всего, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. И как соловья, так и баб музыкальными баснями не кормят.

Крепкая мужская дружба

К тебе, ебущему, подходит друг и похлопывает по плечу. Ты перестаёшь сдерживать оргазм, изливаешься и уступаешь ему место. В женщине. Чем больше друзей, тем лучше. Для женщины. Она поощрительно говорит тебе: «Не имей сто блядей, а имей сто друзей». Крепкая дружба хороша и в любви.

Рифма как знак близости

Феномен воздействия рифмы основан на неосознанном удивлении тому, что слова, означающие бесконечно далёкие друг от друга вещи, могут звучать так подобно. Оказывается, эта «далёкость» легко преодолевается рифмой. Рифма даёт ощущение того, что в каком-то измерении (в данном случае в звуковом) любое далёкое может стать близким.

Женская «ахиллесова пята»

Клитор – это женская «ахиллесова пята»: точное попадание в него – и женскому стыду и сопротивлению приходит смерть.

Идеальная красота

Моё понятие идеальной красоты со временем претерпело изменения. Вообще говоря, под идеальной красотой подразумевается убеждённость, что ничего красивее «идеальной красоты» быть не может. Однако диалектика или просто жизнь доказывают, что предела (то есть тупика) не бывает, и что самое красивое может стать аж ещё красивше.

Поначалу идеальной красотой была для меня сама Пизда. Однако она, будучи одинокой, представляет интерес лишь абстрактный или мастурбациозный. Практически «идеальная красота» воплощается в заполненности пизды хуем.

Много лет назад я писал:

> Нет ничего прекрасней ебли,
> когда два тела, словно стебли…[31]

В этих строках об идеальной красоте как ни странно ключевым словом оказалось слово «два». Вид хуя в пизде (двух тел) представлялся мне именно той неразменной идеальной красотой, сосредоточенной между женских ног и нигде более.

Но шло время и это зрелище стало видеться мне несовершенным. Произошло это потому, что, ставя женщину на четвереньки, я стал обращать всё больше внимания не на заполненное мной отверстие, а на то, которое оставалось незаполненным, которое взирало на меня укоряюще, с требованием тоже оказаться задействованным. Будь это анус или влагалище, пустое отверстие взирало на меня с ревностью к заполненному соседнему и с укором в единственности моего хуя, не способного в одиночку справиться с ними двумя одновременно.

Пользование искусственными заполнителями ощущалось мной и женщинами как полумера, поэтому в какой-то момент я решился пригласить своего приятеля, и мы одновременно осуществили мечту отверстий.

С тех пор только двойное заполнение представлялось мне наиболее завершённым, желанным, а следовательно – идеально красивым.

Но так как насладиться зрелищем этой красоты было невозможно для женщины и для мужчины, чей хуй находился в пизде, то для того, чтобы наблюдать за свершающимися действиями в реальном времени, пришлось установить пару видеокамер и проецировать изображение творящегося между ног женщины на стену перед сидящей на хуе женщиной – так она и ебущий её в зад мужчина увидели происходящую идеальную красоту перед собой. Второе изображение проецировалось на потолок для мужчины, лежащего под женщиной. Счастливица теперь могла не только ощущать, но и видеть хуи, движущиеся в ней.

Таким образом, вид женской промежности с хуями, заполняющими её зад и перед, стали для меня идеальной красотой. И действительно – что может быть красивей?

Но оказалось, что может.

Со временем моя любовь к двум женским отверстиям стала такой самоотверженной и глубокой, что всё, исходящее из этих отверстий и присущее им стало для меня прекрасным как и сами эти отверстия. Одно не существует без другого, но их искусственно разлучают и вследствие превратных эстетических заблуждений считают, что менструальная кровь отвратительна, тогда как влагалище есть предмет восторженных желаний и мечтаний. Также утверждают, что испражнения из прямой кишки

омерзительны, хотя заполнить женскую прямую кишку хуем для многих мужчин становится особенно изощрённым делом и мечтой.

Так понятие идеальной красоты ещё раз усовершенствовалось и стало для меня прежним двойным заполнением, но украшенным вытекающей менструальной кровью, обагряющей движущийся хуй, и испражнениями, протискивающимися наружу между хуем и стенками прямой кишки. Полную идеальность этой красоты завершает струящаяся женская моча, которая омывает обагрённый хуй. (Чтобы смягчить шок у чистоплюйных невежд от такого зрелища, предлагаю им представить себе не просто женщину, а свою любимую кинозвезду – именно её «идеальная красота» подвергнет проверке силу их любви и похоти.)

Что же ещё станет соперничать с этой идеальной красотой?

Жду, что-то же должно появиться… Красоте нет предела.

Бонус обрезания

Обрезание, которое существовало задолго до евреев, делалось для увеличения наслаждения у мужчин и у женщин. Поначалу, при обрезании, сделанном взрослому мужчине, чувствительная кожа головки давала усиленные ощущения, но вскоре чувствительность уменьшалась из-за постоянного контакта с окружающей средой, да и женщины особой разницы не чувствовали, так как при эрекции головка и у необрезанного обнажается. А вот срезанная кожа давала всё-таки дополнительный объём, а значит – усиление трения.

Однако уже установившийся и выгодный бизнес по обрезанию (платили же обрезальщику за процедуру) надо было сохранять, вот евреи и придумали, что это бог наказал евреям делать обязательное обрезание. Таким образом индустрия обрезания выжила. А истинный принцип обрезания кусочка кожи жил на тезисе: На тебе боже, что мне не гоже.

Другой вариант интерпретации обрезания это та же уверенность, что оно усиливает наслаждение. Но обосновать этот тезис решили так: бог якобы дарует усиленное наслаждение тем, кто делает обрезание и, значит, в бога верит. Получается, что дополнительное наслаждение от обрезания – это бонус за веру.

Полумрак романтики

Понятие романтичности (romantic) неразрывно связано с

полумраком. Это и обед при свечах, и спальня с приглушенным светом, и танцевальный непрогляд. Кто и зачем ополчился на яркий свет в предъебальной ситуации?

Аксиоматический ответ у меня при себе всегда имеется. Эту «мрачную» обязаловку, которой по-бараньи следуют мужчины (а мужикам что? – лишь бы ноги развела) придумали неуверенные в себе женщины. А так как подобных женщин – подавляющее большинство, то и неудивительно, почему такой романтический компонент стал женским обязательным условием для их соблазнения. Все эти женщины, даже красавицы, которые часто не просто не уверены в себе, а считают себя непривлекательными, толстыми, больными, а часто даже уродливыми – все они хотят спрятаться в полумрак, чтобы скрыть свои истинные или вымышленные физические недостатки.

Вот почему к этому полумраку добавляется вечная женская озабоченность: «Will you still love me tomorrow?»[32] Ведь утреннее яркое солнце высветит всю правду.

Исконное тело

Человеку даётся идеальное тело, созданное богом или эволюцией – кому как хочется. Тело – идеальное по своим бесконечным способностям, возможностям и сложностям.

Но человек хочет его улучшать – наращивает мышцы или ум – кому как хочется. И это – пожалуйста.

Тем не менее, недосуперчеловек вдобавок хочет красоты, и так как точно определить её он не умеет, то он начинает использовать своё тело как эстетический объект, преображая его, то есть посягая на богом данное или эволюцией наработанное в поте лица.

Разумеется, что эстетика является лишь методом привлечения сексуальных партнёров, ибо наслаждение и есть тотальная красота.

Даже татуировки, которые часто делаются для устрашения врага, являются по сути методом устрашения конкурента в погоне за самкой, а для самих самок символ силы всегда смотрится привлекательно. То есть даже в первом приближении агрессивные формы украшений в итоге сводятся к сексуальным.

Украшения тела начинаются без нарушения его цельности: поверхность тела красят красками – помада, румяна, полосы и пр. Потом начинается краска, стрижка и бритьё волос. Затем является мелкое членовредительство: дырки в ушах, в носу и прочих частях тела, чтобы туда вешать украшения. Мужчины,

вдохновлённые женщинами, придумали обрезание и вживление в член шариков, колец и прочей хуйни. Потом пошли увеличения грудей, губ, зада. Ботокс и пирсинг. Короче, пошло крупное членовредительство. В некоторых племенах женщинам вытягивают шеи, ибо это считается красивым, то есть привлекательным для самцов. А есть племена, в которых женщины привлекают самцов огромной дыркой в нижней губе, куда вставляется пластина. Поцелуи в этом племени не практикуются.

Женщины морят себя голодом, чтобы быть тощими, что в их понимании является красивым, то есть влечёт самцов. Другие нажираются так, что еле ходят и делают это они с горя, что самцов не привлекают, хотя ошибаются и в этом – есть достаточно большая группа мужчин, которые испытывает особое влечение к толстым женщинам.

Однако самое красивое – в первозданном, неретушированном теле. Оно как есть меня вполне устраивает – без косметики, с волосами под мышками и между ног, без ювелирных и прочих украшений и что самое главное – без одежды. Красивее, чем создал бог (такое эволюции не под силу), женщину не сделать, ибо красота её – во всём её теле и особливо между ног.

А пытаться как-то украшать абсолютную красоту – это кощунство и святотатство. И вдобавок – глупость и тупость. Не говоря уже о хуете и распиздяйстве.

Противозачаточные мнения

Прохладный осенний день. Африканка приехала на джипе. Сидит высоко, смотрит на меня. Я подошёл, она стекло опустила – разговариваем. Ослепительные зубы. Губы поцелуйные. Двигатель работает, мешает говорить и нужды в нём нет – ни кондиционера, ни печки в такую погоду не надо.

– А почему ты машину не выключаешь – бензин транжиришь?

– Но я ж на месте стою.

– Ну и что ж? Двигатель-то работает.

– А я думала, что если я не еду, то бензин не расходуется.

Я посмотрел на неё, не веря услышанному – небось шутит. Но она смотрит чернющими глазами вполне серьёзно.

– Едешь ли ты или стоишь, мотору, чтоб крутиться, бензин нужен.

– А… – протягивает она, осознав, и выключает двигатель.

И вот, наконец, ебёмся. Африканка лежит неподвижно, хотя только что, когда лизал ей клитор, она дёргалась, извивалась,

изгибалась.

Я и так и сяк, туда засажу, здесь потру – труп и всё.

– А тебе не хочется подви́гаться навстречу мне? – спрашиваю.

Очи чёрные отвечают:

– Очень хочется.

– Так чего ж ты лежишь неподвижно?

– Если буду двигаться – ребёнок будет, а если не двигаюсь, то никогда не будет.

– Что за ерунда, – ошарашенно дивлюсь я, – двигаешься ты или нет, сперматозоиды знают дорогу. Но у меня ведь презерватив надет – ты можешь не волноваться.

– Резинка не помогает, – парирует африканка – живчики сквозь неё пролезают.

Ну, что тут скажешь?!

Стал я её ебать в зад – тогда африканка радостно зашевелилась, а потом и поддавать взялась. А то я уж думал, что скажет, мол, живчики и сквозь стенку во влагалище пролезут. Но нет – тут у нас противозачаточные мнения совпали.

Вот почему так важно развивать народное образование в африканских странах.

Márketing, бля!

Я засадил англоязычные *Тайные записки Пушкина* в iBook Store. Но это дело пассивное, теперь надо активно их рекламировать. В постоянной готовности к этому делу, я оказался в одном из магазинов *Apple*. Он всегда полон народу, который с вожделением кучкуется у лежащих демонстрационных iPad-ов и прочих i. Буквально – «тычат в книжку пальчик».

Я дожидаюсь, когда один из iPad-ов освобождается и забираюсь в магазин *iBook*. Там я нахожу *Тайные записки* и скачиваю пробный текст (моё «Необходимое предисловие» и первые десять страниц записок) на «книжную полку» этого iPad-а. Ставлю книжку первой среди прочих на полках. Теперь каждый, кто будет с iPod-ом играть, увидит на полке *Тайные записки* и, глядишь, прочтёт этот кусок, а прочтя, тоже, глядишь, впечатлится и купит целиком.

Я не останавливаюсь на одном iPad-е, а сгружаю *Тайные записки* на все, что лежат на столах для демонстрации.

А на всех iMac я делаю на браузере mipco.com как home page по умолчанию.

Знание о mipco.com – сила.

Разборка с мифом

Одни из самых омерзительных мифов о женщине – это якобы присущая им верность, в силу коей они могут испытывать наслаждение только с тем, кого они любят. А уж если женщина и заводит любовника, то только как ответный шаг на неверность мужа, или на пренебрежение ею, в качестве мести, а вовсе не для получения наслаждения. Этот миф особенно приятно разрушать, как и прочие мифы, призванные сокрыть правду, и наиболее эффективный способ его разрушения – разложить женщину для двоих или более мужчин одновременно, и, принимая участие, наблюдать, как она самозабвенно ебёт их всех по-всякому и всегда по-счастливому. (Многие женщины категорически откажутся от второй женщины из-за ревности, но ни одна женщина не откажется от второго мужчины категорически, а только для порядка, из женской скромности.)

Наблюдая за волнами наслаждений, которые окатывают её от разных хуев, видишь и осознаёшь, что верность – это подлая выдумка, призванная для того, чтобы лишить женщину возможности использовать её бескрайние возможности к наслаждениям.

Легко (а кому и трудно) представить Онегина и Ленского, которые не дерутся на дуэли за внимание Ольги, а договариваются и ебут её двойным проникновением, а Ольга проникновенно голосит от счастья, давая одновременную радость друзьям. Впрочем, даже в такой ситуации Онегин и Ленский нашли бы причину для ссоры – к примеру, кто первый войдёт ей в зад, а кто – в пизду. Но здесь Ольга бы их примирила, взяв в рот два их хуя одновременно.

Кровяная антропология

Мои кропотливые изыскания о происхождении женского обычая красить губы и ногти в красный цвет увенчались полным успехом.

Попутно я до конца раскрыл, как возникли поцелуи в губы и мужское целование руки у женщины.

Как доподлинно известно, в давние времена мужчины, а точнее, самцы при поиске женщин, а точнее, самок руководствовались нюхом и зрением, а не нынешней безволосо-запахоубойной эстетикой.

Одна мудрая самка, зная об этой самцовой специфике, засунула пальцы в пизду во время менструации и раскрасила себе

губы кровью. Самцы, пронюхав и завидев, бросились на самку слизывать с её губ кровь и в процессе стали получать дополнительное наслаждение от соприкосновений языков, что привело к поцелуям. А так как на пальцах у самки осталась кровь, то самцы слизали её и с пальцев, что самке тоже было приятно.

Другие самки, чуткие на сексуальную моду, тотчас подхватили метод дополнительного привлечения самцов и, чтобы запах лучше распространялся, стали не только губы мазать менструальной кровью, но пальцы один за другим макать в кровавую пизду и вытаскивали их наманикюренными.

Ну а когда цивилизация удушила естественность, то женщины по старой генетической привычке стали мазать губы красной краской и ногти на руках – тоже. А мужики, соответственно, стали падки на помаду, и вместо облизывания женских пальцев стали символически прикасаться губами к ручке.

Что же касается педикюра – так это интерполяционная спекуляция на работающем приёме. Женщины знают, как выжимать из мужика последнюю каплю.

Сексуально слепые женщины – прозрели

На сексуальную слепоту женщины обречены собственной анатомией. Без помощи зеркала им невозможно разглядеть даже собственную пизду, а видеть как их ебут спереди, а тем более – сзади – для них просто невозможно. То есть самое прекрасное им узреть не дано – то, что роскошно и доступно открывается взору мужчин.

Потому-то женщины полагаются только на осязание, на нюх да слух, ибо когда их ебут они ничего не видят. Разве что им тычут хуй в глаз. Но разве это ебля?..

Цивилизация произвела уклончивую поговорку:

Женщины любят ушами,

мол, мужчинам следует романтично пиздеть, чтобы возбуждать в женщине желание. Создаётся ложное впечатление, будто это женщины сами такой выбор сделали, тогда как слух – это лишь вынужденный канал связи, как у всех слепых.

И вот общедоступная порнография доброй волшебницей излечила женщин от сексуальной слепоты, и они прозрели. Женщины, наконец, рассмотрели в деталях и при ярком свете, как это происходит у других и резво спроецировали на себя. Фото-видеооборудование позволило женщинам рассмотреть не только чужие изображения совокупляющихся гениталий, но и свои

собственные, что есть та же врачующая порнография.

Чем больше внедрялась порнография, тем больше появлялось женщин, работающих в изобразительном искусстве, которые обрели художественное зрение благодаря именно порнографии, явившей им абсолютную красоту, от которой все танцуют в искусстве.

Можно безупречно продолжить, что успех в борьбе за сексуальную и прочие свободы женщин был обеспечен не только благодаря открытию противозачаточных пилюль, но также благодаря женскому сексуальному прозрению с помощью порнографии.

Для многих мужчин, которые стеснялись пользоваться своей зрячестью, порнография тоже стала встряской, чтобы начать пользоваться зрением не только для её разглядывания, но и во время собственных совокуплений.

Таким образом, мы приходим к ещё одному определению порнографии: порнография – это прозрение.

И тут добрая новость: полиция арестовала женщину за то, что она мастурбировала и смотрела порно.

Не торопитесь выкрикивать: «Подумаешь, открытие – да 90 процентов женщин теперь, когда самоудовлетворяются, порно зрят!»

Успокойтесь – особенность описываемой мною женской мастурбации и просмотра порно в том, что женщина эта в процессе наслаждения вела машину. Посмотрит на экран, где хуй в пизде, упрётся вибратором в клитор и разок на дорогу взглянет, а потом обратно вперится в еблю.

Так подтверждается мой вывод, что сила порнографии в прозрении, которое она предоставила женщинам, и эффект от прозрения так велик, что она смачно плюёт на безопасность движения, чтобы удовлетворить своё зрение, без которого наслаждение для женщины уже оказывается не полным.

Вот оно – ещё одно доказательство ещё одной моей правоты.

Vagitrack – новый сервис Гугла

Google предложил новый сервис: vagitrack – ты вводишь координаты и сразу выдаётся ежеминутная сводка погодных условий в пизде, оказавшейся в этих координатах: какова в ней температура, высока ли влажность, давление (мышц), осадки («золотой дождь», кровоизлияние и пр. соки), скорость выходящего ветра, состояние волосяного покрова.

Если эти параметры удовлетворяют твоим запросам, ты

можешь установить постоянное слежение за этой пиздой и стать её историографом.

Сервис этот, по-гуголовской традиции, бесплатный. Однако пиздам за него будет не расплатиться.

Толстая и тонкая

Продолжая разговор об идеальной красоте, я, любитель всех типов женщин, в том числе толстых и тонких, вынужден был прийти к определённым предпочтениям, что, по сути, ущемляет мою любовь, ибо истинная любовь к женщинам – это любовь ко всем женщинам. Однако «ущемление» это – чисто анатомическое, то есть от меня не зависящее.

Казалось бы, чем толще женщина, тем больше плоти можно, что называется, покрывать поцелуями, но для идеальной красоты двойного проникновения, символизирующей идеальное наслаждение, эта обильная плоть может стать неудобством, а подчас и препятствием. Одновременный доступ к отверстиям такой женщины становится заметно усложнён. Вдобавок, её гибкость с подвижностью, столь подручные при таком проникновении, становятся весьма ограниченными.

Держать полную женщину на руках, стоя, становится под силу только тяжелоатлетам, тогда как стройную или тощенькую удержат на хуях два заурядных по мускульной мощи мужчины.

Лечь толстой женщине спиной на лежащего на спине мужчину, впустив его хуй в зад – это значит раздавить или задушить его, а если под ней окажется опять-таки силач огромных размеров, то хуй у него должен быть великой длины, чтобы пробраться сквозь огромные ягодицы да ещё суметь существенно углубиться, чтобы не выскальзывать при движении.

Таким образом, для двойного проникновения в толстую женщину можно использовать позицию, в которой женщина сидит на хуе лицом к лицу подмятого под себя партнёра, который даже в таком «облегчённом» положении должен быть недюжинным мужчиной с недюжинным хуем. Ну а тому, кто сзади забирается в прямую кишку, тоже приходится искорячиться, чтобы преодолеть нагромождения обильной плоти, выросшей на пути к заветному отверстию.

Есть ещё одна весьма оптимальная позиция, когда толстая женщина стоит на четвереньках, а тот, что ухитрился заполнить ей прямую кишку, перемещается как можно выше, даже может и сесть на бёдра, благодаря чему открывается доступ для второго мужчины в пизду, и он встаёт за спиной сидящего на толстушке

мужчины. Но и эта поза далеко непроста для исполнения, хотя вес женщины тут уже становится неважен.

Другое дело – девушка стройная, как тополёк, или даже тощенькая и маленькая ростом. Её можно ставить в любую позу, и как бы она ни лежала, ни сидела или ни стояла, добраться до её отверстий будет легко и непринуждённо.

Остаётся лишь с уверенностью предположить, что женская мода последнего времени – быть тощей, – основана на вполне практическом соображении, часто находящемся в подсознании: облегчить и упростить доступ к своим отверстиям одновременно для двух хуёв.

Модели, сексуальная жизнь которых особенно разнообразна и фривольна, – как никакие другие женщины нуждаются в тощей фигуре, чтобы привлекать по нескольку мужчин разом. Так что неудивительно, что прочие женщины, подражая моделям, морят себя голодом, стремясь к упрощённому осуществлению двойного проникновения. И это, пожалуй, основная причина стремлении женщин к худобе, потому что для всех остальных совокуплений, что толстая, что тонкая – одинаково пригодны.

Добропорядочное детоубийство

Вовеки веков дети играют в доктора, чтобы рассматривать и трогать письки друг друга. Когда дети взрослеют, они делают это уже без предлога медицины, и часто даже доводят друг друга до оргазма. За это их не сажали в тюрьмы, не доводили до самоубийств, а в худшем случае стращали моральными жупелами, а чаще всего взрослые делали вид, что не замечают сексуальных игр детей и подростков.

Затем явилась научно-техническая революция, и вместе с нею – американские фарисеи, бизнесмены-попы, сексуальные недоноски и выверты, которые установили законы, что ебучих юношей и девушек нужно принимать за умственно недоразвитых детей и не позволять им не только использовать свои половые органы для наслаждения, но и считать изображения их половых органов – самым запретным зрелищем (по известному принципу: самое прекрасное – самое запретное).

Приблизительно с 2005 года подростки шлют друг другу по мобилам фотки своих юных сисек, пизд, задов и хуёв. Назвали это дело sexting. Чрезвычайно человеколюбивое американское сексуальное правосудие сразу придумало как сгноить в тюрьме или вынудить на самоубийство подростков, посмевших любоваться друг дружьей красотой – под рукой были

гильотинные законы о детской порнографии. Засуетились полиция и детективы, которые не способны словить огромное число убийц и грабителей, заседали суды, которые не могут осудить на должные сроки еле-еле пойманных убийц и грабителей. Но подростков стали судить на полную катушку, калечить им жизнь и сажать в тюрьмы «за распространение детской порнографии», то есть за то, что девушка сфотографировала свою пизду и послала её своему мальчику-ёбарю или мальчику, которого она хотела сделать своим ёбарем. Итак, самих детей (а до 18 лет все считаются детьми) судят за распространение детской же порнографии.

Из-за беспощадной и подлой морали нередко случалось, что если мальчик делился визуальной драгоценностью с друзьями или просто засаживал в интернет для всеобщего обозрения, девушка – владелица этой драгоценности, – часто впадала в панический и болезненный стыд и ужас: даже имели место случаи самоубийств и прочих ужастей.

Общество, которое смогло создать технологию, обеспечивающую лёгкое получение и мгновенное распространение сексуальных изображений, это общество до сих пор пребывает в ужасе от самих этих изображений.

Вдумайтесь, насколько велика сила половых органов, если одна только их фотография может лишить ума, доброты и любви к детям массы людей в масштабах такой страны, как США. Насколько безумен половой стыд, ужас, отвращение, страх перед пиздой девушки или хуем юноши, чтобы в злобе за такое «открытие» коверкать душу и жизнь подросткам. Что это за люди, что это за страна – разрушающая жизнь юношам и девушкам за то, что они показали изображения своих половых органов?

Взрослым ныне позволяется посылать фото-видео своих половых органов друг другу и вывешивать в интернете для всеобщего обозрения. А несовершеннолетних, к которым, казалось бы, нужно проявлять особое понимание и терпимость, – именно к ним применяются, как говорили в СССР о Западе «драконовские законы», калечащие им жизнь и толкающие на самоубийства.

Будь у меня дочка, изображение пизды которой попало бы в интернет, и она бы прибежала ко мне вся в слезах, я бы обнял её и сказал:

> Любимая моя доченька! Бог наградил женщин великой красотой и поместил её у них между ног. Глупые люди считают эту красоту постыдной и грязной. Однако вся красота мира оглядывается на красоту

женщины и уподобляется ей. Посмотри хотя бы на цветы, которые люди избрали символом абсолютной красоты, они ведь ни что иное как половые органы растений. Поэтому нельзя стыдиться собственной красоты, ты должна радоваться и гордиться ею. Не тела надо стыдиться, а ненависти к нему. И если фотографию твоей красоты кто-то выложил в интернет, это лишь значит, что ею будет восхищаться большее количество людей. А те, кто тебя стыдят и винят – это люди, которые просто не осмелились сделать то, что сделала ты – показать миру свою красоту.

Только пользуйся ею так, чтобы наслаждение от неё прежде всего получала ты, а не тот, кому посчастливится её вкусить.

А если бы у меня был сын, который засадил в интернет изображение пизды своей возлюбленной в качестве мести или шутки, я бы сказал так:

Дорогой сын! Зачем ты это сделал? Чтоб сделать девушке больно? А можешь ли ты принести ей не боль, а наслаждение? Да такое, чтобы она в тебя влюбилась?

Неужели ты думаешь, что показав всем, что происходит между ног этой девушки, ты оскорбил или унизил её? Нет, ты просто показал, какую великую красоту ты потерял. Ты унизил себя, потому что признался всем вокруг, что эта красота была или стала тебе недоступна. Вместо того, чтобы кончать в неё, ты теперь будешь на неё лишь дрочить. Иди, и выпроси и вылижи у девушки прощение.

Я не рассматриваю вариант, когда уверенная в себе девушка милостиво разрешает другим или сама размещает свою пизду на просторах интернета. Таким лишь – честь и хвала!

Бриллиантовые пизды

Цены на бриллианты искусственно взвинчиваются их изготовителями – для этого их не выбрасывают все на рынок, а выдают мелкими порциями, поддерживая нужные торговцам цены. Бриллиантов изготовляется столько, что не будь намеренного и просчитанного ограничения их количества, цены бы на них упали, и делать большие деньги далее буржуям бы не удалось.

То же самое общество делает и с пиздами, искусственно ограничивая к ним доступ, запрещая проституцию и секс до 18 лет, уча женщин стыдиться, сопротивляться влечению, мужскому и собственному. Делается это для того, чтобы пизда стала дефицитом, чтобы мужчина расплачивался с обществом за пизды крупной монетой женитьбы или монетой помельче: содержанием, покупкой подарков, развлечениями.

Вся мировая экономика рухнула бы, если бы пизды стали дешёвыми или (о ужас!) – бесплатными.

Возьмём, к примеру, рестораны: большинство их закрылось бы, так как отпадёт нужда кормить бабу перед еблей. А ювелирные магазины покрылись бы паутиной и бриллианты из-за отсутствия спроса стали бы раздаваться бесплатно. За бесплатность пизд.

Приделывание ног

Выражение «приделать к чему-то ноги» означает это «что-то» украсть.

Вот бог и приделал ноги к пизде (в процессе творения). Была пизда, а стала бегущей или сжимающей ноги женщиной. Так бог дал, а потом украл наслаждение у мужчины и заставил его догонять пизду. А для этого он также приделал и к хую ноги. Сплошное воровство наслаждения получается. Бог ли это? За такое ему надо ноги переломать.

Круги

Сильную похоть называют страстью.
Слабую похоть называют любовью.
Страстная любовь – это слабосильная фраза.

От женщин – запах духов.
От мужчин – шершавость духовности.
В совокуплении они находят отдушину.

* * *

Любовь противоречит состоянию твоего бюджета: когда у тебя много любовниц, то легко сводишь с ними «концы» с «концами», но не можешь свести концы с концами в своём

бюджете.

Рассуждение на Тему

После преступания любой сексуальной границы тебя охватывает радостное ощущение узнаваемого, что именно так, по эту сторону границы и должно происходить твоё существование. И чем сильнее был страх перед этой границей, тем сильнее откровение, что вот она, истина, которую мораль от тебя изо всей силы скрывала или хулила, или обезображивала.

Разительные примеры – прежде всего в так называемых извращениях. Девушке, которой внушали, что половой акт до замужества – это страх и ужас, стал для неё радостным и уместным. Потом начались оральные и анальные совокупления: радость за радостью, называвшиеся ужасом и грехом. Затем женщину очаровали некогда устрашавшие групповые совокупления. И всё это, некогда запрятанное и запретное, становится открытым и прекрасным. Граница – это лишь подначка для смелых, чтобы её преступить, и пугало для неспособных отличить живое от мёртвого.

Мораль пуще всего страшится простоты и неизбежности наслаждения, даруемого телом любому, кто умеет с ним обращаться. Без всякой любви, без всякого знакомства, без всякой даже тяги ты можешь заставить женщину испытать оргазм. Главное, чтобы у неё не возникли страхи за свою безопасность, и если её тело обласкано, то оргазм неизбежен в силу своей телесной задействованности. Как у любого человека инстинктивно вздрогнет нога, если ударить молоточком под коленной чашечкой, так всякий человек среагирует оргазмом на правильно приложенное возбуждение. Видя, зная, умея это, становится совершенно бессмысленным и омерзительным идти по окружным петляющим путям, вытоптанным ногами затюканных ложью людей, которым внушили, что путь к наслаждению тем лучше, чем он длиннее и кривее.

Сексуальное единство народа

Государство (из романа Оруэлла *1984*), в котором ввели усовершенствование: все туалеты и спальни должны быть со встроенными постоянно включёнными видеокамерами. Всё записываемое стекается в центральную государственную точку, откуда можно заказать и купить любую дозу народной

порнографии (кинозвёздная туалетовщина, разумеется, самая дорогая).

Таким образом введена государственная монополия на документальную порнографию. Кроме того, такое государственное устройство гарантирует участие каждого гражданина в общественной жизни, предоставляя свою интимную жизнь на благо народа и тем самым устраняя саму интимность во имя всеобщего единства в наслаждении.

Очевидная отгадка

Гуляя вокруг озера, нагоняю семейную троицу: отца, мать и дочку-нимфетку, годов так о двенадцати (то бишь невесту по исламу и по нынешней акселерации).

Слышу, они играют в игру: дочка задумала слово, начинающееся на букву s, и родители пытаются отгадать это слово.

П а п а ш к а пытается: – Sky.

Д о ч у р к а торжествующе: – No!

М а м а ш к а: – Sun.

Н и м ф е т к а (стройненькая, на длинных ножках, с ярко золотыми распущенными волосами ниже плеч): – No!

П а п а ш к а продолжает упорствовать: – Sea!

Я, уже оставляя их позади, слышу громкое: – No!

А я ведь сразу отгадал, какое слово задумала девушка: Sex. Но родителям она в этом не признается. А родители не посмеют отгадать.

Влияние землетрясения на фольклор

Землетрясение изменяет поговорку

Мой дом – моя крепость

на «мой дом – моя могила».

Многократный оргазм согласно законам физики

Уже застолблено и забито, что время и пространство

неразрывно связаны и я даже бы сказал – едины. А это означает, что коль мы научились путешествовать в пространстве туда и обратно, то становится неизбежно, что когда-то мы научимся путешествовать и во времени, туда, где продолжает жить наше прошлое, на которое мы когда-то сможем не только взглянуть со стороны, но и снова поучаствовать в нём.

Быть может, смерть и есть обретение этого умения.

А пока возвратно-поступательное движение ебли находит своё отражение в многократном возвратно-поступательном перемещении во времени – в «до» и в «после» оргазма. Таким образом, многократный оргазм станет доступен всегда и всем.

Именно в таких путешествиях люди и станут проводить свои отпуска в лучшем курорте под названием «Время».

* * *

Типично женское мошенничество – симуляция оргазма.

Фундаментальное успокоение

Неопытная женщина, которую умелый любовник впервые выеб в рот и в зад, собирается уходить, вкусив небывалые наслаждения. Одеваясь, она с тревогой спрашивает:

– А муж не заметит, что меня ебли в зад?

– Нет, – отвечает любовник, – так же как он не заметит, что тебя ебли в рот. Зубы ведь у тебя остались целые и всё дерьмо тоже осталось на месте.

Женщина успокоенно возвращается в семью.

Перипетии святой троицы

Отчим, приёмный сын и святой дух.

Логическое продолжение рая

Если благими намерениями вымощена дорога в ад, то тогда дорога в рай должна быть вымощена дурными намерениями. А «дурными намерениями» принято называть сексуальные поползновения.

Так что всё сходится.

Библейская причастность

Города-близнецы Minneapolis и St. Paul напоминают мне других близнецов: Содом и Гоморру. Я же делаю всё, от меня зависящее, чтобы подобие это было не только на словах.

Приемлемая компенсация

Она безвкусно одевалась, но зато вкусно раздевалась.

Тараканище эволюции

Бесконечную сложность клетки невозможно объяснить эволюцией. Ведь эволюция конечна во времени: она началась на Земле в какой-то момент. Любая же клетка есть бесконечность в своей неисчерпаемой сложности. Получается, что эволюция за конечное время создала бесконечность.

Однако эволюция может лишь множить исходные, уже данные бесконечности, но сотворить самой начальную бесконечность ей не по силе и не по уму из-за её собственной конечности.

Откуда же взялась исходная бесконечность? Объяснять это можно лишь потусторонним, а не однобокой эволюцией, которую преподносят в виде вездесущего, всесильного материализованного бога.

Новые половые символы

Новые символы мужчины и женщины – знаки пунктуации, которые можно использовать в том числе на дверях общественных туалетов.

Вместо «М» —:
Вместо «Ж» —…

Исправление приветствия

– Будь готов!
– Всегда готов! —
это неправда. Готов далеко не всегда. Но зато самое

достоверное приветствие:

– Будь готова!

– Всегда готова!

Сбруя

Выражение

> Даже волос не упадёт с головы без веления божьего —

казалось мне гипертрофированной гиперболой из-за своей практической нереальности. Думалось: как возможно услеживать за каждым из миллионов волосков да ещё у миллиардов людей?

Но вот *GPS* следит с небесных спутников за каждой движущейся точкой машины и руководит её перемещением. Так что нынешняя наука и техника давно уже оставили позади проблему подсчёта каждого волоска на голове (и не только на голове). Теперь очевидно, что богу ничего не стоит следить не только за каждым волоском, но и за каждой клеткой. А значит вездесущность бога «технически» вполне реальна.

Человеческое самодовольство, будто бы человеку дана свобода воли, по меньшей мере смешно, когда океан бессознательного и подсознательного захлёстывает островок сознания, а значит поведением нашим руководит не столько свободная воля, сколько инстинкты и программы, задействованные в нас богом на бессознательном уровне.

Повсеместность бога, или его власть над нами никогда не прекращается, и если он иногда опускает поводья, это вовсе не значит, что с нас снимается сбруя. А точнее, мы и есть лошади со вживлённой в нас сбруей. И снять её с нас, это всё равно, что убить.

Физические догадки языка

В языке единство времени и пространства подмечено давно – расстояние измеряется не единицами длины, а единицами времени, например: «они живут в часе езды».

И в дополнение: время проходит, но не пропадает.

Ударное наблюдение

В английском языке ударение, как правило, падает в словах на первый слог. В прижившихся русских словах babushka, devushka, dedushka американцы ставят ударение на второй слог.

Таким искажением звучания, по-видимому, достигается обозначение чужеродности этих слов, ибо любое слово с ударением на втором слоге для англоязычного уха слышится иностранно. И эта чужеродность уважается и сохраняется английским языком.

В русском языке существует обратная тенденция – обрусить слова, пренебречь их иностранностью и сделать их своими, будто бы исконно русскими. Например, слово marketing произносится по-русски с ударением на втором слоге: маркетинг.

Так и в этом примере язык отражает суть общества.

* * *

Критерием мудрости мужчины, а также истинности и силы его любви к женщинам является неразборчивость в женщинах, в количестве которых он не терпит ограничений.

Полупроводниковый эффект в музыке

Восточные страны с давних пор впитывают англо-американскую поп-рок-музыку, да и классическую музыку. Европейские гармонии и музыкальные ритмы оказываются универсально проникновенными и восхитительными для всех народов.

Японо-китайско-арабская музыка же остаётся в пределах стран её производства и американо-европейское ухо не воспринимает то, чем целые народы про себя восхищаются.

Получается, что существует полупроводниковый эффект для тока музыки. С запада на восток музыка идёт, а с востока на запад – практически нет.

Полупроводниковый эффект в физике стал основой всей современной электроники – без него сидели бы мы до сих пор с телеграфом как с последним чудом техники.

А вот полупроводниковый эффект в музыке стал основой всей культуры и определил интеллектуальное главенство Запада. Если бы музыка распространялась одинаково в обоих направлениях, то она бы эмоционально нейтрализовалась, и били бы мы все в там-там, прихлопывая ушами.

Наконец-то понял!

Причина, по которой нынешнее бабьё бреет пизды, вовсе не эстетическая и не сексуальная: это метод борьбы с лобковыми вшами. Теперь, после почти тотальной бабьей обритости, этих мандавошкек, исчезнувших у женщин, переименовали в удовошки.

Поэтому, чтобы уничтожить удовошки как класс, мужики должны бороться со своими волосами на теле с таким же остервенением, как и бабы. Лучшее средство для этого – принимать женские гормоны, тогда мужское тело станет естественно безволосым, и у людей наступит счастливое безвошье.

Мои задачи человеческому обществу

Я писал об этом многократно и по-разному. Мораль моих басен сводится к точным задачам человечеству для достижения великого и бесконечного счастья:

1. Изжить сексуальный стыд.
2. Наладить производство клонов для обильной и доступной красоты тел.
3. Резко уменьшить количество мужчин для значительного уменьшения агрессивности в обществе.
4. Искоренить все венерические заболевания, сделав эту задачу главной для медицины.
5. Выделить территории, где нет ограничений на любые сексуальные проявления с единственным условием: все участники сексуальных эскапад должны получать наслаждение.

За работу, товарищи!

Фальшивая мужественность

Как человеческие самцы могут считать себя мужественными, если у каждого имеются соски́, прикосновение к которым приносит наслаждение?

Воспитательный убийственный процесс

Процесс воспитания ребёнка сводится к тому, что родитель убивает ребёнка в себе.

* * *

Цель власти двояка: во-первых, установить угодные себе законы, а во-вторых, иметь безнаказанную возможность их нарушать.

«…Здравствуй, моё старение»[33]

Мой хуй принимает участие в общем старении внешности, но не нутра: кожа подряблела, появились старческие пятна на головке да и общий вид какой-то хилый. Однако чуть он встаёт, знаки старости буквально исчезают – он становится такой, как прежде: рвущийся в бой, отлитый из нержавеющей стали, слепяще красивый и вечно ненасытный.

Это ещё раз подтверждает, что в ебле мы всегда молоды, и стремление к оргазму это и есть юность.

Инопланетяне с параллельных миров

Люди находятся в перманентном поиске потусторонних или инопланетных существ, а также – параллельных миров. Но если посмотреть на животный мир, мир насекомых, рыб, мир растений – то это и есть потусторонний мир, живущий по законам весьма сложным, но похожим на людские. А ведь именно похожесть, если не по внешности, то по поведению является в людском представлении одним из главных параметров инопланетян. В силу генетического антропоморфизма (создавать и воспринимать всё как подобие человека), даже самые отчаянные фантазии наделяют инопланетян и им подобных человеческой психологией, несмотря на внешность этих существ, представляющую из себя, скажем, океан, как у Лема.

Но если в наших фантазиях инопланетяне часто агрессивны и уничтожают людей, то в реальности именно люди уничтожают зверьё, насекомых и растения. Такая власть делает людей надменными, и они теряют интерес к окружающим их существам, что слабее их. Люди зрят в телескопы, летают прочь от Земли, придумывают сверхъестественные чудеса в поисках инобытия, которое сильнее и умнее их. Но к чему вглядываться вдаль, когда перед носом этого добра навалом: например, клопы, которые в своей неистребимости оказались сильнее человека.

Преждевременное знание

Материализм, атеизм, эволюция и пр. – это упрощённая и потому удобоваримая видимость мира, ниспосланная божественными силами, чтобы отвлечь внимание людей от потустороннего.

Материализм – это способ предохранить людей от преждевременного знания, которое уготовано только после смерти.

Латентная память

Если представить, что можно всё забыть (альцхаймер или как там его?), то тогда будет ощущение, будто и не жил вовсе.

То есть жизнь без памяти, оказывается прожитой зря. Вот почему так важны становятся дневники, фотографии, видеозаписи – это способ сохранения собственной жизни не только для других, но прежде всего для себя. Потому-то и уничтожение своих архивов уподобляется самоубийству или по меньшей мере – членовредительству.

Конечно же, ты можешь утешаться тем, что останешься в памяти других людей. Но это же другие. И мы помним, что Сартр сказал о них:

ад – это другие.

А мы ведь хотим пребывать в раю.

Беспамятство можно представить как детство, когда с тобой ещё мало чего настучалось и того, что помнить имеется не так уж и много.

Так-то оно так, если бы на самом деле память обо всём, происшедшим с тобой, не хранилась бы где-то в подсознании и не руководила бы тобой и не выстраивала бы твои нынешние дела и поступки без твоего сознательного ведома и участия. Получается, что плохая память это всего лишь разломанные или ещё не проложенные дороги между бессознательной памятью и сознательной. Дорожно-ремонтная и дорожно-строительная службы науки скоро восстановят и построят между ними широкие магистрали, и осознанная память наполнится всеми деталями собственной жизни день за днём, час за часом, минута за минутой. Если мы научимся не страшиться пережитого и не ломать эти магистрали, то тогда в старости мы, немощные и близкие к инобытию, сможем развлекаться, вспоминая и заново

переживая свою жизнь в мельчайших её подробностях.

А пока по тому, что осталось в нашей памяти, в сознании можно судить, что же для нас явилось важным. Даже незначительное событие только вследствие самого факта присутствия его в сознательной памяти можно рассматривать как исключительно важное, но лишь в пределах того, что позволяет твоя мораль держать в сознании. В особенности для меня, когда я научился вызволять самые табушные воспоминания и не страшиться их.

Но для людей морально закрепощённых самые важные (то есть «аморальные») события их жизни изгоняются в бессознательное, и у таких людей осознанная память состоит из второстепенных, незначительных событий жизни. Таким образом, чем более ты морально закрепощён, тем более твоя структура памяти напоминает беспамятство.

Получается, что так называемая «нормальная жизнь» – это есть сплошное забвение.

Если этот тезис верен, то он показывает меня как наиболее закрепощённое существо. Есть такая шутка:

> у меня плохая память на хорошее и хорошая – на плохое.

У меня же плохая память на всё, быть может потому, что сексуальное «плохое» я почитаю хорошим. И потому, чтобы не путаться, мой мозг решил забывать всё подряд, одним махом.

Я тщетно пытаюсь припомнить, как я провёл какой-либо день своей жизни, с утра до вечера, скажем, 20 октября 1955 года. Что я делал в этот день, что произошло, причём в деталях?

Или любой другой день. Разумеется, я не могу припомнить не только события этого или другого дня, но и весь 1955 год. То есть в данном примере целый год выпал у меня из памяти. Да что год? – все годы! Ведь то же самое беспамятство заполонило меня, если взять день из 1965 или из 1977, или любого другого года – я не помню ни одного полного дня или хотя бы четверти дня. А если и запомнилось какое-то событие, то никогда не вспомню, в какой именно день оно произошло.

То, что я помню, составляет лишь ничтожную долю процента из всей моей жизни. Я не помню, как проходил каждый из дней моего рождения, какие подарки мне дарили на каждый из них. Я не помню всех своих женщин, а тех, что запомнил, помню из них лишь куски, да и то далеко не всегда самые лакомые.

Я не помню даже своих стихов и прочего написанного (за редчайшим исключением) и если вдруг перечитаю, то дивлюсь – неужели это я написал? Причём удивление это не всегда связано

с дивностью написанного.

Получается, что подавляющее большинство жизни моей начисто забыто, и представление о ней я составляю из непонятно как и кем скупо избранного.

Единственный выход был бы – ведение подробного ежедневного дневника. В наше время возможно постоянное записывание себя на видео.

Я даже не помню, писал ли я об этом уже или нет. Скорее всего, писал. Но что и как – не помню. Разумеется, теперь, я могу осуществить поиск в компьютере по написанному с помощью ключевых слов. Но надеюсь, что станет возможным извлечение из памяти всего прожитого – ведь оно запечатлено в каких-то клетках.

Я настолько плохо помню прошедшее, что это даже вселяет в меня уверенность в том, что наверняка писал об этом. А уверенность в чём-либо есть одна из форм проявления памяти.

Значит ещё не всё потеряно. То есть не всё забыто.

Прощальный сексуальный концерт

Студент-скрипач покончил с собой из-за того, что шутники без его ведома записали на видео, как он гомосексствовал с другим парнем и запустили это в интернет. Скрипач-мудак не вынес позора, раскрытия тайны его ебли и предпочёл смерть открытой гомосексуальной жизни.

Подобные самоубийства совершались и по примитивному стыду наготы – девицу засняли голой и запустили в интернет, и она тоже сочла это событие несовместимым с продолжением жизни.

Реакцией американского сексубивающего общества является ещё большее закручивание гаек – проведение новых законов, карающих людей за демонстрацию чужой или собственной наготы по интернету, в результате чего количество сексуальных преступников подпрыгнет ещё на один порядок.

Моральные уроды, воспитанные в этом обществе, считают самым ужасным, если их тельце будет выставлено на обозрение виртуального мира и не дай бог, если покажут их половые органы в задействованном состоянии. То есть уровень сексуального стыда взвинчен до такой степени, что люди боятся наготы больше смерти.

В сексуально здоровом обществе демонстрация своего голого тела и, тем более, ебущегося с другим должна вызывать чувство «законной гордости», радости, восхищения красотой

совокупляющихся половых органов. И поэтому выставление твоей наготы на всеобщее обозрение без твоего ведома надо рассматривать не как нож в спину, а как приятный сюрприз или комплимент. Пусть завидуют те, чья нагота и ебля ещё недоступна для обозрения всем вокруг.

Это самоубийство студента можно рассматривать как естественный сексуальный отбор – в антисексуальном обществе выживают те, кого не удаётся поработить сексуальным стыдом.

Театральное

Театральная постановка состояла из одного действия в трёх половых актах. Актёры вошли в роли и находились в них безвыходно до самого конца. Зрителей очаровала подвижность сюжета, которая стёрла грани между искусством и жизнью. Актёров вызывали на бис, но они не вышли, а продолжали выяснять между собой отношения.

Условие всеобщего мира на Земле

Всеобщий мир на Земле может наступить только при одном условии: если на месте всех церквей, синагог и мечетей станут красоваться публичные дома.

О мере всех вещей

Наслаждение для человека есть мера всех вещей. Наслаждение с готовностью предстаёт как критерий добра и зла. То, что приносит наслаждение – это добро, то, что приносит боль – зло.

Ответственность человека перед другими людьми состоит в том, что он обязан доставлять наслаждение тем, от кого он наслаждение получает. (Даже в запредельном наслаждении – убийстве, – «убивец» должен дать жертве умереть в наслаждении, то ли с помощью иллюзии, в которую он её погружает, то ли с помощью наркотиков, которыми он её нагружает.)

Не разумный эгоизм, а чувственный эгоизм.

Так как тела всегда обращены к наслаждению своими эрогенными зонами, то путь к исполнению общественного долга указывается самой физиологией. Поэтому цель индивидуума лишь следовать указанному пути – то есть жить в пределах зоны,

а точнее, в пределах эрогенных зон. А поскольку зоны эти, как установлено и прочувствовано, покрывают всю поверхность тела, а также его выступы и полости, то добро наслаждения будет надёжно побеждать и наглядно торжествовать.

Усовершенствование морали

Раньше девушки выходили замуж, чтобы ебаться. Теперь они ебутся, чтобы выйти замуж.

В сторону счастья

Жизнь – бесконечна и неисчерпаема, и потому она любая, то есть в ней есть всё. Так что если ты видишь её ужасной – то ты прав, если ты видишь её прекрасной – ты тоже прав.

Свобода твоя состоит в том, что ты выбираешь, какой видеть, какой усмотреть жизнь. Относительность здоровья и болезни, радости и горя, богатства и бедности, славы и безвестности придаёт реальность ощущению этой свободы.

Выбрав жизненную позицию «всё идёт к лучшему», ты выбирешь из жизни самое лучшее. Если ты выбрал жизненную позицию «всё – плохо», то жизнь услужливо предоставит тебе всё плохое.

Ибо плохое и хорошее у жизни имеется в избытке, и, более того, плохое и хорошее то и дело норовят поменяться местами.

Так и шутка Козьмы Пруткова

Если хочешь быть счастливым, будь им —

превращается в серьёзное наблюдение. Но оно может тотчас превратиться в шутку,

как посмотришь с холодным вниманьем вокруг.

Я уже лет пятнадцать как воспользовался своей свободой, устремив её в сторону счастья. Так держу! Так держать!

Платная идея – «Жизнь Пизды»

Платная идея для фотографов, для создателей реалити-шоу, документальных фильмов и для прочих пользователей идей.

«Жизнь Пизды» – камера, которая непрерывно следит за

пиздой: в ходьбе, в беге, во сне и в бодрствовании, – как она выглядит, что делает. В состоянии безразличия и возбуждения, мокрая и чуть влажная, при ебле её или когда она в ревности к соседней вдруг заполняемой дырке. Радостную, при двойном проникновении. При истечении крови и прочих жидкостей. В процессе подмывания и вытирания. Во время аборта, выкидыша, родов. На приёме у гинеколога, с расширителем или с пальцами внутри. С хуем и с дилдо. С вибратором и бананом. При мочеиспускании и испражнении. Во время бритья или укладки волос. И т. д. и т. п.

На эту роль потянется очередь из кинозвёзд, так как исполнять её можно инкогнито, не подвергая свою репутацию опасности, а успех этого предприятия гарантирован всемирный.

И что самое главное – перевода для этого фильма-шоу не требуется.

Торжество порнографии

Всенародная жажда порнографии выказывает себя в неослабевающем желании следить за любовной жизнью знаменитостей. Их любовная жизнь и есть дозволенная обществом порнография, которая становится предметом мечты, зависти и восхищения граждан.

Люди стремятся наблюдать в открытую или подсматривать за чужой половой жизнью – это их возбуждает. Нет большей тяги к знаниям, чем знать, кто с кем спит. Это высшая народная эрудиция.

Если кто-то будет подсматривать в окно соседа, то его за это засудят. А если он выложит заснятое в интернет, то его вообще сгноят в тюрьме за нарушение privacy[34].

Знаменитость, слава и есть не что иное как отказ от privacy во имя денег и всенародного интереса, который называют любовью. Так что если репортёр тайно заснимет интимные ласки кинозвезды, то они сразу появятся в интернете и удачливый репортёр получит вдобавок кучу денег. Таким образом половая жизнь знаменитостей становится для народа безнаказанной для обозрения. Например, недавно выслеженная голая пизда Britney Spears стала приемлемой для общества порнографией.

Следовательно, всенародная любовь к знаменитостям и есть торжество замаскированной, латентной порнографии.

Наслаждение – это свобода

Исходя из моего тезиса, что оргазм – это непосредственный контакт с богом, можно сделать вывод, что ёбари (или активные мастурбаторы) ближе к богу, то есть познают бога больше через частые оргазмы, чем малоебущиеся и чем те, кто к своим гениталиям не прикасается.

А близость ёбарей к богу проявляется прежде всего в том, что они избавляются от сексуальных предрассудков и невежества. И в этом состоит истинная свобода личности. Другими словами, чем чаще человек испытывает оргазмы, тем более он свободен. Наслаждение – это свобода.

Правда колет

Грубость звучания слов, обозначающих гениталии и всё, связанное с сексом, растёт при увеличении точности их обозначения. Вот ряды слов с возрастающей степенью грубости (точности):

пенис – член – хуй;
вагина – влагалище – пизда;
койтус – совокупление – ебля.

Если «пенис» (и другие первые слова в рядах) звучит отстранённо благодаря научности (иноязычности) звучания, то «член» имеет несколько значений, за которые можно прятаться (член партии). А вот от «хуя» уже никуда не деться, ибо хуй и есть хуй.

Чем точнее названа функция полового органа или действия, тем грубее звучит это слово, тем болезненнее оно воспринимается.

Однако эта навязанная обществом/моралью боль существует наряду с радостью и удовольствием, которые испытывает личность, индивидуум, от узнавания правды, попирающей мораль. Той простой, изначальной правды бытия, которая представляется для общества опасной. Смертельно опасной.

А потому вскоре начнётся пора «перестройки» основ общества, краеугольным камнем которого станет не запрет на наслаждение, а запрет на его законодательное ограничение, отдавая неизбежное ограничение наслаждения в руки физиологии, а не морали.

Вот тогда-то правда перестанет глаза колоть, а станет глаза ублажать в соответствии с новым, честным и гостеприимным отношением к наслаждению.

Отношения с богом

Американцы-богомольцы любят говорить с важным видом: «My relationship with God»[35]. Какие, на хуй, отношения? Это всё равно как сошедший с ума поклонник кинозвезды начинает воображать, что объект его поклонения влюблена в него, отвечает взаимностью на его знаки внимания и, исходя из этой уверенности он строит свою безмозглую жизнь, а кинозвезда эта и знать о нём не знает.

Так и сумасшедший богомолец навязывается к тому, кто и знать о нём не знает. И знать не хочет – мало ли бог дерьма понаделал.

Все отношения, которые у тебя есть – это отношения с самим собой. А что в тебе есть ещё, кроме дерьма – это уже вопрос особый. И ответить на него может только бог.

* * *

Истинная демократия и плюрализм проявляют себя в бисексуальности.

Три подружки

Есть женщины, которые сосут хуй только из практических соображений – они хотят сделать из вялого стоячий, чтобы потом на него сесть или под него лечь. Такая сперму не любит и доводить хуй до семяизвержения не хочет, ибо это будет не только для неё противно, но чрезмерное сосание станет рубкой сука, на который она хочет сесть.

Рот у таких женщин получается подготовительной дыркой по отношению к остальным.

Подобное нередко происходит и с влагалищем, которое подготавливает хуй для извержения в зад, поскольку его наполнять семенем для некоторых женщин более приятно да и безопасно с точки зрения беременности.

Бывают случаи, когда зад является подготовительной дыркой для семяизвержения в рот тех, кто любит и семя, и дерьмо.

Так происходит сотрудничество дырок – трёх подружек.

Однако при вторжении морали, называющей зад и/или рот неприемлемыми для хуя, запланированная дружба дырок превращается во вражду и ненависть. Так, зад и рот живут «соломенными вдовушками», тайно завидуя пизде, которая

отдувается за всех троих и клянёт мораль, на чём свет стоит.

Превращение девушки в женщину

Влюблённые. Она втайне ждёт, что он вот-вот сделает ей предложение. Наконец она не выдерживает и спрашивает его:

– Ты меня любишь?

– Безумно.

– Почему же ты не делаешь мне предложение?

– Именно потому, что я тебя так люблю, я не хочу на тебе жениться.

– …

Как девушка ни старалась в течение года, но она оказалась не в силах осознать, что любовь – любовью, а женитьба – женитьбой. Для неё одно неразрывно следовало за другим.

Но зато она за это время глубоко прочувствовала, что любовь без замужества для неё представляет весьма ограниченный интерес и она вышла замуж за другого.

Так девушка стала женщиной.

Про то же с другого захода

При формальном порицании проституции всё воспитание девушки в обществе сводится к тому, чтобы сделать из неё проститутку, а именно, чтобы она не следовала своей похоти, а продавала свою пизду за «благосостояние и надёжность» брака, за «уважение» со стороны мужчины, которое является ни чем иным как платой за её ногораздвижку.

Если же девушка следует своей похоти, ебётся со всяким, с кем ей захочется, то есть ведёт себя честно, то её за это называют «проституткой».

Таким образом, проститутки почитаются порядочными женщинами. А непродажные женщины, охваченные похотью, именуются «проститутками» именно за то, что ими не являются.

Государственная педофилия

Поведение народа во многом уподобляется поведению ребёнка. Правительства всех стран в большей или меньшей мере эксплуатируют (или «ебут») население своих стран, используя наивность, страхи, быструю смену настроений народа.

Но коль народ – это ребёнок, то правительство, всегда ебущее свой народ, является педофилом.

Не потому ли правительства многих стран развернули отчаянные кампании против педофилии. Вор кричит: «Держи вора!»

Распердажа

Есть шутка.

– Как в России строится забор?

– Пишется слово «хуй», а к нему приколачиваются доски.

Подобную шутку можно отмочить об американских магазинах: Сначала пишется слово «Sale» – а под ним открывают магазин.

Не могу отделаться от чувства обманутости, когда я вижу огромные распродажи. Сразу же возникает мысль: а если бы я купил вчера по полной цене – как бы вы меня крупно обманули. Но ведь и сейчас обманываете, так как завтра сбросите цену ещё больше. Особенно противно, когда скидка на семьдесят пять или восемьдесят процентов. И ведь после этих скидок они продолжают делать на мне доход. Нет уж – давайте мне стопроцентную скидку!

Историко-лингвистическое

Самсон разорвал пасть льву – отсюда пошло выражение «порвать пасть.» Лев же от страха заблевал фонтаном.

Так возник Петергоф.

69 – число равнодействия

Над еблей двоих всегда витает дух подавления или верховенства мужчины над женщиной или, в некоторых случаях, – женщины над мужчиной.

Как говорится, всегда кто-то кого-то ебёт. Всегда существует ебущий и ебомая или наоборот, включая и гомосексуальные пары. Когда мужчина на женщине – будь она на спине, на животе, на четвереньках или на боку – женщина является ебомой и зависимой в своём наслаждении от эрекции и движений

мужчины. А потому в ебомой позиции женщина часто не только не получает удовольствия, но и остаётся равнодушной, или даже испытывает отвращение, а получая удовольствие – далеко не всегда достигает оргазма.

Даже в тех случаях, когда женщина оседлывает мужчину и ебёт его, она тоже оказывается в зависимости от его эрекции и скорости наступления семяизвержения. Опять-таки равенством в наслаждении при таком совокуплении не пахнет.

То же самое неравенство возникает, когда женщина сосёт хуй у мужчины, а он насаживает её голову обеими руками. Тут уж ясно, кто кого ебёт. Или когда женщина рвётся поскорее к оргазму, прижимая к себе голову мужчины, чтобы он не вздумал остановиться и проглотить свой язык раньше времени. Здесь мужчины чувствуют себя в подчинённом положении, которое многие воспринимают настолько болезненно (по множеству причин), что вообще отказываются от такой позы.

А вот 69 – это союз идеального равноправия как для мужчины и женщины, так и для однополых партнёров. В 69 никто никого не ебёт или оба ебут друг друга (мужчина хуем, женщина клитором). Здесь эрекция не требуется, ибо сосать можно и мягкий хуй. Да и клиторальное возбуждение, достаточно долгое, гарантирует женщине по меньшей мере один оргазм. Автоматическая и тесная взаимозаинтересованность в обоюдном наслаждении в 69 самая большая – если мужчина перестаёт лизать клитор, то женщина перестаёт сосать ему хуй, и он вынужден продолжать начатое. Подобное делает и мужчина. Это не совокупление, когда один может ебать другого, не обращая внимания, наслаждается партнёр или нет. В 69 устанавливается закон: ты получаешь наслаждение, только если ты наслаждение даёшь. И чем больше даёшь, тем больше получаешь.

Другими словами, 69 – это особое соитие, гарантирующее наслаждение не только мужчине, но и женщине. А подобных соитий – 69, – и обчёлся.

Если в совокуплении участники противопоставляют себя партнёру, то в 69 они, лижущие и сосущие, становятся истинными и равными союзниками в добыче наслаждения друг для друга.

Исключительно важно и то, что в 69 находит своё воплощение главный инстинкт человека – питательный. Использование рта и языка, глотание спермы и женских: пиздяных соков (eating pussy) есть манифестация нерасторжимой связи гастрономического и сексуального.

В объединении этих: самых главных человеческих инстинктов и рождается поистине равноправное наслаждение.

Подъёмный закон

Есть закон, подаваемый как совет: «Когда взбираешься наверх, не смотри вниз, потому что закружится голова и упадёшь».

Надо смотреть вверх, и тогда подъём будет успешный.

Этот закон действует и при взбирании на высоту успеха – если смотреть вниз, на тех, кто менее талантлив, менее успешен, умён и силён, то начинаешь испытывать гордость, величие – всё то, что кружит голову и из-за чего ты падаешь с достигнутой высоты.

Если же ты смотришь вверх, на тех, кто гениален, кто достиг много большего, чем ты, то голова твоя будет не кружиться, а работать и потому подъём твой сможет продолжаться.

Женская благотворительность

У женщины нет сомнений, что, когда мужчина её ебёт, он получает огромное наслаждение, даже когда ей самой наплевать на этого мужчину. Другими словами, женщина знает, что она есть абсолютный источник наслаждения для мужчины. Во всяком случае для того, кто ебёт её впервые.

И вот имеется значительное количество женщин, которые искренне хотят делать добрые дела, делают большие денежные пожертвования, занимаются благотворительностью.

Но это лишь окольные пути для делания добра. Но есть истинный и прямой путь для женщин, желающей благотворить – отдаваться.

Почему женщина предпочитает заниматься благотворительностью, размениваясь по мелочам, давая деньги, то есть откупаясь от благо творительности собственного тела. Ведь женщина могла бы заниматься самой высокой и эффективной благотворительностью, выбрав день в неделе, месяце, годе, когда она раскрывала бы ноги, ягодицы и рот для всех нуждающихся и таким образом совершала бы самое великое благое дело – она бы раздавала всем страждущим наивысшее наслаждение. Причём чем красивее женщина, тем значительней её благотворительность осуществляла бы самые сокровенные мечты мужчин и бисексуалок, и лесбианок, которые составляют подавляющее большинство населения планеты Земля.

Жертвенность женщины состояла бы в том, что, в самом крайнем случае, она жертвовала бы собственным наслаждением, оставаясь безразличной в процессе «самопожертвования».

Чтобы предохранить такую филантропиЗДку от отвращения, которое может возникнуть, когда она увидит забирающегося на неё урода или старика, организаторы («бесплатной раздачи слонов») закрывали бы её глаза повязкой. Устроители сего благотворительного мероприятия, разумеется, должны обеспечить, чтобы те, кому раздаётся бесплатное блаженство, были бы здоровы и не заразили бы добрую благотворительницу. Она сама, в свою очередь, использовала бы противозачаточные средства, чтобы избежать беременности – второй и последней легко избегаемой опасности при такой похвальной деятельности.

Весьма вероятно, что во время бескорыстного дара наслаждения и при умелом его получателе благотворительница может испытывать не только духовное удовлетворение от вершимого ею доброго дела, но и физическое наслаждение, которое станет наградой за её благотворительность. (Ведь испытывает женщина наслаждение, когда ребёнок сосёт ей грудь, даже если он чужой.)

Женщина, что приноравливается испытывать наслаждение во время своей благотворительности, может выказать свою корысть лишь тем, что благотворительность свою она будет стремиться совершать много чаще и дольше остальных.

Ныне же общепринятая благотворительность женщины разменивается на деньги, которые она раздаёт, или на отстранённую от её дырок деятельность, которая никогда не даст того наслаждения нуждающимся, какое дало бы её тело. Денежная благотворительность вынужденно становится уделом таких женщин, которые уродливы или стары. Впрочем, и на них нашлись бы жаждущие и ценящие их щедрость.

Тут необходимо подчеркнуть, что благодарность – это обязательное чувство, которым должны проникнуться те, кому дарит свою благотворительность женщина. Нельзя допускать, когда дарёному коню смотрят в зубы, а дарёной пизде, жопе, рту критически смотрят во владеющее ими лицо. Сытый или не имеющий аппетита на женский «дар дыр» вовсе не обязан вставать на него в очередь, а вставать в другую, например, в очередь за благотворительной колбасой.

Именно такие женщины, которые благотворят своим телом, и должны уважаться в обществе больше прочих, ибо они демонстрируют своё наивысшую доброту и щедрость.

Проститутки занимаются такой же благотворительностью, но только за деньги. Однако, чем меньше они берут денег, тем более их благотворительность становится доступна широким массам.

А так называемые порядочные женщины, которые хорохорятся своей верностью одному хую или тайно подставляют

себя под дополнительные, но всего лишь под один-два, являются эгоистками, пренебрегающими страданиями мира мужчин и женщин от хронической неудовлетворённости. Это – обыкновенные махровые себялюбивые пизды. Они предпочтут вибратор, или обрыдлый хуй доброму делу.

Позор порядочным женщинам!

Потребительское отношение

Чем красивее женщина, тем меньший интерес для мужчины она представляет как личность, и всё отношение к красавице сводится к желанию её выебать.

В свою очередь желание и, следовательно, красота всегда относятся к нам потребительски.

Опасность презрения

Вот он, смысл существования людей, которых ты презираешь или ненавидишь: они – это точка отсчёта, вернее, точка отталкивания. Существование этих людей позволяет твоё и их размежевание. Презрение к плебсу, к толпе – это пренебрежение точкой отсчёта, именно благодаря которой ты в состоянии возвышаться над теми, прочими (если тебе это не кажется).

А посему к точке отсчёта следует относиться с уважением, не пытаться её изгонять, уничтожать, а наоборот, холить и держать в том же месте, потому что если она исчезнет или подберётся к тебе, получив образование и возвысясь на социальной лестнице, то ты перестанешь возвышаться или даже отличаться от тех, кто вызывал в тебе презрение или даже ненависть.

Итого: относиться к толпе с презрением – самоубийственно.

Иное средство

Мужчина гордится своей победой, когда поначалу не желавшая встречаться с ними женщина потом постепенно поддаётся на ухаживания и начинает благоволить мужчине и отдаётся ему. Женщина, уступившая такому мужчине, начинает уважать его за настойчивость, и ей лестно сильное влечение, которое он испытывает к ней.

Так и идеальное изнасилование начинается с сопротивляющейся женщины, но умелое и настойчивое

возбуждение её заставляет женщину поддаться и поддавать.

Как война —

> это продолжение дипломатии другими средствами (Клаузевиц),

так и идеальное изнасилование есть продолжение соблазнения другими средствами. Но в отличие от войны, где люди погибают, идеальное изнасилование воскрешает женщину из погибельного сопротивления.

Цель благородная – вызвать в женщине похоть. А эта великая цель поистине оправдывает любые средства.

Литературный стиль

Власть над словом портит писателя, как любая власть, и он начинает ею злоупотреблять. Он настолько обезображивает слова, что впечатлительные люди начинают почитать их красивыми, поскольку новизна влечёт. Так рождается стиль.

Литература – это текст и стиль, а сокращённо: текстиль. Из текстиля этого шьётся нижнее бельё для души.

Интересность

Жить становится интересней, если смотреть на свою жизнь как на воплощение судьбы.

Как бороться с privacy

В последнее время люди стали особо озабочены охраной privacy, то есть личной, частной жизни. Впрочем, озабоченность эта часто фальшивая, потому что интернет предоставил людям возможность оттягиваться на своём эксгибиционизме, засаживая на всеобщее обозрение информацию о своей жизни, начиная от анкетных данных, способах и методах своего времяпрепровождения и кончая собственными обнажёнными фото и видео совокуплений. А потом они имеют наглость жаловаться, что из их личной жизни сделали общественную.

Однако те люди, которые не раздеваются (ещё) перед камерой, чтобы засадить фото/видео в интернет, вроде бы (и даже казалось бы) имеют право на сохранениие своего личного, именного privacy.

Но меня заинтересовало – что же такое privacy? И тут же с готовностью вылез ответ: privacy – это то, что стараются скрыть, спрятать, утаить от других людей.

За этим исчерпывающим ответом, тем не менее, полез следующий вопрос, требующий у ответа ещё большей исчерпываемости: а что же конкретно люди стараются сохранить в тайне?

И на этот вопрос, как выяснилось, у меня есть скорый и окончательный ответ.

Люди стараются скрыть то, что они считают в своей жизни постыдным, преступным или невыгодным для обнародования. Но несмотря на постыдность, преступность или невыгодность, люди всё равно хотят всеми этими делами заниматься и заботит *их* лишь одно – чтобы об этом не узнали другие и чтобы из-за этого защитники своей privacy не потеряли возможность продолжать свои постыдные, преступные или невыгодные для обнародования деяния.

Приведу-ка я примеры:

Постыдные деяния – это, прежде всего, сексуальные эскапады: супружеские измены, «извращения», обильная или беспорядочная ебля, венерические заболевания и прочая пиздожопохуйня.

Преступные деяния – тут объяснять нечего: нарушил закон и, чтобы скрыть преступление, назвал его неприкосновенной личной жизнью. Не смейте, мол, раскрывать моё преступление, оно – моё, а значит никого не касается.

Тоже мне, аргументик для святости privacy.

Невыгодные деяния: семейные скандалы – они могут испоганить репутацию идеального брака; лечение от болезней – оно может испортить образ здоровяка; долги и финансовые трудности, которые могут представить тебя в непривлекательном свете, и прочие биографические недомогания.

Так что становится понятно, что человек хочет скрывать свою личную жизнь вовсе не из добрых и гуманных побуждений, а потому, что у него рыльце в пушку. Privacy – это легальный метод утаивания запретного или постыдного.

Честному и сексуально свободному человеку скрывать нечего и для него слово privicy не несёт никакого смысла.

Следовательно, чтобы покончить с privacy, на которую расходуется столько материальных и духовных средств, требуется, мягко выражаясь, насрать на стыд, чтить уголовные законы и двигаться к намеченной цели, невзирая на мнение окружающей тебя шушеры. Но… легко сказать.

Тем не менее именно так и поступают выдающиеся люди. Однако их – считанные единицы.

Вот и получается, что борьба за privacy прежде всего выявляет озабоченных – дураков, лжецов, подлецов, преступников и лицемеров. Вот, оказывается, кто нас окружает…

В отдел кадров литературоведения

Чтобы написать обо мне достойное исследование, критик должен быть не только талантливый литературовед, но и весьма просвещённый ёбарь.

Суть Утопий

Идея любого идеального общества (Утопии) сводится к идее свободной и доступной ебли. Более того, само стремление создать идеальное общество есть завуалированное стремление к свободной ебле, наличие которой будет автоматически гаратнтировать и все остальные блага.

Как правило, метод осуществления свободной ебли выбирается через уничтожение собственности, а значит из этого неизбежно следует обобществление женщин, которое обставляют как моральное благо.

Самое удивительное, что утописты прежних веков придумывали свои идеальные общества, когда проституция была повсеместна, и цена – общедоступна. Но утопистам этого было мало – они зажрались и не хотели платить вообще, они хотели получать обобществлённых женщин бесплатно. Вот и накликали на себя Маркса из-за своей жадности.

Порнография – это утопия, страна воплощения всех ебальных мечтаний. Если Утопия Томаса Мора и прочих стала истоком марксизма, то моя порнографическая утопия станет основой идеологии счастья.

Только, если марксизм наплодил трупы, то мой генитализм расплодит людей, лежащих трупами от великих наслаждений.

В моём обществе есть один краеугольный камень – обязательная обоюдность сексуального наслаждения, которая есть критерий любой правоты, как моральной, так и юридической.

Пункт назначения

В науке пользуются механистическим подходом для изучения человеческого сознания при помощи исследования нейронов и их

взаимодействий. Это всё равно что пытаться узнать маршрут движения автомобиля, изучая принцип работы двигателя машины. Как бы детально ни изучили двигатель вплоть до мельчайшего винтика и даже молекул, из которых состоит винтик, вы никогда не узнаете маршрута, по которому поедет машина, потому что маршрут зависит не от того, как работает двигатель, а от воли водителя автомобиля.

Так и человек, «маршрут» которого наука именует «всеобъясняющей» эволюцией, никогда не сможет познать цели и смысла своего сознания, поскольку его «маршрут» вовсе не является частью конструкции автомобиля, которую он упорно и тщательно исследует, а находится этот «маршрут» вне конструкции машины – он начертан волей Водителя, о существовании которого наука боится упоминать, ибо это антинаучно.

Разумеется, автомобиль сделан с учётом «маршрута», по которому он должен следовать, то есть автомобиль не предназначен для путешествия по воде или по воздуху, и поэтому отдалённый намёк на характер маршрута содержится в конструкции самой машины, но о нём наука, увлечённая самим механизмом машины, даже не задумывается.

Ту же аналогию можно продолжить и на насекомых, рыб, птиц, млекопитающих, которых можно уподобить самолётам, поездам, кораблям. Метод изучения этих существ (биология, химо-генетика и проч.) никогда не может познать, какова цель, «маршрут» этих разнообразных живых существ – ведь они являются лишь средствами передвижения некого Водителя к только ему известному пункту назначения.

Эффективное использование красоты

Всемирно известные красавицы – как правило, киноактрисы. Вот, например, из прежних: Мэрилин Монро или Грейс Келли. Сколько мужчин их выебло за их жизнь – ну, сто, ну, двести. А то и меньше – а хотело их сотни миллионов хуёв, которые остались ни с чем. Какое недопустимо неэффективное использование красоты!

А вот при наступлении клонирования этих красоток можно будет сделать для каждого желающего – и все мужчины станут осчастливлены.

Как популярную книгу может купить и прочесть любой, ибо её печатают неограниченно, согласно спросу, так и каждую красавицу будут «печатать» в любом количестве. Недаром я

всегда сравнивал книгу с женщиной и женщину – с книгой. Красавица, подобно прекрасной книге, пишется богом в одном экземпляре! Но человек научится их тиражировать и продавать или ещё лучше – раздавать, как Библию, на каждом углу! Красота как и искусство – принадлежит народу, а не группке счастливчиков.

Только став обильной и общедоступной, красота действительно спасёт мир.

Согласно Ленину

Пизда так же неисчерпаема, как и атом.

О вечной любви

Когда средняя продолжительность жизни была 50 лет, а женщина в 30 считалась старухой, то клятва в вечной любви могла иметь какой-то смысл. Но когда люди стали жить до ста, а спелые бабы и в 50 заманивают в пизду юные хуи, разговор о вечной любви нужно прерывать в самом его начале, затыкая рот хуями тем, кто пытается его заводить.

* * *

Я своё сказал, и вся последующая критика – это махание кулаками после драки. А драка у меня была с самим собой.

Война или мир

Две реакции на классический сюрприз: муж (жена) приходит домой и застаёт у жены (мужа) любовника (любовницу).

Первая. «Моральная» человеконенавистническая реакция такова: жена – в ужасе, любовник – в страхе, муж – в ревности и ненависти. Крик, рукоприкладство, возможное убийство, а коль выживают, то неминуемый развод.

Вторая. «Аморальная» человеколюбивая реакция: жена радостно манит мужа, муж, возбуждённый зрелищем, присоединяется, и все втроём объединяются наслаждением. Брак ещё больше укрепляется.

До тех времён, пока обществом одобряется и утверждается

«моральная» реакция, все попытки мирного сосуществования между народами обречены на перманентный провал, и людей будут всегда обуревать войны, ибо суть любой войны основана на ожесточённой реакции при виде твоей самки, ебущейся с другим самцом или твоего самца – с другой самкой.

В подтверждение сказанному

Ещё одно объяснение, почему женщины лет пятнадцать назад с такой одержимостью бросились брить себе пизды[36].

Процесс бритья даёт женщинам предлог для продолжительного и пристального общения с собственной пиздой, что многие женщины избегали из-за стыда или из-за воспитанного в них отвращения к виду и запаху собственной пизды.

Теперь же, регулярно брея пизду, женщина получила как бы официальное разрешение рассматривать, трогать, изучать её. И в процессе заодно доводить себя до оргазма.

Таким образом, под предлогом наведения «чистоты» женщины ввергают себя в ещё большую (и регулярную) «грязь».

О хвале и клевете совместно с глупцами

Пушкин рекомендовал своей музе (а вовсе не всем вокруг) хвалу и клевету приять равнодушно да ещё вдобавок не оспоривать глупца.

Иными словами, он призывал музу к безразличию на любую народную реакцию на творчество опекаемого ею поэта.

Но если никакой реакции в виде хвалы и клеветы не возникло, то тогда муза окажется в недоумении, поскольку для такой ситуации Пушкин не выдал ей никаких наставлений. Разумеется, ему и в голову не приходило, что написанное им может оказаться не замеченным читателями и критиками.

Ещё раз подчеркну, что мудрые пушкинские указания обращены к музе поэта, то есть не к нему самому, не к другим поэтам, а к Вдохновению. А Вдохновение – это ведь не сам поэт, а то божественное, что на него снисходит, что приводит поэта в некое состояние, при котором у него устанавливается волшебная связь с богом, и бог начинает диктовать поэту что и как писать.

Обращение к музе, к вдохновению с назиданиями по сути является лишь попыткой уберечь музу от пагубного влияния человеческого тщеславия и обеспечить её стабильное

функционирование. Мол, тело и душа поэта пусть как угодно реагируют на хвалу и клевету – избежать этого для поэта физически и психологически невозможно. Но вдохновение пребывает на особом месте – оно выходит за пределы поэта, ибо является извне и исчезает вовне. Прекрасно понимая свою поэтическую зависимость от вдохновения, Поэт вовсе не указывает, а просит или даже молит музу хвалу и клевету принимать равнодушно, то есть не быть такой, как он сам. Он хочет, чтобы ничто не посмело испортить ей настроение, из-за чего поэт бы лишился способности творить. Поэт хочет лишь одного, чтобы муза работала на него, как лошадь, держа его постоянно в состоянии вдохновения, и чтобы он писал одно гениальное произведение за другим.

Быть может, Пушкин всё-таки оставил указания музе, что ей делать, если ни хвалы, ни клеветы не появляется, и даже глупцам на твоё написанное явно наплевать. Удаётся ли равнодушие принимать тоже равнодушно? Ведь отсутствие всякой реакции гораздо болезненней, чем любая реакция, какой бы она ни была.

Пушкин продолжает наставлять свою музу менее запомнившимися народу словами:

Обиды не страшись, не требуя венца.

Это как раз можно истолковать как наказ музе на случай равнодушия толпы, мол, не обижайся даже на полное молчание, ибо муза не должна ждать никакой славы – не претендовать ни на какой венец. Таким образом, муза становится укрыта советами со всех возможных сторон – она должна быть идеальным стоиком и не испытывать никаких эмоций, а только «пахать» на полную катушку.

Всё то, на что натаскивает Пушкин свою музу, является нереальным и противоестественным не только для Пушкина, но и тем более для любого поэта. Ведь поэт – существо тщеславное и суетное, которое полностью отдаётся архисуперэмоциональной реакции на хвалу и клевету, и с пеной у рта оспаривает глупца.

Спроецировав (вывалив) на Музу желаемую для себя реакцию, то есть полную непробиваемость, Пушкин высвободил себя эмоционально и в жизни остро реагировал на хвалу, клевету и разглагольствования глупцов – он писал эпиграммы на дураков и подлецов, радовался дружеской хвале и негодовал на злобных критиков.

Наделив Музу идеальной реакцией (вернее полным отсутствием реакции) на окружающую поэта среду, сам поэт может всемерно предаться чувствам, столь ему присущим, без которых он перестаёт быть не только поэтом, но и человеком

вообще.

Таким образом, о равнодушии поэта к хвале и клевете не может идти и речи, коль он специально опубликовал своё произведение именно в предвкушении как можно большей хвалы и как можно меньшей клеветы. Реакция читателей, которую поэт умышленно спровоцировал, опубликовав (а не спрятав) свои произведения, всегда душещипательна для поэта. Так что, наделив музу «идеальным характером», поэт может лишь научиться кое-как сдерживать свои эмоции, чтобы уж совсем не задрать нос от хвалы, а от хулы, чтобы не впасть в летальную депрессию.

Пока муза исправно следует каждому указанию Пушкина сам поэт изо всех сил борется против окружающего его равнодушного молчания. А когда, наконец, поднимается буря хвалы и клеветы – тогда поэт уже может с облегчением вздохнуть и погрузиться в работу, зная, что «процесс пошёл» и слава ему теперь обеспечена.

* * *

С какой жизнью смиришься, такой она и будет.

Прелестные расцветки

Пизда в цветочек, хуй в полоску, зад в горошек и грудь в клетку.

Максимально новое

Люди страшатся всего нового, и страх смерти – это максимальный страх перед максимально новым.

Первый взгляд

Когда рождается ребёнок, то врач, повивалка или сама роженица не начинают рассматривать форму черепа новорожденного или черты его лица или цвет глаз, форму тела – нет, первый взгляд сразу устремляется новорожденному между ног: мальчик или девочка?

Именно половая принадлежность является первыми и обязательным критерием будущего существования.

Этот первый взгляд разом отметает все благодушные россказни о том, что якобы существует что-либо важнее пола.

Сладкие шестнадцать

Популярнейшая песенная и разговорная идиома: sweet sixteen. Мол, слаще нет, чем ебать шестнадцатилетнюю.

А почему не thirteen, forteen или fifteen (13–15-летнюю)? Ну с seventeen понятно, почему не упоминают – потому что в слове лишний слог и ритм ломается. Но ведь почему-то также не используют eighteen – возраст совершеннолетия. Неужто по его достижении вся сладость пропадает? Или в нынешнее время к восемнадцати она уже вся ёбаная-переёбанная, а хочется быть первым учителем?

Но неужели сладость появляется только в шестнадцать? А что, в четырнадцать – сплошная горечь?

Наверно, выбрали шестнадцать, потому как безопасно – возраст сексуального согласия, с одной стороны, а с другой – всё-таки ещё несовершеннолетняя, что подчёркивает природную закономерность и человеческую противозаконность потребления юных тел, у которых уже задействована менструация и которые сочатся не только кровью, но и соками, требующими регулярного вторжения в сладкие отверстия, вполне созревшие, готовые для наслаждения, но которые из последних сил мораль перегораживает убийственными законами.

Тем не менее в песнях все вожделенно поют о совокуплении с несовершеннолетними: «Хотя бы дайте шестнадцатилетнюю», – воют они. Одна из лучших недавних песен английской группы *The Heavy* так и называется – *Sixteen.* Слова там тоже показательные.

Пора в США ввести закон, карающий за совращение малолетних даже в песнях. А то что же такое? За рисунки детский порнографии сажают, а распевать песни на всех углах про еблю шестнадцатилетних – пожалуйста? Куда смотрят родители, церкви, и прочие садисты? Срочно зашивать все дырки шестнадцатилетним!

Народное одобрение

В переполненном кинотеатре идёт фильм про молодую жизнь. На экране хорошенькая девушка собирается на вечеринку, смотрится в зеркало и спрашивает подружку:

– Am I fiickable?

Весь зал в один голос грохочет:

– Yes!!![37]

Девушку стаскивают с экрана и начинают беспорядочно ебать в проходе.

Самый невежественный сексуальный вопрос

Самый невежественный сексуально-отчаянный вопрос вырывается как у мужчин, так и у женщин, когда они подозревают или узнают об измене партнёра: «Что же у неё (соперницы) есть такое, чего нет у меня?» – недоумевает любовница или жена.

И ревнивица начинает перебирать, глядя на себя в зеркало: пизда есть? – есть! зад есть – есть, и даю в него! – грудь есть? – есть и большая и высокая. Лицо – красивое, и в рот беру. Чего же ему ещё надо?

И задав этот вопрос, женщина теряется в невозможности найти ответ самой и требуют ответа у изменщика: «Чего тебе ещё надо?!»

Изменщик, как правило, ответа дать не может, поскольку над этим просто не задумывался – увидел дающую бабу – и взял, а ту, что не давала – соблазнил и тоже вязл. Чего думать-то?

А если всё-таки думал и понял, то вряд ли скажет правду, потому как правда эта лишит его бабу всякой надежды, а без надежды женщина не может длить отношения. Ей нужна либо надежда на оргазм, либо надежда на деньги или, в крайнем случае – надежда на замужество. Либо на всё вместе взятое.

А сказать-то невежественной ревнивице можно лишь одно:

– Да, ты красивая, страстная, очаровательная, но одного необходимого качества ты уже лишена навсегда.

– Какого?! – воскликнет уязвлённая любовница!

И мужчина ответит:

– Новизны.

Редко какая женщина вынесет эту правду, которая ставит её в абсолютно безнадёжное положение – ведь любая незнакомка побивает её козырем своей новизны.

Тут для умной женщины остаётся только один выход – ухмыльнуться и молча устремиться за новизной мужчин.

Однако большинство женщин (и мужчин) будут держаться за своё невежество и устроят скандал, разлуку, развод или чего ещё из ревнивого вплоть до убийства. Ведь мир так называемой любви держится на трёх китах-селёдках: невежестве, ревности и глупости.

Обход дразниловки

Striptease в переводе: «дразнить, обнажаясь». И вот тебе без

всякого утаивания объявляют: женщины будут тебя дразнить, но только дразнить, а о ебле с ними и не мечтай.

Казалось бы, надо не то чтобы обидеться, но плюнуть на издевательское раздевание и купить бабу для ебли уже раздетую. Так нет, огромное количество мудоёбов платит деньги за то, чтобы их дразнили. Оправдать это можно, разумеется, иначе: смотреть стоит значительно дешевле, чем трогать, а потому, лучше уж смотреть, чем вообще ничего не испытывать. Однако среди любителей стриптиза немало богатых мудоёбов, которые тратят время и деньги на эти игры. На то, что мне феноменологически чуждо. Им нравится, когда их дразнят.

Я смотрел стриптиз лишь один раз, когда только приехал в Америку, из любопытства узнать, что же это такое, о чём в СССР говорили шёпотом и с вожделением. И после этого одного раза я обхожу эти заведения так же, как и казино, где всё построено на том, чтобы тебя обмануть, привлекая фальшивой надеждой.

Вообще-то говоря, стриптизные игры ведутся испокон веков и вне стриптизных забегаловок, где лишь доводят стриптиз до своего предела – полного раздевания с раздвиганием ног. А «недоделанный» стриптиз окружает нас повсюду – посмотрите на летних баб на улице: голые руки-ноги, сиськи без лифчиков вываливаются из прозрачных маечек, шортики, из-под которых лезут ягодицы. А про пляж и говорить нечего – символические полосочки ткани, закрывающие соски, дырку в заду и полуоткрытые большие губы. То есть дразниловка идёт круглые сутки, и если не живьём из-за зимы, то по телевизору, в печати, по интернету. Сексуальные игры то бишь.

Вот именно, игры, а игра – это процесс достижения цели с помощью соблюдения правил, законов, которые преграждают прямой путь к цели.

Следование правилам обеспечивает участникам безопасность, и за послушное поведение ты получаешь мелкую награду, но зато без применения силы, без страха смерти.

Однако именно правила и сам формат игры для меня чрезвычайно ненавистны. В моём определении «свобода» – это обладание целью, пренебрегая установленными правилами её достижения. Если игра – это петляющая, часто бесконечная линия между тобой и твоей целью, то свобода – это короткая прямая, соединяющая с желанными отверстиями. И эта кратчайшая прямая есть либо мгновенно вспыхнувшая обоюдная похоть, либо покупка проститутки, либо «идеальное изнасилование».

Краткость – не только сестра таланта, но и мать преступления.

Сфантазированное (не мной) преступление

Что может быть лучше девичьего сексуального образования приёмным отцом – генетическое табу не нарушается, но зато близкий человек, которому ты доверяешь и которого ты любишь, ласково и умело учит тебя наслаждению. К сожалению, как правило, в тайне от её матери. Впрочем, мудрые мамы присоединяются к процессу обучения дочери, и все остаются чрезвычайно счастливы. Более того, если мать больше не может или не хочет иметь детей, то подросшая в наслаждении дочь может ей помочь и родить для семьи желанного ребёночка. Но такая идилия не допускается практичным государством, а из-за этого приходилось отдуваться мне. Причём в области, в которой у меня совершенно нет таланта – актёрском мастерстве.

Дело в том, что у меня была девушка (и не одна), которая с малых лет вожделела к своему приёмному отцу. Но в страхе от своего влечения никогда его не проявляла. А приёмный отец законопослушно балансировал на её матери.

Однако девочка всегда представляла, мастурбируя, что именно приёмный отец доставляет ей это наслаждение. Одной из самых возбуждающих её фантазий был ночной сон, который прерывался приёмным отцом, открывающим дверь в её спальню: она лежит на боку голая у себя в кровати, а приёмный отец входит и ложится к ней. Она сразу проснулась, как только он открыл дверь, но вида не подаёт. Она делает вид, что спит и ничего не чувствует, а желанный мужчина прижимается к её спине и заду, ласкает её грудь и просовывает руку ей между ног и в конце концов входит в неё, подранивая пальцем её клитор. Эта фантазия приносила девочке острейшие оргазмы.

Так вот, эта уже совершеннолетняя девушка просила меня, чтобы я изображал её приёмного отца, называл её «доченькой», а она называла меня «папочкой», и ебал её, лежащую на боку, будто бы спящую, и удовлетворял её детские фантазии, которым она предавалась с 12 лет. После того, как «дочка» переживала несколько оргазмов, она засыпала у меня на груди, шепча, что я лучший в мире «папочка».

Хорошо, что в Америке ещё не сажают за совращение малолетних в фантазиях. Но скоро начнут и даже не обратят внимания на смягчающее обстоятельство, что совращение было не в моих фантазиях, а в фантазиях «жертвы».

Модность

Мода – это указ: изволь одеваться так-то и покупать то-то, и тогда все будут обращать на тебя внимание и выберут в сексуальные партнёры. И люди с придыханием тратят деньги, чтобы купить именно то, что им указано. Сколько рабства, сколько готовности подчиниться, сколько немощи быть самим (самой) собой и внимать своим уму и чувству!

Следовать моде – это унизительно, ибо это отказ от себя! Модно одетая женщина – воплощение сексуальной рабыни. Даже сняв одежду, она ею остаётся – ибо ныне модный бритый лобок выдаёт в ней рабыню.

И только самомнение, подначиваемое антисексуальными законами, даёт ей возможность быть убеждённой, что у неё есть свободная воля, которая позволяет ей сжимать колени. Тогда как «по умолчанию» колени у женщины должны быть разведены.

Что такое проституция

Проституция – это утомительная, самоотверженная, неблагодарная и опасная работа по обеспечению людей наслаждением.

Все останутся довольны

Как детям объясняют рождение ребёнка тем, что его принёс аист, так взрослым объясняют возникновение жизни на Земле, что её занёс метеорит.

Ребёнок не спрашивает, а где аист взял ребёнка. Взрослый не спрашивает, откуда взялась жизнь, которая оказалась на метеорите. Ибо ребёнок верит взрослому, а взрослый верит в эволюцию. Но ребёнок вырастет и узнает правду рождения, а взрослый состарится и узнаёт правду смерти. Все останутся довольны.

Между

Тайна всегда между. Пизда между ног, анус между ягодиц, груди между рук. Смысл между строк.

Не даром говорят: между нами говоря… Да и сам рай находился в Междуречьи.

Невозможность нуля

Ноль – это величина чисто теоретическая, поскольку в реальности ничего не может быть равно нулю. Что бы то ни было, но этого «чего-то» всегда хоть чуть-чуть да есть.

Любовь к вещам

Любовь к вещам – самая честная и искренняя. Ты сначала не можешь наглядеться на милую новую вещь, холишь её, используешь с придыханием от радости. Потом она становится привычной, ты перестаёшь замечать её красоту и прельщаешься новой вещью, покупаешь её, вызывающую у тебя новый трепет.

Потому и к женщине ты хочешь относиться как к вещи, получая от неё максимальное удовольствие, когда она нова, и как только одна приестся (то есть приебётся), ты стремишься заменять её новой. И только такое отношение к женщине есть честное и искреннее, и в силу этого – запрещаемое обществом и моралью.

Вещи и женщины нужны для того, чтобы не только удовлетворять твои желания, но чтобы обострять их. Обострять же их можно только новизной.

Отличие женщины от вещи лишь в том, что вещь молча подчиняется, а женщина сама стремится сделать из мужчины вещь.

Основы рабовладения

Многие мужчины мечтают добыть и добывают-таки себе сексуальных рабынь. Запирают их в квартирах, домах, подвалах. Приковывают, привязывают, угрожают. И ебут до усёру…

Но удовлетворив похоть, хозяин сам попадает в рабство к своей же рабыне: её надо охранять, чтоб не убежала, её приходится кормить, ей нужно предоставлять жильё, её надо лечить, мыть, развлекать. А когда надоест – что с ней делать? Отпускать нельзя, донесёт и тебя посадят. Убивать? – но это уже совсем не секс, а злодейство. С женой хоть развестись можно, а тут настоящее пожизненное рабство рабовладельца. Вот почему в обществе решили завязать с рабовладельческим строем – чтобы свободу от рабов получить, сделав их свободными. Чтобы, выебав, можно было выставить бабу за дверь и ни о чём не думать. Демократия называется. Только при ней, родимой, возможно стало до клонов додуматься. С клонами, которых можно будет в секунду собирать в пылкую красотку и разбирать на клетки через

час-два, никаких забот не будет. А будут бабы лежать в коробочках или в баночках до поры, когда опять захочется ту или иную.

Так произойдёт возвращение к идеальному рабовладельческому обществу.

Светлая мечта женщины

Многие женщины, никогда не подвергавшиеся насилию, лелеют мечту быть изнасилованной. Появление этой мечты происходит отчасти потому, что, как мыслится женщине, будучи насилуемой она сможет сбросить с себя всю ответственность за те сексуальные «извращения», о которых она тайно грезит и которым её подвергнет насильник против её воли. Таким образом, женская добродетель не пострадает и в то же время женщина получит своё наслаждение. Другими словами, факт изнасилования даст женщине индульгенцию на удовлетворение её постыдных желаний.

Однако обычный насильник не следует женским мечтам, а лишь своим собственным. И в результате изнасилования женская неудовлетворённость самим совокуплением усугубляется неудовлетворённостью от её невоплощённой и обезображенной насильником мечты.

Так светлая женская мечта об изнасиловании превращается в страх, отвращение, ненависть, а нет ничего хуже, чем отнять у женщины мечту. Вот почему возникает гуманная необходимость вернуть ей эту мечту, исполнив для неё «идеальное изнасилование»[38].

Сексуальная логика

Карьера проститутки состоит в том, чтобы давать себя трогать. Карьера модели состоит в том, чтобы давать на себя смотреть. Карьера певицы состоит в том, чтобы давать себя слушать.

Разумеется, что трогать, смотреть и слушать – за деньги. Потому и карьера.

Однако, зрение и слух вызывают у мужчин желание к осязанию. То есть все чувства ведут к осязанию. А значит, все карьеры женщин, стимулирующие мужские зрение и слух, сводятся к карьере проститутки.

Одна из хитростей смерти

Тело в старости становится уродливым и немощным для того, чтобы стало не жалко с ним расставаться.

Пути сохранения семейного счастья

Люди воспитываются в отчаянной лжи: «вечной любви», святости моногамии и моральной обязательности подавления своих сексуальных желаний. Но эта ложь очень быстро выводится на чистую воду в браке, взвивая (кострами) количество разводов или плодя браки, состоящие из несчастных супругов и искуроченных детей.

Каждый брак неизбежно обречён в лучшем случае на сексуальное безразличие, а в худшем – на сексуальное отвращение супругов друг к другу. Это – аксиома, это – физиология и это – правда. Если кроме секса в браке ничего нет, то он в течение года превращается в ничто и разваливается в разводе или de facto.

Но если же супругов связывает дружба, уважение, общие интересы, ответственность по отношению к воспитанию детей или просто удобство, и поэтому брак они хотят сохранить, то методы для этого имеются, и их четыре (пишу применительно к мужчинам, но то же верно и для женщин):

1. Подавлять в себе желание новых женщин во имя верности и стать из-за этого психопатом, которого раздражает каждое движение постылой супруги, а значит жить в постоянном психическом и физическом напряжении, которое будет проецироваться недобрым образом на всех окружающих.

2. Завести любовницу. Таким образом, сексуальное напряжение спадает и жить становится легче. Жена перестаёт тебя раздражать, ибо твоя жажда новизны удовлетворена. Но неизбежное углубление отношений между долговременными любовниками чревато той же обречённостью сексуального безразличия и будет лишь осложнять семейную жизнь дополнительными обязательствами по отношению к любовнице или что ещё хуже, может вселить в тебя иллюзию, что с любовницей семейная жизнь может быть лучше, и тогда рушится один сексуально обречённый брак во имя другого сексуально обречённого брака.

3. Иметь кратковременные связи с различными женщинами. Именно секс с незнакомками или малознакомками взбадривает

супружескую жизнь, и даже освежает сексуальные чувства между супругами. Основа этого пути – охранять жену от подозрений, чтобы у неё не возникало ревности и разочарования в иллюзии верности. Неведение сексуальных игр супруга на стороне – основа семейного покоя и благоденствия.

4. Открытые браки, когда супружеская пара, не скрывая друг от друга, имеет сексуальные связи на стороне, поодиночке или/и совместно с супругом. Такого рода отношения являются наглядным примером для понятия «неустойчивое равновесие»: эти браки слишком эмоциональны для продолжительного существования. Возникает ревность и разбегание в стороны к другим партнёрам.

Подумать только, что все эти сложности проделываются во имя сохранения семейного счастья.

В номера!

Последние годы стало популярно выражение «Get a room!» Оно употребляется в раздражении по отношению к парочке, которая отчаянно флиртует или милуется на людях, вот им и говорят: «Возьмите номер в отеле и ебитесь там сколько влезет». Нечего, мол, течь и твердеть от похоти на глазах у всех! Завидно ведь!

В этом выражении отражается окрепшая-таки моральная приемлемость свободной любви. Причём, заметьте, приемлемость для вовсе не женатых (у них похоти уже нетути), а для любых случайных парочек, разнополых или однополых.

Однако между либеральным призывом к ебле и консервативным обществом существует гнусное противоречие. В США, в отличие от, например, Японии, нет приличных отелей или мотелей, которые бы сдавали номер на час-два. Такое считается морально недопустимым и если бы на такое решились, скажем, *Super 8* или *Motel 6*, не говоря уже о *Hyatt* или *Marriott*, то негодующие церковники и прочая моральная шушера устроила бы демонстрации вокруг этих приютов для эффективной ебли и показывала бы по интернету и телевидению фотографии парочек, которые входят и через час уже выходят из отеля.

Таким образом, сдавать номера парочкам пока не отказываются, но делать это надо минимум на сутки – общество делает вид, будто отношения у этой парочки «серьёзные» – они, мол, проводят время не только в ебле, но и активно общаются до и после. Общество, таким образом говорит: уж если хотите интимничать, то извольте это делать 24 часа nonstop. А так как

это невозможно в силу разных причин, то через пару часов парочка покидает номер, и комната торжественно и бесполезно пустует большую часть суток. Это всё равно, что деньги держать под матрацем, а не пускать в оборот.

Если же пустить комнату в оборот, то сделать на ней за сутки можно в десять раз больше. Однако антисексуальная мораль в США много сильнее гуманности и даже капиталистической выгоды (ещё подобный пример: во многих штатах запрещена продажа алкоголя в воскресенье).

Получается, что отели не хотят признать скоро удовлетворяемую нужду, а парочки не имею возможности совокупляться целые сутки.

Или можно наоборот: получается, что отели не могут из-за давления моральных уродов признать быстро удовлетворяемую нужду, а парочки не хотят совокупляться целые сутки и, насытившись, стремятся разбежаться по своим норам через часок-другой.

Как бы там ни было, но революционная ситуация налицо: одни не могут, а другие не хотят. Так что

Пусть скорее грянет буря!.

Почасовая.

В моём государстве…

В моём государстве все парни должны отслужить год в армии, а все девушки – отработать месяц в публичном доме. Тогда мужчины узнают цену жизни, а женщины – цену любви. А значит, мужчины станут менее говорливы, а женщины – более сговорчивы.

И вновь наступит золотой век.

Нож и хуй

Мужские движения при ебле напоминают протыкание ножом, то есть то, что должно приносить боль. Парадокс заключается в том, что чем сильнее удар хуем, тем приятнее женщине, и многие просят, чтобы их ебли резкими и сильными втыканиями. Вот почему так легко создаётся впечатление о склонности женщины к мазохизму, тогда как удары ножа и удары хуя прямо противоположны, хотя внешне и похожи, ибо удар ножом приносит боль и смерть, а удар хуем – наслаждение и жизнь.

К тому же удар ножом создаёт новое отверстие в теле, а удар хуем использует уже имеющееся. Хуй превратится в нож, если он проткнёт тело в неположенном месте. Но для этого ему не хватает остроты и твёрдости. Поэтому он идёт лишь по проторённым анатомией дорожкам, удовлетворяясь предназначенным. В нём нет творческого подхода ножа.

Неожиданные выходы из тупиков

Меня всегда восхищает неожиданность направления, с которого приходят решения задач, зашедших в тупик.

Одним из наглядных примеров, особо близким для меня, была эволюция печатной машинки. От механической к электрической и затем появление *IBM Selectric*, со сменной шариковой головкой, что обеспечивало смену шрифтов и, в том числе, возможность печатать на русском. Эта шариковая технология смены шрифтов казалась верхом совершенства и скорости. Однако никаких исправлений или редактирования делать на машинке было невозможно – для этого имелись liquid paper: кисточкой замазывали ошибки и поверх печатали исправление. Мысли об ускорении и редактировании упирались в механические тупики.

И вдруг появляется word processing. То есть, небывалое разделение написания и печатания, когда сначала делается редактирование на экране компьютера, и только потом, когда всё готово, можно печатать. Таким образом, решение проблемы скорости и точности пришло со стороны совершенно новой, чуждой привычной механике.

Точно так же отчаянная борьба за сохранение лесов, которые уничтожаются для производства бумаги, идущей на газеты и журналы, книги и пр., зашла в тупик из-за невозможности победы над жадностью промышленности. Вместо того, чтобы добиваться вооружённой охраны лесов, вести войну с фирмами, производящими бумагу, решение проблемы явилось в электронных СМИ, книгах и почте. Спасителем лесов становится резкое снижение потребности в бумаге. Опять-таки решение приходит с абсолютно неожиданной стороны.

Самым злосчастным тупиком, о стенки которого разбились и разбиваются миллиарды голов, предстаёт неизбывная мужская нужда в доступных и разнообразных пиздах и прочих отверстиях. На протяжении веков эта нехватка кое-как решалась проституцией и женитьбами, изнасилованиями и соблазнениями. Сия умопомрачительная и неэффективная трата энергии на

добычу насущного наслаждения является причиной для преступлений и страданий, надежд и разочарований. Выход из этого тупика уготовлен не через попытки усовершенствовать методы соблазнения женщин, а небывалым и радикальным решением – лёгким и беззаботным клонированием женщин с помощью создания огромного количества красивых существ, запрограммированных только на страстную еблю. Так будет решена основная проблема наслаждения с помощью отделения прекрасного женского тела от препятствующей и потому ненавистной женской души.

* * *

Всё длится вечно. Ничто никогда не кончается.

Женская любовь к цветам

Почему женщины так любят цветы?

Испокон веков женщины стыдились рассматривать свою пизду, для чего требуется использовать зеркало. Кроме того им настойчиво и успешно внушали, что пизда уродлива, греховна и вонюча. Их естественная любовь к своей пизде, которая даёт им наслаждение и детей, была подавлена, вытеснена в подсознание и потому спроецировалась на цветы, так эстетически, а значит, приемлемо напоминающие пизды своим видом, запахом и сутью. Женщина любуется и нюхает цветы так, как ей бы хотелось любоваться и нюхать пизду.

Мужчина, дарящий женщине цветы, воспринимается ею как герой, возвращающий ей запретную, постыдную пизду причём возвращает он её наилучшим способом – бесстыдно её используя.

Чем более женщина свободно и любовно общается со своей пиздой, тем менее она умиляется цветами, а предпочитает спазмами выжимать свою пизду и члены в ней до последней капли.

Семенное с неизбежным выводом

Уже немало лет существуют банки спермы, куда мужчины сдают своё семя, которым могут воспользоваться безмужние женщины или женщины с бессемянными мужьями, желающие заиметь ребёнка.

Уже несколько лет как наука сообща с техникой также обучили людей совершать оплодотворение в пробирке и для этого тоже требуется обильное мужское семя.

Короче, спрос на сперму растёт.

Согласно иудео-христианским моральным устоям, добывать мужское семя следовало бы не с помощью безнравственного онанизма, а введением катетера в дырку хуя, высасывая сперму изнутри. Но так как на такую операцию было бы нелегко набрать мужчин, а тем, что согласились бы, пришлось бы платить за это втридорога, то вихляющая мораль решила закрыть свои гноящиеся глазки и разрешить мужчинам добывать сперму с помощью грязно-греховного онанизма.

Но это ещё не всё, на что аморальная мораль решила согласиться. Врачи и медсёстры, проводящие мужчину в комнатку, где он должен дрочить в баночку, широким жестом предоставляют ему порнографию в виде журналов и видео, чтобы он легче и обильнее извергнулся. Казалось бы, если мужчина добывает семя для своей жены, то он должен был бы смотреть не на движущиеся картинки незнакомых женщин, а на собственную жену, которая должна была бы зайти с ним в комнатку и развести ноги, куда муж бы уставился, дроча. Но этот изъезженный им вдоль и поперёк ландшафт не только бы не возбудил его, а лишь ещё больше усложнил бы процедуру добычи спермы. Поэтому мораль вынуждена и здесь принять, скрепя сердце (гнилой ниткой), ещё одну правду: наиболее сильно возбуждают мужчину лишь чужие женщины, пусть они даже не живые, а напечатанные на глянцевых страницах, то бишь – порнография.

И ещё одно: согласно косоглазой морали, это жена должна бы дрочить мужу, коль для своей семьи старается добыть сперму – а не перекладывать ответственность успеха на порнографию. Если же сперма идёт не для жены, а для спермобанка, то дрочкой должна заниматься хорошенькая медсестра для вящей эффективности.

Но мораль выбирает из двух грехов меньший: пусть работают мёртвые объекты проклятой порнографии, чем живые женские руки. Впрочем, от руки жены муж вряд ли кончит быстрее, а скорее – не кончит вообще.

Проблема добычи спермы для благородных целей с помощью мастурбации была решена ещё «Николай Николаевичем» Алешковским. Там ему помогала дрочить не порнография, а классический роман *Далеко от Москвы* вперемежку с волшебной ручкой Влады Юрьевны.

Разумеется, фантазии героев Алешковского об Америке опирались не на нравственные, а на финансовые заблуждения, и

потому жизнь в Америке им представлялась много свободней и богаче, чем есть на самом деле:

> В Америке пять раз струхнешь и машину покупаешь, —

утверждал международный урка. И с его слов Николай Николаевич воображал себя разбогатевшим на сперме:

> Я бы в Америке дачу давно уж имел на курорте, «Линкольн» и другую недвижимость.

Однако при $100 за один оргазм (ходовая цена в спермобанках) миллионером в Штатах не станешь.

Самым гуманным было бы осуществлять добычу спермы с помощью настоящей ебли, чтобы сперма попадала в специальный презерватив, из которого после его стаскивания она переправлялась куда надо. Тогда и процесс был бы естественный и радостный, и большинство мужчин были бы рады сдавать таким способом сперму даже бесплатно.

А делать надо бы так. В банк для добычи спермы нанимаются сексапильные девицы, которые заменяют собой порнографию и онанизм – они работают спермоприёмницами. Отобранные врачом мужики ебут девиц, кончая в напяленные презервативы, из которых сперма выцеживается в пробирки и прочие научные склянки. Ну а самим девицам врачи платят за каждую дозу полученного семени. Таким образом для проституции найдётся моральное и медицинское оправдание – и это было бы первым шагом на пути легализации проституции в США и прочих отсталых странах.

Но увы – этого не позволят жёны, попы, мораль и всё слабоумное и слабонервное американское общество, которое готово терпеть онанизм и порнографию, но проституцию как высшую меру наслаждения они применить к людям не смеют, в отличие от высшей меры наказания.

Пожизненные заключения

Пока медсестра приклеивала мне на грудь провода для снятия электрокардиограммы, я ей сказал, что чувствую себя, будто я нахожусь на электрическом стуле. Она снисходительно улыбнулась и сказала, что так шутят многие пациенты.

Я был неприятно ткнут носом в стереотипность своего мышления.

Когда после окончания процедуры сестра стала отлеплять от меня провода, я изловчился и выдал, что теперь у меня ощущение, будто смертный приговор мне заменили на пожизненное заключение.

Тут сестра сказала, что это она слышит впервые.

Это меня вдохновило, и я похлопал её по заду. За это она пригрозила мне электрическим стулом. Я на это снисходительно улыбнулся и сказал, что так грозят многие. Тогда она исправилась и предложила заменить стул на пожизненное заключение. По-видимому, она имела в виду женитьбу.

Я согласился, припомнив сравнение оргазма с маленькой смертью: тогда «пожизненность» становилась вполне терпимой.

А что до результата электрокардиограммы – то он провоцировал на нескончаемые воскрешения из маленьких смертей.

Женственность с молоком

У кормящей женщины воспаление груди – надо сделать разрез. У неё так много молока, что когда делают разрез, из него начинает капать не кровь, а молоко. Молоко из раны.

Рядом стоит муж – ему стало противно. Он предпочёл бы кровь. Мужчина…[39]

Непроходимое болото аналогий

Каждый человеческий (и не только) организм можно рассматривать как большой оркестр, который слаженно или вразнобой, талантливо или посредственно играет какую-то мелодию. Точнее, все организмы играют одну и ту же мелодию жизни, но только с бесконечными вариациями.

Каждый орган тела можно сравнивать с определённым инструментом. И как правило, все инструменты играют в удивительной гармонии, что являет собой здоровье. Дисгармония являет собой результат болезни.

Итак, всякий организм играет свою симфонию. Одноклеточный играет на каком-то одном инструменте, люди, и животные – это громадные оркестры, состоящие из множества инструментов.

Когда симфония заканчивается, оркестр распадается на составляющие. Но может легко собраться снова для нового концерта. Собраться, явив собой новый организм.

Гены – дирижёры. Композитор – бог.

Вопрос – кто аудитория? Для кого даётся этот концерт?

Из христианских приключений

Однажды я соблазнил вечно таскавшуюся по церквям девицу. Вот ебу её, и чувствую, как она радуется всем телом. Отстранился я от неё на минуту, чтобы её счастливым лицом полюбоваться, а она раскрыла сияющие глаза, улыбнувшись… и осенила меня крестным знамением. Меня это умилило, и я снова бесстрашно к ней прижался, доказывая тем самым, что я не дьявол.

Но больше всего ей было по вкусу, что я не ангел.

Ценообразование женщины

Если в Америке мужчина платит деньги женщине, стоящей на улице, за то, чтобы она ему дала, её и его судят за проституцию и пособничество ей. Государство считает, что накладывать денежную цену на доступность женщины – преступление.

Однако представим ситуацию, когда мужчина заплатил уличной женщине один доллар, и она ему дала – будут ли их судить? Нет, суд посчитает такую дешёвую однодолларовую «покупку» ничтожной сделкой, нереальной и не достойной для рассмотрения.

А если в той же ситуации мужчина даст женщине миллион долларов, то и тут эта огромная сумма будет настолько нереальна для улично-проституточного сценария, что снова до суда не дойдёт.

Всё это лишь свидетельствует не только о признании государством существования цены на женщину, но и о том, что государство активно участвует в определении этой цены: она должна быть больше доллара и меньше миллиона. Насколько больше и насколько меньше – не существенно.

Азы фантастики

Нравы в человеческом обществе качаются, как маятник: от консерватизма к либерализму и обратно. Подобная цикличность наблюдается в разных областях человеческого бытия.

Видимая бессмысленность этих раскачиваний обретает значимость, если представить, что человечество таким образом

приводит в движение какой-то генератор, производящий не ведомую нам энергию. Причём всё человеческое общество создано лишь как среда, осуществляющая вращение этого генератора.

Доведение истины

Очевидные истины становятся особенно доходчивы, когда они доводятся до абсурда. А потом оказывается, что абсурд тоже является частью очевидной истины. Так мы приходим к выводу, что истина – абсурдна.

Важность грамматики

Китайское проклятие:

– Желаю, чтобы все твои мечты

исполнились. Дружеское пожелание:

– Желаю, чтобы все твои мечты исполнялись.

Что позволено ветру…

Женщине разрешается, чтобы юбка вздымалась во время танцев, показывая её трусики. Однако самой женщине возбраняется задирать себе юбку на людях.

Что позволено ветру, не позволено человеку.

Более того, в кульминационной ситуации мужчине разрешается задрать женщине юбку для продвижения к цели. Если же женщина сама задирает себе юбку в той же критической ситуации, то её было принято считать безнравственной и развратной.

Таким образом, все могут задирать женщине юбку, а она её может только снимать.

Пернатый фейерверк

Приближающийся День независимости и устрашающий рост количества поджаренных гусей и уток подвиг меня на изобретение пернатого фейерверка. А делается это так:

скармливают птицам шутихи с дистанционным запалом. Затем в нужное время этих птиц шугают, и они в страхе взлетают высоко в небо, а там, по команде управляющих фейерверком, в красивой последовательности взрываются всеми цветами радуги.

Падающие красиво зажаренные останки становятся подарком голодному на зрелища народу.

Арифметика анатомии

Женщины в три раза губастее мужчин.

Прикладная философия

Женщина-философ, ебясь, всегда ощущала хуй как вещь в себе.

– Да здравствует Кант! – восклицала она в блаженстве, подразумевая cunt (пизду).

Русская классика

Письмо Лоханкина к Варваре[40]: «Я к вам пришёл – чего же боле?»

Воровство женщин

Вот две идиомы, описывающие воровство:

1) «приделать к чему-то ноги» (здесь вчера стоял ящик водки, так к нему «приделали ноги»);

2) взять то, что «плохо» лежит.

1. Поскольку к женщине ноги уже приделаны, то её чрезвычайно легко украсть у того, кто считает её своей. Своей, то есть присвоенной, что значит – ворованной. И тут же следует, согласно призыву «грабь награбленное», что женщина рождена для того, чтобы её регулярно выкрадывали.

2. «Плохо лежать» по отношению к женщине означает то, что я описывал в юности:

> Я – вор, оглядывающийся по сторонам,
> ту ищу, что плохо лежит,
> плохо – то есть одна,
> одна – то есть ждущая лжи.[41]

Таким образом, плохо лежащая женщина, это та, что лежит полая, пустая, не наполненная, а значит не получающая наслаждения. Такую женщину своровать – ничего не стоит, то есть женщину в похоти воровать незачем – её можно взять бесплатно.

Из всего этого следует, что женщину (будь она в похоти или нет) своровать нельзя, ибо она потенциально принадлежит всем мужчинам. И даже если она лежит не одна, а наполненная, то скорее всего лишь на треть, и без всякого воровства в ней найдётся место ещё для двух мужчин. А вскоре – и для трёх следующих.

Посему для искоренения воровства женщин мужчинам нужно просто научиться сотрудничеству и соблюдать очередь.

Сначала и потом

Сначала похоть называют любовью, а потом, когда похоть проходит, любовью начинают называть отсутствие похоти.

Отмежёвывание от черни

Все простые люди по фамилии Иванов, произносят свою фамилию с ударением на последнем слоге – Иванов.

Однако, писатели и художники с такой же фамилией отмежёвываются от черни и произносят свою фамилию с ударением на втором слоге – Ива́нов.

Оказывается, от перемены места ударения сумма впечатлений значительно меняется.

Сразу вспоминается анекдот:

> В портфеле носят документы, а в портфеле – документы.

Так сменой ритма достигается впечатлительная видимость различия.

Диапазон мужской любви

Мы, мужчины, любим всё, что приносит нам оргазм: прежде всего самого себя, потом все живые существа, с мокрыми,

горячими отверстиями и языками. Затем неживые отверстия, имитирующие живые. А потом – изображения существ с означенными характеристиками, пребывающие в порнографии и в собственных фантазиях.

Судя по широте охвата объектов, мужчины – весьма любвеобильны.

Главное правило торговли

Одно из главных правил в торговле – не называть цену первому, а выжидать, когда её назовёт торгующийся с тобой. Быть может, общество и ставит проституток на низший социальный уровень потому, что они первыми называют себе цену, и поэтому не получают максимально возможные деньги, которые они могли бы выжать из мужчины.

Порядочная женщина свою цену не называет, а позволяет мужчине начать торговлю и, торгуясь, наконец раздвигает ноги, давая знать, что цена стала приемлемой. Таким способом они могут заполучить гораздо больше, чем проститутка. А так как умение торговать является самым важным талантом в человеческом обществе, то приличные женщины, будучи лучшими торговками, забираются на высшие ступени социальной лестницы.

По той же причине общество обрушивается на секс несовершеннолетних, так как они вообще лишены умения торговаться и лишь следуют своей свежеобретённой похоти.

Но это недопустимо – бесплатная ебля подрывает фундамент человеческого общества.

Обратная связь

Венера разрешила мне прийти, хотя собиралась уезжать к клиенту. С меня она денег не брала – у нас были свои счёты.

Мы их свели, и тут Венера прорезается просьбой (не даром же она меня пригласила). На сайте, где добрые женщины себя рекламируют, их клиенты излагают свои впечатления от испытанного. У Венеры там сплошные восторженные отклики, да только вот один последний понаписал разных гадостных неправд из-за того, что Венера отказалась лизать его зад. Причём не вообще, а лишь за те деньги, которые были оговорены для совокупления. Дополнительные он платить отказался.

Вот Венера и попросила меня, чтобы я своим литературным

даром разделал бы этого мужика в пух и прах, вдоль и поперёк, вкривь и вкось, а также – спереди и сзади. Чтобы ощутить и нейтрализовать его грубость и чтобы его заметка не повлияла на безупречную репутацию Венеры.

Я предложил написать в стихах, но Венера сказала, что это будет перебором и что художественной прозы вполне достаточно.

Я пошёл отрабатывать полученное от Венеры наслаждение, а Венера – отрабатывать полученные от клиента деньги.

Благо, работа как у неё, так и у меня была творческая.

* * *

Мы с ней спим под ручку, и она ревнует меня к женщинам и звёздам, на которые я смотрю.

– Не мучайся несуществующим, – успокаиваю я её.

– Никогда не знаешь, что существует, а что – нет, – не успокаивается она.

* * *

Нарушение границ в художественном мире становится эстетически ценным только тогда, когда оно устанавливает новые границы.

Область…, нет – страна интересов

Меня не интересуют люди. Меня интересуют их половые органы.

Людьми лишь приходится интересоваться, чтобы добраться до их половых органов.

Изнасилование и материнство

Недавнее освобождение из 18 летного заточения Jaycee Dugard, которую выкрали в 11 лет и которая родила от насильника двоих детей, снова навело меня на мысли о детях, рождаемых в результате изнасилования. Выбора рожать или делать аборт у Jaycee не было, дочек она свято любит, они нормальные умненькие девушки, согласно её заверениям, и только благодаря им ей удалось сохранить силу духа.

Я уже писал о парадоксе[42], когда в результате изнасилования и несмотря на женскую ненависть к насильнику рождается огромная любовь к ребёнку – результату этого ужасного, как его принято называть, события.

Если изнасилование (преступление) рождает великую любовь (ребёнка), то можно ли сказать, что нет худа без добра, или это будет восприниматься кощунством?

Но теперь я задумался над другим вопросом: почему одни женщины абортируют зародыш, возникший в результате изнасилования, а другие оставляют его жить?

Даже самые заядлые антиабортщики часто делают исключение и позволяют женщине сделать аборт в случае изнасилования.

По-видимому, женщина, зачавшая от насильника, предчувствует, что может полюбить родившегося ребёнка, но в то же время будет постоянно видеть в ребёнке образ его ненавистного отца-насильника. Вот почему изнасилованная женщина не хочет иметь ничего общего с ненавистным мужчиной (мужчинами) и делает аборт.

Однако немало женщин, которые, зачав от изнасилования, решают оставить ребёнка. Можно ли объяснить это решение тем, что с течением недолгого времени происшедшее насилие начинает представляться для женщины не таким уж и ужасным. Тогда становится понятным, что она радуется ребёнку и любит его.

Решение женщины оставить после изнасилования ребёнка или сделать аборт определяется её отношением к случившемуся – если изнасилование представляется ей истинной трагедией, то она сделает аборт. Так, если женщину истязали при изнасиловании, унижали и подвергали всяческим мучениям, то она скорее всего не оставит ребёнка.

Если же изнасилование было без нанесения увечий, а ещё лучше – было идеальным[43], то тогда вполне естественно, что женщина может решить оставить ребёнка.

Таким образом, решение женщины родить и её любовь к ребёнку, зародившемуся в результате изнасилования, есть указание на то, что само изнасилование было для женщины не таким уж и страшным.

Ещё одно определение любви

Любовь – это обречённо скоропалительная похоть, но с романтическими притязаниями на её долгосрочность.

* * *

Цветок растёт на дерьме. И цветок прекрасен, и дерьмо полезно.

Драма происходит тогда, когда цветок втаптывают в дерьмо. А драма состоит в том, что это многим представляется комедией.

Как есть и как должно быть

Согласно американскому сексуальному правосудию, каждая сука может пожаловаться, что её изнасиловали и ей поверят на слово, на синячок, на царапину – и засадят мужика чёрт знает на сколько до суда. А потом, после неизбежно обвинительного приговора – на четвертак, а то и пожизненно. У большинства нет денег на залог, у большинства нет денег, чтоб нанять хищную стаю адвокатов, которые проверят показания бабы и пронюхают её подноготную. Это значит, что любой мужик может стать жертвой сумасбродной истерички, злобной сучки, жадной подлюги, которые развелись, как мухи, на говне поликорректности, – а такими в Штатах пруд пруди.

Справедливость одна – если нет увечий, то это не изнасилование. Сила всегда оставляет явные следы.

Девушки же должны воспитываться в прекрасном убеждении, что в любом случае лучше дать, чем не дать, что от любого хуя можно получить если не оргазм, то удовольствие, – главное – не забеременеть и не заразиться, а для этого она должна быть всегда готова: быть в противозачаточном состоянии и иметь при себе презервативы.

А если баба явится с жалобой, то в каждом полицейском отделении должна лежать шпага в ножнах. Все полицейские будут обучены инсценировке, некогда произведённой не помню какой из французских королев, когда к ней прибежала придворная дама жаловаться, что её изнасиловал гусар. Следователь, убедившись, что на женщине нет никаких телесных повреждений, а только рот, зад и влагалище сочатся спермой, даёт ей шпагу, а сам держит ножны и приказывает бабе вставить шпагу в ножны, и в тот момент, когда та старается заполнить остриём отверстие, начинает вилять ножнами из стороны в сторону. Разумеется, вставить шпагу в ножны бабе никак не удаётся.

– Вот видишь, – говорит полицейский следователь, – ты насильно шпагу не вставишь, если я не позволю.

Баба делает движение, чтобы театрально заколоться шпагой, но полицейский вовремя её отнимает…

– А теперь, – с напором продолжит следователь, – прочитай эссе Михаила Армалинского «Идеальное изнасилование». Он подводит «изнасилованную» к компьютеру, выходит на страницу http:// www.mipco.com/win/GEr211.html и приказывает:

– Читай вслух!

Баба начинает читать всё с растущим воодушевлением, и когда она, уже просветлённая, произносит последнюю фразу, все служащие полицейского отделения не смогут удержаться, чтобы не прослезиться и не разразиться аплодисментами.

В качестве благодарности женщина предлагает полицейским, чтобы они её изнасиловали, ложится на пол и разводит ноги. Полицейские становятся в очередь, вознося молитвы благодарности Михаилу Армалинскому.

Женщины-полицейские становятся полукругом вокруг лежащей, готовые придти ей на смену.

Занавес.

Умудрённость

Сексуальное образование женщины сводится к тому, чтобы научиться достигать оргазмов легче, чаще и во всевозможных позах.

Сексуальное образование мужчины сводится к тому, чтобы научиться не кончать как можно дольше, в каких бы позах он ни был.

> То есть умудрённые женщины получают максимум наслаждения, а умудрённые мужчины его всячески избегают.
>
> Поэтому только невежественный мужчина благодарит бога, что он рождён не женщиной.
>
> Поэтому умудрённая женщина говорит с улыбкой, что никогда не поменялись бы местами с мужчиной.

В отличие от страданий, сокращающих жизнь, наслаждения её продлевают, вот почему женщины и живут дольше мужчин.

Скатолицизм

Католицизм запрещает развод, чтобы жизнь в ненавистном браке становилась поистине адом и чтобы церковь могла утешить раем после смерти-развода. Так церковь «направляла и строила в ряды» христиан с петлёй на шее.

В память о любимой инквизиции католикам надо было бы ввести закон, по которому убивали детей у тех супругов, что решили развестись. Тогда о разводах и не помышляли бы во славу того же Христа, святого духа и прочего духовенства.

Про лесбиянок и гомосексуалистов

Лесбиянки нередко используют искусственные хуи, которыми они ебут своих подружек или себя. Гомосексуалисты, напротив, не покупают искусственные пизды – им вполне хватает собственных хуев, задов и ртов.

Из этих фактов следует, что женщины, включая даже лесбиянок, всегда остаются зависимы в наслаждении от мужчин, даже полностью пренебрегая общением с ними, тогда как мужчины могут быть вполне самодостаточны.

Хитрость женских татуировок

Многие женщины делают татуировку на заду, на спине, на тыльной стороне шеи, то есть на тех местах, которые они сами не видят. Выбор «задних» мест происходит для того, чтобы, когда их ебут сзади, мужчины отвлекались на изучение татуировки и благодаря этому мужской оргазм задерживался бы, и тем самым наслаждение женщины продлевается.

Истинная любовь

Любовью часто называют сексуальное и прочее предпочтение одного индивидуума всем прочим.

Мои знакомые в Германии (благословенной стране свободной проституции) рассказали мне хорошо известный там случай в качестве примера диковинного извращения. Однако для меня он послужил лишь необычным примером истинной любви.

> Один богач был влюблён в проститутку, живущую в дорогом публичном доме. Любовь его выражалась весьма специфически. Каждое утро его камердинер являлся в публичный дом за тортиком со свежевыделанным

дерьмом любимой проститутки. Что делал заказчик с содержимым горшка – оставим на воображение читателя. Но в одно хмурое утро у проститутки был запор, однако хозяйка решила не пропускать хорошую плату за дерьмо и попросила наполнить горшок другую проститутку. Камердинер принял сосуд и отправился к хозяину. Однако через некоторое время он вернулся с горшком в руках и объявил хозяйке, что произошло недоразумение: содержимое горшка не соответствует содержимому дамы сердца заказчика и вернул купленное, а хозяйка пообещала ему завтрашнюю порцию дать бесплатно в качестве компенсации за недоразумение. Тем не менее, бедный влюблённый остался с разбитым сердцем на весь день.

О чём же говорит эта история как не об истинной любви? Мужчина предпочитал одну женщину всем прочим и, следовательно, – содержимое только её тела. Дерьмо является частью тела только до тех пор, пока оно находится в нём, а выйдя из тела дерьмо становится самостоятельной субстанцией, но несущей в себе все характеристики тела, из которого оно родилось.

Влюблённый не мог или не хотел иметь при себе любимую женщину целиком, но зато ежедневно имел отделяющуюся часть её тела, которой он отдавал всю свою любовь. Причём способность различать и выделять любимую из массы женщин переносилась и на её выделения, которые несли именно её неповторимые черты. Романтическая разлука с любимой «снималась» её незаменимыми и регулярными испражнениями.

Живее любви на расстоянии не придумать – уж всяко лучше фотографии в рамочке, мозолящей глаза на ночном столике.

Пределы стыда

Итак, мечта бабы сбылась – её ебут двое, и она счастлива.

Расцепились, лежат, чуть отдыхают. Вдруг входит третий, сюрпризом приглашённый первым. Баба хвать подушку и в стыде прикрывает свою грудь. Третий подсаживается на кровать, знакомится, целуя её в губы, между тем первый подлизывается к клитору, а второй – к заду, и подушка бабой отбрасывается, как уже ненужная, она радостно заглатывает хуй третьего, пока тот сжимает её открывшиеся груди.

После некоторого времени счастья снова все переводят дух, и

тут входит четвёртый, опять-таки сюрпризом. Баба по-прежнему хватается за подушку – грудь от стыда прикрывать. Первый думает, на каком же по счёту мужике она, наконец, перестанет стыдиться?

И тут реальность полового бытия вступила в действие – пятый мужик вошёл, когда ебля была в разгаре, и в это время бабе было уже просто не до стыда: она, даже не посмотрев, кому принадлежит хуй, всосалась в представший перед ней новый.

Но это вовсе не значило, что она была безразлична к лицам ебущих её – когда баба чувствовала, что один из мужиков близок к оргазму, она упиралась жадным взглядом в его лицо, и лишь только оно заплывало наслаждением и мужик начинал стонать, всаживая изо всех сил хуй в её отверстие, баба кончала сама. Особенно наглядно это было, когда кончал мужик, ебутций её, стоящую на четвереньках, сзади, а она пока сосала хуй другого. Когда она чувствовала, что мужик сзади готовится излиться в неё, она отрывалась от хуя, поворачивала голову назад и вперялась в лицо кончающего немигающим взглядом.

Когда в этот момент вошёл шестой мужчина, она на него даже глазом не повела.

Получалось, что стыд – это лишь свидетельство недостатка или просто отсутствия наслаждения.

Всегда родная

От тоски смертельной утешая,
поселясь в моей душе пустой,
мне являлась женщина чужая,
но всегда с такой родной пиздой[44].

Почему мужчина может любоваться зрелищем разведённых женских ног, этой трёхдырочной плотью (учитывая скрытую уретру), и быть полностью поглощённым её сутью, не осознавая её, и не думать ни о лице обладательницы этих commodities[45], ни о её характере, ни о душевных качествах? Единственное, что хочется, глядя на эту фотографию – это погрузиться в глубину видимых отверстий, ощутить чудо их объятий и любоваться, лапая, поверхностью плоти, обрамляющей их.

Завораживающее, гипнотизирующее действие таких фотографий доказывает, что они апеллируют к истинным чувствам мужчины, которые концентрируются на бёдрах женщины, на их доступности хотя бы взгляду.

В обществе же всё перевёрнуто с бёдер на голову – женщины соблазняют лицом, ужимками, цель которых – стать своднями, ведущими к бёдрам. Любуясь лицом женщины, мужчина мечтает о её пизде.

Разумеется, что всегда найдётся одна-две женщины, в которых для нас ценно лицо и прочие аксессуары, но во всех остальных бесчисленных ситуациях междуножье воплощает сексуальную вселенную мужчины. Есть извращенцы, которые предпочитают любоваться какими-то иными частями женщины, например, её пальцами на ногах, её подмышками, её руками и грудью, но такие люди существуют лишь потому, что им когда-то жестоко запретили взирать на суть и стремиться к ней, и поэтому они перенаправили свою похоть на суррогаты.

При такой всеобщей завороженности мужчин этим восхитительным ландшафтом задача человечества сводится лишь к одному – создать такое обилие этих ценностей, чтобы они были всегда доступны не только зрению (чего уже добилась современная порнография), но и осязанию, обонянию и слуху, что станет возможным лишь при массовом производстве клонов.

Когда мы видим прекрасную актрису, отвечающую на вопросы в интервью, или произносящую собственные мысли, мы в большинстве случаев дивимся заурядности её ума или просто глупости. Мы привыкли отождествлять актрису с ролью, которую она играла, со словами, которые она произносила. А ведь роль и слова-то были не её, а автора сценария, который их написал – вот кто поистине талантлив, а подчас и гениален.

Бог написал потрясающую роль для женщины, которую она бессознательно и гениально исполняет. Когда мы видим женские гениталии, мы видим волшебный текст, написанный богом. Однако стоит ей спрятать свои половые органы и начать говорить собственные слова, то, как правило, с души воротит слушать её и видеть, а особенно в те краткие или долгие времена уже наступившей удовлетворённости. И если ты терпишь женщину, то лишь в предвкушении, что она вскоре снова заворожит тебя словами-отверстиями, которые создал для неё бог.

Но как бы гениальна актриса ни была, она, играющая одну и ту же роль, начинает нам надоедать и лишь новая актриса, с новым талантом исполняющая ту же гениальную роль, освежает наш интерес к ней.

Бенджамен Франклин писал, что женщина начинает стареть сверху вниз, сначала старость поражает лицо, потом грудь и тело, а то, что между ног – стареет последним и поэтому у немолодой женщины пизда не хуже, чем у молодой. Он советовал накрыть голову пожилой женщины корзинкой и ебать всласть, а пожилая

женщина будет более умела и благодарна, чем молодуха. То есть, другими словами, Франклин в каждой женщине видел «всадницу без головы», а лишь с пиздой.

Любая женщина обладает таким волшебством, вне зависимости от её лица и прочего – и именно в этом женская сила и слабость, власть и бессилие, красота и уродство, сладость и горечь (солоноватая). Всякая женщина выглядит однозначно значительно, если её раздеть и установить в нужную позу. И только этот образ женщины является её истинным. Настолько истинным и главнейшим, что его запрещают, именуют непристойным, аморальным, а в некоторых странах наказывают на него смотрящих, а кое-где даже убивают. Ибо на сокрытии этой правды, на песке антисексуальной лжи построено общество.

Что же это за волшебство (для многих злое волшебство), которое вызывает в людях столько восторга, часто открытого, а нередко и переродившегося в ужас, ненависть и злобу?

Порнография призвана помочь нам осознать это волшебство и помнить о нём, а потому порнография есть важнейшая улика, главный козырь, безупречное доказательство женского предназначения. Именно поэтому довлеющая мораль, уличённая во лжи, как злобный тиран вымещает злобу на невинном вестнике неугодной информации, на вестнике-порнографии (to kill the messenger).

Медленный свет

Учёные обнаружили, что некие частицы могут передвигаться со скоростью, превышающей_световую. Многие почему-то восприняли это как удар по Эйнштейну.

А это всего лишь ещё один удар по балбесам, которые верят в существование аксиом, тогда как любая аксиома – это условность, демонстрирующая ограниченность нашей способности мыслить, ибо мыслить мы можем, только подложив под свою жопу краеугольный камень. Но каждый камень когда-то разрушается или находится сила, его выковыривающая из фундамента. Бесконечность стирает любой камень в песок, и оказывается, что теория была возведена не на краеугольном камне, а на песке.

Всякое провозглашение какой-то «постоянной» должно приниматься с ухмылкой, ибо бесконечность вселенной гарантирует, что из любой постоянной можно сделать переменную, что любая аксиома действует на ограниченном расстоянии и времени, что любой закон можно нарушить и установить новый.

В морали такое нарушение называется грехом, а в сфере юриспруденции – преступлением.

Как Эйнштейн совершил «грех» по отношению к Ньютону, так нынешние учёные совершили «грех» по отношению к Эйнштейну.

Пора морали брать пример с физики. Ведь «грех» Эйнштейна не уничтожил теорию Ньютона, а лишь очертил границы её применения, за пределами которых начинала царствовать иная теория. Так и современные физики не уничтожили теорию Эйнштейна, а лишь отняли у неё притязания на повсеместность.

В сексе происходит нечто подобное: гомосексуализм не отменяет гетеросексуальность, а лишь указывает на существование её пределов, и анальный секс не уничтожает вагинальный, а лишь открывает новые наслаждения. Так и групповой секс одних может существовать во времени наряду с воздержанием у других, но на разных пространствах.

А вот мораль пытается уничтожить сосуществование различных теорий и практик, тем более религиозная мораль – она старается установить незыблемые моральные аксиомы и требует у людей сопротивляться реальности, жизни, уничтожая тех, кто своим поведением доказывают ущербность данной моральной догмы.

В итоге всякое моральное преступление – это всего лишь действие, демонстрирующее ущербность моральной догмы, ограниченность территории её влияния.

Значит где-то существуют вселенная, где самым ужасным грехом является воздержание, а вторым по ужасности – сексуальная верность.

Но для того, чтобы попасть в эту вселенную, медлительному человеку надо научиться передвигаться со скоростью, превышающей скорость света, а человек по-черепашьи пока ещё даже к скорости света не приблизился и лишь продолжает барахтаться в аксиоме вечной верности.

Объясняйте как хотите

Чем больше было у него любовниц, тем больше он любил свою жену.

Разоблачение

Пошла мода на женские фонтанчики – бабы хвалятся, что умеют squirting – то есть пускать струю пиздяной жидкости, что

якобы есть знак их огромного возбуждения-наслаждения. Многих мужчин это действительно ужасно возбуждает. Но тот, кому посчастливится стать свидетелем женского гейзера, как правило старается, чтобы эта жидкость не попала ему в лицо, и не дай бог – в рот. Любители предпочитают наблюдать со стороны, как за диким зверем.

Почему же женское фонтанирование стало возбуждать так сильно, что оно стало критерием искусной любовницы?

Уж не потому ли, что женское «нетипичное извержение» напоминает мужчинам типичное мужское, которое им так хочется узреть и вкусить по бисексуальным соображениям?..

Однажды я с приятелем ублажал девицу, которая принесла с собой три полотенца, сложила их толстой стопочкой и подложила их себе под зад, с гордостью сообщив, что даже их может не хватить для её фонтанирующей пизды.

И действительно, она прыскала время от времени вполне внятной струёй, обдавая ею то мои, то приятельские бёдра. Причём она могла это делать произвольно, по нашей команде.

Я решил вникнуть в происходящее, пока она сосала хуй моего друга, а я её, лежащую на спине, ёб. Она то и дело попрыскивала, заливая мой лобок. Тогда я вытащил хуй, приник взглядом к её пизде, растянул широко её малые губы, сфокусировался на преддверие влагалища и на дырочку уретры и скомандовал: «Squirt!»

Женщина послушно выдала струю, которая выплеснулась из уретры, а вовсе не из влагалища. Фонтанчик был мочевой, а не из пиздяных соков.

Так что миф (во всяком случае этой бабы) был разоблачён.

Когда я сказал ей об этом, она восприняла моё открытие как оскорбление. И мне пришлось её долго убеждать, что моча женщины ничуть не хуже её пиздяных соков.

Приятель мой тоже огорчился от разрушенной иллюзии. За несколько минут до моего разоблачения он набрал полный рот бабьей жидкости, которую она испустила, пока он лизал ей клитор. Часть он вынужден был проглотить и теперь ему приходилось брезгливо переосознавать проглоченное. Пиздяные соки ему казались более съедобными, чем женская моча.

Что ж, мы всегда предпочитаем одну иллюзию другой.

Разделение женского труда

Когда с любовницей пытаешься вести себя, как с женой, то это кончается крахом – женитьбой.

Когда с женой пытаешься вести себя, как с любовницей, то это тоже кончается крахом – разводом.

Задача – не смешивать женские функции, а уважать феномен разделения женского труда: любовница должна работать любовницей, а жена – работать женой. Именно тогда производство как семейного, так и сексуального наслаждений будет максимальным.

Кастрирующие кастраты

США давно славятся своими антигуманными сексуальными законами, построенными на лицемерии, ханжестве и страхе перед еблей, которые начётнически обосновываются куцыми цитатами из Библии. США успешно конкурируют с теми странами, которые имеют подобные же антисексуальные законы, но обосновываемые куцыми цитатами из Корана. И если в Саудовской Аравии за измену побивают камнями, то в Америке – айфонами и айпэдами.

Сексуальное и прочее совершеннолетие в Америке определяется государством в 18 лет. По наступлению этого срока людям разрешается жениться, плодить и воспитывать детей, идти в армию и отдавать жизнь за родину, разрешается демократично выбирать своих пастухов и надзирателей. То есть, с восемнадцати лет парням и девушкам разрешается всё, что позволено взрослым людям. Но при одном существенном запрете: покупать и потреблять спиртные напитки позволяется в США только с 21 года.

Что же это за ужасающее действие —

> …выпил рюмку, выпил две – закружилось в голове»,

—

требующее такой ответственности и такой самодисциплины, которые, по мнению государства, у 18-летних, 19-летних и 20-летних начисто отсутствуют и только к двадцати одному году нехотя и с трудом вылупляются?

Отечество жадно и с удовольствием возьмёт твоё здоровье или даже жизнь, опрометчиво предоставленную для военных действий, но за выпитую бутылку пива тебя могут посадить. Этим изуверством закон не ограничивается – магазин или бар, продавший 20-летнему бутылку пива, может быть закрыт, а мужик, угостивший вином свою 19-летнюю любовницу, будет посажен за спаивание не достигшей выпивошного возраста сучки.

Я всё недоумевал, в чём же смысл этого буквально безумного закона, но оказалось, что и в нём имеется подлый

антисексуальный расчёт. Я понял, почему этот закон столь важен для Америки и его не отменяют до сих пор, а наоборот – изо всех сил злорадно применяют.

Дело оказывается вот в чём. Когда бабе наступает 18 лет, государство просто уже вынуждено позволить ей ебаться, как она того захочет. С 18 лет парни-школьники тоже смогут официально ебать своих училок. Но свобода эта во многом формальная, так как подавляющее большинство людей в Штатах воспитаны сексуальными ублюдками – они живут в ужасе, позоре, грехе и стыде перед свободной еблей. Поэтому молодёжь перед спариванием выпивает, а часто напивается, чтобы скинуть с себя узы морали, чтобы расслабиться и получить наслаждение без чувства вины и стыда. И тут ввязывается государство: запрещая пить, оно тем самым резко ограничивает доступность ебли, потому как на трезвую голову многие девицы и парни совокупляться застесняются, начнут прикидывать, «любит – не любит», планировать долгосрочные отношения, короче, без водки им станет легко придавить свою похоть. А значит – совокупление не состоится и государство восторжествует.

Кроме того, использование алкоголя для соблазнения девиц – один из самых доступных и эффективных методов, и потому государство подвешивает дамоклов меч над каждым мужиком, который захочет затащить девицу, не достигшую 21 года, в постель. Этот закон обкладывает минными полями бары, рестораны и винные магазины, тщательно следя, чтобы всем, кто моложе 21 года, не подавали и не продавали ничего спиртного, а следовательно – не соблазняли на еблю.

Разумеется, что этот закон постоянно обходят и нарушают, но он вовсе не номинальный – то и дело, там и сям возникают судебные преследования за продажу спиртного или распивание с не достигшими 21 года. И людям калечат здоровье и судьбу за бокал вина или бутылку пива.

Америка – прекрасная страна, и можно восхищаться её звонким демократическим голосом, но голос этот – голос кастрирующих кастратов из бессчетных церквей и прочих пыточных храмов.

Все любят всех

Гетеросексуальные отношения разъединяют людей, ибо мужчины отвращаются от хуёв и тем самым возводят между собой грозные стены.

То же самое и между гетеросексуальными женщинами,

которые отвращаются от пизд и держат подружек на расстоянии обмена сплетнями.

Гомосексуальные отношения тоже разъединяют людей, так как проводят непересекаемую границу между мужчинами и женщинами. Лесбиянки не подпускают хуи к своим пиздам, отгораживаясь от мужчин, а гомосексуалисты не подпускают к своим хуям пизды, отрекаясь от женщин.

Получается, что только одни отношения объединяют всех людей – это бисексуальные отношения, в которых все могут любить всех.

Подноготная вежливости

Мужчина встаёт, когда входит женщина или вступая с ней в разговор, чтобы неосознанно имитировать эрекцию, показывая вставанием, что женщина его возбуждает. Если же мужчина остаётся сидеть, то женщина подсознательно оскорбляется тем, что мужчина на неё не встаёт.

То же самое – когда мужчина снимает шляпу, приветствуя женщину или вступая с ней в разговор – он имитирует оголение головки члена, что происходит при эрекции у необрезанного. Не поэтому ли евреи и мусульмане всегда носят шапочки, которые компенсируют на голове отсутствие у них крайней плоти на головке? То есть необрезанные снимают головной убор, а обрезанные надевают, оповещая женщину, что у них головка уже обнажена или жаждет обнажиться, чтобы нырнуть с головой в…

Зависимость от порнографии у женщин

До сих пор только мужчин стращали хронической зависимостью от порнографии и обвиняли в этой зависимости. Опостылые жёны и любовницы ревновали своих самцов к мониторам с всегда доступным разнообразием женской красоты. Одинокие мужчины стали наслаждаться своим одиночеством и решили перестать быть зависимыми от прихотей пиздовладелиц с помощью электронных пиздодавалиц со всегда разведёнными ногами на цветастом мониторе.

Но вот в моей родимой Миннесоте обнаружилась 18-летняя девица, которая из-за своей зависимости от порнографии стала заниматься ограблениями. Теперь ей, несчастной, придётся сидеть в тюрьме и мастурбировать уже без всякой порнографии.

Личико девушки за вычетом прыщей и с прибавкой

правильной косметики было бы весьма привлекательным. Но даже с прыщами и без всякой косметики она могла бы в романтической темноте щедро удовлетворять желания множественных самцов, а заодно и свои. Так любительница порнографии могла бы заработать на неё деньги, что было бы весьма логично: ебаться в кровати, чтобы любоваться еблей на мониторе. Но увы, похотливая девушка вынуждена была пойти по мужскому пути грабежа, вместо исконно женскому пути – проституции.

Неудивительно, что о зависимости женщин от порнографии предпочитают не говорить – ведь зависимость от порнографии у женщин значительно сильнее, чем у мужчин. Мужчина кончил разок и, удовлетворённый, пошёл пить или спать. А женщина, способная на множественные оргазмы, будет любоваться порнографией днями и ночами, изнуряя себя непреходящим возбуждением до такой степени, что никакой монитор не выдержит и сгорит на вечном огне женской похоти.

И пойдёт перманентно голодная женщина воровать, грабить и убивать. Причём прежде всего – мужчин, которые установили мораль и законы, запрещающие женщинам заниматься многопартнёрной, благодатной еблей и благотворной проституцией.

Если для многих мужчин порнография – это заменительница женщин, то для женщин порнография – это провокация на бунт против мужчин.

Цена одержимости

Только всепоглощающая одержимость позволяет приблизиться к той или иной идее достаточно близко, чтобы постичь её до нового небывалого уровня проникновения.

Однако одержимость эта влияет на характер людей и часто делает их асоциальными, то есть сторонящимися народного большинства. Например, великие математики всегда находятся на грани сумасшествия или преступают эту грань, так как абстракции, с которыми они имеют дело, уводят их слишком далеко от земных дел.

Подобное происходит и в сексе – глубокое в него проникновение запрещено обществом и делает из великого исследователя секса преступника, тем более если он не только теоретик, но ещё и практик.

Метаморфоза обоняния

На первых порах желанная женщина отовсюду источает аромат, но по мере исчезновения желания она начинает вонять.

Женская скромность

Женский аргумент сопротивления – «вас много, а я одна» – основан на недооценке собственных возможностей, иными словами – на обыкновенной женской скромности.

Умность

Время – вездесущно. А пространство и всё находящееся в нём есть доказательства этой вездесущности.

Пояса – кольца

Общеизвестно, что смысл обручальных колец – это сообщить миру: «Я ебу только одну» и «Я даю только одному», а также напоминать друг другу: «Я ебу только тебя» и «Я даю только тебе».

Это всего лишь облегчённая форма женского и мужского пояса целомудрия, но который держится не на амбарных замках, а просто на честном слове. Потому-то супруги изменяют направо и, особенно, налево, снимая кольца на время измены или не обращая на них никакого внимания.

Так что правильнее было бы невесте одевать кольцо на хуй жениха, а жениху продевать кольцо в малые губы невесты. Разумеется, прилюдно. И конечно же, в богоугодных заведениях. Но – чисто символически. А потом бы новобрачные заглатывали эти кольца и перековывали бы их на орала. А точнее – перегрызали на оральное.

Ненависть к играм

Я не люблю игры. Например, в шахматах я не способен продумать далее двух ходов вперёд. Да и то делаю это с ошибками. Любое долгосрочное продумывание: что будет, если так, и как будет, если эдак – меня раздражает из-за того, что я не могу удержать в голове больше пары комбинаций. Да и вообще, надуманные правила любой игры меня злят, и самым интересным

мне кажется пренебрежение правилами игр ради достижения заинтересовавшей цели. То есть смахнуть фигуры с шахматной доски (по-бендеровски) – и стать чемпионом мира по нешахматам.

Разумеется, мне более всего ненавистны игры соблазнения, и поэтому идеальной формой общения с женщинами мне представляется такая универсальная ситуация: ты подходишь к приглянувшейся и спрашиваешь: ты хочешь добровольно испытать оргазм или через силу? Если она отказывается сразу раскрыть все свои отверстия, то преобладающая сила берёт своё.

Так становятся чемпионом мира по несоблазнению.

О счастии всего человечества

При том всеобъемлющем внимании как в сознании, так и подсознании, которое уделяет человек сексу, само занятие сексом составляет в жизни издевательски ничтожное время (за исключением ежедневно работающих проституток и профессиональных порноактёров). Проведены высшематематические подсчёты, показавшие, что у подавляющего большинства людей секс занимает в среднем за всю жизнь максимум одну минуту в день. И вот, из-за этих считанных минут, человек тратит столько мысленной и физической энергии, чтобы добыть столь желанное и необходимое наслаждение.

Таким образом, округляя, можно заключить, что на 0,00001 процент жизни тратится 99,9999 процентов жизненной энергии. Такой КПД является позорным, унизительным, антигуманным и я бы даже сказал – садистским. Более того, этот ниже нижайшего КПД является причиной всех несчастий человечества.

Из этой очевидности вылезает задача обеспечения истинного счастья для человечества – увеличить время сексуальных наслаждений у всех людей хотя бы до 50 процентов общего времени жизни. Вот тогда жизнь станет поистине счастливой, ибо человек уже давно доказал своим поведением, что нет большего счастья, чем ебля, и что истинная красота открывается людям именно в сексуальном наслаждении, ибо лицо любой и любого становится поистине прекрасным во время приближения к оргазму, не говоря уже – во время.

Кроме того, при 50 процентах наслаждения в жизни не останется ни времени, ни желания на преступления, на войны или на депрессию. То есть задача человечества вырисовывается очевидно и однозначно: с помощью изготавливаемых на конвейерах клонов сделать пизды, хуи и жопы в таком обилии и

доступности и с такими очаровательными лицами над ними, чтобы земля, а не пресловутые небеса, стала раем.

И тогда уж точно все инопланетяне на разных там НЛО-UFO ринутся к Земле, чтобы присоединиться к счастливой жизни землян.

Прелесть игр

В шахматах и других играх все правила постоянны и непоколебимы: нарушать их нельзя, иначе тебя выбросят из игры и это будет проигрышем. Из-за точных правил в играх появляется реальная возможность предсказаний, что невозможно в жизни, в которой сплошные исключения из правил.

Потому-то люди и любят игры, так как, усвоив и соблюдая правила игры, действуя целенаправленно и настойчиво, ты можешь стать победителем. Гарантия победы при следовании фиксированным и незыблемым правилам наполняет игрока страстью к игре. Игра – это идеальная жизнь.

Однако в реальной жизни истинными победителями становятся лишь те, кто нарушают правила. В науке и искусстве это называется открытием, а в уголовном кодексе – преступлением.

Качество и стиль

Я пишу так, что комментарии – излишни.

Мой приговор морали

Мораль талдычит: сначала дружба, и только потом – ебля. Тогда как всё должно быть наоборот – сначала ебля, а потом, может быть, и дружба.

Наслаждение ебли гарантировано, поскольку у всех есть половые органы, и они рефлекторно реагируют наслаждением на прикосновения, причём с первого взгляда.

В то же время, для установления дружбы требуется много всевозможного: взаимная симпатия, общность интересов и целей, время для общения и т. д. А потому настоящая дружба рождается нелегко.

Если ставить скорое и гарантированное наслаждение ебли в зависимость от установления маловероятной дружбы, то тогда

чётко вырисовывается задача морали: она состоит в том, чтобы сделать еблю тоже маловероятной.

Таким образом, мораль препятствует людям ебаться, но зато сама ебёт людей напропалую.

Это ещё одно доказательство того, что мораль давно пора судить за изнасилование человечества и приговорить её к смертной казни через массовые и повсеместные оргии.

О движущихся

О некоторых мужчинах говорят с пренебрежением и с иронией: он ебёт всё, что движется. А ведь это самое большое, что может совершить мужчина.

Для всех, кто движется.

Гимн красотище

В районе красных фонарей было хорошее телоснабжение. Повсюду ходили дуры в обтяжку. Пускались во все тяжкие, не тужа.

В итоге хуй слонялся по влагалищу туда-сюда пока хозяин надевал и снимал с пальца обручальное колечко сфинктера.

Прежний хуй смылся, а этот им умылся. Ведь влагалище есть ристалище для сперматозоидов.

Пизды гармошка пахла красотой и от неё исходило влажное сияние.

Красота моделей

Модели (манекенщицы) шляются вовсе не для того, чтобы показывать шмотки, косметику или какой-либо иной товар. Нанимают моделей, чтобы демонстрировать их красивые лица и тела под предлогом демонстрации товара. Товар будет продаваться, каким бы он ни был, если его связывают с красивой женщиной.

Доказательство третьестепенности одежды, которую демонстрируют модели, состоит в том, что если бы это же платье носила уродливая женщина, то на него вряд ли бы обратили внимание. Женщины продают не товар, а своё тело, и только в последний момент подменяют его товаром. Мораль не позволяет покупать тело, а потому народ купит всё, что к этому тело

прикоснулось или приобщилось, то есть на товаре видят след, остаток, часть той женской красоты, которая этот товар собой освятила.

Вот как велика сила красоты, что используя её лишь обиняками, и то удаётся водить народ за нос куда вожакам вздумается.

А насколько сладкой станет жизнь, когда этой красоты вокруг будет, как грязи!

Дела табачные

Вслед за советскими папиросами *Беломор* в Польше выпустили папиросы «Освенцим», а в Германии – сигареты «Дахау».

После войны советские и польские надсмотрщики собирались у могил немецких надсмотрщиков и раскуривали трубку мира.

Моральное преимущество анального секса

Моральное преимущество анального секса перед вагинальным состоит в том, что в процессе его отправления женщина может сохранять свою «женскую гордость» и держать колени сжатыми.

Стерильная порнография и неизбывность цензуры

С одной стороны, растёт изощрённость порнографии – то, что лет тридцать назад было редкостью: intensive stretching anal, double penetration, airtight[46], – теперь это необходимый реквизит mainstream porno[47].

С другой стороны, изощрённость порнографии постоянно оскопляется «романтичностью», которая уничтожает реализм физиологии.

Так, например, при интенсивном и долгом анальном сексе из счастливого зада не выходит ни звуков, ни экскрементов, а когда из него вытаскивается член, то он является миру кристально чистым и только такой стерильный хуй спешит взять в рот сама владелица зада или поджидавшая подружка.

А сам анус, зияющий и растянутый так широко, что в него войдёт кулак не касаясь стенок прямой кишки, в то же время остаётся баснословно бесфекальным, что вызывает ещё большее

удивление, чем диаметр его растяжения.

Любые выделения из отверстий, в том числе и волосы (а их можно считать выделениями из пор лобка и больших губ с промежностью) считаются недопустимыми для канонической порнографии наших дней.

Стерильность секса пристойной порнографии есть ещё одна форма цензуры, пролезающей даже в те места, которые, казалось бы, сами являются воплощением её отсутствия.

Лес генеалогических деревьев

Человечество можно представить как лес из генеалогических деревьев. Эти деревья срубить и выжечь нельзя, так как они зафиксированы во времени и остаются, даже когда люди, их образующие, умирают. Всё, что можно сделать – это приостановить или прекратить рост того или иного генеалогического дерева. Или всех деревьев. И если это произойдёт, то лес останется стоять во времени, замерший (в буквальном смысле), но не гниющий, а законсервированный в тот момент, когда все живые веточки и отростки оказались повязаны со смертью. Возродить жизнь этих деревьев будет невозможно, а лишь посадить среди них новые, для которых всегда найдётся предостаточно места, ибо почва, в которой растут генеалогические деревья – это плодородное время.

Общенародные и единоличные праздники

Я ненавижу общенародные праздники, потому что их празднуют все: например, Новый год. Я люблю свои единоличные праздники, например, когда я ебу новую красивую бабу. И я уж стараюсь, чтобы это был праздник и для неё.

А если я её одновременно ебу вместе с другими мужиками, то это праздник и для них. И ежели впритирку ещё одна группа подобным образом празднует наслаждение, то и нам только от этого праздничнее.

В конце концов, я не против и даже люблю общенародный праздник, если он – общенародная оргия.

Не та последовательность

Порнография – это первые прописи. Про писи.

Первый контакт с женщиной у подростка – это любование порнографией, и лишь потом является женское тело, которое воспринимается как материализованная порнография, которую можно трогать и которую можно ебать.

Таким образом, порнография – первична, а женщина – вторична, то есть женщина является лишь реализованной порнографией.

Для аннулирования такого грустного абсурда надо всякого подростка побыстрей натаскивать на женщину, чтобы именно живая женщина, а не её изображение стала основой его сексуального восприятия.

Учительницы, которые пытались сделать именно это, обвинялись в растлении малолетних и засаживались в тюрьмы. А ведь чему более важному и лучшему может научить учительница, как не наслаждению ученика от её тела?

Смертельная красота

Выражение краше в гроб кладут становится уместным, когда умельцы гримируют мертвеца, чтобы он выглядел, как живой. Это уподобляется лжи, когда из невзрачной девицы делают сексапильную сучку с помощью многослойной косметики.

Ведь на то и гроб, чтобы выглядеть в нём, как мертвец, а не как спящая красавица.

Разве что расчёт при раскрашивании мертвецов идёт на некрофилов?

Меня – чтобы оставили таким же старым и страшным, каким стану. И хоронить голым, чтобы, коль какая почитательница захочет на прощание лизнуть мой хуй, – пускай.

От этого она некрофилкой не станет, а лишь к благодати святых мощей причастится.

Женский ужас

Одна из самых ужасных для женщины ситуаций – это когда она приходит на вечеринку, на приём, на бал, а там другая баба в таком же платье. От такого удара женщине нелегко оправиться – ведь она с великим трудом и тщательностью отыскала это платье, заплатила за него большие или малые, но любимые деньги, радостно предвкушала, как она войдёт в залу и все взгляды, голодные мужские и завистливые женские, обратятся на неё, а она королевой будет идти среди расступающихся перед ней

мужчин, с желваками разрывающих свои ширинки.

И вот пожалуйста – её платье не единственное – какое горе! Теперь ей придётся делить внимание мужчин, конкурировать и, быть может, даже не заполучить того, кто ей приглянется больше всех.

Но это для женщин – ещё допотопные цветочки… А современные ягодки уже созревают, и вот как они будут выглядеть да сколь сладки будут на мужской вкус…

Идёт (едет, летит) красавица на вечеринку, на приём, на бал, а вслед ей мужики смотрят, присвистывают, подмигивают, устремляются вслед – а она идёт (едет, летит) никого не замечая, гордая своей красотой, неприступностью и корыстной хитростью грядущего выбора.

И вот она является в собрание, которое приготовилась покорить – а там женщин в десять раз больше чем мужчин, и что самое страшное – все эти женщины, как её близняшки: отличить любую из них от пришедшей красавицы просто невозможно. И хотя одежды на них разные, но лица и тела – идентично прекрасны.

Пришедшая красотка ошеломлена своей объявившейся заурядностью и непробиваемой конкуренцией – вся её гордость, вся её неприступность оказались просто вредными, так как если она будет за них держаться, то не видать ей ни одного хуя, тем более не вкусить. Тут она, не церемонясь, вслед за себе подобными скидывает свои одежды и пытается с помощью хитрости влезть без очереди на хуй, который только что выскользнул из пизды её склонированной соперницы.

Добыча согласия

В чём разница между полюбовной еблей и изнасилованием? В обоих случаях хуй вставляется в пизду или в другое отверстие, происходит возвратно-поступательное движение, в результате которого мужчина испытывает оргазм и женщина испытывает одно или несколько из следующих ощущений: боль, страх, отвращение, безразличие, удовольствие, наслаждение.

Разница лишь в одном – в умственном согласии женщины (а не физиологически-анатомическом, которое существует по определению). То есть наличие или отсутствие согласия женщины является основой для фундаментального разграничения двух видов ебли.

Согласием женщины является добровольное разведение ног, расслабление ягодиц или раскрытие рта для хуя. Таким образом,

чтобы избежать моральных, юридических, физических и прочих вечных проблем, возникающих при соблазнении/изнасиловании, необходимо быстро и просто выманить из женщины её согласие на еблю.

Вся история человечества состоит из попыток добиться этого согласия.

Женское согласие может быть вызвано либо её жаркой похотью, либо холодным расчётом, либо тёпленькими похотью и расчётами вместе. Исходя из этого, чтобы добиться согласия женщины, надо каким-то способом вызвать в ней похоть и/или убедить её в выгодности разведения ног.

Похоть возбуждается в женщине разными способами, но большинство из них связано с появлением у женщины уверенности или надежды на достижение оргазма, на комфорт (обед, подарки), будущую счастливую жизнь, рождение детей.

Разумеется, женщина нередко испытывает похоть с первого взгляда – но это самый простой и неинтересный случай, который разрешается сам собой и потому рассматривать его нет нужды. Женщина видит мужика и сразу готова развести для него ноги, именуя это «любовью с первого взгляда». Вот и прекрасно! Вот и на здоровье!

Итак, ещё раз: речь лишь об одном – о согласии женщины, которая его не проявляет и которого надо добиваться.

Методам и обстоятельствам получения этого согласия посвящена значительная часть человеческой культуры и искусства: литература, живопись, кинематография. Они полнятся историями ухаживаний, соблазнения, уговоров, подкупов, шантажа, принуждений и изнасилований.

Так как изображать в искусстве саму еблю запрещено, то искусство занималось изображениями той или иной формы добычи согласия. Все изображения, которые описывают происходящее после получения согласия женщины, принято называть порнографией.

По большому счёту, женщина согласна априори – в силу своей анатомии. Но на пути стоит женский разум, в ведении которого находится выдача согласия у любой женщины. (Идеальная женщина – это женщина с ампутированными до бёдер ногами).

Манипулирование женским разумом с давних пор и поныне с успехом осуществляется с помощью алкоголя, наркотиков, а с недавних пор – с помощью нейрологического вторжения в мозг женщины – направления электрических зарядов в область мозга, заведующую наслаждениями.

Сделали для женщин якобы подобие виагры.

В действительности ничего подобного нет, хотя цель одна: увеличить количество и качество наслаждения. Однако достигается эта цель для мужчин и женщин прямо противоположными способами. Виагра влияет на способность мужчин к совокуплению: на эрекцию – на желание виагра не влияет, ибо подразумевается, что желание у мужчины всегда есть или появится при виде новой пизды.

С женщинами задача иная: они всегда способны к совокуплению, но многих требуется раскочегаривать и раскручивать, чтобы у них защекотало где надо, и потому их делают более доступными с помощью химического трюка «женской виагры», в результате которого женщины, дающие с безразличием, теперь будут давать с удовольствием, а те, что не хотели давать вообще, давать захотят. Ну а те, что и раньше давали, и с удовольствием, станут бросаться на всех мужиков без разбора.

Но тут возникает юридическая проблема с определением изнасилования. Сейчас, если баба под парами, или ты подсунул ей экстази, или она сама его в себя засунула, то, лишь посмей с ней поебаться, как тебя засудят за изнасилование, поскольку баба считается невменяемой и её ебальное желание из-за водки или возбудителя по закону недействительно. Следуя этому закону, ебля с женщиной, принявшей виагру, должна приравниваться к ебле с пьяной или принявшей экстази. Если же разрешить безнаказанно ебать женщину под воздействием виагры, то тогда надо разрешить её ебать, когда она под действием и других возбудителей.

Другой юридический вопрос, требующий ответа: можно ли считать, что женщина изнасиловала мужчину, если она дала ему виагру, а потом скакала на нём два часа вместо лежания под ним одну минуту? Ведь мужчина не мог отвечать за себя (и за свой хуй), – а именно этого требует закон: полной осознанности совокупления и всех его обстоятельств.

С той же юридической точки зрения, если женщина заглотнёт виагру сама, то тогда её совокупления должны считаться добровольными, поскольку принятие виагры есть результат решения женщины вполне добровольного, осознанного и целенаправленного: возбудиться, чтобы ебаться. Причём при выпивке решение может быть более размытым: выпить не для того, чтобы обязательно отдаться, а чтобы просто расслабиться. А потому мужчину, воспользовавшегося женской виагральной похотью, нельзя будет обвинить в изнасиловании женщины, которая, как при алкогольном опьянении, была не в состоянии согласиться осознанно. Нет, женская виагра будет гарантией

женского осознанного и намеренного согласия.

Таким образом, если под влиянием виагры, вызвавшей в женщине усиленную похоть, она переспит с несколькими мужчинами, то судить их за групповое изнасилование будет трудновато, хотя, уверен, что моралисты и крючкотворы быстро протащат закон, согласно которому добровольную еблю переименуют в изнасилование, чтобы ограждать женщин от их собственной добровольной похоти. Так например, баба перед принятием виагры должна будет написать нечто вроде ебального завещания: мол, похоть от этой таблетки я завещаю Джону или любому другому мужчине моего любимого типа: роста такого-то, цвета волос – такого-то, глаз – таких-то, размера хуя не меньше вот такого. И поэтому если она под влиянием виагры разведёт ноги для хуя маленького, то мужика засудят за изнасилование, исходя из того, что, будь баба в трезвом безвиагринном состоянии, она бы для такого маленького хуя ног не развела. Точно такой же аргумент используется американскими судами в случае алкогольного опьянения бабы – мол, будь она трезвой, она бы никогда не позволила себе переспать с пятью мужиками.

* * *

Раньше изготавливались романтические «эликсир любви», «приворотное зелье», «волшебный напиток». (Одной из составляющих некоторых волшебных снадобий являлась, кстати, первая менструальная кровь девушек.) Теперь всей этой романтике и практике вызывания похоти у женщины пришла хана: ей придумали название «date rape drug»[48] и за подливание, подсыпание, подкладывание чудес вроде экстази просто напросто сажают.

К этой категории будет сразу причислена и «женская виагра» в том случае, если она будет скормлена женщине без её ведома. А потому мужчинам это лекарство продаваться в аптеках не будет.

Лесбиянок ещё не судили за изнасилование, так как патриархальное общество наше считает, что изнасиловать можно только хуем. Так что лесбиянки будут в очереди стоять за женской виагрой, чтобы с её помощью приворожить несговорчивых подружек, а там с их согласия можно будет уже не только языком и пальцами, но и хуем (искусственным) поворошить им нутро. У лесбиянок счёт на оргазмы – особый.

* * *

Женщина – это пещера с сокровищами, вход в которую охраняет дракон её разума. Причём сокровища эти таковы, что вынести их из пещеры невозможно, а наслаждаться ими приходится только по месту их лёжки, являясь раз за разом в пещеру и копаясь в них. Этого дракона, охраняющего вход, можно долго приручать. Но самое лучшее – это отрубить ему голову алкоголем, наркотиками, грядущей виагрой. К сожалению, дракон вскоре забывает всякую дрессировку, алкоголь выветривается, голова его отрастает заново и приходится раз за разом или приручать, или отсекать голову. Недаром одна из вожделенных фантазий мужчин – сексуальная рабыня с ошейником, на котором металлические штыри, да ещё её, стоящую на четвереньках, погоняют к кровати ударами плетки, хлыста или веника.

Нет, теперь сексуальная рабыня может находиться не в боли и страдании, а в наслаждении, и никакие ошейники и поводки с плётками уже не нужны. Сказка «Красная шапочка» получает ныне иное воплощение: красная шапочка с электродами, расположенными в ней в тех местах, под которыми в мозгу находятся точки наслаждения, и рабовладелец с remote controller[49] нажимает на кнопочку, вызывая в женщине оргазм такой силы, ради повторения которого она будет со страстью и великой радостью ублажать своего хозяина (или хозяйку). «Красные шапочки» будут всегда пребывать в перманентном состоянии согласия и ходить с пиздой нараспашку.

Как это принято у женщин, носить красные шапочки станет чрезвычайно модным, и те женщины, которым ещё никто не предложил нахлобучить красную шапочку с чудесными электродами, будут добывать поддельные красные шапочки без электродов. Эти женщины будут таким способом подражать счастливицам, истинным «красным шапочкам», слыть стильными и пытаться забыть о всяком сопротивлении, воображая наслаждение истинных счастливиц, которые носят свою красную шапочку не снимая, в ожидании очередного электрического разряда. А поскольку особо сильное наслаждение они будут получать при анальном сексе, то в народе их будут ласково называть «красными жопочками».

Скоро-скоро придут времена, когда «виагра», как мужская, так и женская, станет доставляться не «в Крым через Нарым» – медлительной кровью, а непосредственно электрическим разрядом в нужные клетки мозга. И покупать будут не женщину, а пульт дистанционного управления ею.

Непрерывность наслаждения

Половые органы даны нам с внутриутробного состояния и до смерти – а это значит, что наслаждение даровано нам на всё время нашего существования. Как минимум, в виде мастурбации, которая, как мы интимно знаем и как общенародно научно подтверждено, имеет место у зародыша и у старика.

Так что если наслаждением заполнена вся человеческая жизнь, то деторождению отводится лишь краткий жизненный срок: от времени полового созревания до времени последней яйцеклетки и последнего энергичного сперматозоида.

Измышлённая нравственность указывает, что наслаждение должно обязательно совпадать с возрастом деторождения. Наслаждение до или после этого возраста называется либо преступлением, либо извращением, которое в итоге тоже сводится к преступлению.

Занимающиеся сексом отроки, согласно законам, являются преступниками, а ебущиеся старики, согласно утверждённой эстетике – отвратительны. Перекрёстность отрок + старуха и отроковица + старик впечатывается в мозги повсеместного быдла одновременно как преступное, безнравственное и отвратительное действо.

Наслаждение в пределах возраста деторождения тоже ограничивается той же надуманной нравственностью: начало возраста половой зрелости самоуправно устанавливается в 18 лет. Таким образом, наслаждение оказывается приемлемым нравственностью лишь в течение 20–30 лет жизни, когда оно совпадает с периодом возможного деторождения.

Смысл всего этого в том, что на самом деле человек рождён для пожизненного наслаждения и лишь постольку-поскольку – для размножения.

Причём самый главный вывод такой: размножение имеет целью обеспечить непрерывность наслаждения в следующем поколении.

Зимняя романтика

Морозные сумерки, падает лёгкий снег. Безветрие, беззвучие. Каменный особняк светится всеми окнами. Открывается дверь и из дома выбегает розовый пудель, подстать закатному небу. В дверях появляется красивая женщина в шубке, накинутой поверх шёлкового халата.

Пудель, пробежавшись, останавливается и срёт в снег. Женщина громко пердит и прикрывает за собой дверь.

Сделавший дело пудель ошалело бросается обратно к дому.

Женщина широко раскрывает дверь, в которую врывается пудель, и прежде, чем захлопнуть её за собой, пукает в зимний ландшафт ещё раз.

Ощущение возраста

Ощущение возраста зависит от того, обращён ли твой взгляд в будущее или в прошлое. Из прошлого ты всегда будешь казаться себе старым, а из будущего ты покажешься себе молодым. Но если смотреть в настоящее, занимаясь счастливым делом, то ощущение возраста исчезает вообще.

Смертельный жанр

Чтобы сделать свою жизнь радостной и долгой, я бросил писать стихи.

Пояснения

Подруга – это жена друга.
Дружина – это друзья жены.
А поэтесса – это жена поэта.

Зараза старости

Молодые сучки сторонятся стариков, будто боятся заразиться старостью. Они не знают, что уже заражены ею, просто у них ещё длится инкубационный период.

Честная вежливость

С какой стати уступать место женщине в общественном транспорте? Гораздо честнее предложить ей сесть к тебе на колени.

Честное определение свободы

Свобода – это безнаказанность.

Театр и кино

Театр – это аналоговая передача чувств, мыслей, событий. Кино, где снимаются отдельные кусочки, а потом склеиваются в нужной последовательности – это «цифровая» передача.

Как известно из науки и техники, цифровая информация позволяет достичь большей точности и позволяет приближаться к совершенству, а также может передаваться на дальнее расстояние. Вот почему я предпочитаю кино театру, студийные записи – live concert. На то оно и искусство, что совершенства в нём можно добиться только искусственно, тогда как суть театра и прочих «живых» представлений – это оставаться привязанными к якорю «жизненности», что обрекает их на локализированное несовершенство.

Азбука топологии

Время всегда всаживает нож в спину, даже когда стоишь к нему лицом и смотришь ему прямо в глаза.

Почему матриархат деградировал в патриархат

Мужчине для удовлетворения требуется много женщин, но – последовательно, с передышками после оргазма. Женщине для удовлетворения требуется много мужчин, причём один за другим, без прерываний, сплошным семенным потоком.

Поэтому удовлетворить мужчину, с точки зрения общества, значительно проще, чем женщину. Для удовлетворения женщины требуется организовывать, что называется, оргию, что сложно и слишком долго. Поэтому мужчина открыто стремится к достижению своей сексуальной цели, а женщина вынуждена её скрывать и переименовывать в «приятность пребывания в обществе мужчин».

Так что во времена матриархата, пока женщины были заняты непрерывным наслаждением, принимая одного мужчину за другим и одновременно, мужчины, отстрелявшись и воспользовались «занятостью» женщин, устроили переворот и установили патриархат.

Ледовое убоище

Не успело озеро покрыться тонким льдом, как на него попёрли выродки эволюции, которым походить по льду составляет наслаждение, затаптывающее инстинкт самосохранения. Они вдобавок тащат с собой на лёд своих маленьких детей даже тогда, когда температура упала только вчера, или уже много дней стоит выше нуля. Синяя вода светится сквозь тонкий лёд, и эти самоубийцы радостно скользят по своей хрупкой судьбе.

Что ж, это ледовое убоище должно срабатывать как инструмент естественного отбора для тех, кто пренебрегает по глупости очевидной опасностью для своей жизни и тем более для жизней своих детей.

Пусть они тонут как топоры, причём вместе со своими детьми, чтобы гнилое генетическое дерево кретинов выкорчёвывалось, чтобы выживал лишь род наиболее приспособленных, а не наиболее пристукнутых.

Практика относительности

В страстном поцелуе с красавицей её слюна для тебя – амброзия. Если же она рассвирепеет от того, что ты не умеешь целоваться, отстранится и плюнет тебе в лицо, то та же слюна покажется отвратительной, ибо оскорбительна.

Но Вася любил красивых женщин всей душой и поэтому на них просто не мог оскорбиться, так что когда красавица плюнула ему в лицо, он этот плевок слизал, проглотил и этим возвестил ей о своей истинной любви.

Разъярённая красавица крикнула ему:

– Мне на тебя насрать!» – и Вася тут же лёг под неё с открытым ртом.

Оскорбить красавице влюблённого в неё Васю оказалось невозможно.

Относительность «дважды два»

2 × 2 может быть не четыре, если рассматривать действие этого уравнения во времени. Если оттянуть исполнение знака равенства, то сомножители могут измениться (если это люди, то умереть или размножиться) и тогда «равно» будет вершиться над уже изменившимися цифрами (скажем с 1,9999 и 2,0001) и результат уже не будет равен четырём.

То есть поэтически это получается так (с помощью Маршака):

однако во время пути собака могла подрасти.

Превращение идеи в реальность

Человек, одержим идеей. Например, он уверен, что в него влюблена кинозвезда, и он преследует её и в конце концов убивает, потому что она не ответила ему взаимностью.

Или другой человек возымел мечту стать богатым, он крутится, как белка в колесе, и в итоге становится богачом.

Получается, что на идеях, на мечтах, другими словами, на ирреальности люди основывают своё поведение, а их поведение уже принадлежит реальности. То есть идея, мечта – нематериальные объекты – получают материальное воплощение через действия, которые на них основаны.

Таким образом, идея, формируя реальность, становится ею.

Подстрочная ссылка

Написанное, созданное может стать гораздо больше и выше создателя. В этом и состоит суть божественного, Творцового. Другими словами, в творчестве ты можешь прыгнуть выше собственного хуя.

Даже создав нечто, ты можешь остаться ничтожеством, пустым местом, но сотворённое тобой будет продолжать жить своей жизнью, никак уже не связанное с тобой прямо, а лишь по происхождению. В итоге ты станешь подстрочной ссылкой для содеянного тобой.

Новости борьбы с педофилией

По всем странам готовится закон, по которому всех детских писателей и педиатров посадят в специальную тюрьму для педофилов имени Януша Корчака.

Кроме того, всех матерей следует тоже сажать, так как они дают несовершеннолетним младенцам сосать свою грудь, тем самым развращая их. Да ещё матери смеют подмывать маленьких детей, возбуждая в них своими прикосновениями постыдную чувственность. А отцы на это смотрят безучастно или занимаются тем же.

Также сажать всех возлюбленных, которые называют друг друга baby – это значит, что они в своих партнёрах видят и ебут ребёнка.

И вообще всех надо сажать за педофилию. В качестве профилактики.

Взаимоисключающее

Как нельзя сказать: «Я сплю», так и нельзя сказать: «Моя жизнь прошла».

* * *

Капли спермы – это скупые мужские слёзы счастья.

Суть патологии

Патологий в сексе не существует. Есть лишь патологическое отношение к сексу.

«Любовь вечерняя»

Уважение и почтение к старшим, которым обучают молодёжь, должны заключаться прежде всего в том, что молодухи должны давать старикам, а молодцы ебать старух.

Плакат на входе в рай

На входе в рай висит плакат, на котором изображены разведённые женские ноги и то, что между ними. Ниже подпись: «Вход свободный».

Порнография – это религия

Традиционная религия образовалась из ощущения бога, но так как прямого контакта с богом достичь невозможно, то приходилось довольствоваться суррогатом бога – фантазиями о нём. То есть религия – это фантазия о боге.

Так как бог, согласно моему убеждению, является нам в гениталиях, то когда отсутствует прямое общение с богом посредством единения гениталий, возникает его суррогат – порнография, которая есть фантазия о единении. То есть порнография – это тоже фантазия о боге. А значит, порнография – это религия.

«Всё когда-то кончится»

Давным-давно я писал:

> Проходят дни неосязаемо
> и еле поддаются счёту,
> не видят времени глаза мои,
> а видят лишь его работу…

А ныне пишу:

> Пессимисты-философы и просто мудаки тоскуют, что всё когда-то кончится и из этого делают вывод: мол, ни за что в жизни не следует держаться и лишь следует «помнить о смерти» и готовиться к ней. Истинный же

смысл правдивой фразы «всё когда-то кончится» – весьма вдохновляющий и жизнеутверждающий, ибо в продуктивном приложении заставляет человека ценить каждую секунду счастья, надежды, вдохновения, короче – каждую секунду жизни, поскольку нет ничего прекраснее каждого мимолётного мгновенья. Пропускать его, сетуя на его краткость – это значит жить в смерти.

Но самое главное, что если всё когда-то кончится, то, значит, кончится и смерть.

Самоусыпление фантазией

Оргазм как средство от бессонницы
я обожал употреблять…

писал я.

И употребляю. Но бывает, что оргазм помогает лишь заснуть на часок, а потом опять просыпаешься и не спится.

Многие люди, чтобы заснуть, начинают представлять морской прибой или шум дождя, либо ведут счёт бесконечным цифрам. А вот мне помогает фантазия airtight, то есть трёхдырчатой женской заполненности, причём я перемещаюсь по всем трём, меняясь с партнёрами местами.

Казалось бы, от такой фантазии сон должен вообще исчезнуть. Но меня она повергает в сон. По-видимому из-за того, что фантазия эта рисует такую гармонию совокупления, которая вызвает ощущение достигнутой правоты, а она и есть то необходимое, что вызывает сон праведный.

Лотереи Голливуда

Гражданские чувства голливудских кинозвёзд взыграли-таки, и они решили одним махом (подмахиваниями) вывести Америку из дефицита, финансового краха и прочей жопы.

Решение это будет единогласно принято на очередном тайном заседании Оскара, причём идея-то – моя.

А состоит она в следующем:

Организуются массовые лотереи, где в каждом магазине и заправочной станции продаются билеты, среди которых будет только один выигрышный – переспать с такой-то кинозвездой или кинозвезду-ном. На каждую актрису – своя лотерея, как и на

каждого актёра. Лотереи на Джорджа Клуни или на Дженнифер Лопес и им подобных принесут миллиарды долларов. Мечтатели будут покупать по множеству билетов и на разных кинозвёзд.

После розыгрыша этих лотерей ебля счастливчика с данной кинозвездой снимается на видео, и запись эту можно будет купить. Тоже во всех магазинах и заправочных станциях. Так что все проигравшие лотерею получат хотя бы «видимое» утешение.

Разумеется, что и звёздам отстегнут приличную сумму за один трах, и они будут чувствовать себя не только патриотами, но также и богатыми патриотами.

Таким образом Америка за полгода расплатится со своим долгом Китаю и прочей мафии и станет, наконец, нормальной сексуальной страной.

Чихание и кашель

Женщина спрашивает:

– Почему чихать приятно, а кашлять нет?

Я отвечаю:

– Потому что чихание имитирует оргазм, а кашель – икоту.

Женщина одобрительно чихает раз за разом.

* * *

Пожелание творческой жизни: «Уходя, зажги свет.»

Автобиографичное различение

Провести черту между тщеславием и честолюбием, смелостью и безрассудством, искренностью и болтливостью, чувственностью и сентиментальностью так же невозможно, как и между эротикой и порнографией.

Но тот, кто берётся провести эту черту, просто этим выказывает, что он сам из себя представляет.

Создание определений – это создание автобиографии.

Влияние окружающей среды

Люди работают в зданиях, где окна не открываются и где круглый год с помощью отопительной или охладительной

системы поддерживается одинаковая температура 22 градуса. Однако летом люди приходят в летней одежде с короткими рукавами, а зимой – в зимней, в свитерах. И вовсе не потому, что они добираются на работу по морозу или по жаре – в машинах тоже температура поддерживается постоянной.

Ещё одно доказательство того, что люди не доверяют своим чувствам, а следуют тому, что им повелят за окном.

Божий одуванчик

Уж не потому ли существует выражение «божий одуванчик», что изображения святых с нимбом точно напоминают одуванчики.

И вся их «святость» улетучивается от одного дуновения похоти.

Инфекции

Ничто так не объединяет людей как инфекция.

Бактериологическая делает из них желе. Идеологическая делает из них сталь.

Главное имя

Фамилия, имя и отчество – это абстрактное имя человека. Оно приобретает конкретный смысл, лишь когда с ними произносится главное имя – возраст. «Михаил Израилевич Армалинский, 25 лет, – это одно имя. «Михаил Израилевич Армалинский, 65 лет» – это совершенно иное имя.

Причём с каждым годом всякое имя становится всё более отстранённым, чужеющим и не столько для самого носителя имени, сколько для слышащих его.

Животрепещущий пейзаж

Топает ребёночек с пузатенькими щёчками и время от времени взмахивает ручками от избытка чувств.

Тем временем его папа сосредоточенно отдыхает на скамейке, держа в руках мокрую газету. Лохматое небо сочит осадок, но и это не могло разбудить отца, которого повергла в сон энциклопедическая глупость прессы. От скопившейся влажности у

ребёночка прорезается громкий голосок, и папа встрепенулся, как спящий петух, на которого вылили ведро помоев.

Круговорот

Из слоновой кости вырезают фигурки слонов – то есть убивают слона, чтобы сделать ему памятник из него же.

Так убивают людей за их дела и идеи, а потом из их дел и идей делают книги, фильмы, то есть воздвигают памятники убитым из них же.

Органические ограничения

Абсолютную свободу можно продемонстрировать на простом ресторанном примере.

Многие рестораны сервируют буфеты, где ты платишь фиксированную цену и можешь есть, сколько хочешь. Каждому даётся возможность утолять свой голод без всяких ограничений.

Однако ограничения налагаются не извне, а изнутри. Казалось бы, человеку дана свобода «съесть весь ресторан», но владелец ресторана знает, что он не разорится, поскольку у человека есть предел в насыщении. Формальная свобода поглощать еду бесконечно ограничивается пределами, которые накладывает само тело человека или его разум.

Именно насыщение является причиной того, что человек перестаёт пользоваться предоставленной ему свободой в удовлетворении голода. Истощённое желание делает свободу ненужной.

Таким образом, человек не может быть свободным, поскольку в основе его заложены органические ограничения, то есть несвобода. Или точнее, человек может быть свободным лишь ограниченный срок, в процессе которого он беспрепятственно удовлетворяет своё желание. Другими словами, процесс беспрепятственного удовлетворения желания есть свобода.

За попытку преодолеть заложенные в нас ограничения на человека насылается возмездие. Продолжая гастрономический пример – человек, нажирающийся впрок, человек, не знающий ограничения, будет наедаться до непроизвольной рвоты или до разжирения, которое будет бить по здоровью.

Чтобы обмануть естественные ограничения и продлить свободу люди умышленно избегают насыщения. В еде – провоцируют рвоту и продолжают есть заново, а в любви

оттягивают оргазм. Добровольное отстранение от насыщения продлевает свободу.

Однако длящаяся свобода становится невыносимой, и человек вынужден ограничить её, убив желание его удовлетворением.

Но желания возрождаются, и с ними – возможность свободы.

* * *

Жизнь пришла, посидит и уйдёт, как только почувствует, что слишком далеко зашла. Тактичная жизнь.

Судьба переписки

Любая длительная переписка становится перепалкой.

Bigger than life

Выражение «Bigger than life» (больше, чем жизнь) часто применяется по отношению к людям, которые считают себя чрезвычайно важными, умными или ещё чего, но – обязательно чрезвычайно.

Однако это же выражение можно применить к каждому человеку, о котором помнят после его смерти, то есть этот человек благодаря своему влиянию на живущих продолжает жить после своей смерти, и, другими словами, становится больше своей жизни.

В красоте и мощи этой метафоры-гиперболы всегда звучит нечто настораживающее, ибо больше жизни может быть только смерть.

Соотношение жизни и искусства

Соотношение жизни и искусства особенно наглядно проявляется в певцах: разговаривают они неприметными голосами, но стоит им запеть, как голос их преображается и из глотки льются чудесные звуки.

Так и поэт в обыденной жизни – алкаш и разгильдяй, но чуть он берётся слагать слова, как вершится нечто, его преображающее.

Сплошь и рядом женщина, тупая до полной округлости, чуть оказывается в постели, как преображается в великолепную умницу, творя чудеса в искусстве любви.

Талант и упорство

Есть иллюзорный подход к реальности, основанный на блажи лжи:

По вере да воздастся тебе, —

в религии это работает, так как чем сильнее веришь, тем больше у тебя возникает галлюцинаций.

Однако в практическом мире такой подход не срабатывает и трансформируется следующим образом: «Если ты чего-то очень захочешь и посвятишь этому достаточно энергии и времени, то ты этого достигнешь.» В доказательство справедливости этого положения приводят разнообразные примеры людей, которые вышли из грязи в князи якобы благодаря своему упорству в достижении цели.

На самом деле эта философия внушает совершенно необоснованные и абсолютно недостижимые надежды в бездарное большинство. Так, человека без музыкального слуха, наслушавшегося о своих безграничных возможностях, охватывает желание стать великим музыкантом. Или человек с ущербной способностью логического мышления возымеет надежду выиграть миллионы по лотерее с помощью настойчивой покупки большого количества билетов. Или некто решает стать президентом США, будучи не в силах выиграть даже на выборах в своём городском районе.

В этом многообещающем подходе всегда упускается самое главное: прежде всего у тебя должен быть талант в той области, в которой ты хочешь достичь большого успеха. Если у тебя нет музыкального слуха, ты никогда не станешь великим певцом, какие бы усилия ты ни прилагал. Если ты будешь невежественно пренебрегать теорией вероятности, то эта теория запрячет тебя в перманентную нищету от обильной покупки проигрышных лотерейных билетов.

Если у тебя нет таланта обманывать людей, то ты не станешь президентом не только США, но даже маленькой африканской странёнки.

Можно сказать, что мечтатели, примеры которых я привожу, просто-напросто дураки или сумасшедшие. Но именно из таких дураков и сумасшедших и состоит большинство населения любой

страны. Люди слушают эти науськивания на неминуемый успех и бросаются выполнять советы тех, кто прежде всего имеет талант и благодаря ему да ещё настойчивости действительно смог достичь успеха. Но в политически корректном обществе акцент ставится не на талант, который есть далеко не у всех, а на настойчивость, а точнее, упрямство, которыми люди наделены в значительно большем количестве.

Тут-то всё и проваливается. Цели большинства, несмотря на настойчивость и веру в себя, не достигаются по принципиальной невозможности их достижений для бездарей, и эти люди либо впадают в разочарование в себе, либо упрямо и тупо продолжают биться головой о стенки.

Главным оказывается умение выявить в себе талант и соизмерять желаемое с его размерами. И, ещё главнее, уметь себе признаться в отсутствии таланта.

На наличие таланта часто указывает любовь к какому-либо делу. Человек не будет любить деятельность, в которой у него ничего не получается, то есть в которой у него нет таланта. Человек может не знать о своём таланте, но любовь и естественная тяга к делу как раз и даст ему осознать свой талант. К таланту должно приложиться усердие, причём длительное, а это тоже обеспечивается любовью. Любовь взращивает и шлифует талант. Но если таланта нет, то любовь занимается мастурбацией и никакого плода не появится, а будет только наслаждение от выплеска наружу своих надежд, никогда ни во что не воплощающихся.

Человек без таланта, решивший достигнуть большого успеха, получает наслаждение от самого факта провозглашения всем вокруг своей цели – цели, которую он никогда не достигнет.

* * *

Поговорка для лентяя: «Всё что не делается – всё к лучшему».

Однако при нынешней повальной безграмотности, не умеющей различать отрицательную частицу «не» от усилительной частицу «ни», моя поговорка окажется непонятой. Итак, если ты её не понял, то ты – неуч.

Восхищение прямотой

Прямота проспектов и улиц Петербурга почему-то вызывала восхищение. Выдавалось это за высокое достижение

градостроительства. Тогда как нет ничего проще, чем строить по прямой.

По-видимому, из-за всеобщего в России пьянства делать что-либо по прямой считалось высшим достижением и геройством.

* * *

Про помидоры: «Есть люблю, а так – нет.»
Про женщин: «Еть люблю, а так – нет.»

* * *

Настойчивое требование пунктуальности в поведении людей – это способ заставить мир быть хоть в какой-то степени предсказуемым.

Теологическое

Уж сколько тысячелетий ходят слухи о существовании Бога. Нет дыма без огня.

Диалоги любовников

– Мне хорошо с тобой и плохо без тебя!
– И мне хорошо с тобой. И хорошо без тебя.

– Как бы мне хотелось спрятаться в твой карман!
– Держи карман пошире.

– Я буду всегда держать тебя за руку.
– А я хочу, чтобы чаще.

– Ты предчувствовал, что меня встретишь?
– Да, предчувствовал.
– А как ты предчувствовал?
– Тем, что не прекращал поиск.

Зима против ханжей

В бесснежную зиму больше всего страдают ханжи – они всё

ждут, что снег укроет наготу деревьев.

Технический прогресс терпения

Бумага терпит. А интернет не только терпит, но и всем своё терпение демонстрирует.

* * *

Девиз группового секса: «Кто не с нами, тот напротив нас».

* * *

Вчера ночью мне приснилось, что я мультимиллионер. Сегодня ночью мне уже приснилось, что я миллиардер.

День ото дня богатею.

Вселенная точки

При достаточно близком приближении любая точка превращается во вселенную.

И наоборот, при достаточном удалении любая вселенная норовит превратиться в точку.

Итого: реальность зависит от степени нашего приближения к ней.

Едобоязнь

Я знаю немало людей, которые панически боятся положить в рот помидор – так они его ненавидят. Есть и такие, кто накладывает в штаны от свинины. Иные заблюют всё в округе при виде устриц.

Для меня совершенно очевидно, что все подобные ограничения в еде являются отражением той или иной ограниченности сексуальной жизни. Разумеется, можно любить одну еду больше, другую – меньше и на этом строить своё меню, но реагировать рвотным рефлексом на какую бы то ни было еду является клиническим феноменом. Я, например, пробую любую

еду с интересом и радостно открытым ртом.

Предлагаю вдумчивому читателю экстраполировать такую мою всеядность на мою сексуальную жизнь и собственную едобоязнь – на свою.

Результаты этой мыслительной операции представить в пережёванном виде.

Мера памяти

В Америке, чтобы о тебе вспомнили, достаточно заболеть.

В России, чтобы о тебе вспомнили, необходимо умереть.

Точное название

Скромное собрание моих сочинений можно издать под одной обложкой с золотым тиснением и назвать «Библия Ебли». А её электронный вариант – еБиблия.

Неисповедимость свершений

Писатель мечтал о громкой славе, которая пришла бы к нему не постепенно, а мгновенно: вечером заснул безвестным и бедным, а утром проснулся знаменитым и богатым.

Едучи на машине погружённым в такие мечтания, он попал в аварию и пролежал в коме два года. За это время его слава выросла до знаменитости и деньги за бестселлерство скопились великие.

Так что когда писатель вышел из комы, то он проснулся как и мечтал – знаменитым и богатым. А прошедшие два года ощущались для него пронёсшимся мгновеньем.

Ё-моё

Попытки избавиться от буквы *ё* – это попытка ограничения ебли, орфографически обозначаемой этой буквой.

Мою борьбу за сохранение и использование буквы *ё* можно назвать «ё-моё».

* * *

Когда в злобе бросают: – «Я тебя ебал!», – то делается это для того, чтобы использовать еблю как способ срывания с человека всякой личины, искусственности, помпезности, необоснованного величия или показной значимости, поскольку именно в ебле человек лишается всего наносного.

А срывание наносного чаще всего воспринимается как оскорбление.

Борьба за боль

Во всех видах спортивной борьбы мужчины обхватывают друг друга посильней, чем в страстных объятиях, руки и голова одного часто оказываются между ног другого. Они хватают друг друга за руки и за ноги, пытаясь их сломать. Они трутся потными телами, чтобы нижний не смог оказаться наверху. В самой жестокой борьбе (cage fight) происходит самый большой телесный контакт, так как бойцы дерутся с голыми торсами и босыми.

Чем больше бойцы приносят друг другу боли или сдавливают шею, чтобы прекратить подачу воздуха в мозг, тем более оправдан их тесный телесный контакт.

То есть в боли или в смерти мораль разрешает мужчинам обниматься.

Но чуть дело доходит до наслаждения, как те же мужчины при малейшем телесном контакте переименовываются в гомосексуалистов и изгоняются из среды «мужественных» мужчин, подвергаясь издёвкам и пренебрежительному отношению.

Таким образом, общество, оказывается, не возражает против тесного контакта между мужчинами при условии, что они приносят друг другу не наслаждение, а боль.

Первый признак античеловечности нашего общества – это его страх перед наслаждением. Общество ревнует человека к наслаждению, зная, что человеку в наслаждении становится наплевать на общество, и оно теряет над ним власть. А лучший способ отогнать наслаждение – это с помощью боли. Вот почему общество готово узаконить всё, что приносит человеку боль и сделать противозаконным всё, что приносит человеку наслаждение.

* * *

Нельзя близко подходить к народу – могут принять за народ.

Деньги – время

Если время – деньги, то верно и обратное: деньги – время. Время можно исчислять в долларах, например: «десять тысяч долларов спустя» – недаром же деньги «спускают».

Подобным образом относительность времени тесно связана с относительностью денег. Так одному человеку, чтобы заработать десять тысяч, потребуется год, а другому – день. Нечто похожее происходит и со скоростью их траты.

Чем больше денег, тем больше удаётся замедлить течение времени, то есть втискивать большее количество событий в единицу времени. Так, если у тебя есть деньги, то ты выбираешь наиболее скорую доставку купленного товара и таким образом уже на следующий день начинаешь им пользоваться, достигая вожделенной цели.

При отсутствии денег даже если ты и можешь купить такой же товар, то доставка его будет длиться десять дней, так как это самый дешёвый и доступный тебе метод доставки, а значит использование этого товара и достижение цели отложится на десять дней.

И так с каждым шагом.

Замедление времени с помощью денег осуществляется и на пространствах любви. Так остановка прекрасного мгновенья с женщиной может длиться значительно дольше, когда у тебя есть деньги купить несколько красавиц, сменяющих или дополняющих одна другую, тогда как без денег мгновенье проносится почти незаметно при соприкосновении с одной надоевшей кисло-тоскливой бабой.

Деньги через время влияют и на пространство – чем больше денег, тем большим пространством ты можешь владеть (тем больше дом, в котором ты живёшь).

Короче, без денег нет тебе ни времени, ни пространства.

* * *

Когда я сажусь за стол, полный яств, я радостно твержу: «Не хлебом единым!»

О наказаниях

Ныне все наказания свелись к тюряге и смертной казни – универсальным наказаниям за разнообразные преступления.

Штрафы и прочие мелочи я не беру в рассмотрение.

Идеология иудо-христианства больше всего заботится о душе, считая её главной по отношению к телу, однако от пыток, избиений и прочих телесных воздействий люди отказались во имя истязания души – а что, как не истязание души есть заключение в тюрьму, да ещё на долгий срок. Тем более что особенно в европейских комфортабельных тюрьмах тело совершенно не страдает, а страдает лишь душа, подвергаемая пытке изоляции или даже полного одиночества.

Таким образом, за преступление наказывают душу, а не тело.

И только в крайнем случае, да ещё далеко не везде, тело уничтожают смертной казнью. То есть промежуточного ничего нет: либо безмерно над душой измываются, охраняя тело, либо раз – и тело уничтожают вусмерть. Отпуская душу на все четыре стороны.

Про евреев

Евреи – это подавляющее меньшинство.

Женская сексуальность песни

О том, что структура всякого музыкального произведения иллюстрирует половой акт я писал не раз. Но тут, слушая волшебную песню *Out of the Game* из одноимённого альбома Rufus Wainwright я сделал ещё один шажок в осмысливании этой иллюстративности. Как принято, структура этой песни состоит из запева и припева, причём после двух куплетов делается инструментальный проигрыш и песня заключается последним куплетом.

Припев (Look at you, look at you) ярко меняет ритм и возвышает чувства в исключительно очевидном в песне музыкальном оргазме.

Тот факт, что этот музыкальный оргазм повторялся три раза, без всяких пауз и только после второго раза с кратким отдыхом проигрыша, растолковал мне, что сексуальная структура песни – исключительно женского рода, ибо только женщина может испытывать оргазм за оргазмом припева при непрекращающемся интенсивном возбуждении запева и разнообразящем возбуждение музыкальном проигрыше.

Будь у песни мужская структура, песня состояла бы из лишь одного куплета, припева и запева, а затем паузы, более или менее

продолжительной, которая была бы по сути концом песни. Такая мужская структура песни была бы для слуха, для мечты, рождаемой песней, неудовлетворительной и разочаровывающе прерывисто-краткой.

Истинный прообраз наслаждения в прекрасной песне может демонстрироваться наслаждением только женским, которое способно длиться значительно дольше и многократней, чем мужское.

Таким образом, в песне *Out of the Game* сладкозвучно слышатся подряд три оргазма, достичь которые подстать только женщине.

Однако эта задача становится решаема значительно проще, по меньшей мере, двумя мужчинами. Так что неудивительно, что успеху этой песни изрядно поспособствовали талантливые руки продюсера Mark Ronson, наложением которых он уже произвёл магический эффект на песни Amy Winehouse и Adele.

Бесстыдство бессмертия

Адам и Ева были созданы для вечной жизни, да вот познание стыда лишило их этой привилегии и сделало их смертными. Из этого следует метод достижения бессмертия – надо избавиться от стыда. А избавление от стыда достигается через обретение бесстыдства. Так что имейте в виду, что я буду жить вечно.

Орхидеи

В XIX веке люди совершали опаснейшие путешествия за орхидеями и нередко погибали в тропических лесах от болезней, от зверей, от дикарей – всё ради того, чтобы добыть цветок, исключительно напоминающий пизду. Вот он – путь «в Крым через Нарым», чесание правого уха левой рукой, вот оно – человеческое отчаяние от запрета наслаждения, а будь наслаждение доступно, то вся страсть к орхидеям направилась бы по её прямому назначению – в пизду.

Теперь научились плодить орхидеи на фермах и цена на них упала в сотни раз, и они стали доступны всем в любом виде и количестве. Вот она – будущая судьба изобилия клонированных пизд.

Разумеется, как орхидеи продают в горшочках, так клонированные пизды будут продавать в клонированных телах. Чтоб не засыхали.

Автомобильный эротический фольклор

Hyundai и *Mazda* – друзья!

Упущенный шанс

Я дал Богу шанс сделать меня богатым и купил лотерейный билет. Но Бог не воспользовался предоставленным ему шансом. Больше я Богу поблажек делать не буду.

Чудесность эволюции

У сторонников объяснения всего живого и сущего с помощью эволюции всё решается количеством времени, отпущенного ими на процесс естественного отбора, необходимого для достижения любого уровня сложности живого организма.

Так, если за миллиард лет не произошло превращение неживого в живое, то дай ещё с десяток миллиардов лет и это превращение обязательно произойдёт.

Удобным количеством прошедшего времени объясняется и процесс превращения единственной клетки в организм животного или обезьяны – в человека. Всё является лишь функцией времени – дай его побольше и естественный отбор сам собой сделает что ни пожелаешь: от муравья до шимпанзе.

Думал ли Дарвин, что его открытие породит такое несметное количество имбецилов. Причём с помощью естественного отбора.

Глаза и безглазье

Почему на фотографиях замазывают глаза, когда хотят сделать лицо неузнаваемым? Ведь человек без глаз прекрасно узнаваем, а чтобы добиться неузнаваемости, нужно скрывать рот с подбородком или нос. Недаром мусульманские женщины оставляют только глаза открытыми, скрывая остальные черты лица – они ведь действительно хотят скрыть своё лицо. Из этого следует, что все ухищрения с замазыванием глаз – игра условностей, которая, по-видимому, происходит из убеждения, что глаза – зеркало души. То есть христианствующие и прочие, скрывая глаза, стараются охранить душу, а мусульманки, открывая только глаза, хотят охранять своё тело.

Причём, от глаз.

Простота правды

Правду говорят прежде всего из лени, поскольку для высказывания всего как есть не следует прикладывать никаких умственных усилий. Если же взяться интриговать, строить планы, дипломатничать, хитрить, то тогда приходится прикладывать значительные умственные усилия и выходит продуманная ложь. Вот почему признание является огромным облегчением для преступника, тяжело работавшего мозгами, чтобы эту правду скрывать. Потому и писателю высказанная в написанном тексте правда приносит облегчение.

Так что правда – это самое естественное и простое, если бы за неё не наказывало общество как извне (остракизмом, тюрьмой, убийством), так и изнутри (стыдом и угрызениями совести).

Именно писатели, обретая внутреннюю свободу, нередко пренебрегают внешним давлением и прославляются правдивостью описания своих чувств. Им проще и легче говорить правду, чем строить из себя законополушных граждан.

Преодолев внутреннее и внешнее давление, творец расслабляется и тогда его суть прёт из него, а суть всегда интересна всем тем, кто от неё прятался, кто её боялся – а эти люди и есть его читатели.

Большинству общество не позволяет расслабиться, а сами люди даже не пытаются – вот почему напряжённые граждане говорят текстом клише и штампов. А если общество увидит, что ты от него освободился и перестал походить на прочих, оно ополчается на тебя и уничтожает или переваривает тебя, так что ты снова становишься его частью, безопасной для него, ты становишься проводником его клише и штампов.

Так, репродукции с картин Дали, казавшиеся когда-то такими шокирующими, теперь продаются в самых захудалых магазинчиках как предмет домашнего обихода.

Однако это не всегда получается у общества, так как оно ограничено в своей способности переварить выданное творцом.

Несмотря на колебания, ужесточения и ослабления, общество придерживается относительной умеренности в сексе. Вряд ли когда-либо общество сделает общепринятым садизм или копрофагию, скотоложество и кровосмешение и т. п. А также и на более общепонятном уровне – супружеские измены никогда не станут в обществе золотым стандартом нравственности.

А это значит, что автор, пишущий на эти темы, всегда останется запретным, непереваривaевым, а следовательно, всегда привлекательным для пытливого читателя. Так до сих пор читают де Сада, Апулея и пр., но зато полностью исчезли из

употребления выхолощенные рыцарские романы.

Другими словами, в обществе всегда останется правда, которая им не может быть нейтрализована, а значит в обществе всегда остаётся место для искусства, в частности, для литературы, которая основана на изложении запретной правды, сводимой, с одной стороны к торжеству над оказавшимся слабым «тараканищем» и к пожиранию глазами «голого короля», а с другой стороны – к обнаружению новых свидетельств бытия Божия.

Смысл толкования и бессмысленность определения

Смысл толкования не в том, насколько оно справедливо, а насколько оно изощрённо и в то же время наглядно. Ибо изощрённость и наглядность напоминают истину, которая одновременно сложна и проста, однозначна и множественна.

И вот этим своим подобием толкование приближается к истине, в отличие от определений, обречённых на односторонность и кратковременность.

Пол и потолок

Осмелиться видеть в женщине только пол для мужчины – потолок.

Страх перед будущим

Каждое новое явление в искусстве или технике можно рассматривать как подглядывание в будущее. Поскольку именно в будущем эти явления пребывают само собой разумеющимися, привычными, лишёнными новизны. Но в настоящем они революционны. Творец в состоянии увидеть будущее и перетаскивать из него в настоящее его кусочки в форме откровений и эврик.

Радостно принимать новое – это значит радостно принимать грядущее, но так как в грядущем – твоя неизбежная смерть, то многие люди боятся будущего и выступают против нового. Эти консерваторы пытаются таким способом остановить время и задержать приближение своей смерти.

Не боятся нового, прежде всего, проводники будущего – талантливые люди, способные в него заглянуть, предчувствующие

своё бессмертие и потому радующиеся будущему, а не страшащиеся его.

Следствия положительного и отрицательного

Отрицательное утверждение в конечном счёте уничтожает себя. Взять хотя бы расхожее тютчевское:

Мысль – изречённая есть ложь.

Коль ложь, то и сама эта изречёная мысль тоже становится ложью.

А вот любое положительное утверждение рождает новые миры и вселенные. Взять хотя бы нетютчевское: мысль изречённая есть полная и абсолютная правда. Тогда что ни скажешь, оно начинает безостановочно плодиться и ускользать от бесполезных опровержений, постепенно превращаясь в веру.

А вера делает реальностью любой бред.

Из литературоведческих определений

Фабула – это вымуштрованная фантазия. Фантазия – это конкретизированное желание. Но желание хочет удовлетворения, а не фантазий и фабул. Ему подавай тело, а не литературу. Однако фабула предлагает желанию тело литературы – безопасный культурный суррогат. Вот почему желание ненавидит литературу и «сбрасывает её с корабля современности» в безвоздушное пространство мастурбации.

* * *

Анализ означает: разделяй и властвуй! Постоянные попытки расчленять понятия на ещё более мелкие позволяют какое-то время властвовать над смыслом, но вскоре смысл опять начинает бунтовать, и ты видишь принципиальную неразделяемость конгломерата, месива, которое неподвластно анализу. И в конце концов всё смешивается в единую массу веры.

А точнее: Раздевай и влас – твой!

Образность

Сила воздействия образного, поэтического мышления состоит также и в том, что оно находит связи между совершенно неожиданными и отстранёнными вещами и объектами. И в этом отражается суть мира, в котором всё связано со всем, причём не образно, а буквально. Однако этой буквальной связи нам (пока) не дано ощутить и понять, а лишь почувствовать проблески этой повсеместной связи через ту же образность.

Первое

Первый оргазм на оргии уподобляется первой любви в жизни.

Вот и решай

Приличная женщина разочарована и удручена маленьким хуем и быстрым семяизвержением любовника, а проститутка – только радуется легко и быстро заработанным деньгам от мелкохуйного и скорострельного клиента.

Вот и решай, что такое хорошо, и что такое – плохо. Оказывается всё может быть хорошим, и всё может быть плохим.

Всё зависит от угла зрения, определяемого желанием или его отсутствием.

Желание превращает поле зрения в точку зрения, а точка, как известно, не имеет измерений, в том числе и моральных. А значит, как захочешь, так и будет. То есть если женщина в похоти, то маленький хуй и быстрое семяизвержение – для неё трагедия, а если безразлична, то – радость.

Ответственность за дразниловку

Для чего уже красивые женщины делают операцию по увеличению грудей? Увы, не для того, чтобы, используя усилившееся влечение мужчин, вместо, скажем, трёх любовников, заиметь тридцать. Нет, нарастив груди, женщина вхолостую привлекает значительно большее количество мужчин, которыми она всё равно не может или не хочет воспользоваться. То есть её задача не больше ебаться, а больше дразнить.

Я считаю, что, нарастив груди, женщина должна принимать обязательство совокупляться со значительно большим количеством мужчин, чтобы нести ответственность за усилившееся возбуждение желаний.

Бактериальные и генетические войны

Характер конфронтации между людьми в течение веков отражает характер болезней, своего времени. Так, раньше войны велись большими армиями, массовыми вторжениями в другие страны, и это точная аналогия бактериальной эпидемии.

Развитие техники, авиастроение сделало войны более быстрыми и разрушительными, что напоминает эпидемии вирусные с теми же массовыми вторжениями.

Теперь главные войны – террористические, они напоминают генетические заболевания: отдельные поражаемые участки, незримое центральное командование, распротранение ударной мощи по террористическим ячейкам (клеткам с генетическим заданием).

Поэтому старые лекарства (антибиотики) не действуют на новые болезни, и мы сможем победить терроризм только когда научимся лечить генетические болезни.

Лучше всех…

Невежественные критики говорят: «Х – лучший писатель России.» Невежественные влюблённые говорят: «Он (она) – лучше всех.»

Эти невежды не осознают, что такие утверждения подразумевают, что ты знаешь и прочёл всех писателей России. Или что ты выеб всех, имеющих нужные тебе половые органы, и утверждаешь, что владелица именно этих не имеет себе равных.

Но в действительности все делают свой убогий выбор из читанных и считанных существ, которых они умудрились так или иначе вкусить.

По сути дела любой наш выбор всегда условен ибо происходит из ограниченного, а не из полного, а значит наш выбор не достоин доверия.

Но тут включается вера, которая легко заменяет доверие.

Человекообразие

Горилла, шимпанзе – человекообразные обезьяны. Христос, Будда – человекообразные боги. Когда мы хотим оскорбить, мы называем человека обезьяной. Когда мы хотим восхвалить, мы называем человека богом. Человекообразие – основа мышления

человека. Антропоморфизм то бишь.

Получается, что сам факт человекообразия становится доказательством достоверности. А значит и правда сосредоточена в человекообразии. Человеку не выйти за свои пределы, человек находится в самозаключении.

Свобода состоит в том, чтобы перестать быть человеком. Пока это возможно только в смерти.

Лесной шум

Птицы: нет чтоб слететься на одну ветку и спокойно переговорить, так они орут через весь лес.

Мечтательный смысл

Поговорка

От греха подальше

имеет истинный мечтательный смысл: «как бы ко греху поближе».

Виброфон

Виброфон – это действительно музыкальный инструмент, но вовсе не тот, который принято определять этим словом.

На самом деле виброфон – это вибратор с микрофоном. Причём микрофон предназначен для широковещания женских стонов при использовании вибратора.

* * *

Боль может быть как тупой, так и острой. А наслаждение – только острым.

Разносторонний подход к женщине

Если подходить к женщине разносторонне, а именно: не только спереди, но и сзади, а для некоторых – не только сзади, но и спереди, – то сразу открывается очевидная ошибочность

научных анатомических терминов. Именно ягодицы, скрывающие анус, следует именовать большими губами, и тогда бывшие большие станут средними, а малые так ими и останутся.

В дополнение имеются и губки, о которых можно сказать: губки бантиком. Это те, что между новыми большими губами.

Так что пора переделывать учебники по анатомии и ставить меня автором раздела о… самом интересном.

Музыкальный момент

Мы с Джоном играем женщину в четыре руки, слаженно и с чувством. Женщина благодарно поёт нам любовную песню без слов. Когда она точно берёт высшую ноту, женщина теряет голос и падает без чувств, повисая на наших руках. Но после мужских заключительных аккордов женщина приходит в себя и принимается за новую арию. А мы рукоплещем, рукоприкладствуя, и, как прежде, берём исполнение музыкального произведения в свои руки.

Миниатюризация сумасшествия

Раньше люди сходили с ума от чрезмерных размышлений о бесконечности вселенной, о своей ничтожности в этой огромности.

Теперь можно сойти с ума в думах о той же бесконечности, но живой клетки, то есть для того, чтобы сойти с ума, стало требоваться значительно меньше пространства. Произошла миниатюризация основ для сумасшествия.

Так происходит повсеместное повышение эффективности человеческого существования.

Глядя из Америки

В России идёт чужая жизнь на родном языке.

Глубокомысленное

Глубокомысленное и грустное выражение: «Всё кончается» – неизбежно влечёт за собой не менее глубокомысленное, но восторженное: «Всё начинается!»

Мужское и женское честолюбие

У любого мужчины его денежно-деловой успех обеспечивает ему обилие и доступность женщин, а это и есть предел сексуальных желаний для мужчины.

У женщины денежно-деловой успех вовсе не гарантирует ей успешную личную жизнь и часто наоборот, поглощая значительную часть жизни женщины, лишает её возможности завести семью и детей, а потому женщины часто страдают от своего делового успеха. Просто ёбарей им оказывается недостаточно.

Получается, что мужское честолюбие – сексуально, а женское честолюбие – антисексуально.

А что для женщины поистине сексуально, так это вдохновлять собой мужское честолюбие.

Слепые и зрячий

Я выволок весь секс из подсознания и поселил в своё ясное сознание. Одним из следствий сего является то, что я всегда вижу в каждой самке прежде всего её дырки и выпуклости – и однозначно отношусь к каждой как к потенциальной сексуальной партнёрше.

Для большинства мужчин такое видение происходит неосознанно да и то не всегда.

Другими словами, я живу зрячим, а остальные живут слепцами. И, как большинство слепцов от рождения, мужчины не хотят и боятся обрести зрение, ибо оно полностью перевернёт их мир, а они чувствуют себя комфортно в своей слепоте и страшатся этот комфорт потерять. Встаёт вопрос – нужно ли вообще зрение?

Но такой вопрос может возникнуть только у слепцов.

Так что для меня совершенно по-новому засияла строчка Маяковского:

> Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека.

Совместное преодоление страха

Феномен мужского страха перед пиздой давно в науке

зафиксирован. Именно он может объяснить мужскую тягу к gang bang[50] – вместе не так страшно.

Ну а почему многие женщины влекомы подставить себя под множество хуёв, – так это потому, что они их совсем не боятся.

И одна в половом поле воин.

Буддисту

Жизненное напутствие буддисту, озабоченному переселением душ: «Надо прожить свою жизнь так, чтобы она стала твоей последней.»

* * *

Главная причина, по которой многие люди требуют, чтобы сексуальная жизнь была интимным делом, состоит в том, что они хотят скрыть, как она у них убога.

Немецкая нагота

В Германии удалось сделать наготу приемлемой в обществе только с помощью утверждения, что нагота естественна и вовсе не сексуальна. То есть саму сексуальность невозможно сделать приемлемой в обществе, но протащить её «во всеобщее пользование» можно: называя чёрное белым. Вот голые женщины и мужчины оказываются вместе в банях, бассейнах и прочих людных местах, но совершенно не ебутся.

Следуя по такому пути, можно эрекцию и женские раздвинутые ноги с сочащейся пиздой тоже назвать несексуальными, тогда и они, глядишь, станут приемлемыми в немецком обществе. Ну а следующим шагом следует признать не имеющим никакого отношения к сексу само совокупление. И только тогда германцы станут без стыда совокупляться на улицах.

Но в действительности – это обман, или самообман, на который идут люди только ради того, чтобы сделать секс более приемлемым. Это подобно тому, как часть искусства названа эротикой в отличие от порнографии, чтобы протащить в область приемлемого хотя бы ненарочитый секс.

Разумеется, любую либерализацию сексуальных проявлений надо приветствовать. Но как любопытны «исповедимые» пути, которыми люди это осуществляют – протаскивать секс, называя

его не-сексом, то есть старательно не замечать волка в овечьей шкуре, чтобы уберечь своё волчье желание от «века-волкодава».

Немцы додумались до того, как лишиться стыда наготы с помощью её оскопления. А я додумался до уничтожения сексуального стыда и замены его сексуальной гордостью. И гордость эта проявляется во всенародном призыве: «Коль одет, то оголись. А коль гол, то поебись.»

Эпитеты правды

Голая правда, чистая правда, святая правда – все эти фразы имеют один и тот же смысл, утверждающий, что это есть ничто иное как правда.

То есть эпитеты «голая», «чистая» и «святая» утверждают одно и то же, а значит являются синонимами. Вот и получается, что всё голое – это чистое и святое, а другими словами, что нагота – это чистота и святость.

Можно зайти и с другой стороны, ибо эти эпитеты образуют тождество: святость состоит из чистоты и наготы, или чистота есть нагота, дающая святость.

Все эти очевидные выводы «влицоплевательно» противоречат христианству и прочим религиям, страшащимся наготы, то есть правды.

Горький упрёк

Самый горький упрёк, который бросает американская женщина мужчине, это: «Тебе от меня нужен только секс и больше ничего!»

Но ведь в подавляющем большинстве случаев это – чистая правда, и, надо же, что именно правдой женщина умудряется укорять мужчину, смущать и заставлять его чувствовать себя виноватым. Виноватым в том, что он – американский мужчина.

Киношное курево

Ненавижу, когда подавляющая часть игры киногероя заключается в том, как он энергично или вяло вытаскивает сигарету, вдумчиво её зажигает, глубокомысленно затягивается и отчаянно выдыхает дым. Такое делается беспомощным режиссёром на протяжении фильма раз десять. На эту процедуру

уходит не менее минуты, итого десять минут из фильма идёт на курение, которое не несёт никакого смысла, за исключением страстности затяжек и затягивания фильма, а также рекламы спонсора – изготовителя сигарет.

Если делать фильм концентрированным, как то и должно быть, полным действий и чувств, то на курение просто не должно находиться времени в сценарии.

А то чуть какая-то напряжённая ситуация, так сразу для её художественного изображения вытаскивается сигарета.

За такую методологию раскрытия характера надо режиссёра выкуривать из кинематографа.

Чистый Маяковский

Маяковский со своим паталогическим страхом загрязнения и мнительностью к болезням, казалось бы, вёл себя так, будто он старался прожить как можно дольше, избегая микробов и недугов.

А потом взял и застрелился. Стоило всего этого бояться?

Если он после простого рукопожатия бросался мыть руки, то можно себе легко представить, как он страшился пиздяных выделений. Вот пизда и наказала его за отвращение к ней.

Сексуальное равенство

Один мужчина может осеменить тысячи женщин, но удовлетворить лишь немногих.

Одна женщина в состоянии родить лишь нескольких, а удовлетворить – тысячи мужчин.

Из этого следует, что с одной женщиной должно совокупляться по многу мужчин, и только тогда сексуальное удовлетворение мужчин и женщин может сравняться. То есть только тогда может наступить сексуальное равенство между мужчинами и женщинами.

Но в нашем обществе непозволительно поддерживать сексуальное равенство контактным способом, и потому оно кое-как поддерживается с помощью мастурбации.

Хочу стать святым!

Есть форма сумасшествия, которая делает людей в старости паталогически весёлыми, добрыми, жизнерадостными, несмотря ни на какие тяжёлые обстоятельства, болезни и прочее старческое.

Быть может, именно таких сумасшедших и называли святыми.

Хочу стать святым!

Секс и брак

Гомосексуалисты своей долгой и кровопролитной борьбой доказали, что секс и брак существуют независимо друг от друга. Разумеется, гомосексуалисты в своей борьбе над этим не задумывались, просто правда жизни проступает сквозь всякую деятельность и надо только уметь её увидеть. А я умею.

Борьба началась с требований, чтобы за гомосексуализм не преследовали уголовно. Затем, когда законы, карающие гомосексуалистов за использование не тех дырок, которые указаны обществом, постепенно отменили, борьба гомосексуалистов стала продолжаться в направлении увеличения терпимости общества к сексуальным контактам между однополыми людьми. В результате произошла значительная победа – теперь мужчины могут ебаться с мужчинами, а женщины – с женщинами, а также жить и гулять, держась за руки, причём не в специально отведённых местах, а повсюду. Как правило, народ воспринимает это уже как должное. Во всяком случае, в больших городах Америки целующиеся мужчины или целующиеся женщины не вызывают всенародного возмущения.

Однако сексуальная свобода, которую гомосексуалисты вынесли за скобки брака, которой они теперь повсеместно и законно пользуются, оказалась им недостаточной – они захотели нацепить на себя узы брака, в котором имеются удобные социальные преимущества, установленные законами.

Гомосексуалисты (будь то мужская пара или женская) ведут себя подобно стремящейся замуж женщине, которой мало ебли и которой надо обязательно «оформить отношения». Но у женщины для этого есть причина – она заботится о благосостоянии своего потомства и о своём личном, чтобы это потомство кормить и воспитывать. У гомосексуалистов же детей не образуется, разве что искусственно или, далеко не всеми, через усыновление/ удочерение.

Таким образом, гомосексуалисты, получив свободный секс и не имея никаких социальных обязательств, захотели нечто с

сексом совершенно не связанное: финансовые блага и привилегии внесексуального характера, которые придуманы обществом, чтобы держать супругов вместе и сделать развод невыгодным. Гомосексуалисты захотели прав и обязанностей, налагаемых обществом на супругов. То есть нынешняя борьба гомосексуалистов происходит в сфере, не имеющей никакого отношения к сексу, а именно – в брачной.

За всю историю человечества гетеросексуальным парам не удалось провести такую чёткую и откровенную линию разделения между сексом и браком, как это удалось гомосексуальным. Если раньше секс ставили в зависимость от брака, то теперь, благодаря гомосексуалистам, брак рассматривают вне всякой связи с сексом.

* * *

Я знаю, что прошлое хранится до востребования.

Обнажённая натура

Общество категорически запрещает появляться обнажённым в общественных местах. Одно из редчайших исключений – обнажённая модель в классе для студентов художественных заведений. Тут женщина демонстративно обнажается, и все делают вид, что им по хую. Происходит показ голой плоти под предлогом искусства. Здесь законы и общественные нравы почему-то пасуют, уступают. Казалось бы – что им искусство?

Искусство выгородили из жизни и установили в ней территорию, где сексуальность именуется духовностью, что, мол, будучи помещённым в рамки искусства, голое тело перестаёт вызывать похоть, а вместо неё вызывает только духовный восторг при абсолютно мягком хуе и засохшем влагалище. Благодаря этому стратегическому ходу удалось по меньшей мере протаскивать на всеобщее обозрение голые женские сиськи, что недопустимо в приличном обществе, а то и зад или даже лобок, плохо прикрытый парчовыми тряпками. Главным становится убедить общество, что то или иное голое тело – это искусство, а не просто голое тело. А если искусство, то тогда голому телу выдаётся индульгенция в асексуальности.

Остаётся объявить порнографию искусством (искусством тотального обнажения и абсолютного бесстыдства) и тогда порнографические изображения станут закупать в музеях,

устанавливать порнографические скульптуры в парках культуры и отдыха, студенты художественных училищ станут рисовать обнажённую совокупляющуюся натуру, а все нестуденты вокруг будут снимать её на видео своими мобильниками или профессиональными видеокамерами, в конце концов не выдерживая и присоединясь к ней и творя собственное искусство.

I need you, I want you

Огромное количество любовных песен на английском языке содежат фразу и её различные модификации: «I want you, I need you», – «Я хочу тебя, ты мне нужна (и наоборот)».

Если бы пелось только «I want you», то этого бабью было бы маловато – им надо, чтобы в них постоянно нуждались.

Но настоящий-то смысл такой: I need you while I want you (Ты мне нужна, пока я тебя хочу).

Из чего женщина делает подсознательный (а подчас и сознательный) стратегический вывод: чтобы быть нужной – не давать сразу, а дав, не давать слишком часто.

В детство!

Сексуально общение мужчины с женщиной можно рассматривать как попытку мужчины возвратиться в детство: он сосёт и мнёт пальцами её грудь, старается забраться к ней в матку, засовывая во влагалище всё, что он только может: от члена, носа до руки по локоть. Но так как целиком в матку всё равно не спрятаться, то он осуществляет это опосредованно, с помощью своих посланников – засылая туда свои сперматозоиды. Генетически – это одно и то же.

Неэффективность использования гениталий

Все органы человеческого тела используются постоянно, без всяких перерывов: сердце, лёгкие, мозг, почки, печень, руки-ноги – все они ежедневно и даже ежесекундно обеспечивают жизнь тела, биясь, двигаясь и всячески функционируя. И только половые органы используются для наслаждения, и не говоря уж о зачатии, лишь время от времени. А у некоторых людей (монахообразных) – вообще не используются (так они, во всяком случае, утверждают…)

Это непорядок. Наслаждаться следует ежедневно и по много раз, чтобы повысить к.п.д. гениталий. А то всё тело работает как самолёт, а они – как паровоз.

И уж если ты, женщина, сама не используешь свои половые органы на полную катушку, то дай хоть другим попользоваться ими на все сто.

Борьба со старостью

Когда деревья сбрасывают листья – приходит осень.
Когда женщина сбрасывает одежду – приходит весна.

Британские забавы

Наблюдая длинную Кэйт в шляпенции, стоящую на трибуне впритирку с королевой и прочей номинальной властью, а также за народом, бурлящим вокруг в прострации чинопочитания, я представляю только одно – на трибуну высаживается с вертолёта команда коммандос. Они в темпе ставят раком Кэйт, задирают ей платье, срезают трусики (или обнаруживают, что под платьем всё голо) и ебут её один за другим, да так умело, что она начинает поддавать и подвывать, а зрелище её поглощающей хуй за хуем пизды транслируется по всем экранам, каналам и интернету, чтобы верноподданные и неверные любовались истинной сутью своей будущей королевы. А нынешняя королева в торжественном оцепенении пусть наблюдает за своей воплощающейся мечтой, да только её саму миновавшей.

Когда же Кэйт дотаскивают до оргазма (с помощью впрыснутого в неё возбудителя, а то слишком неврозная да и непривычная для неё обстановка), повсеместный народ устраивает овацию, а все эти коммандос благополучно сваливают на подлетевшем вертолёте, превращающимся в скоростную ракету, чтобы Скотланд Ярд не догнал.

Потом Кэйт поднимается с колен, одёргивает платье, напяливает сбившуюся набок шляпенцию, и церемония продолжается как ни в чём не бывало.

Но народ уже не обращает на неё внимание, а прокручивает на своих мобильниках запись ебомой Кэйт и группово дрочит как на площади, так и у домашней электроники.

Преимущество женщин

Даже на ненадёжную женщину можно положиться.

* * *

Два злейших врага – похоть и верность: чем дольше длится верность, тем меньше остаётся похоти, чем дольше длится похоть, тем меньше остаётся места для верности. Если побеждает похоть, то выпестывается восторг. Если побеждает верность, то зарождается сумасшествие.

Осеннее свидание

Он шёл на свидание по осеннему лесу, твердя строчки:

Смело топчу я ногою вешнего леса красу.

Он ощущал злобное торжество в слове «смело» – вот топчу красу, которую раньше боготворил, причём топчу, как петух – курицу. Кроме того, «смело» потому что безнаказанно. Короче, ебу бабу, которая раньше воображала из себя…

Ещё один ответ

Ещё один ответ на одиозный (дурацкий) вопрос: Могут ли мужчина и женщина быть друзьями?

Вот ответ: мужчина с женщиной друзьями быть не может, а женщина с мужчиной – может.

Если по Alfred Kinsey и по мне считать оргазм за единицу любви, то тогда получается следующее: женщина, которая по тем или иным причинам не может кончить с мужчиной, остаётся с ним «друзьями» даже после ебли с ним. А мужчина, который, как правило, без труда кончает в женщину, перестаёт быть её другом, испытав в ней оргазм.

Так что женщина, совокупляясь с мужчиной, нередко лишь дружит с ним.

А для мужчины женщина – всегда любовница, даже если она согласилась с ним дружить.

Ноев ковчег

Ноев ковчег по сути дела был плавучей оргией, где еблись

семь пар чистых и семь пар нечистых. И Ной среди них со своей женой и наложницами. Алые паруса, бля.

Пришвартовались к Арарату и ну давай рожать.

Языковое соблазнение

Долгие века ходит поверье, что женщины якобы лучше всего соблазняются на речь, на слова, на болтовню. А вот на вид хуя женщина реагирует существенно менее страстно и одержимо, чем мужчина на вид пизды. Если это и впрямь так (хотя бы у определённой категории женщин), то объяснить это можно следующим образом.

От хуя женщина вовсе не обязательно получит оргазм – тогда чего ей сходить с ума по хую? А вот мужчина от пизды обязательно оргазм заимеет, вот он и трепещет при одном лишь её мелькании.

От чего женщина почти наверняка получит оргазм, так это от стимуляции клитора – не потому ли женщина игриво высовывает язык, указывая, какой метод стимуляции доведёт её до оргазма. Мужчина воспринимает высунутый женский язык как сексуальную дразнилку, тогда как на самом деле он является лишь указкой на то, как женщине надо доставить наслаждение.

Так что, если мужчина станет высовывать язык вместо хуя, то он соблазнит женщину значительно быстрее.

В этом же ключе можно объяснить поддаваемость женщин на мужское красноречие: женщина подсознательно воспринимает умение болтать языком как умение болтать им продолжительное время по нужному ей месту.

Маскировка косметикой

Использование косметики – это ни что иное как маскировка. Разведчики маскируются, чтобы их не заметили. А женщины – чтобы обязательно заметили. Чтобы по ним стреляли глазами. Женщины всегда играют в поддавки.

Безотказность

Раз женщина – это орудие безотказного наслаждения, то и само орудие нужно сделать тоже безотказным. Так что идеальную женщину можно определить как безотказное орудие безотказного

наслаждения.

Сказочные образы

В детстве я недоумевал сказочному рефрену:

молочные реки, кисельные берега, —

что это может быть?

Позже, ознакомившись с пиздой, понял – это бели посреди губ, дряблых, как кисель.

Древнекитайские штучки

Во многих древнекитайских эротических новеллах имеет место один и тот же сюжет: мужик пробирается в женский монастырь и ебёт монахинь, но в конце концов они его заёбывают если не до смерти, то почти. Либо мужик ходит по борделям и певичкам и опять они его заёбывают – еле ноги уносит или всё-таки хвостовик отбрасывает, не выдержав похоти женщин.

Так что становится понятным, что даосская философия возникла как реакция на мужские летальные исходы в результате обильных похождений. Она обучает способам выжить при ебле с большим количеством женщин, где самый главный – не кончать более одного раза. Предлог для этого даётся духовный (не растрачивать драгоценную сперму), тогда как причина – вполне прикладная, материалистическая: будешь жаден до баб – они заебут тебя до смерти, коль не умеешь сдерживаться.

Ремонт партнёра

Ныне электронные да и прочие изделия ремонтируют не на уровне деталей, а на уровне блоков. То есть не ищут причину неисправности в какой-то детали, чтобы её отремонтировать, а берут целый блок, где испорченная деталь должна находиться, и меняют на новый. Надёжно, выгодно, удобно.

А вот при неполадках в узле «мужчина – женщина» призывают «работать» над отношениями, искать глубинные причины неполадок и исправлять их. Это всё ненадёжно, невыгодно и неудобно.

Лучше всего менять блок женщины на новую – сменил за минуту и все дела: машина наслаждений продолжает работать на

полную катушку. Без всяких ремонтных утомительных выяснений отношений, а быстро и легко меняя ставший строптивым блок наслаждений на новый и покладистый.

Разумеется, что задачей человечества становится снабжение сменными блоками, чтобы они всегда были под рукой и недорогими, и тогда снова наступит золотой век человечества. Как это было при рабовладельческом строе, когда одну рабыню меняли на её сестрицу за какой-нибудь сестерций.

Гибкий подход

Некогда я соблазнял упрямившуюся дурочку. Девушка утверждала, что хочет отдаться только по любви. Я ей подпевал: «Я же не виноват, что ты меня не любишь, но хочешь.» Девушка удручённо качала головой, прервав поцелуй. Но потом ей оказалось не по силам справиться со своим и моим желанием, и она неожиданно для себя насладилась многочисленными оргазмами, которые я ей играючи организовал. После этого она решила, что будет иметь двух мужчин: одного для ебли, а другого для любви.

Я единогласно поддержал её решение.

Неполный перечень

Ненавижу: туристские палатки, еврейские и русские танцы кругом, держась за руки, непунктуальность, женщин, которые не уходят вовремя, мужчин, которые приходят не вовремя.

Люблю: нежных женщин, *Макинтош*, желанные книги, американский комфорт, злобные рецензии о моих книжках.

В КАПКАНЕ

Так называемая женская беспомощность, алогичность предназначены для того, чтобы благосклонный к женщине мужчина умилился этими качествами и захотел бы ей помочь. Но женщина только этого и ждёт, потому что она прекрасно ориентируется в жизни и способна позаботиться о себе гораздо лучше, чем умилившийся ею мужчина. Именно тот факт, что он умилился ею, как раз и доказывает то, что он не приспособлен к сопротивлению капканам, которые расставляет женщина, представляясь «слабой и беззащитной».

Многозначность и однозначность

Омерзительно, что массу столетий люди мусолят Библию, Коран и прочие человекосочинённые письмотворения: толкуют, интерпретируют, спекулируют на неточности, многозначности и просто на глупости.

Была бы эта писанина от Бога, он бы высказался точно и однозначно, как он это сделал с оргазмом – испытывая его, каждому сразу становится ясно, что он – позывной Бога.

А вся эта религиозная писанина и возня вокруг неё возникли из-за препятствий, которые воздвигли люди на пути к оргазму.

Бессмертные дети

Дети рождаются бессмертными, не ведая стыда. Но потом родители и прочие люди обучают их стыду и дети, вырастая, становятся смертны.

Романтика разлук и встреч

– Мне тебя так не хватает, – говорит он, и за грудь её хватает.

Его радость от встречи длится до самого оргазма.

А ей бы только до ванной добежать, чтобы пол не закапать, да вибратор включить на полную мощь.

Ценность моих текстов

Ценность моих текстов постоянно растёт, ибо она определяется количеством оргазмов и глубиной размышлений о них, которые тексты мои спровоцировали у читателей.

Мужской мозг

Мужской мозг находится не в голове, а в головке.

Мужской оргазм умнее

Для женского оргазма достаточно работать языком, а для мужского надо ещё работать и головой.

Истинная верность жене

Истинная верность жене при наличии любовниц состоит в том, что ты никогда не покинешь жену ради какой бы то ни было любовницы.

Победители

В совокуплении женщина соревнуется с мужчиной, кто быстрее кончит. Если побеждает мужчина, то это его Пиррова победа. А если побеждает женщина, то соревнование продолжается, пока мужчина всё-таки не вынужден будет победить, причём всегда Пиррово.

Милые бранятся…

Многие любовные пары используют ругань как способ краткого возрождения похоти. Makeup sex is the best sex – «помиренческая ебля» особенно остра. Происходит это потому, что ругань есть отдаление любовников друг от друга. Другими словами, во время ругани возникает ощущение «чужести» недавно близкого человека.

А став чужим, ты стал более желанным, ибо «чужесть», а не близость вызывают особо сильную похоть. Таким образом, ругань является методом увидеть в близком человеке чужого, а значит и возжелать его из-за его возникшей «чужести», которая стимулирует желание.

Пословица

Милые бранятся – только тешатся

отражает этот любовный трюк.

Итак, жажда «чужести», то есть жажда нового любовника подменяется имитацией его с помощью ругани. Так, у мужчины не хватает духа поиметь новую женщину, и он предпочитает ругаться со старой в тщетных усилиях «обновить» её таким дрянным способом.

А вот мужчина, выебавший новую бабу и пришедший домой к своей, привычной, удовлетворённо поебёт её без всякой ругани, ибо ругань будет просто не нужна, потому что его привычная баба автоматически обретёт элемент новизны из-за только что вкушённой им свежей любовницы.

Таким образом, милые бранятся, потому что не смеют завести дополнительных милых.

Возмущённые

Возмущённый моралист воскликнул с угрозой в голосе: «Вместо того, чтобы размножаться, они наслаждаются!»

Возмущённый либертин парировал: «Вместо того, чтобы наслаждаться, они размножаются!»

Тем временем человечество наслаждалось, по возможности размножаясь.

Чистота

Не так давно девушка и парень в 11 классе влюбились, и она забеременела. Учителя выстроили всех учеников на линейку и ругали их за то, что они не помогли своим товарищам сохранить чистоту.

Тогда как в здоровом обществе влюблённая парочка должна была бы выстроить учителей в ряд и шпынять их за то, что они не научили молодых пользоваться противозачаточными средствами.

Законодательство

Первая задача всякого человеколюбивого государства – это обеспечить, чтобы законодатели и законоисполнители были сексуально удовлетворены. Тогда будут гуманны как сами устанавливаемые ими законы, так и методы обеспечения их выполнения.

Удержание религией

Религия объединяет людей на долгое время, тогда как любовь гарантирует единство только до оргазма.

Таким образом, религия – это пока самый эффективный метод удержания людей вместе.

Прерывание

Увлекательный фильм, прерываемый рекламой, напоминает coitus interruptus[51].

Стыд и бесстыдство

Очевидно, что сексуальное бесстыдство может существовать лишь в окружении стыда. Поэтому полное уничтожение стыда лишит бесстыдство всякого смысла и сладости. Вот почему речь идёт только о перераспределении стыда и бесстыдства – поместить стыд в окружение бесстыдства, чтобы бесстыдству было от чего отталкиваться и повелевать.

Сейчас бесстыдству в обществе уготовано место изгоя, а сделать нужно так, чтобы изгоем стал сексуальный стыд.

Подобие хода

Известна поговорка:

> Разделённое горе меньше, разделённая радость больше.

Кто бы мог подумать, что подобных чудес вокруг не счесть. И вот главное чудо:

Разделённый хуй меньше, разделённая пизда больше.

Велосипедное

Женский велосипед должен предназначаться для мужчин, чтобы они не бились яйцами о раму. А женщинам удобнее закидывать ноги (по привычке) и потому им сподручнее (сподножнее) мужской велосипед.

Однако разница в конструкции велосипедов для мужчин и женщин создана вовсе не для удобства, а лишь по требованиям морали. Женщинам нельзя прилюдно закидывать ноги, а то станет видно, что у неё между ног. (Подобно женским лошадиным сёдлам, когда женщин заставляли сидеть, свернувшись, боком, свешивая обе ноги на одну сторону, сворачивая позвоночник штопором.)

А мужчины пусть яйцами грохаются о стальную перекладину – меньше ебаться будут. Таковы извечные цели морали: изо всех сил усложнить и укоротить людскую жизнь, а не, упаси бог, сделать её легче и проще.

А так как цели у морали и у правительства российского точно совпадают, то российское правительство можно смело назвать моральным.

Выбор – один

Существуют сто тысяч болезней и только одно здоровье. И потому выбор у человека один – здоровье. А свобода выбора ведёт к страданиям и смерти.

Исток честности

Если ты честен в своих сексуальных желаниях, признаёшься себе в них и следуешь им, то ты будешь честен и в остальной жизни, в финансовых операциях, в рабочих делах, во внесексуальных контактах с людьми (если такие бывают).

Если же ты себе лжёшь, скрывая или переиначивая свои желания, то ты будешь лгуном и во всех сферах жизни.

Так что сексуальная честность есть основа честности как таковой.

Запоры и воздержание

Запорами страдают только те женщины, которые подавляют в себе желание наслаждения. А все обильно и радостно ебущиеся женщины испражняются легко, направо и налево, на каждом углу, днём и ночью.

Тоннель и тупик

Тупик пизды превращается в тоннель, ведущий в иной мир, как только в конце его возникает свет оргазма.

Многократная девственность

По мере своего сексуального развития женщина теряет девственность многократно: первый раз вагинальный секс, первый раз оральный, первый раз анальный, первый раз втроём, первый раз вчетвером и пошло-поехало. Всё это девственности разных уровней, и после устранения каждой из них для женщины

открываются новые горизонты её способностей и возможностей, о которых она часто и не подозревает.

Так что избавиться от девственности для девушки не так-то быстро и легко. И потому ответственность мужчин за лишение девственности не исчерпывается одним тыком, а требует многих знаний и усилий с заботой, о которых мужчины часто и не подозревают.

Всегда

Женщина всегда беременна оргазмом. Причём беременность эта не прерывается родами.

Воскрешение желания

Воскрешение желания после его убийства оргазмом и есть отличие между смертью жизни и смертью в жизни.

Место общения

Менеджер из соседнего офиса, с которым мы лишь здоровались, встречаясь в коридоре. Но однажды судьба нас свела в соседние кабинки в туалете по сральным делам. И этот менеджер затеял через перегородку со мной разговор о политике в России. Поговорили – как никогда за десять лет. Оказалось очень уместным.

Регулярность повторения

Все действия, которые ты производишь регулярно, повторно, систематично, становятся для тебя естественными и нормальными. Вплоть до убийства.

Потому-то и вводятся запреты на определённые действия – чтобы они не стали нормальными. Например, совокупление в общественном месте. А то столько бы зрелищ открылось бы народу. Стояли бы с хлебом в руке и жевали, не сводя глаз.

Продолжение аналогии

Цикл женского наслаждения подобен циклу зачатия,

беременности и родам. Оргазм и его спазмы уже сравнивали с родовыми спазмами, но аналогию можно продолжить. Введение члена уподобляется зачатию наслаждения, а рост наслаждения по мере продолжения возбуждения можно сравнить с процессом беременности. Однако если мужчина извергается слишком рано, то прерывание наслаждения можно уподобить выкидышу. Довести беременность наслаждения до родов оргазма – это обязанность мужчины, которая аналогична мужской заботе о женщине в процессе вынашивания ею ребёнка.

Но подобно тому, как зачав, женщина может сама доносить и родить ребёнка без помощи мужчины, так, возбудясь, она сама может довести себя до оргазма, даже если мужчина уже заснул или ушёл.

В поисках взаимности

При входе в винный магазин стоит полуголая красавица во весь рост, сделанная из плотного картона. Она держит в руках полную кружку пенящегося пива и улыбается мне зазывающе.

– Fuck you, – говорю я ей вполголоса, проходя мимо и устремляясь к полкам с бутылками.

– Fuck you too[52], – слышу я себе вслед сладкий женский голос.

Я оборачиваюсь и обнаруживаю, что в картонную бабу вделано отвечающее устройство – оно записывает всё, что ты ей сказал, повторяет это женским голосом и добавляет слово «too». Так что если бы я ей сказал: «Good evening to you» – устройство ответило бы: «Good evening to you too».

Продолжая изучать картонную бабу, я замечаю, что в ней проделано три отверстия нужного диаметра и в нужных местах.

Я начинаю расстёгивать ширинку, и тут передо мной является менеджер магазина. Это – та же девица, что на плоском картоне, но живая и трёхмерная. В руках у неё настоящая кружка настоящего пенящегося пива, которую она протягивает мне со словами «Fuck you too!»

Самое интересное, что на этом я не проснулся…

Неблагодарность

Он отдал ей своё сердце, и она стала упрекать его в бессердечии.

Кастрация в жизни и литературе

Если кастрация в жизни всячески порицается моралью и считается уголовным преступлением, то в литературе кастрация персонажей, то есть изображение их без половых органов с помощью избегания всякого упоминания о них, всячески приветствуется моралью и называется «высоким» искусством.

Разделение труда и каждому по труду

Бог дал женщинам пизду и прочие отверстия, а дьявол научил женщину выдвигать условия за право ими пользоваться. С дьяволом следует, как известно, биться беспощадно, в то время как страстно прославляешь деяния божии.

Всуе

Воззвание

Не поминай бога всуе

является также призывом не ругаться матом. И действительно, коль гениталии – это лик божий (см. меня) то поминать их через слово по имени – «хуй – пизда», – это и есть упоминание бога всуе.

Из воспоминаний историка о Путине

Этой весной я увидел Путина, стоящего в двусмысленной позе на берегу Москвы-реки. Вокруг него толпились охранники и мигали мерседесы. И тут я вспомнил, что египетский фараон раз в год торжественно мастурбировал в воды Нила, чтобы обеспечить плодородие. Невольные ассоциации возникли у меня по отношению к российскому фараону. Однако вспомнив о состоянии государства Российского, я понял, что Путин не мастурбировал, а мочился.

Знак уважения к женщине

Принять виагру перед свиданием с женщиной – это знак

уважения к ней.

Сливки вкуса

Больше всего в девушке мне нравятся менструации.
(Почемучкам предлагаю самообслуживание.)

Роды

Если смотреть на головку младенца, вылезающую из влагалища, или смотреть на кусок дерьма, вылезающий из ануса, то не возникает сомнений в подобии этих процессов – это роды. Если человеческий плод был зачат из-за введения спермы в одно из отверстий в теле, то дерьмо было зачато из-за введения пищи в другое отверстие. В обоих случаях был период вынашивания плода.

Разница лишь в ценности рождённого плода.

Однако и ценность этих плодов весьма относительна. Кусок дерьма знаменитой красавицы может быть много ценнее, чем младенец с генетическими мутациями, делающими из него урода, не способного к жизни.

Красота и порнография

До сих пор не сумели найти непротиворечивого определения порнографии, а пользуются высказыванием американского почтаря, некогда запретившего пересылку порнографии по почте:

Когда я её вижу, я её узнаю́.

Так что одним порнографией представляются женские ноги, а другим – то, что между ног.

Подобная ситуация имеет место и с красотой, которую тщатся определить многие века. «Красота – в глазах влюблённого». То, что красиво для одного, может быть ничем не примечательным для другого. Пушкин в *Тайных записках* сказал, что красота – это не определяемое, а узнаваемое.

Разительное подобие человеческой реакции на красоту и на порнографию при полной неспособности найти для них точные определения есть ещё одно подтверждение моего ви́дения половых органов как воплощения абсолютной красоты.

Хитрый Маяковский

У Маяковского в строчках об изнасиловании

Дайте любую красивую юную…

самое важное слово «дайте». То есть он не хочет сам добывать бабу, а хочет, чтобы ему её привели и, быть может, раздели, а он потом ей, видите ли, силой ножки разведёт.

Он знает, что изнасиловать – это самое простое, а самое сложное – это найти нужную красивую и юную, иметь укромное место, уговорить её туда пойти и вообще – всё подготовительное.

А Маяковский хочет на всё готовенькое: «Дайте!»

Но вместо бабы ему дали революцию, которая изнасиловала самого Маяковского.

Чувствительность

Люди не ощущают своего сердца, пока оно не заболит или не забьётся в радостном предвкушении или во всеохватном страхе. Также люди не замечают и не ощущают своих половых органов, пока не придёт желание или пока не дадут по яйцам.

Я же всегда чувствую не только свои половые органы, но и чужие.

«Сексуальная травма»

Когда маленький ребёнок застаёт своих родителей за совокуплением, то это называют «сексуальной травмой». Но почему же травмой? Почему из этого события не сделать для ребёнка радостное, хотя и неожиданное открытие? Почему у ребёнка должно остаться ощущение увиденного зла и ужаса, а не добра и образца для будущего подражания? Происходит это прежде всего потому, что застигнутые врасплох родители ведут себя так, будто их настигли на месте преступления, а не на месте наслаждения. Они смущены, смятены, они лгут и притворяются, что они делают нечто совершенно иное, чем ебля. Ребёнок точно чувствует состояние родителей и его не провести, он прекрасно понимает, что он увидел нечто грандиозное. Но поведение родителей – вот что травмирует ребёнка, так как его ощущение прекрасности увиденного не подтверждается для ребёнка радостными родителями, а резко отвергается ими, повергнутыми

в ужас.

Чем радостнее и восторженнее родители, увиденные ребёнком, чем убедительнее они объяснят, что стоны могут быть стонами наслаждения, а не боли, и тогда это событие станет для ребёнка вдохновляющим, а не травмирующим.

Не само совокупление, а реакция на него родителей может быть травмирующим для ребёнка.

То же самое продолжается и со взрослыми, когда не совокупление, а реакция общества на него калечит инфантильных взрослых.

Пороть горячку!

При писании мною заметок о людях XIX века неизбежной составляющей были даты их жизни и смерти. Мало мужчин доживало до 50 лет, смерть в тридцать-сорок лет была делом обычным. Человек добравшийся до 60 считался глубоким стариком.

Я знал об этом и раньше, но тут я впервые столкнулся с наглядной и упорной статистикой – обречённостью на краткую жизнь по сравнению с нынешней.

Одной из главных причин ранней смерти в те времена была «горячка» – под этим словом скрывались различные воспаления – от воспаления лёгких до заражений различными бактериями. Так, например, умер Баратынский в 44 года – от горячки.

Я не раз бывал в горячке и каждый раз мог запросто перешагнуть черту этой жизни. Но на моё счастье мне давали несколько волшебных таблеточек и моё стремительное продвижение к смерти приостанавливалось. Эти чудодейственные таблетки называются антибиотиками. Они продлили жизнь многих людей раза в два. Об антибиотиках можно сказать, что они порют горячку.

Теперь надо поскорей научиться саму смерть рассматривать как болезнь и бороться с нею как с болезнью, то есть вылечивать от неё до конца.

Вот уж тогда заживём!

Оправданная плата

Раньше всякое совокупление вне брака грозило женщине множеством кар: она могла забеременеть, её репутация могла быть подмочена (спермой) и её социальное будущее было бы

похерено (херами). Кроме того, женщине не позволяли зарабатывать деньги, а если позволяли, то платили ничтожную долю от того, что платили мужчинам. Женщину могли заразить венерической болезнью, от которой было нелегко или невозможно вылечиться. Из-за подмоченной репутации женщина могла попасть в нищету и это толкало её в проституцию.

Короче, обилие невзгод, которым себя подвергала женщина, раздвигая ноги вне брака, давало ей все основания взымать деньги с мужчины в качестве компенсации за риск. Мужчины это понимали, а если не понимали, то чувствовали и всегда платили за женщину деньгами, подарками, содержанием.

Теперь же, занимаясь сексом с кем ей вздумается, женщина не подвергает себя никакому риску: она использует надёжные противозачаточные средства, она требует ебли с презервативом, чтобы не заразиться. Она может приглашать ёбаря к себе в квартиру, которую она без труда оплачивает сама, имея работу, не худшую, а часто лучшую, чем у мужчины. Её репутация только возрастает, если её видят независимой финансово и сексуально. Так что женщина теперь ничем не рискует, вступая во внебрачную связь с мужчиной.

Тем не менее, она требует, или по меньшей мере, ожидает, что ёбарь должен водить её по ресторанам, покупать ей подарки и проявлять всевозможные знаки внимания, эквивалентные плате денег, а часто и являющиеся платой денег.

Что даёт женщине право по-прежнему взымать деньги за раздвигание ног? Почему мужчина по-прежнему готов платить за женщину?

А всё происходит потому, что между мужчиной и женщиной всегда остаётся одно последнее и главное различие: женщина в большинстве случаев легко удовлетворяет мужчину, а мужчина далеко не всегда и уж точно не полностью удовлетворяет женщину. А значит женщина, как правило, имеет право на денежную компенсацию в случае недополучения наслаждения. А это значит, мужчина практически всегда должен давать женщине деньги в той или иной форме.

Разве что в ситуации, когда женщина имеет последовательно или одновременно столько умелых мужчин, сколько ей хочется – только тогда она совершенно забывает о деньгах. А мужчина может расслабиться, ожидая своей очереди, и не искать нервно свой кошелёк в уже снятых брюках.

Оргия как освобождение от лжи

В групповом сексе уничтожается ложь (предназначенная для женщин) о наслаждении, связанном якобы только с любимым человеком.

Когда любовник наблюдал за своей любовницей в состоянии высшего наслаждения, которое он ей раньше давал, то он неминуемо связывал причину этого наслаждения лично с собой. Вот, мол, как я довожу эту женщину до оргазма. В групповой ситуации он видит свою любовницу, которая так же или ещё сильнее наслаждается вовсе не с ним, а с другими мужчинами.

Любовнику нужно иметь силы, чтобы принять эту правду, правду своей мгновенной сексуальной заменимости. Причём наблюдать её с ярчайшей наглядностью. Это всё равно, что понять свою смертность и смириться с её неизбежностью. По-видимому, люди уединяются во время ебли и в большинстве своём избегают групповых ситуаций именно для того, чтобы поддерживать иллюзию своей исключительности или, в терминах жизни – иллюзию своего бессмертия.

Кроме того, принятие множественности мужчин любовницей это есть для любовника испытание истинности его любви, которая, по одному из популярных определений, является заботой о счастье любимой в большей степени, чем о своём собственном. Так что если наслаждение во многом определяет суть счастья, то при истинной любви мужчина должен стараться принести своей возлюбленной больше счастья и быть только рад, если она испытывает десять оргазмов с несколькими мужчинами вместо лишь одного-двух, которые он способен в ней вызвать в одиночку.

Женщина же только радуется освобождению от всякой сексуальной лжи, только бы это освобождение приносило ей наслаждение.

Кому легче наслаждается

Чтобы удовлетворить мужчину, женщине не требуется ни духовных, ни физических усилий – ей надо лишь развести ноги.

Чтобы удовлетворить женщину, мужчине требуются как духовные, так и физические усилия: держать эрекцию, не позволить преждевременного семяизвержения, работать языком, пальцами, руками и всё это в течение долгого времени, так как женщине либо мало одного оргазма, либо трудно достичь хотя бы одного.

Более того, из-за простоты удовлетворения мужчины женщина может с пассивной лёгкостью удовлетворить несколько

мужчин подряд.

Мужчина же, из-за непростоты фундаментального удовлетворения женщины нередко приглашает помощников в этом тяжёлом труде.

А если он этого не делает сам, то это делает в тайне от него сама женщина.

* * *

Женщина даёт понять: влюблюсь, но не бесплатно.

В ответ мужчина начинает судорожно нащупывать в кармане деньги, презерватив и хуй – в той же последовательности, в какой ему потребуется предъявлять женщине доказательства своей любви.

Привычка – отвычка

Да, известно, что человек ко всему привыкает. Но почему-то менее известно, что человек от всего с такой же способностью отвыкает.

Не даром же:

С глаз долой – из сердца вон,

и прочие мудрости…

Так что такое равновесие человеческих способностей даёт дополнительные аргументы как для оптимизма, так и для пессимизма.

Что является ещё одной демонстрацией того же равновесия.

Некоторые женщины…

Некоторые женщины утверждают, что, совокупляясь первый раз с новым любовником, не могут кончить. Не является ли это ложью для спасения самолюбия мужчины, а значит и взращивания его потенции для следующего раза?

То есть женщина знает, что первый раз мужчина может кончить слишком быстро, либо у него стоять не будет, либо ещё что. Естественно, что при такой ситуации ей не добраться до оргазма. Тогда она говорит ему, что первый раз она кончить всё равно не может и таким образом ответственность с любовника снимается.

Женщина не говорит, что кончает на второй раз, ибо тогда будет оказываться психологическое давление на мужчину, мол, уж во второй раз он должен выказать свои мужские способности, а это может вызвать обратную реакцию. Поэтому женщина сообщает, что ей нужно к мужчине привыкнуть, не уточняя, сколько это привыкание может продлиться. Благодаря такой постановке вопроса любовнику даётся возможность психологически расслабиться и выполнить, наконец, свои любовнические обязанности, доведя женщину до оргазма. С помощью желательного для женщины продления отношений.

Условный сперморефлекс

У некоторых женщин вырабатывается отвращение к сперме, потому что она связывается в их сознании не с наслаждением, а с его прерыванием из-за преждевременного семяизвержения. Сперма для женщины становится символом её сексуального разочарования, надругательством над её желанием наслаждения и потому у неё возникает отвращение к сперме, к ощущению мокроты, возникшей у неё между ног, а вкусовое отвращение – и подавно. Возникает условный рефлекс: сперма есть разочарование.

Всякая любовь рождается как результат предвкушаемого или полученного наслаждения, и потому, если женщина заливается спермой за секунду до её уже неминуемого оргазма или во время него, то сперма становится ей желанна, как предвестница великого наслаждения.

Вызволение секса из бессознательного

Знаемо, что йоги, и не только они, могут научиться контролировать скорость сердцебиения, почти останавливая его. Также можно научиться контролировать дыхание. То есть то, что делается телом бессознательно, можно выволочь наружу и делать сознательно. Опасность в том, что сердце может стать зависимым от сознания, впасть в аритмию и остановиться, если ты о нём не будешь думать, постоянно им управляя. То же самое с непроизвольным дыханием, ставшим намеренным – забудешь дышать и задохнёшься. Так что есть процессы, которые лучше оставить на попечение бессознательного, которое знает, что делать, ибо получило инструкции прямо от бога.

Не происходит ли подобное с вызволением сексуальных

функций из бессознательного в сознание? Вызволение это происходит с помощью их обязательно бесстыдного анализа. Например, вместо непроизвольной ревности ты оборачиваешь её в осознанную радость от привлечения других мужчин для ебли своей женщины. Или в слепой влюблённости в одну пизду, вытащенной из бессознательного, ты осознаёшь желание любой пизды и пр.

Так как секс в бессознательном пронизывает все наши действия, то по его необходимости и важности для жизни он приравнивается к сердцебиению и дыханию. А значит, выволочив секс из бессознательного, ты должен постоянно думать о нём и направлять его в осознанные цели. То есть забота о сексе, представляющаяся сторонним патологической озабоченностью, становится постоянной ради того, чтобы твоя жизнь продолжалась, а не оказалась бездыханной. Из-за того, что секс переместился из бессознательного в сознание, ты становишься его рабом – ты должен постоянно о нём думать и распоряжаться своей жизнью так, чтобы отсутствие секса не остановило твои лёгкие и сердце.

Доказательство от противного

Если рассматривать всё только в рамках всеобъемлющей эволюции, то расстрел людей в кинотеатре в Колорадо можно объяснить только естественным отбором, а именно: были убиты те, кто ходит в полночь смотреть дурацкие фильмы, и таким образом произошло уменьшение количества умственно отсталых людей.

Однако абсурдность панэволюционистского подхода взывает к привнесению иных объяснений в развитие человеческой цивилизации, а именно Провидения. Тем более, что среди убитых была молодая женщина, лишь месяц назад чудом избежавшая подобной расстрельной ситуации в канадском торговом центре и как бы целенаправленно оказавшаяся на месте нового массового расстрела в Колорадо.

Идеальный брак

Неженатые мужчины охотятся за женщинами, тратят энергию, время и деньги на соблазнения, потом быстро пресыщаются и начинается новая охота – так идёт неэффективная трата жизни.

Подобное происходит и с незамужними женщинами, которые соблазняют мужчин, потом быстро разочаровываются в них и снова бросаются на утомительный поиск и завлекание.

Но женатая пара, которая выучила друг друга наизусть, вместо того, чтобы разбегаться от пресыщения, может упрощать и услащать друг другу жизнь: муж из среды многочисленных своих знакомых, друзей и просто незнакомых мужчин поставляет своей жене ёбарей, а жена среди своих многочисленных подруг, знакомых и «таинственных незнакомок» находит мужу женщин.

Вот для чего нужен брак: для взаимного сводничества-сотрудничества, для дружеской помощи и увеличения эффективности наслаждения в жизни. В таком браке не происходит траты времени на соблазнение и поиск, поскольку ни один мужик не откажется от предложенной распахнувшейся перед ним пизды, и редко какая женщина откажется от мужчины, соблазнительно разрекламированного другой женщиной.

Таким образом брак станет методом повышения эффективности сексуальной жизни супругов, которые сами с каждым годом брака всё более превращаются из любовников в друзей.

* * *

Вопрос «любишь – не любишь?» на самом деле есть вопрос: «Хочешь – не хочешь?»

Святотатство символов

Как древнеиндийская свастика – символ счастья – изгажена своей привязанностью к фашизму, так берёза, растущая по всему миру, испохаблена своей присобаченностью к России.

Так крест – орудие пыток – сделали объектом христианского почитания. Это подобно тому, как если бы евреи стали носить на шее изображение дымящей трубы Освенцима.

Признание

Ты мне нужна только тогда, когда ты мне нужна.

Основы обоняния

Благовоние зловоний.

Основы анатомии

Хуй клитора. Пизда жопы.

Увиденное

Нежеланный поцелуй, соскальзывающий на край рта.

Симптомчик

Если корова стоит среди поля и её морда не опущена к земле и она не жуёт траву, а стоит с поднятой головой – значит корова заболела.

Если я сижу, читаю, пишу, но не хочу ебаться, значит я заболел.

Миролюбие торговли

Недаром торговля между людьми и государствами способствует установлению мирных отношений: торговля по сути своей терпима к любой морали, а конфликты между людьми возникают из-за нравственной нетерпимости, из-за борьбы в определениях,

что такое «хорошо» и что такое «плохо».

У торговли есть лишь один критерий: доход – убыток. То, что даёт постоянный доход – живёт, то, что приносит убыток – умирает. Поэтому нетерпимость возникает только к убытку, причём не нравственная, а на уровне простого выживания. Интересно то, что забота о долгосрочной выгоде автоматически выстраивает отношения на высокой нравственности, ибо попытка сорвать барыш нечестными способами лишает возможности долгосрочной выгоды, а потому для её достижения требуется установление доверия, честных отношений между продавцом и покупателем. Поэтому в долгосрочной выгоде заложено нравственное начало, но оно – явление вторичное, побочное, а потому свободная торговля примиряет.

Вот почему проституция, торговля наслаждением, основана

вовсе не на нравственности, а на выгоде, и потому она снимает напряжение в обществе, делая его более миролюбивым, объединяя продавцов и покупателей, тогда как те, кто обременён нравственностью, всегда находятся в состоянии войны со всем миром.

Гарантия проникновения

Плохое воплощение идеи изготовить легче, а главное – дешевле. Именно благодаря дешевизне плохое воплощение идеи становится легко распространять. Например – роскошное платье, созданное дизайнером для кинозвезды, с которого делают дешёвые копии, раскупаемые в людных магазинах.

Если в моде лучшее воплощение идеи народу не по карману, то лучшее воплощение литературной идеи народу не по уму, а сексуальной идеи – не по духу. Потому-то сексуальные идеи воплощаются в посредственных романах вроде *50 Shades of Grey,* которые становятся необыкновенно популярны.

Итого: жертва качеством воплощения идеи становится обязательным условием для её проникновения в народ.

Либо похороны, либо поминки

Женитьба – это похороны похоти, а чаще – поминки, потому что ныне похоть не успевает дожить до свадьбы, а умирает в предбрачном сожительстве.

Местоположение искусства

Суть общественной жизни заключается в том, чтобы делать вид, что определённые чувства не существуют. А суть личной жизни состоит в том, чтобы свободно проявлять эти чувства без опасности их подавления обществом. Искусству в виде исключительного его местоположения позволяется выказывать личную жизнь в жизни общественной. В этой привилегии и состоит притягательная сила искусства. Искусство является связующим звеном между личной и общественной жизнью.

С другой стороны, искусство поддерживает баланс между тенденцией личной жизни – пренебречь общественной и тенденцией общественной жизни – подавить личную. Таким образом, с помощью искусства личность и её идеи могут быть

восприняты обществом и на общество влиять. И с помощью того же искусства общество может воспитывать и подавлять личность.

Вечный недостаток информации

Причина трагедий – это недостаток информации: Эдип не знал, что любовница была его матерью, Отелло не знал, что Дездемона ему верна и т. д.

Суть комедий – это тоже недостаток информации: муж не знает, что ему жена изменяет, а это смешно. Человек не знает, что ему по пути попадётся шкурка банана, и он поскальзывается и падает – опять смешно.

Так и смерть представляется нам трагедией от недостатка информации – но, быть может, она по сути является комедией, ибо недостаток информации о смерти у нас самый большой.

Невежество

Невежество считается постыдным, и за него людей презирают. Однако девственность, которая есть не что иное как сексуальное невежество, считается великим достоинством и благом, и девушек призывают её сохранять как можно дольше. Цель морали – держать народ в сексуальном невежестве, ибо невежественными людьми легче манипулировать.

Вечная мода

Мода на одежду постоянно меняется, а вот голое тело всегда модно. Потому-то задача женской моды – как можно более его оголить или очертить его формы.

Призы

Победитель получает приз, а тот, кто проиграл, получает сюрприз, что означает «сюрреалистический приз», то есть приз, который только приснился.

Так победитель получает баб, а тот, кто проиграл – эротические сны.

Разговор супругов

– Вась, чего ты уставился в эту порнуху, ты лучше на меня посмотри.

– Не мешай, ты мне мечту портишь!

Урок пения

Всякая песня по сути своей – это мольба о ебле.

Даже патриотическая песня, так как она – это мольба быть наёбанным родиной.

Женский стыд

Женский стыд – это по сути её стыд за мужчину, который не сумел преодолеть её стыд.

А точнее – за всех мужчин, что пока ещё мнутся с ноги на ногу перед ней, вместо того, чтобы содрать с неё шмотки и заставить её дёргаться в конвульсиях оргазмов.

Признание

Есть женщины, ебаться с которыми – одно наслаждение.

Женская экономика

Себестоимость женщины равна её усилиям для достижения оргазма при мастурбации.

Цена женщины определяется её оргазмом с мужчиной. Прибыль женщины равна мужским усилиям, приложенным для добычи её оргазма или хотя бы некоторого удовольствия.

Экономически ориентированная женщина стремится к суперприбыли.

Похотливая женщина стремится уровнять свою цену с себестоимостью.

* * *

У женщины на шее висела цепочка с распятием. Она скакала на хуе, и Христос бился головой о её груди. Так христианство разбивается головой о секс.

Вопрос адамовым ребром

Кончила ли Мария от голубя? Если да, то необходимо ввести религиозный термин в дополнение к «непорочному зачатию» – «непорочный оргазм».

* * *

Чем увлечённей человек строит рай не Земле, тем больше она превращается в ад.

Религия позитивного обрезания

Религия, согласно которой девушкам при достижении полового созревания ампутируют одну ногу до бедра, чтобы они никогда не могли сжимать ноги.

* * *

Преждевременное семяизвержение – это оргазм с первого взгляда.

Борьба с богом

Согласно стоицизму и его бедному родственничку – христианству, любые желания – это зло. Однако желания – первичны, а их ограничения – вторичны. Таким образом, любое выступление желаний (первичного) против ограничений (вторичного) – это тоже зло. И наоборот, подавление первичного есть добро.

Но ополчение против первичного есть борьба с первопричиной, то есть борьба с богом. Получается, что любить бога можно, только борясь с ним.

Чтобы разрешить это противоречие христианство спешно ввело в оборот понятие дьявола, нагрузив на него ту часть божественных творений, которые отвечают за наслаждение.

* * *

Новизна в литературе заключается в интонации, с которой пишутся трюизмы.

* * *

Проститутке платят входную плату.

* * *

Духовная жизнь России в основном состоит из требования к себе уважения.

* * *

Оргазм – это вежливый отказ бога в вечном наслаждении.

* * *

Женщины хотят, чтобы их ебли даже тогда, когда они этого не хотят.

Иные связи

Юнг писал в связи с синологом Вильгельмом и китайской книгой про бросание палочек, что существует в мире не только причинная зависимость, но и зависимость другого рода. Я об этом думал даже без всяких китайских палочек. Вот моя надумка.

Примером иной зависимости может быть временная. Так, если два объекта существуют в один и тот же промежуток времени, то уже сам факт их одновременного существования устанавливает между ними связь, которая при каких-то обстоятельствах может выразиться в причинной связи. Иными словами, иная, непричинная связь может нам явиться в обличьи причинной – единственной связи, которую мы привыкли воспринимать. Таким образом, время само по себе является связью, а также гарантией существования связей. В таком единовременном сосуществовании всё влияет на всё.

Но в чём может проявляться непричинная связь двух объектов, сосуществующих во времени? Прежде всего в их причинной независимости друг от друга. Однако непричинная

связь между объектами должна состоять не только в отрицании связи причинной, но и в проявлении своей иной сути. Эта связь, прежде всего, должна исключать всякое влияние друг на друга, потому что оно тогда стало бы связью причинной. В чём тогда эта связь состоит и проявляется? Ответ такой: связь состоит и проявляется в самом факте сосуществовании в данный отрезок времени. Например, в чём состоит непричинная связь человека и обратной стороны Луны, которую человек не видит? Так как мы привыкли мыслить исключительно причинно-следственными связями, то первый позыв – истолковать иную связь как причинно-следственную, но ещё нам не известную, а потому удобно называемую иной. Доказать, что она действительно иная и не имеет отношения к причинно-следственной связи можно, только если конкретно определить, в чём эта связь состоит. В таком случае, освобождённый от причинно-следственных обязанностей ум может надумать абсурдные (то есть лишённые причинно-следственных связей) соотношения между объектами. Так, например, связь между мной и обратной стороной Луны состоит в том, что у меня один глаз больше другого, а на Луне эта связь выражается в том, что эта сторона обладает свойством не быть видимой моему глазу. Причём любое утверждение по поводу связи меня и обратной стороны Луны будет справедливо до тех пор, пока я и Луна существуем в одном и том же промежутке времени. В народе абсурдность иной связи, лишённой причино-следственности, подмечена в поговорке:

В огороде бузина, а в Киеве дядька.

При таком подходе причинно-следственная зависимость является лишь частью более общей временной зависимости.

Факт существования предметов в одном и том же промежутке времени позволяет нам говорить о них что угодно именно потому, что они существуют. Только прекращение их существования делает разговор о них буквально беспредметным.

Время обладает такой властью и силой, что сам факт пребывания в каких-то его участках с каким бы то ни было объектом придаёт этому сосуществованию статус связи.

Если сравнить временную связь со связью пространственной, то суть её становится очевидной при варьировании расстояний между объектами. Чем ближе друг к другу объекты, как бы нейтральны по отношению друг к другу они ни были, тем отчётливее связь, возникающая между ними. В своём крайнем проявлении, когда расстояние между ними исчезает, они неминуемо влияют друг на друга своей близостью и соприкосновением, а при дальнейшем приближении может

возникнуть нарушение границ объектов, и они могут уничтожить друг друга и превратиться в новый единый объект. Продлевая эту аналогию на существование в данный промежуток времени, можно представить, что такое сосуществование объектов подобно тому, когда между объектами нет никакого расстояния и они все касаются друг друга. То есть сам факт сосуществования предметов во времени и есть та теснота контакта, напоминающая тесноту в пространстве. Все объекты как бы свалены в огромную кучу мгновенья, в котором они существуют, и единственный метод вывалиться из этой кучи – это перестать существовать, во всяком случае, перестать существовать во времени. Или, если существует несколько различных времён, то перейти в другое время.

Каждое мгновенье устанавливается связь всех предметов, в нём находящихся, время объединяет собой все предметы фактом их сосуществования, устанавливая иные связи, которые включают в себя частный случай связей причинно-следственных.

Градации проституток

Проститутка высшего класса ведёт себя как пылкая любовница. Проститутка низшего класса ведёт себя как долголетняя жена.

Всякая женщина в начале интрижки ведёт себя как проститутка высшего класса, а к моменту разрыва – как проститутка низшего класса.

То есть в любом случае всякой женщине приходится платить.

Половая специализация

Женщина говорит мужчине:

– Тебе нужно всё разжёвывать и класть в рот.

Мужчина отвечает женщине:

– А тебе нужно всё класть в рот, чтобы ты разжёвывала.

* * *

Первый раз – извращение, второй раз – восхищение, третий раз – норма.

Поцелуй с негритянкой

Поцелуй с негритянкой длится гораздо дольше, чем с белой женщиной, ибо губы у чернокожих славятся и любы своими значительными размерами и в результате этого обработка их снаружи и изнутри своими губами и языком занимает значительно больше сладкого времени.

Вот почему так романтична любовь с негритянкой.

* * *

Бисексуальность уничтожает монополию на производство наслаждения одним полом для другого.

* * *

Любят от безнадёжности.

* * *

Единственное, что не может состариться – это вечно омолаживающийся голод.

Бездарная деятельность

Папа мне рассказывал, что когда бабушка работала бухгалтером на каком-то предприятии и при сдаче их бумаг цифры в расходах и доходах не сходились на одну копейку, то она сидела ночами и пересчитывала на счётах все сметы, пока всё не совпадало копейка в копейку. Это дико себе сейчас представить, на что и как уходила человеческая жизнь и на что тратились нервы – всё это оценивалось ровно в одну копейку Интересно, какая деятельность из тех, что сейчас считаются важными и нужными, будет через лет двадцать представляться абсурдной? Как бы я хотел, чтобы этой деятельностью было ухаживание за бабами, чтобы добиться их пизды. Мужчины будущего, окружённые клонированными красавицами в любом количестве и качестве, будут недоумевать, на какую глупость тратилось в прошлом огромная часть жизни мужчин.

* * *

Как страх, так и восторг – это ни что иное как узнавание.

* * *

Женщина – это мишень с яблочком лобковых волос.

* * *

Лучший способ отмывать деньги – это покупать дорогих проституток.

* * *

Сразу после оргазма наступает переоценка ценностей.

* * *

Бесконечность – это безысходность.

* * *

Жизнь – это самоубийство.

* * *

Если жизнь страшнее смерти – человек выбирает смерть. Если страшнее смерть – человек хватается за жизнь. Всё дело в том, что страшнее. Так, чтобы человек перестал бояться смерти, его надо хорошенько напугать жизнью.

* * *

Тяжёлая болезнь – это самая страшная форма одиночества.

Орудия

Для мужчины орудие наслаждения – женщина. Для женщины

орудие наслаждения – вибратор. А мужчина для женщины – это орудие по добыче денег.

* * *

Всякая женщина, не желающая делать минет, должна гордо утверждать, что она – вегетерианка, жалеющая живчиков.

Романтика

Blind Fucking Date[53]. В письме женщина просит не сразу бросаться в постель, ибо каждая женщина якобы хочет немножко романтики перед еблей. Однако когда они встречаются в номере отеля, он ей так нравится, что она сама сразу раздевается и ложится на кровать.

Просьба о романтике была на случай, если мужик бы ей не понравился, и тогда эта самая романтика стала бы для неё аргументом для самоуговора на еблю. То есть желание романтики у женщины – это лишь свидетельство того, что с данным мужчиной ей нелегко возбудиться.

* * *

Смысл мудрости состоит в постижении ничтожности запретов.

Вещизм

Моралисты переживают, что теперь человек только гоняется за вещами, а это делает его жизнь бездуховной. Всё наоборот – бездуховной жизнь была раньше, когда вещи служили долгий срок: один костюм носили долгие годы, в доме жили многие поколения, вещи передавались от отца к сыну, внукам и пр. В те времена душа привязывалась к вещам. Душевные силы уходили на содержание этих вещей в порядке, то есть на служение им. Теперь же краткий срок жизни вещей и их доступное обилие делает вещи легко заменяемыми, к ним сердце не прикипает, душа не прилипает, и ты остаёшься свободным для важных дел.

Женщины мужской мечты

С давних пор существует понятие «бешенство матки», под которым подразумевается способность женщины наслаждаться еблей в огромных количествах. Теперь бездельники-учёные придумали для этого важный термин persistent genital arousal disorder. Даже переводить противно.

Эти счастливицы испытывают по сто и более оргазмов в день и ещё смеют выражать недовольство. Эти суперидиотки даже кончают самоубийством. Но тут надо бы разобраться, самоубийство ли это или просто её ударило током от перегревшегося вибратора.

Очевидно, что такие оргазмозагребущие женщины угробят любого единичного мужика своим непрекращающимся желанием. Поэтому напрашивается совершенно очевидное: очередь мужиков, и с каждым из них женщина испытывает оргазм, а то и не один.

Но бабы эти вместо того, чтобы выходить на люди, прячутся от людей, стыдясь своего дара испытывать огромное наслаждение и, как следствие, способности давать огромное наслаждение другим. Причём бесплатно! Это редчайший случай полной и постоянной взаимности наслаждений между мужчинами и женщиной рассматривается обществом и самой женщиной как болезнь. Теперь вместо того, чтобы давать ей обильных мужиков, ей будут давать обильные пилюли. А какой бы выгодный и счастливый получился публичный дом из таких женщин, если бы их прибрал к рукам добросердечный бизнесмен.

* * *

Оргазм – это самоцвет, который похоть-ювелир помещает в различные оправы: кулака, влагалища, рта и прямой кишки.

* * *

Настоящая эротическая живопись делается мазками из влагалища.

Приложение теории тяготения

Согласно теории тяготения, толстая женщина и толстый мужчина должны испытывать друг к другу гораздо более сильное влечение, чем тонкие, ибо тяготение пропорционально массе.

* * *

Если негры – цветные, то белые – бесцветные.

Доказательство инобытия симметрией

Общеизвестно, что старый – как малый. Поведение ребёнка и старика поражают своим подобием. То есть эти два возраста симметричны в жизни.

Однако зрелость – максимальное воплощение жизни – не имеет себе возрастного симметричного аналога. Зрелость стоит одиноким возвышением на графике жизни. Так как симметрия повсеместна, то можно предположить, что симметричное возвышение существует в потусторонней жизни, которая является поистине «максимальной» жизнью, и людская земная зрелость есть лишь её симметричное отражение-намёк.

О симметрии

В симметрии есть тавтология, то есть повторение одного и того же. Но повторение это можно рассматривать как дублирование информации с целью увеличения надёжности её сохранения и понимания. Например, два глаза запомнятся лучше и сами продублируют получаемую информацию, обеспечив лучшую её подачу в мозг. Таким образом, симметрия – это компактный способ увеличения надёжности получения и передачи информации.

Происхождение русалок

Русалка – эта женщина, которая всё время сжимала ноги, и они срослись. Рассвирепевший муж бросил её в море, и она из подлости выжила.

Прятки

Игра в прятки для детей настолько интересна потому, что всё воспитание состоит в упрятывании от ребёнка вещей, которых он больше всего хочет. И только во взрослом состоянии происходит нахождение спрятанного, причём далеко не всегда. То есть игра в

прятки, начавшаяся в детстве, продолжается всю жизнь.

Скульптура

И славен буду я, доколь в подлунном мире
жив будет хоть один запрет.

* * *

Жизнь идёт быстро, а то, что в жизни – медленно.

Почему люди любят музыку

В начале музыкального произведения обычно проигрывается тема, а затем следуют её вариации.

В любви же всё начинается с вариаций, часто утомительных и долгих, с плохо узнаваемой темой, и только в самом конце быстренько проигрывается тема.

Вот почему человек любит музыку, слыша в ней прообраз желаемой последовательности событий.

* * *

Проститутка – это тип женщины, которой платят деньги за то, чтобы она не держала язык за зубами.

* * *

У него был такой сильный акцент, что его не могли понять по телефону даже тогда, когда он произносил обыкновенное «хэлло». Тогда он начинал произносить по буквам: Хуй, Эротика, Любовь, Любовь, Онанизм – и тут его все сразу понимали.

Психоанал

Мужчины чувствуют себя ущербными от зависти к женщине. Мужчины видят женскую грудь и завидуют её красоте, глядя на свою плоскую и волосатую. Они завидуют пизде, так как она даёт

больше наслаждения и неограниченные возможности в его продлении.

А женщины вовсе не чувствуют себя ущербными без собственного хуя – они завидуют не ему, а заполненной хуем пизде.

Единственное, что уравнивает мужчин и женщин – это задний проход.

Новый коммунизм

От женщин – по возможностям, от мужчин – по потребностям.

Ненависть к спаму

Почему так ненавидят спам? Потому что всякое спамовое письмо – это обманутая надежда: ведь в каждом письме мы ждём информацию, которая обязательно должна изменить нашу жизнь к лучшему. А тут полный ящик обманутых надежд, – как тут не впасть в отчаяние или ярость? И ведь так каждый день…

Остаётся искать надежду в другом месте. Например, в мягком.

* * *

Все вокруг только и причитают об ужасах кризиса среднего возраста – у меня не было никакого кризиса: всегда жил весело и счастливо. Единственное объяснение этому феномену в том, что я в 65 ещё не достиг своего среднего возраста.

Жизнь гинеколога

Жена ревновала мужа-гинеколога к каждой пизде. Но когда ревность отпускала, она нежно называла его «мой пиздюк».

О пользе мастурбации

Для мужчины мастурбация – это колоссальная экономия времени и денег.

Для женщины мастурбация – это награда за утомительное

добывание денег.

Проверка на прочность

Личность пытается разрушить общество, ту его форму, в которой оно пребывает, и сделать его таким, каким оно личности представляется. Поражение личности доказывает крепость общества и, таким образом, личность жертвует своей жизнью во имя укрепления общества, даже нападая на него.

Если же личность побеждает, это лишь доказывает, что общество слабо и требует укрепления, оно меняется и становится сильнее, и таким образом даже победа личности над обществом опять-таки укрепляет его.

Такой вот монстр это общество.

* * *

Они – враги, но ненавидели они не враг врага, а всё-таки – друг друга.

Трюизм о способе существования таланта

Талант материализуется только через мастерство.

Доказательство бессмертия

Сам факт ощущения спокойствия при обретении уверенности, что жизнь длится вечно, как раз и говорит о справедливости этой уверенности. Ибо только эта убеждённость и создаёт гармонию жизни, демонстрирующую существование жизни иной.

А те смятения, переживания и страдания, которые испытывает человек при страхе смерти и есть знак несоответствия дум и реальности, что выражается в болезненном состоянии дисгармонии.

* * *

Хорошие люди не те, у кого нет дурных наклонностей, а те, которые лучше всех их подавляют.

* * *

Дуракам закон не писан. Можно добавить, что гениальным закон не писан. И преступникам закон не писан.

Для кого же писаны законы? Остаётся один ответ: «Законы писаны для умных».

А так как умных значительно меньше, чем дураков, преступников и гениев, то получается, что законы пишутся для меньшинства.

Мера яда

В определённых количествах всё становится ядом. Однако ядом принято называть вещество, которое в маленьких количествах убивает человека. Но если маленькую смертельную дозу яда разделить на тысячу, то тысячная доля будет не только не вредна, но и может принести пользу – как это происходит со змеиными ядами (вырабатывание иммунитета, изготовление лекарств и пр.).

С другой стороны, самое полезное и необходимое вещество, принятое в больших дозах, становится ядом. Проглоти 100 таблеток аспирина – и помрёшь.

Простая еда в больших количествах убивает людей диабетом, инфарктом и прочими напастями.

А потому речь идёт вовсе не о веществе, а о мере вещества. Поэтому нет ядов как таковых, а есть ядовитая мера, которую человек часто не хочет признавать, а клеймит само вещество.

Яд – это имя чрезмерности. В изучении меры и состоит обретение жизненного опыта.

Непреодолимая пропасть

Те сексуальные отношения, которые представляются мужчине идеальными, воспринимаются женщиной как оскорбительные.

Те сексуальные отношения, которые представляются женщине идеальными, представляются мужчине слишком обременительными.

Для мужчин максимальное приближение к идеальным отношениям позволяют деньги.

А для женской неуёмности никаких денег не хватит.

Зачем нужен череп

Если бы у нас не было черепа, то во время интенсивного мышления происходила бы эрекция мозга, и мы бы сидели с раздувшимися головами, а в самый важный момент (момент эврики) голова бы лопалась, и мы бы не успевали сообщить миру об открытиях, нам явившихся.

* * *

Людское счастье исчерпывающе описывается процессами опорожнения и заполнения.

О нём же

Наслаждение – это навязчивая идея бытия.

Ничто не имеет смысла, кроме наслаждения.

Наслаждение придаёт осмысленность любому действию, направленному на его получение.

* * *

По-настоящему любящий муж – это такой муж, жена которого никогда не узнает о его похождениях.

* * *

Большинство людей стремятся к непрестанному общению с другими людьми и не могут оставаться наедине с собой. Потому что оставаться не с кем.

* * *

Особая стадия близости – к совокупляющейся паре обращаться «на ты», а к расцепившимся – «на вы».

* * *

У меня нет ощущения, что я не дописал, но у меня есть ощущение, что не доёб.

* * *

Мужчину может интересовать женская душа лишь потому, что она управляет женским телом.

Женщина интересуется мужской душой лишь потому, что мужчина тратит деньги на то, что его душе угодно.

* * *

Женщина определяет начало ебли, а мужчина – конец.

Женщина хочет чтобы она началась позже и длилась дольше. Мужчина хочет, чтобы она началась раньше и не затягивалась. Женщина остаётся, мужчина уходит.

И тут к женщине входит следующий мужчина…

* * *

Стерпится – разлюбится.

* * *

Кого люблю – того терплю.

Happy End

Во фразе «Happy End» акцент всегда делается на «счастливый», тогда как самое важное слово в ней – «конец». Чуть осчастливился, так сразу и конец. Получается, что счастью – конец. Единственным позитивным выходом из этого пессимизма является толкование слова «конец», как хуй. Тогда фраза становится утверждением радости ебли: счастливый хуй.

* * *

Когда я осознал, что великой мужской Цели – выебать всех женщин – мне не достичь, я решил устремиться к этой цели

максимально возможно оптимальным способом – через писание книг. А с помощью славы количество (переходящее в качество) женщин приблизится к Великой Цели вплотную.

Женщина! Я – вдали, или меня уже нет, но чуть ты начнёшь читать мою книгу, как почувствуешь, что я тебя ебу!

* * *

В случае моей смерти прошу винить Бога.

Характеры

«Виноват»

М. Е. В.

Кончается война. Германия. Поле перемежается с рощицами и редкими домиками. Идут по пустой дороге майор и его друг, старший лейтенант с денщиком своим, автоматчиком. Верой и правдой служил ему денщик и спасал от смерти не раз.

Ищут они дом, где бы остановиться на ночь их дивизиону. Видят у рощицы повозку с выпряженной лошадью и рядом девушка лет пятнадцати, красоты небесной, как фарфоровая статуэтка, немецкого, конечно, фарфора. Она увидела военных, сразу отвернулась, за лошадь прячется.

Майор как заметил девушку, замедлил шаг, и говорит:

– Вы идите, я вас скоро догоню.

Старлей всё понял, ему стало жаль девушку, у самого невеста чуть старше, и он отвечает твёрдо:

– Никуда ты один не пойдёшь, мы идём вместе.

Майор туда-сюда, а старлей ни в какую, и денщик с автоматом – его.

Ну, оставили девчонку позади, скоро приблизились к дому. Хороший дом. Пустой. Там и остановиться решили. Расставили по углам охрану, и ночь пришла. Спит дивизион.

Вдруг все в доме просыпаются от крика «Стой! Кто идёт!», – и сразу автоматная очередь.

Выскочили из дома – темень невпроглядь.

Старлей – к постовому: – Почему стрелял!?

– Крался кто-то, – докладывает. – Кричу: Стой! Всё равно шуршит.

Майор стал фонариком светить, держа его на вытянутой в сторону руке, чтобы, коль стрельнут по нему, не попали бы в тело. Постовой в кусты показывает, туда и светят.

Вдруг слышат стон. Идут на звук, продираются сквозь ветки – глядь – тело лежит, светят в лицо – девушка та. По-русски «Стой» не поняла. Видно, к своему дому шла. Наклонились над ней, стали ощупывать, фонариком светить – кровь на платье. Хотели платье снять, посмотреть, куда ранена, да она отбиваться начала, будто и не ранена вовсе. Но стонет. Задрали платье, а под ним рубашка из тонкого шёлка, а под ней живот развороченный. Вязли её на руки и понесли. Положили в доме на пол, перевязали кое-как, тут она и умерла.

Майор и старлей пошли руки от крови отмывать.

– Вот, дал бы мне её поласкать, живой бы осталась, – сказал

мечтательно майор.

– Виноват, – ответил старший лейтенант.

Из истории отношений

Привёз девицу в дешёвый мотель. Интенсивно пообщавшись, мы стали одеваться. Выходим из номера, а она мне заявляет:

– В следующий раз чтоб ты меня в такой плохой мотель не возил. А я ей:

– С чего ты взяла, что будет следующий раз?

У неё глаза на лоб:

– Ты что, не хочешь больше со мной встречаться?

– В другом мотеле – нет.

Она помолчала с десять секунд.

– Ну если ты такой упрямый, то ладно, можно и в этом.

– Этот закрывается через неделю и его должны снести – видишь в каком он состоянии?

– А где же мы тогда встречаться будем?

– Нигде.

– Давай тогда завтра здесь встретимся, пока он открыт.

– Для тебя он уже закрылся и снесён под корень.

Она в слёзы. Мне её жалко стало:

– Не плачь, я тебя с моим другом познакомлю. Он добрый и богатый.

Она утёрла слёзы и спрашивает:

– Когда познакомишь?

– Сейчас.

– А где?

– В этом мотеле.

– Но ты же сказал, что для меня он уже закрылся.

– Это для тебя со мной. А для тебя с другим он останется открыт.

– И сносить его не будут?

– Не знаю, спросишь моего друга?

– А откуда он знает?

– Это его отель.

– Так вот почему ты сюда ходишь – он тебе бесплатно комнату даёт?

– Нет, я с ним расплачиваюсь.

– Чем расплачиваешься?

– Тобой.

Заходим в офис. Боб сидит за компьютером и смотрит порнографию.

Нехотя отрывается от экрана и оглядывает девицу.

– Привет, это Донна. А это Боб. Ну, мне пора.

Ухожу, не прощаясь.

Дело сделано.

Вариант верности

Женщина взяла себе любовника, с которым возбуждалась до безумия, но никак не могла добраться до оргазма, тогда как с безразличным ей мужем кончала легко и привычно. Пробалансировав на грани оргазма с восторженным любовником часа два, она бежала домой доводить дело до конца с мужем.

В процессе таких перебежек она себя окончательно убедила, что, не испытывая оргазма с другим мужчиной, она мужу не изменяет.

Голубой подарок

Дело было во времена свежеиспечённой виагры. Мой приятель пожаловался мне, что у него на свою жену давно не встаёт. А с другими женщинами он, обременённый обязательством верности, не проверял. Правда, признался он, от порнографии он испытывает непререкаемую мужественность.

Тут его день рождения приблизился, вот я и подарил ему большую коробку, в которой лежала завёрнутая в цветастую бумагу маленькая коробочка, плюшевая, ювелирная, в которой вместо колечка была вставлена в щель голубая таблетка.

Мой приятель обрадовался моему подарку и решил в ближайшую пятницу вечером жене ввести сюрприз.

Муж этот был работник физического труда и вкалывал часов по двенадцать в день. Вот наступил вечер пятницы, он проглотил голубую чудотворицу за час до начала половой активности, следуя фармацевтическим инструкциям, и выжидающе смотрел в постели телевизор с женой, лежащей рядом, не подозревающей о неожиданном всплеске страсти, которая должна была её скоро захлестнуть. Однако тяжёлая рабочая неделя дала себя знать, и мой приятель на приблизительно 48-й минуте поджидания счастья провалился в глубокий сон. Выходные были для него временем отсыпания, и поэтому он проспал часов двенадцать, а когда проснулся, то вспомнил о напрасно проглоченной таблетке. С роковым запазданием он попытался тереться о спящую жену, но ничего не произошло.

Приятель позвонил мне на следующий день и стал злобно меня обвинять, что я подарил ему снотворную таблетку.

Разговор с женщиной

Спрашиваю женщину, для чего она одевается в новые, модные, часто оголённые одежды. Она отвечает невинным и само собой разумеющимся тоном:

– Для того, чтобы выглядеть привлекательной.

Дальше она не думает – невыгодно и обременительно. Но зато чувствует безошибочно – иначе бы не наряжалась.

Задаю следующий по логике вопрос:

– Выглядеть привлекательной для чего?

Женщина начинает мяться, подыскивать слова. Мямлит что-то про красоту.

Я ей подсказываю:

– Привлекательной для ебли.

Она оскорбляется, яростно возражает, что, мол, и мыслей у неё об этом нет.

Я почти соглашаюсь:

– Мыслей, может, и нет, но пизда-то есть.

Принципиальная женщина

– В отеле встречаться я не буду, – заявила она.

– Почему? Это нейтральное, чистое, безопасное место.

– Нет. В отелях проститутки встречаются со своими клиентами, а я не проститутка.

– Я знаю, я тебе не плачу.

– Но другие, подумают, что я проститутка. А я не проститутка.

– Но послушай, проститутки приглашают к себе на квартиры, они приезжают по вызову, проститутки ловят клиентов в ресторанах и на улицах. Если так бояться быть принятой за проститутку, то вообще нигде встречаться нельзя.

– Я в отель не пойду, – отрезала приличная женщина.

– Хорошо, давай встретимся в парке, только ты юбку надень и трусики не надевай.

– Давай в парке, в каком?

Я назвал и мы встретились. Пошли в лес, улеглись в канавку, заросшую травой, и в самый интересный момент хлынул дождь. Мы кое-как довели процесс до логического и победного конца и стали выбираться из леса. У женщины одежда на спине была мокрая и грязная, но она счастливо улыбалась. Пусть грязь и дождь, но только бы на чистой и мягкой отельной кровати её не сочли за проститутку.

То, что её сочли за дуру – женщину не волновало.

Женщина берет хуй в свои руки (Из истории женского освободительного движения)

Раньше простодушная женщина была вынуждена полностью полагаться на мужчину: что он будет предохраняться, что он не заразный, что у него будет стоять, что он доведёт её до оргазма, что будет ебать не только в пизду и не только в одном положении. И что не только один раз. Ну и, разумеется, ждала, что мужчина позвонит ей назавтра с желанием встретиться снова.

Чтобы возбудить мужское желание и продлить его, женщины смели лишь готовить мужчине еду по специальным кулинарным рецептам, которые в прошлые века передавались от матери к дочери. Женщины изо всей силы надеялись, что приготовленная еда (включая выпивку) афродизиачна. Ну и, разумеется, надевали ажурные да кружевные тряпки.

Но мужик всё равно засыпал после первого скоростного оргазма и безнадёжно отбрасывал хвостовик (то есть хуй).

Нынешняя женщина, вооружённая опытом и hi-tech, решив найти и оседлать мужчину, кладёт в свою сумочку презервативы, виагру, лубрикант[54], вибратор. Романтический обед в ресторане или у неё на дому просчитан по времени так, что длится часа полтора, чтобы наверняка сработала таблетка виагры, незаметно растворённая в супе или в напитке (гордый самец, как правило, отказывается принять дозу мужественности добровольно).

Когда после проверочных поцелуев женщина нащупывает созревшую эрекцию, она приглашает готового любовника в постель и прерывает его голые объятия натягиванием презерватива, который женщина выбрала согласно собственным тактильным предпочтениям. Затем она опрокидывает мужчину на спину, закидывает ногу и вскакивает на него одним умелым движением. Женщина задаёт свой любимый ритм и, когда мужчина начинает дёргаться особенно сильно, берёт вибратор и переполняет им себя через край, заталкивая хуй в зев матки – тот оральный секс, который любит любая женщина.

Мужчина, гордящейся своей неожиданной и небывалой эрекцией, чувствует себя героем и продолжает использовать свою твёрдость по назначению, в которое направляет его женщина, поворачиваясь то передом, то задом к его лобковому лесу.

На следующий день женщина занимает себя другим (делом, мужчиной), а ещё через день женщина, если любовник ещё не сконтактировал с ней, сама связывается с ним и предлагает

встречу вчетвером, так как у неё есть красивая подруга, для которой она просит любовника привести сексапильного приятеля. Даже если любовник не собирался сам звонить женщине, то от такого предложения он не может отказаться по определению.

Когда он с приятелем приходит к женщине, то через час оказывается, что её подруга заболела и не смогла придти. Однако мужчины, уже подкормленные виагрой, с радостью принимают гостеприимное предложение хозяйки – удовлетворить их обоих: за себя и за свою подружку.

Тут уже женщина получает то, что ей больше всего хотелось с самого начала. Её ебут два хуя, вместе и порознь, несколько часов подряд.

Самое важное, что мужчины уходят в полной уверенности, что они соблазнили женщину, что они овладели ею, что использовали её.

А пока они, облегчённые и счастливые, сбегают вниз по лестнице, пренебрегая лифтом от переполняющей их гордости, женщина уже звонит другому мужчине, который её соблазнил вчера, с подобным предложением: предоставить свою красивую подругу для его сексапильного приятеля.

А посему название этой заметки следует исправить на «Женщина берёт хуи в свои руки». А ещё точнее – «Женщина берёт хуи в свои дырки».

Хвост колечком

Впереди на поводке бежала собака, у которой был хвост колечком. Я сказал своей спутнице:

– Смотри, у собаки хвост колечком, как у свиньи.

Собака сразу остановилась, обернулась, посмотрела на меня укоризненно и снова побежала вперёд.

– А хозяйка собаки уж точно как свинья, хотя и без хвоста колечком, – продолжал я делиться своими наблюдениями со спутницей.

Тут свиноподобная хозяйка собаки остановилась и вытащила из заднего кармана джинсов кольцо. Оно казалось золотым. Она подошла к моей спутнице и надела его ей на нужный палец. Собака тем временем тёрлась о мои ноги и заглядывала мне в глаза.

Моя спутница, вообще неразговорчивая, тут совсем онемела.

– Ну а теперь, что делать будем? – спросил я свинью и собаку.

Хозяйка собаки хрюкнула, а собака подвела итог человеческим голосом:

– Все мы окольцованные.

Тут у моей спутницы прорезался голос:

– Я согласна, – сказала она.

Бульварные фантазии

По бульвару прогуливаются под руку муж и жена, лет за пятьдесят, изысканно одетые и сытые после обеда в роскошном ресторане. Навстречу им идёт пара тинэйджеров, неряшливо одетых и страстно обнимающих друг друга. Жена, глядя на парочку, говорит мужу с презрением:

– Как можно девушке так отвратительно одеваться?

Муж понимающе поддерживает:

– А парень-то голову не мыл с полгода.

Так жена хочет перечеркнуть привлекательность девушки для мужа, а муж старается уничтожить привлекательность парня для жены.

Однако муж смотрит на ягодицы девушки в запятнанных и рваных джинсах и думает, с каким бы счастьем он выеб эту замарашку и насколько безразлична ему изящно одетая жена.

Жена смотрит на юное подвижное тело парня и желвак, выпирающий из джинсов и размышляет, как бы она смогла его легко соблазнить, если бы рядом не было мужа и этой противной девчонки.

Счастливые супруги продолжали променад по бульвару.

Неряшливый парень спросил свою девицу:

– Видела, как тот богатый старик на тебя взглянул – ты бы его трахнула?

Девица ответила вопросом на вопрос:

– Его старушка тоже на тебя глаз положила – ты бы её трахнул?

Парень и девица сошлись на том, что, если бы всё происходило в одной комнате и парень и девушка лежали бы рядом и держались бы за руки, пока старички их обрабатывали, и если бы старички заплатили им ну хотя бы долларов по сто, то они бы согласились.

Неряшливая молодая парочка направилась в ближайший *Макдональдс.*

А ведь всеобщее счастье было так близко…

Игры кошачьих

Ей давно исполнилось 50. Но ещё видно, что в молодости она была красивой. Теперь её черты лица и тела заплыли жирком, и кожа на бритых больших губах смотрится каменной, а щель – ущельем.

Её любимое кокетство – это изображать из себя кошечку. Она мяукает и урчит, вытягивая руку и делая движение пальцами, будто выпускает когти. Явно, это тянется с её девических лет, когда игра была чарующей и возбуждающей. Теперь всё это смотрится неуместно и жалко.

Её любовник, на которого обращены кошачьи чары, еле сдерживает ироническую улыбку и желание его сворачивается в клубок, как кошка. А ведь оно только что было тигром. Оказывается, тигра легко испугать фальшивой кошкой.

И чтобы побороть свой страх, он прыгает в ущелье.

Пирровы победы в России и в США

Один мой знакомый пировал с девушкой в российском ресторане. К концу пира ему принесли счёт и, проверив сложение, знакомый обнаружил, что его обсчитали. Он вызывал директора ресторана и наглядно продемонстрировал ему свои знания арифметики. Директор признал его осведомлённость в сложении и вернул лишние деньги. Когда же победитель вышел из ресторана, его поджидали разъярённые официанты, которые набили ему внешность и отняли все деньги, которые на тот момент имелись у него в карманах.

Некоторое время назад я тоже пировал с девушкой в ресторане, но в Америке. Когда мы уплетали суп, девушка обнаружила плавающего в нём таракана. Я вызвал менеджера и молча показал пальцем на насекомое. Менеджер вздрогнул, покраснел, схватил тарелку супа, чтобы никто из посетителей не увидел и стал шептать нам извинения, заверяя, что наш обед будет бесплатным, сколько бы мы ни ели и ни пили. Унеся тарелку в недосягаемые дали, менеджер вернулся, чтобы продолжить извинения и потащил нас на кухню показать, в какой чистоте происходит процесс приготовления пищи. Мы пошли на экскурсию и убедились в идеальном порядке на кухне. Подставив стул моей девушке, менеджер настойчиво попросил нас заказывать всё, что мы хотим. Девушка уплетала за обе щёки, а я ей подливал разных горячительных напитков. Я не пил, так как должен был вести машину и к тому же хотел споить девушку – это было наше первое свидание и я хотел сделать так, чтобы оно не оказалось холостым. Когда мы насытились, менеджер проводил нас до двери, продолжая шёпотом извиняться.

Я предвкушая бурную ночь, посадил девушку в машину, и она (девушка) стала медленно зеленеть, а через минут пять, почти у её дома, выблевала мне в машину всё съеденное и выпитое. Интерес к этой девушке у меня почему-то сразу пропал. А деньги на чистку машины ушли несопоставимые с непотраченными деньгами за тараканий обед.

Так что пиры чреваты… А потому я внёс изменения в известную фразу, и теперь есть два её варианта: «Пирровы обеды или пировы победы».

Женщина в огне
(Из нестареющих американских новостей)

Тридцатипятилетняя блондинка, которую смело можно назвать красавицей, если на неё умело наложить слоя три косметики, в один прекрасный день оказалась охвачена похотью.

Она сделала то, что каждая честная женщина должна была бы сделать в такой ситуации: запарковала свою машину на обочине хайвея, сняла всю одежду, оставив только маечку, открыла дверь машины, села лицом к проезжающим машинам, развела ноги и стала себя призывно ублажать.

Разумеется, она, как и всякая женщина, а тем более пребывая в похоти, надеялась на внимание мужчин, верила, что кто-то остановит машину рядом и поможет ей настигнуть счастье. Более того, она, я уверен, мечтала не об одном храбром принце, а о нескольких.

Однако в США таких принцев не водится – всё, на что оказались способны проезжающие мужчины, – это образовать пробку на хайвейе из-за замедлившегося движения, гудеть в гудки, хихикать и даже разворачиваться в неположенных местах, чтобы вернуться и снова посмотреть на чудо между ног блондинки. Женские призывы длились полчаса, пока самый смелый из мужчин не сообщил в полицию.

Когда прикатили полицейские, пылкая блондинка сопротивлялась насильному облачению в одежды, а когда её привезли в участок, она просила полицейских полизать ей между ног и даже укусила одного в страсти, а потом оттолкнула женщину-полицейскую, которая, как показалось блондинке, хотела ей помочь вместо бесстрастных мужчин, но, как в действительности оказалось, – попыталась свести ей ноги вместе.

Теперь эту пылкую самочку посадили за решётку и будут судить по бесчисленным уголовным статьям, включая особо тяжкую, сравнимую с терроризмом: «Публичную демонстрацию половых органов».

А ведь ситуация была по-человечески простая: горит пожар (то, что пожаром охвачена женщина, а не сарай, должно бы только усиливать трагичность ситуации), а люди, проезжающие мимо, не пытаются его потушить языком, а только глазеют на языки пламени.

Тогда являются профессионалы пожарники и умело тушат пожар собственными руками-языками-хуями на виду у гомонящей толпы.

Но нет – в США любовный пожар не тушат, а перемещают его гореть в тюрьму, чтобы народ не отвлекался на слишком горячие поползновения человеческой души.

Полюбовная разлука

Когда он знакомился с женщиной, он обращался к ней на «ты». Когда они становились любовниками, он переходил с ней «на вы». Баба шалела, а он таким способом держал дистанцию.

А когда она ему надоедала, он вёл её в гости к другу, к которому приходило ещё два-три, и они вместе охаживали женщину, делая её небывало счастливой. Она не замечала, как он уходил не прощаясь, и потом переходила под любовную опёку одного из группы. Таким образом он осуществлял мягкий разрыв с женщиной, без слёз, угроз, а в наслаждении.

А мужская дружба лишь укреплялась.

О пользе позиции «на четвереньках»

Ебу я раз девицу, стоящую на четвереньках. И чтобы отвлечься от услужливо близкого оргазма, я стал изучать веснушчатые плечи и спину моей красотки, которую я подцепил на пляже. Она там болталась с утра до вечера, впитывая солнечные лучи в своё сочное тело.

Сначала я стал считать количество веснушек, потом перешёл на качество – а сам перемещаюсь то взад-вперёд, то влево-вправо, то кругами хуй вращаю, бесстрашно всунув головку в зев шейки матки. Девица славит Бога, а я считаю да рассматриваю веснушки на её спине. И вот вижу, на левой лопатке у неё не веснушка, а типичная меланома – края расплывающиеся и цветов разных, – прямо классическая убийца из популярной брошюрки дерматолога.

Тут я решил больше не тянуть и выплеснул в неё всё своё содержимое. Дал я девушке придти в себя, перевернул на спину и говорю ей: – Тебе нужно сегодня же или в крайнем случае завтра бежать к кожнику.

Она – «что да почему», – ну, я ей показал с помощью зеркала, что у неё на спине образовалось. А она у дерматолога отродясь не была – не хочет. Пришлось мне её напугать жестокой раковой правдой.

Через три дня ей сделали операцию – успели схватить вовремя.

Больше эта девица на пляже не появлялась. Но зато в моей спальне от неё отбоя не было – как-никак я ей жизнь спас.

Вот что значит внимательно относиться к женщине не только когда она на тебя смотрит влюблёнными глазами, но и когда она стоит на четвереньках, глядя в тебя своим восхитительным задним глазом.

Настоящая проститутка

Касси давала мне бесплатно. По старой дружбе. Или любви, как я себе льстил. Я ведь с ней познакомился ещё до того, как она стала взымать деньги.

Наши встречи происходили утром, когда она приезжала с работы, а я ехал на работу и по пути заезжал к ней на часик. Она, возбуждённая за ночь, кончала со мной сильно и с выплеском, а потом засыпала, чтобы отдохнуть до начала следующей смены. Касси специализировалась на богатых пожилых мужчинах.

Как-то из-за моей очередной любовницы я не навещал Касси около месяца. Но после очередного разрыва мне так её захотелось, что перед выездом с работы, в это необычное время, я позвонил Касси. Я предложил явиться к ней через полчаса, и Касси с некоторым сомнением, но всё-таки согласилась. Я обрадовался, что она не стала отказывать во имя, как мне казалось, поддержания наших так хорошо подогнанных сочленений.

Касси открыла мне дверь, как всегда, в шёлковом с кружевами халате на голое тело. Я подумал, что давным-давно не видел её в платье или в юбке или хотя бы в джинсах. Но именно такая женская одежда была для меня наиболее оптимальна.

Касси достигала оргазма только от интенсивного лизания клитора с одновременной еблей пальцами в два нижерасполагающиеся отверстия.

Но на этот раз она позволила мне только лизать клитор, не давая волю пальцам.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– Я не хочу кончать, – объяснила она.

– Почему? – удивился я.

– Я скоро встречаюсь с клиентом, и если я сейчас кончу, то я не смогу его ласкать так, как ласкаю, когда возбуждена. А мне надо, чтобы он остался доволен. Это очень важный для меня клиент.

– Зачем же ты тогда согласилась встретиться со мной?

– Ну, мы с тобой давно не виделись, мне с тобой приятно и не кончая, а тебе явно хотелось кончить.

– И все довольны?

– Вот именно, – улыбаясь подтвердила Касси и взяла мой хуй в рот.

Я почувствовал, что она даёт мне наслаждение как бы в долг и мне надо этот долг вернуть, из благодарности и себе на радость.

– Хочешь, я приду завтра утром, как обычно? – великодушно предложил я.

Касси выпустила хуй изо рта, чтобы можно было мне ответить и произнесла с участием:

– Это было бы прекрасно, но я буду завтра занята.

– Занята утром, когда ты вернёшься от своего клиента?

– Да, ты давно мне не звонил, и у меня теперь есть другой утренний друг.

Во мне взыграла ревность. Но я попытался скрыть её за улыбкой, чувствуя, что она получается кривой. Я боялся, что такое удобное знакомство с такой красивой и умелой женщиной у меня закончится.

Касси явно заметила моё беспокойство и сказала:

– Но ты можешь приходить в это время и помогать мне входить в рабочее настроение.

Другой бы обрадовался, что – приходи, еби, мол, без всякой заботы о женской удовлетворённости, но для меня именно её огромный оргазм с обильным выплеском и составлял половину прелести. Меня явно понизили в должности.

Но это было ещё не всё.

– Ты же знаешь моё правило? – спросила меня Касси.

– Какое? – прикинулся я, будто не помню, надеясь, что это вовсе не то, о котором она мне рассказала, начав работать проституткой.

– Я беру деньги со всех, с кем я не кончаю. Сегодня я тебе дам скидку по старой дружбе.

И она назвала можно сказать символическую, но сумму.

– У меня нет с собой денег, – сказал я.

– Я тебе верю – принесёшь в следующий раз, – соблаговолила Касси.

Так меня понизили из любовника в клиенты.

Я решил не сдаваться и попытался заставить кончить Касси против её воли.

Но она прервала мои действия одной фразой:

– Если я сейчас кончу с тобой, то я не пойду на работу и тебе придётся платить за мою потерянную рабочую ночь.

– А сколько это будет стоить? – приостановил я свои движения.

Касси назвала цифру, которая меня сразу отрезвила.

Я вытащил пальцы из её сладких глубин и стал одеваться.

Больше я Касси не звонил. А сама она мне и раньше никогда не звонила. Деньги за тот вечерний раз я послал ей по почте, чтобы не появляться у неё, и, соблазнившись её телом, не превратиться в регулярного клиента. В конце концов, я не

возражал против нового статуса, лишь бы распоряжаться её оргазмом. Но Касси стала мне не по карману.

Через некоторое время я не удержался и решил проехать мимо её дома. Но мимо проехать не удалось – я снова не удержался, остановился напротив и позвонил ей по мобильнику. Время было утреннее и я надеялся, что Касси пришла домой как всегда возбуждённая, а её очередного дружка по какой-либо причине не оказалось да тут я – рядышком. Но к телефону подошла не Касси, а некая Нэнси и представилась секретаршей. Я сказал, что я давний друг Касси и назвался, выразив желание с ней поговорить. После паузы ожидания, Нэнси сообщила, что может мне лишь дать телефон, по которому я смогу поговорить с Касси на сексуальные темы, причём минута разговора будет стоить 3 доллара.

Я взял на всякий случай телефон и передал Касси привет.

Тут я в полной мере ощутил, что значит быть свергнутым с Олимпа к самому его подножию и превратиться в обыкновенного смертного.

Спортивный сюжет

Исследования показывают, что если спортсмен ебётся перед соревнованием, то его показатели ухудшаются. Если же спортсменка делает то же самое (при условии достижения оргазмов), то её показатели улучшаются. Посему с женской командой приезжает множество массажистов, тренеров и прочих ёбарей.

Так вот, на олимпийских играх влюбляются спортсмен и спортсменка. В ночь перед финальными выступлениями массажист будет ебать спортсменку и влюблённый в неё спортсмен знает об этом. Он решает пожертвовать своими силами и, следовательно, своей золотой медалью, которая светила ему назавтра, и стать любовником спортсменки в ту ночь вместо ненавистного ему массажиста. Она соглашается, но не может кончить с этим талантливым спортсменом, но бесталанным любовником. Однако, чтобы не разочаровывать возлюбленного, спортсменка тактично притворяется, будто изможднена в оргазмах. Гордый своей жертвой и якобы любовными достижениями, спортсмен уходит спать, а спортсменка зовёт массажёра, с которым привычно, да ещё будучи разгорячённой, кончает раз за разом.

На следующий день спортсменка завоёвывает золотую медаль, а спортсмен – бронзовую. Спортсмен гордится, что частичная заслуга в золотой медали принадлежит ему и делает спортсменке предложение, которое она с благодарностью отвергает.

Тогда убитый отказом спортсмен (а он – прыгун с шестом) едет в зоопарк, разбегается с шестом и перепрыгивает через канал и высокую сетку, отделяющую вольер с хищниками, прямо в пасть тигру, который с аппетитом откусывает влюблённому голову.

Возможны и другие романтические концовки.

Борьба с лентяем

Она взяла ритм нужного ей движения, а любовник расслабился и перестал двигаться, чувствуя, что она поддаёт за обоих. Тогда она как шлёпнет его по заднице – тут он сразу задвигался.

За двумя зайчихами – одной картиной

Он пришёл в картинную галерею на открытие выставки. При входе висело объявление, что это последняя выставка, после которой галерея закрывается навсегда. Отсмотрев картины, он пришёл к выводу, что самое красивое в галерее – это её владелица, которая сновала среди прощальных посетителей. Он встал перед картиной, смотря на неё невидящим взглядом, а сам косил глаза на красотку-хозяйку, которая стояла рядом в окружении гостей и предлагала себя всем, кто видел её очарование.

Тут к нему подошла какая-то женщина, тоже недурная собой, и представилась женой художника, перед картиной которого он так долго стоял.

– Вы так долго рассматриваете картину моего мужа, а мне всегда лестно внимательное отношение к его творчеству, – сказала она.

Он подхватил разговор и выяснил, что художник болен, что муж и жена бедны, что их жизнь нелегка. Он предложил ей помочь, в надежде на помощь ответную.

– Какую? – заинтересовалась жена больного и бедного мужа.

Он предложил купить эту картину её мужа, а жена отблагодарит его своим вниманием, проведя с ним эту ночь в отеле, где он остановился. Жена, потупив глаза, пусть не сразу, но согласилась. Кому только жена не даст ради мужа.

Он подошёл к владелице галереи и сообщил, что собирается купить эту дорогую картину. Владелица оживилась и устремила на него всё своё очарование. Он попросил уединиться в её кабинете и стал выражать активное сочувствие в расставании с галереей и дал ей попять, что покупка этой картины совершится немедля при условии, что владелица ублажит его своим ртом. Женщина посмотрела ему прямо в глаза и сразу согласилась. Пока он выписывал чек, галерейщица, встав на колени, исполнила свою часть договора.

Вот она великая сила искусства. Искусства денег.

Кругосветные женщины

Поначалу он жадно ездил по заграницам, однако достопримечательности, засиженные и заезженные туристами, он не любил, музеи, завешенные картинами и заставленные скульптурами, его раздражали. Вся культура и бескультурье каждой страны для него сводились к местным женщинам, посредством которых он знакомился с соответствующей страной. Вкушение их манер, повадок, запахов и желаний были для него лучшим проникновением в иностранную суть.

Потом, возмужав и сделав большие деньги, он отвратился от суеты перелётов, от привыкания к смене времени, от отсутствия американского комфорта в дальних странах. Он решил, что можно путешествовать по миру, не покидая родного Нью-Йорка. Когда ему хотелось ехать в Китай, он покупал китаянку, когда его разбирала страсть по России – он брал русскую, когда его тянуло на экзотику кенгуру и утконоса, он раскладывал девушку из Австралии.

Причём он облюбовывал только таких женщин, которые совсем недавно приехали в США, а не обамериканившихся чужестранок, или, чего доброго, родившихся в Америке. Так что свежеявленные женщины пахли своей родиной и ощущались на вкус, как дальнее путешествие, но без обременительных туристических мытарств.

Торговец пиццей съел кукиш

Взращённый на пицце и пиздах, бывший кандидат в президенты США Herman Cain скапустился. Чуть стало известно, что он ёб баб, будучи женатым, его шанс на американское президентство обнулился. Хотя Cain нагло и смешно продолжал настаивать, что все его бабы, вылезшие из тёмных углов и зарабатывающие деньги на своих откровениях, врут, а он лишь с ними дружил.

Всё, на что способны американские политики, жадные до власти – это лгать в лицо, не моргая, как это делал и мой любимчик Билл Клинтон, утверждая, что они с Дженнифер Флауэрс не совокуплялись и точка. На то они и политики, чтобы лгать в глаза во имя получения власти.

Неужели ни у кого из жадных до кормила политиков жажда секса никогда не пересилит их подлость? Неужели власть важнее сексуальной правды и свободы? Ведь нынешние американские президенты, получив власть, практически кастрируют себя – надзор прессы и общества над ними становится таким пристальным, что заводить любовниц, как это делал когда-то Кеннеди, практически невозможно. Вот Клинтон не удержался и вытащил хуй для Левинской, да и то ебать её убоялся, да что ебать, – в рот ей кончить не смел, а лишь выплеснул свою генетику ей на платье. Спрашивается, а на хуя вам власть, если не брать стелющихся перед вами женщин? Что это за извращение – дрочить на баб, которые на всё для тебя готовы, но не сметь к ним прикоснуться?

Мне скажут, что власть сама по себе даёт больше наслаждения, чем любая красавица. Что ж, пусть говорят…

Я всё жду, когда на американское президентство выйдет умный и смелый мужик, который скажет тем, кто откопает его любовниц:

> Я люблю свою жену, а наложницы мне только в этом помогают. Я собираюсь стать президентом США, а не Папой Римским. Так что интересуйтесь моими талантами в политике, юриспруденции, экономике, финансах и в чём угодно, нужном для президентства. Можете, конечно, интересоваться и моей сексуальной жизнью, но мой вам совет: заведите собственную.

Или что-нибудь в этом роде, огревающее народ плетью – именно то, чего народ и ждёт от истинного правителя. Либо

народ съест претендента с потрохами. Как Хермана Каина.

Полная асексуальность нынешнего американского правительства наглядно проявляет себя в своём полном бессилии принимать нужные стране законы. Народ лишил своё правительство свободной сексуальной жизни и тем самым сделал его бессильным не только сексуально, но и во всём остальном. Кроме жадности и тщеславия – тех качеств, которыми издавна славились скопцы.

Гибельная жадность

Произошло это знаменательное событие в Нигерии, где ещё разрешено многожёнство, что является жестоким приговором для каждой жены на вечную её неудовлетворённость.

Богатый мужик завёл себе пять жён. Но сколько бы их ни было – когда-то каждая обязательно осточертеет. Вот он и приобрёл себе шестую. Стал он её ебать в медовушный месяц, а на прежних пять хотел бы хуй положить, да не мог, так как он всё время то в одной, то в другой дырке у новенькой.

А изголодавшиеся остальные жёны ворвалась в спальню, где шестёрка на монополизированном ею хую прыгала, и стали требовать к себе уважения и, в особенности – любви. Муж стал аргументированно уклоняться, мол, вас много, а хуй один. Тогда жёнам надоело дипломатничать, они прижали муженька к матрацу и стали по очереди на него взгромождаться и елозить да скакать. А когда до пятой очередь дошла, то муж решил помереть. И помер. Пятая же, пронаблюдавшая порнодейство с четырьмя счастливицами, так и осталась у разбитого корыта своей пизды.

Вывод напрашивается простой – мужику и одной бабы как следует не удовлетворить, а он шестерых держит. Нужно было не держать их в жёнах, а перебирать наложницами и «до свиданья» говорить после перебора.

Но вот если бы жена имела пять мужей, то она никогда бы им не отказала, и всегда нашла бы у себя место для шестого. И все были бы счастливы, даже когда она бы привела седьмого мужа.

Это только мужики от огромной любви мрут, а бабы – лишь расцветают. Что для мужчины – смерть, для женщины – раздолье.

Любовь народов

Индус и мексиканка поженились. Он то и дело ставит кассеты с индийскими фильмами, и на экране телевизора идёт бесконечная индийская свистопляска с завываниями и мелкотравчатыми страстями, выдаваемыми за трагедии.

Мексиканке это скоро надоедает, она вырубает звук и включает CD с музыкой фламенко. Дробь каблуков – мексиканская чечётка – становится звуковым фоном для индийских танцев.

Муж смотрит телевизор, заткнув уши. Жена слушает музыку, закрыв глаза.

Соответствующая национальная культура возбуждает молодых супругов, и муж вгоняет себя в ступор нирваны с помощью медитации, закрепив хуй в перманентно стоячем положении.

Жена садится на него и долго производит движения в ритме фламенко, не опасаясь, что из-под неё вдруг уйдёт твёрдая земля эрекции, ибо муж – йог и может контролировать функции своего организма, включая самую важную.

Отпрыгав своё, жена делает мужу знак, что перестаёт прыгать – и муж выходит из одной нирваны и входит в другую, извергаясь.

Затем супруги оправляются и отправляются в клуб танцевать бальные танцы.

Их любимый танец – краковяк.

Сам сон и Далила

Мужчина по имени W. получил силу убивать своим взглядом. Поэтому посмотреть на себя в зеркало для него – самоубийство. Даже на своё отражение в воде. Его самая главная забота – это самосохранение.

W. также обнаружил, что если он закроет один глаз и смотрит другим, то тогда те, на кого он смотрит, не умирают, а лишь впадают в сон. Посему он никогда не страдает от бессонницы. Женщин он усыпляет одним глазом и ебёт, а мужчин-соперников убивает, смотря на них в упор обоими глазами.

Чтобы случайно не убить себя или других, он ходит с одним перевязанным глазом, как пират, или как Моше Даян, и снимает повязку театральным жестом лишь для очередного убийства.

Однажды он пришёл в свой любимый бордель и подкупленная его врагами любимая им девица напоила его водкой со снотворным, приведя его в комнату с зеркальными стенами и потолком. Но потолок и стены были укрыты специальными занавесями, чтобы зеркал не было видно. Когда W. захрапел, она сняла с его глаза повязку. W. спал на спине, а когда проснулся и раскрыл глаз – он приучил себя никогда не раскрывать оба глаза сразу при пробуждении, – он взглянул одним глазом в зеркало на потолке и сразу усыпил себя. Но в последний момент, прежде чем провалиться в сон, он настроил себя, что, когда он проснётся, надо будет пробудиться с закрытыми глазами.

Девица же подумала, что он умер и убежала докладывать своим заказчикам. W. усилием воли проснулся и бросился палящим взглядом убивать всех в борделе.

Познав об этом, девица выбежала навстречу разъярённому W. прикрывая своё лицо ручным зеркалом, развёрнутым от её лица. Поэтому, когда W. бросился на неё из-за угла, чтобы испепелить своим взглядом, взгляд его отразился от зеркала, закрывающего её лицо, и W. упал замертво посреди гостиной, заполненной трупами девиц, гостей и обслуживающего персонала.

Ненаписанный сценарий для Голливуда

Женщина специализируется на женатых мужчинах, которые носят обручальные кольца. Встречается с мужчиной только один раз в отеле. В процессе развлечений она просит его засунуть ей в зад палец, на котором кольцо, как можно глубже. Своё это желание она объясняет тем, что ощущение кольца придаёт ей особое наслаждение. Тем временем она заранее засаживает себе в зад лубрикатор, а когда палец с кольцом оказывается глубоко, она просит медленно вытаскивать палец и тренированным сфинктером стягивает со скользкого пальца кольцо. Мужчина смотрит на голый палец и хочет выковырять кольцо, но женщина имитирует панику и страх, соскакивает с кровати и якобы несётся в больницу вытаскивать кольцо. А женатик едет домой в ужасе, что жена заметит отсутствие кольца. По пути он останавливается в ювелирном магазине и покупает кольцо, подобное тому, что у него было.

А женщина спокойно возвращается домой и привычно выкакивает кольцо, которое продаёт за хорошую цену. Разумеется, предварительно его помыв.

О женском сопротивлении

С боем, чуть ли не кровавым, стягиваю с бабы платье, с ещё более безжалостным боем срываю комбинацию. Она остаётся в трусиках и в лифчике. И тут я чувствую, что мне необходимо помочиться. Встаёт дилемма: если не уйду и дораздену, то ничего не смогу сделать, потому как уписаюсь. Если же отойду, то она опять напялит одежду. Ухожу в туалет, готовый к возобновившейся броне.

Но возвращаюсь и вижу, что она сидит на кровати уже без трусиков и лифчика.

Так я получил ещё одно подтверждение закона: женщина сопротивляется для того, чтобы измерить силу твоего желания.

Орнитология

Дрессировщик держал у себя в доме три десятка ворон и дроздов. Он учил их произносить замысловатые фразы. Когда несколько птиц произносили их одна за другой, возникала иллюзия человеческого разговора.

Почувствовав близость смерти, дрессировщик, перед тем как лечь и умереть раскрыл окна в доме и дверцы в клетках. Птицы вылетели из дома, сели на дерево поблизости и заговорили. Мимо шли влюблённые. Они, услышав человеческую речь на дереве, остолбенели. Среди фраз, которые умели произносить птицы, была и фраза «Я люблю тебя!» Ошалелая парочка решила, что это сам бог вещает им, благословляя их, и они легли под дерево, чтобы ознаменовать чудо совокуплением.

Они не знали, что дрессировщик также научил своих птиц испражняться в цель.

Истинная любовь

Мужчина рассказывал, как он сильно любит женщин. Оказалось, что его сильная любовь к женщинам выражается в том, что он обожает, когда женщина сосёт ему хуй, а он лежит и наслаждается. При разговоре присутствовала женщина, которая возразила, что истинная любовь мужчины к женщинам выражается в том, что мужчина обожает лизать женщине пизду, а она лежит и наслаждается.

– В таком случае, я предпочитаю, чтобы женщины сильно любили меня, – исправился мужчина.

– В таком случае, тебе лучше полюбить мужчин-хуесосов, – ответила женщина и покинула собрание.

Тигр-губошлёп

В недавние времена китайцы назвали американский империализм «бумажным тигром». А мы назовём этого американского дурака тигром деревянным. Недаром же этого губошлёпа зовут Tiger Wood.

Жил-был человек, который научился размахивать клюшкой так хорошо, что ударял ею по маленькому белому шарику и попадал им в дырку в поле с двух раз, а иногда даже – с одного.

Такое точное и быстрое попадание в дырку всегда вызывает у большого числа людей восторг, подобный тому, который они испытывают при просмотре порнографии, где тоже точно и быстро попадают в дырки белыми шариками спермы. За любые восторги люди готовы платить большие деньги, и поэтому неудивительно, что Деревянный Тигр, будучи ещё молодым, стал самым богатым человеком – вдыркипопадателем.

Почуяв его деньги, все женщины ложились перед ним, подставляя свои дырки в своём поле для попадания с первого раза. Тигр перепрыгивал через них, а на некоторых приземлялся и заполнял беленькими шариками.

Но в то же время он был женат на красивой и молодой блондинистой тигрице, от которой у него вылупились тигрята. Жена купалась в деньгах тигра и растила дитёнышей. А тигр приволакивал в дом мешки денег, и они с женой по ночам распихивали их по матрацам. Из тех, что уже не помещались, детки вырезали тигрят-оригами.

И вот в сказку ворвалась быль.

Одна лиса крикнула, что её ебал тигр. Все бросились её расспрашивать – каково было, – и за её рассказы лисе давали деньги, а тут и другим лисам, ёбанным тигром, захотелось денег, и они стали кричать, будто в них ещё белеет шарик одинокий. Оказалось, что тигр ёб за последний год 12 дыроносительниц. Мужчины ужаснулись, тайно завидуя тигру. А женщины возмутились, тайно завидуя хитрым лисицам.

А я спросил:

– Всего-то 12???

С такими деньгами да молодостью, да благообразием и славой Тигру надо было ебать как минимум сотню.

Тигрица оскорбилась – ах, не всё тигровое семя ей досталось. Хотя ей это семя уже осточертело по горло. Она сама поглядывала на разных жеребцов и ебла потихоньку охранника, нанятого тигром для оберегания жениных дырок.

Но жена не могла вытерпеть всемирной известности тигровых

попаданий в столько не одобренных ею дырок – высоконравственность не позволяла.

Ладно, поговорим без басенных тигров да тигриц, а в жанре капиталистического реализма. Гольфщик, у которого полный гульфик – обосрался со страха. Прежде всего заперся в сумасшедшем доме и якобы стал там лечиться от несдерживаемой похоти. А потом прилюдно принялся биться головой о стенку и пол, извиняясь направо и налево. Жена тем временем раздумывала, что выгоднее – взять половину богатства, отвалить с детьми в свою Скандинавию и там кататься круглый год на лыжах вперемежку с коньками или сделать вид, что простила Тигра, и продолжать кататься всё тот же круглый год, но как сыр в масле удочерившей её Америки.

А Тигр бегал за женой на задних лапках и обещал, что отрежет себе одно яйцо и полхуя. Жена не возражала против первого, но запретила второе.

Вся гольфовская индустрия застопорилась, гольфисты стали использовать клюшки вместо кочерги в своих каминах, корты для гольфа засеяли кукурузой, а зрители расползись по другим видам спорта. Тогда денежные мешки, с помощью которых Тигр заполнял деньгами свои матрацы, решили вытащить перебздевшего Тигра обратно в лес и написали ему текст извинения, которое он должен был прочесть для болельщиков и детей в детских садах и школах.

И вот намедни вывели на поводке Тигра из клетки сумасшедшего дома и стал он плакаться: ах, я виноват, ах я, буддист, ушёл от буддизма, ах, жена моя не виновата и меня она вовсе не била и не кусала.

Мать его, оказывается, натаскивала Тигрёнка в буддизме с малых лет. А Будда, как известно, хотя Тантру придумал, ебаться особо не велел[55].

Каялся Тигр, что многим боль принёс, имея в виду, что баб своих в жопу ебал без смазки. И обещал, что теперь только жену ебать будет, если та его простит. А жена, пока он извинялся, сидела дома. Вернее лежала дома с охранником, который ей приносил не боль, а наслаждение. Потому что смазывал.

А Тигра было не остановить в его покаяниях: супружескую клятву – ебать только жену (если даёт), – он подло нарушил. Мол, взгромоздясь на матрацы денег, он вообразил, что может следовать своим желаниям и нарушать правила, начертанные для черни. Оказывается, как он понял, он должен жить, как чернь, то есть ебать одну жену. Если же она не даёт, то надо играть в гольф, а в другие дырки следует не попадать, но умышленно промазывать.

Тигр даже слезу пустил, с матерью, что внимала ему в зале, обниматься полез. А она, обнимала его и думала: «Ах ты, мой родной тигрёнок, какие у тебя лапки крепкие и красивые, а вот мозгами тебя бог обделил».

Тигр ускакал обратно в сумасшедший дом – лечиться от желания ебать доступных красавиц, считая это желание хронической и смертельной болезнью, – но решил давать ежедневные пресс-интервью с извинениями за то, что опять утром посрал, что он навонял, что использовал, подтираясь, слишком много туалетной бумаги, и, спуская дерьмо, – слишком много воды. Он решил посещать курсы по обучению экономии туалетной бумаги и воды.

После этого все женщины над ним сжалились, а мужчины – продолжали завидовать по-чёрному. Короче, простили дурачка.

По-древнеримскому

Ребята решили вынудить конкурента, владельца модного ресторана, закрыть свой бизнес. Причём решили сделать это мирными средствами, с использованием знаний истории древнего Рима.

В ресторане ежедневно сервировался буфет с обилием прекрасных блюд, которые можно было вкушать без ограничений за раз заплаченную фиксированную цену.

Наняли группу обжор, и те приходили ко времени открытия буфета и нажирались до отвала. Но на этом дело не кончалось: они шли в туалет, вставляли два пальца в рот и выблёвывали съеденное. Затем шли снова нажираться, и так многократно до закрытия буфета. Для конспирации одних обжор заменяли другими.

Они так объедали ресторан, что хозяин был вынужден ввести ограничения на количество подходов за новыми порциями.

Узнав о небывалых ограничениях, обыкновенные посетители оскорблялись и уходили, не поев, или, поев, больше не приходили. Ресторан потерял свою былую популярность и хозяину пришлось его закрыть.

Я же подумал, что устроить нечто подобное в борделе невозможно, ибо невозможно, увы, «выблевать» уже испытанный оргазм.

Со слов насильника

Странные люди встречаются на моём жизненном пути. Одним из них был парковый насильник, который, узнав, что я писатель, проникся ко мне доверием, рождённым надеждой, что я о нём напишу. Случайное знакомство наше продлилась около часа, после чего я его больше никогда не встречал. Это был высокий, красивый и сильный мужчина и, быть может из-за этого, то, что он мне рассказал, не вызвало во мне сомнений в правдоподобии. Вот его повествование.

Самое простое – это изнасиловать молодую мать, везущую в коляске своё спящее дитя. В парках всегда гуляет немало хорошеньких матерей, поэтому я всегда делаю ежегодные пожертвования парковым хозяйствам. Завидев мать с коляской в безлюдном месте, я подкрадываюсь сзади и крепко обхватываю так, чтобы руки её оказались беспомощно прижаты к телу, и шепчу ей в ухо (чтоб дитё не разбудить): «Молчи и делай что говорю, если хочешь, чтоб ребёнок живым остался. Я тебя выебу, а ты – ни звука, – а то ребёнка убью, а потом тебя.»

Потом подбадриваю, сгибая её в талии: «Я здоровый, красивый и сильный, не заражу и ты не забеременеешь.» Пусть воображает, что её ебёт красивый и сильный, ей приятней будет.

Женщина, разумеется, впадает в транс, а я её наклонил над коляской, прямо над ребёнком, и быстро её джинсы разрезаю или юбку задираю одной рукой, держа крепко, и твержу ей в ухо, чтоб не оглядывалась. Я их ебу только в зад – это утешает женщину, что её пизда останется чистой для мужа. Разумеется, для лёгкости проникновения у меня всегда в руке смазочные средства бутылочкой булькают. Так что я женщине боли не приношу уж точно, только страх. А у страха глаза велики.

Если, будучи одна, женщина может сопротивляться, рискуя собственной жизнью, то жизнью своего ребёнка она рисковать никогда не будет. Какая женщина не даст себя выебать ради спасения жизни своего ребёнка?

Кончив, я ей приказываю не оглядываться, считая до ста, потому как, если оглянется раньше, то, мол, опять пиздец ребёнку. Мобильник я у неё забираю, чтоб в

полицию не настучала, и спокойно бегу к своей машине. Я всегда одеваюсь в спортивную одежду, чтобы мой бег воспринимался не как побег, а как тренировка.

Часто я использую портативную палатку, которая раскрывается, как зонтик. Она у меня маленьким рюкзачком за спиной. Когда я, прижавшись к женщине сзади, произношу ей в ухо заветные слова, я нажимаю кнопку и над нами раскрывается палатка, которая прячет действо от возможно появившихся прохожих. А когда ты убегаешь, женщина, если и оглянется, то тебя не увидит. И сделана палатка так, что, когда ты из неё вышел, разрез соединяется намертво и женщине потребуется время, чтобы сообразить, как из этой палатки выбраться.

Но все остаются довольны: я выеб тугой зад, женщина счастлива, что ребёнок и она сама остались не только живы, но и безо всяких увечий, да ещё палатку бесплатно получила.

А в палатку встроена камера, которая мне «на десерт» снимает женщину – большинство срочно садятся в кустах высрать моё семя. Камера передаёт заснятое мне на компьютер и самоуничтожается.

Тут ребёночек просыпается и улыбается из коляски своей самоотверженной маме…

Через несколько месяцев я оказался в том же парке, где я познакомился с насильником. Я был поражён необычно большому количеству матерей, гуляющих с колясками. Я люблю гулять по диким тропинкам в лесной части парка, и именно там я обнаружил пять гуляющих матерей с колясками, причём они попались мне на значительном расстоянии друг от друга.

С тех пор как я услышал от насильника его историю, я на всякую мать с коляской смотрел с подозрением – а не была ли она его жертвой?

Когда я быстрым шагом обгонял одну из матерей, я заглянул в коляску и увидел спящего младенца. Что-то показалось мне в нём подозрительным. Я замедлил шаг и несколько секунд шёл вровень с коляской – и тут я заметил, что это был не младенец, а кукла.

Характеристики

Книга разговорчивой американки

***Chelsea Handler*. My Horizontal Life. A Collection of One-Night Stands. Bloomsbury, New York. 2005. 214 p. ISBN 978-1-58234-618-2 (Моя горизонтальная жизнь. Собрание разовых любовников).**

Чесли Хэндлер (Chelsea Handler) ведёт ежедневное получасовое шоу *Chelsea Lately* на канале *E*! *Entertainment*, в которое(ую) я втюрился с первого взгляда. Это шоу начинается с краткого монолога Челси, в котором она размазывает по стенке какую-нибудь знаменитость, чужое шоу или саму себя. Всё это делается в большом темпе, бесцеремонно, смешно и безжалостно. Иногда она перебирает. Но с кем не случается? Иногда не добирает. Случается со всеми. Но в общем – сделано крепко.

После монолога Челси собирает за столом тройку своих подопечных шутников (каждое шоу – разных), которые вместе с ней раздраконивают всевозможные знаменитые жертвы.

А сбоку сидит карлик-мексиканец Ошу, который подыгрывает Челси и помогает ей смешить зрителей. В конце шоу Челси разговаривает минут пять с каким-либо приглашённым гостем – иронически, уничтожительно или реже – с симпатией.

Челси очаровательна в фас, с яркой улыбкой (чем она постоянно пользуется, показывая её крупным планом в нужные или ненужные моменты), а в профиль лицо её смотрится весьма заурядно. Но у неё хорошая, немалая грудь, неплохая фигура, так что Челси вполне годится в употребление. (А кто не годится?)

Недавно её затащили на обложку *Playboy* – Челси не оголила даже сисек.

Это говорит об истинной степени её раскрепощённости. Конечно, такое решение могло быть политическим для развития карьеры, чтобы при всей разговорной сексуальной разухабистости не делать её «показной». Американский народ не может уважать голых повелителей умов и сердец. Вот почему всяческие попы напяливают на себя самое большое количество обмундирования – чтобы с лихвой скрыть и замолчать свою наготу.

Моё восхищение Челсиной остроумной наглостью, густо замешанной на сексе, потянуло меня почитать её первую книжку (вторая *Are You There, Vodka? If's Me, Chelsea* вышла в 2008, а третья *Chelsea Chelsea Bang Bang*– в 2010).

Первая книжка, быть может, получается не самой лучшей, но зато всегда – показательной.

Несмотря на название книги, сразу становится понятно, что

рассказы в ней не эротические, а юмористические. Но чтобы привлечь внимание к юмору, Челси подаёт его как эротический. Хотя, скажу прямо, ебли в книге – никакой. Всё лишь крутится вокруг и около неё да повествуется о том, как по той или иной смешной (как кажется Челси) причине ебля не свершилась или сорвалась.

Книга написана автобиографически, речь ведётся от первого лица, и имя героини – Челси. Мне не дано знать, сколько в книге правды, но предположить, что больше половины, можно легко – уж слишком узнаваемо описано в ней сексуальное восприятие американки, и оно совпадает с тем, что и как говорит Челси на экране. То есть перевоплощений и стилизаций под других в рассказах не имеется.

В книге 18 рассказов, в которых в хронологическом порядке повествуется о любовных приключениях Челси с 5 до 28 лет. Нетрудно предположить, что эти рассказы выросли из Челсиных сольных выступлений на многочисленных сценах, с чего она начинала свою карьеру. Всё это разросшиеся в книгу шутки, в которых, как известно, имеются дольки правды. Именно эти долечки правды в шутках, а не сами шутки представляют для меня интерес.

Героиня Челси предстаёт в книге женщиной, привычно использующей слова: vagina, penis, fuck (последнее старательно глушат цензоры на телевидении). Для «пизды» Челси придумала своё собственное слово «kaslopis», которое цензоры не глушат, что бы они обязательно сделали, используй она слово cunt.

Рассказы предваряются посвящением:

> Моим родителям —
> спасибо, что вы меня заимели.
> Теперь смотрите, что я наделала.

Что ж, посмотрим.

Первый рассказ описывает пятилетнюю Челси, которая застала родителей совокупляющимися. Более, того, она увидела отцовский хуй. В результате увиденного, девочка не восхищается, не дивится увиденным, а испытывает отвращение. На протяжении всей книги встречаются намёки на отвращение, возникающее у Челси от фантазии совокупления с отцом: описывая своё омерзение к чему-то, она так иллюстрирует меру его:

> Я уж лучше приму ванну с моим отцом.

Такое демонстративное отвращение, как известно, говорит лишь о тайном вожделении к отцу, которое тоже давно известно и

даже научно обосновано. Но тот факт, что это отвращение преследует взрослую женщину, которой она предстаёт к концу книги, говорит лишь о сексуальной инфантильности Челси, несмотря на якобы обильную еблю, о которой постоянно твердится в книге и в шоу *Chelsea Lately*.

В рассказах встречаются и формально здравые мысли, очевидные для любого с мало-мальским сексуальным опытом:

> Многие люди считают, что разовый трах это то, чего надо стыдиться и смущаться. Я не согласна. Есть много способов узнать человека, но мой любимый – увидеть его голым с задранными вверх ногами. Также я считаю важным переспать как можно скорее после знакомства, чтобы понять, есть ли сексуальная совместимость. А то ты будешь выжидать два-три месяца, а потом окажется, что твой новый любовник плох в постели или что ещё хуже – увлекается вставлением шариков на нитке в зад и заклеивает тебе рот изоляционной лентой.

Однако такой либерализм (либертинизм) не проходит безнаказанно для американских женщин – их нутро отягощено отношением к сексу как к делу грязному, постыдному и греховному, а потому, чтобы достичь расслабления, необходимого для следования своей освобождающей похоти, а не порабощающей морали, они напиваются, марихуанятся, принимают наркотики или то и другое вместе. Секс на трезвую голову для них ни теоретически, ни практически невозможен.

Поэтому героиня Челси, собираясь заняться еблей, всегда тщательно к ней готовится: напивается, накуривается или наедается таблеток.

Когда прекрасный парень, для которого она стремится развести ноги, отказывается от выпивки, Челси паникует. Ей даже является в голову мысль не давать ему в первую встречу, чтобы он её зауважал. То есть в её сексуально, так сказать, раскованном сознании прочно засела идея несовместимости ебли и уважения, два этих состояния представляются для Челси взаимоисключающими. (Я же считаю, что уважения достойна только та женщина, которая отдаётся сразу, раскрывает все свои три козыря, а не играет в «бескозырку» порядочности с «подкидными дураками»).

Раздумывая, как соблазнить желанного, но малоинициативного парня, Челси порывается включить порновидео, но опять пугается, что парень примет её за блядину. То есть в голове Челси постоянно происходит просчитывание, она – женщина, которая не в состоянии следовать своим желаниям,

разве что в состоянии полного отключения, когда сознание уже не регистрирует эти желания, и kaslopis, а не голова начинает распоряжаться телом.

У Челси имеет место похвальное омерзение к романтике:

> Я уверена, что если мужчина пишет женщине стихи, то это означает, что он пытается ими что-то загладить. Например, жирную волосатую спину или отсутствие одного яйца.

Однако жирная волосатая спина – это ещё цветочки. Над Челси довлеет панический ужас перед большим хуем, который ей попадается сначала у красавца негра, а потом у карлика. Именно то, что влечёт и радует сексуально активных женщин, вселяет ужас в Челси, причём такой, что она бежит от такого хуя, а не пытается хотя бы его подрочить или полизать.

Страх (показной?) к большому хую сопровождается фантазиями о многих одновременных хуях, но приемлемого размера. Челси снисходительно, но с плохо скрытой завистью упоминает мечту своей подружки Лидии (небось русской – Челси обожает иностранные акценты) быть выебанной группой мужиков: подружка так и не смогла свершить свою мечту и вместо этого перебирала по одному из группы, чтобы записать на видео, склеить и воспроизвести, что может служить зрительной заменой одновременности ебли с множеством хуёв. Но в книге, изданной респектабельным издательством и рассчитанной на массовое потребление, серьёзное описание или даже фантазии о групповой ебле запрещены.

Примечательно, что Челси вообще не любит облик хуя, а значит она не любит и сам хуй и сперму не любит, она любит лишь своё наслаждение, которое он ей иногда приносит:

> Моё личное мнение, что мужчина гораздо привлекательней когда он одет,

утверждает эта сексуальная эстетка.

Она делится такими трогательными воспоминаниями:

> У меня заняло несколько месяцев после того, как я первый раз поеблась, чтобы хотя бы взглянуть на член. Они так глупо смотрятся.

А в другом рассказе Челси пытается исправиться и заявляет:

> Я люблю члены.

(Ага – конечно любишь, когда он тебя ебёт – такой любовью ты и дилдо любишь.)

Челси в своём отношении к хую подобна популярному сорту мужчин с их отношением к пизде: люблю ебать, но только не глядя, не нюхая и не вкушая.

Тоже мне любовь.

Страх большого хуя Челси пытается уравновесить ненавистью к маленькому хую. Когда она, сломя голову, убежала от мужика с малюсеньким хуем и сообщила об этом ужасе своей подруге, та мудро ответила:

> – Тебе вовсе не нужно было убегать от него. Он мог оказаться знающим в других вещах.
>
> – В каких? – спросила я. – В математике?

Мысль о возможности орального секса даже не приходит в голову юмористке Челси.

Когда её мать, уча дочку жить, сказала, что есть ситуации, в которых человек обязан помогать ближнему даже когда это тебе не приносит никакого удовольствия, то именно тут в головку Челси явился оральный секс:

> – Для выполнения этой обязанности существует хуесосание, —

отреагировала Челси.

Вот так она относится к оральному сексу: не любит вид хуя, боится, если он большой, ненавидит, если маленький и с отвращением берёт в рот, чтобы доставить удовольствие любовнику, в котором она заинтересована.

Впрочем, оральный секс для Челси неприемлем и омерзителен в обоих направлениях.

Когда один из любовников опустился к её пизде с высунутым языком, она остановила его и потянула наверх, аргументируя свою неприязнь так:

> Я не люблю оральный секс с незнакомцами.

А так как все её описания сводятся к разовым совокуплениям с разными мужчинами, то все они подпадают под категорию незнакомца и, значит, ни один разовый язык она не допускает до своего клитора. То есть то, о чём все настоящие женщины мечтают, Челси отвергает. Ещё ей следовало бы заявить, что ебу, мол, любого, а пизду дам лизать только после замужества.

Самое противное, что даже будучи в доску пьяной, Челси

никогда не забывает о гандонах – по пути в постель с мужиком, она останавливается в аптеке или запасается ими заранее, или прерывает поцелуи и перед членовведением, которое я бы в её случае назвал членовредительством, спрашивает мужика, есть ли у него презерватив. Таким образом, ей даже разок не отказывает холодный расчёт, даже при разгулявшейся похоти, высвобождённой обильной водкой или таблетками экстази.

Больше всего Челси у мужчин нравятся не хуи, а круглые плотные ягодицы. Мужчины с плоским задом для неё и не мужчины вовсе. Причина этого бесполезного женского влечения к мужским задам представляет загадку, если эта женщина не рвётся вылизать мужчине анус или выебать его искусственным хуем. И то и другое находится далеко за горизонтом Челсиных сексуальных увлечений.

Ни лесбийских увлечений, ни интереса к групповому сексу Челси не проявляет, а испытывает к ним своё стандартное отвращение.

Она категорически отказывается от просьб одного из любовников подключить вторую женщину. А когда она обнаруживает его с двумя более сговорчивыми бабами, то воспринимает это как предательство и категорически отказывается присоединиться третьей.

Так же, когда она увидела двух ебущихся мужиков, одного из которых она собиралась вот-вот выебать сама, и те согласились расцепиться, чтобы попотчевать её двумя хуями, Челси с отвращением отказалась и от этого.

Когда её подруга Лидия еблась с кем-то и стонала в соседней комнате, тогда как Челси спала в одиночестве, то Челси возмутилась:

> Я не могла поверить, что Лидия станет заниматься сексом в метре от меня в той же квартире. Мы ведь уже не школьницы. Слышать, как твоя подруга стонет в страсти, выкрикивая чьё-то имя, это всё равно, что увидеть своих родителей, занимающихся сексом.

(Опять вылезла её зацикленность на ебле с отцом.)

Челси не лишена и ханжества, которое она пытается затуманить шуткой, но которое, как всегда, объясняется половой завистью:

> Больше всего я не люблю, когда парочка жмётся и целуется на людях. Я даже нахожу это отвратительным и оскорбительным. За исключением, когда жмут и целуют меня. Тогда у меня с этим нет проблем.

Другим ярким пятном в сексуальной жизни Челси является её побег в темноту, когда она занимается своими, как она называет их, «греховными делами». Она сообщает:

> Я предпочитаю делать свои греховные дела вечерами, а не когда так светло.

Это характерно для всех женщин, которые стыдятся своего тела, считая его недостаточно красивым (о чём не раз упоминает Челси, совершая периодические попытки сбросить вес).

Неудовлетворённость своей внешностью такие женщины скрывают под ханжеской моралью – мол, грешить можно только в темноте. Чтобы её несовершенное тело было не видно любовнику.

Готовясь к свиданию с мужчиной, которого Челси хочет заполучить в постоянные любовники, она с остервенением выбривает себе волосы между ног. Ненависть к своему естеству скрывается под благовидными эстетическими предлогами.

Тем временем Челси описывает своё душевно-половое состояние:

> Люблю свои ощущения на следующий день после рвоты – чувствую себя легко, как пёрышко.

Таким рвотным способом уважающая себя и любящая секс женщина борется со своим сфантазировано лишним весом.

Анальный секс не входит в область сексуальных интересов Челси. Она о нём просто не упоминает, но зато радостно рассказывает о своём пердеже в обществе и о следах дерьма на её трусиках после поноса.

Такая многосторонняя и многочисленная сексуальная зацикленность Челси украшается ещё и предрассудками по поводу возраста любовника. Когда, по её собственному признанию, её сказочно выеб молодой мексиканец, и она узнала, что ему всего 19 лет, она перепугалась, застыдилась, ибо никогда не ебла никого младше себя, – как Вам нравится этот возрастной ценз с полным пренебрежением сексуальных достоинств любовника и наслаждения, которое он доставил? Юность любовника оказалось для Чесли достаточным основанием, чтобы больше не подпускать к себе этого самца. Какова любовница!

В одном Челси достигла совершенства – это в мастурбации, в результате которой она получила воспаление локтя, что типично при интенсивной игре в теннис. Это тоже может быть шуткой и преувеличением, но неустанная мастурбация, заменяющая контакты с партнёрами обоих полов, гармонично дополняет выписанный образ американской женщины.

Разумеется, что героиня всё-таки время от времени наслаждалась хуями и еблей, но тоном своим, пренебрежительным и избегающим, она лишь выдаёт свою попытку нейтрализовать чувство вечной вины и стыда за испытанное наслаждение.

На последнем описанном в книге неудачном рандеву, ставшим последней каплей при отсутствии капель спермы, Челси решает, что пора менять свою жизнь, перестать спать с кем попало, пытаться выйти замуж и если ебаться, то только с тем, кто достоин стать её мужем. Таким образом, книга заканчивается типичным добропорядочным хэппи ендом: осознанием героиней своего недостойного сексуального поведения и женского предназначения быть матерью и женой, а не разовой любовницей.

Можно предположить, что респектабельное издательство в желании апеллировать к массовому читателю, одурманенному практическими соображениями жизни, могло настоять на таком морализаторском конце.

К счастью, жизнь Челси не соответствует этим американо-издательским правилам, и она по-прежнему ведёт своё шоу, которое много смешнее её книги, она ещё не замужем, без детей и по её заверениям, пьёт водку как любимый источник счастья. И меняет любовников.

Однако литературно эта книга весьма посредственна. Шутки и наблюдения, которые вполне милы, явно хорошо звучали со сцен, где Челси регулярно выступала в качестве сатирика-юмориста. Однако в книге они остаются литературно маломощными.

Во всех рассказах используется один и тот же приём: нагнетание ожидания ебли и неизбежная сексуальная неудача, постигающая героиню. После первых нескольких рассказов этот приём надоедает, ибо становится раздражающе предсказуем.

Я тоже использовал этот приём любовных неудач, но лишь в пределах одного рассказа «Трудовой день любовника»[56] – там герой, встречаясь с четырьмя любовницами в течение дня, в силу разных причин ни с одной не может переспать и засыпает один, в мечтах о пятой. Но, во-первых, дело происходит на протяжении одного рассказа, что вполне терпимо, и, во-вторых, мой рассказ кончается не разочарованием в многопартнёрной ебле, как у Челси, а наоборот – счастливым предвкушением её.

Завоевание женщины мужчиной и мужчиной – женщины состоит из двух этапов: переспать первый и, быть может, последний раз и затем – обеспечить готовность партнёра для пересыпа в любое время, когда тебе вздумается. Если для первого этапа усилия могут оказаться минимальные и самые приятные, то

для второго этапа обыкновенно используется моногамия как орудие принуждения и всё оборачивается изничтожением секса. Но именно второй этап завоевания пропагандирует общество, мораль и книга Челси.

Итого, вырисовывается весьма несимпатичный портрет женщины, созревшей для выполнения общественных задач полового воспитания:

> У неё вызывает отвращение вид хуя, сосание хуя, анальный, бисексуальный и групповой секс, а также секс на трезвую голову, и к тому же вид совокупляющихся родителей.
>
> Она не позволяет лизать себе пизду.
>
> Она не любит ебаться на свету.
>
> Она стыдится собственного тела: волос на пизде, лишнего жирка.
>
> Она ебётся только с презервативами.

С такой женщиной и впрямь не захочется ебаться больше одного раза.

Получился портрет не только Челси, но и большинства американок, которые во многом определяют сексуальный климат в американском обществе.

Несмотря на свою ебливость и вопреки ей, Челси представляет из себя весьма консервативную модель женщины, которая и нужна нынешней морали. Эта мораль теперь вынуждена допустить более свободную еблю, но зато отыгрывается на том, что делает эту еблю постыдной, вызывающей брезгливость и не допускающей радости от её вариантов, кроме миссионерской позиции.

Таким образом, Челси, желая того или нет, уложилась в подлую моральную схему современной передовой молодой незамужней женщины.

Это тот случай, когда мне бы хотелось, чтобы литература не имела никакого отношения к реальности. Но, увы, такое бывает только в литературе.

Глупый пи́нгвин…

Глупый пи́нгвин…

Горький. «Песня о Буревестнике»

Посмотрел-таки этот знаменитый фильм о пингвинах (*March of the Penguins*). Они напоминают определённую категорию людей, самых пассивных и молча терпящих тяжёлую жизнь, не представляя, что может быть другая, и даже, быть может, любящих свою ужасную жизнь. Эти пингвины (люди) мучаются в жутком холоде и голоде для того, чтобы чуть поебаться, а потом жизнь положить на вынашивание (выстаивание) яйца и выращивание пингвинёнка. В идеале каждый год по яйцу и по пингвинёнку, а в реальности то яйцо замёрзнет, то пингвинёнок.

Однако, в отличие от людей, пингвин каждый год с новой самкой. (Наверно, из-за этого они согласны терпеть все невзгоды.) А ведь как они могли бы свою жизнь упростить, утеплить, ублажить, если бы догадались поплыть в места потеплее. Но нет – надо обязательно тащиться десятки миль по убийственному морозу, чтобы именно в одном самом холодном, самом дурацком месте зачать, высиживать, выхаживать и подыхать.

Можно подумать, что пингвины (люди) созданы для мучительной и опасной жизни с одномесячным летним просветом счастья (отпуском), когда лёд растапливается и доступ к воде (пляжи) приближается к их месту скопища, так что им уже не надо топать километры до полыньи.

Но намедни якобы потепление образовалось, льдины тают и это идёт пингвинам на пользу – не надо будет ждать лета, и чуть ли не постоянно доступ к воде будет близок. Так как пингвины сами не способны изменить свою жизнь к лучшему, природа взяла дело в свои руки и сжалилась над несчастными, утеплив им жизнь.

В фильме показано, как на глазах у отца, матери и всей стаи хищная птица, размером меньше пингвина, хватает пингвинёнка, то одного, то другого, и пожирает на виду у безучастных родителей и всего пингвиньего стада.

А ведь даже маленькие птицы бросаются хором на ястреба и отгоняют его от своих гнёзд, а пингвины ни на что не способны, кроме как кучковаться.

Когда смотришь на совокупляющуюся парочку пингвинов среди других, делающих то же самое, то приходишь к выводу, что

половой стыд у птиц и животных заменяют сложности, которыми обставлено совокупление: дотопать до места совокупления не замёрзнув, не умерев, не будучи съеденным, выбрать самку, заслужить её расположение, опять-таки не померев от мороза. Если сюда ещё добавить стыд да мораль, то вообще никакого совокупления не состоялось бы и пингвины умерли бы, переминаясь с ноги на ногу.

Мораль: Пусть сильнее грянет буря потепления!..

Кино про литературу

***Starting Out in the Evening* (2007).**

Говорить о том, что в фильме участвуют прекрасные актёры, что он сделан с великим чувством такта и меры – ни к чему, иначе бы и упоминать о нём не стал.

Но захотелось поговорить о фабуле, мне небезразличной. А она такова. Старый больной забытый публикой писатель уже десять лет пытается дописать свой последний роман. Писательская и человеческая ситуация у него не из худших: когда-то он был знаменит, у него есть заботливая и любящая дочь, живёт он в прекрасной квартире в Нью-Йорке, в доме, у входа в который стоит швейцар. Ходит на литературные вечера и пр.

И вот объявляется очаровательная, интеллектуальная и сексуально свободная девушка, которая решила написать диссертацию о творчестве этого писателя с попутной целью добиться переиздания его романов.

Писатель сначала её шугает, мол, я дописываю роман и мне не до пустых разговоров, но потом размякает и допускает настырную сексапильную умницу не только до своих книг, но и до своего немощного тела. Девушка же признаётся, что сверстники её не влекут: они как жевательная резинка, говорит она, первые несколько мгновений вкусно, а потом начинается жевание уже безвкусной резины. Посему её геронтофилия в сочетании с любовью к литературе являются взаимодополняющими.

Сексуальная часть в фильме показана исключительно осторожно – без ханжества, но и без нарочитой открытости. Хотя мне было бы чрезвычайно любопытно, какими способами они добирались до оргазмов, если добирались вообще, и особливо девица. Так что непонятно, заебла она его или недоебла, но у писателя происходит инсульт, он попадает в больницу и выходит из неё уже совсем хилым и с умом повреждённым. Его поклонница является к нему домой с визитом, и писатель посреди невнятного разговора за столом своей слабой рукой, прервав ласковое движение по её лицу, даёт девушке пощёчину. Девушка закономерно рыдает и справедливо замечает, что она такого не заслужила. Старик-писатель никак не объясняет своего поступка, а тихо засыпает, устав от переживаний и от резкого движения рукой. Девушка уходит навсегда. А в последнем кадре, как и в первом, писатель сидит над своей пишущей машинкой, еле

выбивая из клавиш вначале – слова, а в конце – буквы.

Я оставляю в стороне сюжетную линию дочери, а также литературные разговоры о связи личной жизни писателя и его литературных произведений. Всё это увлекательно мило, с умеренной глубиной и подчас условно справедливо.

Главное для меня здесь – в одной прощальной фразе писателя, обращённой к девушке:

– Ты и впрямь внесла трепет в мою старость.

Вспомним Тютчева, Гёте, де Сада и массу других стариков-писателей, которых на прощанье пригрело молодое женское тело.

И, быть может, именно из-за этого писатель дал девушке пощёчину, ибо захотел торжественно идти к смерти, отторженным, отвергнутым, гордым и бескомпромиссным. А тут его выебла и вытащила на свет из мрачной гордости молодая красотка. Ведь ей ещё пришлось долго и не раз уговаривать его на близость, лёжа с ним одетым на кровати – писатель отчаянно сопротивлялся божьему дару, за что его бог и покарал.

Писатель скрывал, а девица-исследовательница раскопала, что жена писателя не только рано умерла, но за год до своей смерти ушла от него к другому мужчине. После такого двойного ухода жены писатель впал в затворничество и чуть себе хуй не отрезал. Короче, с еблей завязал и заполз в литературу с головой. В связи с этим писатель в разговоре с почитательницей бросает фразу, что, не будь он таким несчастным, он бы не написал своих романов. Таким образом он, как и многие писатели, лелеял своё несчастье или горести, чтобы поддерживать в себе творческий стимул. То есть принуждал себя быть несчастным, чтобы быть писателем. Я до конца осознал эти трюки к пятидесяти годам, забросил тоску-кручину, перестал горевать о неизбежности смерти и, как отрадное следствие, бросил писать стихи, став счастливым, живущим сегодняшним днём, в котором ебля и прочие радости.

Самое важное в жизни писателя – это научиться литературу преодолевать.

Боб Гуччионе – в гроб заключённый

Есть люди, у которых при старении черты лица остаются приятно узнаваемы – скажем, у Шона О'Коннери. Гуччионе же, судя по последним фотографиям, стал ужасающе неузнаваем. Впрочем, рак обезображивает не только лица… Он и прочие невзгоды сделали из богача Гуччионе – бедняка, одолеваемого кредиторами.

Знаком лично я с Гуччионе не был, но был неплохо знаком с редакторами его журналов: отрывки из «Тайных записок» Пушкина издавались не только в американском издании (единственном на то время осмелившемся), но и во французском и немецком *Пентхаусах*. Российские же самозванцы и жулики-«пентхаусники», печатавшие не раз материалы о «Тайных записках», у меня прописаны в *General Erotic*. 2010. № 207.

В перестроечные времена Гуччионе приезжал в Россию, хотел построить там свой Пентхаус. Но он быстро понял, что в России предпочитают разрушать, а не строить.

Я знаю московского издателя, весьма респектабельного, который несколько лет назад хотел серьёзно и честно заниматься изданием Пента в России, но те затребовали слишком много денег за это право, и издатель просто не мог заплатить такую сумму. Дело умерло, не родившись.

О Бобе Гуччионе я давно хочу написать, написал же я о Хью Хефнере, Лари Флинте и Але Гольдштейне[57]. Но о Гуччионе книг я не нашёл, сам он мемуаров не написал, во всяком случае, они не изданы, а устраивать погоню за обрывочными фактами – это не для меня.

Короче говоря, я весьма благодарен и многим обязан Гуччионе за то, что он создал такую атмосферу в своих редакциях, что редакторы не испугались пиздяного запаха, исходящего из «Тайных записок».

В память о Гуччионе я пересмотрел его провальный фильм *Калигула*. Глядя на титры и актёрские лица, я только диву давался, что блестящие актёры, режиссёр, художник и оператор – все они, объединившись, остались сами по себе и не смогли родить живой организм, всё оставив разрозненным и мёртвым. Даже музыка Хачатуряна и Прокофьева не оживила беспросветную тоску при просмотре фильма.

Произошло это потому, что Гуччионе хотел всё сделать «красиво». Тогда как пизда и так всегда красива, под каким бы углом и освещением её ни снимали, а пизду с хуем внутри, не говоря уже о заде снимать духа не хватило, ибо общество

взбунтовалось бы и фильм не пустили бы в массовый прокат.

Потому-то и был сделан классический компромисс – не показывать чистой (грязной) ебли, чтобы фильм был приемлем для государства. Гуччионе пожертвовал для этого всеобщей людской жаждой ебли и её изображений. А ведь фильмы смотрит не государство, а люди – вот люди и плевались от фальши и трусости компромиссного фильма. Хотя в большинстве случаев не осознавали причин своей отторгающей реакции.

Каждый раз, когда еблю стремятся одеть в социальные или исторические одежды или в одежды искусства, происходит неизбежный провал, ибо ебля по сути своей антисоциальна, внеисторична (неизменна испокон веков), ибо ебля сама есть искусство, а то, что называют искусством «в приличном обществе» есть лишь подсознательное подражание ебле или её реминисценция.

Все «художественные» дополнения к ебле или попытка её «эстетично» завуалировать есть лишь попытка оправдаться перед обществом и солгать, что, мол, тебя ебля почти или вовсе не интересует, а, мол, влекут тебя другие темы, якобы с еблей не связанные или только мало связанные, тогда как все эти другие темы без ебли просто не могут существовать.

Ебля есть воплощение идеальной красоты, но её вытеснили из *Калигулы* суррогаты эстетическо-исторических прибамбасов. А посягая на еблю, посягаешь на жизнь, вот фильм *Калигула* и поплатился за это посягательство и оказался мертворождённым – фильм о ебле без ебли вызвал разочарование, отвращение и насмешку. Которые, кстати, тоже прикрывались эстетическо-исторической аргументацией.

Бедный Гуччионе – царство ему телесное!

One Flew Over the Cuckoo's Nest – В жёлтом Большом доме

Решил я пересмотреть ещё разок *One Flew Over the Cuckoo's Nest* (1975), сделанный Милошом Форманом, который захотел было фильм сделать по «Тайным запискам» Пушкина да скуксился, осознав, что в Штатах сделать такой фильм можно, только пустив его по XXX порно руслу, а значит резко ограничить его прокат, что делает всё предприятие бессмысленным. Но я уважаю Формана не только за это. А прежде всего, за Cuckoo s Nest, буквально переведённый российскими недоумками бессмысленной фразой «Полёт над гнездом кукушки». Даже правильно дословно перевести не смогли (ибо должно-то быть: «Некто летел над гнездом кукушки»), не говоря уже о том, чтобы попытаться донести смысл названия. Факт, что название никак не отражает содержания фильма, воспринялся в России как само собой разумеющееся, ибо раз фильм американский, то и название надо принимать какое есть, а не раздумывать да придираться. Низкопоклонство и рабство вылезло и здесь.

Самое интересное, что сделав ошибку (у всех бывает), её решили не исправлять – в России не любят ни признавать своих ошибок, ни тем более – исправлять. Так что фильм долгие годы идёт под этим идиотским названием.

Американцы тоже подвержены пробелам в знании иностранных языков. Когда Хрущёв пообещал «показать Кузькину мать», то, излагая дословно это выражение, переводчики и пресса открыто выражали недоумение и не сразу разобрались в смысле этой фразы. В конце концов переводы исправили и откомментировали, и Кузькина мать стала на своё правильно понятое место. Ошибки в Америке тоже допускают, но с ними не смиряются, как в России.

За тридцать пять лет этот фильм не только не устарел, но даже помолодел – типичное свидетельство бессмертия. А награждён он был бессмертием за то, что гениально сказал о главном, вечно присущим человеческому обществу: о жестоком подавлении сексуальных желаний.

Герою фильма по фамилии McMurphy 38 лет, и сел он в тюрьму за statutory rape (формальное изнасилование) пятнадцатилетней девушки. Формальность состоит в том, что факт изнасилования определяет не сама зрелая самка, захотевшая ебаться, а закон, написанный садистами, взявшими власть в свои руки и считающими любую не одобренную ими еблю

преступлением.

Девушка, сочная, текущая, голодная, радостно развела ноги, многократно насладилась, счастлива, называет всё это любовью, но закону и законникам наплевать на человечью радость – они считают, что добровольность девушки ничего не значит и называет её наслаждение изнасилованием, считая, что только после мистического скачка в день с 17-ти лет на 18 у девушки вдруг и само собой рождается сознание, ответственность за собственные действия вкупе с независимостью от родителей. За день до восемнадцати её считали за ребёнка, неспособного на самостоятельное мышление. А через день этой же девице разрешается вагинальный, оральный и анальный секс, включая групповой.

Смысл закона о формальном изнасиловании – это не только пренебречь желанием созревшей самки, а перечеркнуть это желание, унизить с намерением уничтожить его. Это уже не говоря об изничтожении самца, обрадовавшего самку.

McMurphy выдаёт такую фразу обследующему его врачу:

> …she was very willing… when you get this red little beaver – no man can resist it.
>
> (Она очень хотела… когда ты заполучишь такую красненькую пиздёнку – ни один мужчина не сможет отказаться от неё.)

А общество как раз и требует, чтобы ты перестал быть мужчиной, а стал кастратом-дегенератом и бежал юного пиздяного чуда, если оно призывно и жадно раскрывается перед тобой.

McMurphy решил притвориться сумасшедшим и повольготничать в психушке, вместо того, чтобы отбывать срок в тюрьме. Но получилось, как в песне *Hotel California*:

> You can check out any time you like, but you can never leave.
>
> (Ты можешь выписаться когда захочешь, но уйти ты никогда не сможешь.)

Проблемы всех жителей жёлтого большого дома – так или иначе сексуальные. Один, добровольно живущий в этом доме, не может остановиться в своих рассказах о жене, которая бросила его ради любовника. Другой сопляк, которого недоёбанная мать заебала так, что он стал заикой, сразу вылечился, как только

McMurphy подарил ему свою девицу для пересыпа.

Когда McMurphy вытащил всех в море, психи якобы увлеклись рыбалкой, но они тотчас бросили эту ловлю холодного мяса, стоило McMurphy уединиться со своей бабой в каюте, и бросились подглядывать в иллюминаторы на движение их горячего мяса. Единственный разговор, который интересует психов – это о сексе. И садистка-медсестра тоже зациклена на ебле, так как провоцирует разговоры психов о сексе и явно получает от этого наслаждение. Все эти психи стали бы нормальными и счастливыми людьми, если бы им дали по пизде, о которой каждый из них мечтает.

Даже негр-охранник соглашается пропустить баб и водку в ночную палату, когда ему обещается пизда в бонус.

Но в итоге общество побеждает и уничтожает McMurphy. А психи остаются психами, кроме одного, который всё-таки убегает, но далеко он тоже не убежит, так как его скоро скосит водка, которую он выбрал в качестве замены пизды.

Ненависть к ограничениям, что накладывает общество, – и есть лейтмотив фильма.

Если жители жёлтого Большого дома – сумасшедшие, то «а судьи кто?» Ответ напрашивается сам: бандиты и фарисеи.

Мне скажут: у тебя навязчивая идея. Но навязчивая идея не у меня (живущего всего век), а у человеческого общества (живущего тысячелетия). Это оно на протяжении всей своей истории навязчиво подавляет в человеке самое сильное и прекрасное желание. Более того, именно из подавления сексуального желания и состоит вся история человечества.

Фильм завалили премиями, с триумфом он прогремел по всему миру, в 1993 году его назвали «значительным явлением в культурной, исторической и эстетической сферах» и выбрали его для торжественного хранения как National Film Registry (Национальное кинематографическое достояние).

Подавляющее большинство посмотревших фильм встают на сторону героя (в открытую или молча), переживают за него, а значит люди согласны с его бунтом против рабской жизни под игом античеловечных сексуальных законов.

Казалось бы, после такой сочувственной общенародной реакции все сексуальные законы и мораль должны были быть пересмотрены. Ан нет, хотя народ стал себя вести ебливей, во всяком случае молодёжь, но законы и притеснения остались не только те же, но и ужесточились.

Так же казалось в конце 70-х, что если в СССР опубликуют *Архипелаг Гулаг*, то всё изменится бесповоротно. В конце концов Еулаг опубликовали. Но у власти и в почёте остались всё те же

убийцы человеческого духа и плоти.

Вот вам Роман Полански – нынешний McMurphy, которого с прежним ожесточением хотят загнать в могилу за то, что он выеб не только желанную, но и желающую самочку. Но он вовремя и надёжно убежал из американского сумасшедшего дома… во французский.

В фильме рефреном служит фраза:

> Medication time
> (Пора принимать лекарства),

которую произносит медсестра в матюгальник, сзывая психов, чтобы забить их желания химией.

Когда я вижу брачующуюся пару, стоящую перед попом или судьёй – мне всегда слышится эта фраза, ибо поп всучает парочке пилюлю моногамии, которая должна убить у них сексуальное желание (если это лекарство принимать, а не потихоньку выплёвывать, как это делал McMurphy).

Тухлый американец

Физически и физиологически не мог досмотреть фильм *The Quiet American* (Тихий американец; 2002). Выключил это дерьмо на середине. Даже Michael Caine не в состоянии вытащить этот фильм из болота немощной медлительной фальши. Одно приятно было: смотреть на хорошеньких кореянок, готовых на всё ради скомканной бумажки со знаком доллара.

Роман этот я читал, когда мне было лет 15, и ровным счётом ничего из него не запомнил. За исключением единственной фразы, из которой у меня вырисовалась вожделенная картина. Грин описывает житие американца и его туземной девицы так:

> Засыпая, он всегда клал руку ей между ног.

В этой фразе я усматривал великую вселенную, которая бесследно поглотила в себе оставшееся содержание романа, а оно, если смотреть правде (пизде) в глаза (в глаз), и сводится к этой фразе.

Пахучий метод соблазненья

Посмотрел я фильм *Interstate 60* с недурной задумкой про феномен исполнения желаний и последствия таких исполнений. Он являет собой иллюстрацию к поговорке:

> Be careful what you ask for – you might get it.
> (Поосторожней с мечтами – они могут свершиться.)

Среди умеренно забавных эпизодов с участием кинозвёзд: Michael J. Fox и Kurt Russell и др. – имеется и такой. Герой фильма влюбляется в красивую девушку, фотографию которой он увидел на рекламном стенде. Её образ повсюду преследует его, и парень начитает в ответ преследовать этот образ с целью овладения его материальной частью. В итоге он находит эту девушку своей мечты во плоти, и она привечает влюблённого в неё парня.

Однако парень, ошарашенный абсолютно точно воплотившейся мечтой, боится к ней подступиться, причитая, что она (девушка то бишь) – так устрашающе идеальна. Тогда девушка в качестве красноречивого ответа на идеализацию громко пердит, причём изрядно вонюче, и успокоительно говорит парню:

> – Вот видишь, я вовсе не идеальная.

И тогда прозревший (с помощью слуха и обоняния) парень смело берётся за уже давно призывающую его пизду.

Из этого эпизода выпирает подтверждение давнего и многократного наблюдения за западной культурой, которая под идеальным понимает лишь то, что полностью лишено сексуальности и в особенности – её физиологии. Причём такая идеальность всячески поощряется как высокоморальная. То есть моральным является то, что отрицает, исключает, замалчивает сексуальную физиологию человека.

Характерно, что пердёж возлюбленной не оттолкнул стяжателя пизды, а вдохновил его на сексуальную активность. С его плеч и прочих частей тела была снята моральная ответственность вести себя бесполо. Влюблённому было показано, что его возлюбленная имеет вполне человеческое тело, исторгающее звуки и запахи, то есть аморальное тело, и только с таким женским телом можно получать наслаждение.

Интересно также и то, что инициатива подобного откровения

последовала от женщины, ибо не воспылай она похотью к парню, она могла бы продолжать игру своей идеальности и сдержать свои газы, пока не окажется одна.

Такое поведение может оказаться эффективным методом соблазнения: девушка подходит к вожделенному парню, не уверенному в себе и в женской физиологии, и, заглядывая ему в глаза, громко пердит. Тут любому мужчине ничего не останется как залезть к ней между ног. Или бежать, зажав нос.

Но бежать будет некуда, ибо вся атмосфера будет заполнена запахами одержимо соблазняющих женщин…

Теофизика

***Brian Greene.* The Hidden Reality. Parallel Universes and the Deep Laws of the Cosmos. Alfred A. Knopf. New York. 2011. 372 p. ISBN 978-0-307-26563-0 (Скрытая реальность. Параллельные вселенные и глубинные законы космоса).**

В этой книге известный физик Brian Greene рассказывает в популярной форме о потрясающих новых толкованиях вселенной. Несмотря на популярность, я большую часть книги, посвящённую объяснению ходов мыслей физиков, так и не понял. Лень стало разбираться в каждом шажке их рассуждений – мне была интересна лишь суть, которая в результате высеялась. А суть такова: физики разработали девять основных теорий, объясняющих картину мира – и все эти теории с поразительной неминуемостью сводятся к одному и тому же умопомрачительному (или умопросветительному) выводу: помимо нашей вселенной параллельно существует множество других вселенных.

Вывод этот основан на самой-пресамой наивысшей математике, однако пока никакого экспериментального подтверждения не имеет. Тем не менее, математические доказательства настолько убедительны, что среди учёных уже нет сомнений в их правильности. Как лётчик сверхскоростных самолётов не может полагаться на собственные чувства, а только на показания приборов, иначе он разобъётся, так современный физик не может полагаться на собственные чувства и здравый смысл, а только на математические формулы, иначе он ничего нового не откроет.

Вот иллюстрация множества вселенных. В квантовой механике речь идёт о вероятностях свершений тех или иных событий во времени и пространстве. Так вот, оказывается, что ВСЕ возможные варианты свершения какого-либо события происходят, но каждый – в своей вселенной. Или, переходя на истинно популярный уровень изложения: если в нашей вселенной мне не удалось выебать какую-то красотку, то существует вселенная, в которой я её прекрасно выеб.

Тут мне становится ещё обиднее, что никаких экспериментальных подтверждений существования множественности вселенных пока не отыскали, а всё это лишь результат математических вывертов. Однако я глубоко убеждён, что в разных вселенных я выеб всех земных красоток.

Разумеется, существуют и скептики, которые уверены, что больше одной вселенной нам не полагается (моногамы, то есть). Однако, следует принять во внимание, что теория относительности поначалу тоже была лишь упражнениями изощрённого ума, оснащённого математикой, а нынешние теории, которые по грандиозности переиначивания нашего мышления превышают Эйнштейновские, тоже дождутся своих неопровержимых доказательств, как и Эйнштейн дождался атомной бомбы.

Весьма примечательно, что доказательство существования параллельных вселенных попутно подтверждает все религиозные догадки о существовании «того света». Более того, физика легко переплёвывает любую религию, доказывая существование неисчисляемого множества «тех светов».

А сама религиозная вера теперь представляется обыкновенным предвосхищением множественности вселенных.

Другой физик, специалист по квантовой механике, Amit Goswami доказывает, что существует некое сознание вне нас, объединяющее всех людей – вот вам, пожалуйста, и сам бог.

Для меня лично один только факт бесконечности познания и невозможности познания мира до конца уже говорит о божественности его происхождения.

Оправившись от первого шока, охватившего меня при воображении множественных вселенных, я постепенно стал воспринимать их наличие без особого удивления, поскольку я осознал, что и на земле мы сталкиваемся с разными вселенными на каждом шагу: мы ведь знаем, что другие люди, каждый из которых представляет из себя вселенную, (по-евтушенковски не люди умирают, а – миры)

> существуют повсюду, но с большинством из них мы никогда не встретимся, не пересечёмся.

Тем не менее, люди-вселенные часто сталкиваются и уничтожают друг друга (войны). А ещё чаще по-людски совокупляющиеся вселенные рождают новые вселенные. И все они параллельно существуют, то видя друг друга, то теряя друг с другом всякие контакты, но чаще всего, не имея никогда никаких контактов и не зная о существовании друг друга.

Но цель современных коммуникационных систем (например, *facebook,* а вскоре – cuntbook и prickbook) – объединить людей как никогда раньше, то есть навести контакты между вселенными.

Мы также знаем, что в человеке есть чёрные дыры, и дивимся, с какой мощью они к себе влекут.

Мы видим параллельные вселенные: животных, насекомых,

бактерий и т. д. Короче, неисчисляемые вселенные копошатся вокруг каждого из нас.

Другой пример несоприкасающихся, параллельно существующих вселенных демонстрируется в японском порнографическом документальном фильме:

В зал, уложенный матами, привозят более ста молоденьких девушек, которые выстраиваются стройными рядами, каждая у своего мата, и по чьей-то команде (режиссёрской? божественной?) одновременно раздеваются. Затем появляется равное количество самцов, каждый из которых занимает позицию у соответствующей девушки, и они стоя начинают целоваться, никуда не сходя со своего матрасика. Потом по команде все разом садятся на маты, сохраняя идеальные ряды, и продолжают целоваться, орудуя руками между ног девушки. Следующим актом в этом действии, не нарушая симметрии (и не обмениваясь партнёрами и не вступая ни с кем другим в соприкосновения и даже не глядя на других), начинается активное 69, с девушкой наверху и парнями, не пассивно лежащими, а ответственно и активно отвечающими девушкам оральной взаимностью.

Новая команда повергает пары в миссионерскую позицию, затем все девушки разом послушно становятся на четвереньки и парни пристраиваются сзади. Бесконечные ряды вдохновенно ебущихся пар, ни на кого не реагирующих, вызывают романтические мечты о верности до гроба. А в терминах теофизики – это несоприкасающиеся множественные вселенные.

Следующая общепринятая позиция, которую принимают все пары – девушка сидит на соответствующем хуе и скачет в рай. И затем кульминация – все возвращаются к миссионерству и в последние секунды перед оргазмом мужчины вытаскивают хуй и изливаются на грудь и живот ебомой девушки. На лицах девушек туманится явное неудовлетворение от разбазаривания спермы. Они хотят её в себя. Но режиссёр (бог?) распорядился иначе.

Наконец, последний акт – парочки, милуясь, лежат удовлетворённые, по-прежнему правильными рядами и с полным безразличием ко всем остальным. Во всяком случае, мужчины – явно удовлетворены. Девушки же смиряются с тем, что им удалось получить.

Главный вывод: никакого контакта, даже зрительного, между парами не наблюдалось – каждая парочка была увлечена исключительно собой. Вот они, буквально несоприкасающиеся параллельные вселенные, невидимые друг другу.

А вот ещё один пример двух вселенных, параллельно существующих во всех людях – это человеческое самосознание до и после оргазма. До оргазма – это один человек, а после оргазма –

это совершенно другой. В данном случае с помощью оргазма человек обладает способностью переходить из одной вселенной – в другую (см. моё эссе о феноменологии оргазма «Гонимое чудо» в книге *Чтоб знали*!).

Оргазм и смерть можно рассматривать как методы (мосты) перехода в иные вселенные: оргазм – это переход из вселенной желания во вселенную безразличия, а смерть – из вселенной сознания во вселенную сверхсознания.

Человек хочет остаться на «мосту» как можно дольше и продлить время пребывания посреди двух вселенных, то есть в той и другой одновременно, что сознанию делать воспрещено долее нескольких секунд. Но несмотря на это человек старается секунды превратить в часы с помощью медитации и наркотиков. Из-за этого происходит отторжение от вселенной нашего бытия. Пока не удаётся долго пребывать здесь и там одновременно. Тело остаётся в этом мире, пока душа устремляется в мир иной.

Оргазм (заглядывание в иную вселенную) достигается возвратно-поступательным движением. То есть таким движением, которое не перемещает тела: происходит обилие движения при полном отсутствии перемещения. Это бег на месте, полный относительности. Однако именно это «неподвижное движение» делает самый большой скачок в пространстве с помощью наслаждения (из дооргазменной вселенной в послеоргазменную), а также во времени – с помощью зачатия будущего потомства.

Физик John Wheeler заметил, что самая главная проблема нынешней физики – это информация. Раньше физика занималась предметами, а теперь оказалось, что предметы – это лишь воплощение чего-то гораздо большего (информационного). Главное – это некий чертёж, идея, а предметы лишь выстроены согласно им.

Так и порнография и гениталии – это не просто вожделенные телесные объекты и их изображения, а воплощение чего-то гораздо большего, что подтверждается ещё не объяснимым наукой трепетом, который мы испытываем, глядя на них.

Каждая осмысленная формула найдёт своё отображение в реальности если не в этой, то в какой-то иной вселенной. Осмысленность любой физической формулы обеспечивается правильностью её размерности (из моего рассказа «Ко мне!»[58]). Для современников Эйнштейна его формула $E = m \cdot c^2$ представлялась взятой как бы с потолка, ибо она включала в себя сочетание, как казалось, несопоставимых параметров. Но размерность формулы выходила правильной: слева и справа стояли единицы энергии.

> …если любая произвольная комбинация переменных и постоянных величин составляет уравнение, где соблюдается размерность, значит эта «бессмысленная» формула описывает некий закон природы, который может быть неизвестен сегодня, но который обязательно будет когда-то опознан. Таким образом, открывался путь обратных исследований, который состоял не из попыток описать некое явление с помощью формул, а из поиска и подбора явлений, которые описывались бы уже придуманными красивыми и экстравагантными формулами с правильной размерностью.

В разговоре с моим знакомым, видным физиком-теоретиком, зашла речь о некой теории. Он сказал мне о том, что многие (правильные) теории могут быть доказаны более чем одним способом, то есть многими способами. Это по сути очевидное положение вещей, взволновало меня необычайно. Я сразу представил лингвистическую аналогию, когда какая-то идея может быть изложена разными жанрами от поговорки до рассказа или романа, и тогда произведения разных жанров будут неопровержимо доказывать одну и ту же истину. Например: Александр Островский доказывал пространной пьесой самоочевидный (в данной вселенной) тезис общечеловеческой морали, вынесенный в краткий заголовок его пьесы: «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Старый друг лучше новых двух».

Так вот доказательство множественности вселенных может происходить не только на математическом уровне, но и на психологическом. Коль человек есть мера всех вещей, то он есть мера для всех вселенных вне его. Причём сам человек как вселенная или как множественные вселенные есть не только мера, но и сколок всего мироздания. Поэтому, как человек занимается бионикой, копируя, подражая тому, что он видит в животном и растительном мире, так и саму вселенную можно познавать, пристально вглядываясь в человека и изучая его.

Таким образом, человек и есть доказательство множественности вселенных, а оргазм и смерть есть манифестации этого доказательства.

Физика мельчайших частиц и мгновений оказывается исключительно важна, ибо подчиняется иным законам, чем крупные объекты и значительные временные промежутки. Так и мгновение оргазма содержит в себе решение единства двух вселенных: бытия и инобытия.

«Безумие» теорий в физике приветствуется и воспринимается

как критерий её правильности, а моя космологическая теория порицается именно за её эротическое безумие. Если физика то и дело переворачивает понятие о мире с ног на голову, а потом – с головы на ноги, то я укладываю картину мира на спину, а потом ставлю её на карачки.

Вот она, моя теофизика.

Военный секс

Dr. *Magnus Hurschfeld.* The Sexual History of the World War. Falstaff Press Inc., New York. 1937. 376 p. / Translated from German (Сексуальная история Первой мировой войны).

Название этой книги показалось мне привлекательным. И напрасно. Уж слишком всё, там описанное, стало само собой разумеющимся, хотя легко представить, что в 1937 году, факты, в ней изложенные, могли казаться сексуальным откровением – недаром на титульном листе напечатано предостережение:

> Книга предназначена только для зрелых и образованных людей.

Теперь интернет может сделать всякого зрелым и образованным за один день (если нужные сайты знать).

Речь в книге идёт о Первой мировой войне. Но так как издание это 1937 года, то и подсчёт мировым войнам ещё не начался и Первую никак не нумеруют, называя её просто Мировой войной, надеясь, что эта мировая война первая и последняя. Но увы.

Автор (или переводчик с немецкого?) устаревшим и наивным языком монотонно и многословно доказывает, что разлучённые войной мужья и жёны сексуально голодали, а потому запреты в обществе ослабели и началась беспорядочная ебля, усугублённая резко возросшей проституцией и как следствие – повсеместным заражением венерическими болезнями. В книге приводится существенное количество случаев и историй, которые весьма тривиальны с позиции современного читателя.

От себя лишь добавлю: да, война – это плохо, но побочный продукт войны – свободная и массовая ебля – это хорошо. И снова – да, венерические болезни – это плохо, но процедура заражения ими уж слишком хороша. Короче, нет худа без добра.

Прифронтовые бордели состояли из маленьких домиков, в которых работало в среднем по три женщины, и к ним стояли очереди под сотню человек. Прифронтовых проституток катастрофически не хватало. Времени, места и знаний для предохранения не имелось. Это одна из причин, которую приводит автор в качестве источника венерических заболеваний.

А вот в оккупированных городах и селениях, в которых значительно уменьшилось мужей, братьев и отцов, а значит,

источников женского существования, количество женщин, продающих своё тело немецким оккупантам, подскочило под сотню процентов, что тоже способствовало распространению гонореи и сифилиса. Эти болезни выводили из строя больше солдат и офицеров, чем пули и снаряды. Короче, не война, а бардак.

Женщины становились проститутками из-за голода, из-за желания жить в безопасности и из-за прочих денег. Многих ловили в городах и сёлах, уличали в проституции и по законам того времени под конвоем отправляли в прифронтовые бордели, где не хватало добровольниц. В общем – бедные женщины. Даже те, которым удалось зашибить деньгу.

В нынешние женолюбивые времена, задолго опосля Второй мировой войны, благонамеренно и торжественно сделав проституцию уголовщиной, хитрые правительственные мужи решили удовлетворять солдат и офицеров с помощью разрешения набора женщин в армию, флот и прочие военные подразделения. Поняли, что, помимо патриотизма, мужчинам нужны оргазмы. Женщины же идут служить с радостью – их там значительно меньше, чем мужчин (в той же пропорции как три проститутки в прифронтовом немецком борделе на сотни солдат), и потому даже самые непривлекательные девицы пользуются огромным спросом, немыслимым для них на гражданке.

Разумеется, есть бабы с перепроизводством мужских гормонов и потому агрессивные, рвущиеся в бой, но прежде всего и всё равно они рвутся в мужское военное сборище, чтобы получить несметный выбор хуёв и обильную еблю. Жёстокие законы, запрещающие сексуальные домогательства и, уж подавно, изнасилования – дают женщинам, напялившим форму, защиту от голодных солдат, которые для них непревлекательны.

В то же время, военные женщины по-прежнему могут ебаться, сколько им вздумается, держа под контролем ситуацию и не неся никакой ответственности за массовую похоть, которую они возбуждают в полках голодных мужиков, стоящих на страже отечества.

Я знал немало девиц, отслуживших в американской армии. И все они ностальгически вспоминали службу как время непрестанной ебли с желаемым количеством мужиков.

Стремление американского общества полностью лишить солдат пизды ею же и накрылось. Так что правительство решило заменить обозы с проститутками извне армии на обузу пизд внутри. Плюс запустить в армию гомосексуалистов и тем самым не позволять солдатам взорваться в негодовании от запрета сексуальной жизни.

В каком же гуманном обществе мы живём! Подумать только – оно решило смотреть сквозь пальцы на сексуальную жизнь людей в военной форме. Ведь согласно уставу, защитнику родины полагается стрелять только из автомата и пушки, а не из хуя.

Единица наслаждения и разумный гедонизм

Если ты неспособен продлиться,
то почаще тогда повторяйся…

Опять я

С запозданием, но не думаю, что роковым, я осознал, что мои исследования феноменологии оргазма совсем недурно вписываются в древние конструкции гедонизма.

Гедонизм сначала был простой: наслаждение – это добро, боль – это зло, а потому жить надо в погоне за наслаждениями и избегая боли, купаясь тем самым в сплошном добре. Наслаждение – путеводитель по жизни, ибо всё, к чему мы стремимся, так или иначе сводится к наслаждению.

Однако гедонизм изрядно и быстро усложнился с помощью настырных философов. Умники стали исследовать, что же такое наслаждение. Оказывается, оно бывает либо чувственным, когда ублажаешь себя (например, ебёшь, жрёшь, срёшь, валяешься на пляже под солнцем и млеешь и пр.), либо наслаждения бывают препозиционные – то есть умственные. Например, видишь, как твоя любимая футбольная команда выигрывает, и ты от счастья орёшь и в ладоши бьёшь – а чего орать-то и баклуши бить? Оказывается – это тоже наслаждение.

Или ещё один пример: мы испытываем чувственное наслаждение от ебли, и пропозиционное наслаждение – от лицезрения порнографии. То есть мы способны получать наслаждение от воображения наслаждения, а именно: мы представляем себя на месте наслаждающихся, и это тоже приносит нам наслаждение.

Затем философы стали копаться в этике наслаждения, всегда ли оно хорошо и всегда ли боль плоха. А вдруг твоё наслаждение приносит боль другим – что делать? – продолжать наслаждаться или отрезать и выбросить?

И столько всего болтуны наворотили, что, по их мнению, весь гедонизм – это чуть ли не лженаука, поскольку наслаждение якобы точно не определить и аршином общим не измерить.

Уж где бесполезна философия, так это в наслаждении, поскольку при наслаждении не до философии. А после наслаждения кулаками не машут.

Ведутся нескончаемые научные споры, что называть наслаждением, и как его измерять. Потому в качестве эталона

следует выбрать такое наслаждение, которое бесспорно является наслаждением для всех, причём самым сильным и измеряемым. Именно оргазм должен служить эталоном для всех прочих наслаждений, которые по сути и являются его подобием или подражанием ему.

Учёные учуяли, что наслаждение, будь оно сексуальное или интеллектуальное, от наркотиков или от водки, спортивное или гастрономическое, определяется выбросом одних и тех же химикалий (dopamine), производимых мозгом. В этом и состоит общность принципа наслаждения, которое осуществляется с помощью устройства, разработанного богом (или эволюцией – один хуй), единым способом производящим ощущения всевозможных наслаждений. Такой хитрый универсальный метод обеспечения наслаждением даёт бесчисленное разнообразие ощущений, но все они пытаются подладиться тоже под универсальное и единое: под чёткость структуры и ощущений оргазма: начало – пик – конец.

Например, наслаждение, получаемое от прослушивания музыкального произведения уподобляется наслаждению от оргазма, так как структура музыкального произведения уподобляется сексу: прелюдия (foreplay), тема и вариации (наслаждение со сменами позиций и приёмов), крещендо с подходом к оргазму и музыкальный ритмический апофеоз (оргазм) с кодой (расслаблением после оргазма). Продолжая аналогию, музыкант, получающий наслаждение от исполнения музыкального произведения, уподобляется ёбарю, тогда как наслаждение слушателей этого исполнения уподобляется наслаждению от просмотра порнографии[59].

Философы принимались измерять наслаждение, но так ничего и не намерили.

Вот я и решил ввести единицу измерения наслаждения – 1 оргазм. Оргазм бесспорно ощутим всеми, и спутать его со щекоткой или ещё с чем невозможно. Кроме того, он краток во времени, имеет чёткое начало и конец, которые очерчены необратимостью начала и концом спазм.

Сами оргазмы по силе и по продолжительности (особенно у женщин) бывают разные. То есть эталон тоже не шибко эталонистый. Так, наслаждение, которое получает женщина, получив от ёбаря сто долларов, заметно меньше, чем если бы она получила от него же миллион.

Но несмотря на это, точнее единицы измерения наслаждения, чем оргазм, придумать невозможно – их просто не имеется.

Все наслаждения, что слабее оргазма, являются дробями и только они вместе с оргазмом безопасны для испытывающего их.

Есть наслаждения, которые превышают оргазм (единицу), например, наслаждение от героина. Они сильнее потому, что человек, использующий героин, предпочитает его оргазму, а значит, наслаждение от героина равно 1,5 или, скажем, 12 оргазмам. Именно в силу того, что они больше единицы, они являются убийственными для человека. То есть за перебор единицы наслаждения человек наказывается урезанием его жизни. Оргазм задуман как наивысшее естественное наслаждение, которое в силу этого и принимается за единицу.

А вот наслаждение музыканта от исполнения написанной им песни и наблюдение за многотысячной аудиторией, восхищающейся его музыкой, может доходить до 0,99 оргазма.

В 80-е годы издательство *Ardis* продавало маечку с надписью «Russian Literature is Better than Sex»[60]. Они явно хотели заменить героин русской литературой, но увы, не получилось. Так что и здесь видна попытка использовать секс, а по сути оргазм, как единицу измерения наслаждения.

Христианство предстаёт как зеркальное (кривозеркальное) отображение гедонизма. Христианство поменяло у гедонизма плюс и минус местами, поставило всё с ног на голову и получилось следующее: наслаждение – это зло (грех), а боль – это добро (ибо Христос страдал на кресте и нам велел). Поэтому христианам с наслаждением нужно бороться, избегать его, ибо оно от дьявола и является аморальным, а боль – просветляет, приближает к Богу и потому боль – это благо.

Неудивительно, что христиане и прочие перевёртыши гедонизма – это люди, которые ненавидят себя.

Наслаждение объединяет людей, а боль заставляет человека замкнуться в себе и не замечать других. Вот попы и подменяют наслаждение Христом, обещая наслаждение в раю, изображая Христа целителем боли.

Человек хочет, чтобы наслаждение длилось вечно, а боль – лишь мгновенье. Но попы делают всё от них зависящее, чтобы наслаждение длилось мгновенье, а боль – вечно. Христианство торжествует в людях, которым больно. Это в полной мере относится и ко всем коммерческим религиям, поскольку гедонизм для них – злейший враг.

Способность испытывать наслаждение и боль – это характеристика живого мира. Наслаждение – это жизнь и её продолжение. Боль – это жизнь и её завершение.

Чернышевский разглагольствовал о разумном эгоизме, а вот я – Армалинский, – распеваю о разумном гедонизме. У меня получается гораздо красивше, ибо слова и музыка – всенародные. И смысл моего нравственного гедонизма – самый гуманный: ты

обязан приносить наслаждение тому, от кого ты его получаешь.

ПРОСМОТРЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Pleasure and desire: the case for hedonism reviewed, by Gosling. Clarendon Press, Oxford.1969. 180 p.

2. Pleasures and pains: a theory of qualitative hedonism by Edwards, Rem Blanchard. Cornell University Press, Ithaca and London. 1979. 164 p. ISBN 0-8014-1241-2.

Голое тщеславие

***Naked Ambition: An R-Rated Look at an X-Rated Industry*. 2009.**

Прежде всего следует сказать, что это название фильма уже использовалось для книги, о которой я оповещал:

Naked Ambition. Women Who Are Changing Pornography. 2005.

Небрежность такого плагиата сразу вызывает настороженное отношение к фильму. И оно вполне оправдывается.

Авторы фильма с самого начала выступают с признанием своего поражения от цензуры: они вынесли это признание в заголовок и с неуместной гордостью повторяют его несколько раз в течение фильма, что их задачей было рассказать о порноиндустрии, не демонстрируя порнографии.

С таким же успехом они могли бы снимать гинекологический фильм о родах, гордо не показывая женских половых органов.

Изготовители этого документального фильма затеяли сделать coffee table book, книгу о порнографии с фотографиями её деятелей и деятельниц, которую можно было бы положить на кофейный столик без боязни оскорбить политически корректное американское население. Попутно авторы решили соорудить документальный фильм о том, как они делали фотографии для книги. То есть убить двух зайцев, а точнее, уеть двух плейбоевских зайчих. С зайчихами у них, вполне возможно, всё получилось, а с зайцами – даже на одного сил не хватило.

Фотограф-режиссёр исхитрился получить статус официального фотографа на ежегодной порноярмарке *AVN Adult Entertainment Expo* в Лас Вегасе и таким образом он заимел доступ к каждой порнопизде, фотографировать которые он сам себе запретил. Так что пришлось обходиться телами с пустыми и прикрытыми отверстиями.

Подобная ярмарка значительно меньшего масштаба проходила и у нас в Миннеаполисе в 2006 году. Я о ней отозвался в *General Erotic*. (2006. № 141), и главные идеологические выводы оттуда вполне применимы и здесь.

Ласвеговская ярмарка состоит из двух главных частей: выставки сексо-порно-атрибутов с разгуливающими повсюду порнопиздами, и торжественного приёма, где вручаются награды порнофильмам и их создателям в разных категориях – от лучшей

новой пизды до лучшей сцены, в которой ебут в жопу, – хило скопированного с оскаровского.

Устраивая награды, подобные оскаровским, порноиндустрия подражает Голливуду, который её сторонится и ею пренебрегает. Но порняки делают вид, будто этого не замечают, и самоутверждаются: мы, мол, тоже большие мастера и мастерицы – подавай нам такие же церемонии и награды.

Известно, что Оскары дают за наиболее талантливую симуляцию чувств на экране, ибо в этом и состоит актёрское и режиссёрское мастерство. Если уподобляться оскаровским симуляциям, то тогда получается, что порняки жаждут наград за лучшую симуляцию похоти и страсти.

Однако, мужчины не могут симулировать похоть и они получают наслаждение при оргазме, который в конце концов наступает в каждом порнофильме, и семяизвержение тому неопровержимое доказательство. Быть может это одна из причин, почему оно, по канонам коммерческой порнографии, должно обязательно происходить наружу, быть на виду.

У женщин таких очевидных неопровержимых доказательств оргазма не водится – вопли (наслаждения) и сопли (пиздяные) можно легко симулировать. Тем не менее, многие порнопизды горячо утверждают, что испытывают наслаждение во время ебли перед камерой, а некоторые даже регулярно добираются до оргазмов. Значит, если в порнофильмах симуляции нет и никакого вхождения в роль не происходит, а женщины и мужчины играют себя, ебущихся с наслаждением, то тогда порнякам надо оскорбляться всякому подобию оскаровцам, поскольку такая награда была бы укором в голливудской неискренности переживаний. Порнография, коль все в ней наслаждаются, – это жизнь, а не игра, это первое реалити-шоу, возникшее задолго до возникновения этого термина.

Впрочем, есть значительная категория порнопизд, которые ебутся, симулируя похоть, совершенно её не испытывая. В этом и состоит их актёрское мастерство – имитировать похоть. Эти женщины действительно подобны оскаровцам: и те и другие изображают для зрителей чувства, которые они на самом деле вовсе не испытывают.

Однако ни одна порнопизда не любит признаваться в своём равнодушии во время съёмок, а наоборот, предпочитают утверждать, что они одержимы похотью. А раз так, то они, настаивая на своих ощущениях похоти, тоже отмежевываются от оскаровщины, ибо порно, напоминаю, является искренней похотью, а оскаровщина – симуляцией, изображением несуществующих чувств. А раз между оскаровцами и порняками

такая принципиальная разница, то и смысл наград принципиально различный: оскаровщину награждают за ложь, а порняков – за правду.

С другой стороны, те порнопизды, которые совершенно равнодушны во время ебли перед камерой (что бы они ни утверждали в интервью), тем самым становятся настоящими актрисами и за правдивую симуляцию похоти, то есть за профанацию ебли, им дают неуместные порнонаграды. Вот почему у порнопизд появляются актёрские амбиции и стремления попасть в оскаровщину, они думают: «Раз мы можем симулировать оргазм, самое сильное чувство, то симулировать все прочие чувства мы тоже запросто сможем». Но не тут-то было. Симулировать наслаждение гораздо легче, так как зритель жаждет в него поверить. Тогда как предрасположенность зрителя к имитации прочих чувств приходится заслуживать талантом, а он-то у порнопизд присутствует редко и в пренебрежимо малых количествах.

Порнопизды, у которых брали в фильме интервью, делали акцент на том, что ебля – это их работа:

> We worked so hard all this year
> (Мы так тяжело работали в этом году)

или

> …the business we are in
> (бизнес, которым мы занимаемся).

Какая же это работа, если ты всех убеждаешь, что получаешь наслаждение от ебли на съёмках? Значит ли это, что, раз тебе за похоть платят деньги, то она автоматически превращается в работу? И тут, как всегда, на помощь приходит Пушкин, который утверждал, что вдохновение не продаётся, а рукопись можно продать. Так и сделанный фильм они продают, но ебутся с вдохновением.

Вот и на ярмарке всё направлено на продажу этого вдохновения, ибо само вдохновение (ебля) на ярмарке запрещены. Деньги неизбежно и чётко разделяют «вдохновение» и «рукопись», а также противопоставляют одно другому. Более того, деньги привносят меру в оценку вдохновения, они позволяют материализовать идеальное и сделать его практически применимым. Так «качество» вдохновения определяется количеством проданного изображения вдохновения. А для того, чтобы изображения продавались лучше, устраивают награды, а награды привлекают дополнительное внимание покупателей. Так

материализуется вдохновение: количество проданных экземпляров (бестселлерство) и, следовательно, максимальное количество денег, полученное за проданную рукопись, определяют цену самого вдохновения. Другими словами, цена наслаждения порнопизд на съёмочной площадке определяется количеством проданных изображений этого наслаждения.

Разумеется, что эмоции возникают не только при самой ебле, но и при оценке её стоимости. Так, в фильме показаны родители, которые приехали на ярмарку поддержать дочку, выдвинутую в кандидатки на премию «Лучшей начинающей порнопизде». Её кандидатуру поддерживал аж сам Рон Джереми[61], но тщетно, ибо моральная поддержка – это не по его специальности. Девица эта премию не получила, несмотря на родительские страсти.

Если уж родители берутся поддерживать свою порнодочку, то им надо было приезжать не на ярмарку, а на съёмочную площадку и там вдохновлять дочь, крича её партнёрам: «Ебите её сильнее!», – а самой дочке: «Заглатывай глубже!» – и пр. А то ко времени ярмарки дело было сделано, решения авторитетной комиссии приняты и поддерживать дочку было уже поздно. Папа с мамой предполагали покупаться в славе дочери, но в бассейн славы воды не налили, а лишь капельки спермы.

Тем не менее на ярмарке кусочки славы перепали всем порнопиздам: почитатели толпились вокруг них, чтобы извергнуться не на их экранное изображение, а на столь же недоступную любимую красотку, стоящую на сцене (кровати) или проходящую по красному ковру (подстилке). Очевидно, что приехавшие со всей страны любители наслаждаются своим ещё большим унижением от непреодолимой недоступности своей обожаемой порнопизды.

Несмотря на официальный статус фотографов ярмарки, режиссёр этого фильма носился с камерой и с языком через плечо в поисках самых крупных представителей порноиндустрии – Jenna Jameson и Larry Flint[62], чтобы их сфотографировать. Но порногиганты позировать отказались, и киношнику удалось сфотографировать их лишь тогда, когда они появились на сцене перед народом.

Самое главное, чему правомерно радуется режиссёр, это то, что если раньше порнографию скрывали, рассматривали её в строжайшей тайне, то теперь порнография всё более становится приемлемой даже в быту, и многие люди из порнографии переходят в голливудское кинопроизводство. Так что свежая кровь для Голливуда поступает в полной мере из порнобизнеса.

Как известно, всё самое прекрасное дано нам богом бесплатно: здоровье, ебля, чувство радости жизни – и это

является истинным добром. Зло же рождается лишь тогда, когда это бесплатное добро начинают ограничивать моралисты и попы, чтобы бизнесмены и бандиты уже могли взымать за них деньги.

Порноярмарка (заодно с фильмом о ней и настольной книгой) раскручивают доступность сексуальных образов, а это косвенно является воспитанием общества еблей. И что ещё важнее – перевоспитанием ею же. А принятие моралью обильной и повсеместной ебли как образа жизни является основой здорового общества.

Прерванный плач по Саше Грей

Мужской (слегка перемешанный с женским) плач по Саше Грей (Sasha Grey), ушедшей из порнозвездинства, прервался (ненадолго) фильмом *The Girlfriend Experience*, где она сыграла главную роль чрезмерно дорогой проститутки.

Фильм этот на тему: «проститутка – тоже человек». А мораль такова: сверх(дорогая) проститутка, увы, не становится сверхчеловеком, а продолжает пребывать человеком обыкновенным, которому ничто человеческое не чуждо. Вплоть до любви (отвергнутой).

Актёрские способности Саши Грей ошеломляюще уступают её способностям ебальным. Да и внешние данные её не идут ни в какое сравнение со стоящими перед глазами внутренними.

Можно легко понять, что интенсивность работы Саши Грей как суперпорнозвезды была необычно велика и её оказалось невозможно долго выдержать, вот она и решила уйти, пока её пизда была в зените. Не менее понятно и то, что Саше Грей необходимо как-то делать деньги и оставаться на виду.

Однако все её старания продолжают доказывать лишь одно, уже давно доказанное: самый эффективный способ для женщины привлечь внимание мужчин (и некоторых женщин), это не добиваться всяких там «высоких производственных показателей», а просто и честно – раздвинуть ноги. Именно такой Саша Грей останется в памяти человечества.

Личный пример Голливуду

***Now* & *Later*. 2009 (Теперь и потом).**

Фильму предпослан вдохновляющий и определяющий эпиграф из Вильгельма Райха[63]:

> В обществе, которое подавляет секс, царит жестокость.

И – вперёд!

Мужик-банкир, освобождённый под залог, чтобы не сесть на восемь лет, решил свалить в Гватемалу. Пока он поджидает грузовик, который его самосвалит вниз головой с Северной Америки в Южную, экс-банкир кантуется пару дней и ночей в лофте[64] разбитной тёлки, которая нашпигована социалистическими бреднями и которая ненавидит американское правительство. Тем не менее она сама нелегально перебралась из Гватемалы в Лос-Анжелес. Почему-то в Мексику или хотя бы в Колумбию её не потянуло, а левая тёлка окопалась там, где рулит ненавистное ей правое правительство. Но политика в этом фильме нарочито хуёвая, а вот секс – вполне неплох.

Тёлка эта начинает обрабатывать закомплексованного американца, который жену ёб раз в неделю, мастурбировать стыдился и от голой тёлки отворачивался, короче, – мудак кромешный. Намёк режиссёра, что, мол, все американские мужики такие: им бы только кого убить или, по меньшей мере, изувечить, и если не самому, то хотя бы смотреть round the clock[65], а как до ебли доходит, так сразу мораль, да философия, то есть «страх и трепет».

Вот тёлка и учит вперемежку с разговорами этого американца своей гватемальской любви: сначала она его отсасывает, потом они изо всех сил ебутся в разных позициях, затем она его учит как пизду лизать, а после этой артподготовки является её возлюбленный и гватемалка предлагает повеселиться втроём, – она чуть ли не силой затаскивает банкира к ним в постель и все разом любятся, но чуть её возлюбленный начинает бисексуальничать с экс-банкиром, как банкир пердит со страха и трепета, и его сдувает с кровати.

В последний вечер перед сваливанием в Гватемалу обанкротившийся банкир спрашивает тёлку, что ей сделать, как полюбить – долг захотел отдать, честный банкир оказался, хотя и экс. Женщина сразу анальный секс затребовала и оливковым

маслом, приготовленным для ужина, щедро смазала его хуй, облачённый в гандон, саморучно ею же напяленный.

Кстати, о хуе – этот фильм без всяких крестов (порнохристианских), он для общего пользования-проката, в *Netflix* стриминг хлещет. Так вот, не видел я ещё в американских широкопрокатных фильмах, где бы хуй во всю длину показывали, не говоря уже о стоячем. А у тёлки даже большие губы сквозь славно небритые волосы улыбались. Причём, это не говоря о поцелуях да совокуплениях со стонами и прочими звуковыми эффектами, уже само собой разумеющимися.

Да, чуть не забыл, тёлка по просьбе трудящихся (банкира) устроила убедительную демонстрацию мастурбации с громогласным оргазмом.

Что меня обрадовало в этом фильме, так это то, что идёт добрая и искренняя пропаганда свободной любви, которая только и есть настоящая любовь, со слов героини малоизвестной, но впечатляющей актрисы Shari Solanis.

Примечательно, что мать её – российско-еврейского происхождения и, быть может, это одна из причин, почему Shari так убедительно еблась на широком экране мэйнстрима, подавая пример Голливуду с его замшелыми гениталиями.

Продолжение наслаждения

Чуть я ввёл в научное и в прочее обращение единицу наслаждения – оргазм[66], как набрёл на книгу:

> ***Paul Bloom.*** **How Pleasure Works. The New Science On Why We Like What We Like. W. W. Norton & Company, New York. 2010, 280 p. ISBN 978-0-393-06632-6.**

Вот, подумал я, теперь-то я всё узнаю о наслаждении снаружи и изнутри. Но не тут-то было. О сути наслаждения в книге ничего не говорится, а пишется лишь об условиях, обстоятельствах и прочем психологическом антураже, при котором наслаждение возникает, и как его люди воспринимают. Книга напичкана огромным количеством историй и примеров человеческой перманентной глупости и спорадического ума на фоне постоянно повторяемых эволюционистских присказок. Автор оказывается одним из того унылого и подавляющего большинства, кто не может говорить о самом наслаждении, а лишь о том, что ему предшествует и сопутствует: об ухаживаниях, флирте, встречах и разлуках и пр. Это всё равно, что езду на машине заменять изучением работы двигателя. А также он пишет о внесексуальных наслаждениях, не замечая, что они есть лишь отражения (часто искажённые) наслаждения сексуального.

Bloom талдычет о влиянии культуры на наслаждение. Никто в этом и не сомневается.

Однако, если смотреть в корень, то культура влияет не на само наслаждение (абсолютным, как я рассказал, является оргазм), а лишь на подступы к наслаждению. Например, из-за пагубного влияния культуры нынешний мужчина, культурой исковерканный, может отвращаться от прелести волос на пизде, требуя гладкой выбритости, но, как только он ввёл член и стал приближается к оргазму, ему уже будет безразлично, бритая пизда или волосатая. Цель культуры – поставить препоны на пути к наслаждению, но культура бессильна перед самим наслаждением, и всё, что она может, это мешать человеку до него добираться. Так что в конце концов наслаждение торжествует, и во мгновение своего торжества оно уничтожает культуру.

Единственная мысль, которая заинтересовала меня в книге, но которая вовсе не принадлежит автору, а является результатом наблюдений многих – это та, что значительная часть наших эмоциональных переживаний возникает не из-за реальных

событий, а из-за вымышленных, воображаемых, а говоря современным языком – виртуальных.

Так, с давних времён люди читают книги и принимают их близко к сердцу —

над вымыслом слезами обольюсь.

Читатели переживают сильнейшие эмоции от описаний действий и мыслей героев книг, которые не существуют в реальности, а лишь являются плодом эпидемически заразительного воображения писателя.

Чем дальше, тем больше: появление кинематографа, видео, интернета наплодило столько ирреальностей, что несть им числа, и все они воздействуют на наши эмоции с такой силой, с какой подчас не воздействуют реальные события. Таким образом, наша духовная, эмоциональная жизнь всё больше и больше основывается на виртуальности, а не на реальности, и виртуальное, оснащённое научно-техническим козырем, бьёт им быт реального.

Однако существует реальное, которое не сдаёт своих позиций виртуальному, ибо оно является сутью человека. Это незыблемо пребывающее реальное сводится к базовым наслаждениям, заменить которые виртуальными невозможно, а именно: наслаждение от еды и питья, наслаждение от оргазма, наслаждение от дефекации, наслаждение от комфорта. Впрочем, можно, влияя на мозг, химически ли, физически ли, вызвать ощущение сытости, утолённой жажды, не давая ни еды, ни питья. И какое-то время человек будет пребывать в иллюзии сытости, однако через некоторое время он всё-таки умрёт уже не от виртуального, а от реального истощения.

Точно так же можно у человека, лежащего в холодной грязной канаве, вызвать теми же научно-техническими трюками ощущение высшего комфорта, пока это человек не подхватит воспаление лёгких и не умрёт в той же канаве, но в нирване виртуала.

Или можно вызвать ощущение длящегося оргазма с помощью наркотиков (говорят, героин такое может). Но опять же подмена реального виртуальным выйдет боком, и человек вскоре помрёт от передозировки.

Таким образом, власть виртуального над реальным наслаждением ограничена и может влиять лишь на подступы к базовым наслаждениям или становиться для них только фоном.

Заменить пышный антураж у базовых, жизненно необходимых наслаждений станет чрезвычайно легко, причём безо всякого посягательства на само наслаждение. Предположим, на столе

лежит сосиска, ты голоден, но виртуальность запудривает тебе мозги правдоподобным видением, что перед тобой – омар. И вот ты будешь жрать сосиску с полным ощущением, что пожираешь омара. Таким образом, пища организму будет дана реальная (пусть не та, что представляется), но человек насытится и будет продолжать свою жизнь. И реальный омар ему будет не нужен, так как виртуальный удовлетворит его омарное желание.

Подобное происходит и с еблей: в мечтах, на экране, на мониторе, на странице журнала, а в будущем – трёхмерно, осязаемо и обоняемо, – перед тобой – красавица, о которой мечтаешь, а в реальности ты ебёшь осточертевшую бабу или просто-напросто дрочишь. И вот ты весь полон эмоций восторга, ибо мечта виртуально свершается, однако реально ты кончаешь в кулак или в обрыдлую пизду, но оргазм ты испытываешь истинный, и это позволяет жизни продолжаться без завихрений.

Таким образом, наши «максимальные» мечты будут свершаться виртуально, в то время как наши базовые желания будут удовлетворяться «минимальной» реальностью.

Культура занимается тем, что пытается заменить максимальную реальность (которая опасна дестабилизацией) на максимальную виртуальность, (которая безопасна обманчивостью). Когда полная замена, естественно, не удаётся, культура пытается хотя бы размыть границу между ними. Примером размывания границы служит идеализация женщины, когда из женщины с помощью косметики, фотошопа и пр. делается виртуальная модель, которой поклоняются мужчины. Границы между реальной женщиной и виртуальной размываются до одержимых галлюцинаций. И лишь оргазм проводит границу между реальным и виртуальным, ибо сам оргазм и есть наиболее яркое воплощение реальности.

Власть виртуального, то есть реально не существующего, часто оказывается сильнее реальности. Так, например, большинство людей не станет пить из унитаза, даже если он только что купленный, продезинфекцированный и наполнен чистой водой. Воображение того, что должно быть в унитазе, то есть, в данном случае, несуществующее, виртуальное, преобладает в сознании человека над реальным – чистотой сосуда и знанием человека об этом.

Если власть виртуального над человеком настолько велика, что может преобладать над реальностью, то уж не является ли виртуальность тоже своего рода реальностью? Реальностью высшего порядка, первой или *N*-й производной, то есть той высшей математикой, которая позволяет нам открывать миры, непостижимые с помощью только базовых ощущений?

Можно со всем основанием полагать, что всё, что вызывает в нас эмоции, начинает реально существовать. Человек научился вызывать в себе эмоции с помощью воображения, а значит всё воображаемое начинает существовать в реальности, а на реальное или видящееся реальным он одинаково откликается теми же базовыми ощущениями.

Так как виртуальное вызывают в нас эмоции, то возникает обратный процесс – возникает реальность эмоций, вызванная виртуальностью. Нереальное родило реальное. То есть мы своими эмоциями творим реальность, множим её.

В итоге вся наша эмоциональная жизнь станет когда-то результатом общения с виртуальными реальностями, которые мы сами создаём и всё, что будет оставаться связывающим нас с «первобытной» реальностью – это базовые наслаждения: насыщение, опорожнение и оргазм.

Обратное творение – всё, что вызывает в нас чувства, материализируется, становится реальным. И прежде всего виртуальное. Если виртуальное научится вызывать в нас осязание, то это станет преодолением границы между виртуальным и реальным. До тех пор пока виртуальное апеллирует только к нашему зрению и слуху, оно остаётся для нас за пределами реальности. Мы считаем реальным только то, что можем пощупать руками: зрение, обоняние, слух недостаточны и обманчивы. Критерий обладания, в том числе обладания женщиной – это осязание. Именно осязание, ведущее к оргазму – это ощутимый критерий границы между реальным и виртуальным. Таким образом, когда человек изобретёт виртуальное осязание, он начнёт стирать границы между виртуалом и реалом.

Вся так называемая духовная жизнь, клубящаяся вокруг базовых наслаждений, станет виртуальной, тем самым избавляя человека от духовных страданий и метаний, а точнее – делая их безопасными, ибо, как в волшебной сказке, человек будет знать, что все страдания – виртуальны. И какие бы ужасти в сказке ни описывались, она всегда окончится счастливым концом – реальным наслаждением оргазма.

Путешествие по кладбищам секса

***Tony Perrottet.* The Sinner's Grand Tour. A Journey Through The Historical Underbelly Of Europe. Broadway Paperbacks, New York. 2011. 288 p. ISBN 978-0-307-59218-7.**

Книга эта – история путешествия по странам Европы тщательно избегая туристические аттракционы вроде Эйфелевой башни, с целью розыска остатков прежней сексуальной роскоши, а именно – борделей, секс-клубов, приспособлений и прочего, что процветало до наступления гуманизма, феминизма и заботы о детях с помощью их оскопления.

Путешественником стал весьма респектабельный писатель, который прихватил с собой жену и двух малолетних сыновей, так как жена не пожелала отпускать мужа одного в эротические дебри истории, которые могли легко превратиться в практические ебли настоящего. Пока жена сдерживала напор своих мальчишек-живчиков в диких европейских гостиницах, папашка бегал по архивам, разыскивал еле выживших свидетелей золотого века ебли, для которого вовсе не требовалось интернета и ядерных исследований, но который запросто обходился доброжелательными законами, охранявшими проституцию и прочие приставания женщин, не говоря уже о приставании к женщинам.

В результате борьбы с бюрократией, ханжеством и прочими достижениями современной культуры автору удалось отыскать скрывавшиеся древние достопримечательности.

1) В карманной коробочке волосы (уже поседевшие) с пизды знаменитой проститутки. Понюхал даже остатки аромата. Также автор невзначай напомнил нынешнему пиздобритому поколению о давней традиции обмена лобковыми волосами между любовниками[67]. Теперь они обмениваются фотографиями своих бритых гениталий по электронной почте…

2) Посетил древний парк, ландшафт которого при виде сверху являлся обнажённой бабой.

3) Начитался описаний тайных секс-клубов в Шотландии XIX века, в которых больше напивались, чем еблись. В одном из них был сооружён парик из пиздяных волос любовниц членов клуба. Каждый вновь принимаемый должен был принести клочок волос своей

бабы, вплести в парик и напялить его себе на череп.

4) Разыскал дома, в которых в давние времена располагались самые знаменитые бордели. Для этого он поселился в районе Парижа, который в конце XIX века назывался клитором Парижа, ибо там была самая высокая концентрация борделей.

5) Напросился в замок, принадлежавший де Саду, которым теперь владеет Пьер Кардэн.

6) Отыскал пояса целомудрия, которые закрывали не только влагалище, но и зад – с маленькой зубчатой дырочкой для кала. С зубчиками вовсе не для того, чтобы высирались фигурные какашки, а для того, чтобы хую было неповадно туда забираться.

7) Торчал не вылезая в Ватиканской библиотеке, в которой хранится самое большое собрание порнографии.

8) Плавал по Венецианским местам боевой сексуальной славы Казановы.

Ещё много где он шастал, но – надоело перечислять!

Самым для меня интересным оказалось объяснение, почему Золотой Париж 1880–1914 годов, когда неисчерпаемые проститутки дважды в неделю подвергались медицинской проверке – нечто неслыханное в Британии или в Штатах, – почему Париж, в который вели все дороги и все хуи, почему этот прекрасный Париж превратился в сексуальную пустыню, в которой я в 2006 году чуть не помер от жажды, если бы меня не спасли мои добрые почитательницы (см. *General Erotic*. 2006. № 146).

Так вот, в 1946 году все бордели в Париже были закрыты в качестве мести проституткам. И этот шаг стал самым разрушительным для культуры Парижа.

Проституток сделали козами отпущения после немецкой оккупации Франции.

Мужчины негодовали, что проститутки предпочитали немцев, хорошо платящих, ухоженных и привлекательных. Мужчины Франции испытали двойное поражение – с немцами и с собственными женщинами, и за это им отомстили запретом продаваться, то есть перекрыли им воздух.

Французские мужчины, которые во множестве тоже легли под немцев и поначалу были не в состоянии оказать им сопротивление, свалили своё предательство и трусость на проституток.

Так мужчины рубили сук, на которых лежали. Улицы Парижа стали безблудными, а сам некогда эротический Париж – стал

лишь музеем эротики, а по сути – кладбищем эротики.

Разумеется, в Париже ещё ебутся, но лишь стыдливо-постыдно-подпольно.

Найдя какие-то старинные книжки, державшиеся взаперти по сей день, автор рассказывает о сексуальном быте средневековья. Половая жизнь обыкновенных людей того времени была вовсе не подавлена долгим и тяжёлым трудом, как это принято считать, а процветала наравне с сексуальной жизнью знати – все здоровые люди одинаково пренебрегали запретами церкви.

Женщины любили ебаться со священниками больше, чем с обыкновенными мужчинами, так как католические священники, которым запрещалась половая жизнь, любили женщин сильнее, чем обыкновенные мужчины, не ценящие свободу ебли.

А деревенские девушки собирали свои первые менструальные крови и делали из них любовные напитки – считалось, что любой мужчина, выпивший такой напиток, терял голову и влюблялся в производительницу этих кровей. Но многие мужчины уходили от женщин, не солоно хлебавши.

При нынешних антисексуальных законах и безжалостном их выполнении всё, что оставалось автору книжки, – это воображать райскую сексуальную жизнь прошлых веков по описаниям и воспоминаниям, а главное – согласно собственным фантазиям.

Ведь если бы он стал писать о современной сексуальной жизни, о клубах, о тайных проститутках и пр., то всё бы это отвергли как непристой и печатать в приличном издательстве не стали бы.

А вот прошлое считается издателями и прочими – безопасным. И напрасно:

> Но то, что было позади,
> из будущего в мир ворвётся.
> Я время не держу – иди —
> я знаю, что оно вернётся.

Бродский – Зонтаг

***Sempre Susan.* A memoir of Susan Sontag by Sigrid Nunez. Atlas & Co., New York. 2011. 140 p. ISBN 978-1-935633-22-8.**

Sempre по-итальянски – «всегда», «навечно». Вот и переводите называние книги сами. Мемуар этот написан Зигрид Нунез, подружкой сына Сузан Зонтаг (1933–2004).

Зигрид сама стала автором нескольких романов и рассказывает о влиянии Зонтаг на неё, на зонтагского сына, на мир, и об обратном влиянии мира на Сузан Зонтаг. Написано, надо отдать должное, – с блеском, но не ослепляющим, а просветляющим.

Зонтаг долгое время жила в квартире вместе с сыном, а потом к ним присоединилась Зигрид, так втроём они жили несколько лет в одной квартире, что по-американским стандартам не принято и даже неприлично. Но Зонтаг меньше всего заботилась о приличиях. Она говорила так:

> Хорошо, когда любое дело начинается с нарушения правил.

Например, Зонтаг вопрошала Зигрид при посторонних – почему бы вам не заниматься 69 в качестве предохранения от беременности?

Зигрид пытается объяснить проживание под одной крышей матери, сына и его любовницы тем, что во многих странах совместное житьё такого рода является нормальным и взывает к Иосифу Бродскому, вспомнив его описания коммунальной квартиры. Но Зигрид не понимает, что в России жили в коммунальных квартирах вынужденно, и в первый же момент разъехались бы по отдельным квартирам, будь такая возможность предоставлена.

Но эту маленькую глупость можно ей простить.

Зонтаг заинтересовала меня тем, что была одной из первых американских любовниц Бродского. Хотя

> Девица, как зверь, защищает кофточку —

это явно не о ней[68], так как она, судя по воспоминаниям, никогда не ломалась. Более того, она спала радостно и с многими, как с женщинами, так и с мужчинами. Она признавалась:

> Если я оказываюсь с кем-либо рядом, у меня всегда возникает сексуальное влечение к этому человеку, даже если наши отношения дружеские.

Так что ни долгого и искусного соблазнения, ни резкой и подавляющей силы здесь не было. А была, уж не знаю насколько добротная, но уж явно добровольная ебля.

Зигрид весьма уничижительно отзывается о внешности Бродского, но безапелляционно признаёт, что ещё тогда все были уверены, что он получит Нобелевскую премию,

> так как все вокруг видели в нём гения с романтической биографией изгнанника и борца.

Зонтаг на внешность не обращала внимания, она везде видела проблески гения в Бродском, но не смела критиковать его английские писания, несмотря на его просьбу отозваться честно – она пришла к выводу, что он плохо воспримет критику.

Однажды они вчетвером сидели в любимом китайском ресторане Бродского и он, вкушая, сказал:

> Какие мы все счастливые! —

и поцеловал Зонтаг. Потом они отвезли его домой на Мортон-стрит, и в ту ночь у него произошёл первый инфаркт.

Я на это могу только сказать одно – поэтам вредно быть счастливыми.

Бродский похерил любовницу Зонтаг жестоко (как – не сказано), но она простила ему боль, и они оставались друзьями до самой его смерти.

Зонтаг была на семь лет старше Бродского, и в период их близости в 1976 году у неё уже был рак груди, и она не стесняясь задирала маечку и показывала шрам там, где была грудь, даже малознакомым людям.

Вопрос: а когда у неё была грудь – с такой же ли готовностью она её всем показывала? Или шрама она стыдилась меньше, чем груди? Разумеется, глупо стыдиться отсутствующей груди в той же мере, как присутствующей.

В то время бытовало суеверие, что человек заболевал раком, если он мало ёбся, а потому, когда Зонтаг поставили диагноз рака, первая мысль, которая пришла ей в голову, была: «Неужели я мало занималась сексом?»

Думаю, что она на своём примере раз и навсегда уничтожила это суеверие. В чём ей (интересно, в какой мере) помог Бродский.

Опознание «русского духа»

Когда в детстве мне читали сказку, в которой баба-яга влетала на ступе в свою избу на курьих ножках и восклицала: «Русским духом пахнет», я не удивлялся ни бабе-яге, ни ступе, ни курьим ножкам, но задумывался, что же это за «русский дух»? Было непонятно, нравится ли ей этот дух или не нравится?

Потом явился Пушкин и тоже про то же:

Там русский дух, там Русью пахнет.

Ему этот дух явно нравился.

А там и Даль возник с поговоркой:

Чу! – здесь русским духом пахнет!

Чу не чу, но получалось, что у России не только «особенная стать», но и особенный дух. В чём же эта особенность? – недоумевал я. – В запахе берёзового веника или самогона?

И вот я получил исчерпывающий ответ на мучивший меня вопрос. Почерпнул я его из печатного источника:

Книга Азбук с стихах, картинках, песенках и ребусах. Москва, АСТ. 2004.

Оказывается, теперь с детства втемяшивают «что есть русский дух», чтобы у детей не возникало сомнений, которые так мучили меня.

На странице 161 этой книги имеется следующее определение «русского духа», которое поразило меня своей научно-практической обоснованностью.

Он пятнадцать лет не мылся,
И не стригся, и не брился,
И одежды не стирал,
Даже нос не вытирал.
Как зайдёт к Яге, та ахнет:
Фу-ты!.. Русским духом пахнет!

Окончательное решение вопроса о сути «русского духа» чудесным образом совпало с российским Днём Единства с нацистами, коммунистами и Ираном. Над обильными демонстрантами гордо веял «русский дух».

Уж не знаю как Пушкин, но я предпочитаю женский дух русскому.

Американская загадка

Вот вам свежая, живая, животрепещущая ситуация с вопросом: Как бы вы себя в ней повели?

Мужчина гуляет в парке, смотрит на трепетные деревья, слушает курлыкающих птичек и радостно у него на душе. Но неисповедимая судьба решила сделать его душу ещё радостней и расположила прямо на его пути под деревом женщину, которая загорает, лёжа на спине, причём без верхней части купальника. И грудь её зовёт. Причём во весь голос.

Мужчина, будучи мужчиной, сворачивает со своего пути на зов грудей и прочего, к ним прилагающегося. Он подходит к женщине и вежливо с ней заговаривает. Женщина отвечает ещё вежливей. Мужчина садится рядом с женщиной, ласкает её грудь, целует её, а женщина улыбается и кладёт одну ногу ему на плечо. Ей остаётся стянуть трусики и положить на его плечо оставшуюся ногу. И действительно, женщина в качестве подготовки просит продемонстрировать ей хуй. Мужчина, продолжая быть мужчиной, расстёгивает молнию на джинсах и выкладывает товар на обозрение оборзевшей женщине.

Ну как пока? Всё нормально? Правильно ли поступает мужчина? Не говоря о женщине. Ебать или не ебать? Такого вопроса у мужчины в подобной ситуации возникнуть не должно. Он рождён с положительным ответом, записанным в геном, который не вырубить топором.

И тут наступает нечто типично американское. Что же?

Так вот – судьба завернула жизнь крючком. Не успел радостный мужчина, вытащить свой хуй для сладкого дела, как откуда ни возьмись из соседних кустов выехал джип с полицейскими, и мужчину арестовали. За что? За то, что он мужчина.

Хотя, по-крючкотворскому. преступление, им совершённое, называется «непристойным поведением в общественном месте».

Всё это произошло с 42-летним пожарником, гулявшим в Berliner Park, что в городе Columbus штата Ohio. Согласно гуманному американскому закону, женщинам (а заодно и мужчинам) разрешается в парках загорать без верха, но всё, что сверх того – тягчайшее преступление, которым и явился обнажённый хуй. Оказывается, подобного рода женские капканы раскладываются по паркам моей свободолюбивой страны с целью отсеивания мужчин, которые склонны мастурбировать или ебаться в парках. Спрашивается, а разве это не главное предназначение парков и прочей природы?

Интересно – получают ли женщины, которые работают приманками, моральное удовлетворение от своей работы? Наверно, огромное. Испытывают оргазм в момент, когда полицейские защёлкивают наручники на преступнике. Государство платит деньги женщинам за то, что они не дают – это ли не самое страшное извращение? Государственное извращение.

Я всё никак не могу ни привыкнуть, ни понять – как это самое поистине гуманное государство, в основу законов которого и их отправления заложена забота о людях, как в подавляющем большинстве отважные, добрые, старающиеся помочь полицейские, как это всё превращается в иезуитского, безжалостного монстра, чуть дело заходит о ебле?

И дивит меня зеркальное отображение России, государства, созданного, чтобы делать жизнь своих граждан наиболее унизительной, трудной, бессмысленной, как милиция, – олицетворение продажности и беспомощности, – как они не могут помешать свободной (по сравнению с американской) ебле?

Оптимальным образом жизни при этих обстоятельствах представляется челночная жизнь, которая, увы, требует больших затрат на перелёты и российские взятки. Но оптимальная ситуация всё-таки представляется такой: живёшь и работаешь четыре дня в Штатах, а на выходные – летаешь ебаться по всей необъятной Руси.

И в особенности, в летних садах и парках.

Невыполненное обещание Майка Тайсона

Mike Tyson[69], отсидевший три года в тюрьме по обвинению в якобы изнасиловании, вышел не только мусульманином, но и оснащённым тюремным матом.

На каком-то сборище прессы он рассвирепел и закричал в толпу, кому-то им возненавиженному, небоскрёбным матом, на одном этаже которого горела фраза:

> I will fuck you till you love me!
> (Я тебя буду ебать, пока ты меня не полюбишь!)

Обращена она была к мужчине, хотя в той же мере могла быть применена и к женщине. Смысл её можно раскрыть без особого труда. Фраза эта была посередине других фраз, описывающих насилие. Изнасилование одним мужчиной, как правило, длится недолго и прерывается либо оргазмом, либо плохой эрекцией. А потому женщине не до оргазма и, следовательно, не до любви.

Tyson, всегда хорохорящийся своей физической мощью, в данном случае проецирует её и на свою половую мощь и ручается, что будет ебать чрезвычайно долго, а длительность ебли будет гарантировать оргазм, который в свою очередь вызывает любовь к тому, кто оргазм добывает. То есть оскорбление во фразе Тайсона состоит в том, что насилуемый или насилуемая полюбит насильника вопреки насилию. И это преподносится как самое страшное оскорбление. То есть идеальное изнасилование, о котором я писал[70], используется как угроза, тогда как должно бы звучать как обещание счастья. Увы, даже самое прекрасное можно обезобразить.

Но за это святотатство Майк был наказан, ибо не смог претворить в жизнь своё хвастовство-угрозу с той бабой, из-за которой он сел в тюрьму – очевидно, он её не доёб до любви, вот она его и невзлюбила. Так что на деле у Тайсона получилось: I will fuck you till you hate me![71]

Наркотики, государство и Amy Winehouse

2 сентября 2007

Буквально сердце разрывается читать, как загоняет себя в могилу моя ныне самая любимая певица Amy Winehouse.

Влюблённая и вышедшая недавно по пьяни замуж за полное пустое место, и создавшая свой шедевр – альбом *Back to Black* – именно тогда, когда порвала и не встречалась с этим выродком, Amy сейчас находится в таком состоянии, что весть о её смерти из-за перебора наркотиков может придти каждый час.

Я считаю, что люди такого огромного таланта становятся национальным (мировым) достоянием и охранять их не менее важно, чем какой-то архитектурный памятник. Если бы Amy еблась в общественных местах, её бы давно посадили в тюрьму, заклеймили позором и общество гордо хвалилось бы своей добродетелью в области охраны морали и нравов. Но в случае принятия околосмертельных доз наркотиков, которые даже для Courtney Love показались колоссальными – тут государство будет сидеть, подперев щёчку ладошкой, и наблюдать за самоубийстовом своей гениальной певицы и композитора и поэта.

А ведь Amy давно надо было арестовать за покупку и хранение наркотиков вместе с её муженьком, который для неё и есть наркотик, поставляющий наркотики, и силой заставить бросить наркоту cold turkey[72], а после срока засадить за решётку самой лучшей антинаркотической клиники. А когда она очистится и придёт в себя, выставить для неё череду прекрасных мужиков, которые бы хотели с ней проводить времечко – она ведь ужасно не уверена в себе как женщина, думает, что уродка, толстая, режет себя, – потому и держится за своего убийцу-мужа, ибо убеждена, что её никто, кроме него, любить не будет. Известная женская схема.

Неужто вся музыкально-культурно-просветительная индустрия не может бросить клич на хороших мужиков для Amy. Вот Snoop Doggy тоже в неё влюбившийся как в певицу (или вообще?) предложил ей кров для того, чтобы убежать от шума и отдохнуть (сам-то тоже хорош).

Но что делает министр британской культуры или как его там? Его первая задача – охранять и, если надо, – спасать национальное культурное достояние. А то, суки, позволят ей погибнуть от наркоты, а потом свои fucking-крокодиловы слёзки лить будут.

«I Heard Love is Blind» Amy Winehouse («Я слышала, что любовь слепа»)

His message was brutal,
but the delivery was kind.

Amy Winehouse «You sent me flying»

Так повелось, что выражение «любовь слепа» используется в смысле

Любовь зла, полюбишь и козла.

Мол, сила любви такова, что возможно полюбить кого угодно, вне зависимости от внешности и характера человека. То есть любовь может пойти против общепринятой эстетики и этики, а другими словами, любовь живёт вне общественных критериев, а именно любовь слепа по отношению к ним.

Но к чему же тогда любовь зряча да ещё великой зоркостью, причём всегда?

Любовь зряча к наслаждению, именно оно становится зримой (всеми чувствами) сутью любви, а потому видеть прочее становится просто ненужным, не зря же люди испытывают оргазм, как правило, с закрытыми глазами. И даже если их глаза открыты, то они всё равно ничего не видят, кроме наслаждения, часто облекаемого в фантазию, которая делает наслаждение ещё острее.

По сей день верность в любви юридически и нравственно обязывает иметь только одного партнёра, с которым достигается оргазм.

Однако Amy Winehouse написала эту песню в 19 лет, она посмотрела на выражение «любовь слепа» с другой стороны – для Amy любовь слепа в том высшем смысле, что в какой-то момент для женщины становится всё равно, с кем она получает наслаждение. Каков мужчина, находящийся с ней в моменты наслаждения, – становится несущественным, невидимым. Наслаждение первично, а партнёр – вторичен, а ещё точнее: партнёр – дело десятое.

Вот текст песни, сочинённой Ами, и её подстрочник.

I HEARD LOVE IS BLIND

I couldn't resist him,
His eyes were like yours
His hair was exactly the shade of brown
He's just not as tall, but I couldn't tell
It was dark and I was lying down.

You are everything – he means nothing to me
I can't even remember his name
Why're you so upset?
Baby, you weren't there and I was
thinking of you when I came

What do you expect?
You left me here alone; I drank so much
and needed to touch
Don't overreact —
I pretended he was you
You wouldn't want me to be lonely.

How can I put it so you understand?
I didn't let him hold my hand
But he looked like you;
I guess he looked like you
No he wasn't you.

But you can still trust me, this ain't infidelity
It's not cheating; you were on my mind
Yes he looked like you
But I heard love is blind…

Я СЛЫШАЛА, ЧТО ЛЮБОВЬ СЛЕПА

Я не могла ему сопротивляться,
У него глаза были, как твои,
и волосы такого же коричневого оттенка.
Правда он не так высок,
но я этого не заметила —
Было темно, и я лежала.

Ты для меня – всё, а он – ничто.
Я даже не помню его имени.
Почему ты так расстроился?

Милый, тебя там не было, но я
думала о тебе, когда кончала.

Чего же ты ожидал?
Ты меня оставил одну, я напилась
и мне захотелось,
Не принимай близко к сердцу —
я представляла, что он – это ты.
Ты ведь не хотел, чтобы мне было одиноко?

Как же мне объяснить, чтобы ты понял?
Я не позволила ему держать меня за руку,
Но он был так похож на тебя.
Мне казалось, что он похож на тебя,
Нет, он не был тобой.

Но ты можешь по-прежнему
мне верить, это не измена,
это не обман – я думала о тебе.
Да, он был на тебя похож,
но я слышала, что любовь слепа…

До недавних пор это было привилегией мужчин – оправдываться перед любовницей или женой, что девица, с которой он невзначай переспал, ничего для него не значит, а вот ту, перед которой он оправдывается, он поистине любит. Так же несвойственно мужчине в качестве оправдания своей случайной связи приводить любимой женщине аргумент, что он, мол, думал о ней, когда извергался в другую.

В этом, пожалуй, важное различие мужчины и женщины: муж вряд ли будет мечтать о жене, когда ебёт подвернувшуюся красотку, а если и будет, то лишь для того, чтобы дольше не кончать, а то, глядишь, представит себе жену и у него вообще хуй упадёт.

У женщины же наоборот: если она приноровилась кончать с мужем или с любовником, то ей легче кончить с незнакомцем, представляя их на его месте, чтобы вызвать привычный оргазм. Так что то, что Amy думала о своём любовнике, ебясь с незнакомцем, скорее всего говорит лишь о её продуманном желании добраться до оргазма, а не о желании блюсти верность. Хотя, с третьей стороны, необходимость для женщины думать под чужаком о муже или любовнике, используя эти думы как метод достижения оргазма, и есть лучшая манифестация её верности,

ставящая достижение оргазма женщиной в зависимость от мыслей о любимом мужчине.

Разумеется, что есть немало легко кончающих женщин, которым не надо ни о ком мечтать, чтобы достичь оргазма, и, судя по облику и поведению Amy, она относится именно к такому типу женщин, так что, быть может, в её случае она и впрямь из верности представляла своего любовника, когда на ней копошился чужак. А ещё точнее, не из верности, а из желания успокоить свою совесть и испытать оргазм, не омрачая его чувством вины, а наоборот, оправдывая его, как посвящённый любовнику.

Понятие верности было всегда относительным, однако его многообразные критерии являлись наглядно проверяемыми: от самого жёсткого – никаких контактов с мужчиной, включая зрительного, до чуть смягчённого – никаких прикосновений или поцелуев. У многих людей посвободнее верность считается соблюдаемой до тех пор, пока хуй не вводится в пизду, а хапать руками и лизать можно без ограничений. Одна женщина считает, что сохраняет верность, если только сосёт хуй, другая – если её ебут только в зад. Третья же, наоборот: еби в пизду, но не в коем случае не лижи клитор: верность сохраняется до тех пор, пока женщина не испытала оргазм. Есть и такие, которые считают себя верной, если не допускают семени вовнутрь, а мужчины кончают наружу. При гомосексуальной любви секс с противоположным полом часто не считается изменой и т. д.

То есть от самой идеи верности люди отказаться ни за что не хотят и только критерии верности меняют, как вздумается. Однако все эти вышеприведённые критерии регистрируемы, видимы. Так, вполне регистрируемо, испытывает ли женщина оргазм, и вполне видимо, как её ебут и куда кончают мужчины.

Но в своей песне Amy предлагает новый критерий верности: новый с точки зрения открытости его провозглашения женщиной и с точки зрения «певческой» пропаганды применения этого критерия. Критерий этот невидим и пока не регистрируем наукой: поэтому приходится верить женщине на слово, что она в процессе наслаждения с незнакомцем действительно думала о муже или о любовнике, а значит – сохраняла ему верность. Использование такого критерия верности развязывает женщине руки и раздвигает ноги для вереницы или аккорда мужчин, ебясь с которыми она будет оставаться верной любимому, при непременном условии, что будет о нём думать.

А ведь и впрямь, тот факт, что фантазия о любимом помогает женщине кончить с кем угодно, свидетельствует об истинности её любви: одна мысль о любимом – и оргазм тут как тут.

Однако пока не найден способ научно удостовериться, что женщина действительно во время совокупления с незнакомцем мечтала о муже. Это утверждение остаётся лишь фигурой любовной речи, которая даёт женщине безусловный выход из тупика измены в добродетель, в акт верности.

И действительно, думы о любовнике во время оргазма с другим являются доказательством любви (а не измены), потому как нет чувства сильнее оргазма, а значит ты истинно любишь того, о ком мечтаешь в процессе этого самого сильного чувства.

Подход Amy жёстко фиксирует разделение любви и секса. Получается, что для любви ей даже не надо ебаться с любовником и достаточно лишь мечтать о нём. А вот секс можно и нужно иметь с кем угодно. Одиночество, которого она бежит, есть сильнейший стимул к ебле. В ней любовь к конкретному одному гарантирует ей оргазм с любым.

Для успокоения совести и добавочного аргумента сохранения верности Amy привиделось, что незнакомец был похож на её любовника. Она уговаривает себя, что цвет его волос был таким же. Но потом она проговаривается, что, во-первых, она была пьяна, а во-вторых, было темно. А в таких условиях кто угодно напомнит любимого.

Безымянность незнакомца, отрицание всяких социальных связей (непозволение держать руку), – всё это не препятствует, а способствует радости совокупления: чем меньше знаешь партнёра, тем острее наслаждение. А успокоением для нравственности могут служить думы о муже, о возлюбленном или даже о боге. Есть верующие женщины, которые не могли испытать оргазм с мужчиной до тех пор, пока они не представили, что их ебёт Христос или Мухаммед. Получается, что вера для них укрепляется с каждым оргазмом, ибо простой смертный мужчина бессилен дать им наслаждение, а вот Христос может. Не достаточно ли это, чтобы уверовать? А по вере и воздастся тебе – оргазм она рассматривает как награду за её веру. Христа или Мухаммеда им видеть и чувствовать не требуется, а достаточно думать о них во время ебли с мужчинами.

Зияющая пропасть, которую Amy вырыла между собой и незнакомцем-ёбарем – это её непозволение взять её за руку. Amy таким способом не давала установиться социальному контакту, оставляя только сексуальный. То есть происходило изыскание и возведение в абсолют какого-то знака, который бы гарантировал сохранение верности и который бы чётко и ощутимо разграничивал любовь и секс. Этим абсолютом она сделала для себя соединение рук – близость, которая предназначена ею только для её любовника. Держаться за ручки, что так невинно, а потому

и является критерием дружбы между малолетними, для Amy стало критерием высшей близости, большей, чем совместный оргазм с незнакомцем.

С какой одержимостью происходит охрана границы между любимым и незнакомцем, которая исчезает на момент оргазма! Но всегда остаётся вопрос, на который невозможно ответить, не научась читать мысли: «Кому эта граница важна – самой Amy или её ревнивому любовнику, которого она изо всех сил старается успокоить?»

Amy взывает с хитрецой к любовнику:

Ты ведь не хотел, чтобы мне было одиноко?

То есть Amy делает проверку чувств своего любовника на истинную любовь, которая заключается не в установлении собственности на тело возлюбленной, а в стремлении доставить этому телу наслаждение, причём не обязательно только самому, единолично, но и с помощью других мужчин и женщин. Логика Amy такова: если ты действительно любишь меня, то ты не хочешь, чтобы я чувствовала себя одиноко, а значит ты должен только радоваться, если в твоё отсутствие меня ублажает другой мужчина. Вот она, бескорыстная любовь, на которую вряд ли способен её любовник.

Amy просит любовника продолжать доверять ей и считать её верной. Но доверять в чём? В том, что она не ляжет с тем, кто на любовника не похож, а будет продолжать ложиться только с похожими на него? И верность остаётся непререкаемой, пока она думает о нём во время оргазма?

Но заканчивается песня старой поговоркой, которая превращается в афоризм, наполняясь новым смыслом:

Я слышала, что любовь слепа…

Как бы там ни было, Amy обзавелась иронической индульгенцией и, пока её муж сидит в тюрьме, она имеет любовников, оставаясь ему верной ровно до тех пор, пока он у неё на уме во время наслаждений. Но, вспоминая другую пословицу,

С глаз долой – из сердца вон, —

чем дольше просидит её муж-мудак в тюрьме, тем больше шансов, что Amy попадётся хороший мужик, и она перестанет думать о муже во время оргазмов, и будет лежать, держась за руки с любовниками, зная их всех по именам, и продолжит сочинять свою волшебную музыку согласно иной поговорке:

Out of sight, out of mind.

Музыкальное и женское Live Perfomance

Моя любимая Amy Winehouse, которую я, не переставая, слушаю с июня месяца, получила пять *Grammy*. Я бы дал ей все имеющиеся, даже за рэп. Моя страсть к новой поп-звезде не длится обыкновенно дольше месяца и сменяется другой. А тут – такое постоянство: аж восемь месяцев. Но каждый раз, когда я вижу live performance[73], меня охватывает разочарование. И это практически со всеми певцами и поп-группами.

Вскоре после своего приезда в Штаты я пошёл на выступление *Emerson, Lake and Palmer* записи которых я слушал в СССР и восхищался ими. Я впервые оказался на крытом стадионе, среди толпы, вопящей и курящей марихуану. Мои же кумиры, чья музыка была еле слышна за воплями толпы, устроили цирк, прыгали, как идиоты, что-то там вытворяли, а когда один из них лёг на сцену и стал, лёжа на спине, играть на «клавишах», моё недоумение перешло в омерзение.

Я точно знаю, что я хочу: не представления, а музыки. Точно также мне не нужны красивые шмотки и полупрозрачное нижнее бельё на женщине – мне нужно её голое тело. Всё получается предельно просто: от музыки я хочу музыку, а от женщины – женщину. Для народа же предлагаются игры, в которых суть скрывается с помощью забавляющих и отвлекающих моментов. Без них народ избегает, и даже страшится принимать голую суть.

Примером может служить музыкальная история с *Milli Vanilli* в 1990 году. Парочка сексапильных мальчиков исполняла прекрасные песни, свежо пританцовывая. Продались миллионы их пластинок, они получили *Grammy*. А потом обнаружилось, что парнишки лишь раскрывали рты под запись совершенно других певцов. У них сразу отняли *Grammy*, и все от них отвернулись, их карьера грохнулась и один даже помер из-за перебора наркотиков. Но что стало с прекрасной музыкой? Её перестали играть на радио, пластинки убрали из магазинов. Покупатели затребовали вернуть деньги за купленные пластинки и за билеты на их концерты. Но ведь музыка-то осталась прекрасной, как прежде, и исполнение было замечательное – всё, что надо было сделать, это поправку к титрам – поют такие-то, а эти лишь раскрывают рот. Ну и, разумеется, перераспределить деньги, додать настоящим певцам и передать им заслуженное *Grammy*. А то уж действительно получается, что из ванны вместе с грязной водой обмана выплеснули ребёнка-музыку. Вид красивых парней-обманщиков так затемнял саму музыку, что решили вместе с парнями и музыку похерить.

Таким образом, для народа «настоящая» музыка не существует самостоятельно, без правильности антуража.

Но возвращаюсь к Amy Winehouse – нет, она не устраивала на сцене цирк, хотя видочек она себе сконструировала ещё тот. Её движения и манера исполнения мне даже нравятся. Но музыкально это не идёт ни в какое сравнение с её студийной записью на дисках, слушать которую можно с закрытыми глазами, даже не зная, как Amy выглядит. Восхитительная аранжировка, выверенность каждой интонации и звука – всё это делает студийную запись идеалом, к которому никогда «живое» исполнение приблизиться не в состоянии. Все эти концерты unplugged[74] и прочие реальности лишь тычут в глаза, вернее в уши, насколько музыкальная жизнь несовершенна и разведена водицей и насколько в то же время искусство науки и техники может создать квинтэссенцию таланта, которая не достижима вне студийной записи.

Можно считать, что в звукозаписывающей студии производится ускоренный и эффективный естественный отбор, в процессе чего собираются воедино все лучшие звуки, – такой отбор в реальной жизни если и происходит, то разово, случайно и если не будет записан, то навеки пропадает и воспроизвести его невозможно. Студийная же запись не позволяет пропасть лучшему и устраняет всё остальное.

Разумеется, мне понятна жажда посещения представлений, хотя бы потому, чтобы посмотреть на плоть и кровь своего кумира, оказаться счастливчиком и получить потную маечку, которую он или она бросит в толпу. Но какое это отношение имеет к музыке? Опосредованное. Через тело исполнителя. Через гандон. А мне нужен контакт без посредников – с самой музыкой. С самим Богом.

Музыка – это самая абстрактная красота и своё совершенство обретает именно в абстрактности цифровой, а не в аналоговой конкретности. В живописи ситуация обратная – написанная картина является совершенством, а технология стремится её воспроизвести с предельной точностью. Таким образом, если в живописи идеальность воплощения первична – в оригинале, то в музыке идеальность воплощена в студийной записи, то есть вторична.

В отличие от абстрактности музыкальной красоты, женская красота – самая конкретная, потребляемая, полезная, ощутимая всеми органами чувств, и потому какое бы то ни было усовершенствование женской красоты (ретуширование, косметика, фото– и видеоманипулирование и пр.) лишь отстраняет её от потребления, от вкушения, ибо настоящее

наслаждение женской красотой может быть только от живого контакта с ней (live performance), когда косметика смазана, одежда сорвана и ретушь размыта потом.

Техника создаст усиление женской красоты не за счёт её совершенствования, а только когда научится её размножать такой, какая она есть, делая женскую красоту повсеместной и общедоступной, подобно тому, как музыкальная красота размножается идеальными копиями с помощью цифрового переписывания на множество дисков без ущерба для качества.

Так женская красота будет продолжать своё Live Performance, но не для индивидуальной аудитории, а для всех, кто захочет приобрести копию, которая будет тождественна совершенному божественному оригиналу.

Go to Strangers[75]

Amy Winehouse и Paul Weller восхитительно исполнили волшебную песенку *Don't Go to Strangers*, слова в которой романтично свидетельствуют об упёртом эгоизме любви, которая стремится заставить человека плыть против течения. А течение – это ни что иное как движение к новизне.

Так вот Paul и Amy по очереди красиво страдают, пребывая в одиночестве и потому, взывают к возлюбленной (возлюбленному), мол, когда тебя прихватит похоть, то

> Don’t go to strangers, /Не иди к незнакомцам,
> my darling come to me. /а приди ко мне, моя дорогая.

Вот и восхищаюсь музыкальным непониманием, что только с незнакомками или малознакомками похоть может быть наивысшей, а с вами, взывающими к прежнему, уже известными вдоль и поперёк, трепета и со щепотку не наскребёшь. Не зря же ваши возлюбленные идут, бегут, ползут, тянутся к strangers. Ибо согласно другой песне, именно Stranger in the night[76] притягательна, а не остоебелая пизда (хуй).

Песня эта – вестовая морали любви, направлена на уничтожение новизны, на её ограничение и придавливание, потому как именно новизна есть основа похоти – врагини любви.

Amy Jade Winehouse
(14 September 1983 – 23 July 2011)

20 июня я отправил Amy Winehouse английское издание *Тайных записок* Пушкина.

А сегодня она умерла.

Посылал я на имя её агента, не нашёл её адреса, вернее, пожалел десять долларов, чтобы купить в банке данных мировых знаменитостей. Думал, куда торопиться? – дойдёт. Скорей всего, не успел.

Вариант, что дошло и что она успела прочесть, влечёт за собой святотатственную реминисценцию с российским поэтом-алкоголиком[77]:

> …Но я их вслух вчера прочел —
> И в клетке сдохла канарейка.

Под «их» можно подразумевать «Тайные записки». А певцов давно канарейками зовут.

Нет, думаю, если бы прочла, то, вдохновлённая ими, не умерла бы, а срочно переключила бы акцент с водки на еблю. Так, глядишь, и спас бы Amy или хотя бы продлил бы ей жизнь.

Amy была моей постоянной подругой, открывшей мне новую музыкальную вселенную – её голос часто звучал у меня в машине или в наушниках, её лицо и фигурка то и дело появлялись у меня перед глазами на мониторе, где она давала мне персональные концерты.

Я о ней писал, я о ней читал, я о ней переживал.

И вот она добилась небытия – все последние годы она систематически себя убивала. С такой целеустремлённостью долго не продержишься. Она пропела не только *Love is a loosing game,* но и Life is a loosing game[78].

Впрочем, проигрышная игра – это только поэтическая гипербола, а на самом деле она выиграла любовь и восхищение у тех, для кого музыка жизненно важна.

Amy живёт со мной по-прежнему и её смерть ничего не изменила. Это для тех, кто её знал лично, кто её обнимал, целовал, кто смеялся и плакал вместе с ней – потеря великая. А для меня Amy так и осталась такой же виртуально живой, какой она и была при жизни. Единственное, как я замечу её смерть – это не дождусь её новых песен. Но они могли бы не появиться, даже если бы она и продолжала жить, забросив свой талант.

Как принято среди людей, именно смерть взбодрит интерес к Amy как к певице и личности – обязательно наскребут по сусекам её неизвестные последние песни и сделают диск, напишут о ней книги и статьи, создадут музей, а её поклонники организуют многочисленные общества. Так что её виртуальная жизнь будет продолжаться.

А я буду слушать её волшебный голос и посылать ей воздушные поцелуи на тот свет.

Который где-то совсем рядом, как говорит современная физика.

Будем любить, будем

Неудивительно, что Amy Winehouse, которая обожала песни шестидесятых, сделала свою интерпретацию знаменитой песни *Will You Still Love Me Tomorrow*.

Эта песня, сочинённая в 1960-м году и ставшая первым хитом Carole King и её мужа, текстовика Gerry Goffin, поначалу исполнялась женской группой *The Shirelles*.

Несмотря на грандиозный успех этой песни, некоторые радиостанции отказывались её играть, так как слова были с глубоким для того времени сексуальным подтекстом.

Я, слушая исполнение певичек *The Shirelles*, всегда дивился несоответствию бодренького ритма да весёленького настроения певичек и весьма грустного и тревожного словесного содержания. Ведь в песне речь идёт о трагедийности сомнения и страха и об отчаянном желании верить, вызываемом жаждой наслаждения.

Amy взялась за эту песню честно, без обязательной американской кривой улыбки, скрывающей слёзы, а именно со слезами, с отчаяньем и предвкушением неизбежного горя – потери любви.

Amy выжала из мелодии и слов все, в них содержавшееся, и выложила перед всеми, не стыдясь, не боясь и просто ни на кого не обращая внимания – вся сосредоточенная на надежде, которая неминуемо должна быть вскоре предана практичной физиологией да и обыкновенным временем.

Гамлетовский вопрос любви:

> Is this a lasting treasure /Это длящееся богатство
> Or just a moment's pleasure? /или мгновенное наслаждение?

Ответ на этот вопрос определяет ответ и на заглавный песенный вопрос:

> Will you still love me tomorrow?
> (Будешь ли ты любить меня завтра?)

Разумеется, если это длящееся богатство, то будет любить завтра, если же это лишь краткое наслаждение – то не будет.

Примечательно, что слова к песне написаны мужчиной. То ли он перепел основы «женской психологии», то ли женщины радостно подстраиваются под фантазию мужчины.

В действительности же страх за завтра может быть у мужчины в той же степени, в какой и у женщины.

Всё зависит лишь от того, кто в себе больше уверен, мужчина или женщина, и если они оба – неуверенные в себе, то они будут задавать этот вопрос одинаково надоедливо, но от этого не менее трагически.

Как Amy сама признавалась в интервью, и судя по её поведению она была исключительно не уверенной в себе и поэтому песня эта была ей близка не только мелодией, но и сутью слов.

На вопрос, пропетый Amy Winehouse:

– Will you still love me tomorrow? —

я могу дать ответ без всякого сомнения и со всей определённостью:

– Да, мы будем любить тебя, Ату, и завтра, и все грядущие неисчисляемые дни. А всё потому, что ты, давая краткое наслаждение своей песней, предоставляешь всем длящееся богатство возможностью его бесконечно повторять.

Тело и душа
Amy Winehouse

Текст песни *Body and Soul* провоцирует на флирт в процессе дуэта Amy Winehouse и Tony Bennett.

Радостно видеть, как тонкость и глубина её души, светящейся во всех её песнях, проецируется и на поведение Amy (когда она трезва), жесты и мимику.

Вот и в этой последней записи, прощальной с телом, её душа властно ведёт его к флирту, но с великим достоинством и уважением к партнёру и его возрасту, при том, что Amy заигрывает с ним нежным и неизбежно ебливым взглядом.

Моя благодарность Советской власти

Моё поколение, выросшее при Советской власти, доказало всей своей жизнью полную ненужность организованной религии и ничтожество её притязаний.

Мои родители воспитывались в атеизме, в них уничтожалась всякая остаточная религиозность влияния, исходившая от моих бабушек и дедушек. Так что моё воспитание проходило без всяких религиозных обрядов, без следования еврейским религиозным традициям, без молений, без посещений синагоги, без упоминаний бога, кроме как в выражениях, вроде «Боже мой».

Моё понимание и ощущение еврейства обосновывалось не иудаизмом, а графой «национальность» в паспорте, а также кровным (генетическим?) ощущением родства евреев.

Мои родители не твердили, что бога нет, да я и не спрашивал их о боге, я пытался найти ответ на этот неизбежный вопрос в книгах и в себе.

Такое атеистическое или безрелигиозное воспитание в моём поколении было повсеместным, причём не только в еврейских семьях, но и в огромном количестве русских, украинских да и семей всех национальностей, населявших СССР.

И вот, несмотря на полное отсутствие религиозного воспитания, веры в Христа, в Саваофа и отдалённого представления, кто такие Мухаммед и Будда, многие люди моего поколения выросли порядочными, честными, талантливыми, усердными, весёлыми и добрыми людьми, то есть – хорошими людьми. Оказалось, чтобы вырасти хорошими людьми, совсем не надо зубрить Тору, Библию, Коран и прочие книги, написанные людьми и выдаваемые за божественные, не понадобилось креститься или делать бармитсву, чтобы осознать, различие между «плохо» и «хорошо», и следовать этому различию в своей жизни. Мы усвоили мораль от тех, кто нас воспитывал, но прежде всего – переняли её генетически.

И это произошло несмотря на то, что советское общество вокруг нас было жестоким и лживым.

Таким образом Советская власть доказала, что для того, чтобы вырасти хорошим человеком, вовсе не требуется не только религиозного воспитания, но даже знаний о религиозных канонах, традициях, обрядах и обычаях.

Изъяв религию из жизни, Советская власть вовсе не изъяла вместе с ней общечеловеческую мораль и духовные ценности, которые, как оказалось, никак не связаны с религией, а с чем-то иным, поистине глубоким и близким душе человека.

Бесполезность религии во взращивании хороших людей для счастливой жизни доказывается и нынешней эпидемической показной религиозностью в России, что не увеличило количество ни хороших, ни счастливых людей.

Пытаться уничтожить организованную религию бесполезно, как пытаться уничтожить человеческую глупость и слабость. Но следовало бы запретить повсеместное навязывание её несмышлёным детям. Настоящее, а не по-российски формальное разделение религии и государства – это пока самый действенный метод держать корыстную религию в узде.

Любая организованная религия не имеет никакого отношения к вере в Проведение, в нескончаемую жизнь, в неисповедимость путей господних. Об этом всякий задумывается сам, вне зависимости от того, взялась ли религия за его обработку и какая религия делает это подлое дело.

Советская власть наглядно продемонстрировала, что всякая организованная религия – это обыкновенный бизнес, торгующий именем бога и от имени бога.

Безапелляционное доказательство деловой сути организованной религии можно провести с помощью следующего эксперимента: из всех религиозных процедур должны быть исключены деньги. Прежде всего, священнослужители должны жить не на деньги прихожан, а зарабатывать деньги работой – на производстве, на полях, в науке и искусстве, а все религиозные дела отправлять бесплатно в свободное от работы время. Именно это безденежное священнослужительство будет доказывать их истинную веру. Так что все религиозные обряды – крещение, свадьбы, смерти и прочие руконаложения, кадилокачание и торосворачивание, – должны делаться бесплатно.

Короче, деньги должны быть полностью исключены из религии.

А строительство церквей, синагог и прочих храмов должно быть прекращено, пока все люди на Земле не будут сыты и иметь кров над головой. Хотите славить Бога? – Стройте дома и сажайте деревья, а в процессе можете бубнить свои молитвы.

Воспитание вне всяких религиозных конфессий дало моему поколению возможность взглянуть сторонним (объективным) взглядом на безбожность религий, нагло эксплуатирующих общечеловеческую мораль с целью обогащения попов и прочих мулла-раввинов.

Спасибо Советской власти за счастливую жизнь, которая позволила мне верить в моего бога, а не в прописи, накаряканные на древнееврейском, старославянском, арабском или новоязе.

Про бога

Покойный Christopher Hitchens был остроумный, эрудированный, красноречивый entertainer[79], одержимый справедливой ненавистью к ортодоксальной религии, причём ненависть эта настолько велика, что он даже не хотел рассматривать самую идею Бога, которую он безудержно и постоянно смешивал с интерпретаторами и интерпретациями этой идеи. Разумеется, что идею Бога жестоко эксплуатировали в своих человеконенавистнических и корыстных интересах обыкновенные смертные, которые представлялись пророками, во что быдло было готово поверить – либо добровольно, либо под огнём и мечом.

Оппонент по рубличной дискуссии Frank Turek, хотя и скучноват по сравнению с Hitchens, но, тем не менее, точно сформулировал ошибку Hitchens, состоящую именно в этом «смешении» и замещении бога его сфантазированными и человекоподобными (я бы сказал – человекообразными) воплощениями, в которые предлагают или заставляют верить подлецы, жулики и сумасшедшие.

Чтобы обозначить это разграничение, Turek предложил Hitchens ответить на серию толковых вопросов (например: «Как объяснить узколобой теорией эволюции неисчерпаемую сложность генов?»), но ни на один из этих вопросов Hitchens даже не попытался ответить, а лишь отшучивался и уходил в сторону, в область своих постоянных примеров злодейств, которые несёт организованная религия.

Совершенно очевидно, что Hitchens одержимо отождествлял бога с теми, кто говорят от имени бога, с теми, кто описывают бога, с теми, кто карает именем бога. Но разоблачать жуликов и сумасшедших это, конечно, забавно, однако – лишь стрижка вершков, оставляя корни.

Все основные религии основаны на трёх книгах: Торе, Новом Завете и Коране. Именно эти книги следует всеми способами «ставить на место», а именно: показывать, что они написаны проходимцами, скомпилированы в разные времена и что все они являются не словами Моисея, Христа или Гавриила, а перевранными пересказами прохиндеев: Аарона, четвёрки «шестёрок» (Матфея, Марка, Луки, и Иоанна) и Мухаммеда. Все эти «святые» книженции – это пересказы второй производной (а в быту – испорченный телефон), так как непосредственно от Бога-отца никаких словесных указаний не имеется. Причина же, по которой эти книжки стали такими хваткими на человеческие

души, – это прежде всего та, что многие куски из этих книг являются весьма талантливыми литературными произведениями.

Самое смешное, что Hitchens, беспощадно уничтожая человеческие выдумки и спекуляции о боге, полагает, что этим он уничтожает саму идею бога. Если бы он признался, что Провидение несомненно существует, но любое человеческое представление о нём, описание его являются лживыми, то тогда его позиция была бы более устойчива.

Мне представляется, что, прежде всего, это безрассудно – пытаться логически доказать как наличие, так и отсутствие бога, то есть судить о том, что логике не подвластно, о том, что находится вне логики. А потому любой разговор о боге должен пресекаться в корне сразу, как только он выходит за пределы простой констатации существования некой высшей силы. Любые доказательства как «за», так и «против» обречены на провал, ибо все они опираются на человеческое самодовольное измышление, что мы созданы по образу и подобию божию, в чём открывается бескрайняя возможность судить бога по человеческим этическим нормам, а значит – упрекать его в жестокости и или славить его благость. Человеческая мораль, даже если она установлена богом, вовсе не обязательно является присущей самому богу – у него может быть множество моралей (и законов) для разных вселенных, пространств, измерений. Или, вообще, мораль – это всего лишь болезнь человечества, не предусмотренная богом.

Утверждать, что бог всё знает, равносильно утверждению, что бога нет, ибо, опять-таки, нам не дано знать, каков бог, нам лишь дано знать о его существовании.

Но так как сия неопределённость нетерпима для человечьего ума, он начинает делать и изображать бога по своему подобию, а чтобы обосновать свои выдумки, человек продолжает свою порочную аналогию и утверждает, что это человек сделан по образу и подобию бога. Такой бог «с человеческим лицом» становится удобен для просьб, лести, требований и даже проклятий.

А Васька (бог) слушает, да ест.

Hitchens утверждал, что любое научное открытие или явление можно объяснить без всякого привлечения понятия бога. Это явное передёргивание фактов (в невежестве его обвинять трудно), пренебрежение общеизвестными научными тупиками: необъяснимых явлений в нынешней физике, космологии, биологии, генетике имеется огромное количество и наука просто не знает, как к ним подступиться.

Но даже когда нечто, сегодня непонятное, будет завтра

объяснено научно, никакое объяснение не окажется исчерпывающим или окончательным, а за каждым объяснением откроется новая вселенная необъяснимого.

И вот теперь – самая моя главная мысль:

Именно бесконечность познания и является прекрасной иллюстрацией бытия божьего.

Разовью эту мыслину.

Когда в физике обнаруживают очередной тупик в понимании явлений природы, учёные вводят искусственные понятия (в конце XIX века – понятие эфира, теперь – чёрной энергии и др.). С их помощью удаётся математически (а не практически) объяснить картину мира в настоящий момент. По мере развития физики одни понятия заменялись другими: так эфир не выжил и заменился кривизной пространства.

После введения искусственных понятий начинают искать подтверждения их материального существования. Например, антиматерию, существование которой поначалу вводили формально, по требованию симметрии, потом удалось обнаружить в форме античастиц с помощью специально поставленных экспериментов.

Подобным образом можно рассматривать понятие бога – это понятие является универсальным объяснением всего того, чему в данный момент не имеется научных объяснений. А так как, несмотря на развитие науки, количество тайн, необъяснимого всегда будет находиться в огромных и неисчерпаемых количествах, то, значит, понятию бога есть и будет всегда находиться место в объяснении картины мира. То есть Бог – это вечный наполнитель той неисчерпаемой полости в наших знаниях, которая всегда будет разверзаться перед нами захватывающей дух бездной.

Следовательно, бесконечность познания гарантирует постоянную уместность идеи бога, как средства объяснения всего неподдающегося научному объяснению.

Божественные бездны наслаждения

Послушал я интервью со знаменитым биологом-генетиком Craig Venter. Он написал книгу под самоуверенным названием *A Life Decoded* (Расшифрованная жизнь). При анонсе интервью, которое заняло в итоге почти час и которое я бы слушать не стал прежде всего из-за своего невежества в генетике, меня привлёк последний по списку вопрос из тех, что ему задавали: «Что такое жизнь?» Именно ответ на этот кардинальный вопрос был для меня исключительно интересен, потому что исходил от учёного мирового класса, ковыряющегося в самых глубоких потрохах жизни.

И что же он в ней расшифровал? Вот его ответ почти дословно:

> Я об этом пишу в своей книге «Расшифрованная жизнь»… Моё личное убеждение, что живые организмы заполняют Вселенную. Жизнь является одним из главных свойств Вселенной. Если имеются нужные компоненты, то спонтанно образуются живые существа. Во Вселенной есть бесконечное количество планет, подобных Земле.
>
> Нам чрезвычайно трудно определить границу, где взаимодействие химических элементов становится живым существом, способным размножаться. Я задавал себе вопрос… «Как пуля, попавшая в мозг и разрушившая небольшое количество клеток, убивает человека, состоящего из ста триллионов клеток?» Мы до сих пор не можем дать удовлетворительное определение жизни… Быть может, разница между живым и неживым так же проста, как разница между незаведённым и заведённым двигателем автомобиля: все детали работают совместно достаточно долго при минимуме поставляемой энергии. Я думаю, что не будет ничего таинственного в будущем, что люди будут способны создавать жизнь, если научиться собирать вместе нужные компоненты…

Очевидно, что вопрос о сути жизни не застал Вентера врасплох – он думал над этой проблемой и даже излагал свои взгляды в книге, поэтому можно полагать, что сказанное им в интервью есть выжимка его мыслей на эту важнейшую тему, а не первые попавшиеся слова, вдруг пришедшее в голову во время интервью.

Меня поразил близорукий пример с автомобилем, который

весьма точно характеризует мышление Вентера. Автомобиль создан человеком и не мог образоваться в результате эволюции или естественного отбора. Следуя этому примеру, человека тоже кто-то должен был создать.

Далее, если рассматривать неработающий автомобиль как скопление мёртвых клеток, которые оживают при повороте ключа зажигания, то опять же, такое «превращение» – это результат конструкции, придуманной человеком, заранее продуманной, и здесь важно не только «вдыхание души» или поворот ключа зажигания, а то, что кто-то должен был вдохнуть эту душу в неживую материю, в заранее спроектированное «существо» автомобиля.

Создаётся устойчивое впечатление, что Вентер мыслит исключительно механистически – ведь он занимается складыванием кубиков генов-шменов в разные комбинации.

Вместо того, чтобы попытаться определить, что такое жизнь, он уходит от ответа с помощью пока ещё никак не доказанного утверждения, что жизнь – это свойство Вселенной. Оно напоминает самодовольное средневековое утверждение, что Земля – это центр Вселенной.

Вентер даёт своё беспомощное понимание жизни, состоящее в том, что она самозародится спонтанно, как только удастся сложить нужные кубики в нужном порядке. Сказать для учёного «спонтанно» по отношению к зарождению жизни – это значит полностью капитулировать как перед познанием, так и перед верой.

Если в начале XX века обнаружили бесконечность образований и превращений микрочастиц в неживой материи, то теперь обнаружили ту же божественную бездну – бесконечность дробления живой клетки и методов управления жизнью по кем-то установленным законам. Наше бессознательное, которое несравненно больше сознательной части, оказывается, управляется способами такой немыслимой сложности и бесконечных порядков, что любое живое существо можно представить как бескрайнюю вселенную, которую только сейчас наш разум начинает в какой-то мере осознавать.

Что я ожидал бы услышать от Вентера, это хотя бы намёк на то, что жизнь – это тайна, исчерпать которую невозможно не только складыванием кубиков-генов, но всеми научными методами, что жизнь – это сверхъестественное явление, которое мы привыкли считать естественным. Или хотя бы Вентер выказал ошеломление от безграничной сложности контроля за нашей судьбой, осуществляемой на таких неисчерпаемых микроуровнях.

Интересно и то, что в лексиконе Вентера слово «эволюция»

является универсальным научным термином, объясняющим возникновение и совершенствование жизни. Я не помню, сколько лет, согласно придумкам учёных, прошло со времени начала жизни на Земле. Предположим, десять миллионов – в любом случае это цифра – конечная. Однако сложность внутриклеточной жизни с каждым годом приоткрывается всё на более изощрённых уровнях, причём стало очевидно, что этих уровней будет открываться бесконечное число, что нельзя будет найти тот исходный неделимый кирпичик, который лежит в основании жизни. В связи с этим у меня возникает вопрос: «Каким образом бесконечная сложность может образоваться за конечный период времени?» Такая сложность может образоваться только благодаря вмешательству Провидения.

Одним из необходимых свойств живых организмов является их способность к размножению. Стимулом к размножению у людей и в животном мире является наслаждение. Смею с уверенностью предполагать, что какой-то эквивалент наслаждения как стимул размножения существует и на клеточном уровне, то есть оплодотворённая клетка начинает делиться с бешеной скоростью именно потому, что клетки испытывают наслаждение в процессе деления. А если хоть в чём-то следовать Вентеру и предположить, что жизнь это действительно свойство Вселенной, то можно сделать ещё один шаг в рассуждениях и провозгласить, что наслаждение обеспечивает существование Вселенной, суть которой – быть заполненной жизнью.

А те, кто выступают против наслаждения, выступают против миропорядка и потому должны быть обречены на изгнание из живой природы.

Почему я ненавижу христианство

Казалось бы, всем христианство неплохо: и заповедями, заимствованными из Моисеевых, и поучительными историями о человеческой психологии, и наивными чудесами из доисторических волшебных сказок – но есть нечто основополагающее в христианстве, что не только неприемлемо, но и омерзительно, ибо оно делает всех людей преступниками, грешниками, обречёнными на ничтожество жизни. Я имею в виду основную концепцию христианства – «непорочность зачатия».

Во многих мифах и религиях описывается рождение богов без совокупления и не из влагалища (например, рождение Афины из головы Зевса). Необычность зачатия и рождения делало необычным само родившееся существо. И только христианство вместо «необычности зачатия», сделало его обвинительным приговором, назвав внеполовое зачатие «непорочным». Таким образом, утверждалось, что совокупление, половые органы и наслаждение, которое они доставляют – это порок, грех, зло, а значит всё человеческое изначально греховно – недаром на теле каждого человека христианство выжигает кровавыми буквами приговор «рождённый во грехе». Приговор, основанный на выдумке расторопных хитрецов, сновавших вокруг Христа. Ведь сам Христос не оставил после себя ни единого слова (хотя он был человеком не только грамотным, но и образованным), а вся христианская дурь строится на словах его четвёрки «шестёрок»: Луки, Марка, Иоанна и Матфея. Мало ли чего они напридумали?

Разные конфедерации христианской церкви разнообразно лицемерят, не в силах противостоять сексуальному освобождению людей, и провозглашают свою терпимость к ебле в браке и вне брака, но с намерением пожениться, а некоторые даже принимают и гомосексуальный образ жизни (наверно потому, что у гомосексуалистов не может быть зачатия, а значит и порочного).

Казалось бы, именно христианская церковь должна ратовать за генетические эксперименты всякого рода, потому что они в конечном итоге позволят вообще избавиться от порочности зачатия, и оно будет происходить в пробирках искусственно созданными сперматозоидами и яйцеклетками.

Именно христианская церковь, будучи последовательной, должна бы выступать за массовые аборты, ибо каждый зародыш – это есть результат греха порочного зачатия, а грех нужно уничтожать.

Вследствие своей лживости христианство переокантовывается

и вдруг начинает трястись над результатом порочного зачатия и елейно называть зародыш божьим творением, а не творением дьявола, которым он именно и является, раз произошёл в результате греховной ебли.

А пока все ошалело празднуют рождение Христа, которое произошло вовсе не от совокупления Марии с римским легионером Пантерой, а якобы от святого духа. (Интересно, испытала ли Мария оргазм в момент попадания в неё этого святого духа?) Недаром в глубине души народ подсмеивается над этой выдумкой и, когда какая-нибудь девица пытается повторить трюк Марии и прикинуться, что не знает, каким образом она забеременела, ей задают риторический вопрос:

– Что, святым духом занесло?

Но у христианства не хватило ума врать до конца. Уж если Христос был зачат без хуя, то надо было придумать, что он родился не через пизду Марии, а уж, ну хотя бы, с помощью кесарева сечения, а ещё лучше, чтобы на руке у Марии образовался пузырь, из которого выскочил Христосик. А то что же получается? – начали за здравие, а кончили за упокой: Христос вроде бы зачался без ебли, а родился-то он через пизду, весь обмазанный пиздяными соками, кровью, в её запахах, – то есть всё-таки Христа осквернила пизда – воплощение истинного греха и грязи. Нехорошо получается: в последний момент взяли и всю идею непорочности зачатия похерили порочностью рождения.

О каком сосуществовании с христианством других религий и любого честного человека может идти речь, если первое, что бросает всем в лицо христианство – это приговор-оскорбление: твоё зачатие было греховным, твои мать и отец, зачав тебя, сотворили грех.

Вот и доказывай после этого, что ты не верблюд.

Если в суде ты невиновен, пока не доказана твоя виновность и только поэтому удаётся в мире людских взаимоотношений достигнуть хоть какой-то меры справедливости, то в христианстве никаких сомнений в твоей виновности нет – ты виновен по определению, ибо ты человек, то есть тот, кто рождён в результате ебли.

Пока христианство не откажется от доктрины «непорочности зачатия», до тех времён никакого мира с христианством быть не может. Это подобно тому, как Израиль отказывается вступать в какие-либо отношения или переговоры с организациями, в основе идеологии которых лежит цель уничтожить Израиль. Вступить в какие-либо отношения с такими организациями – это значит совершать самоубийство. Именно этим самоубийством

невежественно занимается каждый христианин, ибо он обязан принять постулат «непорочности зачатия» Христа, а следовательно, считать своё собственное зачатие порочным, а себя – во грехе до тех пор, пока не помрёшь. Вот она, христианская любовь через ненависть к причине твоего рождения.

Христианство – это надругательство над самыми сокровенными чувствами человека, родительскими чувствами, ибо истинные христианские родители должны не радоваться своему новорожденному, как это позволили Марии, а смотреть на только что родившееся сморщенное существо и причитать: «родился во грехе, в грехе и умрёшь».

Празднуя рождение Христа, христиане прежде всего празднуют «непорочное зачатие», то есть проклинают своё собственное. Самоубийственный праздничек.

Христианство – это самая античеловечная религия в мире, ибо порицает и посрамляет божественную суть человека – совокупление, в результате которого рождается дитя.

А значит христианство ненавидит человека.

Вот почему я ненавижу христианство.

Жизнь № 1 и Жизнь № 2

Моя голубая кровь

Мой прадедушка по маминой линии был извозчик и любил выпить. Он приезжал время от времени из Могилёва в Ленинград с маленьким чемоданчиком погостить. У него имелось восемь человек детей. Однажды он взял пятилетнюю дочку на ярмарку, лошадь взбрыкнула и ударила копытом девочку в голову. Он принёс домой на руках окровавленный трупик. Говорят, с тех пор и пить начал.

Бабушка спрашивала его: «Хочешь водки?» – и глаза прадеда сразу загорались. Она давала ему деньги и он, как мальчик, нёсся в магазин.

Он приехал очередной раз в июне 1941 года и навечно застрял в гостях. Мой дядя, военный врач, вывез из блокадного Ленинграда мою маму с бабушкой и дедушкой, а прадедушку оставили – не хватило места в маленьком самолёте. Дядя обещал, что скоро его тоже заберёт, но не забрал и прадедушка умер безвестно как.

Надеюсь, что умер пьяненьким.

Неопровержимое доказательство

Мне три годика, и у меня длинные локоны до плеч. Мы с дедушкой вернулись с гулянья в Юсуповом саду. Он возбуждённо рассказывает бабушке, что одна женщина приняла меня за девочку и не верила, что я – мальчик. Возмущённый дедушка предложил женщине:

– Хотите я ему трусики сниму?

Эта фраза, это странное и неопровержимое доказательство глубоко поразили меня великой тайной, которую я совершенно отчётливо почувствовал, но до конца не понимая.

Я тогда ещё плохо понимал различие между мальчиком и девочкой, но то, что для определения кто есть мальчик, а кто – девочка, следует снять штаны, поразило меня, как молния.

Причём, до сих пор я не могу опомниться…

Первомай пятидесятых

В конце пятидесятых на главных улицах Ленинграда на первое мая появлялись весы, у которых стояли весовщики. На весах, также на цепочках висели динамометры двух размеров, большой и поменьше. Праздничным развлечением обыкновенного советского человека было взвеситься и заодно проверить силу своего рукопожатия. Стоило это удовольствие копейки, но и они берегли считанный рубль получки.

Взвешиваться мне было не интересно, но за динамометр я всегда хватался, брал, который поменьше, и сжимал правой рукой. Динамометр больно врезался плоскими краями в ладонь и из-за этого я никак не мог сжать его изо всех сил, так что показания моей мощи были занижены. Меня это огорчало.

Я шёл и покупал у цыганки «раскидай» и сосучий петушок на палочке и тем утешался. Цветастый «раскидай» я дома всегда вспарывал – не верилось, что такая яркая наружность содержит в себе простые опилки. То же самое я делал с калейдоскопами, которые мне часто покупали и которые не переставали восхищать моё зрение, но и их я всегда разламывал в неистребимой надежде увидеть внутри продолжение чудес, однако из трубки вываливались осколки цветного битого стекла, и я всякий раз дивился этому до глубины души.

Радиопродуктор, что висел на стене дома рядом с окном нашей квартиры, гремел марши и патриотические песни. Люди с воздушными шариками и полупустыми бутылками возвращались с демонстрации.

Было интенсивно и беспричинно весело, но в то же время торжественно – детство.

Идеальная смазка

В детстве, регулярно дроча, я выискивал способы усиления наслаждения с помощью поиска идеальной смазки. Что я только ни пробовал: слюни, сопли, мыло, сырые яйца, масло (сливочное и подсолнечное). Но смазка пизды разом переплюнула всё.

Вот что должны изучать Научно-Исследовательские Институты Смазочных Материалов для разработки самых лучших смазок. Если бы собирать эту женскую пиздяную жидкость и смазывать ею трущиеся механизмы, то им бы износу не было.

Дача как школа половой жизни

Однажды дачные мальчики пригласили меня с собой в лес. Мне было лет десять. Они туда таинственно убегали и что-то там делали, не говоря мне, что. А тут – пригласили с собой.

Нас было человек шесть. Заводилой был местный Боря, выше всех ростом. Другим был Саша, красивый черноволосый мальчик, у него была очаровательная старшая сестра, от которой я не мог отвести глаз. Её, грудастую и бедрастую, звали Ляля. Другие мальчики не произвели впечатления и не остались в памяти.

Когда мы зашли в глубину леса и оказались на небольшой полянке, мальчики остановились, встали в кружок и спустили штаны и трусы ниже колен. Предложили и мне, и я снял их тоже, плохо соображая, зачем. Все хуёчки были необрезанные и мягкие, и мальчики занимались тем, что оголяли головки и рассматривали их друг у друга. У меня был обрезанный и потому на меня почти не обращали внимания.

Я запомнил появившиеся жёлтые кусочки чего-то, когда Боря натянул кожу на своём, вставшем. Были словесные намёки, что произойдёт нечто большее, но что – мне было непонятно. Мальчики не прикасались друг к другу, даже не дрочили.

Боря зачем-то нагнулся, его голые ягодицы раздвинулись и между ними я увидел жидковатое дерьмо. «Даже не вытирается» – подумал я и запомнил этот вид навсегда.

Я возвращался на дачу разочарованный, но не знал чем. Ничего не случилось, но я и не представлял, что могло там случиться.

На лужайке у дачи я увидел Лялю, лежащую на траве и впитывающую своим неизъяснимым телом солнечные лучи. Я стал раздумывать, как бы подойти к ней поближе и стоять, разглядывая её, но чтобы она меня не прогнала. Ляля лежала на животе и её ягодицы вырывались наружу из мелких трусиков, и я с уверенностью подумал, что уж у неё-то между ягодицами наверняка всё вымыто. Тут я почувствовал, что хуёк мой затвердел, и я понял, что так и надо.

Знание будущего

Старшеклассники в нашей школе прошли на уроке истории Варфоломеевскую ночь. Среди малышей пронёсся слух, что если старшие схватят тебя на перемене и спросят, гугенот ты или католик, то надо отвечать, что католик, и они тебя отпустят, а если скажешь, что гугенот, то побьют. Так и произошло – хватали нас, четвероклассников, на переменах, прижимали к стенке и допрашивали.

Я сказал, что я – католик и меня отпустили. Я не знал, ни что такое католик (лишь слышал это слово), ни гугенот (никогда не слышал такого слова). Но мне было наплевать: слово «католик» было как пароль, который тебя освобождал.

Так знание будущего позволило мне избежать грозного настоящего.

Рабство слов

Теперь я раб своих рабов, а это значит, я – свободен.

Так я писал после школы.

А в школе, классе в пятом, шёл морфологический разбор слов. Учительница вызвала меня к доске, чтобы я докопался до корня в слове «рабочий». Разумеется, что корнем я назвал три буквы «раб». Учительница схватилась за голову – как это я посмел приравнять советского рабочего к рабу.

– А какой же корень у этого слова? – спросил я.

– «Рабоч», – торжественно произнесла учительница.

При Сталине меня бы посадили. А при Хрущёве меня лишь отчитали за непонимание идеологической ситуации. Так прогрессировала Россия.

И до сих пор прогрессирует-сирует.

1962

В 1962 году написал я длинное письмо в рифмах:

Дорогой товарищ Исаковский!
Я пишу письмо моё в стихах.
В нём моих мечтаний отголоски
и надежды, и немножко страх.

Мне пятнадцать лет, шестнадцать скоро,
с десяти лет начал я писать,
и в большой поэзии просторы
до сих пор мечтаю я попасть…

Дальше – не помню. Но помню, что Исаковский ответил и посоветовал повременить с большой поэзией и её просторами, а заняться просто поэзией в масштабе ЛИТО[80].

Я же мечтал о мгновенной и всенародной славе, но коль она не грянула с помощью Исаковского, то я последовал его совету.

В итоге, разных ЛИТО я перепробовал кучу. А что до большой поэзии, то она буквально накрылась пиздой, а точнее – пиздами. И по-большому прославила их.

Моя первая порнография

…В юности Лермонтов пенился и пузырился интересом к женщинам, что отразилось в нескольких стихах да *Юнкерских поэмах*. Взрослея, он действительно больше мцырями да демонами увлекался, причём своими собственными. И в конце концов, он доигрался, когда написал в свой последний год «Душа моя мрачна», а про еблю – ни слова. Известно же, что только тот,

Кто поёт и ебёт – два века живёт.

Тем не менее именно Лермонтов стал для меня первой порнографией, но не *Юркерскими поэмами* – где мне было их достать в 14 лет в те времена? Но зато был в семейной библиотеке четырёхтомник, изданный в 1957 году *Худлитом*. И вот, почитывая первый том, я наткнулся на стихотворение «Счастливый миг»[81], которое Лермонтов написал в 17 лет, причём в примечаниях, которые я всегда любил читать, об этом стихе не писалось ни слова. Так что я додумывал и интерпретировал сам.

Я в то время был ещё девственником на фоне цветущего онанизма и полон желания познать свою первую женщину. И тут я нарываюсь у классика на подробное описание соблазнения, но в то же время беспощадно пропущенного желанного описания ебли, и тем не менее имеющегося краткого описания убийственного конца чудесного процесса. Но даже одно лишь туманное описание соблазнения меня ошеломило на фоне полного советского литературного безсексья тех времён. А я ведь тогда читал всё подряд и в изрядных количествах.

Задели меня тогда до всевозможной глубины следующие строки:

Стыд ненужный отгоня

И действительно, самое главное, что можно сказать о стыде, что он ненужный. А потому его легко отогнать.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком

Почему от нескромного неуча надо прятаться? Это при том, что ненужный стыд уже отогнан. Почему бы не обучить неуча, а

нескромность в вуайеризме просто необходима.

Тронула меня также аргументация «подгоняния» в статус возлюбленной – подрожи и баба разденется:

Так скорее ж… я дрожу.

Потом пошло раздевание, от которого я уже сам дрожал, читая:

О! как полны, как прекрасны
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;

Румянец я привык считать принадлежностью щёк, а не грудей, хотя я их, грудей, на тот период ещё воочию не видел. Однако я был непоколебимо уверен, что груди не могут быть румяны. Соски – да. Надо бы сказать: «Румянец сосков на щеках грудей», – это я уже сейчас придумал.

Но про мгновение любви я сразу понял. Оргазм мне был знаком хорошо, но любовь мне почему-то представлялась более протяжённой, куда входил и сам процесс раздевания, и процесс добычи оргазма, а не только сам оргазм. Так что с мгновением я подозревал натяжку.

Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,

Груди уже на этот момент были обнажены, и вот появляется ножка, да ещё маленькая. Если маленькая, то имелась в виду ступня. Но ступня должна была быть видна с самого начала – девица ведь юбку или платье сняла на тот момент и должна была видна быть не маленькая ножка, а полная или смуглая или волосатая, но никак не маленькая нога. Хотя говорят «разведи ножки», но это во множественном числе.

А к тому же, что значит «круглый стан»? Я пытался представить и выходило, что девица – кубышка. Будучи начинающим стихоплётом, я догадался, что должно было быть «округлый стан», но втиснуть лишний слог в строку не получалось. Однако я великодушно прощал Лермонтова за ошибку – ведь он осмелился писать о стане вообще, да ещё обнажённом. А коль обнажённый, то пусть хоть круглый.

Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман

Под сорочкой я ждал пизду, а в какой-то талисман я не верил. Видно таким эвфемизмом решил воспользоваться Лермонтов, и я это понял и принял.

Дальше я споткнулся о невесть откуда появившегося «злодея»

Так невинна ты, что мнится,
Я, любя тебя, – злодей.

Только что Лермонтов говорил о «мгновении любви», но уговоры девицы с удобным для рифмовки именем начинают идти от противного:

Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

То есть жизнь ужасной быть может, но миг – он прекрасен по определению. Мне тогда не пришло в голову, что речь могла идти о миге разрыва девичей плевы.

А дальше впервые активная и пассивная стороны меняются местами: сначала Лерма раздевал и домогался. Но раздев, испугался и только зырит на уже обнажившуюся девицу:

Полон сладким ожиданьем,
Я лишь взор питаю свой

Тут девице надоела пассивность мальчишки именно тогда, когда надо действовать, и она, несмотря на её утверждаемую Лермой невинность, берёт инициативу на себя:

Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;

Эта активность женщины возбуждала меня больше всего. Далее следовал рецепт радикального избавления от мук, который я стал использовать как панацею:

И тогда душа забудет
Все, что в муку ей дано,

А в концовке Лермонтов несказанно удручал меня своей тоской:

И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

Я, разумеется, знал ощущение после оргазма, но я также знал, что желание приходит вновь очень быстро, и я делал акцент не на «истощении», потому что оно не «одно», а это только передышка для новых «счастливых мигов». Сексуальный пессимизм Лермонтова был мне чужд. «Если мне в 17 лет достанется баба, то я уж не стану причитать об истощении, а после конца брошусь в новое начало», – мечтал я, перечитывая это стихотворение ещё и ещё, незаметно для себя выучивая его наизусть.

Разумеется, что в 14 лет мысли мои были не столь осознанны, но я чётко помню похотливый восторг от этого стихотворения, перемешанный с выпестовавшимся решением: нет, я пойду другим путём.

И пошёл.

Фамильное

В первом классе я впервые встретился с разнообразием фамилий. Помимо знакомых, таких, как Иванов и Степанов, имелись и весьма необычные. Когда впервые рассаживались за парты, я устремился на последнюю парту к понравившейся мне девочке. Её фамилия была Наб. Я слегка ошалел. На самой первой перемене она вытащила свёрток со съедобным и возгласила:

– Давай пошамаем!

Этот глагол меня потряс не менее, чем её фамилия. Но я с удовольствием съел предложенное.

В классе нашем имелась фамилия Пальчик. Был и свой Барков, но я тогда не знал значимости этой фамилии.

Училась девочка Гаабе. Прогуливал мальчик Вайнриб.

Но это ещё не всё. Самую странную фамилию Колтун носила девочка. Никто в первом классе не знал, что это такое, но, всё равно, звучание было смешным. Девочка мне рассказала, что родители, имевшие разные фамилии, дали ей на выбор, какую фамилию носить: Колтун или Циркуль. (Выбор вроде: хочешь, чтобы тебя расстреляли или повесили?) Так как девочка представляла, что такое циркуль и он ей не льстил ни видом, ни звуком, ни смыслом, она прельстилась странным словом «колтун», смысл которого родители от неё стыдливо не раскрыли.

Так она несколько лет безмятежно носила эту фамилию, пока великая русская литература не сделала своего очередного разоблачающего дела: у Некрасова мы прочли

…колтун в волосах.

И тут-то эта фамилия прогремела (смехом) на всю школу.

С той поры мечты о замужестве у неё воспылали с особой силой, ибо взять фамилию мужа стало единственной возможностью избавиться от колтуна. Фамилия мужа оказалась Колдун. Так одна буква решила проблему – а всё великий русский язык.

(Последний абзац я придумал, а всё, что выше – чистая правда.)

Первые женщины – первые учительницы

Разнообразие учительниц началось с пятого класса – это было моё первое разнообразие женщин. С первого по четвёртый у нас была лишь одна учительница – старая, как нам казалось, и за женщину невоспринимаемая.

Порывистая Анфия Ивановна преподавала пение – самый смешной урок. Тощая, она радостно пела чистым голосом. Мы приходили в класс, где стоял рояль. Кроме скамеек перед роялем весь класс был заставлен горшковыми растениями. Они были такими дремучими, что за ними можно было укрываться от пения. Но Анфия, как мы её звали, нас разглядывала в горшочном лесу и выволакивала петь. Единственная запомнившаяся песня:

Я счастлив, что я ленинградец,

(что ленинградец я, – *подхватывают вторые голоса*,)

что в городе славном живу.

Чтобы разделить нас на первые и вторые голоса, Анфия заставляла каждого пропеть пробную фразу, и мальчишки нарочно пели не своими голосами, но она всё равно распознавала. Я пытался петь басом. Но не получалось. Разделив класс на две группы, Анфия садилась за рояль, и лицо её начинало светиться от первых аккордов. Однако свечение быстро угасало с нашей помощью, когда, пользуясь хоровой обстановкой, у меня и других мальчишек открывалась возможность визжать и пищать, что было чрезвычайно смешно. Нарушение гармонии – смехотворно. Анфия прекращала играть, вскакивала и кричала на нас и необратимо выходила из себя на весь урок. Кульминацией её гнева был момент, когда она, чтобы прекратить наш вой, хватала классный журнал двумя руками и с размаху ударяла им по крышке рояля. Из журнала вылетали разные бумажки, вкладываемые учителями, и мы бросались их подбирать, что было благовидным предлогом, чтобы соскочить со своих мест и носиться по классу. Каждый урок без исключения кончался таким ударом журнала. Тогда было весело, но теперь мне грустно от её бессилия передать нам свою любовь к музыке. Хорошая была женщина, не оценённая по достоинству из-за нашей жажды смеха. А смех – известно откуда растёт.

Мария Георгиевна – учительница математики. Гладкие волосы, зачёсанные назад и собранные в узелок. Часто приходила красная от хны. (Но ей было хоть бы хны.) Она держалась грозно и не позволяла себе улыбаться, задавая пример за примером, задачу за задачей, чтобы у нас не оставалось времени на смех. Она писала на доске уравнение и давала задание: «Упро́стить!» От такого ударения мы с друзьями покатывались со смеху. Мария Георгиевна угрожающе оборачивалась, отыскивала глазами кого-нибудь, кто ещё продолжал по неосмотрительности смеяться, и кричала: «Иванов! Ты почему урок срываешь!?»

Эта гипербола, представляющая невинный смех срывом урока, вызывала новую волну гогота. В конце концов после усердного сверкания глазами и вызова к доске особо громко смеющихся ей всё-таки удавалось утихомирить класс.

Фаина Артуровна, завуч, вела анатомию. Высокая, чёрноволосая, тоже с забранными в узел гладко прилизанными волосами, она была строга и никогда не улыбалась. С особым предвосхищением мы ждали последнего урока, на котором она должна была, наконец, рассказывать о размножении людей, теме, засунутой на последние страницы учебника. Фаина Артуровна не выдержала и под каким-то предлогом отменила урок. Это был единственный случай, когда я и весь класс сожалели об отмене урока и бросились делать домашнее задание, которое мы задали сами себе.

Была молоденькая учительница ботаники, имени которой не помню, а её выдающиеся бёдра – весьма хорошо. Вожделение к ней особо возросло, когда она стала рассказывать о влагалище – нет, не женском, а о месте соединения стебля с лепестком. Я в то время не знал, что такое женское влагалище, хотя слово «пизда» знал наизусть. Однако по реакции класса и покраснению щёк училки, когда она произносила это слово, я сразу учуял, что это должно быть из области ебли, которая манила своей плохопонятностью.

Татьяна Дмитриевна, с красивым лицом и мощным задом над полными ногами, но с маленькой грудью и узкими плечами. Она преподавала английский язык, который я добросовестно учил, предчувствуя своё будущее. Когда она проходила между рядов парт и оказывалась спиной к одному из учеников, тот похотливо потягивал носом и на перемене утверждал, что от неё пахнет малафьёй. Татьяна Дмитриевна недавно вышла замуж и под глазами у неё были круги, напоминавшие наши у тех, кто активно занимался онанизмом. Однажды я принюхался к её заду, и действительно узнал знакомый запах. Мне ужасно захотелось что-то сделать с этим задом. Но что – я не знал и не смел.

Ну и последняя из гарема знаний – Людмила Александровна, наша классная руководительница, преподавала русский язык и литературу. Русский язык она знала, а литературу – нет. А потому грамматику я любил, а литературу в её изложении – не очень. Когда мы проходили Евгения Онегина, она без устали восхищалась онегинской строфой, мол, как трудно ею писать. Я бросил реплику, что ничего в этом трудного нет. Тогда она издевательски сказала: «Хотела бы я посмотреть, как ты бы написал онегинской строфой». Она знала, что я пописываю стишки.

Что ж, я написал всё сочинение онегинской строфой, чем произвёл фурор в школе. Моё версификаторство приняли за гениальность. Причём настолько серьёзно, что чуть не убедили в этом меня самого.

У Людмилы Александровны был утиный нос и один из учеников на перемене перед её уроком часто рисовал её профиль на доске и подписывал инициалы, чтобы ни у кого не было сомнений.

На это учительница однажды отреагировала так: «А моему мужу мой профиль очень нравится».

И тут я понял, что брак полон лжи.

Вторая домработница

Родители с дедушкой и бабушкой нанимали домработниц – это были деревенские девушки, приезжавшие в Ленинград, чтобы найти жениха с пропиской.

Первой была Поля, которую я совсем не помню, но которую, как мне потом рассказывали, я называл Пля (с младенчества я любил сокращения как метод повышения разговорной эффективности).

Второй была Таня Петухова. Она была некрасивой и не первой молодости, но ещё не старой девой. Её пытались сватать за водопроводчика, который часто являлся в квартиру, где жили дедушка и бабушка, на ул. Ленина, чтобы чинить перманентно текущие краны. Фамилия водопроводчика была Лебедев. Так что пернатость фамилий делала возможный союз его и Тани обоснованным.

Я помню, как соседи прибегали к нам в комнату и громким шёпотом сообщали Тане благую весть: «Лебедев пришёл». Лицо Тани становилось пунцовым от волнения, она начинала метаться по комнате, ища, а потом надевая на себя какую-то, казавшуюся ей неотразимой кофточку, и бросалась в коридор. Что там дальше происходило, я не ведаю, но знаю, что Таня всё-таки вышла замуж, правда, значительно позже и не за Лебедева. Она выучилась на помощницу дантиста и стала подавать дантисту щипцы, шприцы и прочие орудия пыток, использовавшиеся в советских зубоврачебных кабинетах. Как известно, в целях социалистической экономии новокаина, или просто за его отсутствием, сверление зубов и вытаскивание полуубитого мышьяком зубного корня делались без всякого обезболивания. А потому при входе в зубоврачебную поликлинику слышны были вопли пациентов, которые не находили в себе сил советского человека для того, чтобы терпеть боль.

Всё Танино богатство составлял патефон. Она позволяла мне вращать ручку, заводя пружину, подобно тому, как позже я крутил ручку, чтобы завести папину машину с разряженным аккумулятором. На углу ящика патефона был встроен ящичек для хранения запасных иголок, который вращался на одной оси, вылезая и прячась, и это движение поражало меня, потому как до этого я видел только ящики в шкафу или комоде, которые выдвигались, а не вращались вокруг оси.

Таня подавала нам на стол еду, потом отходила в сторону и объявляла: «А таперь я пакушаю.»

Также она утверждала, что если потереть колено рукой и

понюхать ладонь, то она будет пахнуть смертью. Я тёр себе колено, но никакого запаха не чувствовал, что, по-видимому, свидетельствовало о незаметности всегда стоящей рядом смерти.

Попугайничанье

Когда мне было лет 12, мой папа и дедушка, который был весьма деловитым, решили разводить волнистых попугайчиков. Тогда эти пернатые были в цене и оказалось, что их можно разводить и продавать в зоомагазин за хорошие деньги. У нас была трёхкомнатная квартира, что считалось роскошью: родительская спальня, гостиная и спальня дедушки с бабушкой, где спал и я. В этой-то комнате вскоре и появилась большая клетка. В ней было штук двадцать отделений для каждой пары птиц, позади каждого отделения был приделан попугайный скворечник, в котором самка откладывала яйца и выращивала птенцов. Поверх клетки установили лампы дневного света, а когда наступал вечер, свет выключался, на клетку накидывалась большая тряпка и птицы исправно засыпали. Среди ночи какой-нибудь попугайчик во сне шумно сваливался с жердочки и будил всех остальных. Начиналось хлопание крыльев, которое меня будило, но через некоторое время я привык и даже перестал просыпаться.

Разумеется, весь день в комнате стоял шум, вонь, несколько раз в день приходилось подсыпать просо пернатым, наливать воды и чистить клетки. Я научился распознавать самцов, у которых над клювом была голубая кожа, а у самок – серая. Но имелись и более наглядные методы определения пола у попугайчиков: они еблись без устали ежедневно и многократно. Так я получал основы сексуального образования. Родители и дедушка с бабушкой делали вид, что не ведали о моей птичьей школе жизни. Но птичья ебля была главным аттракционом, когда к нам приходили гости. Они собирались у клетки и краснея, хихикали, шептались и оглядывались на меня. Женщины не собирались, только мужчины. Женщины и так всё знали. Но не хотели этого показывать мужчинам, которые считали, что об этом знать должны только они.

А любоваться было чем. Всё происходило перед самыми глазами и поэтому совокупления можно было рассмотреть в деталях. А именно: я видел, как самец вскакивал на самку, которая семенила перед ним на жёрдочке, прогнув спинку, и как хуёк, сплющенный в горизонтальной плоскости, точно и сразу находил горизонтальную щель самки. Самец активно двигался секунд двадцать, особенно активизируясь к концу, и затем соскакивал с любовницы, потеряв к ней интерес. А самка ещё оставалась некоторое время в том же положении с прогнутой спинкой и видно было, как её горизонтальная щель сжималась в

последних спазмах.

Стоило молоденькой самочке выскочить из гнезда и впервые сесть на жердочку, как папашка сразу начинал оприходовать дочку. Мамаша сидела рядом и ждала своей очереди.

Такая активная сексуальная деятельность попугайчиков обеспечивала нам существенную добавку к нашему скромному бюджету. Но через год произошло насыщение рынка и попугаев пришлось распродать вместе с клеткой, но зато я получил от попугаев хорошее сексуальное образование. Всё, что оставалось мне, человеку – это попугайничать, чем я вскоре и стал заниматься. Я обратил внимание, что ухаживание самца попугая за самкой было сведено к минимуму – к поцелую, который сопровождался переправкой проглоченных зёрен в клюв своей партнёрше. То есть поцелуй, объединённый с кормлением. После этого самка с готовностью прогибала спинку для самца.

Я тоже после поцелуя и лёгкой кормёжки самки стал требовать раздвигания ног, а чтобы избежать соблазна кровосмешения, не завёл детей.

Так и в будущем я не раз убеждался, что во многих случаях лучше учиться жизни у животных и птиц, чем у людей.

Неживая природа

Когда я был в первом классе, я увидел у моей двоюродной сестры, что была старше меня лет на пять, учебник под названием «Неживая природа». На обложке были изображены окаменелые деревья, отпечатки древних папоротников – они вызывали во мне взрослую грусть о непрожитом прошлом. В названии «Неживая природа» мне слышалось и устрашение, и противоречие – я был уверен, что природа не может быть неживой.

Мой протест был каким-то образом учтён, и в программе моего школьного обучения этого учебника уже не было.

Ускользнувшее богатство

Мы жили на даче в Зеленогорске, и мне тогда было лет пять. Родители часто гуляли по дороге, шедшей вдоль залива, вместе с женатой парой, что соседствовала с нами. Меня они часто брали с собой. Вдоль дороги стояли фонарные столбы. Однажды сосед пошёл вперёд, остановился у столба и позвал меня. Я подбежал, а он мне говорит:

– Посмотри внимательно вокруг столба, тут когда-то была автобусная остановка, люди стояли и могли выронить мелочь.

Я стал обходить столб и сразу увидел несколько монет.

– Нашёл! – закричал я.

– Вот и здорово, – сказал сосед поощрительно – клади в карман.

И он заспешил к следующему столбу, у которого, как оказалось, тоже была когда-то остановка автобуса.

Так я подбегал к каждому столбу и обнаруживал под ним несколько монет. Неудивительно, что к концу гуляния у меня был полный карман денег.

Счастливый от найденного богатства, я, придя домой, аккуратно сложил штанишки с полным карманом мелочи и положил на стул, чтобы она не высыпалась. Утром я потянулся к штанишкам, но они были очень лёгкие и карман был пустой.

Пришла мама и сказала, что деньги пришлось отдать соседу.

И тут я понял, что мои интуитивные сомнения в том, что у каждого фонарного столба была автобусная остановка с потерянными монетами, которые никто не нашёл до меня, оказались оправданными. Но, кладя монеты в карман, я легко отметал все подозрения.

Так мне был преподан урок, что с деньгами можно пренебрегать подозрениями, а без денег подозрения становятся реальностью.

Рассасывание

Зеленогорск. Дача. Мне 12 лет. Там, где дачный участок граничит с лесом, хозяин воздвиг теннисный стол из плохо пригнанных досок. Соседские ребята приходят сюда играть. Я только что пришёл после завтрака и жду своей очереди. А пока мой знакомый, которому 14 лет и от этого он мне кажется несоизмеримо взрослым, демонстрирует свой свежестриженный затылок. Это оказывается новая модельная стрижка «Под Канадку», и стоит она в парикмахерской целых три рубля, тогда как моя «под польку» стоила лишь рубль пятьдесят. Я рассматриваю, в чём же разница – оказывается, на затылке остаётся больше волос, и они не стригутся «на нет», а останавливают их у шеи прямой волосатой линией. Я ужасно хочу тоже так стричься, но знаю, что это очень дорого и что родители мне не разрешат.

Подходит моя очередь играть в настольный теннис. Мой противник – восемнадцатилетний высокий хулиган, все его зовут Курчавый. Он только что выиграл очередную партию. Курчавый обращается ко мне:

– Ну что, клиент, рассосём партейку в теннисоид?

– Рассосём, – отвечаю я, беря в руку ракетку и дивясь смешной хулиганистости этой фразы.

Мы играем.

Тут я замечаю, что к столу подходит девушка лет двадцати, которая мне показалась недостижимо взрослой и красивой. Больше всего меня впечатлили её шарообразные груди, растягивающие маечку.

Курчавый сразу с ней весело заговорил, что уже мне показалось хулиганством, переходящим в геройство. Девушка отвечала на вопросы, и тема разговора была одна-единственная: желание. Но всё, что я помню, это ощущение полной раскованности, которую я наблюдал в парне.

Временами мне представлялось, что девушка должна оскорбиться и уйти или, по меньшей мере, обругать наглеца. Но к моему вящему удивлению она лишь снисходительно улыбалась и с явным интересом поддерживала разговор. У меня было ощущение, будто я оказался свидетелем некого таинства между мужчиной и женщиной, таинства, свободно вынесенного напоказ – таинства растущего сближения.

Курчавый мне проиграл и ушёл с девушкой в направлении леса, положив руку ей на талию. Я увидел, что он тоже подстрижен «Под Канадку». Я всё ждал, что девушка сбросит его

руку, но она явно не возражала. До того как деревья скрыли их, девушка и хулиган остановились, повернулись друг к другу и стали целоваться. Я был ошеломлён непостижимостью свершившегося у меня на глазах – так скоро, без долгих ухаживаний, которые я считал обязательными для первого поцелуя. Я смотрел на их слившиеся губы и мне представлялось, что они рассасывают партейку в некий дивный «теннисоид».

Велосипиздёж

Недавно я раздобыл старый, но скорый велосипед. На велосипеде я не катался с юношеских времён. Как и повелось с велосипедом – сразу сел и поехал. Ничего не забыл.

Едучи на велосипеде, видишь окружающее совершенно с других углов и на весьма трогательной скорости. Иное пространство, подобное инакости пространства при езде на автомобиле. Но у велосипеда минимум материала, обеспечивающего скорость – всего две перекладины, да два колеса с цепкой да шестерёнками. А эффект от скорости передвижения – принципиально разительный.

Так что езжу, наслаждаюсь, знакомлюсь с окрестностями, мимо которых проезжал, не замечая, и до которых не доходил пешком.

Велосипедом я бредил с раннего детства. Тогда существовало два вида детских двухколёсных велосипедов, отличающихся по половому и «пернатому» признаку: *Орлёнок* и *Ласточка*.

Отсутствие детского велосипеда не было препятствием для маленьких: мальчишек, которые могли раздобыть взрослый велосипед. Так как из-за маленького роста они не могли достать до педалей, перекинь они ногу через раму, то мальчишки просовывали ногу под верхней перекладиной рамы и катались в изогнутом положении, стоя на педалях.

Двор нашего дома на Кировском, 55 был большой, прямоугольный, с садиком посередине и залитый асфальтом вокруг, и таким образом предоставлял замечательный периметр, по которому можно было гонять на велосипеде. У соседа этажом выше был велосипед, и я клянчил у него прокатиться кружок-другой. Когда он разрешал – это было высшим счастьем нестись с казавшейся огромной скоростью мимо обшарпанных стен и запылённых окон.

Однажды мне на день рождения подарили игру «карманный футбол» – круглую коробочку с прозрачной крышкой и дном, а в середине была поверхность с нарисованным футбольным полем, в котором были сделаны маленькие дырочки, и в них, наклоняя коробочку туда-сюда, надо было загнать маленький никелированный шарик, который носился, как угорелый, при малейшем изменении положения коробочки.

Я предложил подарить эту игру мальчишке в обмен на двадцать кругов на его велосипеде. (Только теперь до меня дошло, что надо было не дарить, а дать ему поиграть в игру, пока я катаюсь – он бы с радостью согласился, так как велосипед ему

уже надоел, а моя игра для него была желанной новинкой.) Владелец велосипеда ухватился за моё предложение, а я уселся и погнал по двору, считая круги, стараясь максимально насладиться каждым, как часами уходящей жизни, точно ограниченной заданным количеством дней. Когда я откатался 20 кругов и отдавал мальчишке его велосипед, мне было грустно, но я верил, что когда-нибудь и у меня будет собственный.

Папа научил меня ездить на двухколёсном велосипеде, когда мне было лет шесть. Велосипед был чужой, дачный. Мы вышли на прямую асфальтированную пустынную дорогу. Папа посадил меня на велосипед и сказал, чтобы я крутил педали как можно быстрее, а он будет бежать рядом и держать велосипед за седло, чтобы я не упал. Папа действительно держал за седло, пока я усаживался и бежал рядом, когда я начал ехать. Я стал крутить педали изо всех сил и в какой-то момент заметил, что папы больше нет рядом, никто не поддерживает велосипед, а я сам несусь по дороге. Сначала меня охватило чувство обиды – папа меня обманул. Но в то же время я понял, что зато я сразу научился кататься на велосипеде и обида исчезла. Когда я наконец остановился и оглянулся назад, я увидел папу вдали, машущего мне рукой, я развернулся и уже сам доехал обратно.

Наконец родители накопили деньги, всегда пребывавшие в крохотном количестве, на покупку велосипеда *Орлёнок. Я* счастливый, так разогнался на нём во дворе, что не успел повернуть и на всей скорости врезался под прямым углом в стену. Мне удалось удержаться в седле, но зато рама прогнулась от удара и краска на ней стала шелушиться («Советское – значит отличное»).

Потом пошли гонки с мальчишками, катание с одной рукой на руле, потом вообще «без рук». А иногда удавалось уговорить девочку прокататься, усадив её на раму. Глядя, как они сидят на металлической трубе, которая впивается им в зад, я удивлялся, как же они соглашаются на такое неудобство и, быть может, даже боль. Но жажда общения с противоположным полом преодолевала и не такие препятствия.

В те времена я услышал велосипедный анекдот и долго недоумевал, в чём же «соль», пока через несколько лет я орлёнком не поимел ласточку. Однако до этого события я смеялся над анекдотом вместе со всеми, не желая признаться, что я чего-то не понимаю в ебле (а я был уверен, что «соль» именно в ней). Итак…

> Едет на велосипеде мужик. На улице стоит голая женщина и поднимает руку. Велосипедист

останавливается и женщина просит её подвести. Он ей говорит:

– Садись на раму, подвезу.

Она садится, и он её довозит до нужного места. Она соскакивает с велосипеда и спрашивает мужика:

– А вы не заметили, что я голая?

А он отвечает:

– А вы не заметили, что велосипед – женский?

Всякий раз, собираясь кататься на велосипеде, приходилось зажимать бельевой защипкой правую брючину или просто заворачивать её к колену, чтобы она не попала в цепь. Велосипедные цепи того времени были исключительно хищными и питались не только тканью брюк и юбок, но и даже плотью под тканью.

Однажды на даче мы с папой шли домой из магазина и увидели парня, лежащего на земле с велосипедом на нём. Нога парня была в крови, и разорванная штанина застряла между цепью и шестерёнкой. Велосипед спал насытившимся зверем. Папа наклонился и изо всех сил провернул педалью заклинившую цепную передачу и кусок окровавленной материи выпал из зубов шестерёнки. Мы помогли парню подняться и довели его до дома.

В нынешнем моём велосипеде таких хищных повадок не наблюдается и вообще я не видел, чтобы американский велосипед покушался на людей. Обыкновенно происходит наоборот.

Мне по-прежнему лет 12, у меня ещё нет велосипеда. Я играю во дворе с мальчишками и вижу, что мой дедушка вошёл во двор с авоськой (для юных объясняю, что так называли плетёные верёвочные сетки, в которых носили продукты). Дедушка ходил в магазин и вот возвращался домой. Он мне помахал рукой, я что-то крикнул ему в ответ. Он уже был почти у входа в нашу парадную, как, откуда ни возьмись, выскочила на велосипеде девица: из-за большой скорости она не смогла круто повернуть и врезалась в моего дедушку. Он упал, не выпуская из руки авоську. Девица с велосипедом тоже упала, но тут же поднялась. Я ринулся к дедушке, он уже поднимался сам, вроде ничего не сломал. Он вошёл в парадную, а я рассвирепевший, подошёл к девице у велосипеда, которая стояла напуганная случившимся, ей было лет 16, высокая, неуклюжая – и влепил ей пощёчину. Не знаю, как меня на это угораздило – видно насмотрелся в кино про сильных мужчин. Дома у меня никогда рукоприкладства не было.

Девица заплакала, села на велосипед и уехала. Мне стало её нестерпимо жалко. В этот момент рядом оказался знаменитый во дворе антисемит – ему было лет двадцать, длинный, тощий, но о

нём ходили слухи, что он избивал даже более сильных, чем он. Он сказал:

– Всех жидов так бы давить надо.

Я знал, что надо бы и ему врезать. Но понял, что физически с ним мне лучше не связываться и я лишь ответил:

– И русских не мешало б.

Мне до сих пор не понятно, почему он меня не избил, а повернулся и ушёл по своим делам.

Мне же потом было всякий раз ужасно стыдно, когда эта девица шла по двору. Она всегда отворачивала голову от меня. Я понимал, что она наехала на моего дедушку не нарочно, а, как говорится, не справилась с управлением. И мне было неприятно, что я ударил её, но подойти и извиниться у меня не нашлось сил да и догадливости. Но с другой стороны, я пытался себя оправдать свершённой местью за дедушку.

Единственно как бы я мог теперь свою совесть успокоить – это послать девице в подарок велосипед, в седле которого вделан мощный вибрирующий дилдо. Но скорее всего она давно уехала – ведь девочка еврейкой была. Да и девица старушкой стала и небось шурует у себя огромным дилдо причём без всякого женского велосипеда.

А я несусь на велосипеде с американским орлом мимо деревьев и усадеб и радуюсь, что я заехал так далеко на Запад.

О смехе над собой и над другими

В нашем классе были разнообразные хулиганы. Так Славка И. приносил иголку и если кто-то ему мешал, он, подойдя сзади, колол иглой в спину. Никто иглу не видел, но зато её чувствовали и этого Славку боялись. Были те, кто любил пристать и подраться. А вот Боря П. регулярно вылавливал гондон из Карповки, приносил в класс и надувал его в худосочный шар, тем самым смущая и возмущая учительниц и догадывающихся девочек. Мальчишки же от смеха падали под парты.

Я тоже считался хулиганом, но мои «хулиганские» поступки исходили не из жестокости и злобы, а из острейшего желания посмеяться. Причём цель была не вызвать смех у других (как это в детстве делали все комики), нет – я хотел прежде всего смеяться сам.

Женя М. был неуклюжий маленький крепыш, добрый и старательный. Он носил преогромного размера портфель, которым задевал землю. Именно этот портфель стал объектом моего непритязательного юмора. Женя сидел впереди меня и вешал портфель на крючок справа на парте. Во время урока я вытягивал ногу вперёд, поддавал портфель снизу вверх, он соскакивал с крючка и падал с грохотом на пол. Учительница резко оборачивалась на шум, Женя смущённо улыбался, оглядываясь на меня с укоризной, а я корчился от смеха. Не помню, смеялся ли со мной класс или нет. Наверно, да.

Самым смешным был для меня урок труда, где мы учились слесарному делу. Всякий раз я осуществлял вариации одной главной темы. Пока Женя увлечённо бил по зубилу, я брал толстый кусок стали, на котором я тоже должен был бить зубилом по невинному тонкому листу металла, и еле запихивал этот весомый кусок – куда бы вы думали? – конечно же, в портфель Жени. С того момента я трепетно поджидал конца урока. Женя подходил к стоящему на полу портфелю и взяв за ручку, пытался поднять, но его невозможно было даже сдвинуть с места. Женя под хохот мой и моих приятелей корил меня, снисходительно улыбаясь моей шутке, как взрослый ребёнку, с трудом вытаскивал из портфеля кусок стали. Защёлкнув портфель, он, размахивая им, уходил из мастерской. Чтобы избежать моих поползновений на портфель, Женя стал его прятать или закрывать на замок, и задача засунуть туда металлическую болванку усложнялась, но так или иначе решалась. Женя уже знал, подходя к портфелю, что там будет лежать что-нибудь неподъёмное.

Мне было жалко его, но желанье смеха было сильнее жалости. Вскоре я догадался, что и смех может оказаться жестоким и злым. Мне давно хотелось попросить у Жени прощенья, вот и прошу.

Другой смех окончился моими слезами. Когда мой сосед по парте Серёжа Н. поднялся отвечать на вопрос учительницы, я подставил под его зад остро наточенный карандаш. Ответив на вопрос, Серёжа сел, и грифель воткнулся ему в ягодицу. В первый момент мне было очень смешно, пока я не увидел на лице Серёжи гримасу боли и страха. О боли, подставляя карандаш, я совершенно не подумал. Я думал только о смехе. К счастью, грифель вошёл в мягкое место, а не в уплотнённое.

После этой шутки мой папа первый раз стеганул меня, положенного на кровать, ремнём по голому заду, который в данном случае был идеально соответствующим местом наказания.

А Серёжа на меня зла не держал и даже угостил несколькими выковыренными зёрнышками из граната, которого я до тех пор никогда не видывал. Так что и у Серёжи надобно прощения просить. Прошу.

Есть популярный способ поведения – «грешить и каяться», а я смеюсь и каюсь. Но много больше смеюсь, чем каюсь. Недаром есть и другая поговорка

И смех, и грех.

Наблюдение за чужим грехом вызывает смех, который сам в свою очередь становится грехом, ибо смех – замена действия по приобщению к греху или по искоренению его, – смех это его одобрение.

Если посмотреть на большинство ситуационных комедий (типа Чаплина), то смех у нас вызывают неудачи другого человека, будь они связаны с неуклюжестью, неожиданным падением, глупостью – то есть всем тем, что вызывает огорчение, а часто и горе у того, над кем мы смеёмся. Быть может, мы смеёмся именно потому, что видим в других то, что нам пока удавалось избежать («Умри сегодня, а я завтра» – «Смеюсь над тобой сегодня, а надо мной – завтра»). Ведь насмехаться, посмеяться можно над любым и осмеять можно всякого. Потому-то так ценна способность смеяться над собой, опережая смех над тобой других. Способность смеяться над собой является подобием иммунитета к той боли, которая возникает, когда кто-то посмеётся над тобой. Боль не то чтобы абсолютно проходит, но становится легче переносимой.

Так, смеясь над другими, я научился смеяться над собой.

Иначе, стал бы я писать в *Живом журнале*? И вообще.

БЮМС ТБ трль-та-та

«БЮМС ТБ трль-та-та.» Я придумал это выражение в четвёртом классе, и оно значило весьма много для нас, понимающих его смысл. Нас было четыре товарища, и первые буквы наших имён составляли первое слово: Боря, Юра, Миша, Серёжа. (Я не поставил себя на первое место не по скромности, а потому, что именно этот порядок букв давал наилучшее звучание.) Второе слово состояло из первых букв имени-фамилии девочки в нашем классе, к которой мы все единовременно воспылали любовью: Тани Б.

Мы, мальчики, понимали, что с девочкой надо что-то делать, а не говорить и не вздыхать, и действие это я обозначил через «трль-та-та». Мы не уточняли, что это за действие, но точно знали, что оно связано с нашими и её половыми органами.

Мы часто писали записки с этим кодовым предложением: «БЮМС ТБ трль-та-та» и бросали их Тане на парту. Мы даже не осознавали, что предлагаем ей gang bang.

Я думаю, что Таня быстро расшифровала наш код, но не подавала вида.

Однако основа наших притязаний состояла лишь в вечерних прогулках, которые нам казались чарующими и таинственными. «Девочка сердца» гуляла с двумя подружками по Кировскому проспекту. Наша четвёрка тоже собиралась в то же время в том же месте, и мы следовали за девочками на небольшом расстоянии, но не заговаривали с ними и к ним не приближались. Девочки оглядывались на нас и значительно хихикали. Эти гулянья по вечерним улицам, полным прохожих, были для нас чудом, но мы осознавали, что это ещё вовсе не «трль-та-та».

С тех пор через каждые несколько месяцев стихийно выбиралась одна девочка, в которую БЮМС вдруг влюблялись. То есть не было так, что один влюблён в одну, а другой – в другую, нет, появлялась звезда, которая притягивала к себе внимание всех. Но ненадолго – вскоре выбиралась другая девочка, и все мальчики в ней узнавали свою мечту.

Интересно то, что среди нас четверых не было никакой конкуренции или ревности. Мы одинаково далеко отстояли от Тани и от последовавших за ней девочек и одинаково не смели к ним приближаться ни вместе, ни поодиночке. Мы держались стаей, но не волков, а собачкоподобных волчат, и в этом была наша преданность идее.

Насколько нам Таня казалась тогда обворожительной и красивой, настолько же безразличной и даже непривлекательной

увиделась она нам, когда на следующий год мы влюбились в другую девочку, которая на то время стала для нас олицетворением женского рода. До седьмого класса происходила смена наместниц великой идеи женственности: вдруг одна девочка становилась самой прекрасной для большинства мальчиков.

Наш БЮМС распался после четвёртого класса: Юра и Серёжа перешли в другие школы. А Боря и я стали уделять значительное внимание своей внешности и, в частности, причёске: Боря мазал волосы бриолином, но потом перешёл на более дорогую скляночку масла под названием *Пальмоль*, на которую он и меня соблазнил с дешёвого бриолина, который продавался в маленьких жестяных круглых коробочках, как вазелин. Мы мазали волосы этим жиром и блестели. Надеясь, что блистали.

Потом была Тамара Г., затем девочка со странной фамилией Гаража, её я уже осмелился пригласить домой и поставить любимую пластинку – девочке песня не шибко понравилась (песня называлась *Тина Мари*). Но на большее я не осмелился. Теперь-то я понимаю, что девочки были бы готовы на всё и только ждали, что какой-то мальчик осмелится. Девочек от половой жизни предохраняет только боязливость мальчиков. Именно поэтому закон смотрит сквозь пальцы на мальчишек и превращается в льва, если к девочке подходит взрослый мужчина, знающий, как сделать «трль-та-та».

В седьмом классе я узнал, что и среди девочек были такие же групповые увлечения тем или иным мальчиком и что я был одним из них. Мне призналась в этом Наташа М., которая была в меня настолько влюблена, что ей прислышалось, будто у меня красивый певческий голос, хотя при моём отвратительном слухе я никогда не пел при свидетелях, разве что на уроке пения, где было не отвертеться. Наташа мне совершенно не нравилась и как я теперь понимаю – зря. Она давала мне понять, что хочет со мной побыть наедине, а к тому же у неё была большая грудь и не менее большой зад под тонкой талией. Теперь-то я воспринимаю это как вполне достаточные условия для «трль-та-та». Однако в отрочестве мои требования к самкам были романтически осложнены унылой неопытностью. Вот почему мне была так ненавистна отроческая невинность. Как было бы сказочно, если бы меня научила уму-разуму какая-нибудь училка, и тогда я бы стал достоин ожиданий созревших одноклассниц. Но такого счастья мне было не дано – до всего пришлось доходить самому методом тыка.

«Шипр»

Мой дедушка после бритья всегда «освежался» одеколоном *Шипр*. В то время это был единственный мужской одеколон. А если не единственный, то *Шипр* был наивысшего советского качества. Поэтому мой облик дедушки всегда связывался с этим запахом – в комнату входил дедушка и *Шипр*.

Напротив нашего дома на Кировском, 55 располагалась парикмахерская, в которой заведующим был курчавый еврей, смахивающий на Пушкина. Тогда только наступала пора электрических стригущих машинок и во всей парикмахерской только у него была одна. Сидя в очереди, я мечтал попасть к заведующему, под чудо техники.

Все остальные парикмахеры работали только щебечущими ножницами. Меня поражал низкий кпд их пальцевых движений – парикмахеры постоянно стригли ножницами воздух, не останавливаясь, и только одно из десяти стригущих движений состригало волосы. Таким способом они достигали простоты непрерывности движения, именно того, что происходило в электрической машинке, в которой ножи работали постоянно, но только при поднесении к волосам они работали «на пользу», срезая их. Парикмахерам оказывалось проще делать постоянные движения и под них подставлять волосы, чем делать разовые целенаправленные движения. Были у *них* и ручные стригущие машинки, которые стригли, когда парикмахер сжимал два рычага пальцами. Но они в сравнении с электрической смотрелись как самокат рядом с мотоциклом, то есть для мальчишки – позорно.

Так вот, пушкинообразный заведующий мухлевал с *Шипром*, а точнее разводил его водой, а потому я всегда отказывался, когда после стрижки он спрашивал меня: – «Освежить?»

Ведь дома у меня всегда был под рукой дедушкин пульверизатор с грушей, насаженный на бутыль с *Шипром*, который дедушка тайно покупал у заведующего за полцены.

Но я не пользовался одеколоном – это было постыдно для дворового мальчишки.

Любимая сцена сов. кино

С детства любил и с трепетом смотрел сцену в фильме *Ленин в 18 году.* Когда Фани Каплан стреляла в Ленина.

Фильм этот гоняли по телевизору чуть ли не каждую неделю. Всякий раз я смотрел, затаив дыхание, и надеялся, что на этот раз убьёт. Но всякий раз, он, живчик, выживал.

Приходилось ждать очередного показа фильма *Чапаев* – там красного полководца в конце фильма всё-таки достреливали.

Мои дяди

О мёртвых – либо хорошо, либо… смешно.

У одного моего дяди жена была гинеколог. Когда у них происходила очередная семейная ссора, он выбирал эту медицинскую специализацию, чтобы, как ему казалось, наиболее болезненно оскорбить жену. Он выкрикивал, пенясь: «Чего же от тебя ещё ожидать? – ты же постоянно имеешь дело с самой грязью!»

Я безошибочным детским чутьём устанавливал связь с пиздой, которую, в то время ещё не видел даже на картинке. Но несмотря на своё невежество, я недоумевал – почему пизда считается местом абсолютной грязи, тогда как она для меня так вожделенна и когда она не сходит с уст дворовых мальчишек, не говоря уже о взрослых пьяницах, заполнявших наш задний двор. Я не мог поверить в априорную грязь пизды. И правильно делал.

Я подозревал, что мой дядя не в своём уме. И здесь моя детская проницательность не подводила меня.

Мой другой дядя был безустанный ёбарь, не раз подхватывавший триппер, не долечивался, несмотря на то, что сам был врачом. Инфекция поднялась в почки, и в конце концов убила его. Я, зная о его женолюбии, которое тяготило его жену, поскольку к ней оно уже не относилось, показал ему мои первые чёрно-белые порнографические фотографии, переснятые с цветного шведского порнографического журнала под недвусмысленным названием *Dream*.

В отличие от меня, дрожавшего над ними, фотографии не произвели на дядю никакого впечатления. Быть может потому, что пизды были чёрно-белые, а он любил их многоцветными. Мне было 17 лет, и я бы бросился даже на бесцветную.

А дядя доверительно поведал мне, что он в свои 45 лет гораздо сильнее по мужским делам, чем когда был молодым, что, мол, научился не кончать сколько захочет. Меня это его искусство мало впечатлило, как его – мои порнофотографии.

Я ведь мечтал кончать как можно чаще и желательно – в пизду.

Уж не знаю, хорошо я написал о своих дядях или смешно.

Эффективность супротив разнообразия

Когда я только начинал приставать на улицах к девушкам, я оказался свидетелем многократного совершения этой процедуры своим старшим приятелем. Он использовал лишь одну фразу:

– Девушка, который час?

Когда девушка отвечала, он продолжал:

– А почему так мало?

Девушка удивлялась или даже прыскала от смеха и дальше разговор продолжался без труда.

Если же девушка не рассказывала, который час, мой знакомый говорил:

– Девушка, у вас часов нет, я вам их подарю. Золотые с брильянтами – можно?

Или:

– Девушка, у вас часы остановились? Давайте, я их подтолкну.

Как правило, разговор завязывался и продолжался до получения телефона – главной цели подобного предприятия.

Однако мне претило такое однообразие первой фразы – я, писавший стихи, взял на себя творческое обязательство: к каждой девушке подходить с новой начальной фразой. И действительно, я тешил своё тщеславие тем, что вымучивал из себя каждый раз что-то новое, но, увы, не всегда эффективное для быстрого заполучения телефона. Кроме того, я скоро почувствовал, что если знакомиться с девушками не раз в месяц, а каждый день и с несколькими, то становится изрядно утомительно придумывать подходы заново – в голове кружатся уже использованные и хорошо сработавшие фразы. Постепенно, раз за разом я стал малодушничать и повторяться. Чем больше я углублялся в освоение целинных и залежных женских земель, тем больше я ставил свою приятную работу на конвейер, используя три-четыре отработанных фразы. Получалось волшебство – говоришь одни и те же слова, а получаешь разные пизды – это ли не сказка? А с моим приятелем так вообще было совершенство – он говорил всего лишь одну фразу. И срабатывало, как «Сезам-сезам, раскройтесь ноги».

Суть поэзии

Самая высокая поэзия имеет самое практическое приложение в области добычи пизд. Я до этого дошёл с малых лет. Так, гуляя по садам и паркам и видя девушек, сидящих на скамейках, или прохаживаясь на пляже промеж девушек, кажущих своё тело, лёжа на подстилке, я подсаживался и говорил нечто вроде:

– Девушка, вы так красивы, что я хочу почитать вам стихи.

Не было случая, чтобы это предложение было отвергнуто. Во времена моей юности девушки были помешаны на стихах и поэтах.

Я присаживался и начинал читать свои вирши.

– Чьи это стихи? – всякий раз спрашивала девушка.

– Мои, – всякий раз скромно отвечал я.

Сочетание моей спортивной фигуры и поэзии, исходившей из неё, действовало на девушек должным неотразимым образом.

Так одну я пронял до скоро приключившегося обоюдного оргазма такими имажинистскими строками:

Пахнет прошлым мёртвый стог
свежескошенных надежд.

Других я брал реалистическими регалиями:

И нет у дней названий,
они бегут как встарь,
из встреч и расставаний
мой новый календарь.

Лет через двадцать стихи перестали действовать. Их заменили деньги. Девушки реагировали на них тем же поэтическим способом – разводя ноги.

Промка

В ЖЖ[82] появился фоторассказ о Доме Культуры Промкооперации в Питере. Я с 1953 по 1976 жил буквально в двух шагах от этого здания и ошивался с разных его сторон и внутри. Глядя на фотографии, я вспомнил кое-чего и помемуарю чуток на эту тему.

Первое воспоминание о Промке по рассказам родителей – они там смотрели Ив Монтана и *Порги и Бесс* – культурные свидетельства хрущёвского потепления. Я помню программки с непривычными образами негров, которые не повешены куклускскановцами, как утверждала советская пресса, а звездились на сцене, Ив Монтана с кадыком и песней *Се си бо*, которую мальчишки переименовали в «соси банан».

Зал Промки был чуть ли не самый большой в Питере в то время, и лучшие концерты проходили там. В Промку я ходил на новогодние представления, пахнущие мандаринами из бумажных подарочных мешочков, которые раздавали престарелые снегурочки и деды Морозы навеселе.

Зимой часто возникал усиленный мороз, а если температура доходила до минус 25, то школа отменялась. Затая дыхание, я слушал утром радио, моля диктора произнести волшебное число, которым становилось любое, начиная с двадцати пяти и больше. И вот в один из таких морозных дней с ярчайшим солнцем в непривычно голубом небе я вместо школы пошёл с мамой в Промку на выставку индийского искусства (или китайского – один хуй). Там меня поразило вездесущее для тамошней тогдашней культуры зерно, над которым громоздился микроскоп и, глядя в него, можно было прочесть выцарапанный на зерне дифирамб Сталину, перевод которого был услужливо помещён рядом на обрамлённой бумажке. Сколько элеваторов таких зёрен понаделало время…

При Промке завёлся кружок фигурного катания, куда меня родители с трудом записали, преодолев очередь. На заднем дворе здания залили каток и туда меня приводили становиться фигуристом (а я видел лишь фигуристую фигу). Я эту фигу и показывал сексуально-сонной тренерше, которая метлой чертила на припорошенном снегом льду восьмёрки, и нам, фигуристам-фигурантам, следовало кататься по восьмёрке, причём на одной ноге. Восьмёрка разнообразилась другой ненавистной фигурой – параграфом, который тоже нужно было выконьковывать, не вылезая за его пределы. Мне это было чрезвычайно скучно, я хотел хоккейные коньки, а не фигурные, и, чуть тренерша

уходила со льда пописать, я бросался прочь от фигур и носился по кругу с большой скоростью, воображая себя хоккеистом. Круг, впрочем, тоже был фигурой, единственной, которая мне нравилась в фигурном катании. Через несколько месяцев моя карьера фигуриста закончилась навсегда, причём, так и не начавшись.

В Промке я увидел один из последних концертов Утёсова, где он выступал со своей дочерью, как мне показалось, женщиной его возраста. Он пел песню *Московские окна*, которая щемила сердце непонятно почему. Теперь – понятно. И теперь тоже щемит.

Значительно позже, году в 1972, в Промке проходила выставка американского медицинского оборудования, народ валил валом с наплевательским отношением ко всякой медицине, но с буквально всепоглощающим интересом ко всему американскому, что можно получить задарма: каталоги, брошюры, авторучки, и всё, что хорошо или плохо лежало. По окончании выставки никакого привычного мусора, который остаётся в выставочных павильонах, не обнаружилось, ибо посетители разобрали и растащили всё, что можно было и что нельзя, так как мусор был американский, а значит – драгоценный. Я тоже на эту выставку выстоял в очереди. Но, как повелось, ничего о ней не помню.

В начале семидесятых в Промке проводили цикл лекций по зарубежному кино, на который я записался с надеждой посмотреть хотя бы кусочки из современных западных фильмов. Но никакого зарубежного кино не показывали, кроме Чарли Чаплина, а лишь подробно рассказывали, как загнивает кино на Западе.

В Промке я посмотрел десятки фильмов. Билеты на первые два и последний ряды стоили по 30 копеек. На остальные 40 и 50. Шиковать денег не было, и я предпочитал последний ряд, но далеко не всегда удавалось достать такие билеты – умников было много. Однако моё близкое соседство с Промкой давало мне преимущество – быстро оказаться у только что открытой кассы. Единственный фильм, увиденный там, который я чётко помню, – это *Рокко и его братья* с Аленом Делоном. Запомнил я этот фильм из-за сцены изнасилования и мокрого пальто на спине женщины, когда она поднялась и пошла после завершения процесса. Мне тогда набежало лет 14, и я плохо разбирался, что и как может произойти в такой борьбе между одетыми мужчиной и женщиной да ещё в грязи на земле. Но в кино всё можно. Ан – оказалось, что нельзя: через два дня после начала показа в Промке фильм сняли с проката и больше его нигде не показывали.

Один из двух архитекторов Промки, Левинсон, жил в доме,

им построенном, в котором жил и я, на Кировском проспекте, 55. Теперь, говорят, там мемориальная доска весит, а в моё время я видел его живого, невысокого роста, с седыми патлами, вылезавшими из-под берета, как я теперь понимаю, несколько похожего на Эйнштейна. Я, играя во дворе, часто замечал его выходящим из парадного, а также его жену с немолодым, но гладким лицом, с седыми длинными волосами, забранными на затылок, с застывшей полуулыбкой на тонких губах с яркой помадой, элегантно одетую и отстранённо идущую к большим входным стальным узорным воротам. Дом наш резко отличался угловатым и лаконичным конструктивизмом от соседних помпезных и дореволюционно добротных домов, построенных архитектором Щукиным, о чём сообщали многочисленные мемориальные доски (Щукинскую родственницу я как-то поимел в нашем доме Левинсона – о символике этого события я предоставляю размышлять читателям). Ходили слухи, что в верхах были так недовольны проектом дома по Кировскому, 55, что Левинсона в наказание поселили в его же дом и запретили из него выезжать. Правда ли это, не знаю, но он там жил до своей смерти в 1968 году.

Нашей же семье проект дома Левинсона очень нравился, у нас была трёхкомнатная отдельная квартира, причём в ней не было смежных комнат, а все имели отдельный вход из прихожей, и после смерти моих дедушки и бабушки, с которыми я жил в одной комнате, я стал владельцем своей собственной комнаты, куда родители позволили мне с восемнадцати лет водить девушек, женщин и прочих существ женского рода. А сооруди Левинсон квартиру из смежных комнат, вся моя юношеская половая жизнь могла пойти по опасному руслу, как у Рокко с бабой, у которой образовалась мокрая спина. А так я следовал законам природы, и влажность у приводимых мною женщин образовывалась только в должном месте.

Но возвращаюсь к Промке. Там проводил ЛИТО Сергей Давыдов – ему я пожизненно благодарен за идею взять псевдоним, он мне доверительно сказал, что с фамилией Пельцман меня никто печатать не будет. Раз в неделю я исправно являлся в Промку и слушал стихи, читал сам и мечтал о славе. Это было одно из многих ЛИТО, куда я тогда ходил. Оно обладало одним неоспоримым преимуществом перед остальными – мне не надо было никуда ездить, а лишь пройти два квартала и ты – весь в поэзии. К Давыдову являлся длинный мужчина, который читал длинные стихи, специфика которых состояла в том, что на всех словах было проставлено неправильное ударение, причём нарочно. На слух эти стихи понять было

невозможно, но читая их, я весьма дивился клинической последовательности этого поэта в искажении слов.

Был в Промке и танцевальный зал, куда я время от времени направлялся охотиться за самками. (Сначала я ходил на ёлочные представления, а, повзрослев – на палочные.) Девочку с танцев можно было вести прямо домой, играючи и гуляя – дом-то рядом.

На первом этаже Промки находился танцевальный зал, а на втором – оранжерея, в которой, помимо фикусов и цветов, стояли кресла для простых смертных – экзотика для того времени весьма редкая.

Мне было почти 18, я решил, проходя мимо Промки, зайти в оранжерею, посмотреть, не окажется ли там какая-нибудь хорошенькая девица. Обыкновенно оранжерея пустовала – народ пугался экзотики. А тут на моё счастье там сидела очаровательная миниатюрная блондинка и смотрела отсутствующим взором в учебник математики. Ей оказалось 22 года и училась она на кого-то, кому для свершения трудовых успехов требовались алгебраические уравнения. Я взялся её учить. Занятия проходили в столовой квартиры неподалёку, где она снимала угол. Там жила старая пара: хозяйка хоронилась на кухне, а хозяин, слепой мужик с огромной чёрной окладистой бородой – до тех пор я видел таких типов только в кино, – сидел во главе стола и смотрел на нас невидящими глазами. А мы под предлогом математики занимались практической сексологией. Мне постоянно казалось, что слепой старик притворяется и всё видит, но лицо его оставалось таким безэмоциональным, что видь он нас, у него бы точно потекли слюнки. Всё-таки мы скоро перебрались в более укромное место, к Промке отношения не имеющее, а потому о нём будет когда-нибудь сказано отдельно.

Помню серые короткие колонны Промки на стороне Кировского. Именно у них я повстречался со своей первой большой любовью, Л., после очередного с нею разрыва. Мы шли навстречу друг к другу, встретились глазами и прошли мимо, как чужие. Именно эта видимая простота – пройти мимо друг друга, вместо того, чтобы броситься в объятья, а именно этого мне хотелось, как и Л. (она позже, при очередном сближении, призналась мне в этом), – эта сложнейшая простота вдруг возникшей чужести людей, которые совсем недавно были так близки и влюблены, ужасная простота эта так глубоко резанула мне сердце, что потом отозвалась множеством стихов. И свидетелем тому была убогая колоннада Промки.

И последняя, самая радостная встреча-прощание уже с самой Промкой 17 ноября 1976 года – дождливым утром я ехал на такси в аэропорт, улетать в Вену, чтоб потом переехать в Италию, а

затем, наконец, в Америку. Я смотрел в окошко на серое здание, серых людей, идущих мимо него серым утром, и я твёрдо знал, что больше я в Промку уже никогда не войду и даже не пройду мимо.

И вот смотрю я на знакомые изображения Промки и радуюсь: до чего же хорошо, что она – там, а я – здесь.

«Дом на набережной» Карповки

ЖЖ продолжает идти по пятам моего детства: сначала Промка, а теперь появился фоторассказ про другой дом Левинсона – жилой дом Ленсовета.

Напротив этого дома стояла моя школа, в которой я учился с первого по седьмой класс в 1954–1961 годах – средняя школа № 70. В нашем классе училась Ира Д., семья которой жила в этом доме. Шёпотом говорили, что её папа какой-то большой деятель. Ира была тощая, длинная, дёрганая, больше похожая на мальчишку. У неё был длинный острый нос, тонкие губы и мощный запас энергетических ресурсов. Она в основном общалась с мальчиками, дёргалась, а точнее дрыгалась, оправдывая свою фамилию. Ира ходила на урок труда с мальчиками, а не с девочками, которые занимались другим видом труда, вроде вышивания. Разделение труда по половому признаку считалось тогда нормальным. Ира же разделение это легко преодолевала.

Однажды она пригласила меня к себе домой. Помню ощущение от громады здания и от необычности его архитектуры, будто я пришёл во дворец будущего, что-то подавляло и возвышало одновременно, и вследствие этого ничего заметного не происходило. Однако на душе было неспокойно. Ириной квартиры не помню, но зато запомнил, что она показывала мне, как умеет выпиливать лобзиком. Меня поразило, что девочка может интересоваться таким мальчишеским делом. Я в то время тоже лобзиком крошил фанеру и даже кое-как выпилил узорчатую полочку. Но Ира систематически давала понять, что она любит мальчишеские дела.

Однажды я и несколько моих приятелей прибежали во двор этого дома, чтобы там поиграть-побегать. Уж слишком грандиозен был этот двор по сравнению с другими дворами. Но игры не получилось – архитектура не давала расслабиться, и мы убежали играть во двор другого дома, обыкновенный обшарпанный колодец – там игралось веселее.

Мать Иры, высокая, грудастая и задастая, но не толстая часто приходила в школу, а вид у неё был властный и отстранённый – она то ли была членом родительского комитета, то ли просто являлась проведать дочек – у Иры была сестра, которая училась в другом классе и, разумеется, жила в том же доме, но я её, тоже мальчикообразную, почти не помню.

Вторая встреча с этим домом произошла через мою сестру, что на девять лет младше. Она училась в одном классе с Олей Т. – родственницей знаменитого писателя. Оля, рыхлая, полная и

внешне инертная, жила в этом доме, о котором идёт речь. Однажды она пришла к моей сестре и принесла с собой альбом *Битлз Sergeant Peppers Lonely Hearts Club Band.* Был 1967 год. Я с отроческих лет с ума сходил по популярной музыке и бегал по друзьям со своим магнитофоном, переписывая вторичные и третичные записи с кассеты на кассету. Писать с настоящего альбома да ещё совершенно нового было великим счастьем, а тут ещё такой сногсшибательный альбом. Я робко попросил у Оли разрешения переписать, и она к моему восторгу согласилась. Я бросился её благодарить, а она смотрела на меня, девочка лет 11–12, с ироническим удивлением – для неё, жившей в мире высшего советского общества, альбомы популярных западных групп шли косяком.

Недавно мне стало известно, что Оля Т. покончила жизнь самоубийством. Вот вам и «Дом на набережной» Карповки. Правильно, что мальчишки держались от него подальше.

Ещё один дом

babs71 раскопал ещё один дом, который стоит в моём детстве. Пройти мимо него я раньше не мог, а теперь и подавно.

С первого по седьмой класс мимо дома Савиной я ходил каждый день в школу и обратно, взглядывая на мемориальную доску и дивясь необычности архитектуры этого дома. Он всегда страшил, как тёмный замок, и фамилия «Савина» звучала мистически.

В этом доме жил мальчик из нашего класса Миша С. Это был необычный мальчик, как и дом, в котором он жил, – до класса третьего он в основном играл только с девочками и даже ходил с ними в женский туалет. Миша услужливо смеялся и вёл себя подобострастно, в том числе и со мной.

В то время я собирал монеты, нумизматничал то бишь. Особо ими не увлекался, а так – держал добытые монеты в жестяной коробке из под конфет, время от времени их разглядывая.

Как-то я рассказал Мише, что собираю монеты, и он предложил подарить мне свои старинные монеты, которые он, оказывается, тоже собирал. После школы мы пошли в дом Савиной – меня поразили там огромные просторные лестницы. В квартиру он меня не пригласил, а вынес на лестничную площадку монеты тоже в жестяной коробке. Я бросился, бренча ими, домой и, рассыпав на столе, восторженно стал их разглядывать.

А на следующий день Мишин отец пришёл в школу разгневанный. Оказывается Миша взял коллекцию отца и подарил мне. Так что пришлось мне эту драгоценность возвратить. Больше Миша никаких услуг не пытался мне оказывать, и вскоре перестал ходить в женский туалет, но продолжал жить в доме Савиной.

Дом сожалений

Архитектурное путешествие по моему прошлому продолжается без всяких усилий с моей стороны – babs71 выложил очередной фоторассказ про дома, соседствовавшие с моим, а значит наделённые исторической значимостью.

Все мужчины, вспоминая прошлое, имеют разной длины перечень женщин, которых они могли поиметь, но в силу различных обстоятельств не поимели. Каждая женщина из этого списка подобна занозе, и никакие длиннющие списки последовавших любовниц не в состоянии справится с пусть малой, но противной болью, которую вызывают воспоминания об этих неиспользованных возможностях, то есть телах.

Одной из моих самых ранних подобных заноз была Тамара Ст. Она жила в одном из описываемых домов и дело было (вернее дела не было) в шестом или седьмом классе. После седьмого я ушёл в школу рабочей молодёжи, так что время – плюс-минус год – но хотелось бы, чтобы минус, тогда можно было бы сделать скидку за это позорище из-за меньшего возраста. Таким образом, мне было (лучше) 13 или (хуже) 14 лет.

В одном из этих домов (не помню в каком) жила Тамара Ст. Ей было столько же лет, но она уже стала полностью сформировавшейся женщиной, единственной такой в нашем классе. Высокая, чуть выше меня, хотя я тогда в классе был одним из самых высоких ребят, с большой грудью, дыбящейся сквозь форменное коричневое платье, с крутыми бёдрами и очаровательным задом, со стройными крепкими длинными ногами. Лицо томно-ленивое говорило: отвяжитесь от меня, я созрела и должна заниматься более серьёзными вещами, а не какой-то там геометрией.

Именно помогать ей в геометрии назначила меня учительница.

Тамарин рот с полными губами и белыми зубами привлекал мой взгляд, тем более что из него раздавался низкий с хрипотцой голос бывалой женщины. Хотя вполне возможно, она была ещё девственницей. Этот голос дивил, манил и настораживал. Тамара мне нравилась, но в то же время я сторонился её – уж слишком она была взрослой женщиной, а я тогда плохо представлял, что можно с ней сделать. Слово «пизда» я прекрасно знал и произносил, но живьём ещё не видел и туманно фантазировал, как к ней подступиться.

Мы договорились, что я приду к Тамаре после школы объяснять геометрические теоремы. Не помню, была ли это

отдельная квартира или комната, но её родителей не было и Тамара поджидала меня одна. Мы сели за стол, я вытащил учебник и тетради и пытался что-то Тамаре твердить. Она снисходительно смотрела на меня, посмеиваясь, а я с важным видом долдонил что-то геометрическое. Тамара совершенно не воспринимала геометрию, а то что она восприняла бы, я не осмелился ей предложить. Думаю, она бы оказалась учительницей лучше, чем я и в значительно более интересном предмете.

Это было наше единственное занятие, после которого, как мне казалось, она ещё более иронически смотрела на меня в школе и посмеивалась, называя меня по фамилии.

Не знаю, все ли мужчины, вспоминая своё прошлое, мечтают вернуться в него, отроками и юношами, но со знаниями и опытом сегодняшнего зрелого самца, чтобы брать голыми руками голые тела девушек, которые были готовы для проникновения, но для которых ты тогда оказался ещё не готов. Не знаю, все ли мужчины мечтают об этом, но я мечтаю. Причём эти мечты вовсе не беспочвенны – наука вот-вот научится рулить временем в разных направлениях. И тогда я не усомнюсь, как этим открытием воспользоваться.

Тамара, ты будешь первой. Но клянусь – очень счастливой.

Мой дом – дом, который построил Левинсон

Левинсоновское кольцо вокруг меня, былого, сужалось: сначала Промка, потом Дом на Карповке, а теперь – в яблочко: мой дом на Кировском пр., 55, в квартире № 10 которого я жил с 1953 по 1976 год. До сих пор помню изначальный телефон: 33-01-50. Все его запоминали легко, включая девушек по моей образной системе: две тройки, пожарная команда и полсотни. А когда этот телефон предательски изменили на телефонной станции, я написал трагическое стихотворение:

Прощай мой номер телефонный,
ты изменил, ты изменён.
А я, в тебя ещё влюблённый,
твоими цифрами пленён.

Я их забыть не в состояньи,
хоть и прошёл тот интервал,
когда любое расстоянье,
набрав их, преодолевал.

Я помню, стоило поведать
тех цифр магический черёд
возлюбленной, чтоб вмиг победу
одерживал над нею чёрт:

из трубки голос в жёны метил,
пока другой не выселял,
который тоже цифры эти
воспринимал как векселя.

И непривычный вид цифири
теперь играет ту же роль,
как в старой явочной квартире
переменившийся пароль.

Так имя всё ещё любимой
воспоминанья осенит,
когда его неотвратимо
уж имя новое теснит.

А имя новое не лучше,
лишь непривычнее оно,
его звучанье – новый ключик
от чувств испытанных давно.

Бороться с именем излишне,
когда оно в ушах звенит.
Так новым цифрам подчинившись,
исправно телефон звонит.

Но начну издалека, чтобы рассказать, каким образом я поселился в этом левинсоновом доме.

Родился я на Сенной пл., 13 (родильный дом находился на первом этаже) и до лет пяти жил в нём с родителями, с дедушкой и бабушкой по маме.

Помню свой первый оргазм, то есть, быть может, и не первый, но тот, что запомнил первым. Мне было года три. Я лежал утром в кровати, играл с хуйком и слышал как гремят прицепы грузовиков, едущих по булыжной мостовой Демидова переулка. На момент оргазма я перестал слышать уличный грохот. И вообще всё исчезло, кроме наслаждения. Понравилось, полюбил на всю остававшуюся жизнь. Вот уж кому мы никогда не изменяем – так это оргазму, а если посмеем изменить, то он взрывается в нас страшной бомбой безумия.

Дедушка мой при НЭПе владел целым четвёртым этажом этого дома на Сенной – квартира 71. Потом началось уплотнение и этаж с огромным коридором заселили пролетариатом. В итоге нам осталось три смежные комнаты в одном из концов коридора. А в другом конце располагалась кухня. Отходить от своей кастрюли соседи боялись, так как бывали случаи мести одного соседа другому с помощью подливания мочи в пустые питательные супы из подручных гнилых овощей.

Соседка Никитина считалась врагом. Но когда я заглядывал в случайно приоткрывшуюся дверь её комнаты, я видел посередине стол, а на белой скатерти всегда стояла вазочка, в которой парил раскрашенный в разные цвета ковыль. Я тогда не знал, что это ковыль – я просто видел нечто, представлявшееся чрезвычайно красивым.

Другая соседка, Полина Абрамовна, являлась знахаркой (или целительницей?), и все болезни лечила мочой. К ней приходило множество клиентов. Когда они ей слишком докучали, она неслышно подкрадывалась к двери, в которую звонил очередной мочевой пациент, и зычно объявляла: «Меня дома нет – я уехала».

Ошарашенный и намочивший штаны пациент уходил.

Быть может это она, Полина Абрамовна, специализировалась на кухонной мочевой мести. Но никто её на месте преступления так и не словил. А словили другую соседку, на которую мой папа хотел подать в суд и взывал к другим соседям, чтобы объединиться в поисках справедливости. Но соседка эта была со связями и даже те, кому она подлила мочу, отказались подавать на неё в суд. Это я, разумеется, знаю по рассказам родителей.

Помню, как папа соорудил для меня железную дорогу, сам сделал поезд и рельсы с нуля, а потом над ёлкой повесил надпись «С Новым годом!», в которой буквы зажигались одна за другой, затем затухали и снова начинали оживать, стоя в очереди за общим смыслом праздничной фразы. Так что детство у меня было из рук вон счастливое.

Соседи нас донимали своим соседством, но получить отдельную квартиру тогда было невозможно, разве что выменять. Родители и дедушка с бабушкой решили сделать «ход конём» – разменять большие три комнаты и разъехаться. Так дедушка и бабушка оказались в коммунальной квартире на ул. Ленина на Петроградской стороне, а родители и я переехали в две комнаты в коммунальной квартире на Фонтанке. Второй ход конём состоял из съезжания в отдельную квартиру путём опять-таки обмена. Папа и дедушка нашли семью, которая жила на Кировском, 55 и жаждала разбежаться друг от друга в разные стороны по причине взаимной ненависти. Итого, все оказались счастливы: нам досталась отдельная квартира, а тем людям – свобода друг от друга, но зато обильные соседи.

После долгого житья в коммуналке жизнь в отдельной квартире на Кировском, 55 была великим счастьем. Я запомнил даже метраж наших трёх изолированных комнат: 16 метров родительская спальня, а потом и моей сестры, 18 метров спальня дедушки и бабушки, которая была и моей спальней, и гостиная 22 метра. Ну и разумеется кухня, и раздельные туалет и ванная с душем. Папе как изобретателю полагался дополнительный метраж и потому государство нас не теснило.

Внутри дома был большой двор с неработающим лепным фонтаном, горкой для детей, песочницей и одним большим деревом посередине. Там и проходила моя гульба до лет двенадцати, после чего пределы двора стали для меня тесны.

Двор полнился мальчишками и девчонками. Мальчишки носились, играли в пристенок, в казаки-разбойники, а девчонки чертили классики и прыгали, а также крутили изо всех сил скакалки. Когда я впервые увидел тренировку боксёров со скакалками, я был поражён, как же этот символ мужественности

пользуется такой девчоночной вещью.

Во дворе среди прочих болтался мальчишка по кличке Боря Глист. Глистом его звали потому что он был тонкий как… ну глист, конечно. Как-то летом мы играли поодаль от девчонок, которые прыгали в классики. Разумеется, у всех у них были короткие юбочки или платьица. На то время мне и Боре набежало лет по десять, не больше. Боря предложил:

– Хочешь я вот той под юбку рукой залезу?

Ну как я мог отказаться? Разумеется, я одобрил интригующее намерение Бори Глиста.

Он подбежал сзади к девочке, которая, нагнувшись, чертила на асфальте мелом, засунул ей руку под юбку, сразу вытащил и убежал ко мне. Девочка удивлённо распрямилась, но Борьки уже и след простыл. Он стоял рядом со мной, и я смотрел на него, как на героя. Девочка приняла это поползновение за знак внимания (что абсолютно верно) и продолжала прыгать со своими подружками.

Боря же вошёл в раж и с моего непреходящего согласия таким же способом отметился под юбками ещё двух девочек. Девочки реагировали на это спокойно, не кричали, не плакали, не убегали в другое место, не жаловались старшим. Бросали ему вслед «дурак» (что опять-таки абсолютно верно), и продолжали заниматься своим делом.

Я тогда не представлял, что там под юбками могла найти рука Борьки, но предчувствовал, что именно там и находится самое главное. У меня самого на подобное не хватало ни смелости, ни глупости. Тем не менее, я знал, что дело это – правое, и направляя Борькину руку в очередную подъюбочность, я ощущал свою причастность к чуду.

Дворовая игра в пристенок в фантики была одной из самых увлекательных. Прежде всего фантики делились на «лапти», то есть сделанные из обёрток дешёвых конфет, карамелек и на настоящие. Бумага у «лаптей» была тонкая и полупрозрачная. Настоящие фантики, вызывавшие вожделение и желание обладания, были фантики из обёрток дорогих шоколадных конфет, которые покупались редко, во всяком случае в семьях мальчишек, с которыми я играл, и у нас в семье шоколадные конфеты покупали тоже нечасто, а больше *Кавказские*, из дешёвого шоколада, которые продавались без обёрток, навалом. Предо мной ясно стоят светлые образы фантиков из плотной многоцветной обёртки *Мишки на Севере* (после моего отъезда, один из моих друзей писал, что решили в честь меня выпустить конфету «Мишка на Западе»), *Мишки косолапого, Белочки, Каракум.* Единственная плотная обёртка карамели, из которой

получались настоящие фантики была *Раковая шейка.* Фантики из этой обёртки шли наравне с «шоколадными».

Важным делом для успешной игры в пристенок было найти нужную шайбу, которой ударяли о кирпич в стене. Кирпичи вылезали из под осыпающейся штукатурки на стене другого дома, которая делала наш двор закрытым со всех сторон. В земле у стены выкапывались лунки, куда складывались фантики проигрывающих, и если при ударе шайбы о кирпич шайба отскакивала и попадала в лунку, то все собравшиеся там фантики становились твоими и нежно шевелились при ходьбе в карманах брюк. Приятно было засунуть руку в карман и окунуть пальцы в богатство кучки фантиков.

Во дворе жили три брата Г., дружные представители русского антисемитства. На первом этаже на нашей лестнице жила еврейская семья Х., в которой были дочь и сын. Сын Гарик был на год-два старше меня, но мы часто играли вместе. Вот мы и собрались как-то вечером во дворе и младший Г. понёс на евреев. Что мол, тот злодей – еврей и этот злодей – еврей. А Гарик выступил с ответным обвинением русских. Я был в классе четвёртом, а он – в шестом и уже проходил историю Гражданской войны. Вот он и стал сыпать фамилиями белых генералов, которые были воплощением зла в социалистическом государстве:

– Краснов – русский, Врангель – русский, – торжественно перечислял Гарик, – Юденич – русский, Колчак – русский. Я стоял, поражённый эрудицией Гарика и видел, как Г. потерял дар речи и на этом диспут о том, кто хуже, евреи или русские, приостановился. Но не закончился.

На заднем дворе, которые теперь уже застроен домами, была «страна гаражей», которую я описывал так:

На заднем дворе – приют ворожей,
там лечат машины и моют,
его я назвал бы тюрьмою
с технической кутерьмою,
со множеством гаражей.

Там все вечера и воскресные дни
расходуются на корпенье
над бурным моторным кипеньем
над заднепроходным коптеньем —
нет ближе машины родни.

И там проживал добродушный алкаш,
шатались в гараж его гости,

и пил он под именем Костя,
теперь он уже на погосте,
и продан кому-то гараж.

Он так и не кончил извечный ремонт
своей таратайки унылой,
ведь все свои трезвые силы
он тратил на поиски милой,
пьянящей его через рот.

Душа – это двигатель внутреннего
сгоранья. Но он не на спирте.
Вы, горькие пьяницы, спите
спокойно – поэты-спириты
не бросят во сне одного.

В наш гараж, где тогда стояла старая коричневая «Победа», я тайно водил девушек, пока не получил разрешения приводить их домой. Папа сделал откидывающееся назад передние сидения, чтобы при наших поездках в другие города можно было бы спать в машине. Но так как заднее сиденье не было рассчитано для такого комфорта, передняя спинка частично ложилась на заднее сиденье и возвышалась над ним, делая всё заднее сиденье негодным для лежанья. Так что легко себе представить, как неудобно было располагаться на заднем сидении для отправления половых функций. Но на пути к сему отправлению в России повсюду громоздились препятствия и пострашнее. А тут всё-таки гараж, машина, уединение…

У нас была домработница Неля С. Она приехала в Ленинград из белорусской деревни и когда она стала у нас работать и жить, ей было 17. По пятницам и субботам она ходила на танцы в Дом Офицеров, и я помню её, готовящуюся к ловле мужа, стоящую у зеркала в коридоре, мажущую губы густой каплей румян из маленькой бутылочки. Это было лучше помады, так как губы от румян сверкали, как сейчас сверкают от lip gloss. Губы у Нели были полные, сочные, особенно когда блестели, и меня, десятилетнего, это если не возбуждало, то восторгало. Мне не нравился её нос с невырезанными ноздрями, с пришлёпнутыми, как лепёшками, крыльями носа. Но несмотря на это она была миловидной и доброй. Мы с ней на кухне ели завтрак наперегонки.

Если не вожделение, то любопытство к её телу я испытывал постоянно. Был период, когда Неля и я спали в столовой. Она на

раскладушке, а я на диване. Как-то ночью я проснулся и пошёл пописать. Возвращаясь, я посмотрел на спящую на боку Нелю, и мне захотелось её потрогать. Я опустился на колени перед раскладушкой и медленно и осторожно просунул руку под одеяло. Рука окунулась в жар, издаваемый молодым женским телом. Моя рука сразу оказалась на её бёдрах. Но на бёдрах были трико из толстой байки. Из-за отсутствия голой плоти я потерял к бёдрам интерес и двинулся выше. Но выше оказалась комбинация, а под ней – лифчик. Тело было недоступно даже во сне. Неля не почувствовала моих прикосновений и продолжала похрапывать. (Мой дядя привязывал к ноге своей домработницы верёвку и дёргал за неё, когда та начинала храпеть – он с женой и домработница спали в одной комнате.)

Больше я к Неле не приставал, но всё более вожделел. К сожалению, она вышла замуж и ушла от нас задолго до того, как я приобрёл элементарные навыки обращения с женщиной.

В прихожей нашей квартиры стояло большое зеркало в золочёной деревянной резной раме. Это было то немногое, что осталось от большой нэповской квартиры в целый этаж, которой владел мой дедушка. Это зеркало было урезано по высоте, чтобы поместиться под заниженные потолки левинсоновского дома, ибо изначально оно стояло в каком-то дворце с высочайшими потолками. Однажды папа решил что-то просверлить в золочёной раме для укрепления зеркала. Требовалось просверлить по одному отверстию слева и справа. Папа взял ручную дрель, вставил сверло, разметил отверстия и начал с левого. Сверло упёрлось во что-то твёрдое, папа нажал посильнее и из дырки в дереве, в которой вертелось сверло, посыпалась жёлтая металлическая пыль. Папа посмотрел на меня с удивлением и решил просверлить ещё одну дырку, чтобы проверить, что это за металл под слоем дерева. Но чтобы не делать бесполезную дырку он переместился направо и стал сверлить вторую из двух дырок, которую надо было так или иначе просверлить. Всё повторилось: после лёгкого вхождения сверла в дерево оно упёрлось во что-то твёрдое и при сильном нажатии на дрель из дырки посыпалась жёлтая металлическая пыль. «Золото», – подумал я и это слово произнёс вслух папа, и глаза у нас загорелись. Папа и я стали аккуратно отделять раму от толстого стекла. Увы, теория вероятности или, иными словами, Провидение посмеялось над нами, предрекая, что богатыми нам не стать никогда (уж во всяком случае – в СССР). Оказалось, что по нечистой случайности папа разметил две дырки, точно под которыми находились две головки бронзовых шурупов, державших углы деревянной позолоченной рамы.

У ворот нашего дома летом ставили бочку с квасом, к которой выстраивалась очередь. В квартале на улице Чапыгина имелась гостиница *Дружба.* В силу этого мимо нашего дома часто ходили иностранцы, что жили в этой гостинице. Некоторые, заинтересовавшиеся экзотическим напитком, вставали в очередь и, получив за три копейки маленькую, (на большую за шесть копеек у них духу не хватало) они подносили осторожно кружку к губам, пригубливали и с вежливой улыбкой, чтобы скрыть отвращение, выливали кружку на асфальт под иронический смех очереди. (С таким же отвращением я впервые попробовал в Штатах *Root Beer*, которое, как мне показалось, пахло жжёной резиной. Но теперь я пью его с большим удовольствием.)

Лет с шестнадцати я стал пропадать из дома в охотах за девушками. Родители, особенно мама, ужасно волновались, когда я поздно приходил домой. А когда мне стукнуло 18, я на правах совершеннолетнего несколько раз оставался на ночь уже не помню у кого. Тогда мои мудрые родители решили совершить подвиг: они разрешили мне приводить женщин в мою комнату, где я запирался с очередной самочкой и включал музыку погромче, чтобы заглушать её стоны. Таким образом я сразу превратился в «домашнего ребёнка» – никуда носиться в поисках «хаты» (так звалась жилая площадь, куда можно было приводить женщин) больше не требовалось.

Одна стена в моей комнате была заставлена под потолок «стенкой» с книгами. Слева – большой квадратный диван, и у окна стоял роскошный из полированного дерева письменный стол, впереди которого тоже были стеклянные книжные полки для маленьких ростом книжек. Рядом со столом стояла узкая книжная полка, которая была на распорках, упираясь в потолок и в пол, а с другой стороны на комоде, в котором лежало постельное бельё, красовалась гэдээровская электрическая пишущая машинка – это пейзаж последних лет перед отъездом, потому как раньше ландшафт украшала пишущая машинка *Москва.*

Девушки впечатлялись книгами, коньяком, моей напористостью, и любовь крутилась, как белка в колесе. В Штатах я поразился девушкам и парням, что запросто приводят домой своих boyfriends and girlfrieds и усаживают их за семейный стол прежде, чем уйти в свою комнату ебаться. Я же вёл себя так, будто у меня было рыльце в пушку (оно и было в лобковых волосах). Я и не помышлял знакомить девиц со своими родителями. Я считал, что знакомить буду только невесту. Поэтому, когда приходила очередная самочка, родители уходили в другие комнаты и девица проходила в мою, будто в квартире

родителей и не было. А когда ей требовалось подмыться или пописать, я выходил из комнаты, убеждался, что родителей нет на горизонте и тогда провожал девицу в нужное место общественного пользования, ибо ванная была в одном конце квартиры, а туалет в другом.

Только одна женщина В. нарушила эту традицию. Она была на десять лет старше меня, а мне тогда было 22. В. приходила ко мне с работы и сразу отправлялась в ванную. Как-то раз мама была на кухне и женщина эта самовольно пошла на кухню и заговорила с мамой вместо того, чтобы пойти сразу в мою комнату. Мама моя, разумеется, поддержала разговор и с тех пор В. каждый раз, когда приходила ко мне, общалась с мамой, если она была дома. Меня это с одной стороны радовало непринуждённым и естественным общением, (в США я быстро обамериканился, когда я жил с родителями в одном доме и в моём распоряжении была уже не одна комната, а целый этаж). Но с другой стороны, там и тогда мне представлялось, что преступается некая черта, которую простая любовница преступать не должна. Через некоторое время я расстался с этой «нахалкой» В., которая была милой, любящей и доброй женщиной, и что немаловажно – красивой. А надо было не расставаться. Ни с одной не расставаться.

Последний раз я посмотрел на мой серый дом 17 ноября 1976 года, когда садился в такси, чтобы ехать в аэропорт, где ждал самолёт в новую жизнь Нового света. Я поднял глаза на два наших окна на пятом этаже, смотрящие на Кировский, и понял, что я уже никогда из них не буду смотреть ни вниз, на толпу и машины под моросящим дождём, ни вперёд, на стоящий напротив дом, где была парикмахерская и обувная мастерская, ни в небо, где солнце пряталось за тучи ото всей этой жути.

Не доставшаяся мне красавица

Галя М. жила двумя парадными от меня. Старше года на два и выше меня на голову, стройная, с большой грудью и качающимися бёдрами, полный яркий рот с белыми зубами, ноги длинные с икрами идеальной формы. Её родственница жила на одной площадке с нами, буквально напротив двери нашей квартиры. В результате этого бог делал так, что мы не раз сталкивались с Галей на лестнице нос к носу: она шла наверх, а я – бежал вниз или, наоборот, она снисходила до земли, а я взлетал наверх. Я никогда не шёл вверх по лестница, а всегда взбегал, беря по две ступеньки за раз.

Когда я перешёл в вечернюю школу (№ 33 на Большом проспекте Петроградской стороны) я к своему величайшему удивлению и радости увидел Галю – она училась в параллельном классе. Но надежда видеть её регулярно и получить возможность к ней пристать не оправдалась – в школе она появлялась так редко, что в те моменты, когда я замечал свою мечту, либо начинался урок и я уходил в класс, либо Галя куда-то бесследно исчезала. Школа её явно не интересовала. На лице Гали постоянно пребывало томно-заёбанное выражение.

И вот в один из дней я сбегаю по лестнице вниз и вижу Галю, поднимающуюся наверх. Буквально за долю секунды мне нужно было принять решение: сказать ей «привет», и в какой раз пропустить такую возможность, или действовать и испытать судьбу. Галя увидела меня, ухмыльнулась, а я, не замедляя бега вниз по лестнице, перенаправил его прямо на Галю – я буквально прыгнул на неё сверху, целясь губами в её губы. Я прижал её к стене, пытаясь поцеловать её. Галя не испугалась, а спокойно отшатнулась и отвернула голову от моих прицельных губ.

Она оттолкнула меня, сказала нечто отрезвляющее и пошла вверх по лестнице. Галя, следует полагать, выдерживала и более умелые атаки (или умелые она, скорее всего, не выдерживала), а я потерял весь запал и дал ей уйти из рук.

Следующий случай представился мне через несколько недель, я входил во двор и всегда оглядывался на её парадную – она в этот момент выходила из неё, спеша куда-то. Красивая с идеальными длинными ногами. Я подошёл к Гале, она нехотя остановилась и сказала, что опаздывает на свидание с её парнем, музыкантом.

– На чём он играет? – спросил я.

– На трубе, – ответила она и ушла от меня быстрым шагом.

И я понял, что моё дело – труба.

Потом Галя уехала из нашего дома, и я её не видел несколько лет – наверно, вышла замуж за музыканта. Незадолго до моего отъезда из России я, заканчивая последние дела, заметил Галю, идущую в толпе. Был вечер и солнце собиралось уйти до завтра. Галя выглядела, будто её «излюбли и измызгали» (последнее пишу для цитаты – измызганной она не была), со ставшим одутловатым лицом, но по-прежнему красивая и желанная.

Но я её не стал останавливать.

«Труба зовёт», – подумал я, глядя на солнечный Запад.

Коктейли и жизнь

Шестидесятые, начало семидесятых. Мои родители да и я наслышались и начитались про зарубежные коктейли – смесь чего-то с чем-то. Должно быть вкусно. В первом полубаре у садика напротив Промки году в 73-м стали продавать коктейли. В меню имелось всего три штуки с фальшиво-романтическими названиями, не подлежащие никаким изменениям по составу, а строго по ГОСТу: чуть шампанского, чуть чего-то крепкого и пей себе за огромные, по моей зарплате, деньги.

А дома для нечастых людных вечеринок мы приготавливали собственный коктейль, причём без всякого названия. Просто – «Хотите коктейль?», – и гости сначала с опаской, а потом с радостью его пили. Делали мы его из подручных бутылок. Брали большую стеклянную бадью и папа наливал туда бутылку водки, бутылку коньяка, бутылку ликёра, несколько бутылок вина. Пива туда не лили. Но несмотря на это получался мощный «ёрш» весьма странного вкуса. Мы никому не раскрывали секрет нашего «рецепта», но коктейль всем нравился, даже одному знакомому, который строил из себя человека, познавшего мир, потому что ему удалось пару раз съездить в Югославию. Все счастливо пьянели, и больше ничего не требовалось. Да ещё утешали себя, что охмелели не от вульгарной водки, а от аж коктейля.

Когда я приехал в США и заказал в ресторане свой первый настоящий коктейль, меня возмутило, что в стакан насыпали лёд до краёв, а потом долили туда нужных жидкостей, для которых уже почти не оставалось места. Я решил не допускать жульничества и потребовал, чтобы мне налили того же, но без льда. Я даже стал опасаться, как мне удастся выпить такой большой стакан, целиком заполненный крепкой смесью. Но бармен выбрал маленький бокал и налил туда столько же жидкости, сколько бы разместилось между кусками льда в большом стакане – я следил, сколько он наливал из каждой бутылки. Оказалось, что обмана не было, или, наоборот, – был сплошной обман, в зависимости от того, как на это смотреть – с Запада или с Востока.

Однако с *Кока-колой* и подобными напитками можно и впрямь получить много больше, если просить подать её безо льда. Но хитрецы из *Кока-колы* придумали её именно такой, что самая вкуснота – пить её именно со льдом. Так что избавление ото льда в таком случае выходит боком на вкусе.

Короче, в Америке я потерял интерес к коктейлям, а предпочитаю скотч без всякого льда.

Единственный коктейль, который я полюбил с первого глотка, взгляда и прикосновения, так это коктейль под названием «Женский». А он всегда подаётся не только безо льда, но хорошо подогретый. Я даже научился его сам приготавливать.

Что было – не прошло!

В восьмом номере журнале *Нева* за 2010 год опубликована статья Наума Синдаловского «Три цвета запретной любви в интерпретации городского фольклора».

Факты, изложенные в этой статье, были порознь мне известны, а тут, собранные воедино, они всколыхнули мои кое-какие чувства. Кроме того, потянулись воспоминания, а за ними фантазии, то есть закрутился-завертелся такой шар огненный (или голубой), что решил я дать ему полетать по небесам моего журнальца, бросая читателей в жар (или в холод).

Исток моих воспоминаний приходится на время, когда мне было лет 16 – я впервые пришёл в ЛИТО при газете *Смена*, которое вёл Герман Гоппе. Это был человек лет сорока пяти, тощий, непрерывно курящий, с ямкой на лбу от военного ранения, быстро двигающийся и чётко говорящий. В этом здании на Фонтанке, стоящим рядом с Драматическим театром им. Горького, которым правил Товстоногов, находился *Лениздат*, редакции *Ленинградской правды, Вечернего Ленинграда* и молодёжной, бля, газеты *Смена.* То есть здание было пропитано литературой и журналистикой, как табачным дымом, а ещё более – идеологией и политикой.

Я шёл туда с благоговением, как в храм Литературы, где должна была свершиться моя судьба. Всё начиналось чтением стихов по кругу и жестокой критикой, с которой я столкнулся впервые. Когда подошла моя очередь читать, сердце моё билось в ритме моих стихов, только гораздо громче. Одно из моих стихотворений про часы, кончалось так:

Дай досмотреть жизни сон, будильник!

Гоппе посмотрел с ухмылкой на своих сообщников и сказал: «Ого как!» Я почувствовал, что сказано это было иронически, но я также понял, что мне удалось обратить внимание на стихотворение, а это было некоторой победой, что меня чрезвычайно вдохновило. Однако потом все мои стихи разнесли и регулярно разносили в пух и прах. Но попутно давали советы прочесть того, прочесть другого. Например, я впервые услышал имя Саша Чёрный. Я записался в юношеское отделение Публичной библиотеки, взял Сашу Чёрного и, сидя в читальном зале, не мог сдержать хохота, читая «Обстановочку» и прочие шедевры, которые явились для меня откровением в снайперском

юморе и сатире, не идущем ни в какое сравнение с советским юмором мазил тех лет. Я эти стихи старательно переписал себе в тетрадку и легко запомнил наизусть, что со мной случается редко.

Я стал ходить в ЛИТО Гоппе регулярно, то есть еженедельно. Гоппе на меня внимания не обращал и о стихах моих не говорил – он говорил о стихах молодых поэтов, чьи книги должны были выйти или только что вышли в *Лениздате*, и которые победителями приходили читать свои стихи. Об одном из таких чтецов Гоппе с восхищением сказал: «Вот кому дано от бога». Я понял, что лучше комплимент получить трудно.

Именно от Гоппе я услышал ироническую характеристику бездарных патриотических стихотворений, которые бывало читались на ЛИТО – «краснозвёздно-лобовые» – для меня это определение звучало смелой антисоветчиной.

Я пытался узнать, что написал сам Гоппе и ничего, кроме какой-то истории о блокадной девочке, не разыскал. Я так и не прочёл этой книжки, меня Гоппе интересовал как критик, а не как писатель. У Гоппе были постоянные помощники-заместители, которые занимались «избиением младенцев», когда он сам в спешке куда-то уходил или когда он переговаривался с кем-либо из молодых писателей (помню Максимова, но не помню его имени – комсомольцеобразный, длинненький и пьяненький заглянул в дверь, и Гоппе вышел к нему радостный – только что была издана книжка стихов этого Максимова и тот интенсивно отмечал событие).

Среди помощников-коллег Гоппе и был Наум Синдаловский, а также Игорь Долиняк. Был ещё Владимир Евсевьев, который пускал пыль в глаза потопом громких имён, беспричинным философствованием и главное тем, что он обращался к Гоппе на ты. Тот снисходительно позволял. Евсевьев безжалостно и регулярно хаял мои стихи. Это была хорошая школа для выживания уверенности, что ты действительно хочешь заниматься писанием стихов.

Евсевьев появлялся и в других ЛИТО и мы с ним пересекались в течение многих лет, и в 1975 году я показал ему рукопись своего сборника *Состояние*, а он предложил написать к ней предисловие, что ознаменовало его «признание» моих поэтических заслуг. А я предложил ему 20 рублей, так как знал, что он беден и что одно дело – обещание написать, а другое – выполнить обещанное. Моя совесть была спокойна, что я не купил предисловие, ведь сначала он сам предложил, а я лишь гарантировал появление предисловия на свет. Оно вставлено в мой самиздатовский сборник, который я сделал в количестве,

кажется, 5 экземпляров. В предисловии бурлил обыкновенный возвышенный бред, но тогда мне казалось, что хвалебное предисловие придаёт дополнительную силу стихам. Это Евсевьев убедил меня забрать стихи из готовящейся *Лепты*, чтобы напрасно не подставлять себя под удар КГБ. Но на его убеждения не эмигрировать, так как русский поэт должен жить в русской языковой среде, – я не поддался.

Другой соратник Гоппе по ЛИТО, Игорь Долиняк, сидел серьёзный, насупленный и вдали. Однажды, когда Евсевьев и прочие разгромили моё стихотворение, Долиняк, сидевший молча и внимательно слушавший, прервал своё молчание и внятно сказал: «А я считаю, что стихотворение хорошее».

Я от счастья чуть не возопил. Это, кстати, было первое моё действительно приличное стихотворение из «неприличных»:

Опять весна у зеркал окон вертится,
подкрашивая ветреные губки.
Но ты – любой весны соперница,
вся – от разреза глаз и до разреза юбки.

Ты ничего, прошу, не обещай,
слишком многим ты уже наобещана.
Пойдём куда-нибудь, поговорим про май,
молодая, начинающая женщина.

Пойдём, как брови, всё ближе сдвигаясь,
тобой я застрою любовный пустырь.
Не я – так другой, не ты – так другая,
но лучше пусть я и пусть ты.

1964

Наум Синдаловский, как я теперь узнал, был на двенадцать лет старше меня. Так что ему было тогда лет 29. Но помню его с большой лысиной и для меня он смотрелся стариком. Он усаживался калачиком, неподалеку от Гоппе, и негромко иронизировал. Я запомнил его две строчки, которыми восхитился Гоппе. Речь в стихотворении шла о постройке корабля и заканчивалось оно так:

И наша увеличилась страна
на площадь кубриков, кают и палуб.

Меня поразили эти строчки и, как я потом понял, не поэзией своей, а подмеченным методом расширения государственных границ. Теперь мне это напоминает набирание веса женщиной, которая хочет привлечь на себя большее количество мужчин с помощью увеличения поверхности своего тела.

И вот, через почти полвека я прочёл статью Синдаловского на тему, животрепещущую и милую моему сердцу и не только сердцу. Под предлогом фольклора он описывает поистине золотой век русской истории, когда доступность пизд была обильной и повсеместной. Так, помещикам предоставлялась неограниченная возможность совокуплений со своими крепостными. Толстой в *Дьяволе* доказал, что дворяне, ставшие воспринимать самое прекрасное как самое ужасное, подписали себе этим смертный приговор, который начал систематически приводиться в исполнение с 1917 года.

Вот цитата о «вкусной и здоровой» жизни из статьи Синдаловского:

> Известно, что в крепостнической России помещичьи гаремы были явлением широко распространенным. Фигурально говоря, этот своеобразный социальный «институт» немало способствовал обороноспособности государства. Едва у какой-либо смазливой девки объявлялся жених, как его тут же отдавали в солдаты, а девица вольно или невольно становилась очередным украшением сераля похотливого барина. Этот собственнический обычай успешно перенимали и городские вельможи, многие из которых были недавними выходцами из помещичьего сословия. В город из собственных усадеб выписывались служанки, кормилицы, актрисы для домашних театров и просто девицы для личных утех. Этого не стеснялись… Были известны в Петербурге и другие гаремы. В некоторых из них насчитывалось до 30 содержанок. Весь этот, что называется, обслуживающий персонал в полном составе сопровождал барина во всех его поездках…

Сказочное обилие доступных и непритязательных проституток может вызвать смертельную зависть у множества американских мужчин и прочих севернокорейцев. Далее Синдаловский знакомит ностальгирующего читателя со сказочным былым разнообразием повсеместных проституток:

> Пышным цветом цвела в Петербурге и уличная проституция, которая позволяла удовлетворить похоть

тут же, в ближайшей подворотне. На Невском предлагали свои услуги проститутки с романтическими названиями: «Невские ласточки» и «Дамы с Гостиного». В Александровском парке… мужчин встречали жалкие стайки так называемых «Пар ко ленинских промокашек». На Васильевском острове – «Евы с Галерного». В Большом Казачьем переулке – «Казачьи шлюхи». В подворотнях Мещанских улиц – «Чухонские нимфы». На тесном «Пятачке» у входа в Гостиный двор со стороны Перинной линии – «Пятачковые». В зарослях Петровского острова – «Петровские мочалки». На набережных Невы – «Речные девушки» или «Невские дешевки». И так далее, и тому подобное.

Если, имея такие восхитительные возможности для наслаждения, дворянство рождало Обломовых и прочих Толстых, а также тоскующих по политической свободе балбесов, становится понятно, почему дворянство было уничтожено рабоче-крестьянством – дворянству стало лень и невмоготу наслаждаться своими благами, и оно перестало ценить их. А такая злостная неблагодарность достойна смерти.

Тема петербургской проституции начала XIX века не могла обойтись без разговоров о Пушкине. И Синдаловский хватается за него обеими руками. Все интимные подробности из жизни Пушкина и его окружения Синдаловский, конечно же, почерпнул из «Тайных записок 1836–1837 годов», кое-что перевирая или недоговаривая. Однако он и не подумал на них сослаться. Наверное, потому, что «Тайные записки» – это не городской фольклор, а научный документализм.

Годам к восемнадцати я перестал ходить в ЛИТО при *Смене*, а стал перебирать другие, более изощрённые – слишком уж это ЛИТО было военно-пролетарским.

Больше я никогда не встречался ни с Гоппе, ни с Долиняком, ни с Синдаловским – и вот только теперь Пушкин и платные женщины доказали ещё раз: то, что было – не прошло.

С Ровесником на Серой Лошади

«Серая лошадь» – такова была кличка у кафе *Ровесник* на Выборгской стороне. Я никогда не называл *Ровесник* «Серой лошадью» – мне это казалось дешёвым пижонством. *Ровесник* есть *Ровесник*, и никакую лошадь из него не сделать, даже серую! Романтику я видел не в названии, а в сути кафе, которое в 60-х было средоточием девиц, поэзии и музыки.

Самое популярное блюдо в меню кафе имело то же название: биточки «Ровесник», демонстрируя тем самым безудержную советскую фантазию на именования. Например, в то время по всему СССР имелось мильон кафе с названием *Ласточка*, что олицетворяло советскую нежную любовь к вечно ущербной пищевой промышленности.

Фирменное блюдо биточки «Ровесник» подавались с жареной картошкой, и оно казалось мне деликатесом да и стоило всего 35 копеек.

Таким образом, название «Ровесник» звучало для меня приемлемо, несмотря на то, что существовал погаленький молодёжный журнал с тем же названием.

Но это можно было пережить.

Внепищевой деятельностью *Ровесника* руководил совет кафе, состоявший из студентов и курируемый райкомом комсомола. А в деятельность эту входила организация выступлений полулегальных рок– и джазовых ансамблей и настолько же полулегальных поэтов, причём из этих выступлений также делались конкурсы, что придавало дополнительный ажиотаж. Перед *Ровесником* вечерами кучковалась очередь юношей и девушек, желающих туда попасть. Побывав разок в такой очереди и возненавидев её, как и прочие очереди, я решил проблему на другом уровне: я явился на собрание Совета кафе и предложил себя в члены. Каким способом предложил, не помню, но результатом оказалось обретённое членство. Мы собирались раз в неделю вечером, человек восемь, и что-то там решали.

Всё это было на таком серьёзе, что мне выдали членскую синюю книжку с фотографией. Удостоверение члена совета кафе *Ровесник* подняло меня на завидную общественную высоту. Во-первых, я мог проходить в кафе в любое время, даже когда все места были заняты, не говоря о музыкальных или поэтических вечерах. Во-вторых, я мог проводить девушек и полезных знакомых на вожделенные вечера и тем самым заслуживать ответные одолжения. Билетами на вечера я подкупал продавцов различных магазинов, в основном, книжных. Так на Большом

проспекте Петроградской стороны был магазин Старой книги. В нём долгие годы работал продавцом Боря с нервными движениями тела и лица. Только перед отъездом до меня дошло, что он был гомосексуалист, ибо эта область секса тогда была настолько для меня чужда, что я даже не представлял, как себя ведёт махровый гомосексуалист и что у него за жесты. Боря же одно время даже носил большой круглый значок голубого цвета и со словом «Blue» (Голубой), но и это я пропустил мимо глаз. Однажды я пришёл в магазин и увидел Борю с покрашенными в ярко-жёлтый цвет волосами. Но и на это я не обратил сексуального внимания. Боря, большой любитель поп-музыки, которому я доставал билеты в *Ровесник*, позволял мне зайти к нему за прилавок, присесть на корточки и буквально погрузиться в закрома отложенных им дефицитных книг, которые я мог брать и покупать. Боре я обязан и знакомством с *Bee Gees.* Он восхищался их пластинкой *Horisontal* (1968) и дал мне её переписать. Тогда мало кто знал о *Bee Gees*, но Боря предрекал им большое будущее, и я был поражён их музыкой. На этой пластинке нет проходных вещей – все прекрасные в том числе *Massachusetts – их* первый хит в Штатах.

Некоторое время председателем совета кафе был энергичнейший Жора Михайлов, впоследствии прославившийся устраиванием выставок подпольных художников у себя на квартире и пострадавший за это. Потом он бился с КГБ, судил их и теперь имеет свою картинную галерею и не только. Или уже не имеет?

В начале восьмидесятых в период моих кругосветных путешествий я с ним пообщался в Германии, где он тогда жил, и опосредованные связи остались у нас до сих пор.

Ровесник было одним из центров Ленинградской культурной вселенной. Там играли группы: *Авангард-66, Лесные братья, Аргонавты*» и много других, названий которых я не запомнил. На одном из конкурсов была группа под названием *Такие же.* Чрезвычайно скованный в движениях по рукам и ногам солист выступал в белых перчатках, но пел плохо. А точнее, петь не мог. Потому-то названия меня мало трогали.

Все группы старательно передирали популярные песни британских и американских исполнителей и практически не пели ничего своего. И правильно делали, так как до сих пор я не услышал в российском роке хоть что-нибудь, что бы шло хоть в какое-то сравнение с лучшими образцами американского и британского рока и поп-музыки.

Так *Авангард-66* начинал своё выступление с песни Dave Clark Five *Because.* И всякий раз она меня пронзала своей красотой.

У *Аргонавтов* коронной песней была Hermans Hermits *There's a Kind of Hush.* Услышав эту песню, я тоже ликовал.

Из танцев необычайно популярен был джайв. В *Ровесник* на музыкальные вечера приходило несколько компаний модных парней и девиц, которые были мастерами этого танца. Как правило это были станцевавшиеся пары, они выходили плясать первыми и забивали всех своим классом. Я никак не мог уловить основу движений, позволяющую им делать такие чёткие и ритмичные повороты и шажки. (В Штатах я пошёл в танцевальную школу и раскусил этот орешек.) Однажды, когда началась музыка, я осмелился и подошёл к одной невысокой и ладной девице, которая подвижно и хлёстко танцевала джайв со своим толсторыхлым партнёром, но который, несмотря на своё тело, танцевал умело и ловко, много лучше меня, стройного и спортивного. Я решил, что девушка научит меня танцевать джайв. Она посмотрела на меня с удивлением, потом взглянула на своего партнёра, который, оказалось, не возражал, и мы вышли в центр круга.

– Поучи меня, – попросил я её.

Девушка ничего не ответила. Я начал двигаться, а она чутко повиновалась малейшему моему движенью. Чуть я потяну её за руку – девушка сделает оборот, я вытяну руку с её рукой в моей, и девушка, соразмерно ритму, отстранится. Всё это она делала молча, не говоря мне ни слова, смотря мимо меня, но я никак не мог уловить изюминку движений. Промучившись со мной до окончания песни, она пошла за свой столик с бесстрастным лицом, какое у неё было во время танцев даже со своим партнёром.

Среди постоянных посетителей *Ровесника* был заметный парень. Худой и элегантный, прекрасно выделывающий джайв. Он вызывал у меня восхищение непринуждённостью и неоспоримой точностью своих движений. После одного джайва с партнёршей ему подстать я подошёл к его столику, и на правах члена совета кафе сказал ему, что он – лучший из всех здесь танцующих. Польщённый, он предложил мне присесть за столик. Парень был студентом медицинского института и сразу стал рассказывать мне о своих танцевальных успехах в других местах и особенно в кафе *Белые ночи* (может, до сих пор имеется – такое название упустить не дадут). А потом этот «Барышников» попросил у меня занять ему рубль. Отказать я ему в тот момент не мог, хотя был уверен, что отдаю рубль навеки как плату за любование его танцем. Но самое интересное, так это то, что он мне потом этот рубль вернул.

Должен сделать отступление, чтобы пояснить, что я в долг

давал только хорошо проверенным людям, ибо разок я обжёгся и мне этого хватило на всю жизнь. Когда мне было лет 15, я жил на даче в Репино и там познакомился с художником, работавшим в доме отдыха. Он занимался тем, что рисовал плакаты и объявления, которые по задумке советской власти должны были поднимать моральный уровень отдыхающих, отвлекая их от ебли и выпивки на построение коммунизма. Художнику было лет двадцать пять и один лишь возраст делал его в моих глазах большим авторитетом в области овладения женщинами. Но это был парень весьма невзрачного вида и, что самое главное, я никогда не видел рядом с ним существо женского пола. Учуяв мой голод по познанию женщин, художник пообещал, что познакомит меня со взрослой сговорчивой женщиной и тут же попросил в долг пять рублей. Я подумал, что, будучи у меня в долгу, он будет испытывать дополнительную ответственность за свои слова, что заставит его ещё с большей определённостью познакомить меня с обещанной женщиной. Я дал ему пять рублей, которые были тогда немалыми деньгами, а на следующий день, когда должно было произойти долгожданное знакомство, художник исчез вместе с моей пятёркой. Из этого я сделал логический вывод, что в долг малознакомым людям денег давать нельзя, а женщин надо добывать самому.

Дима Г. (как я недавно узнал, уже покойный) был самым деятельным членом совета кафе. Он пригласил Глеба Горбовского в качестве судьи на конкурс поэтов, а также чтобы тот после вынесения своего приговора почитал собственные стихи. На меня Дима возложил почётную обязанность вручить Горбовскому оговорённый гонорар за труды в виде бутылки водки. Когда Горбовский пришёл с каким-то приятелем и сел за столик, я подошёл и стыдливо поставил перед ним бутылку. Стыдливо потому, что я практически не пил и выпивание целой бутылки водки представлялось мне угнетающей и чрезмерной бесшабашностью.

На этом конкурсе я занял второе место. Первое занял Виктор Кривулин, которого я тогда увидел впервые и больше всего поразился не его стихам, а соответствию его фамилии общему виду (у Кривулина из-за перенесённого полиомиелита были исковерканы телодвижения). Поднимаясь на сцену, Кривулин жутко ковылял, раскачиваясь всем телом, – и сострадание нахлынуло на меня, затопив все помыслы о поэтическом соперничестве. Я чувствовал в глубине души, что Горбовский выбрал Кривулина первым заслуженно, ибо Кривулин читал умные, хорошо сделанные стихи, а я прочёл боевой клич под Маяковского «Плоская земля».

ПЛОСКАЯ ЗЕМЛЯ

Я завтра хочу поехать в Париж! —
Надоели города-сухари!
А вчера мне друг предложил пари,
что я никогда не побываю в Африке на сафари.

Он в выигрыше своём был уверен,
и почему – я понял,
потому что мне выйти за двери
тяжелей, чем канадцу махнуть в Японию.

Не страшна идеологии чуждой пасть —
как не проклясть буржуАзию?
Из-за неё я так и не смогу попасть
ни в Америку, ни в Малазию!

А зачем мне Франция, когда есть Урал,
Сибирь, в Карпатах пастушьи свирели.
Куда я рвался, чего орал? —
ведь живу в большом, привольном вольере.

Но одно из счастий в жизни – глазеть,
и только обидно, что на моё горе
от Колизея мне остаётся кинотеатр Колизей,
а от Америки – Американские русские горы.

Пусть мне Богом понять не дано,
что оседлая жизнь экономит ботинки.
Но смотреть на Нью-Йорк в кино,
всё равно, что жениться
на порнографической картинке.

Вопрос о родине я не замял.
Наша родина – Земля!
Если в космос полетим —
вот где космополитизм.

Обратная сторона Луны меня злит —
мне плевать, что там – море иль кратер —
когда я обратную сторону Земли
знаю всего лишь по карте!

Все старые доводы я расплескал

и пришёл к тому, что Земля – плоска!
Сидя на месте, как глазами ни шарь,
не найти доказательств, что Земля – шар.

Когда в сетях границ опутал шею свою,
то глобусы, книги – всё надувательство!
Кругосветное путешествие —
вот округлости доказательство!

1966

После вручения призов Горбовский, уже опустошив бутыль, смачно и со слезой читал свои живые стихи.

Не помню, каков был подарок Кривулину за первое место. А мне за второе вручили тяжёлый бронзовый бюст юного Пушкина, сидевшего в состоянии задумчивого вдохновения над листом бумаги. В руке он держал перо, а глаза были устремлены в будущее. Подготавливая к изданию «Тайные записки» Пушкина, я понял, что и это не было случайным.

Однако тогда я был недоволен вторым местом, взял Пушкина за голову и небрежно понёс к своему столику. Сексапильная девушка, проходя мимо моего столика, остановилась и сделала мне комплимент по поводу моих стихов и бюста Пушкина. Я усмехнулся и сказал «спасибо». И это тоже было неслучайным, так как у нас с этой девушкой потом завёлся многотомный роман.

Почти на каждом поэтическом вечере поэзии на сцену выходил пьяненький поэт Овчинников и читал одно и то же стихотворение, которое кончалось так:

Газеты! Газеты! Газеты!
Несите газеты в клозеты!

Тогда такой призыв звучал зело антисоветски, и всякий раз после этих строчек по кафе проходил гул – все думали, что сейчас его заметут люди в штатском. Но его не заметали, он исправно появлялся на следующем поэтическом вечере и так же зычно читал тот же крамольный стих.

Однажды Дима предложил съездить в Комарово к Ахматовой. Я тогда даже не шибко представлял, что она ещё жива и не понимал, как это взять и приехать без приглашения, но я решил довериться Диме. Он говорил, что к Ахматовой ездят многие поэты. Он, наверно, имел в виду Бродского и его окружение. Но я тогда ничего не знал ни о Бродском ни уж тем более о его

окружении. Однако именно в то время Ахматова заболела и вскоре умерла. Так что всё к лучшему, а то бы пришлось не только с Кривулиным, но и с Бродским конкурировать.

Я, будучи членом совета кафе, имел список адресов всех музыкальных групп, которые выступали в *Ровеснике*, и это позволяло мне без особых усилий делать мелкие деньги. На нашем потоке учился поляк Анджей Д. Всякий раз, когда он ездил в Польшу, он привозил с собой бас-гитару фирмы *Лотос*. Причём всегда бас и всегда фирмы *Лотос*. То ли в Польше другие гитары не изготавливались, то ли эта фирма была ужасно хороша, то ли Анджей к складу гитар пристроился. Я садился на телефон и названивал участникам этих групп и предлагал купить гитару. Так как в России тогда ничего электро-гитарного не продавалось, то польская гитара считалась ценностью и дефицитом, и у меня её быстро покупали. Я на каждой гитаре делал с Анджеем рублей двадцать-тридцать, на которые можно было купить немало книг.

В *Ровесник* я часто брал с собой свою одно время постоянную любовницу В. Она была старше меня года на три-четыре и являлась женщиной весьма яркой, иногда на уровне вульгарности. Стройная и высокая, с большим губастым ртом, белыми крупными зубами и маленьким носиком, с высокими скулами, она любила приклеивать ресницы к своим зелёным раскосым глазам и мужики не могли оторвать от неё глаз. Но джайв танцевать она не умела, как и я. Она больше специализировалась на медленных танцах. Подобно мне.

У нас на потоке читали лекции два молодых кандидата наук. Оба красивые, высокие, лет под тридцать или чуть за. Один с ухоженной бородкой и напористый, второй безбородый, бледнолицый и с тонкими чертами лица. Оба преподавали на одной и той же кафедре что-то электронно-математическое. Оба были холостыми и о них ходили слухи, что они встречаются с юными и красивыми балеринами. Однажды они пришли на музыкальный вечер в *Ровесник*. Я видел, как эти два кандидата, читающие нам лекции, теперь оказались в роли студентов, уважительно здоровались со мной и пускали слюни на мою бабу. Когда я вышел в туалет, я знал, что они обязательно к ней подойдут – так жадно они ели её глазами. И действительно, возвратившись, я увидел В., разговаривающую в холле с моими двумя кандидатами. Я не ощутил ревности, а лишь гордость, что я, студент, имею бабу, которую жаждут мои преподаватели. Я почему-то не опасался, что они отобьют у меня В. Во всяком случае я регулярно встречался с ней ещё долго, а с ними, быть может, она и переспала разок-другой, я её не спрашивал.

В *Ровесник я* приходил и в обыкновенные вечера, без музыки

и без поэзии, просто проверить, нет ли там одиноких смазливых баб. Так однажды я познакомился с тёмноволосой красоткой Ниной, одиноко вкушавшей биточки «Ровесник». Через некоторое время, когда мы вместе кончили, она перевела дух и сказала: «Так дети получаются». А когда я заразился от неё трихомонадой, она мне вешала на уши лапшу, что будто бы подхватила её, принимая ванну вместе с подругой, из которой эта трихомонада переплыла в пизду Нины. Я в то время был уже достаточно умудрён в венерических заболеваниях, чтобы не поверить в эту сказку. Так что в *Ровесник я* Нину приглашать не стал, но он запомнился мне и трихомонадно.

В *Авангарде-66* певцом был Мастиев (я почему-то всегда называл его Мастеевым, что будет заметно ниже). Он пел нечто рок-н-рольное громко и отчаянно. Меня его пение не впечатляло, в отличие от его жены. Все шептались, что жена Мастиева – итальянка. Она, по слухам, была студенткой университета. Красивой она мне не казалась – небольшого роста, с короткими ногами, чернявая. Тем не менее, ореол итальянства придавал ей повсеместное очарование. Она влюблённо смотрела на своего голосящего муженька, и меня эта слепая (вернее, глухая) влюблённость особо трогала. Итальянские страсти тогда витали повсюду из-за фильмов *Брак по-итальянски* и *Развод по-итальянски*, а также из-за *Соблазнённой и покинутой.*

Однажды мы на совете кафе решили устроить вечер со свечами, то есть чтобы на каждом столике горела свеча. Это нам казалось верхом элегантности, романтизма и экзотичности одновременно. Нам удалось преодолеть сопротивление озабоченных пожаром администраторов и действительно зажечь свечи на каждом столе. Но длилось это с полчаса, так как свечи быстро сгорели. Зато это отразилось в стихотворении, которое я нигде не печатал по очевидным причинам. Но здесь оно уместно.

С «РОВЕСНИКОМ» НА «СЕРОЙ ЛОШАДИ».

Нагромождение гармоний,
ритмичный хаос танца.
Засунуты руки в карманы
у меня, божьего агнца.

Но бог убог и дик
в танцевальной дрожи.
У часов – тик-так
у меня – тоже.

Всё нудное от себя отсеяв,
сижу над вином под шафе.
Нам поёт маститый Мастеев,
а мы – прихожане кафе.

Сидим, как дикари,
с кольцами дыма в носу,
лампе кричим: «Догори!
Скоро уж свечи внесут.»

Я в темноте – неврастеник:
вижу листьев жёлтый лесок.
Но дело всё не в растениях —
у свечей огонька лепесток.

Соберу из свечей букет,
подарю любой чужой,
и меня потащат в пикет,
будто я пырнул кого ножом.

Об этих моля,
но глядя на тех же,
я знаю, мала
надёжность надежды.

Я запрусь в затворничестве,
спрячусь в себя, благородней,
чем платина,
в затворничество творчества,
а творчество – отсебятина.

Кричу себе: «Топи мосты!
О мелочах ведь скорбь!»
На что мне дом терпимости —
мне нужен небоскрёб!

Мост потопил, как приказал,
и шум в ушах притих.
Вдруг увидал её глаза —
их вброд не перейти.

И просят они: «Сделай милость,
схвати меня грубей,

чтоб талия не обломилась
под тяжестью грудей.»

Ей самцы не устанут себя предлагать,
предлагают себя и кровать, и лежанка.
Первые: «Я ваш покорный слуга»,
вторые: «Я ваша покорная служанка.»

А мне скорей утонуть в золе,
чем в ней. Руки скручены
наместником времени на Земле —
часами-наручниками.

Мы буднями поражены.
И будем мы иль были,
но знаю я, мы рождены,
чтоб сказку сделать пылью.

Мне горько жаль, но как ни бегай,
чего ни делай, ни верши,
мне бабу не слепить из снега
недосягаемых вершин.

1967

Из членов совета кафе остались Жора Михайлов, заросший бородой, судя по фотографиям, живущий в Питере. Да ещё друг Димы Г. – Миша К., любитель джаза, который часто посещал наши собрания. Он тоже живёт в Миннеаполисе, и с ним мы иногда пересекаемся. Может, кто ещё где-то водится.

А что стало с *Ровесником*? – Даже противно узнавать – небось нечто элитно-эксклюзивное с дисконтными прайсами.

Исчезнувший роман

Году в 1973 у меня раскрутился роман с красивой девушкой. Она была сестрой художника и бывшей женой её сокурсника, который якобы не мог лишить её девственности. К моменту моего появления девственности её уже лишили, но сексуальной радости не принесли. Так что я заполнял радостью эту её прореху. Попутно наслучалось много и разного в течение месяцев трёх-четырёх, после чего мы с ней не по-доброму расстались. Меня эта история проняла так сильно, что я описал в подробностях все эти страсти-мордасти, да ещё присочинил кое-чего. Помню, летом на отдыхе писал исправно каждый день после завтрака до обеда. Написал более 500 рукописных страниц.

Когда наступила пора уезжать из родины, а брать с собой ничего рукописного она не разрешала, окромя записной книжки с телефонами, я оставил толстую папку с названием «Большое» своей знакомой на хранение. Лет через пятнадцать она умерла, а её бывший муж ничего об этой папке не слыхал. Детей у неё не было. Так что лежит где-то эта папка и ждёт, когда её найдут. Либо она была выброшена и листы с описанием моих приключений давно превратились в нечто совсем иное.

Почему я вспомнил об этом? – Да потому, что я всё забыл. Те приключения – из той жизни. А ведь она всё-таки моя. Видятся лишь какие-то мелкие высветы. А с помощью той писанины я бы вызволил из небытия беспамятства интересный кусок собственной жизни. А то, как я писал:

И будто не было меня.
А я ведь был.

Дачные приключения

Из первых любовей

Мне 13 лет, и мы всей семьёй приехали на дачу в Зеленогорск. У хозяев было две дочки: 14 и 11 лет. Старшую звали Ларисой, и она очаровала меня с первого взгляда. На младшую я не обращал внимания, она мне казалась уродливой, и я даже не запомнил её имени. А фамилию Ларисы я запомнил – Назарова. Подступиться к Ларисе я боялся, ибо тогда не ведал, с какой стороны. Но в один прекрасный вечер мать и отец Ларисы пригласили всех нас, дачников, посмотреть вместе вечером телевизор в их комнате. И это сразу стало нашим регулярным развлечением – каждый вечер мы собирались в этой маленькой комнате у крохотного экрана, казавшимся нам источником нескончаемых эстетических наслаждений и чудес, открывавшего нам провинциальную вселенную монопольных советских развлечений.

Так божественно оказалось, что с первого вечера я и Лариса уселись рядом на диване, а по обе стороны от нас и впереди расположились все остальные, которых я переставал замечать, чуть только тело Ларисы оказывалось бок о бок с моим.

В какой-то момент я осмелился обнять её за спину, она не возражала, а я чуть не терял сознание от счастья. Мне казалось, что в темноте никто не замечает моей руки на её спине. Я боялся пошевельнуться, чтобы не спугнуть чудо, и не сводил глаза с экрана, боковым зрением восхищаясь, как мне представлялось, красивым профилем Ларисы. А она сидела как ни в чём не бывало, ничем не показывая своего ощущения моей руки. Все вокруг, конечно, видели мои поползновения, посматривали на нас, ухмылялись, посмеивались.

В то время самой популярной песней была *Тишина* композитора Эдуарда Калмановского. После Трошина её пели все, кому не лень, и ни один телевизионный эстрадный концерт не обходился без неё. То её пели по заявкам колхозников и работников сельского хозяйства, то по заявкам учителей, то шахтёров, то пограничников. Когда исполняли *Тишину у* я чуть не плакал от непонятных обуревавших меня чувств. Слова до сих пор помню и даже спеть могу. Как всегда, фальшивя.

Позже меня занимала эволюция фамилии композитора Калмановского. Сначала был кал. Потом из него образовался ассенизатор еврейского происхождения – Калман. Затем он был

вынужден окреститься и стал Калмановым. Но вскоре ему захотелось более красивого звучания своей фамилии, что легко достигается добавкой окончания «ский» – так образовалась фамилия Калмановский. (А ещё позже выяснилось, что он не Калмановский, а Колмановский. Ну что ж, подобную этимологию можно прокрутить со словом «кол», который следует рассматривать только как хуй стоячий.)

Так вот, каждый вечер мы усаживались с Ларисой рядом у телевизора, и я обнимал её за спину. В течение дня мы почти не виделись, не разговаривали, сторонились друг друга, и только вечер нас соединял.

Однажды произошла трагедия – ветер повредил антенну на крыше, и телевизор перестал работать. Вечер без телевизора и без Ларисиного жаркого тела был для меня невыносим. К счастью, отец Ларисы к следующему вечеру починил антенну и с наступлением сумерек мы, как обычно, заняли исходные позиции.

Самое забавное, что у меня не появлялось желания распространять свои прикасания на другие части Ларисиного тела. Я просто не представлял, что можно ещё делать, тем более в такой многолюдной обстановке.

Обыкновенно, детская невинность представляется умилительной, мне же она омерзительна, во всяком случае по отношению к себе тех лет. Нет чтоб забраться к ней в трусики или днём уединится с ней в лесу. Ларисе было явно мало моего однообразного обхвата её спины.

Однажды у нашего пинг-понговского стола появился красивый отрок, которому было 16 лет. Мне он казался взрослым мужчиной. Лариса тогда играла со мной в пинг-понг – это было единственное место, где мы иногда встречались днём. Этот стол срубил отец Ларисы, доски были плохо пригнаны друг к другу, и шарик отскакивал в произвольном направлении, что делало игру ещё интересней. Отрок проиграл мне пару партий, представился художником и предложил Ларисе написать её портрет. Я был ошарашен его непринуждённым и дружелюбным разговором с моей царицей. Она сразу согласилась, и я воспринял это как страшную измену и зашёлся в ревности.

На следующий день они уединились в комнате, и я, как бы невзначай проходя мимо окна раз двадцать, видел, как он рисовал на большом листе бумаги Ларису, сидящую на стуле. Через некоторое время они вышли из дома и художник-конкурент показал мне рисунок. Лицо было нарисовано красиво, но на Ларисино нисколько не походило.

– Не похоже, – произнёс я свой приговор и ушёл. Я утешал себя тем, что художник не имеет доступ вечером к телевизору, и я

по-прежнему сидел рядом с Ларисой и обнимал её.

Играть в пинг-понг приходила девушка лет четырнадцати с огромной грудью. Она, как я теперь понимаю, давала мне понять, что заинтересована мною – я выглядел старше своих 13 лет. Мы даже как-то пошли погулять в лес, что начинался сразу за пинг-понговым столом. Но девушка эта была мне, увлечённому Ларисой, настолько безразлична, что мне и в голову не приходила мысль с ней заигрывать и уж тем более обнимать её за спину. Теперь-то я кляну свою тогдашнюю слаборазвитость и уверен, что чем раньше научаешься добывать себе наслаждение с помощью женщины, тем лучше. Невинность – это не умилительное достоинство, а проклятие, и вся жизнь – это борьба со сниманием его, слой за слоем.

Когда пришло время уезжать в город, я думал, что не переживу разлуку. Но приехав в город, забыл о Ларисе в первый же день.

Так я впервые осознал смысл пословицы:

С глаз долой – из сердца вон.

Через четыре года я ехал за город в электричке и увидел в вагоне Ларису. Она оказалась сутулой с неожиданно смуглой кожей лица и выглядела такой чужой, что мне стало даже неловко от своего равнодушия к ней. Мы наскоро поговорили, и я вышел в Репино без всяких попыток встретиться снова. Она ехала в Зеленогорск, где в каком-то неведомом измерении продолжало жить наше глупенькое прошлое.

Горшки и груди

Несколько лет мы в Репино снимали комнату в доме, выстроенном в советском любимом «барачном» стиле. Это был одноэтажный дом, вроде вагона, с большим коридором посередине, а по стенкам располагались двери в комнаты, коих было штук двадцать, в каждой из которых толпилось по дачной семье. На всю эту ораву имелся один туалет на дворе. Каждое утро туда тянулись матроны с наполненными за ночь ночными горшками, чтобы ухнуть содержимое в дырку, проделанную в занозных досках, возвышающихся над выгребной ямой. Окно нашей комнаты выходило на сторону сортира, и каждое утро за завтраком я наблюдал это торжественное зрелище – матери семейств в плотно запахнутых халатах шли медленной, торжественной походкой, выбранной с целью не расплескать содержимое горшка.

В одной дачной семье эта ответственная задача была почему-то возложена на девушку Дору, а не на её мать. Черноволосая Дора несла горшок перед собой на вытянутых руках, чтобы её огромные выпирающие груди не коснулись горшка с плохо пригнанной позвякивающей крышкой. Это была единственная ситуация, в которой Дора приковывала к себе мой взгляд. Сама Дора мне не нравилась, но груди её меня влекли и тревожили. Ей (как Доре, так и груди) было 16 лет, а мне – лишь 15.

Однажды днём я пригласил длинноволосую Дору погулять в лес. Моё предложение я сделал во дворе, под сенью дерев, где собралось несколько дачниц, в том числе моя мама и Дорина. Добропорядочная дочка спросила разрешения у своей мамы и, получив его, направилась вместе со мной в заросли. Уходя, я слышал, как моя мама, доверительно предупредила мать Доры, что я, мол, агрессивный мальчик. Дорина мама, нисколько меня не убоясь, сказала что она не сомневается в своей дочери.

Мы пошли гулять в лес неподалёку от проезжей дороги. Я остановился и решил поцеловать Дору, несмотря на то, что целовать её не хотелось. Но я чувствовал, что обязан это сделать, иначе себя уважать не буду, да и тренироваться надо было на любой при всяком удобном случае. Дора послушно остановилась вместе со мной. Я зашёл спереди и попытался приблизить своё лицо к лицу Доры, метя в губы. Роста мы были одинакового, и её огромная грудь буквально мешала мне приблизиться губами к её губам. Я взял Дору за плечи и своим телом вжимал её груди, но они не вжималась, поскольку были твёрдые, как мячи. Всё-таки я как-то умудрился, перегнувшись поверх грудей, прижать свои губы к её губам. Дора никак заметно не отреагировала, разве что сжала губы. Я бы мог зайти сбоку, чтобы легче добраться до губ, но я перенёс своё внимание с губ на груди и взялся за них руками. Дора рук моих не отрывала, а смотрела мне в глаза с отстранённым выражением лица, будто груди были вовсе не её. Однако когда я попытался залезть внутрь и пощупать груди без скрывающей их таким, Дора оказала жестокое сопротивление, преодолеть которое я не смог, поскольку не приложил необходимых усилий из-за того же равнодушия и кусания комаров. Но тем не менее я поставил для себя галочку: мол, попытался.

Такое гулянье быстро надоело нам обоим, мы вышли из леса и вернулись в свои дачные комнаты, где наши мамы смотрели на каждого из нас с гордостью от уверенности в оправдании каждым ребёнком соответствующих надежд.

Вернувшись в Ленинград к началу школы, я позвонил Доре и она пригласила меня к себе. Я всё ещё был девственником и

плохо представлял себе, как может произойти сближение, но почему-то я уверился, что раз она меня приглашает, значит что-то произойдёт. Причём Дора сказала, что она в квартире будет одна. Но тут же добавила, что готовит обед к приходу мамы.

И действительно, Дора была одна, но одета, а не в халате на голое тело, как мне представлялось она должна меня поджидать. Целовать её я больше не пытался. Я положил Доре руку на полное колено, до которого свешивались её чёрные могучие волосы, и она это вытерпела с незадействованным лицом. Но когда я стал поднимать руку выше, Дора цепко схватила меня за кисть обеими руками и водворила её обратно на колено. Я попробовал ещё раз, но с тем же результатом. Я тогда не представлял, как можно применить силу и на что её направить. Ну хорошо, я заберусь выше, а что дальше? Проклятая невинность лишала меня уверенности в действиях. К тому же домоклов меч скорого прихода матери Доры висел в воздухе топором. Так как Дора была дурой, то говорить мне с ней было абсолютно не о чем.

Вдруг Дора сорвалась на шум в кухне, я поплёлся за ней. На плите кипела большая кастрюля. Дора, схватила её и на вытянутых руках, чтобы не обжечь груди, понесла к раковине отливать дымящуюся жидкость. Мне сразу представилось, что это ночной горшок с известным содержимым, доведённым до кипения, и мне стало так противно, что я бросился вон, не прощаясь.

Я очумело нёсся вниз по лестнице, чтобы поскорей выскочить на улицу и познакомиться с девицей, которая была бы мне по сердцу. И познакомился.

Стоит ли говорить, что с Дорой мы больше никогда не виделись? Наверное, не стоит.

Непляжная погода

На даче погода делилась на два типа: пляжную и непляжную. Если хоть как-то солнце пробивалось сквозь облака, то погода уже считалась пляжной и все тащились на пляж с сумками, набитыми едой, подстилкой, полотенцами и прочими пляжными аксессуарами.

На пляже в Репино светил как солнце (делая для девушек любую погоду – пляжной) красивый парень лет двадцати. Имени его я не знал, все звали его по фамилии – Полищук. Он был поистине главным героем пляжа. Сценой для него был круг пляжного волейбола. Это был волейбол в кружочек, то есть не для игры по правилам, через сетку, чтобы выиграть, а лишь для того,

чтобы покрасоваться друг перед другом. Полищук был высокий, стройный, мускулистый, смуглый, с короткой стрижкой и усиками, любующийся собой и нагловатый.

Мне же было лишь 16. Я тоже был стройным, мускулистым и смуглым, но поменьше ростом, без усиков и без других необходимых качеств, которые возникают только от успеха у женщин и опыта обращения с ними.

Кроме того, Полищук был актёром и соблазнителем, а я мечтал стать бесцеремонным ёбарем. Пока я им не стал (а нередко даже тогда, когда я им стал), многие женщины, а особенно девушки предпочитали именно Полищукский подход. А именно… мне даже трудно определить, в чём он состоял. Полищук двигался как нечто тигровое. Когда он сверху ударял рукой по мячу, он не опускал руку, а оставлял её на несколько секунд красоваться в положении только что свершённого удара кистью. Так что вся волейбольная игра состояла для него в том, чтобы зафиксировать то или иное его красивое движение или позу. Девушки, собравшиеся в большой круг, млели, глядя на его движения. Немногочисленные парни, тоже взявшиеся поиграть, не шли ни в какое сравнение с Полищуком, но зато получали остатки – тех девушек, на которых король не обращал внимания.

Когда Полищук выбирал себе девушку, он подходил к ней, поднимал её и взваливал себе на плечо – девушка радостно повизгивала и отчаянно делала вид, будто хочет освободиться, а сама обхватывала тело Полищука и прижималась к нему. Он нёс её к своей подстилке, укладывал девушку на неё и девушка становилась его счастливо воркующей рабыней.

Я в пляжный волейбол вообще не играл, так как считал этот круговой волейбол абсолютно бессмысленным с точки зрения спорта. Я занимался тогда вольной борьбой. А пляжный волейбол даже как средство общения с девушками мне был противен, я хотел залезть к ним в трусики без всякого фальшивого волейбола.

В то время я познакомился с красивой девушкой Светланой у пинг-понговского стола, что был на территории дома отдыха, куда она приехала отдыхать. Мы играли в пинг-понг и я её обыгрывал, как и всех прочих. Причём играли на счёт, по всем правилам. Девушка была старше меня года на два, но она только что приехала, никого ещё не успела подцепить и от нечего делать приняла моё предложение пойти в Репинские Пенаты. Я всех девушек водил в Пенаты. Дорога туда шла вдоль залива, среди сосен, песка и осоки с шиповником, и это позволяло провести долгое время в разговоре, взять девушку за руку, а того глядишь и за талию, а там и поцеловать, да ещё и положить на песок для более подробных прикосновений. Кроме того,

интеллектуальность Пенат делала из любовной встречи респектабельный культпоход, на что девушки соглашались с большей готовностью.

Светлана позволяла себя обнимать и целовать в шею, но губы отворачивала. В Пенатах мы походили вокруг вегетарианского круглого стола, послушали глупости экскурсовода и пошли обратно. Я и она нашли общий язык в полном непонимании, как это можно жить и не есть мяса. Репин и его обеденные гости в наших глазах выглядели полными дураками.

Прощаясь, я предложил Светлане пойти завтра вместе на пляж. Она согласилась. Ночью шёл дождь, и я боялся, что наутро погода будет непляжной и моё свидание со Светланой сорвётся. Но к утру небо очистилось и свидание состоялось.

На пляже Светлана побежала в раздевалку переодеться в купальный костюм. В раздевалках даже в самую жару было прохладно и мокро – песок там был вымочен водой из выжимаемых купальников.

Я смотрел на голени и ступни Светланы, видные под деревянной стенкой, не доходящей до песка. Я пожирал глазами её голубые, цвета мечты, трусики, которые она сняла, а затем – красные, цвета похоти и крови, от купальника, которые она натянула. Моё воображение работало на полную катушку.

Мы со Светланой улеглись на подстилку и подставили спины солнцу, я приблизил своё лицо к её с надеждой на горячие поцелуи, но вдруг рядом раздались громкие голоса и удары по мячу. Я и Светлана повернулись в сторону звуков – Полищук, его приятель и пять девушек организовали волейбольный круг. Полищук пружинисто присаживался, чтобы взять мяч, или высоко прыгал с застыванием в воздухе, чтобы ударить по мячу. Светлана внимательно смотрела минуты три и затем произнесла решительным голосом:

– Я хочу поиграть в волейбол, – и поднялась с подстилки.

– А я не хочу играть в волейбол, – злобно сказал я, понимая, что наступает неизбежная потеря. Единственное, как можно было бы её предотвратить – это схватить Светлану и силой удержать. Или избить Полищука. Но ни на то, ни на другое я был ещё не способен.

Светлана подошла к играющим волейболистам, круг раздвинулся, давая ей место, а Полищук запустил в неё приветственным мячом, который Светлана хорошо отбила. По тому, как она и Полищук обменивались мячами и словами, было ясно, что они сразу сыгрались, сговорились, спелись. И впрямь, через некоторое время Полищук подошёл к Светлане, поднял её, положил себе на плечо и понёс на свою подстилку. Светлана

пискнула пару раз, елозя руками по телу Полищука.

Я хотел встать и уйти, но рядом со мной лежала сумка и одежда Светланы. Я боялся, что их могут украсть, если я их оставлю. Но и от этой заботы я был вскоре избавлен – Светлана пришла за своими вещами, взяла их и ушла, бросив мне: «Пока!»

Начал накрапывать дождь и погода сразу превратилась в непляжную. Я стал собираться домой и увидел, как Полищук и Светлана, обнявшись, уходили с пляжа, полные солнца.

Идеализм слуха

Когда мне было года два-три, я любил засыпать под музыку. Музыка обычно являлась из патефона. Родители думали, что я буду Моцартом. Но оказалось, что слух у меня был еле слышный.

Есть две степени плохого слуха – самая страшная, когда человек не слышит, что он врёт, и поёт во весь голос, и при всех являет своё музыкальное уродство, и наслаждается собственным пением. Это подобно непривлекательной женщине, которая глубоко и искренне уверена, что она красавица, и с восхищением смотрит на своё отражение в зеркале.

Другая степень плохого слуха – осознанная. Она была у меня: я слышал, что фальшивлю, и поэтому никогда не пел в присутствии других людей, а, лишь когда я оставался наедине с собой, осмеливался подпевать певцам, слушая их по радио или на магнитофоне. Продолжая сравнение с женщиной, эту степень плохого слуха следует уподобить непривлекательной женщине, которая смотрит на себя в зеркало и утешается, что с её лица воды не пить.

Несмотря на плохость моего слуха, моя любовь к музыке ко времени отрочества выросла в одержимость. Я потрясался открываемым музыкальным гениям от Моцарта до *Beatles.* Но упор был явно на западную поп-музыку.

Семь лет я учился в школьном кружке музыки, мог играть по нотам и отчаянно пытался подобрать мелодии на пианино. Одним пальцем и то не получалось: я слышал, что перевираю мелодию. Как я завидывал тем, кто мог сесть за рояль и по слуху играть любую тему да ещё с вариациями!

Нот, с которых можно было бы сыграть любимые мелодии, разумеется, не было. Потому я перенаправлял все свои музыкальные страсти на то, чтобы музыку слушать, и переписывал музыку у приятелей на свой магнитофон.

Соблазнение девушек и ебля с ними у меня в комнате тоже всегда вершились под музыку. Так музыка стала для меня неразрывна с сексом. Но писать стихи под музыку я не мог – музыкальный ритм сбивал поэтический. Для поэзии мне требовалась тишина.

В голове у меня звучали мелодии и их аранжировки, которые я придумывал, но воспроизвести их ни голосом, ни на клавишах я не мог.

Когда я рассказал маме, что у нас в институте объявлен набор в студенческий эстрадный оркестр, мама стала меня убеждать попытаться попасть туда пианистом. Так выражалась

слепая материнская любовь – в полном пренебрежении реальностью во имя веры в своего ребёнка. Мама считала, что я при плохом слухе, тем не менее, могу играть в оркестре по нотам. Я, конечно же, и не думал близко подходить к оркестру, поскольку прекрасно понимал свою музыкальную обречённость.

Я остро чувствовал и почти видел, что мостик в моём мозгу между берегом музыкальной мечты и берегом звуковой реальности безнадёжно отсутствует. Но я уверен, что когда-нибудь этот мостик научатся возводить с большой лёгкостью, и у всех будет идеальный слух.

Если бы, как в сказке, бог, джин или золотая рыбка предложили мне выполнить одно-единственное моё желание, я бы, не задумываясь, попросил идеальный слух – ас ним, уверен, я бы смог заполучить и всё остальное.

Серенада Солнечной Долины

В самом раннем детстве я услышал слово «чу-ча». Его произносили как мама, так и папа. Ни для моих родителей, ни для меня это слово тогда вовсе не воспринималось аналогом русского «ту-ту», имитирующим звук паровоза, чем «чу-чу» является на английском. Слово это связывалось по звуку с «каучуковым танцем» – именно так запомнился папе танец, исполнявшийся Nicholas Brothers (братьями Николас), поражавшими мир своей виртуозной гибкостью и акробатичностью. В России их назвали бы «гуттаперчевыми мальчиками». (В неблагодарно подражательных СССР братья Русаковы с изяществом истинных гусаков пытались копировать братьев Николас колченогой чечёткой.)

Эти запомнившиеся родителям музыка и танцы братьев Николас исполнялись в грандиозной композиции *Chattanooga Choo Choo* из их любимого американского фильма *Sun Valley Serenade.*

Серенада Солнечной Долины, вышедшая в 1941 году, неизгладимо запечатлелась на, минимум, двух поколениях – военном и послевоенном. Впервые фильм показали в СССР в разгар войны, то ли в 1942, то ли в 1943. Моя мама смотрела *Серенаду* в эвакуации, в Самарканде, а папа – в Ленинграде, вернувшись с фронта. Они рассказывали, как война делала этот фильм особенно ошеломляющим – сказочная музыка, сказочные танцы, сказочная мирная жизнь.

* * *

У родителей были так называемые друзья, у которых имелась копия киноленты *Серенады*, они прокручивали её дома на кинопроекторе по праздникам в первые годы после войны. Это богатство досталось им в наследство от их отца, владевшего кинотеатром в период НЭПа, который благодаря своим старым связям заимел копию драгоценного фильма. В один прекрасный день оказалось, что владельцы сокровища одолжили кому-то этот фильм, и он пропал. Такова была официальная версия, но это были не из тех людей, которые могли бы что-либо одолжить, тем более такую бесценную вещь. Они были известные жмоты, – я это запомнил, когда ещё маленьким мальчиком бывал с родителями у них в гостях. Я видел за стеклом серванта вазу с фруктами и коробки с шоколадными конфетами, которыми они нас никогда

не угощали. Они выставляли только блюдечко с несколькими печеньицами.

* * *

Вскоре после войны фильм сошёл с экранов, и по телевизору его никогда не показывали. А в 1960 году появились афиши, объявляющие о выходе на экраны *Серенады Солнечной Долины. Я* часто слышал от родителей восторженные воспоминания о различных эпизодах из *Серенады*, насвистывание и напевание мелодий. Мне было 13 лет, и я зажёгся родительским огнём – мы ждали дня выхода *Серенады* на экраны, чтобы сразу ринуться его смотреть.

После появления афиш про грядущую *Серенаду Солнечной Долины* в народе пошёл говор – военное поколение, видевшее фильм, вспоминало свою молодость и распространяло восхищение среди молодёжи. Кроме того, любой американский фильм был тогда невидалью и редкостью, а тут ещё ожидался джаз – слово, проникающее в глубину души передовой советской молодёжи.

Толпы жаждущих увидеть *Серенаду Солнечной Долины* выстроились у кинотеатра *Великан*, который был самым большим в Ленинграде.

Мы с мамой и с папой встали в одну из огромных очередей в кассы и по мере продвижения со страхом смотрели, как кассирши вынимали таблички с тем или иным сеансом, висевшие над кассами, что означало, что все билеты на данный сеанс распроданы. Но мы решили пойти на любой сеанс и сидеть на любых местах.

Какое великое чувство напряжённого предвкушения охватывало человека, когда твоя очередь перемещалась из улицы в обширное помещение касс – конечная цель обретения драгоценного билета становилась зримой и ощутимой. Следующим рубежом в продвижении к вожделенным билетам было приближение в непосредственную близость к окошкам кассы, каждая из которых была огорожена стальными барьерами, что, подобно коммунистической партии, «направляли, строили в ряды» беспорядочно витые очереди. В огромном кассовом зале было штук десять касс. Сердце билось чаще с каждым шагом приближения к окошку, из которого женская рука выдавала билетное счастье, но это счастье могло в любой момент кончиться и тебе не достаться. Кассирша выкрикнула, что на такой-то сеанс остались билеты только в первый ряд. Некоторых снобов впереди

нас это отвратило, и они вышли из очереди нам на радость, получившим дополнительный шанс.

Касса крайняя справа была кассой брони, там очереди не было, и мы завистливо смотрели на изредка подходивших счастливцев, обладавших чудесной книжкой купонов, которые возвышали её владельцев над очередью. Одно время моя слегка ненормальная тётя имела любовником шамкающего профессора лет на двадцать её старше. Он был какой-то необыкновенный профессор, так как имел такую купонную книжку, и тётя от нечего делать и по привязанности ко мне время от времени брала меня в кино – я ещё не понимал, но уже чувствовал, что ей также было приятно покичиться властью, полученной от любовника. Я хорошо запомнил это ощущение привилегированности, перекинувшееся на меня, когда тётя шла мимо очереди и запросто брала дефицитные билеты. Так что теперь я чувствовал себя ущемлённым, сброшенным с Олимпа богом в очередь смертных.

Наконец счастье снизошло на нас, и мы купили билеты – пропуск к мечте. Грозная толстая контролёрша оборвала уши нашим билетам, оставив рваные раны, доказывающие законность нашего пребывания в святилище зала. Мы вошли в храм – фойе кинотеатра *Великан.*

Предыдущий сеанс только что закончился, и потоки приобщившихся к чуду зрителей стекали с многочисленных этажей и ярусов кинотеатра, отгороженные от нас контролёрами и верёвочными заграждениями. Контролёры стояли начеку, чтобы никто не проскочил обратно в фойе и не посмотрел бы фильм повторно, и, что самое ужасное, – бесплатно.

Родители и я хрустели вафельными стаканчиками пломбира, смотрели на радостные лица приобщившихся и предвкушали собственное скорое восхищение.

О, чудесные мгновения перед самым началом сеанса, когда ты уже сел на своё законное место в длинном полукруглом ряду и ждёшь, когда люстры и лампы начнут меркнуть, и занавес начнёт нехотя, но неизбежно расползаться в стороны, открывая белое поле действия грядущей радости.

Перед фильмом обязательно показывали киножурнал, и мы гадали, будет ли это «Новости дня», про нескончаемые успехи советской власти, «Новости сельского хозяйства» про очередную панацею для хронически недомогающего сельского хозяйства – «торфоперегнойные горшочки» или вожделенная «Иностранная кинохроника», где продемонстрируют на 90 % – экономические достижения в странах народной демократии и на 10 % – ураганы и антиправительственные демонстрации в странах, где властвует

капитал. Но даже «Новости сельского хозяйства», не смогли испортить нашего настроения, состоявшего из предвосхищения чуда. Тягомотина вымученного энтузиазма, которым был нашпигован киножурнал, закончилась восстановлением света из тьмы. В открытые двери ринулись запоздавшие счастливчики, но зал был уже переполнен – заняты были даже боковые складные сидения. Мы ясно слышали хлопки сидений, которые мгновенно захлопывались пружиной, стоило сидящему чуть привстать.

И вот уже окончательно гаснет свет и на экране появляется эмблема *20th Century Fox*. Прожекторы поелозили по чёрному американскому небосводу и волшебная музыка хлынула в зал на замерших зрителей. Мои глаза перестали моргать. А ушки перебрались на макушку.

В процессе просмотра я поразился, узнав мелодию *The Kiss Polka* (Поцелуйной Польки), – я, будучи лет пяти, увлечённо слушал её дома на пластинке – какой-то аккордеонист исполнял эту польку с вымученным советским задором. Когда я позже разыскал пластинку среди старья, я прочёл на этикетке русскую фамилию композитора. Уж где Россия действительно на первом месте, так это в области присваивания чужого и называния его своим.

* * *

Я, подобно большинству подростков, ужасно голодал по западной популярной музыке. Первым огромным и цельным музыкальным впечатлением был ГДРовский фильм *Уличная серенада* (предтеча *Серенады Солнечной Долины*). Он вышел в 1956 году, мне было девять и фильм шёл по телевизору не раз. Я буквально трепетал от песен в этом фильме. Однажды он шёл по телевизору поздно вечером, и родители не разрешили мне его смотреть – пора было спать. Но я уже видел его раза два и помнил все песни, лежал в кровати и вслушивался за стеной в каждую ноту. Мама пришла посмотреть, сплю ли я, и застала меня лежащим на спине с открытыми глазами совершенно не сонным. Я объяснил, что слушаю музыку. Видя моё такое увлечение, мама сжалилась и позволила мне пойти досмотреть вместе с ними мой любимый фильм.

И вот теперь не немецкая, а американская серенада, да ещё Солнечной долины – разве можно придумать для фильма более романтическое называние?

* * *

Пока у меня не было магнитофона и коротковолнового приёмника, настоящую, то есть западную музыку можно было услышать только из Финляндии на длинных и средних волнах, на даче на Финском заливе. Так я впервые услышал *Everybody Loves Somebody Sometime*, которую, как я потом узнал, исполнял Dean Martin – я чуть не плакал, слушая это волшебство, прерываемое помехами.

У Промки я часто видел хмырей (а по сути это были деловые люди, гонимые в СССР), которые по-шпионски предлагали купить рок «на костях», то есть самодельно записанный резцом аналогично виниловым пластинкам, но в толще эмульсии рентгеновских снимков. Помимо шипения иголки по мелким бороздкам, в которых был законсервирован рок-н-ролл, покупатель получал вырезку из чьего-то скелета. Особой популярным был *Rock Around the Clock*, который переводился без ведома смысла английской идиомы (Рок круглые сутки) как «Рок вокруг часов». Я представлял себе огромные часы, стоящие посреди комнаты, вокруг которых вытанцовывают рок американцы, напоминающие стиляг.

Первой государственной попыткой дать народу легально нюхнуть западную популярную музыку была серия долгоиграющих пластинок *Вокруг света.* «Свет» для составителей серии, погоняемых цензурой, состоял в основном из стран Народной демократии и каждая пластинка крутилась вокруг Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Польши. Но в качестве затравки, чтобы серия раскупалась, в неё попало и несколько западных песен. Итальянская *Volare*, Doris Day *Teacher s Pet* и Frank and Nancy Sinatra *Something Stupid.* Разумеется, названия переводились так же по-дурацки как и «Рок вокруг часов».

Но эти вещи очаровывали до глубины души, доказывая, что за охраняемыми границами социалистического лагеря находится и процветает иная вселенная.

* * *

Ошеломление, испытанное от просмотра и прослуха *Серенады Солнечной Долины* можно сравнить… ну, конечно же с сексуальным ошеломлением, испытанным от первой ебли причём со взрослой умелой женщиной, которая любовно выводит тебя на истинный путь ко всем её отверстиям. Я наконец понял, что такое настоящая музыка, моя музыка, танцы, пение и как я их, оказывается, безумно люблю с первого взгляда.

Однако сексуально меня этот фильм совершенно не

взволновал, так как Sonja Henie и Lynn Bari были абсолютно не моим типом женщин. Мне полюбились секретарша в приёмной и телефонисточка, но они мелькнули на секунды. Музыка и танцы в *Серенаде* стали для меня полнейшей заменой сексу. (Такое со мной случилось в первый и в последний раз, что ещё раз подтверждает мощь этого фильма.)

В те времена вся западная современная музыка объединялась для меня в одном слове «джаз». Я даже не знал, что род джаза, который я так полюбил, называется «swing». Начав бегать по знакомым с недавно купленным родителями магнитофоном, чтобы переписать музыку, я поразился, что такая различная и не похожая на «серенадную» музыка тоже называется джазом. Так например, джаз-модерн оставлял меня в равнодушном недоумении, а рок-н-ролл тоже меня увлёк далеко не сразу. Музыка из *Серенады* очень долго служила для меня эталоном любимости музыки. А герой фильма – эталоном мужской красоты. После первых нескольких просмотров я вознамерился сделать себе причёску как у Тэда Скотта, которого играл John Payne – а именно – поместить пробор, чуть смещённым к середине так, что линия волос левее пробора образовывала с линией пробора острый угол.

* * *

Через год или около того фильм стал сходить с экранов. Однажды в программе кинотеатров я увидел, что *Серенада* идёт в летнем кинотеатре ЦПКиО – там шли фильмы последним экраном, перед полным их исчезновением. Я устремился туда на трамвае вместе со своим одноклассником Борей П. Было жёлтое время природы. Со смертельной грустью я провожал каждый наизусть запомненный кадр, каждую сладкозвучную ноту. Предвкушение появления на экране каждой музыкальной композиции ощущалось как предвкушение жизненных этапов: *Лунная серенада* – младенчество, перетекающее в детство песни *Мне декабрь кажется маем*…, когда всё ещё впереди. Затем марш при встрече Карэн Бэнсон – открывающаяся юность и расцветающая в полную силу *In the mood*, наступающая зрелость *Чаттануги Чу-чи*, полька старости и оконечная симфония смерти – окончания фильма, что вызывало грусть и молчаливый вопрос: «Когда я снова смогу посмотреть *Серенаду Солнечной Долины*?»

Выходя из кинотеатра, мы с Борей, перебивая друг друга, смаковали только что увиденные эпизоды:

– А помнишь как Тед пел…?

– А помнишь как Карен упала?..

Серенаду я посмотрел в СССР не менее десяти раз.

* * *

Именно тогда после серии пластинок *Вокруг света* стала выходить другая серия с не менее оригинальным советским названием: *От мелодии к мелодии*, пластинки которые тоже крутились по лагерю социализма. Разумеется, они были предметом огромного дефицита, и именно в одной из них оказалась записана *Chattanooga Choo-Choo.* Название её по-русски звучало неизменно по-дурацки. Однако на пластинчатой этикетке на этот раз признавалось, что вещь эта из *Серенады Солнечной Долины* и что композитор Уоррен, а не Сидоров. Я был очень удивлён, что музыка написана не Гленом Миллером. Во мне жила уверенность, что музыка была только его. Когда шли титры в фильме, я не принимал их близко к сердцу, считая само собой разумеющимся, что только Глен Миллер мог написать такую роскошную музыку.

В поп-музыке существует огромная несправедливость по отношению к композиторам: почти никто не интересуется и не знает, кто сочинил музыку, которую исполняет певец. Часто полагают, что сам певец, а в большинстве случаев людям наплевать – испытывают наслаждение от слушания любимого певца и больше ничего не нужно.

Вот и я тогда автоматически приписал всю славу Глену Миллеру, а ведь композиторами этой чудесной музыки, как и в следующем фильме с участием оркестра Глена Миллера и Nockolas Brothers (*Orchestra Wives*) был гениальный Harry Warren.

Немыслимо представить себе подобную ситуацию в классической музыке, будто бы почти никто не знает, что замечательные вальсы сочинил Шопен, а знают только Горовца и прочих исполнителей его произведений.

Поэтому я старательно даю ссылку на все музыкальные вещи в *Серенаде* и кто их автор.

Великая удача сопутствовала мне, благодаря которой я после долгих беганий по пластиночным магазинам оказался в одном именно в тот момент, когда «выбросили» эту пластинку с Чучей. Полный трепета, я купил её, несмотря на то, что у нас дома не было проигрывателя для долгоиграющих пластинок, а был лишь старый на 78 оборотов, со сменными иголками. Но, одержимый идеей во что бы то ни стало прослушать любимую музыку, я случайно совершил великое открытие (как совершались многие

великие открытия). Как-то раз я включил проигрыватель и слегка толкнул диск, на который клалась пластинка. Диск стал вращаться значительно медленней, чем обычно. Я надеялся, что эта скорость близка к 33 оборотам в минуту и мне удастся на нём прослушать долгоиграющую пластинку.

Рискуя испортить пластинку неправильной иглой, не предназначенной для долгоиграющих пластинок, я не мог устоять перед соблазном и дрожащей рукой опустил звукосниматель на бороздку пластинки, где начиналась Чуча. В заметно ускоренном ритме полились прекрасно узнаваемые восхитительные звуки – скорость оказалась не 33, а чуть побольше. На пластинке была записана оркестровая часть, художественный свист и пение Тех Beneke, отложившего свой саксофон во имя свиста и пения с вокальной группой *The Modernaires*. Пение братьев Николас с чёрной красоткой Dorothy Dandridge и музыку, под которую танцевали братья Николас, вырезали – уж не знаю по расистским ли соображениям или из-за нехватки места на пластинке.

Слушая Чучу, я видел перед глазами каждое движение участников – память прокручивала заученное кино.

Я пошёл домой к моему однокашнику Диме С., у которого был настоящий проигрыватель для долгоиграющих пластинок и у которого были яркие ГДРовские носки в крупную клетку, предмет моих мечтаний, без блата недостижимый. В школе Дима демонстративно клал ногу на ногу, ставил показательно одну ногу на учительский стул во время перемены, короче, делал всё, чтобы продемонстрировать свои роскошные носки. Они на фоне наших темно-коричневых и темно-синих, а также чёрных представлялись мне носковой «Серенадой Солнечной Долины».

С помощью проигрывателя Димы я наслаждался неискажёнными звуками Чучи, пока Димина мать не сказала мне, что ему пора делать уроки.

* * *

После исчезновения *Серенады* из кинотеатров я повсюду разыскивал её отзвуки. Мой дядя работал главным врачом в так называемом ночном профилактории *Бельведеру* что располагался в нескольких километрах от Петродворца на холме. Когда-то это был царский охотничий домик, а точнее – дворец. На первом этаже помещалась столовая, а на втором – зал для танцев с пианино и проигрывателем. Полукругом вокруг дворца расходились жилые одноэтажные помещения для отдыхающих и для обслуживающего персонала, где жил и я. Под холмом

плесневел совхоз, который распространял запах свиного дерьма, стыдливо называемого удобрением. Приголубленный дядей, я отдыхал в *Бельведере* в пионерском лагере, разбивавшемся на месте профилактория в летние месяцы. Я не хотел подчиняться порабощающему пионерскому режиму и, чтобы поместить меня отдельно от остальных, мне придумали должность пионера-инструктора. Я с радостью ухватился за эту должность, потому что она позволяла мне жить одному на веранде, без всякого распорядка дня и есть вместе со взрослыми вожатыми за одним столом. Оставалось придумать, инструктором чего я могу быть. Я напрягся, старясь изобрести, что же я могу инструктировать, и ничего не мог придумать лучше, чем настольный теннис. Я в то время прыгал у пинг-понговского стола по многу часов в день, как только удавалось где-либо его найти. Руководящая общественность в лице дяди не возражала моему выбору инструктажа и даже не проверила моих квалификаций. Ни одного урока пинг-понга пионерам я не дал. По одной простой причине. В *Бельведере* стол для пинг-понга украли.

В один из дождливых дней я забрался на второй этаж *Бельведера* и стал копаться в старых пластинках, лежавших навалом, без бумажных рубашек, голышом, царапавших друг друга острыми бороздками. Мне попалась заезженная пластинка, на этикетке которой я прочёл название *Лунная серенада.* Слово «серенада» действовало на меня магически, и я поставил пластинку на проигрыватель. После вступительного шипения послышались звуки увертюры к песне *Мне декабрь кажется маем*, – так я воспринимал тогда *Лунную серенаду*, лишь как вступление, а не как самостоятельную вещь. Я слушал в ожидании, когда начнётся сама песня, но вариации шли за вариациями, пластинка кончилась – и я понял, что песни не будет. Это меня разочаровало настолько, что я даже не выкрал пластинку, хотя она была для моего 78-оборотного проигрывателя. На пластинке не был указан композитор, а ведь именно Глен Миллер был автором *Лунной серенады* – единственной музыкальной композиции из фильма, которую написал он сам.

* * *

Когда я обосновался в США, я решил посмотреть *Серенаду* на английском, в истинном своём обличьи, но обнаружил, что этот фильм нигде не шёл. Его ещё долго не выпускали на видео, хотя в Солнечной долине штата Idaho, где снимался фильм, его крутили

в специальном кинотеатре чуть ли не круглые сутки.

В 80-х я совершенно случайно (а значит, весьма преднамеренно, по решению судьбы) увидел в газете, что *Серенада* пойдёт по одному из кабельных каналов. Я разыскал среди своих знакомых одного, который был подписан на этот кабельный канал, и он записал мне фильм на видеокассету. Вот когда я впервые услышал истинную речь, голоса и слова песен. Я смотрел *Серенаду* подряд несколько раз, разобрал каждое слово и каждую шутку и теперь мог до конца и полностью вкушать любую секунду фильма – он мне нравился ничуть не меньше, чем в отрочестве – *Серенада Солнечной Долины* не старела. Впервые она вышел на кассетах в 1992 году – до этого фильм держали в руках какие-то частные лица и не давали ему хода в народ.

Смело могу сказать, что *Серенада* была одним из стимулов переезда в Америку. Я хотел жить в стране, в которой создаётся такая музыка. Можно солгать актёрской игрой, режиссурой, декорациями, но нельзя солгать музыкой. Музыка *Серенады* сообщала окончательную правду об Америке.

Если в России под Новый год смотрят *Карнавальную ночь* и *С лёгким паром*, если в Америке смотрят *Miracle on 34th Street* и *It's Wonderful Life*, то я в своей стране смотрю *Серенаду Солнечной Долины.* Когда я смотрел *Серенаду* в России, я мечтал об Америке. Теперь, когда я смотрю *Серенаду*, мне вспоминается Россия. И радость от жизни в стране Серенады Солнечной Долины становится ещё больше.

Былой начальник

После окончания института я распределился в отдел научно-технической информации предприятия, где мой папа работал начальником конструкторского отдела – он устроил мне запрос. Работать инженером, ковыряться в приборах и цифрах мне было тошно, а при моих поэтических амбициях работа хотя бы с техническим, но языком, представлялась разумным компромиссом. К тому же работа находилась в пяти минутах ходьбы от дома, куда я прибегал на обед, приготовленный мамой, и ещё успевал перед обедом заняться физическими упражнениями под Тома Джонса и Энгельберта Хампердинка, которых поначалу мне было трудно различать друг от друга.

Отдел НТИ располагался в большом зале, где за столами в три длинных ряда сидело человек сорок, в основном измученных бытом женщин, но ни за что не желавших это показать. Были и мужчины, среди которых возвышался наш начальник. Буду звать его Маем.

Его стол находился посередине, у стены, в начале трёхрядья столов подчинённых, уходящих вдаль, к противоположной стене. Получалось, что он сидит не то в президиуме, не то на сцене. По правую руку от Мая находился стол его заместителя, человека толстого и себе на уме. Он был краснолиц от высокого кровяного давления, которое в конце концов с ним смертельно расправилось. А по левую руку от Мая стоял столик его секретарши, женщины, начавшей заметно стареть, но отчаянно и, как всегда, тщетно сопротивлявшейся времени.

Утром начальник входил медленным шагом, ни на кого не глядя, хмуро и важно. Он медленно усаживался в кресло и первым делом доставал из ящика чистый лист писчей бумаги. Им он с остервенением протирал поверхность стола, и без того блистающую от усердствовавшей тряпицей секретарши минут за пять до его прихода. Нет, наведение чистоты Май не мог никому доверить. Отдраив стол, он мстительно комкал бумагу, с отвращением бросал её в мусорную корзинку и рабочий день начинался.

Когда кто-либо из подчинённых подходил к Маю с вопросом или с докладом, он с минуту сосредоточенно изучал бумаги, не замечая стоящего. Проситель переминался с ноги на ногу, а если осмеливался сесть без приглашения, то поёрзывал на стуле. Май поднимал палец, давая знать, что он заметил просителя, но ему требуется ещё минута для того, чтобы дочитать какой-то чрезвычайно важный документ.

Если у начальника было плохое настроение, он наконец поднимал голову и раздражённо спрашивал: «Ну, что вам?» Сие приветствие обливало ушатом холодной воды каждого, кто не прошёл через это многократно и не выучился плавать «моржом» в ледяной воде начальникового самодурства. Если же у него было хорошее настроение, то он обращался с шутливым вопросом, но из той же ледяной проруби: «Ну, Михаил Израилевич, что вы хотите сказать в своё оправдание?» В результате подчинённые и так и этак оказывались в положении виновных.

Май побывал пару раз в Югославии и посему важно носил ореол кругосветного путешественника, эдакого великосветского Марко Поло. Ореол Май поддерживал тем, что несколько раз в неделю менял рубашку и галстук и чередовал штуки три костюмов, что было в диковинку, ибо простые смертные целую неделю носили бессменно один и тот же наряд. К тому же он, как говорится, «мочился духами» и был всегда гладко выбрит. Ухоженные волосатые пальцы держали авторучку с самовлюблённой чистоплюйностью.

Время от времени Май шёл в уборную покурить. Он доставал красивенький мундштук и пачку дефицитных болгарских сигарет *БТ*, наиболее напоминавших американские. Май прицельно вставлял сигарету в мундштук, а крошки табака, случайно упавшие на стол в процессе засовывания, он ожесточённо стирал с поверхности стола, как с лица Земли. Прежде, чем выйти из зала, он ещё долго держал во рту мундштук со вставленной сигаретой, с позволения сказать, элегантно сжимая его мелкими жёлтыми зубами, и перебирал листы бумаг.

Нередко у Мая болело сердце, и он сидел, театрально прижав ладонь к левой части груди и закрыв глаза, а другой торжественно клал под язык валидол. В эти моменты он был особенно важен. Все вокруг переходили на шёпот и цыпочки.

В какой-то момент он решил писать кандидатскую диссертацию. Для этого был нанят в отдел социолог, обязанностью которого было эту диссертацию писать. Также он использовал нескольких людей из отдела, которые тоже за него нечто писали. Май пытался взвалить работу и на меня, но я манкировал заданием и в основном писал стихи, так что он понял, что с меня много не возьмёшь и перестал меня вовлекать в свою псевдонаучную работу. Когда диссертация была готова, произошла её успешная защита. Всё что я помню, так это то, что через каждый абзац повторялась модная тогда фраза «системный подход». Что это значит, никто не знал, но фраза повторялась как мантра и вершила чудеса в процессе получения кандидатства.

Несколько раз в демократическом порыве Май ездил со всем

отделом на картошку. Каждый брал с собой убогую жратву, завёрнутую в газету, а в лучшем случае – в полиэтиленовом мешке. Май же привозил в специальной упаковке сплюснутые сэндвичи (он не любил слово «бутерброд»), а также одну или две сувенирные экспортные бутылочки вина с палец высотой. Обвинить его в насаждении алкоголизма из-за таких крохотных бутылочек было невозможно, а восхититься его изысканностью – пожалуйста. Для того и приносилось – не для выпивки же. Одному-двум подчинённым, к которым он благоволил, Май наливал по несколько капель в подсунутые стаканы.

А когда он уходил в отпуск, он объявлял об этом не иначе как «Я собираюсь на вакации».

И это был далеко не худший вариант советского начальника. В общем-то совсем невинный, но всё-таки противный вариант.

Однажды я вернулся из командировки и, подготовив отчёт, пошёл отдавать допуск в первый отдел. По пути я выронил этот листок бумажки и когда хватился и вернулся, нигде не мог его найти. Пришлось докладывать начальнику первого отдела, что я потерял допуск. А ведь по этому допуску группа шпионов-парашютистов, высадившихся ночью на крыше нашего «почтового ящика» могла получить информацию о наших захудалых научных достижениях, влачащих нас по «кремнистой» дороге в коммунизм. Так вот, этот начальник первого отдела заставил меня писать объяснительную записку, а потом её переписывать и дополнять деталями, тогда как допуск находился у него в столе, ибо его кто-то нашёл и сразу ему доставил. Так, вместо того, чтобы мне об этом сказать, он надо мной измывался, устрашая ужасом потери его вонючей бумажки. Иметь такого начальником было бы много противнее.

Но самое дурацкое в Мае было то, что, имея отдел, наполненный хорошенькими женщинами разного рода, Май, строящий из себя хлыща, ни за одной не приударял, хотя все они ожидающе заглядывали ему в глаза. На хуя тогда быть начальником, спрашивается?

Мои пьянства

Впервые я напился на выпускном вечере по окончании десятилетки. Праздновать было что – всё-таки серебряная медаль, хотя и вместо золотой: в моём сочинении члены некой комиссии торжественно нашли стилистические ошибки и поэтому я получил четвёрку. Истинная же причина была в стилистической ошибке иметь такую фамилию, как у меня – в Гороно решили, что слишком много евреев шло на золотую медаль. Уличить в плохом стиле, как известно, можно без математических доказательств, а достаточно лишь указания сверху.

Но всё оказалось к лучшему – получи я золотую медаль, я бы поступил в институт без экзаменов, а там мне бы пришлось тяжко с моими хилыми знаниями по математике и физике, годящимися для школы рабочей молодёжи, но явно скудными для технического института. С серебряной же медалью я шёл в общем потоке через экзамены, а чтобы их сдать на отлично, родители наняли для меня репетиторов, и уж они меня вышколили как надо.

Наш выпускной вечер проходил в ресторане-поплавке на Неве. Одноклассница Наташа П., которой я нравился больше, чем она мне, решила сбалансировать ситуацию, но перестаралась, подливая мне водку, как только опустошалась моя рюмка. (Много позже я испытал подобную традицию в Японии, когда твой сосед не терпит пустоту в твоей рюмке и постоянно подливает саке, и ты должен так же яростно и нетерпимо относиться к пустоте его рюмки.)

Я никогда раньше не пил более одной, максимум двух рюмок, а тут решил не разочаровывать Наташу и вливал в себя одну за другой, в глубине души надеясь, что заберусь на неё, затащив в кубрик или камбуз. Но мои желания полностью растворились в алкоголе. В какой-то момент я почувствовал, что моё нутро запротестовало и выпирает принятое наружу. Я бросился на палубу, где, перегнувшись через перила, пустил по воде салат «оливье» и шпроты, неразличимо перемешанные друг с другом. Наташа стояла рядом, соболезновала и даже вытирала мне рот салфеткой. Каким-то непонятным образом я всё-таки добрался домой.

Удовольствия от состояния чрезмерной опьянённости я не получил, и до Наташи не добрался, и это меня восстановило против пьянки. Позже я вдохновился пережитым и изложил вывод стихотворно:

Есть способ меру опознать —
решиться меру перейти.

С тех пор я больше не напивался до рвоты. Но до потери сознания напился.

Мой друг по институту привёз меня к своей знакомой девушке, которая была дочкой какого-то партийного бандита. А потому у неё была своя квартира и рано нажитая язва желудка, которую она лечила весьма прекрасным лекарством: спиртом с мёдом. Из-за такого высокоградусного лечения девушка находилась в приподнятом состоянии духа, чем вселяла мне надежду на пересып с ней. Своё радостное расположение духа она передала нам, угощая нас жидкостью из бутылки, на которой было написано не Rum, а Ron. Но по вкусовым параметрам и особенно по параметру крепости это был именно ром. Я ехал с намерениями взобраться на эту девицу, но напиток заставил меня полностью забыть о них. Мощь выпитого я почувствовал только в троллейбусе, который вёз меня домой. Я не помнил, как я в нём оказался.

До того, как я окончательно лишился памяти, я читал этой девушке своё стихотворение о бесполезности борьбы с собой:

Ещё одна битва с собой —
и я сотру себя с лица земли.

Девушке стих понравился, и я уверился, что она не станет бороться с моими желаниями. Но после очередной рюмки рома мне уже стало не до желаний.

На следующий день я корил себя за упущенный шанс забраться ещё в одно женское тело. Но и это было к лучшему. Заберись я туда и удержись в нём, её папа, партийный бандит, расправился бы со мной. Как я потом узнал, он расправлялся с другими любовниками любимой дочурки.

С тех пор я пью всегда умеренно: посмаковать золотистый скотч, выпить конус сухого мартини или полапать губами толстозадый бокал *Гинниса* с пеной у рта – я весьма обожаю.

Однако перед занятием любовным делами я вообще предпочитаю не пить, ибо только трезвая голова позволяет осознанно и глубоко смаковать еблю.

Кроме того я понял, что люди, стремящиеся выпить перед совокуплениями, это те, кто просто-напросто их боится (стыд ли перед обнажённой пиздой, страх ли, что не встанет, опасения ли, что не кончишь, что не понравится твоё тело, что не будешь

знать, что делать и т. д. и т. п.)

Мне же напивание совершенно не нужно, ибо единственная антиобщественная деятельность, в которой я ничего не боюсь – это ебля.

Напиваться же с горя или по другим причинам ещё нелепее. Я с горя и по другим причинам не напиваюсь, а тоже ебусь. Помогает в тыщу раз лучше.

Кусочек славы

Дело было в 1974-м или в 1975-м. Моего однокурсника, с которым мы приятельствовали, Толю А., распределили в Кохтла-Ярве, эстонский городок недалеко от Ленинграда. Эстония даже тогда была почти заграница. Толя жаловался на интеллектуальную и прочую тоску (он любил жаловаться) и предложил организовать мой приезд для её развеяния. Я должен был налететь ветром и вдохнуть поэзию в Толю и его окружение. Деталей, разумеется, я не помню, но Толя договорился с городской библиотекой, что я приеду читать стихи и говорить о литературе. Но кто такой – я? У меня тогда не было ещё ни одной журнальной публикации. Первая и единственная публикация, состоящая из одного стихотворения, произошла в 1976 году, – в год моего отъезда, – в воронежском журнале *Подъём*, – я его переименовывал в «Подъёб», хотя, конечно же, был ужасно рад публикации и благодарен за это редактору, который впихнул меня, ленинградца, среди обязательных для него воронежских поэтов. А стихотворение, которое опубликовали, было лаконичное:

Нам не понять Ромео и Джульетту.
Лишь двадцатью годами овладей,
вдруг осеняет нас холодным светом
взаимозаменяемость людей.

От ранней юности давно оправясь,
погибнуть от любви – не по душе.
Но даже смерть их вызывает зависть,
как всё, что недоступно нам уже.

Так вот, Толя меня представил библиотеке как «Члена Литературного объединения Виктора Сосноры». Для провинциального города такое звание оказалось вполне достаточным. Для меня же оно звучало как «сын Лейтенанта Шмидта». Но ехал я туда «не за деньгами, а за запахом…», за запахом пизды, да и выступление было бесплатным.

Толя организовал мне не только выступление в библиотеке, но и знакомство с его любовницей, главным свойством которой было то, что она являлась любовницей не только его одного, а ещё многих, чего она благородно не скрывала. Девушка работала в том же НИИ, что и Толя, да ещё славилась, по его словам,

красотой и добротой. Другим её характерным свойством было то, что она не беременела и, как сумел заметить Толя, не кончала. И если первое радовало своей беззаботностью, то второе побуждало на мужской подвиг. Я считал, что имею все основания воспользоваться её добротой и бесплодностью, а её неспособность достигать оргазма воспринял как вызов.

Я приехал в Кохтла-Ярве днём, Толя меня встретил и привёз к себе в однокомнатную квартиру, которую он снимал. Помню крохотную комнатку и большую высокую кровать у стенки, в которой Света оказалась, как только Толя ушёл заканчивать свой рабочий день. Но как это произошло – абсолютно не помню.

Света была высокого роста с богатыми формами на соблазнительном теле и действительно с милым лицом. Она не ломалась, не кокетничала, а радостно и непринуждённо шла навстречу моим желаниям. Что и как я с ней делал мне тоже не удалось вытащить из памяти, но наступил вечер, пришёл Толя и пора было ехать в библиотеку на моё выступление.

Когда я вошёл в библиотечный зал, я увидел его забитым народом. Я подумал, что, наверно, там идёт какое-то партийное собрание, после которого, вместо танцев, мне дадут почитать стихи для тех, кто решит остаться. Как же я был поражён, когда мне объяснили, что всё это скопление людей образовалось, чтобы посмотреть на меня да ещё и послушать. До того времени мне приходилось читать стихи максимум перед десятком-другим участников различных ЛИТО, но такая толпа никогда ещё не собиралась слушать мои стихи. В основном это были юные существа женского пола, но были и мужчинки. Я читал не только свои стихи. Я также читал стихи Алёши Шельваха, с которым меня познакомил Соснора. Я ими тогда изрядно восхищался, и мы с Лёшей активно общались.

После чтения началось самое интересное: общение с залом. Меня обвиняли в непристое, а я отбивался Достоевским[83] и его *Бесами.* Лёшины стихи назвали оскорбительными для Советской Армии, а я призывал слушателей отыскать в себе чувство юмора.

Однако самым прекрасным было видеть приклеенные ко мне внимательные и восхищённые глаза самочек разного вида и возраста. Впереди всех сидела Света с такого же рода глазами, Света, которую Толя и прочие великодушно делили со мной (а надо было бы сообща её поиметь всем на радость, но тогда даже мысль эта мне в голову не приходила – в России я был ещё невежественный).

После окончания вечера меня пригласили на квартиру какой-то интеллектуалки. Толя и Света были при мне плюс ещё много людей, никого из которых, увы, не запомнил. И оправдания мне

нет, так как я не пил и не могу свалить своё беспамятство на водку.

На следующий день я уезжал и договорился со Светой, что она приедет ко мне на ближние выходные. Мои родные уехали в отпуск и я жил один в трёхкомнатной квартире. Света исправно приехала и послушно смотрела телевизор в гостиной, пока я натаскивал ученика по математике для поступления в ВУЗ – его мать умолила меня давать ему уроки, она была учительницей в ПТУ, где я преподавал математику, и возомнила, что я ужасно хороший математик, так как однажды в учительской на перемене я решил задачку, над которой безуспешно мучились две другие училки.

Парень получил на экзамене тройку и в ВУЗ не поступил. Но мать его на меня почему-то не сердилась, а строила глазки. Я уже стал думать, что она сына использовала как предлог, чтоб со мной переспать, но быстро отговорил себя от этой самовлюблённой идеи.

Итак, Света смотрела телевизор, а я учил парня строить не глазки, а графики, а по сути – замки на песке.

Самое смешное, что ничего эротического я про Свету не запомнил, скорее всего из-за того, что со мной она тоже не кончала. Я потащил её почему-то гулять по Петроградской. Гулял и боялся, что столкнусь со своей главной любовницей, которой, чтобы провести выходные со Светой, я сказал, что уезжаю за город. Видно, в глубине души я хотел с ней столкнуться, иначе для чего бы я чуть ли не силком вытащил Свету из постели.

А потом я отправил Свету обратно в Кохтла-Ярве не то поездом, не то автобусом, но навечно, ибо мы больше с ней не виделись.

Через год Толя мне рассказывал, что Света познакомилась с каким-то армянином, научилась с ним кончать, вышла за него замуж и родила.

Думаю, что то восхищение, которое я видел в её глазах, когда я читал стихи, стало у неё ещё сильнее и главное – обоснованней, когда её пронял первый оргазм.

Венерические иллюзии

Мне было чуть за 18. Приближалась весенняя сессия первого курса. У меня к тому времени имелась постоянная хорошенькая девица, с которой мы регулярно оказывались в постели, а попутно я рыскал за новыми пиздами. Так, возвращаясь со свидания поздно вечером, я сел в почти пустой автобус, в котором ехала одинокая, а значит влекущая девица. Входя в автобус, я видел её только со спины: высокая причёска из серо-блондинистых волос, шейка в завитушках и элегантные ушки. Я решил сразу сесть рядом с ней, и потом разбираться, мила она на лицо или нет.

Я подсел к ней и она повернула ко мне голову. Формально красивое лицо, но не моего тогдашнего типа. Тем лучше, подумал я, можно с ней спокойно разговаривать, не суетясь от радости, что, мол, нашёл свою мечту.

Попутчицу звали Беллой. Она была парикмахершей и еврейкой. Мы живо покалякали, и я вышел на моей остановке с номером её телефона в кармане.

Через пару дней я позвонил Белле, пригласил её к себе домой – дело было днём, родители отсутствовали – и Беллу не пришлось уговаривать. Процесс соблазнения мы похерили и после затяжного поцелуя очутились в моей кровати. У Беллы была туго набитая мясом белая грудь с бледными сосками, чего я не люблю – мне по душе тёмные, чтобы они резко отличались от остальной кожи и тем самым подтверждали свою волшебную особенность. На её лобке курчавились густые серо-блондинистые волосы, а на губах они свисали прямо, так как были мокры.

Я лизал Белле клитор. Она глухо урчала, и из её влагалища сочился сок в обильном количестве. Потом мне это надоело, я лёг на неё лицом к лицу, проник хуем в рай и оразнообразил его тропическую влажность своей.

Через несколько дней началась сессия, и я сидел над конспектами, заставляя свою память удержать бесчисленные формулы, которые можно было бы взять из справочников. Но справочниками на экзамене пользоваться было нельзя. Потому я пользовался конспектами, которыми тоже было нельзя пользоваться. Но я ухитрялся.

Вот сижу я весь в конспектах и раздаётся телефонный звонок.

– Это кожно-венерологический диспансер. Вы такой-то?

– Да.

– Вы были в близких отношениях с Беллой Х.?

– Да, был, – сознался я.

– Вам нужно срочно явиться на приём в диспансер.

– А почему?

– Потому что эта девушка находится у нас на учёте и вы заразились.

Тут сердце моё упало на ступню, изнутри. Это был мой первый личный контакт с венерологией.

Я бросился в ванную рассматривать свой хуй на предмет нерегулярностей. Но ничего на нём не обнаружил, и когда пописал, ощущений непривычных я тоже не зарегистрировал – я знал из литературы, что должно быть жжение и выделения.

Больше всего меня взволновало то, что я мог заразить свою постоянную любовницу, с которой я общался после Беллы. К тому же меня почему-то удивило, что у еврейской девушки может быть венерическое заболевание. Мне тогда казалось что словосочетание «еврейская девушка» гарантирует её венерическую безопасность. Иллюзии, иллюзии…

Я никогда не любил откладывать дела и потому сразу отправился на Зверинскую улицу, на которой этот диспансер находился (насколько я знаю, он там и сейчас). Туда я ходил разок раньше не по венерическим, а по кожным делам и смотрел с подозрением на людей, сидящих в очереди, входящих и выходящих из кабинетов. И вот теперь я сам оказался среди не кожных, а венерических пациентов.

Я взял с собой конспекты, ибо назавтра был очередной экзамен, и пытался сосредоточиться на формулах. Если формулы я не запомнил, то фамилию врача-венеролога – на всю жизнь: Нестеров, высокий, мощный, немногословный с сединой на висках – ему бы хирургом быть. Он расспросил меня о симптомах, которые отсутствовали, вставил в мочевой канал ватку, намотанную на проволочку, болезненно пошевелил и послал на анализ. Затем мне делали провокации, впрыскивая с помощью резиновой груши какую-то жидкость в ту же уретру и заставляли сжимать кончик члена, чтобы эта жидкость не вытекла, а сделала своё дело, сидя где надо минуты три. Врач прописал, чтобы я выпил побольше пива, и запретил мне половые контакты до конца лечения. Затем я подписал бумажку, угрожающую тюрьмой, если кого заражу.

Мне пришлось придумывать правдоподобные причины, почему я вдруг не могу встретиться со своей любовницей, которая кипела похотью.

На следующий день я благополучно сдал экзамен, списав формулы из конспекта, и снова пошёл в диспансер.

В итоге выяснилось, что Белла больна гонореей, причём не первый раз, и я должен был по всем законам медицины от неё заразиться. Белла назвала меня в списке своих любовников, когда

явилась с ожившими симптомами в диспансер.

Однако я не поддался на провокации, в том числе и на пиво, и никаких гонорейных симптомов у меня не появилось. Врач Нестеров удивлённо покачал головой и сказал, что мне крупно повезло. А я, осчастливленный, срочно бросился звонить своей любовнице, назначать совокупление, которое ей уже было необходимо позарез, о чём она мне накануне поведала.

Так я уверился, что у меня природный иммунитет к гонорее.

Однако через некоторое время природа лишила меня и этой приятной иллюзии. И я болезненно осознал смысл пословицы:

Не пей пиво, будешь писать криво.

Моё поднятие целины

В конце первого курса в 1965 году к нам на поток после лекции пришёл хлюпик-очкарик Женя Кушнер из ЛЭТИшного комитета комсомола и стал расписывать прелести поездки на целину: приключения, стройка, романтика и даже деньги.

Мне только стукнуло 18, и я ещё был полон умопомрачительных и общественно-полезных иллюзий. Я даже не особо заметил, насколько омерзителен был этот Кушнер. Я осознал это в полной мере лишь через два года, когда Кушнер вернулся из поездки в Париж в группе комсомольских активистов. Я спросил его, столкнувшись с ним в коридоре: «Ну, как Париж?!» Я ожидал услышать восторги свидетеля чудес, которые я только безнадёжно мечтал увидеть. Кушнер ответил без всякого восторга идеологически выдержанно и лаконично: «Ленинград лучше». Больше ничего сказать о Париже он не смог. После этого ответа я перестал с Кушнером разговаривать, потому что при его виде у меня возникал рвотный рефлекс и разговора произойти не могло уже по чисто физиологической причине.

Но в то время разговоры о целине вызвали во мне необычайный душевный подъём. Приближалось лето и мне хотелось приключений, а целина предстала идеальным вариантом. Несколько моих друзей и приятелей из моей и соседних групп, подобно мне, были подхвачены бурным потоком романтики, и все мы записались в отряд. Я даже написал какое-то стихотворение, которое лень искать, а всё что я помню – это уничижительное отношение к тем, кто на целину не едет:

…на дачках,
ищут лесные подачки
прочие.

Перед отъездом все собрались у здания ЛЭТИ, поджидая автобуса на вокзал, оставалось ещё пара часов, так что я и несколько соотрядников решили постричься наголо. Мотивы были разнообразные – от чувства протеста против комфорта до гигиенического опасения вшей.

В поезде ехали долго но как будто весело. После того, как было обнаружено, что Саша Б. спит с открытым ртом, я и ещё кто-то стали выдавливать ему в рот зубную пасту, и тогда он просыпался с полным ртом под хохот всех наблюдавших.

Одним утром спавшие на верхних полках проснулись с

чёрными лицами – это гарь, производимая паровозом, летела с лёгкой руки ветра в приоткрытые сверху окна.

Через трое суток мы приехали в Казахстан, Ленинградский район Кокчетавской области. Название посёлка, рядом с которым располагался наш отряд, я не помню. Со станции мы ехали в кузовах допотопных грузовиков, трясшихся по пыльной и необозримой степи. Когда мы приехали в лагерь, лица наши были серые от бездорожной пыли.

Лагерь представлял из себя три-четыре большие брезентовые палатки, в которых стояли металлические кровати. В каждой палатке помещалось человек двадцать.

Рядом с палатками была кухня-столовая – деревянный сарай, где стояли столы и скамейки для удобства поглощения еды и, чуть поодаль от них, плиты, на которые ставились котлы для производства варева из пищепродуктов.

Перед нашим отрядом стояла задача – построить то ли свинарник, то ли коровник, то ли хлев. В нашем отряде имелась пара профессиональных строителей, которые должны были нами распоряжаться с технической точки зрения. Но их профессионализм соответствовал уровню целинного бытия.

Начальником отряда был Гантмахер, студент старших курсов, имени которого никто не использовал, так как все называли его по фамилии, благо она была мною переделана в присказку:

Пошёл ты, гад, на хер, Гантмахер!

Спал он в палатке у брезентовой стенки, причём так крепко, что разбудить его было чрезвычайно трудно – приходилось пихать его изо всех сил, чтобы он раскрыл глаза.

Мы пользовались этим и мочились снаружи на брезентовую стенку палатки именно в том месте, где угадывалась его кровать. Его богатырский сон (и небогатырское обоняние) позволяли нам злорадно оправляться по очереди почти в самого начальника.

Моя работа была одна и та же: мы с напарником шли с носилками к цементному раствору, наполняли их, затем тащили их по шатким мосткам к ещё пустой опалубке и выливали в щель раствор, который должен был образовать стену.

Каждое утро начиналось с построения, где давались задания на день и плелась прочая ерунда, притворяясь армейским порядком. После первых пары дней мы уже к этим пионерским линейкам относились иронически, а на вечерней, усталые после работы, я и Серёжа Т., с которым мы выстраивались рядом, тихо восклицали: «День прошёл – и хуй с ним!» Очень скоро мы начали считать дни до возвращения.

Гантмахер ежедневно и торжественно обещал, что раствор

будет поступать «машина за машиной», но раствора постоянно не хватало. А если не хватало раствора, то мы не успевали построить хлев, за который нам причитались вожделенные деньги.

Голодными мы не были, но вкусненького хотелось, а его не было. Варились непрестанные макароны, но один раз пригласили казаха из посёлка и он сделал бильбашмак (или как там его?) – там в тесте было какое-то мясо.

Время от времени привозили кумыс. Необыкновенный вкус его мне нравился, как всё необыкновенное. Ходили слухи, что в кумысе шесть градусов спиртовой крепости и потому многие заглатывали его в большом количестве в тщетной надежде захмелеть. Но при моём умеренно-любопытном потреблении непривычной жидкости опьянения не наступало.

В пустом магазине посёлка вместе с чёрствым хлебом продавался чистый спирт в бутылках – необходимый минимум для проживания в советской степи. Я раньше ничего, кроме водки, не видел и слово «спирт» для меня представлялось чуть ли не преступным, поскольку я знал, что в Ленинграде его добывали лишь одним способом – крали из различных лабораторий и учреждений, где он использовался для протирки и прочих технических целей. А тут, пожалуйста, – питьевой спирт – пей не хочу. Но я и впрямь не хотел, я и водку-то на то время пил всего раза три из-за нелюбви к состоянию опьянения, а прикладываться к бутылке со спиртом у меня не было ни желания, ни тем более денег.

Отрядные любители выпить покупали спирт тайно, так как алкоголь в отряде запрещался. Но это развлечение проходило мимо меня, как и другие типично целинные – одним из них было пение вечерами у костра. Эта процедура вызывала у меня особую ненависть. Прежде всего потому, что песни были феноменально дурацкие – вроде:

> Целина родная —
> вот ведь ты какая.

или:

> И качаясь, идут валы,
> от Баку до Махачкалы.

Я от этого хорового херового пения, как и от всякого общественного действия, держался подальше.

Некоторым отрядникам приходили посылки с едой от

родителей, включая и меня. Содержимым делились с разной степенью интенсивности: от самостоятельного сжирания, облагодетельствования ближайших друзей и до выставления на общий стол. Я делился, но избранно.

Дима Х. придумал напиток, представлявшийся нам амброзией. Он брал лимонную кислоту и смешивал её с содой в только ему известных пропорциях и получалась «шипучка» (составляющие он предусмотрительно привёз с собой). Ведь мы пили там только ледяную воду из колодца, которую подвозили на стройку, чтобы мы могли производительно работать в жару.

Вот я и придумал стишок, что начинался так:

> Долго думал Дима над
> тем, как сделать лимонад…

Остальное, разумеется, не помню.

Дима давал свой лимонад только избранным, тем к кому он благоволил, или сжалившись над теми, кто отчаянно канючил этот деликатес. Ведь лимонная кислота и сода были на вес золота, и потому эти возлияния происходили чрезвычайно редко и лишь среди посвящённых.

Иногда завозили молоко. Некипячёное молоко распивать запрещалось из-за опасности бруцеллеза, которым нас безудержно стращали. Пришлось мне поучаствовать в создании плаката, который повесили на кухне:

> Невежество, приводит, братцы, к слезам —
> сырое молоко – источник бруцеллеза.

Из книг я взял с собой единственную: первый том полного собрания Маяковского с его ранними шедеврами – это было время моей вспыхнувшей страсти по Маяковскому. Сей том до сих пор со мной в Америке и в нём прячутся пылинки и молекулы далёкой и всё ещё не поднятой целины.

Однажды в отряде устроили какой-то политически-развесёлый праздник. Я написал текст представления, от которого не осталось ни слова ни на бумаге, ни на моей памяти. Там фигурировала Military Police империалистической Америки. Буквы MP на касках я увидел на карикатурах в *Крокодиле*, не понимая их сути, но мы нарисовали их на картонных нахлобучках для обозначения империалистов. Разумеется, в сценарии были и какие-то советские герои. В чём была интрига – убей бог, не помню. Но представление состоялось и народ смеялся. Вот бы

вспомнить – чему?

Посёлок выживал без единого деревца с кривыми домиками, с пустым магазином и баней. Раз в неделю мы шли пешком в эту баню. Плескались в тазах с горячей водой. Самым большим наслаждением было, когда один из наших бригадников, парень высокого роста, брал наполненный тёплой водой таз и медленно выливал его на голову радостно вставшего под ним целинника. Ощущение потока воды по всему телу было великим наслаждением.

Однажды, возвращались в лагерь, мы увидели несущийся по узкой улице грузовик: за рулём, как принято, сидел пьяный шофёр. Мы такое уже видали, но на этот раз он вёз груз, который свешивался по обе стороны кузова, и нам пришлось прижаться к стене дома, чтобы он не смёл нас.

Как-то мы попали в домик в посёлке, где в пустой комнате жил вечно пьяненький местный житель. Он был русским, не казахом, и русских в этом посёлке было много – теперь я понимаю, что это были бывшие зэки, которые остались жить там, где отсидели срок. Этот пьянчужка нам что-то рассказывал, и это было явно интересно, так как мы ставили ему выпить в благодарность за его повествования. Но не помню ни слова из его рассказов.

Время от времени в отряд приходили сообщения, что в каком-то соседнем отряде произошёл несчастный случай и кто-то погиб. Каждый раз после такой смерти Гантмахер, восставши ото сна, вещал о необходимости техники безопасности. Но мы имели о ней плохое представление, как и сам Гантмахер.

Однажды я шёл по нашей стройке с полузакрытыми глазами, поскольку в лицо дул сильный ветер с пылью. Вдруг я куда-то упал и когда очухался, осознал, что я вишу на руках, провалившись в узкую и глубокую щель между двумя бетонными плитами. Падая, я инстинктивно уцепился за край плиты. Вот и висел. Шедшие за мной ребята вытащили меня. А подо мной был ещё метр падения, и я мог, упав, поломать ноги или шею и не докричаться до ребят, коль они не заметили бы моего падения. Таким образом, на один возможный смертельный исход в строительных отрядах стало меньше.

На целине я потерял всякий интерес к девушкам и даже онанизмом ни разу не занялся. То ли девушки были в чрезвычайно неприглядном рабочем виде, а тогда я принимал внешний вид самок слишком близко к сердцу, то ли физическая нагрузка и напряжённый образ жизни выбивали из меня похоть – не знаю. Любовной романтики мне целина тоже не принесла.

Одна девушка была весьма приемлема, но её сразу прихватил

какой-то хмырь и не отпускал её от себя, они сидели вместе, пели песни, а потом и спали у костра. А когда мы вернулись в Ленинград, они поженились – хоть не зря съездили на целину.

Другая девушка была толстая и некрасивая, но добрая, а вернее – сильно хотящая, так как она легко соглашалась оставаться с любым парнем на ночное дежурство и за надежду быть огуленной она мыла алюминиевые ложки и плошки и особливо – выскребала котлы. Со мной она по моей просьбе тоже пошла в ночь, но оприходована мною не была – я в то время был шибко разборчивый и к ней не хотел даже прикасаться. Но она добросовестно трудилась, в отличие от других, может, более привлекательных девиц. И это был для меня главный критерий выбора напарницы на ночное дежурство.

Была там и грудастая, но с плохими зубами девица, для которой я на день рождения (19 лет) написал стих, где рифмовал «девятнадцать» с «деве танцы».

Во многие отряды брали какого-нибудь трудно воспитуемого малолетку, чтобы перевоспитать его социалистическим трудом. Был и в нашем отряде такой. Он всё разыскивал что бы выпить, а в медицинской аптечке вытащил весь кодеин и съел разом. Ему было лет 15. Воробьёв, которые приплясывали рядом с кухней, он называл «жидами». Я, услышав такое, стал его вразумлять, что «жид» – плохое слово и к воробьям уж всяко не имеет отношения. Но «сын полка» так и не уразумел моих аргументов, и лишь перестал окликать эту орнитологию в моём присутствии, хотя издали, когда меня не видел, он продолжал отзываться о невинных птицах в плане «иудейской веры».

Наступил период, когда для нашей стройки потребовались кирпичи, но достать их вовремя Гантмахер не смог. Мы простаивали и значит теряли деньги. Радом с нашим свинарником, который мы возводили, находилась незаконченная постройка чего-то невнятного, сделанная другим отрядом в прошлом году. Предполагалось, что эта стройка будет закончена в следующем году, а в этом году отряд почему-то не приехал. Разумеется, кому-то пришла гениальная идея расковырять кирпичные стены недостроенного здания и использовать их для постройки нашего хлева. С молчаливого согласия нашего начальника отряда мы так и сделали, завершая очередную стройку социализма.

Когда мы вернулись в Ленинград, то деньги были распределены по не известным для простых смертных расчётам, и мне отслюнявили 110 рублей. Все рассчитывали на большее, поскольку ходили слухи о сказочных суммах, которые получали другие отряды с более эффективными начальниками. Но

жаловаться было некому. Разве что зачинщику Кушнеру.

В то время плащи-болонья находились в шуршащей супермоде. Это были дешёвые плащи от дождя, сделанные из тонкой нейлоновой ткани. Но изготавливались плащи в Италии, и поэтому они стали вожделенной мечтой для любого променажа как для женщин, так и для мужчин даже в солнечную погоду. Я тоже заболел Болоньей. Купить плащ можно было только по случаю в комиссионных магазинах или с рук, и стоил он приблизительно столько же, сколько я заработал на целине.

Был сентябрь и всех студентов, кроме целинников, отправили на картошку, а я тем временем недели две просидел по утрам на телефоне и обзванивал комиссионные магазины сразу после их открытия с единым вопросом: есть ли у них мужской плащ-болонья. В одно из счастливых утр в комиссионном магазине на Литейном оказался плащ – я ринулся туда, и там висела моя мечта – коричневый новый плащ-болонья с очаровательной фирменной нашивкой.

Так моя романтическая мечта целины обеспечила исполнение моей практической мечты одеваться стильно.

Спасительная болезнь

Год 1966. На втором курсе ЛЭТИ у нас начались военные занятия. Кафедра была морская и после окончания института нам должны были налепить погоны лейтенанта и отправить на подводные лодки – именно о такой радужной перспективе оповестили нас на первом занятии, которое вёл капитан третьего ранга, туповатый и хитроватый одновременно.

На занятиях нас заставляли изучать допотопные ракеты и ещё что-то взрывающееся – всё это оружие следовало в целях конспирации называть словом «изделие» (ведь американские шпионы приставляли свои грязные уши к запертым дверям аудитории и сразу бы узнали секреты этого летающего металлолома, назови мы его своим ржавым именем).

Занятия на военной кафедре вызывали тоску и омерзение, особенно у меня.

Высшей степени это омерзение достигло тогда, когда нас повезли в Кронштадт и втиснули в потроха дизельной подводной лодки, подобной той, где мы должны будем проводить счастливые дни после окончания института. Капитан, который привёз нас на эту подводную тюрьму, демонстрировал с торжественным выражением на лице всевозможные орудия пыток (от перископа до приборов управления торпедами) – капитан был уверен, что с этого момента мы только и будем мечтать, как попасть на подводную лодку побыстрее и на подольше.

Подводная лодка была построена по советскому принципу:

Жила бы страна родная и нету других забот.

Другими словами, места для жилья в подводной лодке не имелось – там было так тесно, что двоим было не разойтись в длинной центральной щели. Всё было забито каким-то железом, которое должно было стрелять или двигать. У офицерья дыры, чтобы приткнуться для спанья, были, разумеется, чуть больше, чем для матросни. Этим пытались утешиться мои сокурсники, представляя своё подлодочное будущее.

Гадостно впечатлённый увиденным, я рассказал о своей экскурсии родителям, и подлодочные образы наложились на общую тошнотворную перспективу служения в военно-морских силах СССР. Надо было что-то делать, чтобы не попасть в этот капкан. Родители позвонили их приятелю Исааку, который был врачом и членом врачебной комиссии по обследованию новобранцев. Исаак приехал к нам в гости – это был настоящий

биндюжник: огромного роста еврейский мужик, говорящий чрезвычайно медленно и с картавым акцентом. Исаак был хороший врач, ибо вымуштровал меня по симптомам нужной болезни с военной точностью. Он дал мне детальные инструкции, что и как делать, чтобы меня комиссовали и признали негодным к военной службе.

Неопровержимая болезнь для такой симуляции была холецистит (воспаление желчного пузыря): эту болезнь в то время диагностировали только по симптомам. Никаких убедительных анализов, чтобы подтвердить по ним наличие болезни, не было.

Симптомы холецистита я выучил сразу – боль с правой стороны подреберья. Особенно болезненно при нажатии. Тошнота, слабость.

Первым делом надо было вызвать неотложку и создать прецедент начала острого холецистита. Приехала неотложка, врач пощупал мой живот и послушал мои стоны, внял моим рассказам о тошноте и слабости и сразу же поставил вожделенный диагноз «холецистит». В больницу отправляться я отказался, сказал, что отлежусь.

Лелея про себя и вслух это освобождающее слово «холецистит», я на следующий день, согласно инструкциям Исаака, вызвал участкового врача и продолжил свои показные страдания в её присутствии: таким образом эта болезнь зафиксировалась в моей медицинской карточке районной поликлиники. Врач прописала мне диету и ещё какую-то ерунду и предупредила, что если приступы будут продолжаться, то она меня пошлёт глотать кишку, чтобы взять желудочный сок для исследования.

Об этом рассказывал Исаак как о следующем испытании для моих актёрских способностей. Глотание кишки было единственной процедурой, которой пользовались, чтобы определить наличие воспалённой желчи. Но и на кишку Исаак тоже придумал управу.

Он научил меня, что надо живописно изобразить. А именно – обострённый рвотный рефлекс. Когда кишку пытаются просунуть в глотку, надо вырываться и содрогаться в конвульсиях, предвещающих фонтан блевонтина. Я сыграл так убедительно, что медсестра в итоге шарахнулась от меня с непочатой кишкой в руке и написала в карточку, что, мол, не под силу мне кишку глотать.

После этого я вызывал врача ещё несколько раз, и врач уже знала, на что идёт. Она подтверждала диагноз и уходила, заклиная диетой.

Наступила пора очередного медицинского

освидетельствования по призывным делам. Врач нажал мне на живот, и я вскрикнул. «У меня холецистит», – сказал я. Врач посмотрел в мои бумажки и заключил, что с этой болезнью мне служить нельзя. Я постарался скрыть радость, хлынувшую в лицо. Врач выписал мне справку для передачи её в военкомат. Я тотчас ринулся в это зловещее заведение, которое раньше обходил стороной. Там я вручил справку с военным билетом. Когда мне его вернули, на только что чистой странице уже красовалась самая красивая печать, которую мне когда-либо приходилось видеть. Она состояла из магических слов:

> К военной службе не годен, в военное время годен к нестроевой.

Счастливый, будто выеб любимую кинозвезду, я выскочил из военкомата, прижимая к сердцу ставший мне дорогим военный билет. Вечером того же дня я отправлялся с возлюбленной смотреть спектакль театра на Таганке *10 дней, которые потрясли мир*. Мне посчастливилось не только выскочить из лап Советской Армии и Военно-Морского флота, но и попасть на гастрольный дефицитный спектакль, о котором говорила вся страна. На театральное изображение военно-революционных событий, тем более в Любимовской интерпретации, я смотрел с удовольствием, в особенности прихватывая за зад мою женщину, доставшую билеты.

Но самое великое на то время ощущение свободы охватило меня, когда я пришёл на военную кафедру ЛЭТИ и предъявил свой военный билет со штампом моей военной негодности. Согласно этому штампу, меня должны были освободить от военных занятий и я лишался права получения звания лейтенанта по окончании института.

Капитан изучил освободительный (как Советская Армия) штамп и нехотя стал изымать меня из списка приговорённых на занятия и лейтенантство.

С тех пор я целенаправленно посвящал высвободившееся от военной кафедры значительное время на книги и на женщин. Все мои студенческие друзья завистливо смотрели мне вслед, уходящему на свободу, тогда как они плелись зубрить элементы и функции «изделий», а потом сдавали экзамены и снова зубрили, пока многих не забрили в идиотские морские части и месторасположения.

Холецистит, ставший неотъемлемой частью моей личности, помогал мне и после окончания института – когда мне надоедало ходить на работу, я симулировал очередной приступ, получал бюллетень на несколько дней и отдыхал в своё удовольствие. Так

же я добыл несколько бесплатных путёвок в санатории Ялты и Железноводска, чтобы залечивать там свою «болезнь».

Мой папа, ушедший добровольцем на фронт, несмотря на студенческую бронь, мои дядья, один из которых был военным врачом на передовых, а другой артиллеристом дошёл до Берлина, только радовались моему дезертирству. Они сражались с фашистами, хотевшими нас уничтожить, а в моё время врагом был американский империализм, который хотел нас развратить. Уж слишком обаятельного врага выбрала себе Советская власть, которую я бы выдал с потрохами первому попавшемуся американскому шпиону, мечтая, чтобы Америка поскорее уничтожила советскую систему и установила свою.

Но шпионы мне не попадались, и я выбрал более оптимальный метод – если гора не шла к Магомету, то я сам отправился в Америку. А в ней я полностью выздоровел от своего «холецистита» и прочих советских болезней.

Впрочем, одна осталась – нетерпимость. И эта болезнь сохраняет моё здоровье.

Антисоветская «Спидола»

На работу я пошёл в 15 лет, а по гуманным советским законам подростку до шестнадцати лет разрешалось работать не больше 4 часов в день. Папа устроил меня работать в Учебно-экспериментальные мастерские ЛЭТИ – там начальником был его фронтовой приятель Д-ов. Я собирался поступать в ЛЭТИ и заиметь в самом этом институте предпочтительные для приёма два года трудового стажа было идеальным вариантом. Меня взяли в радиомонтажники. Я учился припаивать сначала сопротивления и конденсаторы, а потом (как поощрение) дорогостоящие диоды и транзисторы на текстолитовые и гетинаксовые платы. Когда я уходил в полдень, отработав свои четыре часа, все вокруг провожали меня злобно-завистливым взглядом. Законность моего ухода никого не смиряла с тем, что они-то должны продолжать ишачить.

Именно работая в Учебно-экспериментальных мастерских ЛЭТИ, я впервые испытал оргазм от нечаянного «вибратора». Мне дали механическое задание – пройтись корщёткой по металлической поверхности панелей, на которых монтировались осциллографы. Корщётка была смонтирована на круге, который вращался мощным электрическим мотором на стальной стойке, привинченной к цементному полу. Корщётка вращалась на уровне моего живота. Я, прижимая панель к корщётке, другую сторону панели подпирал низом живота и двумя руками держал панель за боковые стороны. Корщётка сотрясала панель, а панель передавала вибрацию через одежду на мой хуй – я почувствовал приятность и, когда я прижал панель сильнее к корщётке, она завибрировала сильнее, сползла полностью мне на хуй, и я излился себе в трусы. Механика сработала. Я с тех пор полюбил работу на корщётке, но мне её давали редко. В основном я паял.

Когда мне исполнилось 16, я стал работать полную смену и даже стал членом профсоюза. Добрый профсоюз давал нашему рабочему коллективу на зиму одну пару лыжных ботинок. Их приходилось разыгрывать среди лыжников. Я лыжником не был, но в лотерее участвовать стал и выиграл, чем вызвал злобу старого, толстого механика, который навострился на лыжные вылазки, а тут я, сопляк, только что начавший работать, получил заветные лыжные ботинки. Так как у меня не было лишней одежды, жили мы бедно, то я ходил в свою вечернюю школу рабочей молодёжи в синем байковом лыжном костюме и в лыжных ботинках. Когда наступила весна, я вернул в щедрый профсоюз стоптанные ботинки.

С радиомонтажным цехом, где я паял, соседствовал маленький механический с токарным, фрезерным и ещё какими-то станками. Это было время первых транзисторных карманных приёмников и токарь III-й делал на этом дефиците неплохие рубли. Он сдавал в то время экзамен на высший разряд станочника и зубрил для этого школьную математику. Кто-то его спросил перед экзаменом, выучил ли он синусы и косинусы. На это он гордо ответил:

– Что синусы косинусы? Я их тангенсами и котангенсами заебу.

Эти тангенсы и котангенсы явно представлялись для него высшей ступенью математики, тогда ещё невысшей.

Так вот, токарь III-й сделал форму, на которой из подогреваемого листа коричневого пластика выдавливал карманный гробик для транзисторного радиоприёмника. Из деталей, заимствованных в наших учебно-экспериментальных мастерских, на текстолитовой плате собиралась простейшая схемка для приёмника, работавшего на длинных и средних волнах. III-й брал за изделие восемь рублей. Тогда это были немалые, но в то же время и небольшие деньги, учитывая, что в магазинах карманных приёмников не имелось. Если с этим приёмником выезжать на Финский залив, то можно было словить Финляндию, а значит и западную музыку. А это для меня было уже большое дело. Поэтому я у него этот приёмник купил на заработанные деньги. Но в городе приёмник ловил станции плохо и вскоре я летом на даче продал его моему приятелю по двойной цене: приятель играл вечерами в преферанс и ему нужно было слушать музыку для успокоения души – так он обосновал свою покупку.

Продав карманный приёмник, я нацелился на *Спидолу*. Заработанные деньги я копил на неё. *Спидола* была великим событием в СССР – первый переносной коротковолновый радиоприёмник. А значит, он открывал доступ не только для западной музыки, но и для глушимых, но не заглушаемых западных голосов. На всех радиолах и настольных радиоприёмниках короткие волны начинались с 25 м и шли дальше 31,41 и 49 м. На этих волнах день и ночь работали глушилки, забивающие западные голоса на русском языке. Но в импортном варианте *Спидол* диапазон коротких волн начинался с 13 м и далее 15,17 и 19. Считалось, что на этих волнах глушилки не работают. Купить *Спидолу* в Ленинграде можно было только по огромному блату, которого у нас не было. Я решил обойти эту неприступную гору и вместе со школьным приятелем поехал в автобусную экскурсию в Ригу, где изготавливалась *Спидола* и где,

как говорили, в конце месяца их всегда «выбрасывали» в магазины для выполнения плана. Так и получилось – я её купил в первом радиомагазине, куда я зашёл. Счастью моему не было границ. Со *Спидолой* я не расставался ни днём, ни вечером. А летом я ходил с ней по пляжу, положив её на мою согнутую в локте руку и направляя выдвинутую антенну вперёд, как пику. Моей любимой передачей была американская *Breakfast Show*, которое вёл *Willis* Conover своим чарующим баритоном. Это были голос и музыка рая на земле.

Однако русские передачи *Голоса Америки, BBC, Свободной Европы, Немецкой волны* беспощадно глушились и отстроиться от глушилок было практически невозможно. А потому я загорелся идеей переделать *Спидолу* на импортное исполнение с другим набором коротких волн.

В то лето мы с родителями поехали отдыхать на машине в Ригу, и рижский родственник познакомил нас с парнем, работавшем на рижском заводе, изготовлявшем *Спидолы.* За какие-то поллитровые единицы измерения он вынес нам длинненькие платы со знакомо напаянными на них радиодеталями. Он вытащил старые платки из барабана выбора диапазонов и вставил новые. Но, как оказалось, эти новые короткие волны тоже глушили. Я недооценил вездесущности КГБ по всем радиодиапазонам.

Когда я приехал в Штаты и в году 1980-м отправился в Японию в командировку, я быстро соскучился по американской музыке и новостям и в огромном и ярком магазине электроники купил маленький переносной коротковолновый приёмник *Sony.* В Японии глушилок не было, и я, насыщаясь английским, вдруг услышал знакомый баритон Willis Conover, а за ним вступил оркестр Duke Ellington. Спираль сделала ещё один чудесный виток, я был так счастлив слушать любимый голос и любимые звуки в свободной Стране Восходящего Солнца, предвкушая вкусных японочек из турецкой бани, куда меня должны были вскоре повезти.

Я привёз приёмник *Sony* в США и понял, что там он мне совершенно не нужен. Музыку и новости я могу получить без коротких шипящих волн, слушать русские голоса из СССР было противно. Я спрятал ненужный *Sony*, по сравнению с которым *Спидола* выглядела, как телега перед кадиллаком, и через много лет подарил его своему другу, приехавшему из России ко мне в гости. Он был очень рад подарку и активно пользовался этой Соней.

Короткие волны в России всегда будут очень нужны, даже если глушилки временно отключили.

Мой Солженицын

Он умер идеально – во сне.

Солженицыну я во многом обязан своей судьбой – убёгом в США.

Когда на Западе был издан *Архипелаг*, и в газетах да журналах стали печататься возмущённые вопли советских людей, я стал делать вырезки и набрал таких целую папку. Перечитывал для вдохновения убёга. Перед отъездом я кого-то осчастливил этим архивом, подарив, – кому? Не помню.

Году в 1974 нам под страшным секретом дали на выходные почитать *Гулаг*. За чтение этой книги могли быть тогда огромные неприятности, вплоть до посадки. А потому мы дома решили книгу не держать, а прятали в своих *Жигулях* и ездили за город, в лес и там читали вслух: папа, мама и я – по очереди. Я был ошеломлён, потрясён, преображён прочитанным, и я чётко понял – из такой страны надо бежать. Причём как можно быстрее.

Потом вышел *Телёнок* – он меня научил, как надо обращаться с шушерой: не верить ни одному её слову и каждое слово угроз и проклятий придавать мировой гласности.

Колёса его устроили колесование моих надежд, что Россия может увернуться от божьего проклятия, которое патриоты тщатся представить благословением.

Ну а в старости Солженицын стал поворачиваться умом: вернулся, Россию изменить захотел – старческий романтизм, как и юношеский – удел всех, и судить за это может только вечный романтик, то есть безнадёжный дурак.

Все три его сына живут в Штатах. Умнее отца оказались. Прогресс рода Солженицыных.

Толкование визы

Год 1976. Тому, кто хотел уезжать из СССР и приходил в ОВИР с вызовом из Израиля, там выдавали анкету. Никто не знал, как правильно её заполнять. Среди подающих и уже подавших на выезд ходили слухи, что за каждую помарку, не то что ошибку, анкеты возвращают. Вопросы возникали на уровне: как делать прочерк? или – писать слово с заглавной буквы или со строчной? Всё это становилось делом жизни и пусть не смерти, но делом жизни здесь и жизни там, что по сути и становилось делом жизни и смерти.

Разумеется, никаких официальных инструкций для заполнения анкеты не существовало. Но зато существовала активная информационная связь между отъезжающими: встречи, телефонные звонки, слухи. Благодаря такой связи я получил адрес женщины, когда-то работавшей в ОВИРе и за умеренную плату заполнявшей анкеты для отъезжающих. Все заполненные ею анкеты якобы принимались без возврата. Я поехал к ней на квартиру. Коммунальную квартиру. Выглядела эта женщина кисло, комната её была тоскливой, но женщина твёрдой рукой и крупным почерком заполнила все пустые места в моей анкете и получила свои рубли. Чудовище ОВИРа сожрало заполненную анкету и не выблевало её.

В результате переваривания этой анкеты вместе с кучей других справок и заявлений, в том числе и заявления об отказе от гражданства СССР, за что надо было ещё заплатить приличные деньги, это чудовище произвело на свет одну бумажку под названием «Обыкновенная Виза». То что для чудовища было обыкновенным, для меня было великим чудом. Эта виза на тонкой сиреневой бумажке была моим пропуском в новую жизнь.

Вот я её и рассматриваю, подробно, уж в какой раз.

В этой визе оказалось запечатлённой цифровая мистика: в номере буква М, что совпадает с моим именем, а также набор цифр 606822, в котором сумма первых трёх совпадает с суммой последних трёх и составляет 12. Совпадение не случайно, ибо указывает на дюжину – основу исчисления в США, сидящей на английской, а не на метрической системе.

Я, тщательно бежавший семейных уз, которые навязывали разные бабы, вдруг оказался главой семьи «с ним 1 чел». Этим «челом» была моя младшая сестра. Оказаться таким главой семьи я был только рад.

После года рождения идёт предлог «с», а за ним прочерк. Я

так и не понял, для какой информации уготовлено было это место. Скорее всего это злобное сокращение слова «сука» – ух, как эта мразь тайно завидовала уезжающим в мир Иной.

ГУВД Леноблгорисполкома

обыкновенная

Виза М № 606822

выездная

Гр. гл. семьи с ним 1 чел.

Фамилия Пельцман

Имя Михаил Израилевич

Год рождения 1947 г. –

В пункты Израиль

Цель поездки (в какое ведомство) постоянное жительство

Действительна для выезда из СССР до 17 ноября 1976 г.

и въезда в СССР до

через пограничные пункты СССР, открытые для пассажирского движения Ленинград а/п

Выдана 01.II.76г.

К паспорту –

Подпись

В строчке «в пункты», – мудаки из Овира с КГБ любят идиотские слова, у них ведь пунктик на заграницу, – в визе значился Израиль. Куда я не ехал, но благодаря которому выехал.

Когда прилетели в Вену, в аэропорту нас ждал человек из еврейской организации: он спрашивал сошедших с трапа самолёта советских счастливцев – кто в Израиль, тот сюда, а кто в другие страны – туда. Ходили слухи, что израильтяне уламывают в особенности молодых людей на переселение в Израиль. Мол, используют от соблазнений до принуждений. Но ничего подобного с нами не случилось. Мы оказались среди подавляющего большинства – кучки беженцев, стремящихся из СССР куда угодно, но только не в Израиль и лучше всего – в Америку.

«Целью поездки» да ещё «в какое ведомство» проставлено «постоянное жительство». Оно является таким «ведомством», где жительство, житие постоянно, а значит – вечно. Так что, благодаря выезду,

нет, весь я не умру.

В строчку о действии визы «до 17 ноября 1976 г.» год не поместился и его напечатали на строчке ниже, где говорится о крайнем сроке въезда в СССР. Получилось что виза была выдана с уже истёкшим сроком для въезда – и этот перескок на другую строку стал весьма знаменателен: возврату не быть – до 1976 года вернуться в СССР было невозможно. Этой ошибкой ещё раз обозначалась необратимость моего отъезда.

На строчке «К паспорту №» – прочерк. А всё потому, что свой «молоткастый и серпастый» в коленкоре я с великой радостью обменял на эту тонкую бумажку. Она с лихвой заменила все мои советские документы: паспорт, профсоюзный билет, комсомольский билет, военный билет, трудовую книжку, диплом, аттестат средней школы, свидетельство о рождении – всё это надо было сдать властям и позволялось везти только копии этих документов.

17 ноября – последний день действия визы, и именно в этот день я уехал, ибо на следующий день в Керосинии эта виза стала бы бесполезной бумажкой, клетка бы захлопнулась. Но я выскочил из клетки в синее небо синей птицей.

Выдана виза была 1 ноября, а уехать надо было до 17. Чуть больше двух недель давалось на то, чтобы распродать, раздать, купить в дорогу и с собой и пр. и пр. Ведь до получения визы всем этим заниматься было опасно, так как визу могли в последний момент не дать. Уж так родина старалась побыстрее выпихнуть

тех, кому разрешили, чтобы их духа, развращающего настоящих советских людей, не оставалось на земле советской.

Подпись – «А. Суворов». Тот, что переходил Альпы, тоже был А. Так что и здесь символика – этот позволил мне перейти Альпы железного занавеса.

И последнее, что пришло в голову, глядя на визу: «Что думала машинистка, впечатывая мои данные в формуляр визы?» Завидовала, ненавидела или просто испытывала усталость от потока подобных виз. И где она сейчас? Наверно выкрала себе пустую визу, привычно впечатала свои данные и прошмыгнула в мир Иной. В тот или в другой.

Конфуз переходного процесса

17 ноября прошло 25 лет со дня моего отъезда из Ленинграда в Америку. Хорошо помню, был серый день, моросило. У меня было воспаление среднего уха. Накануне вечером прошумела отвальная. Голова шла кругом от былого и предстоящего. Пока летели до Будапешта на советском самолёте, я всё не мог поверить, что мне удалось вырваться из этой безысходности в новую жизнь. Но когда пересели в роскошный самолёт Австрийской авиалинии и вежливая стюардесса подала мне шоколадные конфеты с изображением Моцарта, я понял, что новая жизнь началась. Все эти переживания и напряжения могут объяснить то, что последовало, и извинить мою заторможенно-девственную реакцию на…

С аэропорта нас привезли в гостиницу. Уже был вечер, полный ярких огней. Вена пахла не гнилым, а спелым Западом, и вид у неё был сказочно-заграничный. Гостиница оказалась крохотная: еле заметные входные двери, прилавок с телефоном, залец полутёмный и пустой. Повели меня и ещё нескольких россиян сразу наверх по крутой лестнице на второй этаж, который открылся узеньким коридором с дверцами по одну сторону. За открытой дверцей оказалась комнатка с кроватью и трюмо. Туалета не было, только раковина. Туалет был в конце коридора. Так мне предстояло прожить несколько дней до переезда в Рим.

Я, усталый и возбуждённый одновременно, раскрыл чемодан и вытащил кипятильник, чтобы сделать себе чаю и перекусить консервами. Денег у меня осталось двадцать долларов из ста – максимума, обменивавшегося Советской властью. Восемьдесят из них я истратил в аэропорту Будапешта на блоки американских сигарет, чтобы перепродать их в Вене в два раза дороже. Так советовали уехавшие до меня.

Я обещал родителям позвонить им, как только устроюсь в Вене. Ошарашенный сменой времени и впечатлениями новизны, я дождался часа ночи, чтобы в Питере наступило утро и спустился на первый этаж, где при входе был телефон. Я стал переговариваться на корявом английском с женщиной за прилавком о том, как позвонить в Россию и как я оплачу разговор. Из холла, который был теперь закрыт занавесом из плотной ткани, доносились странные звуки. Но я был так сконцентрирован на телефоне, что всё остальное не проникало в меня. Я дозвонился, успокоил родителей, что всё в порядке и повесил трубку. В этот момент занавес отодвинула женская

обнажённая рука и из холла вышла блондинка, одетая в корсет и чёрные чулки с кружевными подвязками. За приоткрывшимся занавесом я увидел большой экран, на котором происходило что-то телесное, и в тот момент я узнал эти звуки – звуки женской похоти. Кроме того, я успел заметить, что в баре за стойками сидело ещё три женщины, одетые подобно той, что только что вышла. Я отметил это отстранённо, взглядом летописца и, обуреваемый мыслями о свершившемся преодолении границы СССР, всё ещё не веря этому счастью поднялся по лестнице в свою комнату и лёг спать. Я так и не осознал, что значило увиденное мною. Остальные дни я был занят бумажными хлопотами, вышагиванием по дивной Вене, продажей сигарет и лечением осложнения, которое возникло от воспаления среднего уха. Я приходил в гостиницу изможденным и засыпал часов в девять вечера, ничего подобного в гостинице больше не увидев. Только через несколько дней, уже в Италии до меня дошло, что я жил в Венском борделе, в комнате, предназначенной для приёма клиентов. Видно, дела в борделе были не слишком хороши, и хозяйка подрабатывала, сдавая комнатки эмигрантам из России. В этой истории меня до сих пор дивит своя полная слепота на очевидный секс, среди которого я проживал. Вот какой я был невинный и ошарашенный. Быть может, это было защитной реакцией на невозможность воспользоваться этим борделем из-за отсутствия денег, а также из-за страха испортить процесс эмиграции в Штаты предосудительным поведением. Так мужская мечта, – жить среди обилия доступных женщин, – воплотилась, но я не заметил вовремя её воплощения. Теперь приходится утешать себя пошлой поговоркой:

Будет и на нашей улице публичный дом.

Воспоминания клиента

В день вторжения Советских войск в Афганистан я оказался в Мельбурне в деловой командировке. Я прилетел туда из Америки, куда эмигрировал несколько лет назад. Поглядывая на телевизионные новости в гостиничном номере, я привычно проклинал советскую власть и листал телефонный справочник в поисках женского общества. Многообещающие названия escort services разжигали моё воображение. Я позвонил по нескольким номерам. Вкрадчивые женские голоса называли стоимость часа их услуг и напрашивались в гости. Что-то заставляло меня продолжать звонить по другим номерам. И вдруг, на удивление, мне ответил мужской голос, несмотря на то, что реклама в справочнике сопровождалась рисунком женских бёдер. Голос был деловым и не пытался мне ничего навязывать, а лишь с достоинством описывал виды услуг. В тот период я имел слабость к чёрноволосым и заказал таковую вдобавок к другим насущным требованиям, вроде красоты лица и стройности. Голос заверил, что если девица мне не понравится, то я могу отослать её обратно и ни за что не платить. Мужской подход в этом деле и такая уверенность в красоте своих сотрудниц мне были по душе. Вскоре в дверь постучалось и явилось именно то, что я хотел. Тело – роскошное, волосы чёрные, мордашка – прелесть. В антракте девица мне представилась учительницей, эмигрировавшей из Афганистана, которая подрабатывает на жизнь. На её запрос о моём акценте я стыдливо признался, что родился в России. Когда мы тепло прощались, я сказал:

– Прими мои соболезнования в связи с вторжением.

– Что ты? – удивилась она, – я получила огромное удовольствие.

Костюмные приключения

До приезда в Штаты в 1977 году моя советская одёжка делилась на две категории: выходная и для работы. Помимо двух соответственных костюмов у меня было штук пять рубашек, две пары брюк, пальто да плащ, не считая носков да трусов. Теперь мне трудно представить тогдашнюю норму обыкновенного советского человека: целую неделю носить на работу одну и ту же рубашку и ходить в одном и том же костюме. Уж не помню, менял ли галстук. У меня имелся один выходной костюм-тройка (Сделано в Румынии) – я его особенно любил за жилетку. Однажды по блату я достал мягкие ГДРовские туфли и гордо носил их по тротуарам города-героя. Потом я узнал, что это были домашние туфли.

Так что гардероб у меня был ещё тот. Но счастье я находил в другом, о красивой одежде я мечтал, как о чём-то потустороннем. Денег я зарабатывал мало, и бóльшую их часть тратил на книги.

По пути в Америку я три месяца жил в Риме и работал посыльным в ХИАСе, а также продавал барахло, привезённое из России, вроде хохломы и фотоаппарата *Зенит*. Заработанные и вырученные деньги я тратил уже не на книги, а на шмотки. Кончилась болезненная духовная жизнь и началась здоровая материальная.

В Америку я прилетел с опять-таки костюмом-тройкой, но уже итальянской, которая предназначалась прежде всего для хождения по работодателям. К тому же я был уже оснащён пиджаком, двумя парами брюк, курткой, свитерами и, конечно же, дублёнкой – обязательной зимней одеждой для российского эмигранта.

Через пять недель после приезда в Штаты я нашёл хорошо оплачиваемую инженерную работу, и мои покупки одежды возобновились с новой американской силой.

Только я приступил к работе, как сотрудники нашего отдела устроили в пятницу вечеринку на квартире у одной из сотрудниц. Это была моя первая американская вечеринка. Её назначили в семь вечера, и я как штык, с пунктуальностью Графа Монте Кристо, ровно в семь вечера, одетый в костюм-тройку позвонил в дверь квартиры сослуживицы. Дверь она открыла не сразу, а когда открыла, я увидел её в джинсах и в маечке с великим удивлением в глазах. Однако она, как истинная американка, не подала виду и пригласила меня в гостиную, где ещё никого не было и усадила на диван смотреть телевизор, пока она копошилась на кухне. Я решил к женщинам на работе не

приставать, чтобы не вредить эффективности рабочего процесса. Решение это давалось нелегко, и я с трудом держался подальше от миловидной хозяйки.

До восьми часов никто не приходил, а полностью собрались лишь к девяти. Причём одеты все были шаляй-валяй, вплоть до начальника. Я единственный красовался в костюме-тройке и галстуке, тогда как некоторые были в шортах. Ибо была весна. Никто надо мной не смеялся и не подавал вида, что я одет, как пугало – но откуда мне было знать, что, если в Ленинграде на любые вечеринки всегда надевали свою самую нарядную одежду, то в Америке на большинство вечеринок одеваются, как попроще.

Такого рода уроки шли один за другим. Я также был поражён, что на вечеринке не было горячительных напитков, а было только пиво, которое почти никто не пил. Все напирали на соки, кофе и газированные напитки.

В тот год вышел на экраны фильм *Saturday Night Fever*, и я загорелся купить костюм, как у Джона Траволты. Труда это никакого не составило (что не переставало меня дивить после советской пустотности магазинов), и в один прекрасный летний день я явился на работу в бордовом полиэстровом костюме. У меня хватило ума не расстёгивать рубашку на волосатой груди, а надеть галстук. Но галстук я подобрал в масть костюму, не с пальмами, но всё равно яркий. Таким вот попугаем я явился на работу и быстро ощутил, что совершил эстетическо-этическую ошибку, подобную той, алкогольной, о которой тоже не мешает рассказать.

В первые дни работы разные сотрудники гостеприимно звали меня с собой на ланч. Обыкновенно мы ехали группой человек в пять в какой-нибудь близлежащий ресторан. Меня тактично учили, что и как заказывать, ибо и в этом деле я привёз с собой советское невежество – в ленинградских ресторанах я был раз десять за всю жизнь. Меня поразило, что многие мои сотрапезники заказывали коктейли, бокал вина или пиво и потом преспокойным образом возвращались на работу. В открытую пить в середине рабочего дня представлялось мне ещё одним проявлением американской свободы. Вскоре я прекратил хождения по ресторанам и стал приносить с собой ланчи, так как на рестораны уходили большие деньги, которые я хотел тратить на шмотки. Однажды я принёс из дома на ланч бутерброд и банку пива. Я расположился в своём кубике и начал пиршество. Мимо проходил сотрудник, с которым я однажды был на ланче в ресторане и который заказывал коктейль. Он, увидев банку пива на моём столе, выкатил глаза, подошёл ко мне и мягко, но твёрдо сказал, что на работе пиво пить нельзя.

– Как же, – удивился я, – мы ведь в ресторане на ланче пили.

– В ресторане можно, а на территории фирмы алкогольные напитки пить нельзя, – объяснил он и ушёл.

Я быстро заглотал остатки пива (не выливать же) и выбросил банку в мусор. Тогда эта логика была мне не понятна – получалось, что вне работы можно напиваться и приходить пьяным, а на самой работе своего пива выпить нельзя. Но я, разумеется, подчинился и потом осознал разумность таких правил.

Нечто подобное произошло с моим бордовым костюмом а-ля Джон Траволта: заявляться в нём в ресторан – сколько угодно, но носить его на работе не подобает. В тот бордовый день я ловил на себе взгляды сослуживиц и мне казалось, что взгляды у них восхищённые.

Если я мог отличить зимнее пальто от летнего плаща, то на уровне костюмов у меня не было умения распознать, где зимний, а где летний. Я всё мыслил в категориях выходной – рабочий. Поэтому, когда я решил купить себе ещё один костюм, то приглядел добротную, серую в крапинку тройку. Костюм оказался из толстой шерстяной ткани, но мне это только нравилось из-за своей солидности – я собирался его надеть в пятницу вечером, отправляясь в танцевальный бар. Когда я примерил пиджак, рукава оказались длинноватыми, но я так настроился купить его именно в тот пятничный день, что поставил продавцу условие покупки – укоротить рукава прямо сейчас. Я соврал, что уезжаю, и продавец, наверно, подумал, что на Аляску. Через час костюм был готов, и я в жаркую июльскую ночь напялил на себя это убоище и поехал в бар. Несмотря на кондиционеры я обливался потом, – костюм-то шился для суровой зимы, – и девушки смотрели на меня с осторожностью. Когда я с ними заговаривал, они не выражали особого энтузиазма, но когда я говорил, что приехал из России, у них наступало некоторое облегчение, вызванное сочувствием – они ведь знали, что в России белые медведи ходят по улицам и по всей стране круглый год стоят сибирские морозы.

Вскоре свершилась ещё одна моя костюмная мечта – я купил джинсовый костюм-тройку. Джинсы в СССР в то время стоили дороже золота, а о джинсовом костюме (а не просто о джинсах) осмеливались мечтать только самые развращённые буржуазной идеологией. О существовании джинсового костюма-тройки я вообще не слыхал. Поэтому когда я увидел это чудо в одном из магазинов, я испытал острейшее счастье, так как я мог позволить себе не только восхищаться зрелищем, но и его купить.

Через пару дней предстояла важная встреча с заказчиком, которая должна была определить возможность открытия моего

бизнеса. Меня пригласили на ланч в ресторан для высшего начальства одной из крупнейших компаний. То, какой это ресторан, я понял только тогда, когда вошёл в него в своёй вожделенной джинсовой тройке. Начальники были все как один в деловых роскошных костюмах и прислуживали им вымуштрованные хорошенькие официантки. Я с тремя такими начальниками расположился за одним из столов, и в своём наряде представлял любопытное зрелище – на меня бросали выразительные взгляды со всех сторон.

Но мне, как дикарю из России, простили и в итоге разместили большой заказ, который впоследствии позволил купить мне немало костюмов. Кроме того, официантка, которая впечатлилась джинсовым россиянином, особенно старательно прислуживала мне, заходя слева и справа, подливая, наполняя и убирая. Так что когда мы, закончив ланч, покидали ресторан, я отстал от моих заказчиков и дал официантке свою визитку, которой она вскоре воспользовалась, и мы с ней встретились в парке. На свидание я уже не одевал костюм-тройку, а пришёл в унисон с ней – в джинсах и маечке. И раздеваться потом с нею было так легко и быстро, не путаясь нетерпеливыми пальцами в пуговицах жилетки.

Приближается

Обратно идёт новый год – как мы шутили в те постаревшие года. Тогда я писал так:

Наступает новый год —
отступаю я.
Прибредёт рабочий скот
дней календаря.

Их пасу, часы кроша,
но напрасен труд —
расплодятся, окружат
и меня сожрут.

А мой тогдаший приятель, замечательный поэт Алексей Шельвах писал:

…На год страшнее стали люди.

Самый омерзительный для меня праздник – это Новый год. Я по натуре жаворонок, а не сова, то есть я люблю вставать часов в 6 утра и ложиться часов в 11 вечера. А тут в полночь всё только начинается и, коль следовать ошалелой радости, которая овладевает удручающим большинством, то нужно провести бессонной большую часть ночи, а то и всю ночь. Затем приходится отсыпаться и тем самым превращать первое января в ночь.

Натужное бодрствование встречи Нового года осложняется для меня обильным питием горячительных напитков и поглощением огромного количества еды. Чрезмерное питьё и еда мне тоже чужды и вызывают во мне нечто обратное удовольствию, а именно – отвращение. Поэтому для меня результатом «хорошей встречи» Нового года стало бы дурное самочувствие. Так всегда у меня происходило, когда я пытался следовать толпе.

В ранней юности отправление новогоднего действа влекло меня только одним – возможностью остаться ночевать в квартире, где происходило празднование и где остаются ночевать многие гости, среди которых, конечно же, девушки и женщины. А посему, появлялась возможность оказаться рядом или даже вместе в постели с незнакомкой в старом году, но ставшей уже

любовницей – в новом.

Мне было 19, и я пригласил красивую девушку 23 лет встречать новый год на квартиру приятеля. Нас было три пары.

А дело было так. Со своей девушкой по имени Гета я на тот момент ещё не спал, это была наша третья встреча – мы познакомились на выставке фотографии и я при помощи заумных слов заполучил её телефон. Близился новый год и когда я ей позвонил и предложил встретить вместе, Гета не была готова сказать «да» – видимо, выбирала из нескольких предложений. Тогда я использовал мощный козырь – сказал, что хочу сделать ей предновогодний подарок. От такого женщина не смогла отказаться, и мы договорились, что я встречу Гету после работы у проходной. Она работала в каком-то «ящике» техником. Я стоял у огромной выходной двери, которая почти не закрывалась из-за потока спешащих на свободу людей, хотя ржавая пружина скрипуче тянула её в закрытое состояние. Я ждал, когда из-за двери выйдет Гета, но выходили какие-то серые люди, усталые после рабочего дня, да ещё навьюченные заботой чего-то купить к празднику. Наконец появилась Гета, стройная с ярко накрашенным большим ртом и приклеенными мохнатыми ресницами. Она подошла, вопросительно посмотрела на меня, и я вытащил из кармана коробочку с духами под названием *Ритм*, которые я купил за четыре рубля – это были большие деньги для студента со стипендией в тридцать. Но я бы отдал всю стипендию, чтобы с ней переспать. Гета была явно польщена моим подарком, и пока я провожал её домой согласилась встречать со мной новый год, который являлся на следующий день.

Вот мы и оказались на квартире у моего приятеля, где перебивались нудными разговорами и питьём, но я лишь поджидал время, когда можно будет улечься со своей дамой. Часа в три ночи хозяин квартиры со своей девицей пошёл в спальню, а я с Гетой и ещё одна пара остались в столовой. Мы устроились на полу, а другая пара – на диване.

Я разделся до трусов, а Гета только сняла платье и колготки, но осталась в комбинации, трусиках и лифчике. У меня не хватило смелости начать поползновения при другой паре, хотя именно этим и следовало бы заняться. Гета повернулась ко мне спиной, я обнял её, прижался к ней и мы заснули. Она быть может и не спала, мечтая, когда я за неё примусь. Но я заснул от выпитого и от чрезмерно долгого ожидания великого момента. Несмотря на то, что в наступившем году мы стали любовниками, причём надолго, эта пьяно-усталая невинность встречи нового года окончательно восстановила меня против данного праздника.

Встреча Нового года напоминает радостную встречу оккупационных войск: родину твоей жизни атакует время, а ты радуешься и пляшешь от приблизившейся смерти. Тоже мне, хилые гладиаторы, пьяно вопящие императору Новому году: «Идущие на смерть приветствуют тебя!»

Существует фраза:

Новый год – семейный праздник.

Такой подход отсекает последнюю надежду на удовольствие от новогоднего полуночничанья, так как в семью одинокая баба откуда ни возьмись не заявится.

Каждый год из последних десяти я встречаю в доме близкой мне пары. У неё с мужем большой дом на берегу частного озера, а это значит, что там тихо и никакие идиоты с будками для зимней рыбной ловли озёрный пейзаж не обезображивают. Богатые люди почему-то не любят торчать в мороз с оледенелой удочкой в руке и смотреть в дырку во льду. Богатые собирают деньги на новогодний салют. В прошлом году, например, насобирали шесть тысяч, и точно в двенадцать ночи началась небесная свистопляска. Я смотрел на вспышки, напоминающие оргазмы, и думал – вот уж поистине люди бросают деньги на ветер.

Каждый год на встречу нового года приходят одни и те же люди. Всех этих людей я знаю только по новогодним встречам, то есть вижусь я с ними раз в году, а потому за год я начисто забываю, как кого зовут, и поэтому мучаюсь, вспоминая имя каждого. Хозяйка дома помогает мне, заново представляя их. Я диву даюсь, как ей удаётся всех их запомнить. Наверно потому, что у неё со всеми ними поддерживаются какие-то непонятные мне отношения. Мне непонятно, как можно вообще поддерживать какие-либо отношения с такими скучными людьми, причём в таком количестве.

Каждый год в ночь 31 декабря эти люди задают мне одни и те же вопросы: по-прежнему ли я занимаюсь писательством, кормит ли меня писание и пишу ли я прозу или поэзию. Я, путая их имена, отвечаю однозначно: да, нет, только прозу. Эти ответы полностью удовлетворяют гостей до следующего года. Почему они не могут запомнить мои ответы – они ведь остаются неизменными. Впрочем, их имена тоже не меняются, а я их запомнить так же не могу.

Каждый год хозяин дома приготавливает праздничный обед. Он очень любит стоять у мартена (так одна моя знакомая называет плиту) и, тщательно вымеривая компоненты варева согласно поваренной книге, торжественно создавать очень красиво выглядящее, но почему-то невкусное блюдо. Всякий год

разное, но неизменно невкусное. Уж казалось бы, и самые лучшие куски мяса купил, и самые свежие овощи выбрал, и соусы варил, «помешивая повиликой», но конечный результат беспощадной судьбой превращался в пресное, сухое или пересоленное и взмокшее или просто в никакое едбище. Все гости, либо совершенно лишённые чувства вкуса, либо забитые обязательством вежливости, восторгаются деликатесностью приготовленных блюд. Я же пригубливаю кусочек то здесь, то там, чтобы ещё и ещё раз убедиться, что против судьбы не попрёшь.

Если радоваться каждому новому году, то почему бы не радоваться каждому новому месяцу, каждой новой неделе, дню или часу. Почему именно прошедший год, а не день вызывает столько эмоций и ожиданий счастья, разительных изменений, причём обязательно в лучшую сторону.

А казалось бы, наоборот, если этот год у тебя был прекрасный, то радоваться его уходу нет никакого резона, так как вероятность того, что следующий год будет хуже предыдущего, значительно выше, чем вероятность того, что он будет ещё лучше.

А если этот год был плох, то на каком основании ты думаешь, что следующий будет лучше? Уж не потому ли, что ты стареешь? Или потому, что ты чудесным образом станешь иным человеком в новом году? Мол, твой генетический код принципиально изменится в 12 ночи 31 декабря, и ты из уродца станешь красавцем, из дурака – умным, из неряхи и разгильдяя – образцом аккуратности и собранности? В надежде на такие изменения многие пытаются в предновогодье сделать New Year resolutions, то есть дать себе торжественное обещание, что в новом году я, например, стану жрать в два раза меньше, чтобы избавиться от волочащегося по земле брюха. Или в новом году я стану учиться на одни пятёрки. Но при чём тут новый год? Если ты всерьёз решил что-то делать, то почему надо откладывать до какого-то срока, а не делать сразу, как только принял решение? А делается это из-за слабости, и если она тебе не позволяет сразу приступить к выполнению задуманного, то, когда придёт надуманный тобой срок для начала выполнения, к тому времени у тебя подавно уже не хватит сил.

Людишки делают из Нового года магическую черту, переступя которую чудесным образом всё задуманное якобы начнёт получаться. В действительности же Новый год – это отговорка, известная из детской поговорки:

Завтра-завтра, не сегодня – так лентяи говорят.

А население Земли и состоит в основном из ленивых и

инфантильных существ. Они якобы ищут свободы, а сами только и норовят даже в пределах своей свободы, – праздничных дней, – тратить это дорогое свободное время по указке традиций: собираться в назначенное время, поднимать тосты, чокаться одновременно и воображать, что какая-то маркированная летоисчислением секунда отделяет один мир от другого.

Чувствуя, что в праздновании нового года таится грусть от быстротекущего времени, люди стараются утешить друг друга новогодними подарками.

Последнее время стали исключительно популярны подарочные карточки (gift cards) – теперь не надо носиться по магазинам в поисках чего-то оригинального и недорогого. Так что новогодний обмен подарками часто сводится к обмену подарочным карточками, и если они равны по значимости, скажем, по 20 долларов, то все удовлетворённо остаются при своих интересах. Однако факт обмена сопровождается выделением доброжелательных чувств друг к другу на фоне радости. Или скрываемого разочарования сортом такого подарка. То есть денежный обмен «так на так» вызывает тем не менее дополнительные эмоции.

Подобным образом будущее и прошлое обмениваются равновеликими годами, и в результате этого возникает эмоциональное настоящее.

Тридцать один год второй жизни

22 февраля 1977 года, ровно 31 год назад я прилетел из Рима в Нью-Йорк. На Боинге *AlItalia* показывали фильм *Death by Murder. Я* почти ничего не понимал и название мне представлялось «маслом масляным». Но фильм врезался в память Питерм Селлерсом.

После того как чиновники, проверив визу, впустили меня за барьер в Америку, я возликовал.

До последнего момента билась тревога, а вдруг не пустят… Это было самым страшным для эмигранта. Но вот я перешёл границу между старой жизнью и новой. Бог дал мне две жизни, и я пел ему хвалу, во весь голос, но про себя.

Позже я писал:

Я думал, начнётся новая жизнь,
но только продолжилась старая…

Первое впечатление от нью-йоркского аэропорта – огромные размеры всего и повсеместные негры, которых я в таком количестве никогда не видал. Также меня поразили бескрайние залы ожидания с креслами, на ручках которых были установлены мини-телевизоры, которые можно было смотреть, бросая в них монеты. Такого обилия телевизоров я тоже никогда не видал.

Нас вели к автобусу, а я повторял про себя без остановки: «Я – в Америке! Я – в Америке!»

Автобус – огромный, блестящий, и машины, проезжавшие мимо него, большие и сильные, всё вокруг иного запаха.

Нас привезли уже вечером в маленькую гостиницу в каком-то тихом предместье вдали от Манхаттена. Я же думал, что всё, называемое Нью-Йорк, состоит из сплошных небоскрёбов. В маленьком номере я вошёл в туалет и ужаснулся – унитаз сломан. Я так подумал, увидев в нём воду, а не пустоту, как тогда в России и Европе. Идея попадания дерьма в воду, а не на сухую фаянсовую поверхность унитаза, была мне совершенно неизвестна. Я осторожно нажал на ручку, и вода стала набираться в унитаз, а я перепугался, что сейчас зальёт номер, но, дойдя до нужной высоты, вода рухнула в трубу и первоначальный уровень воды вернулся на прежнее место. Тогда я сообразил, что так и должно быть, причём только так. Это ведь Америка.

Я решил выйти на улицу и осмотреться вокруг. За дверьми отеля открывалась длинная улица с фонарями и редкими

невысокими домами. Ни одного человека не было ни в одну, ни в другую сторону. После многолюдных российских, венских и римских улиц это было непостижимо. Пустыня, которую оживляли изредка проезжавшие машины. Я сделал несколько шагов от гостиницы, тротуар кончился, дальнейшее продвижение в пустоту ночной улицы оказалось бессмысленным. «Америка лучше знает, как должно быть», – подумал я.

Завтра утром я улетал в Миннеаполис, и я решил вернуться в номер и поспать после бессонного перелёта. Постель была чистой, телевизор бубнил что-то непонятное, и я заснул с той же светлой мыслью: «Я – в Америке!»

Мой день

Сегодня в России День защитника Отечества и надо бы добавить: от собственного правительства, чиновников, бандитов, доморощенных нацистов, болтунов-бездельников, – да не видать таких защитников – они всё с американским империализмом борются и с довеском чеченского терроризма.

У меня же сегодня тридцать первая годовщина прилёта в Миннеаполис, прекрасный город, в котором я живу всю свою вторую жизнь.

23 февраля 1977 года я летел из Нью-Йорка пасмурным днём над Миннесотой, над маленькими домиками среди бесчисленных озёр, покрытых ледяной коркой.

При выходе из аэропортной кишки меня с сестрой встречали Юра и уже покойный Лев Осипович М. Лев Осипович был папин фронтовой друг, и я с ним встречался пару раз перед отъездом, а Юра был его сын, уже живший несколько лет в Миннеаполисе.

Именно Лев Осипович организовал нам вызов из еврейской общины Миннеаполиса, поскольку он был практически единственный человек, которого мы знали в США из тех, кто жил там (здесь) уже больше года. (Каким огромным сроком представлялся нам тогда год жизни в Америке!)

Лев Осипович, маленького роста, сухенький, вечно дымящий сигаретой деловой человек, легко и весело подшучивающий, работал в питерском отделении издательства *Иностранная литература* каким-то начальником по хозяйственной части. Именно его связь с иностранной да ещё литературой была поводом визита к нему. Папа мой не виделся со Львом Иосиповичем много лет, но, будучи не пассивным, а активным свидетелем моих литературных занятий и тщетных попыток опубликоваться, папа разыскал Л. И., и мы к нему приехали в гости. Первое, что бросилось в глаза при виде Л. И. – огромная блямба на его глазу. Глаз бил в глаза. Иначе как блямбой это не назвать, ибо это торчало как нечто растущее в странной свёрнутой в трубочку форме. В процессе разговора выяснилось, что это новообразование врачи боятся трогать, подозревают, что рак. Кроме того оказалось, что он скоро уезжает в Штаты к сыну и что он не видит никаких оснований мне, как писателю, оставаться в СССР. Эта встреча сильно повлияла на папу и на меня, так как на тот момент у нас ещё не было принято решения уезжать. Но вскоре мы к этому решению пришли, и во многом из-за Л. О., который оказался в этом деле последней блямбой, то есть, простите, последней каплей.

И вот, когда я увидел его, встречающего, глаз его был абсолютно чист. Оказалось, что в Штатах ему этот нарост мгновенно удалили, без всяких колебаний, и это новообразование было доброкачественным. Л. О. активно жил ещё долгие годы, занимаясь бизнесом вместе с сыном, хотя английского языка он не знал (издательство иностранной литературы не выучило его такому важному иностранному языку). Но он знал идиш и в бизнесе, которым он с сыном занимались, было много пожилых евреев, так что этого языка ему хватило.

Юра и Л. О. посадили нас в машину и повезли. Небоскрёбы на глаза не попадались, да на то время в Миннеаполисе их было всего два: один старый и один новый (теперь-то от них проходу нет – один краше другого).

Привезли они нас к трёхэтажному дому среди подобных же и привели в квартиру. Сразу пахнул запах свежевычищенного карпета (не ковра, а именно синтетических ковров, которые укрывали полы), а также пластиковой занавески в ванне (как я потом понял). Неведомые запахи меня ошеломили, как собаку.

Это была one bedroom (с гостиной и одной спальней), или по-русски – двухкомнатная квартира. Представитель еврейской общины, который вскоре приехал с нами познакомиться, извинился, что меня и сестру поместили в такую маленькую квартиру (которая нам показалась хоромами). Нам полагалась квартира с двумя спальнями, но она освободится в доме только к концу месяца и нам придётся пожить до того времени в этой. Мы были ошарашены такой ещё более роскошной перспективой – двухкомнатной квартиры нам вполне бы хватило. Но, переехав в двуспальную, мы поняли, что американцы – опять же правы. Мне отдельная спальня оказалась необходимой из-за моего общительного (с женщинами) характера.

Л. О. подвёл нас к холодильнику, который был забит неведомыми банками, коробочками и прочими изделиями. Но там были и знакомые овощи и фрукты. Среди прочего там лежал блок сигарет.

– Вы курите? – спросил нас Лев Осипович.

И узнав, что мы не курим, спросил, может ли он тогда взять себе сигареты?

– Конечно же – обрадовались мы, чтобы хоть чем-то оказаться ему полезными.

Квартира была полностью обставлена мебелью и холодильник был набит на деньги еврейской общины.

Не успели мы оглядеться, как в двери стали стучаться эмигранты, которые жили в этом же доме, а затем потянулись и из соседних домов. Знакомились с нами и забрасывали советами,

как надо жить в Америке. Поздним вечером нас, наконец, оставили в покое. Я включил телевизор, следуя одному из советов, до которого я сам давно дошёл – телевизор должен быть постоянно включён, чтобы слышать американскую речь, разобраться в которой, как я понял, не так-то просто.

По телевизору показывали нечто весьма странное, явно юмористическое, но совершенно непонятное. Потом я часто смотрел эту передачу, а через несколько лет смотрел опять, когда гнали по новой. И даже в итоге разобрал все слова и хохотал до изнеможения. Но тогда я ничего не понимал, даже смысл названия: *Monty Python's Flying Circus*[84].

Ко всему прочему, это был британский, а не американский английский, то есть начал я разбираться в разговорном английском не с того конца Земли.

Но всё было прекрасно – я начинал жизнь в Америке, в роскошной квартире, с полным холодильником еды и с необозримыми горизонтами во всех направлениях.

Первые dates

По-американски date – это свидание, которое состоит из еды и какого-либо ещё развлечения, постепенно переходящего в еблю. Но не всегда этот переход имеет место.

Я поимел свою первую американку по имени Донна через пару недель после приезда. Она специализировалась на эмигрантах из СССР и даже потом её угораздило выйти замуж за одного из них. Её привел ко мне в квартиру мой приятель эмигрант Жора и предупредил, что она спит с каждым, кто её хочет, но только по разу. На тот момент именно этот раз мне и был нужен. Я даже не помню лица Донны, я смотрел на её отчётливые грудь и бёдра.

Посидев минут пять для приличия, Жора ушёл, подмигнув, и Донна без лишних разговоров отправилась за мной в спальню. Она сама стащила джинсы, словно приклеенные к её бёдрам, стянула свитер и маечку, под которой жили на свободе две щедрые плотью груди с глазастыми карими сосками. Всё было прекрасно – я изо всех скопленных сил вылизывал и выёбывал её со всех сторон, а она голосила от радости и заливала меня и простыню своими соками.

Однако, когда я позвонил Донне через несколько дней, она и впрямь отказалась встретиться второй раз. Я был уверен, что знай она русский, я бы её обязательно уговорил, но по-английски мои ораторские способности тогда ещё не сформировались.

Так что я это соитие date-ом назвать не берусь.

Вскоре я познакомился в автобусе с очаровательной девушкой Джени. Она работала в Еврейской организации, помогающей эмигрантам и малоимущим семьям, к которой я был приписан. Я был поражён, узнав, что она не еврейка, так как не мог себе представить, что в еврейской организации могут работать неевреи. Но всё просто, коль поразмыслить: если еврейку могут ебать неевреи и ей это может даже нравиться, то почему же с еврейской организацией нельзя делать подобное – она ведь тоже женского рода. А моя очаровательная шикса имела для этого пристегной хуй женственности.

Узнав, что я еду на встречу в офис, где она работала, Джени решилась дать мне свой телефон, и я на своём инвалидном английском пытался иносказательно выразить нужды своего лобового хуя. Ей было девятнадцать и она просто сжалилась надо мной, 29-летним, казавшимся ей стариком. Джени захотела помочь эмигранту, тем более, что она этим занималась профессионально. Она предложила съездить со мной в джаз-клуб.

Я счастливо согласился, представляя, как её должно быть сладко ебать в ритме джаза.

Я на днях купил свою первую американскую машину, некогда роскошный *Grand Prix* 1957 года с ржавыми крыльями, порванными кожаными сиденьями, но ещё бодро передвигающий колёсами. Главным преимуществом этой машины было то, что она стоила всего сто долларов. Я только что нашёл работу и сразу заказал новую машину, так что мне надо было дождаться с месяц, пока приедет новорожденный *Oldsmobil*, собранный по моему заказу в минимальной комплектации, чтобы он оказался мне по карману.

На следующий день я позвонил Дженн, она продиктовала свой адрес, и я доехал до нужной улицы. Улица эта обрывалась на середине тупиком и продолжалась в стороне, через несколько кварталов. Пока я это распознал, я опоздал минут на двадцать. Дженн открыла дверь ещё более красивая, чем в автобусе, но с облачком недовольства из-за моего опоздания, причину которого я постарался доступно объяснить. Не успел я закончить, как в уши грянула до омерзения знакомая музыка *Ансамбля песни и пляски Советской Армии. Я* раскрыл глаза и заткнул уши, а Дженн, вводя меня в гостиную, познакомила с матерью и отцом (а я-то надеялся, что Дженн живёт одна), которые, оказывается, в мою честь решили завести пластинку, желая меня ублажить. Это меня-то, сбежавшего от всех этих звуков и слов! Оказывается, отец любил русскую музыку и после *Ансамбля Советской Армии* хотел было поподчевать меня ансамблем *Берёзка*, но я наотрез отказался от этой берёзовой каши. Мать Дженн настороженно поглядывала на меня, пытаясь скрыть за гостеприимной улыбкой волнение от великовозрастного дикаря из России. Эту мать я тоже с удовольствием бы выеб в ритме Ансамбля Советской Армии.

Я улыбнулся и дал понять, что узнал музыку и ценю предупредительность (бестактность) папаши. Дженн и я больше не задерживались и вышли из дома в американские звуки.

Был уже тёмный вечер. Когда мы подошли к машине и Дженн её разглядела, то сразу скуксилась. Я ведь ей в автобусе сказал, что я – инженер и что получил прекрасную работу, и Дженн логично рассчитывала, что я приеду за ней не на этой развалюхе, а на приличной машине. На тот момент я не успел ей сказать, что работаю всего лишь месяц. Я заверил Дженн, что вскоре у меня будет новая машина, но ложка важна к обеду, а машина – к соблазнению.

Дженн указывала мне, куда ехать. Оказалось, что джазовый клуб находится весьма далеко, и она пару раз запуталась. Так что, когда мы наконец приехали, мы оба уже подустали. Дженн

спиртного пить не хотела, взяла сок, а я спиртного пить не мог, так как должен был рулить. Джаз оказался в стиле модерн, который меня не шибко впечатлял, рано утром мне надо было на работу и через часик мы радостно свалили обратно. Когда я попытался прикоснуться к Джени, прежде чем выпустить её из клетки моей машины, она решительно отстранилась, открыла дверь и выпорхнула на улицу. В окне дома маячила её взволнованная мама.

Когда я позвонил Джени через несколько дней и предложил новую встречу, Джени сказала, что встречаться со мной is not a good idea[85]. Такая вот идейная молодуха оказалась. Посему я эту встречу тоже свиданием назвать не берусь.

Но следующее уж точно было date.

Это была девица с Гаваев, оказавшаяся в Миннесоте – пальмочка такая, пытающаяся косить под тополёк. Её звали Тиной, и было ей лет уже двадцать пять. Сисястая, задастая, но стройная, именно как мне по нраву. К этому времени у меня была уже новая машина. Средненькая, но новая. С запахом новизны, дурманящим, как запах новой пизды. Я приехал за Тиной и поднялся в её квартиру. Тина открыла мне дверь в плотно запахнутом халатике, сказав, чтобы я подождал пять минут в гостиной, что она будет вот-вот готова и ускакала в ванную. Я услышал шум воды, хотел вбежать и сказать, что ей вовсе не надо подмываться, что я её пахучую хочу. Но подумал, что ещё не так поймёт и стал разглядывать статуэтки на книжной полке почти без книг, фотографии родителей и ещё каких-то эскимосов на фоне пальм.

Тина вышла красивенькая, намазанная и взяла меня под руку, выводя из квартиры, опасаясь, что я передумаю и решу из квартиры не выходить, а прямо приступить к делу.

Я предложил Тине выбрать ресторан, так как не знал ресторанов поблизости с её домом. Через минуты три мы оказались у высокого здания, в первом этаже которого был ресторан. Столики стояли под белыми скатертями, с хрустальными бокалами и вокруг сновало слишком много официантов для моих финансовых возможностей. Когда мы сели и я взглянул на цены в меню, то понял, что на пятьдесят долларов, которые были у меня в наличии, особо не развернёшься. Тридцать лет назад это была немалая сумма для ресторана, но глядя на голодные глаза Тины, которые пожирали меню и на её заказ мартини и закусок, я решил быть настороже и подсчитывать заказанное, чтобы не выйти за пределы пятидесяти да ещё учесть чаевые.

Я ещё плохо разбирался в американских меню, и еду

заказывала она. Это был мой второй выход в ресторан с бабой после уже двухмесячного пребывания в Штатах. Она меня спросила, хочу ли я цыплёнка, говядину, свинину или рыбу, и я выбрал свинину.

– Разве евреи едят свинину? – удивилась баба.

– Умные евреи – да, – убеждённо сказал я.

Когда принесли блюда с закусками и потом с её стейком, Тина попросила официанта, чтобы он донёс ей какой-то особый сыр в порошковом состоянии, потом она попросила принести лук, истёртый в порошок, потом какой-то соус – тогда я понял, что Тина запросто перескочит мою 50-долларовую границу. Поэтому когда она приготовилась заказывать десерт, я ей сказал:

– Тина, у меня есть только 50 долларов.

Тина взглянула меня в предельном удивлении, но ей не пришло в голову предложить разделить расходы, нет, она лишь спросила:

– А разве у тебя нет кредитной карточки?

Кредитной карточки у меня не было. Более того, я тогда ещё не знал, что это такое. Когда мой коллега на фирме упомянул о кредитной карточке в разговоре, я подумал, что это нечто подобное кредиту в СССР, когда я, для того чтобы купить вожделенную радиолу, заполнял многочисленные анкеты и бумаги и волочил их в магазин, чтобы потом из моей зарплаты ежемесячно вычитали обязательную сумму в течение года.

Тина пожала плечиками и не стала заказывать десерт.

Я сжевал свою самую дешёвую в меню пищу и, когда официант принёс счёт на 48 долларов, у меня на чай не осталось даже минимальных десяти процентов, так что и официант пренебрежительно пожал плечами. Без денег трудно достичь расположение определённых групп населения, а именно, женщин и всех прочих.

Когда мы подъехали к дому Тины, я сам спросил, не пригласит ли она меня на чашку кофе. Ей, видно, было неудобно отказать, и она без воодушевления согласилась.

Разумеется, что еда не удовлетворила моего второго по важности голода, который после удовлетворения первого по важности сам становится первым. Не дожидаясь кофе, я обнял Тину и поцеловал её в шею, а потом в губы. Она радостно поддерживала разговор языков, но когда я решил расстегнуть ей лифчик, она отстранилась, а когда я засунул ей руку под юбку, она сказала, что мне пора уходить.

– То есть ты не хочешь заняться со мной любовью? – решил я уточнить, чтобы отмести все сомнения.

И тут я услышал традиционный идиотский ответ американок,

не желающих раздвинуть ноги:

– I don't know you (Я ведь с тобой ещё плохо знакома).

Но тогда я ещё не знал этого выражения и понял буквально: «Я ведь тебя совсем не знаю». Он поразил меня своей нелепостью. Спрашивается, а что ей надо знать, кроме того, что у меня есть хуй, язык и руки и что я умею с ними управляться? А ведь это можно узнать, только познав.

Я разозлился и сказал:

– Но для того, чтобы пообедать за мой счёт, ты меня достаточно знаешь?

Я посмотрел ей жёстко в глаза и медленно произнёс:

– Ты мне должна половину за обед. Изволь-ка вернуть 25 долларов!

Тина испуганно посмотрела на меня, дикаря из России, побледнела и потянулась за сумочкой, которую она положила на полку, вместо книги, среди фотографий и статуэток. Она задела одну из них и та грохнулась об пол, брызнув кусочками.

«Тоже хорошо», – удовлетворённо подумал я.

Дрожащими руками Тина стала рыться в сумочке и вытащила оттуда двадцатку с пятёркой и протянула мне.

Я вырвал их из её длинных наманикюренных пальцев, засунул в карман, повернулся и ушёл из квартиры. Я слышал, как она сразу защёлкнула за мной дверной замок, а я, исполненный чувства свершённой справедливости, поехал в бар с надеждой словить какую-нибудь девицу на появившиеся деньги.

Была пятница – мясной день, то есть бары переполнялись женским мясом, желавшим быть разделанным. Я вошёл в музыкальный грохот, легко продирающийся сквозь плотный табачный туман. Я взял в баре бутылку пива и стал осматриваться. Самок было много, но и самцов не меньше. Я подошёл к парочке пизд и что-то сказал. Но из-за моего акцента и шума они только переспрашивали:

– What? What?[86]

– Хуй в рот, – сказал я с улыбкой и отошёл от них под прощальное «What?»

Я снова осмотрелся и подошёл к другой парочке. Одна из девиц, – Долли, – мне была особо по душе и оказалась более понятливой: она разбирала что я говорил, правда я понимал не всё, что говорила она. Но мы справлялись.

– Откуда ты? – задала она мне неизбежный вопрос.

– Из России, – признался я.

Тут Долли радостно всплеснула руками и сказала мне корявое «здрастуйте».

Оказалось, что она ездила в Россию, была в Питере и жила в

гостинице неподалёку от моего бывшего дома. Затем Долли сказала, что её подруга работает с эмигрантами из России.

– Где, – поинтересовался я.

– В Еврейской Ассоциации.

– А как её зовут?

– Джени.

Тут наш разговор стал ещё более доверительный, тем более, что её рядом сидящая подруга уже давно ласково разговаривала с подошедшим к ней парнем.

Я купил Долли пару коктейлей, и она пьянела на глазах. Я решил не тянуть и предложил ей уединиться у меня в квартире.

– А как я домой доберусь? Меня подруга привезла.

– Я тебя завтра доставлю домой, не волнуйся.

– Не завтра, а уже сегодня, – объявила Долли, изучив расположение стрелок на циферблате, и стала шептать подруге, что она уезжает со мной. Подруга посмотрела на меня оценивающе и кивнула Долли, благословляя на поездку.

Я обнял Долли за талию, и мы пошли к выходу, целуясь. Я нёсся домой, держа руку на Доллиной коленке, а она положила голову мне на плечо.

Я уже уверился, что дело моего хуя в шляпе её пизды.

Войдя в комнату, я включил телевизор, чтобы заглушить для соседей неизбежные вскоре стоны. Я предложил Долли вина, но она отказалась. Мы легли на ковёр у телевизора, я подложил диванные подушки под головы и мы стали целоваться. Я принялся расстёгивать её блузочку, но Долли взяла мою руку и оторвала от пуговиц. Я взялся за её ляжку, но и тут она отлепила мою руку. Тогда я решил воспользоваться приёмом для раздевания сопротивляющейся дуры, которому учил мой тренер дзю-до. Я лёг спиной на левую руку Долли, тем лишив её подвижности, свою правую руку я подложил под её голову и взял за запястье правой руки, согнутой в локте – таким образом её обе руки были зафиксированы, она лежала на спине, а у меня оставалась свободной левая рука, чтобы расстёгивать ей блузку. И тут, почувствовав своё бессилие, Долли заорала во весь голос, явно перекричав телевизор. Я сразу же выпустил её руки и вскочил на ноги – мне ещё не хватало попасть в уголовную ситуацию и получить отказ в гражданстве США – этого я со своим статусом беженца боялся больше всего. Сколько раз я пользовался этим приёмом в России, и ни одна не думала вякать, а просто позволяла себя раздеть, и сопротивление переходило во временное безразличие, а уж потом я знал как его превратить в желание. А тут – такое со мной случилось впервые. Долли тоже стояла на ногах и застёгивала пуговицу на блузочке,

единственную, которую я успел расстегнуть.

– А ну-ка, пошла вон! – взбесился я.

– А как я домой попаду? – испугалась Долли.

– А мне плевать! Убирайся! – и я подтолкнул её к двери и выставил за дверь.

«Какая дрянь! Это же надо, согласилась приехать к еле знакомому мужику домой в час ночи, целовалась-обнималась, а потом – вопить?» – полыхнуло у меня в голове.

Я лёг в кровать и никак не мог заснуть: «Fucking American date», – крутилось у меня в голове. Вдруг в дверь позвонили.

«Никак обратно притащилась», – подумал я, соглашаясь великодушно её простить, коль сразу сама разденется. Я накинул халат, подошёл к двери, заглянул в глазок и увидел полицейского.

Я открыл дверь.

– В чём дело? – спросил я.

– А разве вы не знаете? – спросил полицейский, ухмыляясь.

– Понятия не имею, – ответил я без радости.

– С моим напарником в машине сидит девушка, которая утверждает, что Вы её пытались изнасиловать. Можно мне зайти? – вежливо спросил полицейский.

– Заходите, – сказал я, – она лжёт.

Полицейский вошёл, я не предложил ему сесть и он стоял, внимательно оглядывая комнату.

– Расскажите, как было дело?

– Она хамски себя вела, и я выгнал её из дома.

– Когда это произошло?

– С полчаса назад.

– А как она оказалась у вас дома без машины?

– Мы познакомились в баре, её туда привезла подруга в своей машине.

– Как давно вы приехали с ней домой?

– Около часа назад.

– И это всё?

– Да, всё.

– У девушки совершенно иная версия случившегося.

– Меня не интересует версии психически больных.

Полицейский ухмыльнулся и двинулся к двери, обращая ко мне прощальные слова:

– Она хочет привлечь вас к уголовной ответственности, так что советую вам нанять адвоката.

– Спасибо за совет, – совершенно искренне сказал я полицейскому и закрыл за ним дверь.

Сердце у меня колотилось, в голове крутился вопрос: «Как

поскорей найти хорошего адвоката?»

Выходные прошли в ожидании понедельника, когда можно будет действовать. В понедельник я отпросился с работы и поехал к Натану, своему куратору в еврейской организации. Он был маленький унылый человек, уставший от эмигрантских проблем. Его офис был заставлен матрёшками, хохломой и прочими сувенирами, которыми его пытались задобрить эмигранты.

– Натан, – сказал я ему, – мне нужен хороший адвокат.

– А что случилось?

– Это конфиденциально. Ты можешь мне просто порекомендовать хорошего адвоката?

– Видишь ли, если ты не скажешь мне в чём дело, то я не смогу порекомендовать адвоката, который бы был специалистом в нужной тебе области.

Натан смотрел на меня сквозь непроглядные по толщине очки, и хотя ему было всего лет сорок, казалось, что он глубокий старик, познавший жизнь вдоль и поперёк, во всяком случае жизнь российских эмигрантов.

– Хорошо, – согласился я, – меня одна девица обвиняет в попытке изнасилования, хотя это чистая ложь.

Натан ничего не ответил, а открыл ящик письменного стола, вытащил коробку с визитными карточками и подёргав пальцами, извлёк одну.

– Записывай, – сказал он. – Это один из лучших адвокатов по убийствам и изнасилованиям.

– Его квалификация явно превышает мои нужды, – попытался я сострить.

Натан кисло улыбнулся.

Выходя из офиса Натана, я чуть не столкнулся с Джени, она работала в другом отделе, и я никогда её раньше не встречал во время своих приходов. Она чуть изменила причёску и была ещё очаровательней. Её острые грудки нагло торчали сквозь тонкую ткань платья.

– Рад тебя видеть Джени! Как поживаешь?

– Как ты мог? – бросила она, зло взглянув на меня и заспешила мимо. Подружки уже поделились новостями.

Я решил её не догонять на глазах у служащих, чтобы разъяснить, какая сука у неё подружка, но здраво передумал – мне и так хватало забот.

Адвокат оказался стройным высоким мужчиной с длинной золотой цепью, открывающейся на его смуглой груди, лезущей из расстёгнутой наполовину рубашки. Мне вообще показалось, что он не адвокат, а какой-то стареющий плейбой, который только что вернулся с курорта. Кабинет у него был на последнем этаже

небоскрёба и из него открывался вид на Миссисипи. Хорошенькая секретарша, которая явно ему не сопротивлялась, принесла мне кофе. Я рассказал адвокату всё без утайки, и он кое-что записал себе в блокнот.

– Так, – сказал мой спаситель, – я заеду в участок и поговорю с полицейскими, которые подобрали девушку. Я думаю, что всё будет в порядке. Я позвоню тебе через пару дней. С тебя я возьму за это всего 500 долларов. Если не будет осложнений.

Для меня это было не всего, а ого. Но торговаться здесь не приходилось.

Через два дня он действительно позвонил мне вечером домой и сказал, что девушка отказалась от привлечения меня к уголовной ответственности, так как ей разъяснили, что она должна будет потратить большие деньги, но доказать ей всё равно ничего не удастся: полицейские засвидетельствовали, что на ней не было никаких следов насилия, а так как она сама согласилась среди ночи приехать на квартиру к незнакомому мужчине, то никакие присяжные ей симпатизировать не будут.

Я с чувством поблагодарил смуглого плейбоя и, повесив трубку, счастливо воскликнул, обращаясь ко всем американкам, как настоящий американец:

– Fuck you!!!

В этот момент раздался телефонный звонок. Я, восторженный, схватил трубку телефона, в которой заговорил знакомый женский голос. Я узнал Донну.

– Как поживаешь? – спросила она неуверенно.

– Да вот, только что о тебе подумал. А что у тебя нового?

– Я выхожу замуж за одного русского.

– За кого? Может, я его знаю. Боря познакомил?

– Нет, ты его не знаешь, он из другого города, я его сама нашла.

– Поздравляю, – сказал я, – ты звонишь, чтобы меня пригласить на свадьбу?

– Нет, я хочу к тебе приехать.

– Когда?

– Сейчас.

«Пошла пруха», – пронеслось у меня в голове и сказал:

– Прекрасно! Жду!

Когда мы, нетерпеливо целуясь, внеслись в спальню, Донна не стала сразу сбрасывать с себя одежду, как в тот первый раз. Мы жарко целовались стоя у кровати, я не удержался, чтобы не съехидничать:

– Ты стала изменять своему принципу единоразия? – и стал задирать Донне юбку.

Донна не удостоила меня ответом, отвела мою руку и посмотрела мне в глаза:

– Ты можешь исполнить мою фантазию?

– Какую?

– Понимаешь, это не по-настоящему, а как бы игра.

– А в чём она состоит?

Донна приложила губы к моему уху и прошептала, будто кто-то мог нас услышать:

– Изнасилуй меня.

Я на мгновенье ошалел, но быстро пришёл в себя.

– You got a date[87],– сказал я и бросил Донну на кровать.

Книженство

Мои книги начались с родительских стояний в очередях за подписными изданиями. За Чеховым они стояли даже ночью. Это был конец 50-х. Таким образом, в нашей квартире завелись собрания сочинений. Например, «выстоянный» тридцатитомник Бальзака, которого я брался читать и тосковал от длительности и нудности описаний. Я также недоумевал, почему каждый его том называется одинаково – *Человеческая комедия* и почему герои с одними и теми же именами кочуют из тома в том. Оказалось, что так надо.

В те полудетские годы русская классика не впечатляла меня за исключением Гончарова, который на удивление увлёк, а в *Обыкновенной истории* просто поразил меня словами героя, утверждавшего, что нельзя жениться по любви, которая застилает твои глаза, а жениться надо только на трезвую голову и холодное сердце. Мои родители любили друг друга весьма наглядно, и я воспринял эту фразу как святотатственную, но запомнил её навсегда.

Родители купили книжную полку под потолок, и полка эта быстро заполнялась не только собраниями сочинений, но и отдельными книгами.

Я ходил в районную библиотеку и брал подряд стоящие сборники стихов поэзии. Это была квинтэссенция совписовской дряни, ибо лучшее было на руках или украдено. Помню, мне попался поэт Яков Белинский. Фамилия классика в сочетании с именем меня зело рассмешила. Я вёл дневник (лет в 12), где описывал впечатления от каждой книги, которые были лаконичны – мол, это мусор, а это ещё более того.

Классика до меня ещё не доходила – я искал современной поэзии, а к самиздату у меня доступа не было. Не было и знакомых, кто мог бы посоветовать то или иное имя.

Среди наших книг на полке был и томик Есенина 1957 года, чуть ли не первое издание после того, как с его имени сняли запрет. Как-то я раскрыл его и с первого стихотворения «Вот уж вечер, роса блестит на крапиве…». Я был ошеломлён ритмом и свежестью слов. Есенин открыл для меня вселенную и поселил в неё, а там меня охватила поэтическая болезнь. Моя предрасположенность к ней проявилась чуть раньше симптомом двустишия, когда ещё в первом классе учительница наказала приносить полотенца, чтобы мыть руки и их вытирать прежде, чем браться за принесённые бутерброды. Большинство мальчиков не приносило полотенец, и у меня сложилось укоризненно-

саркастическое:

Ребята-грязнули не моют руки,
а если моют – вытирают о брюки.

(Маяковского я тогда ещё не читал.)

Второй, более типичный симптом поэтической болезни проявился на уроке истории в классе пятом. Нам рассказывали о специфике реки Нил, которая при разливе удобряет землю илом и потому крестьяне всегда ждали с нетерпением, когда же, наконец, Нил затопит их поля. Эти исторические факты разом уложились в четыре строчки, причём без всяких размышлений:

Ждут крестьяне с нетерпеньем,
чтоб скорей разлился Нил,
Нил приносит удобренье,
удобренье это – ил.

Самое первое поэтическое впечатление было всё-таки не от Есенина, а от стихотворения Ивана Саввича Никитина. Наша учительница с первого по четвёртый класс Мария Ивановна Крыжимовская учила нас поэзии, читая, по её мнению, лучшие поэтические образцы и заставляя нас заучивать их наизусть.

Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака,
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.

Дремлет чуткий камыш. Тишь – безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом – на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая…

Меня поразила тогда повествовательность ритма и значительность, с которой описаны обыкновенные природные вещи. Только сейчас я могу словами выражать чувства, которые я испытывал, слушая как Марья Ивановна вслух читала это стихотворение. Тогда же я просто недоумевал – что же такое происходит? Почему так приятно слушать эти слова?

Я привёз в Штаты из Питера томик Никитина в одном из многих ящиков с книгами. Но о них позже.

Крестьянская поэзия, видно, была любимой для Марии Ивановны, потому что заучивали и кольцовское:

Раззудись, плечо, размахнись, рука —
ты пахни в лицо ветер с полудня.

Однако только Есенин меня первым сразил наповал. В особенности, когда родительский приятель, будучи у нас в гостях, прочёл вслух из «Москвы Кабацкой»:

Излюбили тебя измызгали
невтерпёж,
что ты смотришь синими брызгами
или в морду хошь?

и т. д.

Насквозь пронзило, когда про сисястую, которая глупей.

Естественно, этот цикл в книгу избранного Есенина избран (единогласно) не был, да я и не представлял, что стихи такой откровенности могут существовать да ещё быть есенинскими.

Я бросился писать стихи, глядя снизу вверх на Есенина и заявляя о сём в свежеиспечённом кредо:

Очень хочу писать стихи,
Очень хочу подражать Есенину.
Не могу без них, как крестьянин без сохи —
уж слишком у меня душа вспенена.

Дошло до того, что, когда я сочинял очередной стишок, я переписывал его на бумажку, брал этот есенинский томик, раскрывал его, клал свою бумажку со стихом поверх страницы, шёл к родителям и предлагал им прочесть якобы стихотворение Есенина, а в действительности читал свой стишок с бумажки, как я думал, не видной им, так как я держал книжку почти вертикально. Родители, скорее всего из желания меня подбодрить, хвалили, не подавая вида, что видят мои ухищрения.

Однако влюблённость в Есенина тогда ещё не сопровождалась влюблённостью в книги. Более того, я от книг избавлялся: тайком от родителей я брал две-три книги, которые мне казались неинтересными, и после школы шёл с ними в магазин Старой книги на Большом проспекте Петроградской стороны. В то время не требовалось предъявлять паспорт, чтобы

продать книги и ограничений по возрасту продающего тоже не было. На полученные за книги деньги я покупал билеты в кино и мороженное. В кинозал входить с мороженым строго воспрещалось (именно то, что всячески поощряется в США – одна из массы причин, почему я интуитивно с детства бредил Америкой). Испытывая суровость российских киношных законов, я однажды демонстративно вошёл в зал с мороженым. Служителям кинотеатра даже не пришлось утруждать себя законоисполнительскими обязанностями: какой-то дядька из толпы советских энтузиастов подскочил, схватил меня за шиворот, вытащил из зала и пихнул. Я не упал и удержал мороженое в руке. Доел его и вернулся в зал с другого входа. Так я понял, что советская общественность всегда начеку.

Первый восторг от обилия книг я испытал в шесть лет. Мы всей семьёй поехали отдыхать летом в Друскеники (так мы называли Друскеникай). Сняли комнату в доме на озере, в лесу, рядом с кладбищем. Хозяйских детей звали именами, которых я никогда раньше не слышал: Богунь и Тереза. Их мать выходила на крыльцо и кричала в закатное солнце над озером:

– Бо-о-о-гунь!

Богунь выходил из леса, как лесной брат, и шёл к дому. Тереза послушно сидела в доме. Кстати, лесные братья, регулярно отстреливали местных коммунистов, и я раза три видел, как мимо нашего дома, по дороге, шедшей на кладбище, проходили похоронные процессии с красным флагом и партийной музыкой.

И вот однажды бабушка привела меня в книжный магазин детских книг. Впервые я увидел множество разноцветных обложек большого формата, находящихся на расстоянии вытянутой руки – книги лежали не под стеклом на прилавках, не на дальних недоступных полках, а вдоль стены на подставках, и ты мог подойти и взять их в руки. Эта доступность (как доступность впервые увиденных уличных красавиц-проституток в Риме) меня буквально потрясла. Когда бабушка спросила меня, какую книжку мне купить, я схватил сначала одну, потом присовокупил другую, потом третью, четвёртую, пятую. Но бабушка остановила меня и купила только две. Я, осчастливленный яркостью обложек, которой я не видел до сих пор на книгах, имевшихся в Ленинграде, не мог на них наглядеться. О чём были эти книжки, я не помню. Разумеется, хуйня какая-нибудь.

Яркость и цветастость привлекла меня в Друскениках и другим манером. Каким-то образом у меня оказалось пять рублей и ещё каким-то образом я один оказался у киоска, где продавались газеты и журналы, открытки и значки. Вот как раз один значок и пленил моё воображение и воспалил желание его

купить. Это был значок БГТО («Будь готов к труду и обороне»). Он стоил ровно 5 рублей – в 1953 году это были большие деньги. А у нас деньги всегда были в обрез. Я, не задумываясь, купил значок и хотел его сразу приколоть, но он крепился резьбовым штырём, на который навинчивалась плоская гайка, то есть для этого надо было протыкать материю пиджака. Портить одежду – на это у меня не хватило духа, и я просто принёс этот значок в руках. Меня поругали, но значок оставили и ввинтили в мой пиджачок, даже осталась фотка, где я в нём красуюсь.

На дни рождения гости приносили мне в подарок книги. Один раз я получил пять одинаковых подарков – толстый том Пантелеева *Повести и рассказы* – эта книга в то время была издана в Ленинграде и лежала на каждом шагу, вот её и подбирали в подарки. В следующий день рождения подобная ситуация произошла с книгой *Тарантул* – автора не помню, но книга была про шпионов во время Отечественной войны. Кличка одного из шпионов была угрожающая – Тарантул.

Однажды дедушка принёс и дал мне почитать книжку: Лев Шейнин. *Особо сложные дела.* Там описывались раскрытие жутких преступлений. Запомнил самое жуткое: мужик в комнате раскалывал топором черепа жертвам, так что все стенки и потолок были облеплены мозгами. Но увлечения жестокостями не произошло, сексуальных преступлений в книге описано не было, а потому интерес остался номинальным.

Мой школьный товарищ Боря В., у которого отец был адвокатом, показывал мне переводную книгу *Раскрытие преступлений.* В книге имелось много иллюстраций. Например, голова человека, который у себя во рту взорвал гранату. Головы по сути не было, а было какое-то месиво, по бокам которого торчали уши. Там же была фотография женского живота и бёдер, исполосованных острым предметом – но лобковые волосы не потеряли от этого своей притягательной прелести. Каждый раз, когда я приходил к Боре домой, я брал эту книгу и рассматривал волосы на лобке, не обращая внимание на порезы.

Захотел я прочитать книгу про пиратов *Остров сокровищ.* Я слышал о ней в пересказе мальчишек, но названия точно не знал. Пришёл в школьную библиотеку и попросил книгу про остров, стараясь описать пересказанные приключения. Библиотекарша вручила мне *Таинственный остров* Жюля Верна. Эта книга показалась мне исключительно скучной, и я всё гадал, как мне найти книгу с нужным островом. В итоге нашёл, прочёл и забыл. Но вскоре мне островом сокровищ и в то же время таинственным стал представляться женский волосатый лобок. Он, увиденный на фотографии в книге *Раскрытие преступлений*, сразу вызвал во мне

страсть охотника за сокровищами, о которых, раз увидев, уже никогда не забудешь.

А школьную библиотекаршу я через много лет встретил в *Политической книге* – она там работала библиографом. Она мне всегда нравилась, но я так и не побывал на острове её сокровищ.

После Есенина, лет в 13 самое сильное поэтическое впечатление было оказано на меня с помощью шпионов. Я читал толстую книгу из серии *В мире фантастики и приключений.* Там была шпионская повесть «Погоня за призраком». Шпион в качестве шифра использовал строчки из *Ворона* Эдгара По. В повести давалась одна строфа:

> Шёлковый тревожный шорох, в пурпурных портьерах, шторах
> полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
> и чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало —
> Это гость лишь запоздалый у порога моего.
> Гость какой-то запоздалый у порога моего.
> Гость – и больше ничего.

Трепет и восхищение прошибли меня от этих слов. Я сразу их запомнил и ещё не скоро добрался до всей поэмы в переводе Михаила Зенкевича – лучшем переводе *Ворона.*

Мой товарищ Алёша, с которым я учился музыке и играл в четыре руки вальсы Штрауса, повёл меня как-то в библиотеку Дома Учёных. Его отец был капитаном первого ранга или даже адмиралом и был членом Дома Учёных. Библиотека да и сам Дом Учёных поразили меня своей роскошью. Впервые я увидел полутёмную комнату, в которой стоял бильярд. Алёша взял для меня *Трёх мушкетёров* – книгу, которую я нигде не мог достать почитать. Впечатление от *Мушкетёров* было великим. Потом я взялся за все эти десятилетия спустя. Арамис мне нравился больше всех – ебал толпы красавиц, не лез на рожон, но был смел и жил дольше всех остальных мушкетёров.

Алёшу я постоянно смущал одной и той же прибауткой, обращаемой к нему без всякого повода:

> Приходи ко мне Алёша, у меня пизда хоро́ша.

Содержание я плохо понимал, ибо фраза «хорошая пизда» казалась тавтологией: раз пизда, то уже хороша. Но рифма со смещённым ударением представлялась мне ужасно смешной.

У Алёши была старшая сестра, слепая. Я видел её сидящей за

столом и водящей пальцами по картонным страницам толстенной книги, причём смотрела она не в книгу, а перед собой в стену. Это мне представлялось ужасным абсурдом, пока мне Алёша не объяснил, что дырочки в странице обозначают буквы, которые его сестра нащупывает пальцами. Она легко выходила из себя и в такие моменты с возмущением восклицала: «Это просто святотатство!» Меня это пугало, но я всё равно с удовольствием рассматривал её открытые толстые колени, зная, что она не видит, куда направлен мой взгляд.

Постепенно чтение и любовь к книгам стали окатывать меня с головой и принимать характер, близкий к патологии. Так уже к первому курсу института я занимался регулярным прочёсыванием книжных магазинов в поисках интересных книг, а круг интересов устрашающе ширился. Я просаживал всю свою стипендию на книги, а также сдавал бутылки (молочные бутылки стоили дорого, и на одну можно было вполне купить тоненькую книжку или толстую в магазине «Уценённой книги»).

Папа, будучи начальником, имел доступ к закромам родины в загоне подписки на газеты и журналы. Он подписался по моей просьбе на: *Новый мир, Юность, Иностранную литературу, Литературную газету* и *За рубежом.* Каким счастьем было вытаскивать из почтового ящика очередной номер чего бы то ни было. Поначалу я прочитывал всё от корки до корки, но постепенно стал более разборчивым.

Я, обожая всякий печатный источник информации (кроме коммунистических, разве что они были библиографической редкостью), стал обворачивать в бумагу не только книги, которые я читал, но даже журналы с мягкой обложкой. Я требовал обёртывания также и от родителей, читавших журналы и книги – так я холил свою растущую библиотеку. (Я всё-таки удержался от обёртывания газет).

Я никогда не делал никаких пометок в книгах ни карандашом, ни уж конечно чернилами, что представлялось мне высшим кощунством. Я никогда не загибал страниц и презирал тех, кто это делал. Я заимел также серию книжных закладок, которые вставлял книгам между ног-страниц. (Продолжая сравнение – если бы женщина была сороконожкой, то у неё было бы двадцать пизд.)

Древняя аналогия книг и женщин тоже цепляла меня своей очевидностью. Вот и написал я студенческий стих:

…Страницы ль книге разведу
иль тело женщины раскрою —
дрожу – прожил бы разве тут

без них? – без мысли и без крови?

Они – везде! И счастлив тем,
что я узнал средь декораций,
что в жизни очень мало тем,
но только много вариаций.

Старые книги я редко перечитывал, а новые читал не покладая рук, что тоже напоминало мне женщин, новых и старых.

Когда подписки журналов за несколько лет стали скапливаться внушительными пачками, я, согласно очередной бредовой идее, решил переплести лучшие вещи из журналов в отдельные тома. Я занялся сортированием на нужное и ненужное – так недавно тщательно охраняемые обложки журналов стали беспощадно отрываться от корешка и выбрасываться вместе с ненужной партийной критикой и тенденциозной публицистикой. Оставались только избранные романы, рассказы, поэзия и литературоведение, переплетённые в специальной мастерской, куда я свозил выдранные куски из журналов. В результате у меня на нижних полках книжной стенки лежали синие и коричневые (других цветов в мастерской не имелось) переплетённые тома избранного.

Из каждой прочитанной книги мне удавалось запомнить лишь по нескольку цепких фраз, которые звучали как афоризмы, и ими я щеголял перед девушками и женщинами, коих я соблазнял своими интеллектуальными, а также физическими достоинствами. Одна из моих любовниц, умная красивая женщина на десять лет старше меня, всегда смеялась над моей очередной произнесённой вслух цитатой, разумно не принимая всерьёз такого рода эрудицию. Однако, к счастью, она сразу переставала смеяться и становилась исключительно серьёзной, когда я прекращал болтать языком, а направлял его движение на её клитор – тут она сама начинала безостановочно цитировать наслаждение, каким она познала его впервые, а потому её изъявления представлялись ей свежими, тогда как для меня они были лишь цитатами. Но никогда не надоедающими, а полными неисчерпаемой вечной мудрости.

В 1974 году я заболел гайморитом, который быстро стал хроническим. Несмотря на несколько прокалываний и выпускание гноя он не вылечивался. Добросовестная и толковая врач Гумилевская, которая несколько раз тщетно прокалывала мне иглой пазуху, сказала, что надо оперироваться – лечь в Институт «Ухо горло и носа» и там должны прочистить пазуху. (В

Америке такую процедуру делает врач в стоматологическом кресле за час и ты уходишь домой как ни в чём не бывало.)

Но, прежде чем лечь в больницу, я попытался вылечиться голодом – в то время голодание было чрезвычайно модной панацеей и мой друг, вплотную занимавшийся йогой, был также специалистом по голоданию, так что он стал моим ментором в осуществлении этого проекта. Я жил только на воде все четыре дня, на которые меня хватило. Утром и вечером – горячий душ. Клизма – уж не помню сколько раз в день. Быть может, всего лишь один раз.

Голодать мне было легко и больше всего меня поразило, сколько дополнительного свободного времени образовалось в жизни из-за того, что не надо трижды в день садиться за стол и запихивать в рот еду. На женщин и чтение высвободилось масса нового времени – энергия вовсе не уменьшалась от голодания.

В то время я работал в ПТУ, которое готовило поваров, и будущие работники плиты возмущались, зачем им нужна математика. Я же в ответ придумывал для них задачи, где фигурировали продукты питания, а также вилки да ложки.

Я, голодая, продолжал учить математике своих поварят, если не бестолку, то с минимальным толком. И вообще я вёл активный образ жизни, как и наставлял меня мой друг. На третий день голодания все симптомы гайморита прошли – гной из носа перестал течь, боль и ломота во лбу прошли. Через четыре дня я решил, что вылечился, а надо было голодать минимум шесть. Так что, лишь я стал снова потреблять еду, как все симптомы вернулись и пришлось ложиться в больницу на операцию.

По палате ходил молодой парень, похожий на актёра Куравлёва, у которого в горло был вставлен металлический свисток. Дырку в нём парень должен был закрывать пальцем, чтобы стало возможно хрипло говорить. Он рассказывал, что причиной необходимости такой жестокой операции было холодное пиво, которое он выпил сгоряча. Но эта операция явно была врачебной ошибкой.

Подвергался лечению и старик из соседней палаты. Он всё время срывал повязку с носа, и у него открывалось кровотечение: сестра устало подходила к нему, мол, опять ты бушуешь, и накладывала новую повязку. Мы встречались с ним во время общих трапез в коридоре. Старик явно не доверял лечебному процессу и вскоре умер. Я по этому поводу писал больничные стихи.

Когда меня, уже полусонного от анестезийного одурманивания привезли в операционную, женщина-хирург, полная и решительного вида, склонилась надо мной и увидела

простуду, выскочившую на губе. Она сразу отменила операцию и перенесла её, пока моя простуда не пройдёт. Я был спасён этой не только мужеподобной, но и мужественной женщиной, ибо операция при герпесе на губе была чревата занесением этого вируса в кровь, и я мог бы запросто отбросить хвостовик. Так что спасибо и этой женщине.

Я кантовался в палате ещё пару дней в ожидании засушивания и отваливания корки простуды, слушая жизненные истории сопалатников. Меня навещала возлюбленная, но я не догадался отвести её в какой-либо закуток и поиметь. Стены больницы угнетали мою фантазию и желания.

Операцию мне всё-таки совершили. Но к концу операции новокаин перестал действовать, – как я понял, операцию не успели закончить, пока действовал новокаин, так как не хватало операционных сестёр: в одном зале стояло четыре операционных стола, на которых одновременно шли операции, и две сёстры носились от стола к столу. Боль к концу стала нестерпимой, и я стал крыть врачиху матом, требуя, чтобы дали обезболивающее, но тщетно… Так что меня зашивали на живую нитку.

Вся эта больничная история подвигла родителей сделать мне книжный сюрприз. Папа заказал книжные полки из спрессованных в листы опилок – это был самый дешёвый, а потому единственно доступный вариант, причём без всякого покрытия. Провести по полке рукой было невозможно, чтобы в кожу не врезалась заноза. Полки эти были из трёх частей и занимали всю длинную стену моей комнаты от пола до потолка. Папа перевозил их в несколько приёмов на багажнике нашего *Жигуля* – полки превышали длину самого автомобиля и свешивались далеко вперёд за капот и назад за багажник. Каким-то чудом гаишники не остановили папу ни разу. Так что когда, вернувшись из больницы, я вошёл в комнату, я увидел свою мечту – стенку, заставленную книгами. Но мою мечту испортило то, что папа сам расставил книги по полкам и, конечно же, не в том порядке, как это сделал бы я, да и вообще – радостный процесс расстановки книг по полкам был у меня отнят. Я огорчился: зачем, мол, расставлял. Но потом успокоился в своей неблагодарности и стал переставлять по-своему, смакуя. До сих пор вспоминаю эту стенку с благодарностью папе и маме.

Году в 1975-м мой добрый приятель, сочувствующий моей похоти к книгам, решил меня облагодетельствовать. Он работал в институте усовершенствования учителей и однажды пригласил меня в институтскую библиотеку, дав понять, что я могу взять, что хочу. Библиотекарши не было – никого не было, кроме меня и книг. Меня охватило чувство, будто я попал в гарем с тысячью

красавиц с раздвинутыми для меня ногами. И позволили мне там побыть всего час и ебать сколько и кого захочу. Я бросился шарить по полкам. На них было множество книг конца девятнадцатого и начала двадцатого века. Я предусмотрительно взял с собой сумку, куда я дрожащими руками запихивал книги, пока мой приятель стоял на шухере. Из кучи книг, что я еле выволок из библиотеки, я запомнил только одну – Щёголев. Дуэль *и смерть Пушкина.* Предчувствовал я, что ко мне в руки скоро попадут *Тайные записки* Пушкина. Но самое жуткое, что второй раз в библиотеку я уже попасть не мог, а сколько красавиц там осталось, к которым я даже не прикоснулся рукой.

Куда бы я ни ездил – в командировку ли, в отпуск ли, – первым делом я шёл, вернее, бежал в книжные магазины. Там я часто находил книги, которых в Ленинграде было не достать, и возвращался домой с кучей книг. Так было даже во время моей поездки в Польшу в 1972-м, где я нашёл магазин русских книг и накупил их полчемодана. Правда, я оставил злотые, чтобы купить себе красивую рубашку и туфлишки своей возлюбленной да сувениры родителям. Так что моя одержимость книгами овладевала мной не полностью.

В Польше я почуял и узрел неведанный до тех пор дух свободы (некое подобие ощущалось в Прибалтике): я поражался разнообразию переведённых на польский книг, стоящих на витринах, тогда как в России эти книги были либо запрещены, либо являлись страшным дефицитом.

На книжный чёрный рынок (чернокнижный), в садике на Литейном, я не ходил, так как покупать книги по тем ценам мне было не по карману, а продавать, то есть спекулировать, я боялся и не умел.

Но зато я стал мастером в законных поисках книг. Заходя в книжный магазин, я одним взглядом окидывал прилавки и полки и сразу замечал интересующую меня книгу, которой день-два назад там не было. Этот навык быстрого выхватывания взглядом свежепоявившегося был у меня на профессиональном, можно сказать, шпионском уровне. Однако, если это не касалось книг, то я мог не заметить и слона. И это одна из причин, почему из меня не вышло шпиона. Впрочем, помимо книг, женщин я тоже замечал. Если они не напоминали слона. То есть слониху.

Один из знакомых книжников, человек значительно старше меня, с которым я периодически обменивался книгами, прежде всего интересовался состоянием суперобложки, и если она была не в идеальном состоянии, книга переставала для него существовать. Он напоминал мне мужчину, который требует в женщине идеальной одежды, и если она одета в поношенную

одежду, она перестает для него быть женщиной. Такой перенос акцента с тела на тряпки, которые его прикрывают, говорит об отсутствии истинного интереса как к книгам, так и к женщинам. Этот знакомый книжник был воплощением и того, и другого. Его жена еблась со всеми подряд и без разбору, у неё было более сорока абортов, а муж, толстый и скучный, трепетал перед новенькими суперобложками, не читая ни книг, ни женщин.

У меня образовался свой книжный маршрут, по которому я отправлялся пешком раза три в неделю: *Политическая книга* на углу Кировского и Большого проспекта, затем я сворачивал направо на Большой, и вскоре слева появлялся книжный магазин. Следующий магазин *Медицинская книга* оказывался справа у садика. Именно в этом магазине я однажды напал на только что вынесенную книгу Свядоща *Женская Сексопатология*, что была мощнейшей советской порнографией, узаконенной медициной. Я догадался купить пять экземпляров, а потом обменивал патологию на вполне нормальные книги, разумеется, оставив один драгоценный экземпляр для себя.

Следующим появлялся книжный магазин позади памятника Добролюбову, где я в один прекрасный день напал на другой советский порнографический феномен: книгу Рюрикова *Три влечения* – первую попытку экивоками говорить о ебальных традициях мира.

По другую сторону памятника Добролюбову имелся магазин Уценённой книги – там я познакомился с продавщицей Евой, которую я потом время от времени познавал в течение нескольких лет. Ева была страстной, черноволосой и волосатой (ноги, живот и соски). Клитор у неё был прямо-таки мужских размеров. Когда я вошёл в магазин, она стояла на лестнице, ставя книги на верхнюю полку, а я подошёл ближе и заглянул ей под короткую юбку. С этого началось наше сближение под сенью книг. Она делала вид, что любила книги, а я делал вид, будто любил её. Чтобы я её больше любил, она доставала мне дефицитные книги. А я лизал ей клитор, чего до меня ей никто не делал, и это она воспринимала как доказательство моей любви. Кончала она яростным взрывом, но больше трёх она за вечер вынести не могла. Так что когда я, начав с одного, довёл Еву до трёх, она была убеждена, что это доказывает об усилении к ней моей любви. Таким образом, количество книг из магазина *Уценённая книга* резко увеличивалось на моих полках.

Далее, на левой стороне Большого проспекта манил меня магазин Старой Книги, о котором я уже где-то писал. Там у меня был блат, и мне позволялось лезть под юбку. То есть, под прилавок. Впрочем и в этом есть схожесть – под юбкой и под

прилавком находился дефицитный товар, который не выставлялся на всеобщее обозрение и потребление.

Когда у меня было больше времени, я ещё ехал на Невский в *Дом книги* и на Литейный в магазин Подписных изданий и тамошнюю *Старую книгу*. По пути были *Лавка писателя*, тогда ещё на Невском, на витрине которой в 1969 году был выставлен эскадрон *Всадников* Сосноры – они почему-то скакали там бесконечно долго, тогда как другие его книги никогда до витрины не доходили, а распродавались, не успев попасть на прилавок.

Когда *Лавка писателей* с Невского переехала на Мойку, то я умудрился, будучи знакомым нескольких официальных поэтов, проходить в спецкомнату писателей, где продавались книги, недоступные простым покупателям. Но это было только чистилище, ибо в настоящий рай за особой дверью пускали только самих членов Союза Писателей, да и среди них была субординация на получение доступа к покупке дефицитных книг.

В те времена советская власть решила делать деньги культурным способом и организовала Книжную лотерею. Билет стоил 25 копеек и самый маленький выигрыш был 50 копеек, а самый большой – десять рублей. Я в ЛЭТИшном книжном киоске дважды вытащил билеты с десятками. На ловца и зверь бежал. Но не всякий.

С первой выигранной десяткой я оказался в магазине Старой книги на 1-ой линии Васильевского острова и сразу моим глазам предстало чудо: трёхтомник *Опытов* Монтеня и *Жизнь двенадцати Цезарей* Светония в *Литературных памятниках*, которые стоили 7 и 2 рубля соответственно. У меня остался рубль, на который я купил избранное Шандора Петефи. Всё это было для меня таким счастьем, которое, да простит меня Бог, можно было сравнить с еблей молодой красотки.

Мои возлюбленные выпрашивали или выкрадывали для меня книги. Одна вызволила у своей знакомой старушки Фета и Тютчева, другая – у своей сестры Цветаеву в *Библиотеке поэта* (что было сокровищем) и т. д. Когда при выезде из родины я проходил таможенный досмотр багажа, который состоял из ящиков книг и кое-какой мебели (больше ничего ценного вывозить не разрешалось), таможенники в холодном сарае в слякотный ноябрь перебирали книгу за книгой и заставляли меня вырывать дарственные надписи, каковые вывозить запрещалось – либо оставляй книгу на ненавистной родине, либо вырывай надпись. Оставлять я не хотел, возможность будущей переправки книг представлялась тогда нулевой – уезжали навсегда и с концами, – так что я вырывал надписи. Те, что таможенники

замечали. Так как книг было много, то они перебирали их выборочно, поэтому многие надписи остались. Надпись на Фете пришлось выдрать, а на Тютчеве – проскочило.

У старушки, которая однажды пришла к нам убирать квартиру, я купил за десять рублей Библию с иллюстрациями Гюстава Доре. Огромный и толстый «кирпич» с золотым тиснением. Я засел за неё вплотную. Мне тогда было лет 20, и я впервые читал эту книгу. Прежде всего она оказалась прекрасным разъяснением множества произведений искусства, построенных на библейских сюжетах. Мудрость пёрла от Соломона и Экклезиаста, но все ситуационные, сюжетные линии меня утомляли своей притянутостью за уши. Не ведая, что это уже было давно сделано, я составил сопоставительную таблицу событий и как о них говорится в каждом из Евангелий. Сразу полезли несоответствия, глупости и откровенная чепуха. Мне стало смешно – как вообще Библия может восприниматься божественным откровением, – ведь это очевидная человеческая литература, причём плохо пригнанная кусками по временам и делам.

По приезде в Америку мы купили дом через месяцев восемь. Точно в день переезда в дом привезли багаж, приплывший из СССР, состоявший на 80 процентов из книг. В доме были встроенные полки, которые я сразу сделал книжными и с наслаждением расставлял книгообразную память о недавнем былом.

Я стал активно пользоваться американским изобилием, в том числе и русских книг, и принялся закупать их по почте в больших количествах – магазина русских книг тогда в Миннеаполисе не было. Когда я остановился на день в Мюнхене по пути из Индии, я забрался на полдня в тогда крупнейший магазин русских книг *Нейманис*, а когда был в Париже, то всё-таки отвлёкся от проституточек на местный магазин русских книг. А попав в Сан-Франциско в *Thanksgiving*, я провёл праздничный вечер в русском ресторане, просматривая купленные в местном магазине книги.

Книжным счастьем было моё посещение в Нью-Йорке магазина *Руссика*, который закупил у меня *Тайные записки* по 18 долларов за штуку, причём в таком количестве, что в обмен (владельцы никогда не расплачивались деньгами) я взял роскошный двухтомник Шемякина и много других замечательных книг. Так я убедился и в материальной ценности *Тайных записок*.

Я также стал покупать в большом количестве и книги на английском. Полюбив Генри Миллера, я прихватывал все его книги и книги о нём. И вообще, чуть какая-то книга мне нравилась, я не задумываясь её покупал, благо деньги были.

Мысль о том, что книгу можно взять в библиотеке, почитать и сдать, мне даже в голову не приходила. Жажда накопления книг лишала меня здравого смысла, как и всякая жажда накопления.

Но если с течением времени любовь к женщинам у меня только росла (что проявлялось в росте неразборчивости), то любовь к книгам постепенно заменилась раздражением к ним. Этому способствовало изобилие и доступность всех книг (будь мне доступна любая женщина, глядишь, и к ним поуменьшилась бы любовь и возникло раздражение их повсеместными и постоянно раскрытыми передо мной пиздами, укоряющим меня своим необъятным обилием в непреодолимой ограниченности моих возможностей). Точнее, раздражение возникло бы из-за того, что я не могу всех их поиметь, как я не могу прочесть или хотя бы просмотреть бескрайнее разнообразие книг, лежащих и стоящих передо мной горами в каждом книжном магазине.

Меня устрашал своей непостижимостью и неохватностью непрекращающийся девятый вал новых поступлений, который бесследно сметает только что бывшее на вершине вчерашнего девятого вала. Однако бесследность была только кажущейся – ни одна книга не исчезала, а оказывалась замеченной, если не читателями, то хотя бы уж одним читателем, и уж точно – библиографическими карточками, а затем компьютерами с интернетом. И тем не менее этот поток имён и названий меня ошеломлял.

Я смотрел дома на копящиеся книги и толку от них не видел никакого. Ну, к словарям и справочникам я обращался время от времени, а на что мне остальные, раз прочитанные. Я уже безотрывно смотрел в Интернет, и книг и всего прочего там хватало. К тому же денег стало меньше, а это и вовсе отвело меня от книжных магазинов и привело к библиотекам и межбиблиотечным фондам – всё, что мне было нужно, я стал доставать в библиотеке и уже не захламлял книгами мой маленький домик.

Всё свелось к тому, что книги стали меня не только раздражать, но и вызывать злобу. Прежде всего потому, что лежат они у меня в коробках и избавиться от них не могу. Правда, поначалу у меня купили пару ящиков две библиотеки тысяч на семь, а то и десять. Так я на эти деньги окна в доме сменил, телевизор в 52 дюйма приобрёл да ещё разных электронных мелочей вроде фотоаппарата да DVD записывающего.

При избавлении от книг я испытывал не меньшую радость, чем когда-то от их приобретения. Но книг, как вечного хлеба[88], не уменьшилось – всё стоят там и тут, в коробках, на полках, на столах. В основном те, что куплены ещё в России. Тошно.

Последние годы я перечеркнул все свои юношеские нормы и не только подчёркиваю в книгах, где захочу и чем захочу, но и загибаю страницы и, о ужас, – никогда не обёртываю книги в бумагу.

Появление раздражения к книгам было связано с плохой продаваемостью изданных моих книг. Одну поэтическую книжку я издал тиражом в 500 экземпляров и до сих пор не могу от них избавиться. Когда началась перестройка, я отправил ящик своих книг в питерский Дом Книги в качестве бесплатной рекламы.

Как интересно было бы проследить судьбу каждого экземпляра своей книги – у кого она стоит на полке, кто её читал, при каких обстоятельствах или на какой свалке она гниёт, в соседстве с чем (кем?).

Чтение любой хорошей книги воспринимался как укор – чего же ты читаешь, а не пишешь сам, да ещё получше читаемого?

Мои книги – мои дети, я пекусь о них, как отец: я заботился об их судьбе, учил их любить, учить и бить. Глядишь, я свихнусь (есть в генах) и возненавижу своих детей-книги. Ещё – уподоблюсь другим сумасшедшим и буду сам их сжигать или завещать их уничтожать. Тоже мне Гоголь, де Сад, Кафка и пр. Бог освободил меня от заботы о смертных детях, чтобы я заботился о бессмертных – своих книгах.

Как принято теперь утверждать в связи со СПИДом, – переспав с бабой, ты переспал со всеми, с кем она спала, а также с теми, с кем переспали те и т. д. То же самое можно сказать и о книге, которую ты прочёл, – это значит, что ты прикоснулся к книгам, которые процитированы автором или которые оказали на него влияние, а также к книгам, которые повлияли на авторов книг, повлиявших на автора читаемой книги. Та же цепная реакция всеобщности связей.

Столько времени и сил было потрачено на добычу книг и переправку их через океан, а теперь сколько времени тратится, чтобы от них избавиться: продать или отдать достойным. Иногда я чувствую ненависть к книгам, отнявшим у меня столько энергии и сил. Уж лучше бы это время на баб потратил. Если в СССР любили цитировать фразу Горького:

> Всему лучшему, что есть во мне, я обязан книгам,

то почему бы не заменить «лучшее» на «худшее» – здесь книги тоже поработали на славу.

Любовь неминуемо оборачивается в ненависть и ненависть – в любовь. Это значит, что нельзя ничему доверять дольше, чем на мгновенье.

Я знал, что неудачное свидание с бабой тоже имеет какой-то

смысл, не ведомую мне цель. Скинув ломавшуюся девицу у её дома, я поехал к себе. На углу я увидел книжный магазин и остановился, чтобы привычно порыться в книгах, коль не удалось в пизде. Там (среди книг) я обнаружил дешёвые издания Генри Миллера, Аниас Нин, Фрэнка Харриса – книги, которые давно хотел купить. Вот она и цель неудачного свидания.

Безумие неосознанного расточительства овладело мной, когда мы продавали большой дом, где я жил с родителями, и должны были избавиться от многих вещей, в особенности от книг, которые не помещались в моём маленьком доме. Самые дорогие книги по искусству и прочие американские книги я с патологической радостью отдавал за центы как людям, приходившим покупать, так и в книжные магазины, которые за ящик прекрасных книг предлагали мне пятьдесят долларов, и мне было лень и не хотелось везти их обратно, да и куда их девать, – и я отдавал, даже радуясь этой пятидесятке. Сколько ящиков книг я отдал в библиотеку в надежде, что они там будут на пользу, но в каталогах я многие из них так и не увидел. У меня хватило гнилого ума сохранить в дюжине ящиков избранные книги, но сохранил-то я самые ненужные и дешёвые книги – русские, к которым никогда, наверно, и не притронусь, а будут они лежать у моей сестры в доме, пока ей не нужно будет от них избавляться. Теперь-то, навострившись с *ebay* и *amazon*, я бы мог сделать целое состояньице на розданных и проданных по дешёвке книгах.

Время покупать книги – время продавать книги. Даже есть время – раздавать книги. Или сжигать.

При современном потопе в книгопечатании, при переполненности книгами магазинов, интернета, ридеров, продолжать писать можно лишь при двух условиях: либо по наглости (будучи убеждённым что ты – не дерьмо), либо по невежеству (не ведая, что ты – дерьмо).

Причём надо иметь в виду, что наглость – это одна из форм невежества.

И вот теперь распродаю свои оставшиеся книги, которые осточертели. Скачать список можно здесь: http://www.mipco.com/RUSSIAN%20RARE%20BOOKS.doc

Не жмотничайте, ведь потом будете хвастаться, что это книга из библиотеки Армалинского, там его пометки и заметки имеются, загнутые им уголки страниц – ценность, бля.

Нескончаемая любовь к «Маку»

В 1986 году настала пора издавать *Тайные записки 1836–1837 годов* А. С. Пушкина. Я решил сделать это сам, опасаясь доверить набор текста кому бы то ни было. Для такого дела требовался компьютер.

У меня есть друг-программист А., и я, бывая у него дома, видел его, вперившегося в тёмный экран с плохо читаемыми белыми буквами. Это была система DOS – уродливое, еле подвижное существо. Например, для того, чтобы скопировать слово, надо было печатать команду «сору», окружённую какими-то знаками. Я спросил А., может ли его компьютер воспринимать русский текст. Он ответил, что для этого нужна специальная программа.

У меня в то время были связи со славянской кафедрой в Университете Миннесоты: я был знаком с заведующим профессором. Он был англичанин, бегло говорил на ломаном русском и когда мы пару раз ходили вместе ланчевать, он жаловался, какая ужасная еда в Миннеаполисе по сравнению с Лондоном. Мне это было не понять – в Лондоне я не был, но еда в Миннеаполисе до сих пор устраивает, просто места знать надо.

Я знал, что на славянской кафедре есть программа, позволяющая печатать на русском языке. Я договорился с А., что мы пойдём с ним на кафедру, я скажу, что он хочет опробовать для меня русскую программу, а в процессе он быстренько скопирует её, пока я буду заговаривать зубы тем, кто будет рядом. А. взял с собой floppy disk (были тогда гибкие диски для DOS дряни). Толстая секретарша на кафедре знала меня, являвшегося туда время от времени и проводившего время с её начальниками. Я попросил её разрешения, чтобы А. сел за компьютер поиграться с русской программой, так как я в компьютерах не разбираюсь. Я увидел, как на тёмном экране стали появляться размытые буквы кириллицы и стал расспрашивать толстушку, какие документы на русском языке она печатает и где и когда она изучила русский язык. Она отвечала, косясь на А., видя, как он вставил в компьютер floppy и копирует программу на диск. Она смотрела широко раскрытыми глазами на творящееся воровство и не смела поверить тому, что она видит. Она даже не спросила, что А. делает, почему и уж не говоря о более резком «как ты смеешь!» А. быстро справился с копированием (программы тогда много памяти не занимали), вытащил диск с записанной программой, мы вежливо сказали «спасибо», распрощались и быстрым шагом пошли по коридору к выходу, опасаясь, что толстушка опомнится,

и заорёт: «Держи вора!»

Приехав к А. домой, я с нетерпением и предвкушением уставился в монитор. А. отдавал печатные команды, но на экране шли сплошные английские буквы. Русские буквы на экране не появлялись. А. отстранился от компьютера и объявил, что для того, чтобы программа заработала, надо купить специальную плату и вставить её компьютеру в зад. Всё наше воровство оказалось напрасным. А ведь я уже был готов купить этот компьютер, увидь я русские буквы на экране. Но Провидение спасло меня от грандиозной ошибки – купить дерьмо.

В то же время я уже слышал про компьютер *Макинтош.* Видел его знаменитую рекламу по Оруэллу. Читал о *Макинтоше* в периодике, слышал разговоры о какой-то «мышке». Однажды я увидел сообщение, что разработан русский шрифт для *Макинтоша* и что его можно очень просто установить и сразу начать печатать на русском языке. Я послал письмо в компанию с запросом, ожидая, что мне пришлют подробное описание и образчики шрифта, но мне, помимо них, прислали маленький диск в твёрдой прямоугольной пластмассовой оболочке, на котором была эта программа – меня просили заплатить её стоимость, если я её буду использовать. Сам диск для *Макинтоша* смотрелся красиво и толково, а не как сопливый floppy для PC, напоминавший «рок на костях» – рентгеновские плёнки, которые вырезали кружочком и записывали на них запрещённый рок в России в поздних 50-х.

Мне надо было найти где-то *Макинтош* и того, кто умеет с ним обращаться, чтобы эту программу проверить. В то время я собирался лететь в Монтерей, который у меня всегда ассоциировался со школой русских шпионов, там находившейся. Но отправлялся я туда не учиться на шпиона и не преподавать для них, а на конференцию, делать доклад, являвшийся рекламой машин нашей компании. Меня пригласили, заплатили за самолёт, жильё и ещё долларов триста за полчаса болтовни. Я взял с собой диск с русским шрифтом.

Отговорив свой доклад, я поехал в город и отыскал компьютерный магазин. Там продавались и *Макинтоши.* Я подошёл к продавцу и сказал, что у меня есть диск с русскими шрифтами и что я хотел бы проверить, как они будут работать на *Макинтоше.* Продавец заверил меня, что нет ничего проще, подвёл меня к *Макинтошу* и вставил в него диск. Меня сразу поразил светлый экран и изображения на нём – документы, мусорное ведёрко и волшебная мышка, которая творила чудеса. Продавец сделал несколько мышиных движений, поиграл пальцами на клавиатуре и вдруг на чистом белом экране стали

возникать русские буквы. Причём их можно было увеличивать, уменьшать, делать курсив, печатать жирным шрифтом и тут же стирать. Никакого компьютерного языка, никаких команд на технической тарабарщине. И главное – не надо использовать тогда популярную «жидкую бумагу» (liquid paper – замазку-корректор белого цвета) – все исправления осуществлялись бесследно.

Кроме того, продавец продемонстрировал мне рисовальные возможности с помощью программы MacPaint. Я был поражён, потрясён простотой, элегантностью и мощью *Макинтоша.* Продавец вернул мне диск, и я, пошатываясь, как пьяный, поплёлся обратно в гостиницу, мечтая поскорей вернуться домой, чтобы сразу купить *Макинтош.*

Именно это я сразу и сделал – купил *Мак* с памятью 128К за $2200: за половину этой суммы я сегодня могу купить iMac – чудо даже по нынешним временам. (Компьютеры – это, пожалуй, единственное изделие, которое с каждым годом дешевеет и вместе с тем становится всё лучше. Всё остальное если и делается лучше, то обязательно дорожает. А чаще всего – ухудшается и дорожает.)

Покупка *Макинтоша* буквально ознаменовала начало принципиально нового бытия. Ничто, кроме эмиграции, так сильно не повлияло на мою жизнь.

Прежде всего я перепечатал на *Макинтоше Тайные записки.* Затем я прознал про лазерный принтер. Когда я увидел текст, напечатанный на нём, я понял, что сам смогу сверстать книгу и распечатать, а типографии останется только сфотографировать набранные страницы, размножить и переплести в книгу. Покупать лазерный принтер было слишком дорого, тем более, что я уже купил эпловский dot matrix принтер, который меня вполне устраивал для насущных дел.

Я познакомился с отзывчивым студентом университета Д. и он провёл меня в компьютерную лабораторию, где стояли *Макинтоши* и лазерный принтер. Студентам можно было печатать за центы, но посторонних туда не пускали. Я часа за два распечатал сотню страниц *Тайных записок* и восторженно смотрел на страницы, выглядевшие будто отпечатанными в типографии. Вскоре *ТЗ* вышли из печати и устремились завоёвывать мир.

С тех пор основное своё время я проводил за *Макинтошем.* Раньше я совершенно не понимал, что такое компьютер. В ЛЭТИ у нас был какой-то куцый курс про компьютеры, где на основе транзисторных схем складывались заряды и получалось суммирование цифр. Из сего делался вывод, что это и есть компьютер. Вывод этот меня не впечатлял.

Имелся в ЛЭТИ компьютер *Минск* под малым номером, к которому нас не подпускали, и мы его даже не видели, ибо он стоял в секретной комнате. Но для него нас учили писать простенькую программу, в которой меня выводила из себя команда под названием ОСТАНОВ. Это идиотское сокращение навсегда вызвало во мне ненависть к компьютерным языкам. И когда через много лет мой друг-программист А. пытался объяснять мне основы DOS, состоящего из имбецильных слов-команд, на меня сразу находила тоска. Потому-то *Макинтош* со своими логически выверенными картинками и юркой мышкой, не требовавший от меня ничего, кроме тыканья и кликанья, которые превращали мои пальцы в волшебные палочки – потому-то *Макинтош* и вызвал во мне страстную любовь, что длится и по сей день, лишь усиливаясь. Ни одной женщине не удавалось продержаться в моём сердце и владеть им так долго. Недаром же я свой романище *Добровольные признания – вынужденная переписка* посвятил *Макинтошу.*

Я подписался на три Маковских журнала *MacWorld, MacUser* и ещё какой-то и прочитывал их от корки до корки. В голове стали проясняться основы – что такое ROM, RAM, CPU, КВ и пр., ранее казавшееся китайской грамотой.

Как в СССР я бегал с магнитофоном по знакомым и друзьям, переписывая западную музыку, так теперь в Штатах я со своим *Маком* (в специально купленном для него эпловском мешке) носился по маковым соратникам и переписывал все программы, которые у них были, и потом сидел часами перед *Маком* и разбирался с ними. Так, я скопировал у кого-то программу для обучения печатания вслепую. Я сразу научился по ней печатать по-английски. А затем я сам по тому же принципу научился печатанью, не глядя, и по-русски.

Поначалу я менял *Маки* чуть ли не каждый год. В университетском магазине они продавались с большой скидкой для студентов и преподавателей. Один мой исключительно отзывчивый знакомый, студент Л., согласился для меня купить на его имя *Макинтош.* Мы пришли в магазин, но оказалось, что студенту нужно было иметь определённое минимальное количество кредитов для того, чтобы получить право на скидку. У Л. не хватило двух. Я было расстроился, а он весело сказал, что сейчас решит проблему и повёл меня в здание студенческой администрации. Там он записался в какой-то класс с двумя кредитами. Мы пошли с новой справкой в магазин, и он мне купил *Мак.* Потом он вернулся в администрацию и отменил класс, на который записался час назад.

Какое несказанное счастье распаковывать и устанавливать

новый *Мак*, ведь даже дизайн его упаковки – это произведение искусства.

А каков был графический дизайн и вёрстка описаний и инструкций. А главное – всё работало, как часы. Чего только я ни наслышался от несчастных, общенародно вляпавшихся в дешёвое дерьмо Гейтса – и hard disk crash, и постоянные зависания и перезагрузки, и нестыкующиеся программы. А потом пошли вирусы – ничего этого у *Мака* не было и в помине.

Итого, у меня было штук тридцать *Маков* – Desktops и Laptops, сейчас у меня их три. И без них не было бы никакого бизнеса, никакой литературы, никаких книг, никакой social life[89].

Вскоре *Мак* будут делать в женской оболочке с тремя влажными отверстиями, и его ебать можно будет. Вот тогда и наступит настоящая компьютеризация не только всей страны, но всего мира. Скорей бы!

Арбузная мечта

Арбузы я с детства любил больше всех фруктов и ягод. Прежде всего арбуз потрясает своим размером, во-вторых, наполненностью красной плотью, в третьих – вкусом.

Арбузы в Ленинграде появлялись в конце августа и длилось это чудо около месяца. В нашем доме было два подъезда с железными чёрными конструктивистскими, как и сам дом, воротами. Одни ворота, как принято, были всегда закрыты и перед ними в непредсказуемый день устанавливался огромный ящик из крупной металлической сетки, заполненный арбузами. Сразу выстраивалась змеиная очередь.

В начале шестидесятых арбузы продавали на вырез. Тётка, продающая арбузы, вытаскивала из закромов указанное тобою зелёное округлое тело, которое ты высмотрел и выбрал, ещё стоя в очереди, и мастерским быстрым движением вырезала треугольник в теле арбуза, затем тыкала ножом в центр треугольника и на конце ножа оказывался вытащенный красный клин твоего будущего счастья. Продавщица снимала этот клин с ножа и подавала тебе на пробу. Ты пробовал с упоением, расплачивался и тебе давали драгоценную тяжёлую ношу. Нести её мне было недалеко, в соседние ворота и во вторую парадную налево. Для переноса на такое расстояние всё-таки требовалась авоська – сетка, которую также пользовал Вознесенский:

> так же весело и свойски,
> как те арбузы у ворот —
> земля мотается в авоське
> меридианов и широт!

За такой правильный образ можно было пожать ему руку.
Но в этом стихе меня больше трогали другие две строчки:

> И веет силой необузданной
> от возбужденных продавщиц.

Возбуждение женщин появлялось явно не из-за арбузов и всегда передавалось мне.

Иногда оказывалось, что вытащенный арбузный клин был несладким с белыми косточками, ты возвращал его и просил другой арбуз и тебе давался ещё один шанс, которого как

правило, хватало.

Но годы шли, и к семидесятым сельское хозяйство Советского Союза, а вместе с ним и арбузное, продолжало стремительно загнивать. Большинство арбузов оказывалось неспелыми и несладкими. Ленинградское правительство отреагировало на жалобы трудящихся не закупкой сладких арбузов за любой границей, а распоряжением – прекратить продажу арбузов на вырез. Очередь стала двигаться быстрее, несмотря на то, что народ принялся постукивать по арбузам, сжимать их, рассматривать расцветку и всё равно оказываться у себя на кухне с располовиненным арбузом, есть который скучно, ибо он был либо по рождению, либо по торопливости срывания его с грядки – несладким. Народ стал жаловаться, писать и ходить по инстанциям и в результате было издано постановление, что покупатель может вернуть неспелый или плохой арбуз в день его покупки. Постановление это было опубликовано мелким шрифтом в самом дальнем углу последней страницы *Ленинградской Правды*. Но я это сообщение вырезал, ибо там указывался номер постановления и дата вступления его в силу.

Когда я в очередной раз купил арбуз, который оказался белым, я положил его в сетку и понёс возвращать. Продавщица брать его обратно отказалась и послала меня к заведующему магазином, от которого она работала. Этот магазин был рядом, и я явился туда с плохим арбузом и требованием заведующего. Тот вышел из неведомых задних глубин, и я ему предъявил арбуз. Заведующий в грязном белом фартуке на него неодобрительно посмотрел и сказал, что взять его не может, так как арбуз уже продан. Не поддаваясь на эту кафкианскую логику, я напомнил заведующему о постановлении партии и местного правительства. Тот, разумеется, сказал, что такого постановления не знает. Тогда я торжествующе вытащил вырезку из газеты и показал ему. Он не стал её читать и рассматривать, а сразу узнал то, в чём он только что утверждал своё неведение, нехотя принял арбуз и вернул мне деньги.

Моя победа была, как всегда в СССР – пиррова, когда я вернулся к воротам моего дома, арбузы уже разобрали и новых в тот сезон больше не привозили.

Нас в семье поначалу было шесть человек, мы покупали один арбуз и при делёжке еле перепадало на каждого кусочка два. Коль сладкий арбуз попадался, то это только дразниловка была. Покупать этот деликатес часто и больше одного за раз не было денег. На рынок ездить за арбузом не было ни времени, ни тех же денег – там они дороже стоили. Так что я арбузно страдал.

Однажды мне пришлось стать свидетелем, как на даче моему

приятелю Жоре его мать купила целый арбуз для него одного. Жора, несмотря на свои 15 лет, был толстым, с висячим животом. Разумеется, я его звал Жора-обжора. Каким-то образом он сумел подцепить соседку-дачницу Катю, милую девочку лет 13, и он с торжествующим видом ходил с ней в лес. Она оглядывалась на меня, я – на неё, но мне было неловко отбивать девочку у товарища. Я был уверен, что он водил её лес для важности, и ничего она ему не давала, даже поцелуя, а ходила она с ним, потому что никто другой к ней не успел подвалить. Так она мне потом рассказывала, когда я её водил в лес и целовал круглые, как арбузы, и всегда сладкие груди…

И вот мать вынесла Жоре в садик на большой тарелке целый разрезанный арбуз и поставила перед ним на столик. Жора уселся на скамейку и в минуты две сожрал весь арбуз – половина арбузной сути стекала с его лица на рубашку, которая промокла, и сквозь неё темнели соски почти женской груди и пупок. Лицо Жоры стало довольной рожей и он тщетно пытался вытирать его мокрой рубашкой. Из дома вышла его мать и с удовлетворением забрала тарелку, полную арбузных корок.

Мне стало так завидно, что именно тогда я и решился отбить у него Катю.

Когда я приехал в Америку, то удовлетворил сполна свою страсть к арбузам. Как и прочие пищевые страсти. Любой арбуз в Штатах оказался всегда сладким и вполне доступным по цене. Причём круглый год. За один присест я съесть целый арбуз не могу, но за день – вполне.

Даже у нас на севере, в Миннесоте – свои арбузы растут. Маленькие, но сладкие. Такой я могу съесть за раз.

А вот к арбузным грудям страсть так пока и не удаётся удовлетворить сполна. Даже в Америке.

Эфрософская «Женитьба» и моя ебля

В 1979 году Анатолий Эфрос ставил *Женитьбу* в *Театре Guthrie*, что в Миннеаполисе. Прослышав об этом, я умудрился с ним познакомиться (как – не помню), но в результате этого он пригласил меня на репетицию. Английского Эфрос не знал, и все роли он проигрывал сам, показывая, как надо играть. Переводчик, пристёгнутый для порядка, тщетно пытался переводить. Там я подцепил актрисочку Е. Жила она рядом с театром, и я её довёз до дома. Она недавно вернулась из Лондона и явно на нём помешалась, а также на вегатерианской пище и на противненьком гуру, бородатая морда которого красовалась у неё на комоде. Я взял Е. полусилой, ибо она уверяла, что гуру учит её воздержанию. Но от оргазмов она не воздерживалась. Мы встречались раз пять, и каждый раз она испытывала растущее чувство вины из-за нарушения обета, который она дала бородатому. Поэтому всякий раз мне приходилось соблазнять её заново – полусилой. В конце концов мне это надоело, я хлопнул дверью и ушёл. Когда я отруливал от её дома, я увидел, как она выбежала за мной из парадного, делая призывный жест рукой. Но я был так зол, что не остановился и уехал. С тех пор мы больше не виделись.

Эфрос заметил, что я прихватил Е., и рассказывал мне об актёрах, какие это все ранимые, самолюбивые, нервные люди.

Когда я вёз его по хайвею в своей новой *Cordoba* (*Крайслер* давно не изготавливает эту большую и красивую штуку) Эфрос с восхищением смотрел на неё и говорил, что самая большая радость для него – это сесть в машину и нестись на ней куда глаза глядят.

Я всё порывался дать ему книжку моих стихов, но я не хотел, чтобы он подумал, будто я ищу его одобрения (а я ведь действительно его искал). Я удержался, не хотел портить знакомство литературой, и мы так и остались шапочными знакомыми.

Зато, когда я привёл свою очередную подружку на спектакль *Женитьбы*, я иронически-победно смотрел на двигающуюся по сцене вегатерианочку (не помню, в какой роли) и запускал руку в штанишки своей доступной спутнице, которая обожала мясо и не любила театр.

Вторая женщина

Свадьба проходила в комнатушке коммунальной квартиры. Человек десять плотно сгрудились вокруг круглого стола. Бесформенная еврейская невеста и подпивший русский жених хулиганистого типа, клюнувший на ленинградскую прописку. Отец невесты промолчал всю недолгую свадьбу, а мать подняла тост и обратилась к жениху:

– Мы тебя, Володя, совсем не знаем, но желаем вам обоим большого счастья.

Я, дальний родственник происходящего, поёжился тогда от провозглашённой глупости. Но позже этот тост представился мне отчаянно справедливым – ведь и действительно, как могли родители знать жениха своей дочери, когда она сама его знала меньше месяца. Молодожёны развелись через год. Невеста мне потом рассказывала с упоением впечатления от своей брачной жизни, и единственное, что мне запомнилось, это, когда она вставала с кровати, то сперма вытекала и ползла вниз по ноге.

На этой свадьбе я познакомился с Валей Ч., которую привёл с собой друг жениха. Вале было 24 года, а мне почти 18. Она была черноволосая с черничными глазами, высокая ростом, с высокой грудью и порывистая в движениях. Она работала продавщицей в универмаге. Муж у неё был вроде полярника – отсутствовал месяцами. Парень, привёзший её на свадьбу, был лучшим другом мужа, по наказу которого он добросовестно охранял его молодую жену.

На следующий день я явился к ней в универмаг и Валя разрешила проводить себя до дома. Мы долго шли пешком, пользуясь белой ночью. Она мне отдалась в ту ночь, став моей второй женщиной. Но только я вставлял в неё свой нетерпеливый хуй, как он тотчас изливался ей в любви. Валя разочарованно отворачивалась и говорила:

– Ну тебя.

Я лизал ей клитор, от чего она только сильнее возбуждалась, но до оргазма не добиралась – видно, я ещё не знал что и как с необходимой и достаточной точностью. И когда я отвердевал снова и проскальзывал в неё, я снова кончал без всякой задержки. И опять слышал:

– Ну тебя.

Я понял, что надо научиться дольше держаться, не проливаясь, и решил пойти к врачу. Я выбрал уролога, ибо тогда сексологов не водилось и никакой информации об этой проблеме не имелось. Попался врач-мужчина (если б женщина, то она

могла бы помочь практически), и я ему кое-как объяснил ситуацию. Он прописал мне бром и сказал, что это бывает и скоро пройдёт. Но не проходило. Валя стала избегать оказываться со мной в постели. Она говорила, что ей нравится со мной проводить время, но остальное не нравится. Комплимент был оскорбительным, но я знал, что она права. Несмотря на неудачи, я не паниковал – что-то внутри мне говорило, что всё образуется. Так что я с неувядающим упорством тащил Валю в постель.

Однажды ночью мы гуляли рядом с моим домом. Привести её к себе я не осмеливался из-за родителей – их разрешение на привод девушек я получил позже, когда мои ночные отсутствия привели их к принятию этого решения. На заднем дворе нашего дома были гаражи и в одном из них стояла наша старенькая *Победа.* Я уже приводил туда свою первую возлюбленную, где раскладывалось переднее сиденье, но не полностью – спинка ложилась на заднее сиденье, так как переднее сиденье не отъезжало вперёд и получался выступ, лежать на котором было весьма неудобно. Это усовершенствование мы с папой сделали сами, распилив трубки переднего сиденья.

Я увлёк Валю в гараж, и мы залезли в машину. Я по-джентльменски лёг на неудобную лежанку. На Вале был плащ-болонья, она задрала его вверх вместе с юбкой, стянула трусики и насадилась на мой воспрянувший член. Так как лежать мне было весьма неудобно, это отвлекало меня от наслаждения и я продержался дольше обычного. Кроме того Валя взяла инициативу на себя и двигалась так, как это было нужно ей, а не мне. Меня-то устраивали любые её движения. Она тёрла об меня свой клитор несколько последних необходимых ей секунд после того, как я излился, но ещё оставался у неё внутри. Валя кончила – я никогда не забуду её стон облегчения – первый оргазм, услышанный, а главное – доставленный мною. Увы, я не видел её лица из-за полумрака. Я зажёг лампочку в гараже, но свет почти не проникал в машину. Валя слезла с меня, и я услышал неведанную доселе мягкость и сладость в её голосе. Она легла мне на грудь и стала ворковать нежности. Валя сделала мне торжественное предсказание, что я буду особенно притягателен для женщин после тридцати лет. Я загрустил – что же мне делать целых двенадцать лет? Валя заверила меня, что и до тридцати женщины не будут меня сторониться.

Когда мы, оглядываясь, выскользнули из гаража, Валя заметила, что весь подол её болоньи покрыт белыми пятнами – следами её возбуждения. Она смущённо объяснила это тем, что уж слишком ей было хорошо, сняла болонью и понесла в руке.

Мы вышли из заднего двора на пустынную улицу. Валя шла,

крепко прижимаясь ко мне, а я осознанно чувствовал, что открыл в женщине нечто, что составляет суть её любви.

Валя пригласила меня на свадьбу к своей подруге, а это было важным свидетельством моего повышения по службе любовника. Но через день, раньше времени, к Вале приехал муж из длительной командировки, и с тех пор мы больше не виделись. Однако, я часто вспоминал её, особенно после того, как мне исполнилось тридцать и когда очередная женщина насаживалась на мой хуй.

N-я женщина

Кэти сидит на краю кровати в одних колготках – груди её маленькие, а соски большие, как две вишни. Она порывается встать и одеться. Большая дура. Я, разумеется, не позволяю – не дурак же.

Я с ней познакомился в баре отеля. Сели, выпили. Она сразу замолола языком: злобный развод с мужем, который покушался побить её и всякого, чья машина появлялась у неё под окнами. Война за сына. В самый последний момент перед судом Кэти к мужниному удивлению решила сына ему отдать. Так она стала свободной – ходит по барам и по рукам. Однако, надумала пойти учиться. Но не знает, какой предмет изучать – несколько месяцев сидела над программой курсов в колледже и ничего не могла выбрать. В последний день записалась туда, где ещё остались места.

Смеётся Кэти визгливо и неожиданно, то есть причины или юмора ей для смеха не требуется. Она может сказать: какая хорошая погода – и загоготать.

Но морда – красивая и тело – ладное и свежее. Сквозь колготки просвечивает чудесный густой лобок.

Когда мы выпили, я предложил ей побыть вдвоём, без лишних людей.

– А где? – спросила она.

– Далеко ходить не надо, возьмём здесь номер.

Она посмотрела на меня, шучу ли я, и хихикнула.

А я продолжал как ни в чём не бывало, будто речь идёт о весьма невинном предмете:

– Поговорим, посидим, развалясь, в креслах, полежим, растянувшись, на кровати. Не будет вокруг разных рож. Будем только друг с другом.

– Хорошо, – говорит она. И опять смеётся.

Я, не откладывая дело в долгий ящик, подзываю официанта и расплачиваюсь. И направляемся мы с ней к прилавку, где раздают уединение, но за деньги.

Кэти села на диванчике в холле, а я подошёл к девице с отельной биркой на грудях и спрашиваю про свободный номер. Который – тут как тут.

Кэти сидит у меня за спиной и, пока администратор кредитную карточку мою прокатывает да записывает что-то, да ключ выдаёт, я думаю: сейчас оглянусь, а она смылась – передумала, мол, стыд замучил. Пересиливая волнение, оглядываюсь. Сидит, журнальчик листает, ножку на ножку

положила. Сжимает ими свою пизду. Крепко и жарко обнимает. «Ну, я до тебя скоро доберусь», – думаю, дрожа от нетерпенья.

Кэти подняла на меня глаза, и я ей рукой помахал, мол, всё в порядке, скоро уединимся. И она улыбнулась невесть чему. Может, мне, а может, своим мыслишкам.

Наконец, у меня в руке ключ. Кэти поднимается с дивана, и мы идём к лифту. Я всё ещё трепещу, что она выскочит из лифта или перед тем как войти в номер закобенится. Но нет, входит как миленькая.

Мы садимся в кресла вокруг столика и на нас укоризненно смотрит огромная свежезастеленная кровать. Моя дама хватается за журнал, лежащий на столе, чтобы заняться чем-либо, кроме взирания мне в глаза, за которым, как она прекрасно понимает, последует поцелуй. Но он следует и так. Я подхожу к Кэти, вытягиваю из её рук журнал и целую её в губы. Она приоткрывает рот, но ничего не делает ни губами, ни языком. Кофточка её легко распахивается, лифчик выстреливает замком и опадает ей на бёдра, юбка ложится к ногам от одного движения моих пальцев. Кэти снова садится в кресло. Я беру её за руку и легко тяну с кресла, она послушно поднимается и следует за мной к кровати. И вот мы сидим на краешке, а Кэти обеими руками держится за колготки.

– Нет, я лучше пойду, – бормочет она и порывается встать.

Как это называется? Женская логика: женская тупость: женская подлость – о, как было бы прекрасно размахнуться и влепить ей на это оплеуху, чтобы она упала на кровать и уже без подсказок стянула бы с себя этот жалкий остаток одежды.

Можно, конечно, мудро-научно рассматривать эту реплику как доказательство от противного, то есть она этим «лучше пойду» вызывает меня на дополнительную активность. Таким образом, вместо того, чтобы сказать: «Давай же стягивай с меня колготки», – она говорит нечто совсем наоборот.

Я законопослушно выбираю мягкий метод воздействия: я опускаюсь перед ней на колени, беру в рот один из её ягодных сосков и начинаю его мурыжить. Терпеливо, по-разному облизываю его, чтобы перебором, но набрести на тот лизок, который её больше возбуждает. Я слежу за Кэти, вижу, как она напрягается и чуть вздрагивает, и я фиксирую, от какого моего движенья языка. Одну руку я положил ей на живот и проверяю, от чего он напрягается больше. Наконец, я обнаруживаю, что ей по вкусу – ритмичное плотное движение языка от подножья соска к его вершине и обратно. Другой рукой я играю с её вторым соском.

Сначала она безучастно смотрела в стенку, потом дыханье её участилось и глаза полузакрылись. Я рукой, ласкающей сосок,

слегка нажимаю, и Кэти медленно ложится на кровать. Я поднимаюсь с колен и ложусь с нею рядом, продолжая трудиться над сосками. Ну, думаю, буду тебя лизать до упора, пока ты вся соком не изойдёшь. А у самого член стоит вовсю, и я радуюсь его готовности. Так проходит минут десять. Я смотрю на электрический будильник на столике у кровати и даю себе ещё пять минут, а потом возьмусь опять стягивать колготки. Кэти лежит руки по швам, нет чтобы обнять меня.

И наконец она не выдерживает, берётся за колготки и начинает их стягивать, а я, не выпуская соска, помогаю стянуть их до конца. Нет женского движения прекрасней, чем когда она приподнимает зад, чтобы помочь тебе снять с неё трусики или колготки. И вот я – счастливый свидетель-обладатель-создатель этого явления.

Колготки на полу, а моя рука между её расщепившихся ног. Вот она, животрепещущая влага. Вот что должны изучать Научно-Исследовательские Институты Смазочных Материалов для разработки самых лучших смазок. Если бы собирать эту женскую пиздяную жидкость и смазывать ею трущиеся механизмы, то им бы износу не было.

Я засовываю большой палец ей во влагалище, указательный – в зад так, что вся её промежность оказывается у меня в горсти. Я скольжу по шейке большим, а указательным нащупываю кусочек дерьма.

Наконец Кэти обнимает меня. То-то же. Сука. Ломалась, выпендривалась, а как оргазма захотелось, так человеком стала. Думаешь, я рад, что тебя соблазнил, нет, красотка разжиженная, я тебя презираю за твою первоначальную фальшь: это же надо – придти в номер и потом ломаться. Но пизда – пиздой, и зад – задом, и никаким ломаньем тебе их не испортить.

Я вытаскиваю палец и медленно погружаю хуй во вселенную пизды. И моя партнёрша раскрывает рот от счастья заполнения. Я накрываю его своим, и тут уже она заговорила языком – честным языком похоти.

Малиновое пресыщение

С детства обожаю малину. И цвет мой любимый – оттенок малинового. И первая девушка, которую впервые суперстрастно хотел, носила фамилию Малинина. Да к тому же существуют такие разномерные описания райских чувств как: жизнь – малина, малиновый звон, воровская малина. Не говоря уже о фамилии «Армалинский», где малина светится в середине слова.

Но в детстве я никогда не мог малиной наесться – в ленинградских магазинах она не продавалась, только на рынке, и то крайне редко. А в нашей семье на рынок не ходили – было не по карману. Мы отоваривались фруктово-овощной гнилью в ближайшем гастрономе. Единственная возможность поесть малины наступала летом на даче. Дикая малина росла вдоль кое-каких дорог и в лесу, но желающих на неё была туча, и поэтому я срывал и ел ещё недозрелую малину, коль попадалась, иначе бы и такой не досталось. На разных дачах, что мы снимали долгие годы, у кое-каких хозяев на участке росла садовая малина. Но хозяин охранял её, огораживал колючей проволокой, и мне перепадало лишь по нескольку робко украденных ягод. У хозяев мы покупали картошку, мелкие овощи, но до малины не доходило – она считалась недоступной роскошью.

Когда в конце июля, в августе мы с мальчишками делали вечерами набеги на сады за яблоками, то малина к тому времени уже отходила и остатки её увидеть в темноте было невозможно. Яблоки же сияли под лунным светом.

В редчайшие случаи малину покупали на дачном базаре, на который тоже ходили редко, поскольку отваривались чуть меньшей фруктово-овощной гнилью в гастрономе Репино, Зеленогорска или Сестрорецка – мест нашего летнего отдыха до моих 17-ти лет.

В Америке всё резко изменилось: вместо гнили в каждом grocery store было навалом свежестей и, в том числе, малины, и никакой гнили не имелось по закону (американскому). Так что голод по малине я легко и основательно удовлетворял.

И вот четыре года назад в процессе скучной стрижки травы на участке моего дома, ко мне явилась идея – засадить участок малиной, чтобы она расплодилась, подмяла бы под себя всю траву и нужда в нудном и шумном травокошении отпала бы. Разумеется, обилие бесплатной малины меня прельщало не меньше, если не больше. Так как садоводством я заниматься не хотел, то меня особо привлекало, что малина никакого ухода не требует, если дать ей волю распространяться. Малина – не

жестокая роза и хотя тоже колется, но неглубоко, а значит – нежно.

Всё началось с шести маленьких ершистых палочек со сморщенными мордочками листочков, которые я воткнул в землю, полил, и дождь продолжил моё «мокрое» дело. Через четыре года выросли заросли, в которых едва можно рассмотреть меня, забравшегося в середину.

Каждое июньское утро накрывает меня волна свежесозревшей малины, и я трачу часа по два на сбор нескончаемых любимых ягод, которыми я наполняю живот, банки и прочие полости. Чтобы поделиться радостью и не дать пропасть малине, я приглашаю её собирать друзей, отвожу собранную родителям и знакомым, а она всё прёт и прёт.

Морозилка в холодильнике полна малиной, а также завелись варенье, кисель, настойка, пироги с малиной – то есть поистине: не жизнь, а малина. Сплошная малина.

Но вот наступила пора пресыщения: когда я собираю малину, то кладу в рот несколько самых спелых ягод, а больше уже есть не могу. Ночами мне снятся эти кусты, увешанные бордовыми, настолько спелыми ягодами, что чуть к ним прикоснёшься, как они сваливаются тебе в руку. А наяву – при моём продвижении сквозь кусты я слышу и вижу, как ягоды падают на землю, не дождавшись моей подставленной ладони. Поначалу я их подбирал, но вскоре перестал – вот, не дождались меня, так теперь и лежите на земле удобрением.

Издали массив малиновых кустов представляется непроходимым. Однако, когда в него входишь, то замечаешь, как мудрая малина оставляет достаточно места для того, чтобы ступать между кустами, не сминая их.

Итак, я объелся малиной, своей любимой ягодой, и уже нет никакого трепета, когда я вижу их звёздное обилие, проступающее красными точками сквозь листья.

Не собирать и дать им сгнить мне жалко, а собирать уже надоело. А ведь в следующем году она разрастётся ещё больше…

Вот таким образом малина ввергла меня в размышления о пресыщении. Причём пресыщении не чем-то там случайным, а свершившейся заветной мечтой.

В детстве я слышал историю о человеке, работавшем на шоколадной фабрике, который так объелся шоколадом, что не только не ел лежавший повсюду шоколад, но вообще не мог на него смотреть как на еду. На «штучки» на конвейере – смотрел, а если в рот класть, то блевать хотелось. Мне, обожающему шоколад, такое представить было просто невозможно и казалось злоумышленной выдумкой.

Всем знакомо пресыщение – когда наелся и уже не можешь больше притрагиваться к еде, или когда накупался в море и уже рвёшься выйти на берег. Когда путешествовал долгое время и тебе не терпится вернуться домой.

Но самое острое ощущение пресыщения было и есть – это желанной женщиной. Ещё недавно ты считал минуты до встречи с нею, нёсся на свидание, сломя голову, нетерпеливо срывал с неё одежду, ебал её так и сяк три часа или несколько дней, а потом она становится осточертевшей. Особо разительно пресыщение на оргии, где насыщение одной женщиной снимается другой, но всё-таки наступает момент, когда так наёбся, что самая красивая женщина разводит для тебя ноги, а ты – смотришь в чудо пизды, и уже не видишь в ней чуда. Это оскорбительное, удручающее чувство, которое надругивается над желанием и лишает его ореола всемогущества и святости. Надёжную реабилитацию желания дарует лишь время, и чем оно короче до его нового всплеска, тем это возрождение чудесней. Желание, голод возвращаются, ибо пока ты жив, убить их невозможно. Они – самые упорные ваньки-встаньки. В зависимости от темперамента и от возраста время возвращения желания различно, но рано или поздно оно обязательно вернётся, и от пресыщения не останется и следа. Тогда как от желания след всегда остаётся.

Пресыщение тесно связано с усталостью. И пресыщение часто предстаёт в образе усталости. Усталость – это недоумение тела от скорости превращения желания в пресыщение. С возрастом недоумение это не уменьшается, а увеличивается и наступает смерть – пресыщение временем.

Тантра и прочие учебники талдычат: для избежания пресыщения – не удовлетворяй желания, а дли их или борись с ними и старайся их уничтожить. Это было бы верным, если бы желание было одно – удовлетворил и этим бы убил его навсегда. Как у некоторых рыб – оплодотворил икру и помер. Но человеку дано множество оргазмов, а значит и желаний до них добраться. И вот та же религия совместно с невежеством, чтобы предохранить от наслаждения отроков, лгали, что, мол, мужчине отмерено точное количество оргазмов, и, мол, если мастурбацией исчерпаешь это количество, то на баб не останется. Этот бред родители внушали отрокам вместо того, чтобы, увидев, что сын дрочит, привести ему бабу. В прежние времена часто так и делали, а ныне за это сажают: бабу за проституцию и за растление малолетних, а отца посадят и родительских прав лишат.

Нравственный прогресс – налицо, а лучше – нахуй.

В библии встречается фраза «насытившись жизнью»:

> Давид, состарившись и насытившись жизнью, воцарил над Израилем сына своего Соломона

и т. д. Насыщение и есть то, что приводит к пресыщенности, если насыщение продолжать. Но как возможно пресытиться жизнью? – удивлялся я в молодости, в зрелости и продолжаю удивляться сейчас. Оказывается, если верить написанному и если вспомнить о самоубийцах, пресыщение жизнью широко распространено перед наступлением смерти. Но ясно одно – пресыщение жизнью наступает только после (или как результат?) пресыщения еблей, ибо пока сексуальные желания возрождаются, до тех пор жизнь продолжает быть желанной.

Если представить ситуацию, что возникающее желание быстро удовлетворяется и тебя охватывает пресыщение, которое длится долго, и желание не возвращается, то это длящееся пресыщение является одной из причин ненависти к женщинам. Тем более, если желание удовлетворяется не женщиной, а мастурбацией, после которой небо жизни затягивается бесконечными тучами пресыщения, то возникает ненависть не только к женщинам, но и к самому желанию, которое было так легко уничтожено и которое не в силах воспрять долгое время. И тяга к женщинам представляется ничтожной, если от желания можно избавиться так легко и надолго, и сами женщины, вызывающие это желание, становятся воплощением тщеты, обмана и зла.

Эстетика основана на сексуальном желании, и потому пресыщение лишает человека понимания красоты и способности её воспринимать. Пизда, казавшаяся воплощением идеальной красоты, полностью её лишается в период пресыщения.

Но и помимо мастурбации непосредственный контакт с женщиной часто становится разочаровывающим или даже озлобляющим. Такая реакция особо обостряется с женщиной, которая не хотела сразу давать, а которую приходилось соблазнять или брать силой. Мужчина, испытав оргазм, подчас испытывает к женщине ненависть, презрение, омерзение, которые могут быть выражены в таком монологе:

> – И что же ты ломалась, сука? Вот лежишь теперь, раздвинув ноги, и ведь не пытаешься их сжимать. А что было час назад – сколько «невозможностей» на пути к твоим дыркам ты накручивала – и что? Теперь твоя мокрая пизда мне уже безразлична, твой зад полон газов, которые теперь мне противны, и вообще чего ты тут торчишь – убирайся и не мозоль мне глаза, пока я опять не захочу. Как ты смела казаться недоступной, такой

желанной, когда ты теперь для меня – раздражающее и обременительное ничто.

После взятия женщины мужчину охватывает ощущение торжества, когда только что сопротивлявшаяся или ломавшаяся баба радостно разводит ноги и начинает поддавать. А после оргазма наступает неизбежное ощущение из *Тараканища*:

вот и нету великана,
вот и нету таракана,
поделом таракану досталося —
ничего от него (желания) не осталося.

С другой стороны, когда знаешь, что желание скоро вернётся и от пресыщения не останется и следа, то возникают далеко идущие планы – как сохранить и получать доступ в эти дырки, когда снова захочется – надо как-то заинтересовать их, чтобы они вернулись, чтоб раскрылись навстречу, чтобы засочились. Предвкушение будущего желания вызывает в тебе терпимость к нынешнему пресыщению.

Мужчина после оргазма никуда не годен – хуй опадает, желание исчезает, возникает равнодушие, отвращение, сонливость.

Женщина же, напротив, после оргазма становится ещё более готовой для другого хуя: она вся мокрая, она может кончить ещё и ещё и она жаждет ебли. Женщина не знакома с пресыщением в той мере, в какой панибратствует с ним мужчина. Женщина сильна продолжительностью своего желания, мужчина же славен его кратковременностью. Физиология женщины – это совершенство в попрании пресыщения.

Сила желания не в нём самом, а в его способности возрождаться, и чем сильнее эта способность, тем сильней само желание.

Пресыщение – один из симптомов старости. Старость нередко встречается и в молодые годы, если желания слабы.

Я теперь скупее [а если без вранья, то – слабее]
стал в желаньях… —

признавался Есенин. Похотливые же старики – юны. В народе это давно известно.

Ебёт, как пишет, а сам чуть дышит.

Ебёт, как город берёт, а слез – как лысый бес.[90]

Пресыщение имеет разные меры: кто достигает пресыщения от одного оргазма в месяц с одной женщиной, а кто – лишь от десяти оргазмов в один день с десятью женщинами. Потому пресыщение пресыщению рознь. Краткое пресыщение – доброкачественное, длительное – злокачественное.

Таким образом, вырисовывается цель: время пресыщения стремить к нулю, а время удовлетворения желания – к бесконечности!

* * *

В этом году я досадил специальный сорт малины, который плодоносит дважды в сезон: в июне и в сентябре. Доза малины увеличится, а я старательно накоплю за зиму побольше желания на малину. Но на неё желанием не запастись, так что я буду её продавать в магазин, торгующий свежими фруктами и ягодами. Ведь есть множество голодных на малину, у которых она не растёт под носом в изобилии – вот пусть и порадуются, как я. Так что вот ещё один способ бороться с пресыщением – делиться радостью и исполнять чужие желания за деньги.

Про успех

Я занимался гимнастикой, акробатикой, греблей, фигурным катанием, баскетболом, футболом, лёгкой атлетикой, боксом, вольной борьбой, самбо, дзю-до.

Нигде не достиг успехов, но зато попробовал многое на вкус. Успех меня интересовал вне спорта. И там я его достиг.

notes

Примечания

искусственный мужской половой орган (*англ.*).

2

Дерьмо! (*англ.*)

3

О, Боже! (*англ.*)

4

Интернетовский сайт знакомств, созданный Михаилом Армалинским, где вместо фотографий лиц желающих познакомиться были вывешены фотографии их гениталий.

5

Spencer Tunick (род. 1967) – американский фотохудожник, прославившийся фотографиями десятков, сотен и тысяч обнажённых людей, собранных в самых необычных для этого местах.

6

Обыгрывание выкрика шафера из пьесы В. Маяковского *Клоп*:
– Кто сказал «мать»? Прошу не выражаться при новобрачных!

7

Генитализм – термин, введённый Армалинским для обозначения его сексуальной теории.

8

Это эссе опубликовано в книге Михаила Армалинского *Чтоб знали*! М., Ладомир. 2002.

9

Лучшие вещи в жизни – бесплатны (*англ.*).

10

Александр Романович Беляев (1884–1942) – советский писатель-фантаст.

маркетинг и распространение (*англ.*).

12

Уличный сленг: yep (от yes) – «да», nope (от no) – «нет» (*англ,* искаж.).

13

О ней см. с. 362–368 наст. изд.

14

Paul Newman (1925–2008) – знаменитый актёр американского кино, известный своим долгим браком с актрисой Joanne Woodward.

15

Sara Palin баллотировалась на пост вице-президента США на выборах в 2008 году.

16

См. книгу: Михаил Армалинский. *Что может быть лучше*? М., Ладомир. 2012.

процесс вызывания возбуждения перед совокуплением (*амер.*).

18

См. книгу: Михаил Армалинский. *Чтоб знали*! М., Ладомир. 2002.

19

Поступай по совести (*англ.*).

поступили по совести (*англ.*).

21

Михаил Армалинский. *По обе стороны оргазма*. M.I.P. Company, Minneapolis. 1988.

22

См. книгу: Михаил Армалинский. *Аромат грязного белья.* М., Ладомир. 2013.

23

«Свингеры взбунтовались против гостя, не пожелавшего раздеться» – статья, опубликованная на австралийском сайте: http://www.news.com.au/couriermail/story/0,23739,25140373-952,00.html

разумный замысел (*англ.*).

бесплатная любовь и платная любовь (*англ.*).

26

См. «Книженство» на с. 517 наст. изд.

27

Так называют чрезмерное количество золотых цепей, браслетов, колец и прочих украшений, которые носят некоторые рэпперы и прочие представители богемы (*англ.*).

28

См. эссе Михаила Армалинского «Идеальное изнасилование» в книге: *Что может быть лучше*? М., Ладомир.2012.

29

См. с. 449–458 наст. изд.

30

I… Touch… I Smell, I Lick… I Fuck – я трогаю, я нюхаю, я лижу, я ебу (*англ.*).

31

Начальные строки стихотворения Михаила Армалинского из его сборника *По обе стороны оргазма.* M.I.P. Company, Minneapolis. 1988.

32

«Будешь ли ты по-прежнему любить меня завтра?» (*англ.*) – название популярной американской песни. См. с. 372–373 наст. изд.

33

Из стихотворения И. Бродского «1972 год».

неприкосновенность личной жизни (*англ.*).

35

Мои отношения с Богом (*англ.*).

36

См. эссе «О волосах лобковых» в книге Михаила Армалинского *Что может быть лучше*? М., Ладомир. 2012.

37

– Я привлекательна/гожусь для ебли?..
– Да!!! (*англ.*)

См. с. 121 наст. изд..

39

См. рассказ «Млечный путь женщин» в книге Михаила Армалинского *Что может быть лучше*? М., Ладомир, 2012.

40

Персонажи романа И. Ильфа и Е. Петрова Золотой телёнок.

41

Из книги Михаила Армалинского *По обе стороны оргазма*.

42

См. эссе «Бесчестье для мужчин» в книге Михаила Армалинского *Что может быть лучше*? М., Ладомир. 2012.

43

См. с. 121 наст. изд.

Соитие. Альманах русской эротической литературы / Сост. Михаил Армалинский. M.I.P. Company, Minneapolis. 1989.

первичные блага, ценности (*англ.*).

предельно растянутый анус, двойное проникновение, «воздухонепроницаемость» (*англ.*). О последнем см. эссе «Воздухонепроницаемые» в книге: Михаил Армалинский. *Аромат грязного белья*. М., Ладомир. 2013.

общепринятое направление порнографии (*англ.*).

наркотик, используемый для изнасилования на свидании (*англ.*).

пульт дистанционного управления (*англ.*).

50

Определённый вид группового совокупления, когда одна женщина принимает в себя несколько мужчин (*англ.*).

прерывание совокупления с целью не допустить зачатия (*лат.*).

…you too – …и тебя тоже (*англ.*).

53

Первое свидание для ебли при заочном знакомстве (*англ.*).

смазочный крем.

55

См. эссе «Жизнию жизнь поправ» в книге: Михаил Армалинский. *Аромат грязного белья*. М., Ладомир. 2013.

56

См. в книге Михаила Армалинского *Чтоб знали*! М., Ладомир. 2002.

См. соответственно «Пожизненное счастье» (о Хью Хефнере), «Человек, который из свободы сделал женщину» (о Лари Флинте), «Непонятый порнограф» (об Але Гольдштейне) в книге: Михаил Армалинский. Аромат грязного белья. М., Ладомир. 2013.

58

См. в книге: Михаил Армалинский. *Что может быть лучше*? М., Ладомир. 2012.

59

См. *General Erotic*. 2004. № 119. «Наука и техника виртуального секса».

Русская литература лучше, чем секс (*англ.*).

61

О нём см. эссе «Жирный железный мужчина» в книге: Михаил Армалинский. *Аромат грязного белья*. М., Ладомир. 2013.

62

См. соответственно эссе «Воздухонепроницаемые» (о Дженне Джеймсон) и «Человек, который из свободы сделал женщину» (о Лари Флинте) там же.

63

О нём см. эссе «Вильгельм Райх – чудной психоаналитик с “красной нитью”»в книге: Михаил Армалинский. Аромат грязного белья. М., Ладомир. 2013.

loft (*англ.*) – чердак многоэтажного здания, переделанный под жилую квартиру с единым пространством без внутренних переборок.

круглые сутки (*англ.*).

См. с. 341–343 наст. изд.

67

См. эссе «О волосах лобковых» в книге: Михаил Армалинский. *Что может быть лучше*? М., Ладомир. 2012.

См. эссе «Секс в поэзии Бродского» в книге: Михаил Армалинский. *Что может быть лучше*? М., Ладомир. 2012.

69

Американский боксёр-профессионал, установивший много мировых рекордов и прославившийся своим экстравагантным поведением.

См. эссе «Идеальное изнасилование» в книге: Михаил Армалинский. *Что может быть лучше*? М., Ладомир. 2012.

71

Я тебя буду ебать, пока ты меня не возненавидишь! (*англ.*)

сразу и полностью [а не постепенно] (*англ.*).

«живой» концерт (*англ.*)

с невставленным штепселем в розетку (*англ,* дословно). Это выражение возникло, когда знаменитые певцы, доселе певшие в сопровождении электроинструментов, решили время от времени петь с акустической гитарой и другими акустическими инструментами, чтобы показать, что их собственное исполнение вполне хорошо и без поддержки электроприборов.

75

Иди к незнакомцам (*англ.*)

…in the night – в ночи (*англ.*).

77

Сергей Есенин.

78

«Любовь – это проигрышная игра»… Жизнь – это проигрышная игра (*англ.*).

эстрадный артист (*англ.*)

Сокр. от «ЛИТературное Объединение».

81

Со стихотворением можно ознакомиться на: http://www.stihi-rus.ru/1/ Lermontov/ 122.htm

«Живой журнал».

83

См. эссе «Достоевский у Тихона, Армалинский у Матрёши» в книге: Михаил Армалинский. *Что может быть лучше*? М., Ладомир. 2012.

84

Летающий цирк Огромного Питона (*англ.*) – знаменитый британский сериал, состоящий из скетчей абсурдного и чёрного юмора, шедший на BBC с 1969 по 1974 год.

85

Клише, используемое, чтобы сказать мягко «не хочу» (*англ.*).

Что? Что? (*англ.*)

Торжествующе-подтверждающее выражение:
– Будет тебе любовное свидание! (*англ.*)

88

Вечный хлеб – фантастический роман Александра Беляева.

личной жизни (*англ.*).

90

Из книги под редакцией Михаила Армалинского *Русские бесстыжие пословицы и поговорки*. M.I.P. Company, Minneapolis. 1995.